СЕМЕН БУКЧИН

БЕЛОРУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

1986 – 1999

СТРАНА И НАРОД В ЗЕРКАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ

Warszawa 2000

ISBN 83-913369-0-5

Книга, построенная на материалах из белорусской и российской прессы, публиковавшихся на протяжении 1986 – 1999 гг., знакомит читателя с общественными и социальными процессами, протекавшими в Беларуси со времени „перестройки" до заключения договора о создании Союза Беларуси и России.

The book is based on materials from belarussian and russian newspapers, published between 1986–1999. Its aim is to familiarize a reader with social processes in Belarus between „pierie-stroika" and the act of sign a Union treaty between Belarus and Russia.

Książka napisana na podstawie materiałów z prasy białoruskiej i rosyjskiej, publikowanych w latach 1986–1999, ma za zadanie zaznajomienie czytelnika z socjalnymi i społecznymi procesami zachodzącymi na Białorusi w czasie od „przebudowy" do podpisania umowy o stworzeniu Związku Białorusi i Rosji.

Okładkę projektował: Jacek Brzozowski

Skład i łamanie: Pracownia Poligraficzna „Format". Warszawa, ul.Tamka 4/12.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ ЭТОЙ КНИГИ

„И не только все плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером. Вспомните его власть в Германии. Немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло высшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента. Я подчеркиваю, что не может быть в каком-то человеке все черное или белое. Есть и положительное. Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера. Сегодня мы переживаем такой же период времени, когда нужна консолидация вокруг одного или группы людей, чтобы выжить, выстоять и подняться на ноги".

Кому принадлежат эти слова? Кто это так открыто сегодня хвалит Гитлера и призывает воспользоваться его опытом? Может быть, какой-то маргинальный деятель, преданный поклонник фюрера? Увы, здесь ранг повыше. В своем уважении к Гитлеру признается президент Республики Беларусь Александр Лукашенко. Первый президент независимой и суверенной Беларуси. Всенародно избранный, как любят иной раз подчеркивать и его сторонники и – не без иронии – его оппоненты.

Произошло это в конце ноября 1995 г. На четвертом году независимости Беларуси и спустя всего полтора года после избрания Лукашенко на президентский пост. Корреспондент серьезной германской газеты „Handelsblatt" Маркус Цинер во время интервью с белорусским президентом спросил, на какие исторические фигуры он предпочитает ориентироваться. И вот такой получил ответ. Более того, президент Беларуси подчеркнул в том же интервью, что, по его мнению, *„немецкий порядок"*, достигший при Гитлере "*высшей точки*", — *„это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента"*.

Сотни тысяч граждан Беларуси могли слышать эти славословия своего президента в адрес Гитлера, поскольку беседа полностью была

передана по Белорусскому радио 23 ноября 1995 г. Особый цинизм ситуации заключался в том, что похвала Гитлеру звучала из уст руководителя страны, буквально залитой кровью в годы второй мировой войны, потерявшей тогда четверть населения.

И какова же была реакция граждан на эти откровения своего президента? А никакой не было реакции. Появилось несколько возмущенных статей в независимых белорусских газетах. Резко отреагировали некоторые деятели оппозиции. Но даже признаков широкого народного возмущения не было.

Можно ли представить себе подобное во Франции, Чехии, Польше? Любой другой европейской стране... Уже вечером того же дня, когда состоялось подобное интервью, у президентского дворца бушевали бы тысячи возмущенных граждан. На следующий день срочно собрался бы парламент, и президент вынужден был бы в результате мощного общественного протеста покинуть свой пост.

В Беларуси было тихо, никаких толп перед президентским дворцом, никакого запроса в парламенте. Почему?

Ответ на этот вопрос является ключом ко многим существеннейшим белорусским проблемам.

Почему у вас все так? Почему в Беларуси установился авторитарный режим? Почему народ смирился с собственным бесправием и полной нищетой? Эти вопросы мне задавали в Германии и Швейцарии, в Польше и даже в Сербии...

Разумеется, ответ не может быть однозначным. Причин десятки. Чаще всего называют неразвитое национальное сознание белорусов, чрезмерную большевизированность-коммунизированность белорусского общества, хотя, конечно же, дело не только в этом.

Поиски ответа на эти вопросы заставляют по-новому, в условиях уже постсоветской действительности, взглянуть на реальное сближение коммунизма и фашизма, на особенности формирования того мутанта, который принято именовать коммунофашизмом. В белорусской действительности это явление, с помощью официальной пропаганды, приобрело особую – „славянскую" – окраску.

Вместе с тем реальная белорусская ситуация отличается рядом особенностей, заставляющих многих публицистов и аналитиков искать более точную терминологию для определения подлинной сути режима. О „недодиктатуре", имея в виду отсутствие пока массовых репрессий и относительную терпимость по отношению к трем-четырем независимым газетам, говорит белорусский публицист Вадим Казначеев. О „лукашизме", как „симбиозе коммунизма, фашизма, шовинизма и махрового латиноамериканского популизма", пишет видный оппозиционер Анатолий Лебедько. „Демократурой" называет нынешний

режим в Беларуси редактор „Gazety Wyborczej" Адам Михник, отмечающий формальное наличие демократических институтов при реальном их отсутствии.

И все-таки: как же мы дошли до жизни такой, чтобы в „тихой", „толерантной", как теперь любят говорить, Беларуси, этой всемирно известной жертве последней мировой войны, с самых что ни на есть государственных высот прозвучал этот призыв по сути равняться на Гитлера? Как дошли мы, наконец, до того, что у нас, как в Латинской Америке, стали исчезать видные деятели оппозиции? Как дожили мы до избиений людей во время демонстраций, до диких судебных преследований наших граждан только за то, что они придерживаются критического отношения к режиму и выражают его публично?

В одной из статей известный деятель Белорусского Народного Фронта Юрий Хадыка выразился о Лукашенко в том смысле, что, мол, Беларусью правит „случайный человек". Увы, это достаточно распространенное мнение, проистекающее прежде всего из того, что обидно для истинно патриотического, гражданского чувства иметь „такого президента". Но „случаен" ли Лукашенко?

Попытка ответить на этот – главнейший – вопрос составляет основу этой книги. Она задумывалась поначалу как цикл собственных публицистических эссе с широким использованием газетного архива, который образовался у меня почти за пятнадцать лет, начиная со времен горбачевской „перестройки". Но когда я стал использовать газетные вырезки, цитировать статьи не только белорусских, но и российских и других публицистов, общественных деятелей, политиков, пришла идея другой формы книги – компилятивной, монтажной, где основным материалом выступают именно отрывки, выдержки, цитаты, более или менее обширные, из различных публикаций в периодике. В цифровом выражении это более трехсот авторов и семидесяти источников – газет и журналов, в основном белорусских и российских. Приводя различные мнения и высказывания, я посчитал нужным в некоторых случаях снабдить их комментариями (они даются курсивом).

Мне показалось, что такая форма книги – своего рода публицистической симфонии, где звучат сотни разных голосов, может оказаться более убедительной, нежели монолог. Голоса и в самом деле здесь звучат разные. Но, в основном, это публицистика демократического лагеря. Это – при всей их разности – мысли, оценки, суждения, анализ людей чаще всего неравнодушных к судьбе Беларуси. Впрочем, будучи количественно преобладающими, они здесь далеко не единственные. Представлены в книге и явно антибелорусские взгляды и позиции.

Книга построена в хронологическом порядке, своего рода тематическими „узлами", характерными для каждого периода, –

„язык", „символика", „менталитет нации", „история Беларуси"... Вместе с тем она содержит и отклики на конкретные события – провозглашение суверенитета, лукашенковские референдумы 1995 и 1996 гг., оппозиционные президентские выборы в мае 1999 г., белорусско-российский союз...

Подлинный сколок времени, газетные статьи несут в себе его живое дыхание. Монтаж отрывков из них, равно как и других используемых здесь документов, позволяет увидеть сложную мозаику процессов, протекающих в Беларуси. Составитель достаточно широко цитирует (а в ряде случаев и целиком воспроизводит) собственные статьи, интервью, поскольку также чувствует себя далеко не сторонним участником событий. Такова своеобразная специфика этой книги, в которой принцип антологичности сочетается с активным авторским участием составителя. Разумеется, кому-то подбор материалов покажется субъективным. Что ж, я использовал собственную коллекцию вырезок. Наверняка, что-то упустил, что-то оказалось за пределами моих возможностей.

Да, эта книга достаточна субъективна. Поскольку, как ни старайся объективно монтировать материалы, а позиция твоя, выраженная и в статьях и в комментариях, все равно выдаст тебя. Впрочем, я еще сам не знаю, что получится... И потому приступаю не без сомнений, но с надеждой, что не только читателю, но и мне самому многое станет яснее...

Семен Букчин

25 октября 1998 г.
Варшава

1986 – 1991

ПОЛЕМИКА О ЯЗЫКЕ КАК НАЧАЛО БЕЛОРУССКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

В середине 80-х еще ни о чем таком – суверенность, независимость – даже не мечталось. Хотелось, конечно, чтобы материально жилось получше, чтобы больше было справедливости, чтобы выборы, например, были выборами, а не голосованием за тех, кого назначат в партийных комитетах... Национальная же интеллигенция, как и положено ей по статусу, болела за судьбу белорусского языка – униженного и вымирающего. О языке на фоне начавшей расцветать гласности уже можно было...

Впрочем, полемике о белорусском языке предшествовал эпизод, ставший как бы знаковым по отношению ко всему национальному в нашей республике. 20 апреля 1986 г. девочки и мальчики из минской художественной школы-интерната имени И. О. Ахремчика отправились на Троицкое предместье, на берег Свислочи, чтобы принять участие в празднике „Гуканне вясны".

РАСТЕРЗАНИЕ ЖАВОРОНКА

Андрей Скитев: „Около одиннадцати часов приехали наши ребята. Мы пошли к реке, где должен был происходить древний обряд. Нас собралось человек тридцать, в основном девочки.

Мы начали петь белорусские обрядовые песни, водить хороводы... Тут я заметил, что на склоне у реки выстроились незнакомые парни (человек семьдесят). Это были явно не любители искусства...

Мы водили хоровод. В центре стоял Минко Виктор с бумажной птицей в руках. В середину хоровода пробился незнакомый парень и сорвал с Виктора ленточку с белорусским орнаментом, потом вырвал из его рук птицу. Подбежали еще несколько парней. Виктора толкнули в толпу и там сразу начали бить.

Одновременно остальные парни начали сдирать у всех с голов ленточки, топтать ногами национальный орнамент... Многие из нападавших были пьяны, матерились.

Потом все наши пошли наверх, а я остался. Видел, как рвали нашу бумажную птицу – символ весны".

Наташа Белоокая: „Мы спросили у них, что это значит, почему нас бьют, особенно мальчишек. Они говорили, что пришли из Афганистана, их собрали специально в горкоме комсомола для борьбы с фашистами, которые в этот день должны были отмечать день рождения Гитлера. Им сказали, что вначале молодежь будет петь белорусские песни, а потом кричать лозунги...

Мы стали объяснять, что мы не фашисты, а из художественной школы, что мы сюда приглашены. Это мы говорили на белорусском языке. „Говорите на русском, по-человечески давайте! — кричали они. – Еще одно слово на белорусском – и по реке поплывете!"

Алексей Марочкин, Микола Купава, члены Союза художников: „На наш взгляд, в Троицком предместье имел место организованный шовинистический погром. Он произошел в присутствии сотен людей. Поразительно, что милиция не помешала избиению школьников. Ни один из хулиганов не был задержан.

После случившегося партийные и комсомольские работники начали распространять клеветническую информацию. Будто в Троицком предместье было выступление фашистов, панков, пацифистов, которых разогнал комсомольский отряд...

На партийном собрании в Союзе художников заведующая отделом пропаганды и агитации Минского горкома КПБ Юферова (сейчас работает в Москве в редакции газеты „Известия") грубо воздействовала на присутствующих, добивалась наказания организаторов праздника. Нас она называла „людьми с нетвердыми идейными убеждениями", „подстрекателями".

Из Прокуратуры БССР: „Установлено, что, пользуясь бесконтрольностью со стороны устроителей выставки и руководства школы, группа учащихся самостоятельно вышла на набережную реки Свислочь и начала водить хороводы, исполнять старинные белорусские песни о весне. В это время туда по собственной инициативе подошли бывшие воины ограниченного контингента советских войск в Афганистане для охраны общественного порядка. Увидев в руках учащихся деревянный крест и изготовленный из грязного ватмана макет птицы и полагая, что молодежь отмечает день рождения Гитлера, они потребовали убрать указанную символику. Получив отказ, бывшие военнослужащие отняли крест и макет птицы, при этом во время потасовки некоторым учащимся были причинены ушибы".

* * *

О растерзании белорусского жаворонка страна так и не узнала. Государственные газеты скрыли, а негосударственных тогда не существовало...

Я знаю, как сложились их судьбы... Под воздействием жизненных тягот почти все совершили насилие над собой и ушли из искусства. Уход из искусства, которым они жили с детства, означает для них уход от себя. Их жизнь наполнена разочарованием и печалью. Ранняя ответственность сменилась ранней апатией.

Они навсегда запомнили, как растерзали их жаворонка, и больше не выходят на площади и улицы Беларуси звать весну, справедливую власть, заботливых начальников, счастливую жизнь. Беларусь плачет и не понимает".

Анатолий Козлович.
„Свободные новости", 9–16.IV.1999.

„ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ..."

„Согласно неофициальным правилам, освобождаются от изучения белорусского языка ученики – дети военнослужащих, по состоянию здоровья, а также небелорусы, представители других народов СССР. Но как тогда объяснить тот факт, когда из сорока двух здоровых учеников четвертого класса, из которых 30 белорусов и 12 русских, белорусский язык изучают 8... русских и только 3 белоруса? Курьез? К сожалению, не единственный. Чего стоит, к примеру, практика освобождения вообще без приведенных выше оснований, просто по заявлению, иногда явно легкомысленному, того или другого родителя, — потому что они чересчур настойчивые, а администрация школы официальными полномочиями, способными сдержать эту бессовестную тенденцию, не наделена?

Что это? Недосмотр? Нет, все по инструкции. В двадцатой статье четвертого раздела „Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании", утвержденных Верховным Советом СССР 19 июля 1973 года, читаем: „Кроме языка, на котором ведется преподавание, ученики по желанию могут изучать язык другого народа СССР". В Витебске около 40 школ, и все они с русским языком обучения. А это значит, что из 40 тысяч школьников города по желанию могут... не изучать родной язык абсолютно все. Издержки низкого национального самосознания? Сила инерции? Только ли?!"

Ф. Сивко, учитель.
„Літаратура і мастацтва", 19.IX.1986.

ЗАКОН И ВОКРУГ ЗАКОНА

„В Минске более ста тысяч учеников. Из них более 90 мальчиков и девочек обучаются на родном языке, остальные приобретают знания по-русски, тысячи же вообще освобождены от изучения белорусского языка. К сожалению, у нас не ведется статистический учет – сколько детей освобождено от белорусских уроков по всем городам Беларуси...

Но самое печальное, что освобождают своих детей от белорусского языка и школьные учителя и преподаватели вузов. Только во Фрунзенском районе Минска „освободили" своих дочерей и сыновей от предмета „белорусский язык" около 500 учителей. А в целом по городу число таких „освободителей" уже превысило 1000. Среди них многие преподаватели Белорусского государственного университета и Института культуры, и что уже вовсе неожиданно – гуманитарии, люди, защищающие диссертации, пишущие труды по белорусской культуре, просвещению, истории. И уже не иначе как нонсенс можно воспринять тот факт, что в когорте „освободителей" оказались работники министерства просвещения, инспекторы гороно и роно, методисты по белорусскому языку. Последний факт тем более настораживает, что эти люди будут, пожалуй, первыми защитниками „освобождения", может быть, даже и лучшими его пропагандистами, и будут ссылаться, чтобы сохранить хорошую мину, на общее настроение широких родительских кругов. Но кто-то же им позволяет такой шаг, кому-то же такие настроения импонируют, хотя и очевидно, что освобождение учителем своего дитяти от белорусского языка – это уже открытый вызов просвещению, явное презрение к своему языку и культуре".

Константин Тарасов.
„Літаратура і мастацтва", 19.IX.1986.

И пошли широким потоком в редакцию газеты „Літаратура і мастацтва" и в другие периодические издания письма и статьи людей, возмущенных положением белорусского языка в школах. Специалисты еще ссылаются на Ленина и документы КПСС. А главные враги белорусского языка, по их мнению, – это бюрократия и мещанство.

ВОПРОСЫ ЖДУТ РАЗРЕШЕНИЯ

„Думается, что если бы рекомендации того ленинского съезда (*десятого съезда ВКП(б). – С.Б.*) проводились должным образом в жизнь, никому бы из родителей не пришла бы сегодня в голову мысль

освобождать своего ребенка от изучения родного языка. Тогда бы и мещанин задумался над тем, что не хлебом единым жив человек...

Иван Мележ писал: „Мещанство породило у нас национальный нигилизм, самое отвратительное равнодушие, издевательскую по отношению к самой себе никчемность. От того, что у нас так много мещан, так мало у нас людей, которые понимают настоящую цену красоты нашей культуры (языка, фольклора, литературы). Поэтому они так легко вытаптываются, уничтожаются".

... Средние школы с белорусским языком обучения исчезают на глазах: выпускники пединститутов, которые должны преподавать ■ школе математику, физику, химию, биологию, историю, обществоведение, не могут делать это по-белорусски, потому что ■ Минском пединституте и других областных институтах им все преподают по-русски. Они элементарно не владеют терминологией своего предмета. Куда же в этом случае смотрит Министерство народного просвещения БССР?"

П. Садовский, доцент кафедры
белорусского языка Минского
государственного педагогического
института имени А. М. Горького,
кандидат филологического наук.
„Літаратура і мастацтва", 31.X.1986.

„ЗАКОН И ВОКРУГ ЗАКОНА"

„В результате проводимой работы количество учеников, которые не изучают белорусский язык, в последние годы уменьшилось. Среди учеников, которые освобождены от изучения белорусского языка, преобладают дети военнослужащих и прибывающие из других союзных республик ученики старших классов, которые не изучали язык ■ предыдущих классах. Так, по состоянию на 20 сентября 1986—1987 учебного года белорусский язык изучают 91,5 процента учеников общеобразовательных школ г.Минска.

...Согласно с новыми учебными планами школ с белорусским и русским языками обучения увеличено учебное время, предназначенное на изучение белорусского языка в V–VI классах, белорусской литературы – в VI классе.

С 1 сентября 1986 г. в ряде школ открыты классы с углубленным изучением белорусской литературы..."

„Літаратура і мастацтва", 14.XI.1986.

„С целью улучшения подготовки учителей белорусского языка и литературы предусмотрено обеспечить переход белорусских отделений филологических факультетов педагогических институтов на преподавание предметов учебного плана на белорусском языке.

Вместе с тем коллегия отметила односторонний подход авторов статей к проблеме соотношения изучения в школах родного языка и русского как языка межнационального общения между народами СССР. В статьях безосновательно утверждается мысль о переводе в республике школ с белорусским языком обучения на русский. Сокращение школ с белорусским языком обучения является результатом значительного сокращения общего числа школ в сельской местности. Ошибочно приводится число учеников, которые не изучают белорусский язык. В 1986–1987 учебном году белорусский язык не изучают только 3 процента учеников школ с русским языком обучения. Белорусскую литературу изучают все ученики".

Л. Сухнат, министр просвещения БССР.
„Літаратура і мастацтва", 13.III.1987.

МИНИСТЕРСТВО ПРИСЛАЛО ОТВЕТ...

„Но все же мы ждали, что в ответе нашего главного ведомства по просвещению прозвучит хотя бы попытка понять о чем идет речь, что беспокоит людей, заинтересованно и критически посмотреть на положение дел, как этого требуют наша общественная жизнь, документы XXVII съезда КПСС, с трибуны которого говорилось о необходимости более реалистического и глубокого подхода к разрешению назревших задач ■ разных сферах жизни.

К сожалению, такого подхода ответ министерства, подписанный заместителем министра тов.М.М.Круглеем, не засвидетельствовал... В наличии не дух, а буква дела, стремление представить положение в розовом свете, загипнотизировать, успокоить общественное мнение".

Константин Тарасов.
„Літаратура і мастацтва", 19.XII.1986.

НА ВЫСОТЕ СОВЕСТИ

„Радуют наметившиеся перемены в жизни общества, которых люди ждали и ждут, то, что начинаем, наконец, всерьез браться за бюрократов. Во всех газетах острые статьи на эту тему. А беспокоит все тот же бюрократизм, потому что, на мой взгляд, именно он стал одним из самых

трудноодолимых препятствий для развития нашего общества. Это очень живучее явление. Замечательно, что сейчас мы можем говорить о нем в полный голос и называть вещи своими именами, ибо без гласности нам еще долго не избавиться от этой застарелой болезни".

Василь Быков.
„Литературная газета", 14.V.1986.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

„Невнимание к языку народа, среди которого живешь, вызывает вполне оправданный протест. Те, кто считает, что добровольность ■ выборе языка снимает с них или их детей обязанность проявлять уважение к местному языку, традициям, ' культуре народа, конечно, ошибаются... А иные авторы (например, в Эстонии) допускают противопоставление родного языка языку межнационального общения... Национально-русское двуязычие – главное направление языкового развития в СССР".

Э. Баграмов.
доктор философских наук, профессор.
„Правда", 14.V.1987.

ПОСМОТРИМ С ПОЗИЦИЙ ПРАВДЫ

„Уже и русские историки высказывают заслуживающую внимания мысль о том, что в период Киевской Руси древнерусской народности не существовало. А ряд белорусских все еще повторяет старомодную версию, от которой веет научными штампами. Да еще стремятся доказывать: „Мол, был „общий язык". Но откуда известно, что он был?.. Понятно, все восточнославянские племена говорили на близких языках. Но как они могли заговорить на общем, когда не было ни печати, ни школ?.. Думается, сам термин „древнерусский" устарел. Получается, что у русских была древность, а у белорусов и украинцев не было".

Иван Ласков.
„Літаратура і мастацтва",10.II.1989.

СЛАВЯНЕ. ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

„Доходит до того, что сейчас в научной литературе, да и у широкой общественности набрало силу мнение, что якобы неудобно называть нашу начальную письменность и ее язык русскими, поскольку это

общее наследие языка и культуры не одних русских, но и украинцев и белорусов. Вот пример, когда из верной посылки делаются неверные выводы. Ведь Русь X–XI веков никак иначе себя сама не называла, а только Русью, Русской землей. Начать называть этот ранний период языка и литературы древневосточнославянскими значило бы фактически переименовать его.

Украинские и белорусские товарищи не должны беспокоиться за прошлое своих языков и письменных традиций: оно у них было и остается общим с русскими. Ясно одно: живущая с древности традиция названий „Русь", „русский", „Русская земля" не должна легковесно отменяться или заменяться, ибо подобные замены порой рискуют обернуться злоупотреблением.

...Давно пора считаться с тем фактом, что у нас в стране возник и функционирует языковой союз. Специфика такого явления, как языковой союз, раскрытого наукой XX века, заключается, как правило, в наличии группы контактирующих языков при ведущей роли одного культурно наиболее влиятельного языка региона... Между тем в наших филологических кругах при обсуждениях упорно требуют говорить о паритетности взаимовлияний не только русского на национальные, но и наоборот. Но вдумайтесь, сопоставимые ли это вещи – влияние русского языка на чукотский и – обратно – чукотского на весь русский и т.д. и т.п. Равенство наций и языков неоспоримо, но формально паритетная трактовка реальных межъязыковых и межнациональных отношений оборачивается очередным злоупотреблением справедливыми лозунгами".

О. Трубачев.
член-корреспондент АН СССР.
„Правда", 28.III.1987.

ЯЗЫК – ДУША НАРОДА

„Проблема национальных языков в том виде, в каком она предстала сегодня, вовсе не лингвистическая проблема, как это иным кажется, а гуманистическая и уж наверняка насущнейшая для нашей демократизации. Если бы не было того, что мы пережили в сталинское и „застойное" время и наша культура развивалась в нормальных демократических условиях, не встала бы и эта во многих отношениях неожиданная проблема. Нации бы сумели безболезненно, естественным путем разрешить ее в процессе демократического саморазвития. Увы, естественного развития не было, и мы уперлись в нее, словно в бетонную стену...

В двадцатых и частично в тридцатых годах в Белоруссии, кроме белорусских, существовали также русско-польско-еврейскоязычные школы, которые со временем упразднили якобы для укрепления белорусских школ. Но такая нетерпимость к иноязычным школам обернулась в результате ликвидацией и белорусских школ...

Я бы отмел зачастую вздорные обвинения в национализме людей, выступающих против языковой дискриминации. В большинстве своем это честная молодежь, а также глубоко чувствующие интеллигенты, озабоченные тем, что, может быть, еще не для всех стало самоочевидностью. Их явная, а во многих случаях и кажущаяся нетерпеливость в этом вопросе – это, безусловно, реакция (пусть не всегда адекватная и оправданная) на те проявления несправедливости, которые в течение десятилетий формировали языковую проблему. В Минске я знаю случаи, когда в защиту исчезающего национального языка встали молодежные, так называемые неформальные объединения ("Тутэйшыя", „Талака", „Паходня" и некоторые другие), сразу же получившие отпор со стороны части руководства, немало повинного в том положении, которое создалось".

Василь Быков.
„Известия", 8.X.1988.

ПРОСТО ВАМ ЭТО НЕ БОЛИТ, ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

(Реплика по поводу одной мысли В. С. Розова)

„Когда на пленуме Союза писателей, — говорит в своем интервью В.Розов, — я слушал призывы писателей из Белоруссии, Украины бороться за сохранение национального языка, у меня было ощущение... что они выступают, увы, не только за сохранение родного языка, но и потому, что их книги, написанные на родном языке, мало покупают. Русскоязычные издания вытеснили их произведения из поля зрения читателей. Вот такую материалистическую пружину усмотрел я в их выступлениях".

... Повторяю – и для вас тоже, Виктор Сергеевич, — еще раз: речь идет о судьбе целой нации, о спасении языка и культуры одного из больших славянских народов... Чтобы эти мои слова не показались кому-либо умышленной драматизацией реального положения, приведу хотя бы самые главные факты: ни одно государственное учреждение в республике не работает на белорусском языке, нигде, кроме как в СП БССР, вы не получите справку или иной документ на этом языке, ни в одном городе и городском поселке нет ни одной белорусской школы, да и те сельские школы, которые называются белорусскими, далеко не

все таковыми являются ■ действительности, о высшей школе и говорить нечего – там, за исключением филфаков, белорусского слова вообще не услышишь.

... Особенно интенсивное вытеснение белорусского языка из жизни началось в конце 50-х – начале 60-х годов, когда было объявлено о вот-вот грядущем коммунизме и был взят соответственно курс на полное слияние языков, культур, наций. Именно тогда тысячи белорусских школ в республике были превращены в русские. К чему это привело? К тому, что за четверть века выросли и вступили в жизнь миллионы белорусов, или совсем не знающих, или плохо знающих свой родной язык".

Нил Гилевич.

„Книжное обозрение", 7.X.1988.

О РУССКОМ ЕДИНСТВЕ

„В „Новом русском слове", американской газете на русском языке, антисоветской по штату и русофобской по призванию, была помещена короткая заметка о выступлении участников пленума Союза писателей СССР. Автор заметки не без злорадства потешается над „ленинско-сталинской национальной политикой", которой, по его мнению, нет, а есть русификация. Отчет об этом заседании был опубликован в „Литературной газете".

Первым выступил белорусский писатель Нил Гилевич: „Сколько юных моих соплеменников входят в сознательную жизнь национально несознательными, не зная своего родного языка, не интересуясь национальной художественной литературой, культурой, историей своего народа". Ни в Минске, ни в областных центрах, ни в других городах и поселках нет ни одной белорусской школы, сказал он...

Примерно такая же картина и на Украине...

А не может ли быть, что юные соплеменники маститых земляков-писателей лучше разобрались в национальном вопросе и поняли, что, заставляя их учиться на белорусском или украинском языке, их попросту обворовывают: вместо чувства национальной принадлежности к великой общерусской культуре, которая, по словам одного европейца, есть одно из трех чудес света, его „причащают" к провинциальности; вместо того, чтобы чувствовать себя русским его принуждают быть украинцем или белорусом.

... Со времени вокняжения Олега в Киеве (882 г.) и до татарского разгрома Руси (1237—1240 гг.) не было никакого деления русского народа. Племенные особенности исчезали, и потому Олег приказал

всем именоваться „русскыми". В течение 355 лет народ жил единой жизнью и только исторические невзгоды разделили его. Левобережная Украина и Киев находились ■ руках татар, Литвы, поляков 400 лет; правобережная Украина и Белоруссия были отделены от Руси-России до разделов Польши в царствование Екатерины – что-то около 540 лет; Галичина, Буковина и Закарпатская Русь воссоединились с остальным телом России только в 1939—1945 гг., т.е. после 700 лет обособленной жизни.

Обособленная жизнь в течение столетий не могла не привести к изменениям в языке и в традициях, но с воссоединением ■ одном государстве надо всячески поддерживать идею сходства и единства, а не обособления и различия, ибо, несмотря на все накопившиеся за века различия – это один народ. Даже после 700 лет отдельной от России жизни Закарпатье называло свой край Русью, а себя русинами. Все, что способствует укреплению этого единства, то государственно и потому народно. Как прекрасно сказал об этом Иван Киреевский: „Государство, по сущности своей, есть в то же время и народ".

У одного народа должно быть одно государство. „Дед—дид—дзед" – это чертовски малая причина для основания отдельного государства и сочинения новой нации! И раскол такого единства есть предательство интересов народа.

В 1917—1920 годах была совершена историческая несправедливость и, скажу больше того, преступление: славянское ядро было расколото на три части и сочинены украинская и белорусская нации... Нормальных русских людей насильно превращали ■ особую нацию. Это нисколько не ошибка: искусственно созданный язык имел своей целью отдалить, а затем и отделить украинцев от России и Белоруссии. Бедный неразвитый язык стали „обогащать" словами, взятыми из польского, немецкого, латыни, но никогда из общелитературного русского языка. Неужели забыто, что ученые киевские монахи в середине XVII века были теми, кто формировал русский язык, каким мы пользуемся сегодня? С таким же успехом, как и украинский, можно было бы создать псковский или пензенский язык...

Грузину или армянину не нужно, простите, выкобениваться и доказывать свою национальность – ни себе, ни другим. Но украинцам и белорусам, если они считают себя за особые национальности, просто необходимо занять враждебные позиции по отношению к великороссам, иначе их никто не будет считать за отдельный народ... Будем откровенны: развитие национального сознания у этих двух народностей не имеет другого смысла, как их отдаление от великороссов перед их окончательным государственным обособлением, т.е. выходом из Союза. Подумать только: чтобы поехать в мать городов русских

нужно будет иметь заграничный паспорт с визой консула „незалежной Украины"!

... „Слово „народ", — писал Дизраэли, — есть полнейшая чепуха. Это не политический термин. Народ принадлежит естественной истории. Народ есть вид, но нация – цивилизованная общность. Нация творится постепенно под влиянием многих причин. Эти причины создают нацию, т.е. национальный характер и вырабатывают на протяжении столетий ее цивилизацию..."

Народ – это природа, нация – это история. Народ есть кровь и плоть, а нация есть дух и сознание.

Угрозы единству России извне нет. История как России, так и Советского Союза явно показала, что наша страна неуязвима для внешних нападений, а в ядерной войне победителей не будет. Национальные окраины едва ли не более верны идее Империи, чем сами русские. Угроза единству России или Советского Союза, что одно и то же, находится ■ самом славянском ядре, которое ныне треснуло на три части.

Сколько бы ни вести пропаганду против „буржуазного национализма", сколько бы ни сажать по тюрьмам „националистов" – все это делу борьбы с ними нисколько не поможет. Не поможет, потому что этот самый национализм, только не буржуазный, это неверно, □ интеллигентский, точнее какой-то незначительной части интеллигенции, поддерживается самим фактом существования отдельной Украины и Белоруссии. Это парники, в которых они выращиваются даже помимо воли и желания разделения единого сознания на три отдельных национальных. И пока эти парники существуют, существует и угроза распада России. Нам нечего обманываться на этот счет... Ни украинский, ни белорусский народы не требовали никогда никакой особой, отдельной от России государственности. Этим всегда занималась интеллигенция, обуянная похотью власти, для которой народ был что глина в руках горшечника. По сути дела, Советская власть сыграла на руку националистам всех мастей".

о. Радогаст.

„Русский голос", 8.X.1987.

Статья о. Радогаста в определенной степени квинтэссенция всех лозунгов и аргументов тех, кто до сих пор не согласился, не сжился с фактом развала Советского Союза. На этой аргументации по сути сформировалось такое идейное образование как „Славянский Собор „Белая Русь". Подспудно она разлита в сознании „широких народных масс" Беларуси, о чем хорошо знает и что с выгодой для себя использует лукашенковский режим.

ДВУЯЗЫЧИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

„Широкое распространение русского языка в первое после освобождения Белоруссии время произошло не вопреки воле белорусов. Здесь решающую роль сыграл экономический фактор, порожденный экстремальными условиями послевоенного состояния Белоруссии. Это не могло не пониматься народом. Причем передача широких функций русскому языку на белорусской земле не расценивалась так, что с ликвидацией тяжелейших последствий войны и фашистской оккупации нельзя будет вернуться к установлению оптимальных границ функционирования двух близкородственных языков...”

Л. Лыч, старший научный сотрудник
Института истории АН БССР.
„За передовую науку”, 17.VI.1988.

ХЛЕБ И ДОСТОИНСТВО

„Впервые за столько лет в республике появился председатель Совмина – специалист и реформатор (*это о В.Кебиче. – С.Б.*). И сейчас народ смотрит на него с великой, может, последней надеждой... Но не следует успокаиваться – в сущности, ничего еще не достигнуто. Необходимо понять, что долгожданный акт придания белорусскому языку статуса государственного – не более чем очередной бюрократический маневр, национальный обман. При сегодняшних, далеких от демократии позициях нашего руководства проблема национального языка по-прежнему остается нерешенной. Для того, чтобы белорусский язык стал по-настоящему народным, государственным языком, нужна замена антинационального сервилистского строя на суверенно-демократический, что нам пока и не светит”.

Василь Быков.
„Литературная газета”, 27.VI.1990.

ГДЕ НАШИ ТОЧКИ ОТСЧЕТА?

„Если же говорить о духовной гибели нашей нации, то говорить следует о гибели ребенка, а не о гибели сформировавшейся личности. Ведь белорусская нация в современном понимании этого слова еще никогда не была „взрослой”. Всегда что-то мешало. То царизм, то репрессии, то война, то бюрократия... Все так. Но от этого не легче...

Сейчас, кстати, когда это дозволено, покатилась целая волна художественных причитаний по поводу гибели языка, истории, культуры: гибнем, пропадаем, отобрали! В принципе все это правильно, но совершенно бессмысленно, если не сказать – во вред. Экзистенциальный вариант осмысления этой ситуации таков. Язык – есть, история – есть, культура – есть. Ничего с ними не сделается, никто не отбирает, спасать их не нужно – не тонут, не горят. Купала, Калиновский, Евфросиния Полоцкая тоже есть. Это мы сами относительно них „УТРАЧИВАЕМСЯ", впадаем в апатию. А стоило бы задуматься: может, не „прививать народу любовь" ко всему этому национально-культурному комплексу, что обычно вызывает обратную реакцию, а заставить ЭТО РАБОТАТЬ, если угодно – ЖИТЬ? То есть совершенно прагматически ответить на вопрос: чем и в каком виде язык, история и культура полезны и интересны сегодня людям? И, что важно, не тем людям, для которых писатель пишет книги (то есть придуманному читателю), а тем, вместе с которыми он покупает кефир?..

Белорусский язык получил статус государственного, работает региональное отделение Фонда культуры, действуют творческие союзы, культурные министерства, создано товарищество белорусского языка... Это ли – заметят мне – не пути реализации национальной идеи? Но почему ощутимых результатов всей этой деятельности как не было, так и нет? Уже лет десять я думаю о бесплодности всех наших усилий. Почему что-то мешает мне с энтузиазмом вступать в новые товарищества, доверяться проникновенным патриотическим речам наших писателей, да и просто читать их все более прочувствованные патриотические сочинения? Что мешает мне назвать Нила Гилевича, Янку Брыля, Максима Танка, Владимира Колесника... нравственными лидерами нации?

Наконец я вроде бы начинаю понимать, что... Любая национальная идея в завершенном виде имеет целью государственный суверенитет нации. Без этого идея – как дом без крыши. И все усилия наших „старателей" заманить в такой дом наш народ ни к чему не приводят".

Сергей Дубавец.
„Литературная газета", 12.IX.1990.

РОДНОЙ ЯЗЫК: ПРОЗРЕНИЕ

„Проще всего объявить причиной всех зол насильственный процесс „русификации", нежели разобраться в сплетениях действительных причин и следствий. Нерв доказательства о существовании „русификации" Белоруссии – распространение и закрепление в рес-

публике русского и сужение употребления национального языка. Судьба белорусского языка – наша общая боль, восстановление его во всех гражданских правах – общая задача. Но может ли само по себе распространение русского языка ■ нашей многонациональной стране доказывать наличие „русификации"? Это в то время, когда русская интеллигенция прилагает силы к всестороннему возрождению русской национальной культуры. „Русификация" ■ чем? Что вкладывать в само понятие „русификация"?.. С предвзятым невежеством на компромиссы идти нельзя. Может ли нормально функционировать многонациональное государство с высокоинтегрированным народнохозяйственным механизмом, не имея развитого языка межнационального общения?..

В какой мере интернационализация общественной жизни ■ стране может объяснить вытеснение белорусского языка? Ведь интернационализация не перечеркивает процесс развития и расцвета национальной культуры, не устраняет принцип двуязычия, по которому безусловный приоритет в области культуры должен быть закреплен за национальным языком.

Что стоит за понятием „развитое двуязычие"? Иные считают, что развитое двуязычие есть абсолютное равноправие белорусского и русского языков во всех сферах употребления. На самом же деле принцип развитого двуязычия, если следовать его изначальному смыслу, предполагает не уравнивание ■ правах языка межнациональных отношений с родным языком коренного населения, ■ обязательное овладение русским языком каждым гражданином СССР и его использование по необходимости. Общение же должно поддерживаться на родном языке".

Анатолий Майсеня.

„Советская Белоруссия", 26.XI.1988.

ДВУЯЗЫЧИЕ И БЮРОКРАТИЯ

„Печальная практика Белоруссии, пожинающей плевелы принудительного двуязычия, контрастно осветила скрытые западни бюрократически понятого билингвизма. И прежде всего ту аксиому, что человек не может одновременно развиваться и существовать в двух культурах. Личность не получает полноценного духовного развития. Полуязычный индивидуум не чувствует тонкостей духовных связей (что, кстати, заключено в языке и выражается посредством речи), плохо мыслит абстрактными понятиями, зачастую не может теоретически осмыслить явление, а если и понимает более сложные отношения, то не

может их выразить и внятно объяснить собеседнику. Начинается мучительный подбор слов, запинания на каждой плохо согласованной фразе... Полуязычное существование приостанавливает внутренний спонтанный процесс развития культуры, так как тормозит национальное самосознание (идентификацию) личности, своего общественного, культурного и духовного „я". Но способность к потреблению культуры при этом остается".

Зенон Позняк.
„Радуга", 1988, № 4.

ЯЗЫК МОЙ – ДРУГ МОЙ

„Да, в некоторых республиках (например, в эстонском журнале „Радуга") появлялись суждения о вредности двуязычия в раннем возрасте. О том, что стремление в равной мере знать два языка может привести к плохому знанию обоих языков, что и неродной язык подвергается „порче", примитивизируется и т.д. Ставя под сомнение двуязычие, публикация фактически отвергает необходимость общего языка межнационального общения. А это значит, советские люди, граждане единого государства, как иностранцы, должны общаться с помощью переводчиков. С таким подходом согласиться трудно".

В. Солнцев, член-корреспондент АН СССР,
директор Института языкознания АН СССР.
„Советская культура", 16.VII.1988.

ДВУЯЗЫЧИЕ – РЕАЛЬНО

„Гармоничное двуязычие – реальная альтернатива диктату государственного языка... Гармоничному развитию национально-русского двуязычия вредит так называемый национальный нигилизм – высокомерное отношение отдельных товарищей к родной культуре, языку, обычаям и правам. Знание родного языка – не подвиг, но и пренебрегать им глубоко безнравственно".

М. М. Михайлов, профессор,
доктор филологических наук,
зав. кафедрой русского языка
Чувашского госуниверситета.
„Литературная газета", 13.IX.1989.

ПОДЛИННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ПРЕДПОЛАГАЕТ...

„С волнением я, как и другие мои коллеги, читал полные тревоги выступления в печати белорусских и украинских писателей, которые говорили о забвении национального языка в школах этих республик, что также является результатом деятельности „сверхинтернационалистов", идущей вразрез с ленинским учением и ленинской перестройкой. Мы у себя в Латвии при поддержке руководства республики много делаем для того, чтобы не прервалась та связь между национальным и интернациональным, в том числе и в языковой сфере, которую заложили первые латышские марксисты, а впоследствии революционные латышские стрелки. Латышские стрелки, личная охрана Ленина, стали подлинными интернационалистами еще и потому, что уважали традиции и языки народов бывшей Российской империи".

Янис Петерс.

„Литературная газета", 18.XI.1987.

Не знаю, каково нынешнее мнение о латышских стрелках известного поэта и посла Латвии в России, но со „связью между национальным и интернациональным" на его родине явно что-то случилось. Там появились „неграждане", вроде каких-то недочеловеков... Но это сегодня. А тогда, более десяти лет назад, шло, скажем так, только предварительное обнюхивание на предмет, кто свой, а кто чужой. Процесс этот не обошел и Беларусь. У нас он приобрел ярко выраженный идеологический характер. Рядом с языковой полемикой стала развертываться другая – о подлинном патриотизме, о врагах явных и тайных.

СПОРЫ О ПАЦИФИЗМЕ

ГДЕ СВОЕ, ГДЕ ЧУЖОЕ

„Процитируем сначала Алеся Адамовича („Московские новости", 8 марта с.г.): „Состоялся у меня разговор с командиром современной подводной лодки. „А вам не жутко осознавать, какая космическая мощь под рукой?" Ответ: „Кому-то нужно, раз это существует. Нужно только удерживать себя от лишних мыслей". „Ну а если представить, – спешил я выяснить все сразу, – что те, кто проповедует доктрину первого удара, нанесли его? Или случайность, ошибка, но полмира уже охвачено огненным смерчем. И от вас зависит, ответить или нет". Сразу же отозвались присутствовавшие за столом женщины: „Конечно! Они же нас, они же всех перебили!" Хозяин же подводной лодки молчал. Потом спросил у меня: „А вы нажали бы кнопку?" „Я – нет. Потому что убийцы человечества добили бы его моими руками. Моим вторым ударом. Кроме того, вспомнил и напомнил я, расплата все равно настигла бы и без ответного удара – в виде смертельной радиации от собственных же боеголовок и разбомбленных атомных реакторов". „Я все равно промолчу, – сказал военный, – никто, а тем более они, не должен знать, что сделаю я".

Пускай уважаемый читатель сам рассудит: имеются ли в позиции писателя и его собеседника пацифистские мотивы или нет. Пацифисты, как известно, отрицают все войны, в том числе и справедливые, национально-освободительные... Борьбу за мир и согласие между народами пацифизмом подменять нельзя. И опасно".

В. Дашкевич, писатель.
„Звязда", 10. XII.1987.

БАРЬЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЛЕПОТЫ

„Кроме всего прочего, именно в Минске А.Адамович получил ощутимый отпор и своим новым „исканиям духа", выразившимся в самодельных концепциях „сверхлитературы" и непротивления злу.

... Более того, концентрированный удар пацифизма А.Адамовича приходится на основной постулат военной доктрины государств—участников Варшавского договора...

Конечно, после всего этого понятно желание В.Быкова хоть как-то оправдать своего идейного собрата и друга А.Адамовича в глазах общественности..."

Татьяна Бумажкова.
„Политический собеседник", 1989, № 1.

В ПЛЕНУ СТЕРЕОТИПОВ

„Употребляя термин „ядерная война", мы подчиняемся тому же закону языка, согласно которому употребляем слово „выстрел" по отношению к действию огнестрельного оружия и даже ракеты. Но термин этот радикально отличается от понятия доядерной эпохи. Может ли быть „продолжением политики" то, что уже ничего не продолжает, а всему кладет конец? И к месту ли здесь сам термин „пацифизм"?

Политическая оценка пацифизма вытекала ранее из понимания войн как справедливых и несправедливых. А это определялось действительной целью всех предыдущих войн. Но какая цель у ядерного самоуничтожения человечества вместе со всеми его справедливостями и страшными несправедливостями, великими идеями гуманизма и мусорными свалками догм и стереотипов?"

Наум Кислик.
„Літаратура і мастацтва", 29.I.1988.

ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО ЖЕ?

„Нет, альтернативы у человечества нет, если оно хочет выжить: полный отказ от самоубийственного оружия, от войн!.. Если и писатель, если и литература будут **жать** в том же направлении, что и профессионалы-военные... кто же тогда тормозить будет?"

Алесь Адамович.
1987 г.

Очень скоро выснилось, что жить мешают не только „пацифисты" вроде Алеся Адамовича. Серьезным врагом советских людей оказался Марк Шагал.

БОРЬБА С МАРКОМ ШАГАЛОМ

* * *

„Поэт А.Вознесенский выступил с крикливой кампанией в связи со 100-летием со дня рождения художника-модерниста М.Шагала, связанного с Белоруссией фактом своего рождения, но с 1922 г. и до смерти в прошлом году он жил во Франции. В творческом и общественном отношении противостоял нашему народу..."

Из выступления доктора философских наук *В.Бовша*
на пленуме Минского горкома партии.
„Вечерний Минск", 18.VI.1987.

УКРАДЕННЫЙ ФОНАРЬ ГЛАСНОСТИ

„...Витебск... избран для развертывания „шагаломании"... Достаточно привести хотя бы два из множества фактов: на картине „величайшего" художника, названной „Россия, ослы и другие", нашу страну символизируют осел, женщина без головы и купол церкви с крестом; внимание к Лиозно или Витебску он не подтвердил ничем, зато его любовь к Израилю общеизвестна – там он украшал здания кнессета и синагоги, ублажал подарком Голду Меир, за что и получил премию имени Вольфа. Тем не менее уже израсходовано много типографской краски на доказательство какой-то „ностальгии" и „любви к родине" этого парижанина.

... Мало сказать, что Шагал жил в Витебске – важнее то, что он там делал. Об этом как раз и не говорится. Между тем истина такова, что Витебский художественно-практический институт, которым некогда руководил Шагал, имел, по докладу губернской рабоче-крестьянской инспекции, „исключительно отрицательные стороны, заключающиеся в причинении ущерба республике", Ущерб состоял в том, в институте нашли прибежище дезертиры, спекулянты и другие темные личности, а подлинных художников было мало".

В. Бегун.
„Политический собеседник", 1987, № 1.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

„Здесь приходится отметить, как господь бог царит в небесах многих стран, так получается и с Шагалом. В планетарном масштабе он – „голубой патриарх мировой живописи", в Израиле – „великий еврейский", во Франции – „великий французский", в Москве – „великий русский художник" из белорусского городского поселка Лиозно... Было намерение доказать, что даже изображенные во Франции на его полотнах лошади, козы и баранчики точь-в-точь такие же, как и в Витебске. А если так, то, ясное дело, он и „великий белорусский..." Но как-то не получилось. В это же время поднялась вселенская кампания за создание в Витебске его музея".

П. Карнач, ст. научн. сотрудник
ИИЭФ АН БССР,
Д. Тризно, научн. сотрудник
ИИЭФ АН БССР.
„Политический собеседник", 1989, № 7.

КТО УКРАЛ „ФОНАРЬ ГЛАСНОСТИ"?

„В июле этого года в Минске вышел первый номер нового журнала „Политический собеседник". Здесь помещена статья кандидата философских наук В.Бегуна „Украденный фонарь гласности", во втором – статья „С позиций абстрактного гуманизма", написанная тем же В.Бегуном совместно с доктором философских наук В.Бовшем... Этому выступлению В.Бегуна и В.Бовша предпослано письмо группы читателей – военнослужащих Советской Армии, которые предъявляют серьезные **политические** обвинения известному белорусскому писателю Алесю Адамовичу, заявляя, что он ни много ни мало „поставил под сомнение правомерность ответного удара в случае империалистической агрессии против нашего государства, сползает на позиции, которые противоречат положениям Программы КПСС относительно оборонной политики". Авторы статьи „С позиций абстрактного гуманизма" с этими обвинениями полностью согласны... Проповедь „непротивления злу насилием", „буржуазный пацифизм" они усматривают в публицистических выступлениях Алеся Адамовича против угрозы ядерного уничтожения человечества, пытаются уверить, что взгляды писателя, который сурово и мужественно говорит **всю правду** о том, **чем** может обернуться ядерная война, способны, дескать, вселить ужас в души людей, вызвать „лишь безнадежность и страх"... Секрет провалов памяти у В.Бегуна и В.Бовша состоит в том, что в

трагическом зареве Чернобыля, при зловещем видении „ядерной зимы", явленной миру не досужими домыслами, а в строгих выводах ученых, камня на камне не остается от бодряческой позиции наших „конкретных гуманистов". Позиции, в которой нет и намека на понимание исключительно небывалой в истории ситуации – возможности тотального уничтожения человечества.

... Той же страстью проникнута и статья В.Бегуна „Украденный фонарь гласности", в которой автор уничижительно, издевательски отзывается о творчестве художника Марка Шагала... Непонятно также, почему В.Бегун видит в Марке Шагале сиониста? Не потому ли, что отождествляет два совершенно разных понятия – национальное и политическое? Коль художник родился в еврейской семье, то, стало быть, он сионист?.. Впрочем, подобное отождествление – любимая тема многочисленных писаний В.Бегуна, основанных на порочной концепции „всемирного заговора сионских мудрецов" и масонов".

Светлана Алексиевич, Василь Быков,
Александр Дракохруст, Наум Кислик,
Виктор Козько, Алесь Рязанов,
Валентин Тарас, Константин Тарасов.
„Советская культура", 3.X.1987.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ

„Наслышанные о „ядерной зиме" А.Адамович и авторы письма не могут, естественно, не знать также о тех на Западе, кто всерьез надеется „перезимовать" эту „зиму" и поэтому озабочен не проблемой предотвращения катаклизма, а строительством фешенебельных убежищ. „Я не нажал бы" А.Адамовича, хочет того писатель или нет, объективно отвечает интересам этих господ. Если уж быть до конца откровенным, в данном случае нужно вести речь даже не столько об абстрактном гуманизме, сколько о самом настоящем космополитизме.

Далее, мы не ставим под сомнение ни факт наличия в нашей стране поклонников творчества М.Шагала, ни их право оказывать знаки внимания своему кумиру. Для нас, как и многих советских граждан, неприемлемо другое – не свойственная культурной жизни нашей страны рекламная шумиха вокруг имени Шагала, развернутая некоторыми его почитателями, произвольное жонглирование оценками творчества художника".

В. Бегун, кандидат философских наук,
В.Бовш, доктор философских наук.

НЕ ОТЛУЧАЙТЕ САМИ СЕБЯ

„Все многочисленные попытки общественности добиться организации музея М.Шагала в Витебске или в его родном Лиозно до сих пор разбиваются о нерушимую стену смехотворных обвинений вроде тех, что Шагал не наш, что он сионист, потому что, видите ли, расписал синагогу в Иерусалиме. О том же, что его руками расписана знаменитая „Гранд-Опера" в Париже, а его витражами украшены Реймский собор во Франции и здание ООН в Нью-Йорке, что он великий художник современности, все творчество которого основано на образах нашего Витебска, а его поэзия исполнена редкой по силе тоски и боли за судьбу его родины во время немецко-фашистской оккупации, — эти факты начисто игнорируются поборниками упоенно-разоблачительной „правды о Шагале".

Впрочем, что там музей! Борьба с Шагалом в Белоруссии со страниц „Политического собеседника" перенеслась в область практических дел, и вот на художественной выставке в Витебске недавно была распилена скульптурная композиция с целью отделить образ ненавистного художника от его сподвижников по Витебской художественной школе, которой он отдал годы труда и жизни".

Василь Быков.

„Советская культура", 10.XII.1987.

О ФИЛЬМЕ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ

„Читатели... знают, что „непризнание" всемирно известного художника-гуманиста Марка Шагала на его родине стало поистине „делом жизни" для некоторых наших бойцов идеологического фронта... Об этом – документальный фильм „Театр времен перестройки и гласности", снятый на белорусской киностудии режиссером Аркадием Рудерманом и оператором Юрием Горулевым.

Первоначальный замысел у создателей фильма был такой: поверить современную драматургию жизнью... Но жизнь-то и вмешалась в сценарий. Осталось одно интервью – с драматургом Александром Петрашкевичем, сочетающим литературную деятельность со служебными обязанностями заместителя главного редактора издательства „Белорусская советская энциклопедия". Много и увлеченно говорит в своем кабинете Александр Леонтьевич о целях современной драматургии, о бескомпромиссном герое-борце, об острых жизненных коллизиях...

И вот неожиданный поворот судьбы. Петрашкевич вынужден в роли

ответчика представлять администрацию издательства в судебном процессе по делу о восстановлении на работе бывшей своей подчиненной, редактора Ирины Шеленковой, уволенной за то, что она не согласилась с грубой фальсификацией жизни и творчества Шагала. Совсем иные речи льются из уст Петрашкевича во время судебных заседаний. Обнаруживается иное отношение к „герою-борцу", отстаивающему собственную позицию в вопросах искусства. Писатель Петрашкевич сильно недоволен не только „чересчур позволяющей себе" И.Шеленковой, но в неменьшей степени – художником Шагалом. Что ему мнение мировой общественности, отзывы о Шагале авторитетных искусствоведов? Ведь имеется свой, доморощенный специалист по всем проблемам – кандидат философских наук В.Бегун. Именно ему, известному своеобразной методикой своих научных изысканий, и поручило руководство издательства обеспечить „идеологическую выдержанность" статьи о Шагале для пятого тома „Энциклопедии литературы и искусства Белоруссии". Ну а у Бегуна метод отработанный: он смотрит прежде всего на паспортные данные, а уж анализ будет соответствовать, ни один искусствовед не совладает с доводами нашего знатока живописи.

Так и выстраивается эта цепочка фактов. Сначала „не устраивает" Шагал, замалчивается его 100-летний юбилей, идет борьба с энтузиастами, мечтающими о создании в Витебске музея художника. Затем, чтобы и другим „шагаломанам" урок был, увольняется с работы (разумеется, как непрошедшая аттестацию и с согласия совета трудового коллектива) редактор Шеленкова. Но вот создан фильм обо всей этой истории. Что ж, и это не препятствие. Ведь можно запретить, не допустить фильм на экран. Именно с этой целью Петрашкевич по всем законам хорошо освоенного искусства борьбы с неугодными организовал кампанию по дискредитации фильма, поднял всю „королевскую рать" (благо связи сохранились со времен заведования отделом культуры ЦК КПБ)".

Семен Букчин, писатель,
Юрий Градов, архитектор,
лауреат Ленинской премии,
Татьяна Логинова, кинооператор,
лауреат Государственной премии СССР.
„Советская культура", 27.X.1988.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ПАМЯТЬ ДОБРАЯ И ЗЛАЯ

„Безусловно, страшная трагедия – безвинно погибшие люди в 30-х годах. Непросты причины культа личности Сталина. Скоропалительность и однозначность оценок здесь неприемлемы. Не упростить бы, не скатиться ■ категоричность...

Объективности ради, как, впрочем, и для того, чтобы хоть каким-то образом развенчать в глазах нашей молодежи насильственно навязываемых ей „кумиров", пройдемся по персоналиям некоторых „жертв", о чьих трагических судьбах, кстати, льются нескончаемые крокодиловы слезы со страниц реакционной эмигрантской печати, о ком бесконечно печалятся неразборчивые доморощенные реабилитаторы довольно высоких званий и рангов.

Выделяя в особую группу В.Ластовского, С.Некрашевича, Я.Лесика и А.Цвикевича, напомним прежде всего, что о каких бы „научных заслугах" и „активной общественной деятельности" ни велась речь, для них не может быть идейно-политической реабилитации".

Валентин Пепеляев.
„Советская Белоруссия", 1987, № 286.

ВОПРОСЫ, ЖДУЩИЕ ОТВЕТА

„Все попытки что-то объяснить из драматических событий тридцатых годов авторы двух публикаций в „Советской Белоруссии" А.Майсеня и В.Пепеляев по существу сводят к доказательству того, что многие руководители, культурные и научные деятели республики были репрессированы вполне обоснованно, что веских причин для пересмотра их дел не имеется. Удивление вызывает то обстоятельство,

что все это происходит в наше время, когда в общественной жизни страны на свое законное место возвращаются имена и произведения многих людей, репрессированных в годы пресловутого культа...

Напрасно А.Майсеню настораживает „...требование публично назвать поименно не только тех, кто пострадал в годы репрессий, но и всех тех, кто в 30-е годы совершал „преступления". „Возьметесь ли вы доказать, – пишет автор, – что все те, кто принимал участие в репрессиях в ту трагическую пору, были сознательными преступниками, то есть шли на это, в полной мере осознавая, что чинят произвол и беззаконие в отношении невинных людей? Нам сегодня с позиции времени достаточно видно, что многие из тех, кто осуждал, обвинял, совершенно искренне верили, что их действия – не что иное, как торжество правосудия от имени всего трудового народа, что это продолжение революционного насилия, совершенно необходимого и неизбежного во имя победы социализма, во имя претворения в жизнь извечной мечты о равенстве и справедливости?"

Надеюсь, однако, странная логика данной цитаты знакома читателю, поэтому позволю себе воздержаться от комментария этого поразительного по своей откровенности текста, в котором желание во что бы то ни стало „оправдать подзащитных" опережает элементарную логику мысли. Странно видеть в современной газете этот поток умилительного добросердечия к тем, кто губил или способствовал гибели тысяч, и при этом повсеместно натыкаться в статье на труднообъяснимую непримиримость к посмевшим выразить свои, пусть даже ошибочные взгляды".

Василь Быков,
народный писатель Беларуси.
„Советская Белоруссия", 9.I.1988.

КОГДА КРАСНЕЕТ КЛИО

„Изучая рассказ автора этих строк, один из таких читателей безжалостно вырубил абзац о жестокостях, чинившихся Иваном Грозным на захваченных в период Ливонской войны землях. Затем последовало внушение, что такие фактики могут, дескать, вбить клин в братскую дружбу наших народов. Видимо, царь в представлении этого редактора полностью отождествился с русским народом. В другом рассказе выпало упоминание о том, что Петр 1 в свое время приказал устроить пороховой склад в подземельях одного из белорусских униатских соборов.

Трудно представить, как поведут себя подобные читатели, когда к ним на стол лягут не повествования о временах отдаленных, а прав-

дивые произведения о непростых судьбах репрессированных, скажем, о видном ученом Язепе Лесике, который в первые годы Советской власти признал свои прежние заблуждения, издал крайне необходимую в период ликвидации неграмотности „Грамматику белорусского языка", стал одним из первых белорусских академиков, об историке Всеволоде Игнатовском, участнике революции 1905 года, большевике, бывшем президенте Академии наук БССР, который, не выдержав травли, покончил жизнь самоубийством..."

Владимир Орлов.
„Литературная газета", 17.II.1988.

ИСКАТЬ ИСТИНУ

„В.Пепеляев не приводит ни единой документальной строки, позволяющей усомниться в честности и невиновности этих людей (*В.Ластовского, С.Некрашевича, Я.Лесика, А.Цвикевича. – С.Б.*) на момент их ареста, высылок, расстрела".

Константин Тарасов.
„Советская Белоруссия", 5.V.1988.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

„Трудно понять, чем руководствовались авторы газеты „Советская Белоруссия", выступившие ■ конце минувшего года с серией статей, в которых по сути поставили задачу оправдать репрессии тридцатых годов по отношению к „нацдемовщине" и обелить их непосредственных исполнителей".

Василь Быков.
„Літаратура і мастацтва", 25.III.1988.

ПРОЦЕСС

Народный суд Свердловского района Москвы 20 сентября 1988 года в открытом заседании рассмотрел иск И.Шеховцова к писателю А.Адамовичу и газете „Советская культура".

Из искового заявления

„Итак, я объявлен торжествующим, злорадствующим защитником палачей".

„Кто его защитит?"

„Много значит имя Сталина, раз оно вызывает такие эмоции и угрозы. Вокруг него происходит борьба, поляризующая интересы, формируются взгляды на перестройку... Те, кто требует доказательного исследования личности Сталина, кто протестует против метода навешивания ярлыков и очернительства отечественной истории 20—40-х годов, — это и есть настоящие сторонники перестройки в подлинном, изначальном значении этого слова, а не ее противники, как считает Адамович... Они хотят „реанимировать" Сталина как самого верного и последовательного продолжателя дела Ленина и доказать, что это именно так, если им наравне с Адамовичем и другими „разоблачителями" Сталина будут предоставлены страницы наших журналов и газет".

Иван Шеховцов.

„Я обвиняю Сталина!"

„Оговорюсь: я и моя семья прямо не пострадали от репрессий Сталина, личной обиды тут нет, тем не менее я считаю себя тоже пострадавшим и готов предложить свой иск Сталину и его защитникам. Это он, Сталин, убил значительную часть моего народа. Это он, Сталин, разрушил земледелие моей страны, раскрестьянил ее. И я, обладатель одной шестой части планеты, теперь не в состоянии прокормить себя. Это он заставил нас на протяжении десятилетий с подозрением посматривать на своих сограждан – не доносчик ли? Не сексот ли?.. Это Сталин своей политикой едва не отдал меня на расправу фашизму, да нет, отдал нас – 80 миллионов украинцев, русских, белорусов, евреев... оккупантам, а потом нас же третировал как предателей – „находились на оккупированной территории".

Алесь Адамович.

Решение суда

В иске Шеховцову Ивану Тимофеевичу к редакции газеты „Советская культура" и писателю Алесю Адамовичу отказать.

„Советская культура", 1.X.1988.

КРОВАВЫЕ „ДЗЯДЫ” У МОСКОВСКОГО КЛАДБИЩА
30 ОКТЯБРЯ 1988 г.

Борьба за правду о жертвах времен сталинских репрессий приобрела совершенно новый уровень, когда стало известно о Куропатах – месте под Минском, где были расстреляны тысячи людей. 3 июня 1988 г. газета „Літаратура і мастацтва” опубликовала статью З. Позняка и Е. Шмыгалева „Куропаты – дорога смерти”. Но мир узнал о Куропатах спустя три месяца после публикации статьи З.Позняка в „Московских новостях”.

НАРОДНАЯ ТРАГЕДИЯ, О КОТОРОЙ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ВСЕ

„Публикации статьи предшествовало сопротивление, как принято теперь говорить, „сил торможения”. Однако редакция не поддалась давлению. В несколько сокращенном виде, но статья на страницах газеты „Літаратура і мастацтва” все же появилась.

Через два дня после ее публикации была создана правительственная комиссия для „расследования фактов, изложенных в статье”... Удалось проследить географию и хронологию захоронений в Куропатах. Расстрелы начались в восточной части территории. Могилы датируются здесь 1937–1938 годами... Если взять среднее число – 200 трупов в могиле, сделать простое умножение на число найденных на сегодня захоронений (510), то получим 102 тысячи человек. Но действительное число жертв было большим”.

Зенон Позняк.
„Московские новости”, 9.X.1988.

ХРОНИКА

„19 октября в 19.00 в Минске в Доме кино открылось учредительное собрание Белорусского историко-просветительного общества памяти жертв сталинизма „Мартиролог Беларуси". Собралось около четырехсот человек. В выступлениях неоднократно звучало предложение создать Белорусский народный фронт в поддержку перестройки. Поставленное на голосование предложение создать Организационный комитет БНФ „Возрождение" было встречено овацией зала".

* * *

„28 октября состоялось первое пленарное совещание Оргкомитета БНФ „Возрождение". Участники совещания высказали обеспокоенность нездоровой общественно-политической ситуацией на Беларуси... Возможно, ситуация усложняется из-за слабой информированности высшего партийного руководства БССР насчет идеи, содержания и целей новых общественных объединений... Большинство членов оргкомитета решило принять участие в митинге-реквиеме „Дзяды".

„Навіны Беларускага Народнага Фронту
за перабудову „Адраджэнне", 1988, № 1.

ОГЛЯНИСЬ ОКРЕСТ

„В Минске же на месте Куропат уже не просто памятник видится, но, как и в Москве, мемориальный исследовательский центр. Мы наконец должны понять, разобраться, что с нами, с нашим обществом происходило...

И что еще важно подчеркнуть в этой минской истории – одно лишь событие, а температура перестройки сразу изменилась, жизнь обрела иное качество. Это лишний раз доказывает, как назрел такой сдвиг и в Минске, заслужившем в последнее время печальную репутацию антиперестроечной Вандеи (стараниями некоторых обществоведов и идеологических начальников). Но тут они оказались бессильны: тысячи людей, горожан, из деревень, двинулись на митинг в Куропаты. С плакатами: „Сталин – кат (палач)", старухи со свечами...

Могу сообщить: еще один серьезный барьер против перестройки, возводимый вот уже столько месяцев, о который бился все это время, казалось, один Василь Быков, — затрещал этот барьер, а некоторые секции в одночасье рухнули. Нет, и Павлов, и Бовш, и Залесский, и Бегун, и Игнатенко, и Малашко, и им подобные все еще чувствуют себя на коне...

Рядом с Куропатами – Вандея! Это долго продолжаться не может – такое соседство".

Алесь Адамович.
„Огонек", 1988, № 39.

НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ

„В журнале „Огонек" (№ 39, 1988) помещена статья А.Адамовича „Оглянись окрест!", в которой автор назвал Минск „антиперестроечной Вандеей"... Я прошу Минский городской Совет народных депутатов пригласить на свою сессию А.Адамовича с объяснением по существу. Я прошу также президиум Академии наук БССР потребовать объяснения у А.Адамовича – ведь он член-корреспондент этой академии".

И. Климов,
ветеран партии, войны и труда.
„Вечерний Минск", 4.XI.1988.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕВЕЖЕСТВА

„Представители „Талакі" и ряда других самодеятельных объединений все чаще стали, проявляя очевидную нескромность, выступать от имени едва ли не всей молодежи республики, выдавать себя за единственных радетелей белорусской национальной истории и культуры, за наиболее последовательных „борцов перестройки". Они призывают себе на помощь духов давно осужденного историей и всем белорусским народом буржуазного национализма, принесли в свои „звароты" и „ратушы" давно обветшавший идеологический хлам... Неразборчивая реклама отдельных наших неформальных объединений никому не на пользу..

Специализируются на этом и отдельные деятели литературы и искусства. Наглядной иллюстрацией может служить опубликованная в журнале „Огонек" статья ныне проживающего в Москве писателя Алеся Адамовича „Оглянись окрест!" В этом материале он сумел не только перевернуть многое с ног на голову, но и навесить ярлыки на тех, кто, по его мнению, олицетворяет „серьезный барьер против перестройки".

Н. А. Дорожкин, академик АН БССР,
лауреат Государственной премии СССР,
заслуженный деятель науки БССР,

А. Барданов, ответственный секретарь
Минской секции Советско комитета ветеранов войны,
Герой Советского Союза,
А. Филимонов, председатель совета
ветеранов войны и труда АН БССР,
доктор исторических наук, профессор,
Герой Советского Союза,
Д. Жмуровский, профессор кафедры истории КПСС
БГУ имени В. И. Ленина, доктор исторических наук,
Герой Советского Союза,
К. Доморад, заместитель председателя совета ветеранов
Минского областного партизанского соединения,
кандидат исторических наук, доцент.
„Вечерний Минск", 21.X.1988.

ПЕНА НА ВОЛНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

„Очевидно, что активисты „Талакі", „Современника", играя в политику, насаждают демагогию, пустословие. Но непонятно, почему им предоставляют огромные аудитории для митингов по первому требованию? Почему тайно распространяются и ходят по рукам их самиздатовские декларации, прокламации и призывы? Кто отдал в руки неформалов, специализирующихся на социальной демагогии, молодежную аудиторию, множительную технику?"

В. Левин, Б. Тарасевич
„Советская Белоруссия", 27.X.1988.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ „ВОЗРОЖДЕНИЕ"

„30 октября 1988 года в городе Минске отряды милиции и внутренних войск, спецподразделения, вооруженные дубинками, слезоточивым газом и водометной техникой, разогнали многотысячный митинг-реквием памяти предков „Дзяды", накануне незаконно, без юридического обоснования запрещенный.

Было безосновательно задержано более 70 человек, в том числе члены творческих союзов, представители прессы, женщины. Употреблялась физическая сила и слезоточивые газы.

Мы оцениваем события 30 октября как откровенный рецидив сталинщины, как наступление антиперестроечных сил на демократию

и высказываем решительный протест против беззакония и насилия над правами человека.

Приказом на разгон митинга власти показали, что вести диалог с народом они не желают.

В республике развернута оскорбительная идеологическая кампания против Объединения памяти жертв сталинизма „Мартиролог Беларуси", Оргкомитета Белорусского Народного Фронта, патриотических молодежных объединений. Идет беспрецедентная дискредитация творческой и научной интеллигенции, разжигается социальная враждебность. Оргкомитету БНФ „Возрождение" провокационно приписываются абсурдные политические намерения, людей запугивают прибалтийскими народными движениями за перестройку, целенаправленно искажая их демократическую сущность.

Мы решительно заявляем, что курс на разжигание межнациональной и социальной розни, который избрала сегодня идеологическая служба республики, граничит с уголовным и политическим преступлением".

ДЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

„В 14.00 у Московского кладбища уже было несколько тысяч человек. Было много и милиции. Там, у кладбища, я впервые увидел отечественные водометы, огромные, с зарешеченными окнами, черные „воронки".

Вход на кладбище был перекрыт курсантами школы милиции, они не пропускали никого... А затем, взявшись за руки, курсанты двинулись на народ....

Над головами людей был поднят парень. Он крикнул: „На Куропаты, товарищи!"

... Сами Куропатские холмы – место расстрела и захоронения жертв сталинских репрессий – в несколько рядов были оцеплены милицией, готовой задержать всякого..."

Виктор Козько,

писатель, лауреат премии Ленинского комсомола.

„Комсомольская правда", 13.XI.1988.

30 ОКТЯБРЯ

„Часть собравшихся на митинг людей смогла прорваться сквозь милицейское оцепление и выйти за кольцевую дорогу, откуда они направились в Куропаты, чтобы там, за пределами города, провести митинг-реквием. Однако милиция опередила растянувшуюся на

километр толпу и цепью в 500 метров перерезала дорогу. Людская масса (около 5 тысяч человек), ударившись о непробиваемую стену „стражей прошлых злодеяний", свернула с дороги на поле и остановилась на косогоре. Начал идти снег, дул сильный ветер, но никто из собравшихся этого не замечал.

Вперед вышли археолог З.Позняк и писатель В.Орлов. Чтобы лучше видеть выступающих, люди встали на колени. Митинг начал В.Орлов, который рассказал о значении исторической памяти народа, о жертвах сталинской тирании и погибших в борьбе за свободную Беларусь. З.Позняк зачитал Декларацию общества „Мартиролог Беларуси", сообщил о создании в республике инициативного комитета Белорусского Народного Фронта, рассказал об истории Дня поминовения усопших и о происхождении исторического флага белорусского народа.

Во время его речи несколько раз милицейские ряды подходили к собравшимся и пытались их рассеять. Наконец, они окружили участников митинга сплошным кольцом. И как только над людьми взмыли бело-красно-белые стяги белорусского народа, прозвучала команда и милиционеры, курсанты школы милиции и офицеры внутренних войск врезались в толпу. Они начали бить и хватать людей. Сбивали с ног дубинками, колотили по головам и спинам, заламывали руки, отводя задержанных в сторону. Тех, кто пытался заступиться за избиваемых и арестованных, беспощадно избивали и впоследствии подвергли административному штрафу „за нарушение общественного порядка". Когда кому-либо удавалось вырваться из окружения, вдогонку за ним пускались группы милиционеров...

Отдельные группы людей, пробравшиеся к городской черте после прекращения побоища, были встречены цепью из милиции и солдат в касках, с дубинками и пластиковыми щитами в руках. Избиения продолжались на улицах города до вечера..."

„Белорусская трибуна", 1988, № 2.

ОФИЦИАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Вопрос заместителю министра внутренних дел БССР генерал-майору милиции К.М.Платонову:

– Применялись ли специальные средства для задерживания людей: дубинки, слезоточивый газ, водометы?

– Нет. Не применялись. А вот факты задержания особо активных и агрессивных участников этой противоправной акции были. Составлено 72 протокола.

„Комсомольская правда", 19.XI.1988.

О МИНСКЕ ПОСЛЕ 30 ОКТЯБРЯ...

Заместитель министра внутренних дел СССР И.Ф.Шилов:

– Водометы и дубинки не применялись. Что же касается газа, то здесь ситуация сложнее. Она изучалась прокуратурой республики, которая вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием ■ действиях работников милиции состава преступления... Мы не исключаем того, что некоторые безответственные работники милиции, а также другие участники митинга могли использовать какой-то аэрозоль... Из рассказов очевидцев очень трудно определить, о каком именно газе идет речь, равно как и о том, кто его конкретно применял".

„Литературная газета", 8.III.1989.

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

„Справка УВД Мингорисполкома:

для обеспечения правопорядка в районе Московского кладбища задействовалось 600 сотрудников, около 30 автомобилей, ■ том числе два пожарных.

Была ли в этом необходимость? Судите сами. Мингорисполком проведение митинга не санкционировал, но его организаторы продолжали расклеивать листовки (их только милиция изъяла более 150), вести подстрекательскую пропаганду, приглашать на митинг минчан, призывая брать с собой детей...

Демонстранты, пройдя с частью толпы около километра, сели на землю и, как свидетельствуют очевидцы, призвали к „Советам без коммунистов", „Пора изменить не только гимн, но и флаг, и власть", „Белоруссия достойна лучшей участи, чем быть кормушкой Москвы". Над толпой появился бело-красный флаг... Ревнителей этой символики ничуть не смущало, что бело-красные повязки носили полицаи и другие гитлеровские прислужники, что под „сцягамі гэтага колеру" действовали карательные отряды „Беларускай краявой абароны"...

По городу ползут слухи – милиция избивала, заламывала руки. Но почему не зафиксировано ни одного обращения ■ „скорую помощь", в больницы по поводу причинения травм?"

С. Шкляревский.

„На страже Октября", 6.XI.1988.

ОТКУДА МЫ, БЕЛОРУСЫ?
ГДЕ НАШИ СВЯТЫНИ?

Резкая политизация общественной жизни не просто обострила, но сделала злободневнейшими главные вопросы белорусского национального бытия: кто мы? какова в действительности наша история? что такое наша национальная символика? И, конечно же, о судьбе белорусского языка...

БЕЛОРУСЫ: СКОЛЬКО И ГДЕ?

„По переписи 1979 года численность белорусов в СССР составила 9462,7 тысячи человек , из них в Белорусской ССР жило 7568 тысяч... Говорить о „вымирании" белорусского народа нет оснований, потому что абсолютная численность белорусов растет, за период между двумя последними переписями (*1970 и 1979 гг. – С.Б.*) она выросла почти на полмиллиона...

А теперь – попробуем составить прогноз численности белорусского народа и прогноз национального сотава населения Беларуси на 2000 год... Получается, что в Беларуси будет жить 10772 тысячи человек, в том числе белорусов – 8125 тысяч или 76,2 %, русских – 1558 тысяч (14,7), поляков – 451 тысяча (4,2 %), украинцев – 323 тысячи (3 %), прочих – 195 тысяч (1,9 %).

... Решение национального вопроса в Беларуси непосредственно связано с анализом этнодемографических процессов, которого пока нет... Без анализа этих проблем невозможно решать такие непростые задачи как прогнозирование и регулирование языковой ситуации или увеличение динамики численности белорусского народа".

С. Польский, профессор,
С. Матюнин, старший преподаватель Минского
педагогического института имени А. М. Горького.
„Літаратура і мастацтва", 3.III.1989.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

„В наши дни новоявленные „теоретики" этногенеза белорусов (Н.Ермолович, К.Тарасов и др.) продолжают несостоятельные попытки изобретения особого пути происхождения белорусов, отрицают древнерусскую общность как единую колыбель русской, украинской и белорусской народностей. Пытаясь искусственно разорвать их генетическое родство, Тарасов приходит к упрощенной формуле: „белорусы сложились из смешения славянских и балтийских племен". Что же касается Ермоловича, то он при рассуждении о том, кто же такие белорусы, заключает: „... белорусы скорее всего являются не балтизированными славянами, а ославяненными балтами"... В поисках „первичной Литвы" и при рассмотрении образования Великого княжества Литовского он же приходит к выводу, что в полном названии его („Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское") термин „литовское" следует читать как „белорусское", а чисто литовским является только термин „жемайтское". Что же касается термина „русское", то он относится только к украинцам".

В. К. Бондарчик,
член-корреспондент АН БССР,
доктор исторических наук.
„Политический собеседник", 1989, № 6.

СИМВОЛИКА И БЕЛОРУССИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

(Круглый стол в Академии наук БССР)

М.Костюк: Что же касается герба „Погоня", то здесь мы еще находим некоторые свидетельства достаточно далеких времен, в том числе с конца XIII столетия, а вот в отношении к бело-красно-белому флагу в дооктябрьское время какого-нибудь документального материала не найдено.

А.Титов: Общеизвестно, что каждый созданный согласно с законами геральдики герб можно разложить по цветовой гамме в флаг. Поскольку цвета классической „Погони" белый и красный – серебряный всадник на красном фоне, – то из этого сочетания и следует бело-красно-белый флаг. Но есть и еще один вопрос: является ли эта символика чисто белорусской? Как известно, такое сочетание цветов характерно для восточно-славянской геральдики вообще. Еще в „Слове о полку Игореве" вспоминаются белые хоругви и красные щиты.

Подробно описывает мотивы утверждения именно такого флага правительством БНР 25 марта 1918 года нью-йоркская газета „Беларуская думка". Там также подчеркивается, что сочетание красного и белого – чрезвычайно глубокая традиция белорусского народного искусства, вышивки и ткачества, и поэтому она нашла свое отражение в флаге. Кстати, тогдашний председатель СНК БССР И.А.Адамович был инициатором создания в 1927 году варианта герба, украшенного не сплошной красной, а бело-красно-белой лентой, или, как сказано в документе, „красной лентой с каймой в белорусском стиле".

Что касается герба „Погоня", то в Речи Посполитой им пользовались только те воеводства, которые находились на территории Белоруссии. Все остальные воеводства имели другие гербы"... Вообще этот герб является именно белорусским древним символом, окончательно сформировавшимся в XIV–XV веках и утвердившимся в XVI веке.

Г.Штыхов: Есть основания считать, что „Погоня" пошла отсюда, из Белоруссии.

Г.Галенченко: Здесь высказывали разные предположения насчет того, чей это герб – литовский, белорусский, волынский. По-моему, здесь противоречивость надуманная. Поскольку это был главный, основной герб Великого княжества Литовского, то он соответственно проецировался на все земли княжества – уезды, воеводства, выставлявшие хоругви. Таким образом, это общий герб.

... Что же касается трехполосного флага, то вряд ли есть смысл искать его в XIV–XV столетиях. Основным флагом тогда была главная хоругвь Великого княжества Литовского – 60 локтей красной китайки. В центре – „Погоня". На другой стороне – изображение Богородицы с ребенком.

П.Лысенко: „Погоня" – это литовский герб, распространившийся в более поздние времена на белорусской земле, как привнесенный. Но не как местный, не как народный и не как национальный.

О флаге. Здесь товарищи пробуют подвести его под народные традиции, народную символику. А было ли это на самом деле? Где доказательства?

Э.Загорульский: Я также считаю, что „Погоня" – это прежде всего герб литовских князей. И только позднее он распространился в славянских землях, вошедших в состав княжества...Что касается трехцветного флага. Я также не нашел никаких источников, которые бы подтверждали его древнее существование.

Нельзя забывать и о фашистских прихвостнях, использовавших эту символику во время войны. Символика, как известно, иногда бывает настолько запятнана, что дальнейшее ее использование становится невозможным.

М.Бич: Бело-красно-белый флаг и „Погоня" в продолжение всего периода капитализма не были связаны с белорусским национальным движением. Их не использовали ни гомоновцы, ни Белорусская Социалистическая Громада... Революционное движение в Белоруссии, как и в России в целом, в конце XIX—начале XX века развивалось под красным флагом.

М.Сташкевич: „Погоня" и бело-красно-белый флаг использовались как политические символы представителями белорусского национально-освободительного движения, выступавшими против российского самодержавия, очевидно, с конца XIX столетия. Позднее, в 1916 году, литовские и белорусские буржуазные деятели выступили с идеей создания так называемой конфедерации Великого княжества Литовского в пределах былого или части былого Великого княжества Литовского. Немецкое правительство не поддержало эту идею. Оно сделало ставку на литовскую буржуазию. Когда стало известно, что Великое княжество Литовское как конфедерация не будет создано, В.Ластовский создает свою организацию под названием „Сувязь незалежнасці Беларусі", провозгласив борьбу за независимость Белорусской республики. И тогда же ее члены взяли на вооружение как политический символ „Погоню". И, видимо, тогда же появился бело--красно-белый флаг, авторами которого были члены организации, созданной Ластовским...

БНР не была белорусским национальным государством. Это была только идея, которую пытались воплотить в жизнь представители разных буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций. В связи с этим мы не можем говорить, что и ее символика была государственной.

В.Полуян: Символика БНР была неприемлемой по своей идейной и социально-политической направленности не только для пролетарских, но и революционно-демократических сил, для народных масс, которые поднялись на революционную борьбу. Бело-красно-белый флаг, как и знак „Погоня", в это время и позднее признавали белорусские буржуазные и мелкобуржуазные национал-демократические партии и организации, выступавшие против Октябрьской революции, Советского правительства и БССР.

В то же время герб и красно-зеленый флаг Советской Белоруссии, созданные на основе союзного герба и флага с учетом специфики края, отражают союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, идеи Октябрьской революции и интернациональной солидарности трудящихся, идеи социализма".

„Звязда", 7.XI.1989.

ПОЧТА „ПС"

„Националисты водрузили признанный гитлеровцами „белорусским" бело-красно-белый флаг, „Погоню" – и принялись за работу по „адраджэнню беларускай культуры", как значилось в задачах БНС. „Адраджэнне" выходило странным: бывшие „дзеячы культуры" в Вильне князьками уселись в округах, районах и взялись строго следить за порядком. Борьба с партизанами, списки „ненадежных", вывоз молодежи в Германию – вот немногое из повседневных „культурных" задач...

Так почему же мы должны принимать в качестве национального бело-красно-белое соцветие, придуманнное и принятое коллаборационистами БНР и упрямо навязываемое нам лидерами БНФ и некоторых неформальных объединений? Потому что так написала нью-йоркская „Беларуская думка"? Или потому что так хотят белорусы в Мюнхене? А может потому, что его утвердил 27 июня 1942 года гауляйтер оккупированной Белоруссии Вильгельм Кубе... Так ведь и гауляйтер почерпнул это от своих слуг, предателей, бывших деятелей БНР...

Нельзя забывать, что белорусские сподвижники гауляйтера бежали со своими хозяевами на Запад, а затем расползлись по свету... И везде пропагандировали свое коллаборационистское детище – бело-красно-белый „штандар". Сейчас эту „эстафету" подхватили их дети и внуки..."

Т. Бумажкова.

„Политический собеседник", 1989, № 12.

ОСОЗНАТЬ ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

„Сегодня происходит своего рода „явочная" легализация культурно-исторических символов белорусского народа – „Погони" (белорусско-литовского герба с изображением всадника с мечом) и бело-красно-белого знамени. Им-то в последнее время больше всего и „досталось" от тех, кто напуган массовым движением за демократизацию и возрождение Белоруссии, у которой за периоды разных „культов" и „застоев" отобрали историю и даже национальный язык".

В.Конон.

„Книжное обозрение",17.III.1989.

ЧТО МЕШАЕТ ОБЪЕДИНЕНИЮ СИЛ ПЕРЕСТРОЙКИ?

„Возьмем, к примеру, вопрос о национальной символике. Некоторые газеты опубликовали статьи, в которых не без гордости повествовали

о том, что бело-красно-белый флаг развевался над белорусско-литовскими полками, героически сражавшимися в Грюнвальдской битве, но в то же время умолчали, что этот же флаг являлся флагом БНР, Белорусской центральной рады на оккупированной фашистами территории, эсэсовской бригады „Беларусь", полиции, профашистского „Союза белорусской молодежи". В настоящее время – это флаг всех белорусских националистических организаций..."

А.Малашко,

доктор исторических наук, профессор.
„Советская Белоруссия", 19.II.1989.

КТО НЕ ЖЕЛАЕТ ДИАЛОГА?

„Будучи русским я не хотел бы затрагивать те проблемы, которые составляют внутреннюю национальную заботу белорусов. Я верю в мудрость белорусского народа, верю в то, что проблемы эти будут решены в духе наших социалистических идеалов и подлинного интернационализма. Но логической культуры полемики хотел бы все же коснуться. Возьмем ту же „Погоню" и бело-красно-белый флаг. А.Малашко считает, что они не могут быть национальной символикой Советской Беларуси. Не знаю, может быть, и не могут. Но какова аргументация автора? Вся она, оказывается, сводится к тому, что эту символику использовали белорусские буржуазные националисты... Хотелось бы спросить у А.Малашко: ну а как быть со штанами – штаны можно носить пролетарскому интернационалисту? Мне точно известно, что белорусские буржуазные националисты носили именно штаны, а не шотландские юбочки. Так можно спорить до хрипоты и ни до чего не договориться: одни будут ссылаться на белорусских буржуазных националистов, другие – на Грюнвальдскую битву.

Или возьмем тезис А.Малашко о том, что белорусская творческая интеллигенция „пытается сформировать сознание народа, содержащее заряд национального недоверия, подозрительности, обид и неудовлетворенности развитием белорусов в содружестве братских народов". Но разве это волнует писателей Беларуси? Разве дело в русофобии, о чем, кстати, болтают и члены пресловутой „Памяти", перепутавшие историческую память и национальное самосознание русского народа с игрой своего больного воображения? Речь об ином, о диктате ведомств, которые свили свои гнезда в Москве. А кому же неизвестно, что ведомства „интернациональные", то есть одинаково разбойничают как на территории России, так и в других союзных республиках? И разве не очевидно, что именно ведомственной бюрократии очень хочется

придать этой проблеме национальную окраску, представить как проявления „местничества” и „национализма”?

... А.Малашко сожалеет, что в борьбе с „демагогами” и „крикунами” не на высоте обществоведы республики. Причину этого он видит в том, что среди них „оказалось немало личностей, выросших на прославлении застоя, „развитого социализма”, людей, которые оказались неподготовленными ни теоретически, ни нравственно противостоять в средствах массовой информации субъективизму и групповщине”... Лично я, например, готов и сегодня подписаться под каждой строкой, написанной когда-либо за тридцать лет научной деятельности”.

Валентин Акулов,
доктор философских наук, профессор.
„Літаратура і мастацтва”, 10.III.1989.

Ох, не спешил бы профессор Акулов с подобными заявлениями! Прошло не тридцать лет, а меньше десяти. Но подписался бы сегодня г-н Акулов, ныне активнейший автор черносотеннного „Славянского набата”, рьяный борец с „белорусским национализмом”, жидо-масонским засильем и прочими замечательными „явлениями” , под этими своими словами в защиту белорусской национальной интеллигенции? Проблема... Впрочем, мы еще дойдем до нынешних писаний г-на Акулова.

БЕЗ ЕВРЕЕВ НЕ ОБОШЛОСЬ...

Само собой, без евреев не могло обойтись. Это свидетельства тех, кто уже в конце 80-х провидел „истинных врагов" страны и народа, — евреев и масонов, что, собственно, по мнению знатоков, одно и то же. Мы в лапах мирового сионистского заговора...

ЧТО ОЖИДАЕТ НАС ЗАВТРА

„Почему вдруг каждый из нас почувствовал как бы волшебное зеркало перед собой? Почему ощутил дыхание иной, заповедной, закрытой для нас тайны?..

И вот мы ломаем сложившийся порядок, и тотчас видим многомерный, многозвучный, страдающий в лапах мирового паука мир: было все уже, было, и зловещий сценарий, по которому „ставят" за нашей спиною наш сегодняшний день, уже хорошо знаком...

Истоки всей нынешней ситуации следует искать в событиях, приведших к Октябрьской революции. Сама революция по составу определивших ее сил делилась на тех, кто мечтал о подлинном освобождении народа и подлинном социализме, и тех, кто стремился использовать Россию и ее народ как полено в мировом пожаре, затевавшемся в своекорыстных, заговорщицких целях... Первую линию олицетворял Владимир Ленин, вторую – Лейба Троцкий".

Эдуард Скобелев.
„Политический собеседник", 1990, № 2.

ПУТЬ ТОЛЬКО К СОТРУДНИЧЕСТВУ

„Много лет я ожидал, что явится талантливый еврейский писатель и смело скажет всю доступную нам правду о событиях русской и со-

ветской истории, скупит тем допущенные несправедливости, призовет к покаянию и началу новой эры в отношениях.

Увы, я не дождался человека, который с настойчивостью библейского Моисея обличил бы пороки, ошибки и роковые заблуждения и тем самым помог бы преодолеть время заблуждений и кризиса, которое столь же характерно для народов, сколь и для их экономических и духовных отношений.

Будучи коренным белорусом, я в какой-то мере выполняю ныне миссию израильских пророков, обличавших заблуждения ради пользы народа. Но – странное дело – до сих пор я не получил ни от одного еврея моральной поддержки и одобрения. Неужели так испорчены нравы?"

Эдуард Скобелев.
„Политический собеседник", 1990, № 4.

Это, конечно, явная шизофрения: больной объявляет себя пророком Моисеем. В самом деле, почему Наполеоном можно, а Моисеем нельзя? Но время уже поджимало, и на смену юродству и патологическим ужимкам шел откровенный призыв к погромам.

ДАВАЙТЕ ПОРАЗМЫСЛИМ СПОКОЙНО

„Все-таки евреи жили и живут не так, как все советские люди. Лучше, по крайней мере, крестьян, сельского населения – как материально, так и по условиям труда, по социально-бытовым условиям... Так что в своем большинстве евреи живут лучше белорусов, да и, полагаю, большинства других наций СССР...

Я полагаю, что распространенные среди некоторой части евреев торгашеское отношение к жизни, слабая привязанность к земле, которая их вскормила, взрастила, отсутствие чувства Родины естественно проистекают из того, что они тысячелетия не трудились на земле и у них нет крестьянской традиции...

В обыденной жизни проявлением „богоизбранности", с древности поддерживавшейся эксплуататорской верхушкой еврейских общин и перешедшей в традицию, является избегание ими физического, в первую очередь, крестьянского труда, при одновременном стремлении занять ведущие позиции в экономике, политике, культуре тех стран, где они проживают".

Н. Саскевич, мл. научный сотрудник
Института физики , г. Минск.
„Политический собеседник", 1990, № 5.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ „АНТИСЕМИТИЗМ"?

„Главным здесь является противоречие между тенденцией к ассимиляции евреев и исчезновению еврейства, ставшей возможной в условиях лишенного эксплуатации общества, и тенденцией к сохранению еврейства, связанной с сохранением торгашества, противоречащего сущности социалистического общества. Сохранение еврейства означает сохранение людей с особым отношением к миру, к человеку...

В свете главного противоречия приобретают специфическое звучание многие проблемы социального и профессионального развития евреев. Среди них: проблема несоответствия доли евреев ■ общей массе населения страны и их представленности в профессиях, связанных преимущественно с умственным трудом, проблема сосредоточенности практически всей массы евреев в крупных городах, республиканских и областных центрах...

Правда, надо иметь ■ виду, что не всякий человек, считающий себя евреем, на деле является таковым. Самоотождествление с еврейством ■ историческом и актуальном планах может быть ошибочным. В свою очередь, люди, не заявляющие о принадлежности к еврейской общности, порой принадлежат к ней в мировоззренческом отношении. Судить, очевидно, надо не по словам, а по конкретным поступкам, орас-крывающим истинную идеологию человека. И когда на основании анализа конкретных дел будет установлено, что тот или иной человек придерживается своекорыстных, торгашеских принципов, несовместимых с идеями гуманизма и социального прогресса, мы вправе выразить свое негативное отношение к нему... В этом случае допустимо говорить об „антисемитизме", хотя термин в строгом смысле слова неверен".

В. Бабинцев,
кандидат философских наук.
„Политический собеседник". 1990, № 7.

ЧТО СКАЗАЛ „А" И ЧТО СКАЗАЛ „Б"

„Цитаты взяты из „Майн кампф" Гитлера и брошюр В.Бегуна „Ползучая контрреволюция" (Минск,1974), „ Вторжение без оружия" (Москва, 1977) и „Рассказы о детях вдовы" (Минск, 1983). Это сопоставление можно продолжить, но и так видно — налицо совпадение аргументов. Разница лишь в том, что Гитлер пишет о евреях, Бегун – о сионистах... А поскольку в пропаганде нередко стирались грани между понятиями „еврей" и „сионист", то камуфляж, к которому прибегает Бегун, весьма прозрачен.

Как известно, не может быть национальности без национального самосознания и национальной культуры. Хотя евреи в СССР пользуются правами национальности, В.Бегун утверждает, что „лозунг еврейской „национальной культуры" в настоящее время реакционен по своему существу, так как преследует диверсионно-подрывные цели" и „исходит от иностранных антикоммунистических центров"... Чьим интересам отвечает утверждение В.Бегуна о том, что „в условиях же современной идеологической борьбы иудаизм используется враждебными советскому обществу силами как приготовительный класс для вступления в сионизм, как возбудитель еврейского шовинизма и национализма"? Неужели подобные оскорбления чувств верующих были бы возможны в отношении приверженцев христианства или ислама?

... По сообщению журнала „Политический собеседник" (№ 12, 1988 г.), всю печатную продукцию, вышедшую из-под пера В.Бегуна, изучила специальная комиссия, созданная парткомом АН БССР. И никакого отождествления сионизма и иудаизма, равно как и пропаганды идеи заговора, равно как и заимствований из „Майн кампф", не обнаружила и тем самым выдала В.Бегуну индульгенцию на продолжение его „разоблачительной" деятельности".

С. Рогов, доктор исторических наук,
В. Носенко, кандидат исторических наук.
„Советская культура", 9.II.1989.

МИТИНГ НА СТАДИОНЕ „ДИНАМО” 19 ФЕВРАЛЯ 1989 г.

БЛОКАДА ПРОРВАНА

„Общегородской митинг 19 февраля 1989 г. на стадионе „Динамо”, организованный оргкомитетом БНФ „Адраджэньне”, стал первым шагом к легализации Народного движения в поддержку перестройки.

Впервые за 71 год Советской власти народу милостиво разрешили воспользоваться гарантированным Конституцией правом собраться и обсудить наши общие проблемы.

С трудом верилось, что в Минске, когда-то идеологически стерильной крепости сталинизма, будет разрешено высоко поднять флаги, символизирующие национальные цвета белорусского народа, и исторический герб белорусских земель...

Впервые, не опасаясь последствий, люди смогли поделиться своими мыслями о путях преодоления накопившихся трудностей, о возрождении суверенитета нашей республики и о проходившей в те дни предвыборной кампании.

Почти 40 тысяч человек, кому небезразлична судьба перестройки, несмотря на мороз, смогли выслушать болеющих за дело перестройки активистов БНФ и представителей партийных и государственных органов, бездоказательно обвинивших организаторов митинга в демагогии и спекуляции на имеющихся трудностях”.

Михась Рухавик

„Белорусская трибуна”, 1989, № 3.

Из выступлений на митинге

„Оргкомитет БНФ ставит две основные задачи: борьба за демократизацию и борьба с бюрократией. Демократизация общества

сделала перестройку необратимой. Если административная система останется нетронутой, то не будет гарантий для перестройки. Всякая административная система с ее иерархией и соответствующей субординацией меняет свои политические взгляды, свою политическую власть путем переворотов или перестановок в верхах.

Национальные символы – это символы народа, символы нашей истории и тот, кто уважает символы – уважает народ! Эти факты нашей истории отменить нельзя. Поэтому нашу символику нужно беречь и уважать. Исторические символы отменить нельзя. Французские коллаборационисты (Петен) тоже использовали национальные цвета Франции, но де Голль не отказался от них, потому что это исторические символы народа."

Зенон Позняк.

„Мы должны отчетливо понимать коварство нашего противника. Он так не сдастся. Единственная наша надежда – демократизация и гласность. Наши цели просты и понятны. Земля – тем, кто ее обрабатывает! Предприятия тем, кто на них работает! Продукт – тому, кто его производит! Власть – Советам! Свободу слову, печати, мыслям и убеждениям!"

Александр Журавлев.

„Я внимательно ознакомился с экономической программой БНФ. Считаю, что это не программа, с которой можно идти вперед. Почти каждый ее пункт – это блеф! Например, пункг, призывающий к социальному равенству при возможности сосуществования различных форм собственности. О каком социальном равенстве можно говорить, если господствует принцип присвоения по результатам труда? Призывают к тому, чтобы правительство республики не пользовалось административными методами, но не предлагается механизм работы экономическими методами. Предлагается платить процент из национального дохода центральным органам. Это не что иное как дань великому князю московскому".

Макс Кунявский.

„Почему уважаемые деятели „Мартиролога" не обращаются к двадцатым и началу тридцатых годолв, когда репрессивная машина была запущена на полный ход? Материал об этом вы не найдете ни на страницах „Огонька", ни в „Московских новостях". А ведь народ должен знать правду, должен знать не только о своих жертвах, но и о кровавых палачах... Я назову их имена: Ягода Гирш Григорьевич – нарком внутренних дел, Агранов Яков Саулович – его первый заместитель,

Гай, Миронов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Иоффе, Шерензон – начальники отделов НКВД, Берман, Нахимсон, Френкель, – начальники управлении ГУЛАГа, Раппопорт, Абрамсон – их заместители... Нашу дорогую Белоруссию Алесь Адамович назвал Вандеей. Напомним ему и его чрезмерно горячей компании иностранное выражение: „No pasaran!”

Вячеслав Дашкевич.

„В Куропатах должен быть построен наш белорусский Спас-на-крови...”

Александр Галькевич.

„Мы, свободные граждане своей страны, требуем снятия секретности со всей информации о причинах и возможных последствиях Чернобыльской аварии”.

Олег Шадыро.

„Сталинская психология и тактика выглядывают сегодня из-за неуклюжих попыток административной системы прикрыться фиговым листком плюрализма. Сталинизм жив!.. Свои провалы в разных областях он по-прежнему списывает на счет „врагов народа”. Сегодня, естественно, этот термин не в ходу. Ну так что же? Найдем националистов. Борьбу белорусской интеллигенции против униженного положения белорусского языка преподносят в рабочих коллективах как „наступление национализма”.

Есть и другие не менее сильные средства – вдалбливание в головы неосведомленных людей старого нацистского мифа о всемирном сионистско-масонском заговоре. На протяжении последних лет „передовой отряд” антиперестроечных сил в лице небезызвестных „лекторов и просветителей” Бегуна и Федькина отравил мозги тысяч людей ядом антисемитизма. При полной поддержке властей открыто ведется шовинистическая пропаганда. На совести Бегуна и Федькина, тех, кто их поддерживает, тысячи сломанных судеб, тысячи уехавших наших сограждан, разуверившихся в справедливости и успехе перестройки... Будем же помнить, что антисемитизм сопутствовал фашизму”.

Семен Букчин.

ОТКЛИКИ ПОСЛЕ МИТИНГА

Демократия не терпит демагогии

„Не предлагая конкретных решений,не видя путей улучшения нашей жизни, представители БНФ словно забыли, что в городе есть

еще и рабочий класс, насчитывающий 600 тысяч человек. Сторонники БНФ не будут решать за нас наши проблемы. Рабочий класс был, есть и будет решающей силой общества. С этим нельзя не считаться".

В. Пучковский,
наладчик Минского моторного завода.

„Поражаешься логике – или, вернее, отсутствию ее – у отдельных выступавших. Вот литератор Семен Букчин – он ни много ни мало обвинил меня в... антисемитизме. Я внимательно перечитал свое выступление на митинге и не нашел в нем даже намека на оскорбление еврейской нации. Думаю, к такому выводу придет каждый, кто слушал меня, кто умеет слушать. А Букчин – неужто он узрел антисемитизм в том, что среди палачей я назвал фамилии Ягоды, Бермана и других?"

Вячеслав Дашкевич,
член Союза писателей СССР.
„Советская Белоруссия", 21.II.1989.

Много шума из ничего...

„На стадионе я снова услышала знакомых ораторов – Журавлева, Ходыко, Позняка и других, которых для себя давно уже окрестила „краснобаями".

Выступать они умеют. Но где же их практические дела?"

Мария Качан,
инженер отдела кадров Минского ГПЗ-11.

„Митинг на стадионе „Динамо" еще раз продемонстрировал отсутствие культуры дискуссий. Как только выходил к микрофону неугодный неформалам человек, ему даже рот не позволяли раскрыть. Вот такая у них „демократия".

Андрей Андреев,
заместитель секретаря комитета комсомола
МПО имени С.М.Кирова.
„Советская Белоруссия", 22.II.1989.

Демократия – не для демагогии

„Выражаю свое возмущение по поводу той атмосферы, которая была на митинге 19 февраля на стадионе „Динамо", особенно содержанием выступлений Позняка, Журавлева, Ходыко.

И более чем странно, что некоторые демагоги, вроде Ходыко, носят партийные билеты. Молодежные неформальные объединения не

постеснялись даже принести с собой всякую националистическую символику, которая была скомпрометирована прислужниками фашистов в годы войны.

По-моему, некоторые из экстремистов как раз и пытаются вбить клин между населением и руководством города и республики, хотя на словах обвиняют в подобном грехе других.

Может, хватит спокойно смотреть на беспардонные выходки Позняка, Ходыко, Журавлева? Я считаю, что своими поступками они только причиняют вред перестройке".

Г.Ракитин, бригадир слесарей
ПО „Минскводоканал",
делегат XIX Всесоюзной партконференции.
„Вечерний Минск", 21.II.1989.

240 МИНУТ ВМЕСТЕ

„Радостно осознавать, что по-настоящему начала пробуждаться общественная мысль, преодолевается равнодушие, воспитанное сталинщиной и брежневщиной, рождается стремление воздействовать на состояние общественных и государственных дел. Состоялся открытый, заинтересованный и деловой разговор, который высветил разные точки зрения на перестройку, гласность, на многие злободневные и наболевшие проблемы города и республики. Люди уходили со стадиона уже не такими, какими пришли сюда... Словом, растем, учимся демократии. И, как видим, небезуспешно".

Я.К.Иванович,
ветеран Великой Отечественной войны.
„Літаратура і мастацтва", 24.II.1989.

ПОСЛЕ МИТИНГА

„От начала и до самого конца я была на митинге... При моей большой занятости я не жалею, что провела эти четыре часа на таком многолюдном собрании. Я воочию убедилась, что необходимо общественное движение за то, чтобы осуществлять общественный контроль „снизу", чтобы заботиться о сохранении социальной справедливости".

А.Бурбовская, учительница белорусского
языка и литературы, СШ № 121 г. Минска.

„З.Позняк вовсе не призывал к „конфронтации с существующим строем", как написал в „Советской Белоруссии" В.Пучковский. Я свидетельствую, что он призывал как раз бороться за настоящий социализм, против бюрократии, которая пытается навязать народу свой, аппаратный вариант перестройки. Убедительно говорил он и о необходимости решительной десталинизации общества".

В. Егорова, врач Минского
городского онкологического диспансера.
„Літаратура і мастацтва", 3.III.1989.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА

НАРОДНЫЙ ФРОНТ: НА ПУТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

„...я и хочу изложить свое мнение о Белорусском народном фронте за перестройку „Адраджэньне". Это общественно-политическая организация, не партия, Стремления стать партией нет. Главная задача – представлять и защищать интересы различных слоев нашего народа. Предчувствую, что здесь возникнут несогласия. В обществе уже есть организация – КПСС, которая выражает интересы народа и защищает их. Но это противоречие мнимое. ХХУ11 съезд КПСС, провозгласивший необходимость создания правового государства, и Х1Х. Всесоюзная партконференция, принявшая решение о модернизации политической системы нашего государства, вполне допускают общественные образования, главная цель которых – способствовать перестройке, контролировать на местах проведение в жизнь решение вышестоящих организаций...

Именно поэтому оргкомитетом Белорусского народного фронта в поддержку перестройки „Адраджэньне" и было принято решение провести свой учредительный съезд. К сожалению, проводить его пришлось в Вильнюсе".

Ю.Хадыка, профессор,
заместитель председателя Сойма БНФ „Адраджэньне".
„Советская Белоруссия", 18.VII.1989.

ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ „АДРАДЖЭНЬНЕ"

„БНФ выступает за перестройку общества на принципах демократии, гуманизма и социальной справедливости, за создание

правового государства, за возрождение ленинских принципов национальной политики, за реальный суверенитет Беларуси, провозглашенный Конституцией БССР,

Белорусский Народный Фронт – это массовое общественно-политическое движение, которое видит свою высшую цель в установлении народовластия и возрождении белорусской нации.

БНФ действует в границах Конституции БССР и объединяет людей независимо от их социального происхождения и положения, от их профессиональной, национальной, партийной или религиозной принадлежности".

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ?

„Еще задолго до съезда, примерно за год, в Минске вокруг оргкомитета было много суеты, напряжения. И переговоры со столичными властями о помещении для съезда (тоже мне проблема!) прошли ■ обоюдном недоверии, так и ни к чему не привели. Несколько сотен разгоряченных делегатов уехали ■ Вильнюс обозначив явную конфронтацию. Власти, получалось, не признали фронта, фронт откровенно грубил властям.

„Экстремисты!" – услышали мы за день до открытия съезда Народного фронта (*съезд проходил 24–25 июня. – С.Б.*) с трибуны партийного форума республики.

„Антиперестроечная Вандея!" – рубили в ответ участники съезда „Адраджэньне". И те, и другие уверены лишь в своей правоте".

Ольга Егорова.

„Комсомольская правда", 9.VII.1989.

ДИАЛОГ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?

„Город Вильнюс жил своей обычной жизнью: гуляли свадьбы, по улицам ходили туристы, люди спешили по делам, некоторые поехали за город. И только около четырех-пяти сотен людей, в основном молодых, собирались два дня подряд в Республиканском дворце профсоюзов, где работал учредительный съезд БНФ. На съезд не приехал никто из руководителей республиканских творческих союзов, известных белорусских писателей, литературоведов, ученых. Алесь Адамович, например, прислал только короткую телеграмму, а Василь Быков поехал в командировку в Испанию...

На съезде, даже в программном докладе, с которым выступил Зенон Позняк, старший научный сотрудник Института истории АН БССР, в других докладах и выступлениях не было глубокого анализа проведенной работы, практических советов и рекомендаций по ускорению процесса перестройки... В выступлениях Зенона Позняка, Бориса Рацицкого, Сергея Габрусева, Рыгора Бородулина, Анатоля Сидаревича, Семена Букчина и ряда других делегатов и гостей съезда чувствовалось стремление противопоставить БНФ „Возрождение" республиканскому руководству, партии, разогреть обстановку. Под маской рассуждений, что, мол, партийные бюрократы завтра же обвинят руководство БНФ в стремлении захватить власть, подавалось совсем другое. „БНФ покажет на выборах ■ местные Советы, что он мощная сила. Мы выберем руководителей, которые с нами", – вот в таком духе высказывался народный депутат СССР, проректор БГУ имени Ленина Станислав Шушкевич... В выступлении критика А.Сидаревича был поставлен под сомнение сам факт образования СССР и необходимость его существования.

„Конечная цель независимого демократического движения – создание независимого государства, – так заявил журналистам на пресс-конференции лидер БНФ Зенон Позняк. – Только независимое государство дает возможность для развития нации".

Иные ораторы намекали, а то и открыто провозглашали: „Беларусь – только для белорусов!"

В.Дмитриев.
„Звязда", 14.VII.1989.

СТРАСТИ ПО ПУШКИНУ

Художник Александр Пушкин: „После вального сойма ■ Вильнюсе в газетах писали, что я мечтаю о Белоруссии без евреев и коммунистов". Неправильно, я там сказал: „Без жидов и коммунистов". Это они хотят сделать Белоруссию колониальной, а я против".

„Вечерний Минск", 27.III.1989.

Спустя десять лет А.Пушкин вывалит тачку с навозом перед резиденцией президента Лукашенко, и за этот выдающийся „перформанс" будет удостоен специальной награды демократического движения Хартия-97. О поддержанном им гитлеровском лозунге никто и не вспомнит.

ВРЕМЯ ОБЪЕДИНИТЬ СИЛЫ!

„Мне показалось, что глубокого, серьезного анализа ситуации в республике в докладе не получилось. В перерыве обменялся мнениями со знакомыми активистами БНФ. Оказывается, и они ждали более аналитического, конструктивного тона. Однако откуда ему было взяться, когда очень часто, о каких бы проблемах ни шла речь, выпячивалась заданная разделенность: с одной стороны – бюрократическая административная система, с другой – поборники демократии. Увы, торжествовал весьма и весьма опасный принцип: „Кто не с нами, тот против нас!"

Но уже после начала прений стало видно: те, кто сумел подняться выше личных обид, говорили о ключевых проблемах перестройки. Основной смысл многих выступлений – требование ускорить процессы демократизации, укрепить основы народовластия, не допустить рецидивов застойных явлений, пробуксовывания перестройки. А это возможно в том случае, если консолидироваться вокруг ее идей. Такая мысль убедительно прозвучала у народного депутата СССР Александра Журавлева: „Главное – пойти на открытый, честный диалог".

К сожалению, подобный поворот устраивал не всех. Некоторые делегаты и гости использовали трибуну для разжигания страстей и распрей. Не утруждая себя анализом, логикой фактов и мыслей, они упрямо гнули свою линию: все, что идет от партии и правительства, – это плохо, все, что от народных фронтов, – хорошо. Это было настолько нелепо, что народный депутат СССР Станислав Шушкевич не выдержал: „Нужны диалог и терпение и с вашей стороны. Надо внимательно выслушать, что говорят другие, а не походя все отвергать..."

... В коротком отчете со съезда упоминалось о том, что один из важнейших проектов БНФ – о белорусском языке – в отличие от проекта о выборах народных депутатов БССР так и не был принят. Для этого не хватило времени. Невольно возникает сомнение: а не выходит ли у руководителей БНФ на первый план борьба за власть, завоевание собственного места под политическим солнцем, а уж потом – развитие национального самосознания белорусов, о котором они всегда так охотно и много говорят.

Почему сегодня такой курс опасен, объяснять нет нужды. Он – серьезная предпосылка для раскола и конфронтации. Нельзя допускать, чтобы господствовавшая в годы сталинизма и застоя лакировка социалистической действительности сменилась очернением всего, что достигнуто в строительстве новой жизни".

В.Глод,

кандидат филологических наук

„Советская Белоруссия", 14.VII.1989.

ПЕРВЫЕ, КАК БУДТО СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ

И вот она как будто в самом деле забрезжила, эта демократия, о которой столько говорили... Появилась вроде возможность выдвигать и выбирать людей, совсем даже не утвержденных разными парткомами. Но и номенклатура не дремала...

ЛИСТОВКА

Друзья!

Кого мы будем выбирать ■ депутаты 26 марта 1990 года?

Десятки тысяч рабочих и трудовая интеллигенция выдвигали своих представителей ■ кандидаты. Но где они?

Партийно-административная бюрократия, используя свою власть и недостойные методы, сделала все, чтобы не допустить в Верховный Совет лучших избранников народа. Но неспособность управлять страной привела ко многим бедам.

Вспомните о ребятах, погибших ■ Афганистане, о Чернобыльской трагедии, о наших вымирающих деревнях, о полях, усеянных ядохимикатами, о бесконечных очередях в магазинах.

Мы призываем: голосуйте только за того, в ком вы уверены, как в защитнике интересов народа, за того, кто сможет устоять под любым бюрократическоим нажимом!

Если у вас такой уверенности нет, то вычеркивайте всех кандидатов! И тогда будут повторные выборы. Мы уверены: у нас есть честные, смелые и достойные люди. Мы их должны найти. И найдем! Потому что от этого зависит будущее наших детей и внуков.

Группа поддержки БНФ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

к избирателям Сторожевского избирательного округа № 47

... Наше обращение вызвано результатами первого тура выборов, в котором большинство голосов получил митрополит Минский и Гродненский Филарет. Отдавая голоса Его Высокопреосвященству, не руководствуемся ли мы застарелыми предрассудками, взращенными в нас десятилетиями косности и застоя?

...Когда мы голосуем за владыку Филарета, отдавая предпочтение должности, даже если она церковная, не уподобляемся ли жителям отдаленных сельских районов, выбравшим в Верховный Совет Соколова, Дементея, Ковалева?.. Отдавая свои голоса митрополиту, многие считают, что тем самым выражают протест против командно-бюрократической системы, поступают ей вопреки. Увы, это самообман. Ведь именно кандидатура митрополита Филарета всеми способами поддерживалась аппаратчиками. Церковное послушание и принцип полного согласия с государственной властью, сколь бы бездарна она ни была, как никогда прежде устраивает партократию.

... Отдавая свои голоса церковному иерарху, многие надеются на примиряющую силу Церкви, что важно в дни бурных политических страстей и всевозможных конфронтаций. Но выполняет ли наша Православная Церковь здесь свою миротворческую миссию, как выполняла ее, например, католическая церковь ■ Польше или Сальвадоре, где епископы взяли на себя тяжкую роль посредника?

Вряд ли можно считать подвигом миротворчества продажу сирым и убогим свечек по три рубля штука для молитвы об убитом в Афганистане или умершем от чернобыльского облучения. Можем ли мы вспомнить хоть один случай, когда руководство Православной церкви в Белоруссии призвало к милосердию правительство по отношению к инакомыслящим, воззвало против притеснения рабочих, против вопиющего социального неравенства, против роскоши правительственных клиник в пользу сельских больниц? Выступил ли владыка Филарет с протестом против насилия властей 30-го октября, вступился ли за молодежь, возмутился ли мизерностью прибавок к пенсии малоимущих и миллиардными прибавками к зарплате аппарата?..

Кто из кандидатов сегодня нужнее в республиканском парламенте?”

К.Тарасов, писатель,
Ю.Дракохруст, кандидат физико-математических наук,
А.Галькевич, рабочий,
Н.Купава, художник,
Ю.Хадыка, доктор физико-математических наук, профессор,

Н.Тихончик, учитель,
Н.Могильный, журналист, ветеран войны,
И.Шабловская, доктор филологических наук,
З.Позняк, кандидат искусствоведения,
В.Ивашкевич, рабочий,
О.Сурский, художник,
П.Садовский, кандидат филологических наук,
В.Акулов, доктор философских наук, профессор,
В.Козько, писатель,
Ю.Хащеватский, кинорежиссер,
В.Лопатин, кандидат философских наук.
11 марта 1990 г.

ЗАВТРА БЫЛИ ВЫБОРЫ

„Результаты первого тура выборов соответствуют нашим прогнозам. Шестеро наиболее известных и активных кандидатов от БНФ были избраны сразу же. Сразу же прошла и номенклатура, которая баллотировалась по фактически безальтернативным округам. По остальным округам было объявлено повторное голосование... Победа ■ первом туре вызвала ■ демократической среде эйфорическое настроение. Преимущество над партийной номенклатурой почти в два раза давало уверенность в полной победе. Допускалось, что часть тех 40–50% избирателей, что отдали свои голоса „независимым" депутатам, не придет на повторное голосование, часть разделится приблизительно пополам. Но теперь уже ясно, что мы недооценили „актива" в партаппаратном балансе. Номенклатурные кандидаты широко использовали государственные средства на подкуп избирателей – мостили дороги, ремонтировали квартиры, открывали пивные палатки и т.д. Перед самым голосованием в официальной печати прошла волна дезинформации и наветов на Белорусский Народный Фронт, который, в свою очередь, не мог на это ответить... Не последнюю роль сыграли и махинации избирательных комиссий..."

Виктор Ивашкевич, председатель
Избирательной комиссии БНФ „Возрождение"
„Свабода", № 1, апрель 1990 г.

КУРС НА СУВЕРЕНИТЕТ И СПОРЫ О РОЛИ БНФ

Слово „суверенитет" стало звучать все чаще – в прессе, на митингах... Стало вдруг понятно, что без суверенитета ничего не решить, что это тот самый ключ в будущее... Понимали, правда, его по-разному... 20 июня 1990 года была создана парламентская комиссия по подготовке проекта Декларации о государственном суверенитете.

СУВЕРЕНИТЕТ – ШАНС ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ

„Декларация запоздала, по крайней мере, на год. Однако, хотя реальные условия ■ обществе созрели давно, на этажах власти эта идея продолжала расцениваться как крамольная. Сколько обвинений в махровом национализме, подрыве устоев раздавалось в адрес представителей Белорусского народного фронта! Ведь только БНФ открыто разрабатывал и отстаивал ■ республике концепцию суверенитета... Становится очевидным, что свободное развитие и благополучие народов – неразделимы. Одни начинают приходить к мысли: Союз может быть сохранен не силой угроз и блокад, а намного успешнее – реальной свободой самоопределения республик. Другие, в свою очередь, убеждаются: Союз может быть выгоден при достаточно справедливом союзном договоре... Теоретически может оказаться и так, что Белоруссии выгоднее станет выйти из состава СССР. Что ж, вполне равноправная точка зрения в дискуссии. Однако вряд ли она завоюет сегодня большое число сторонников – сужу по реальной ситуации, интересам интегрированной экономики. Главное же в том, что решать чернобыльские проблемы в одиночку Белоруссии не по силам..."

Дмитрий Булахов, председатель
постоянной комиссии по законодательству
Верховного Совета БССР.
„Знамя юности", 22.VI.1990.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ БНФ...

„Мы надеемся, что интеллектуальные силы белорусского народа, которые понимают необходимость такого рода политических решений как Декларация о независимости, должны консолидироваться вокруг этой идеи БНФ уже сейчас... Мы не мыслим реальный суверенитет в рамках тоталитарной системы, в рамках сохранения политических условий, которые существуют ныне. Мы считаем, что подлинно независимой Белорусская Республика может быть только тогда, когда она станет демократической. Лучше, чтобы эти процессы шли парал-лельно".

Юрий Хадыка,
заместитель председателя Сойма БНФ.
„Знамя юности", 18.VII.1990.

ЗАЯВЛЕНИЕ РУКОВОДСТВА И СЕКРЕТАРИАТА БНФ

Декларативный суверенитет Беларуси остается бумажным. Нашу Батьковщину по-прежнему грабят „союзные" ведомства, а белорусские хлопцы ■ форме гибнут в чужих горах. Не принят ни один закон, который приблизил бы Беларусь к здоровой экономике и благополучию, земля так и не отдана крестьянам. Людей не спасают от Чернобыля. Не выполняется Закон о языках. А тем временем коммунистические аппаратчики лихорадочно создают акционерные, кооперативные, совместные предприятия и банки, занимаются коммерческой деятельностью, перекачивают государственные средства в партийный и частный карман и грабят народ...

Правоохранительные, судебные органы, служба госбезопасности, основные средства массовой информации по-прежнему выполняют роль помощников партийных функционеров. Это выразительно засвидетельствовали события 7 ноября... Инцидент у памятника В.И.Ленину, вызвавший близкую к истерии реакцию ЦК КПБ, был спровоцирован действиями ОМОНа... Более того, провокационные действия подразделений ОМОНа, которые начали отталкивать и теснить людей, возмутили народ, и он все равно возложил к памятнику Ленину символы созданной им государственной системы и идеологии – чучело энкаведиста, атрибутику заключенных ГУЛАГа, голода, репрессий и паек жителей Чернобыльской зоны...

Мы требуем роспуска КПБ—КПСС как организации, которая проводила политику геноцида по отношению к своему народу, привела Беларусь на грань катастрофы... международного суда над коммунизмом – бесчеловечной и преступной идеологией.

19 ноября 1990 г.

БНФ: ДВА ГОДА СПУСТЯ

„Отсюда – из осознания своей непогрешимости – проистекает жажда отмщения, отсюда требования нового Нюрнберга для коммунистов. Кому мстить? Истории? Ныне живущим членам КПСС, не несущим никакой ответственности за злодеяния сталинского режима?..

Парадокс ■ том, что БНФ, который ставит своей главной задачей возрождение национального духа, подчас действует вопреки национальному духу: признанной за белорусами толерантности, их уважению к памятникам, их традиционализму и неприятию насилия, в какой бы форме оно ни приходило...

Параллельно с радикалистским дрейфом БНФ шло его отторжение в общественном сознании".

Анатолий Майсеня.
„Знамя юности", 23-24.IV.1991.

„АМИНЬ" СОЮЗУ?

„Вот и размышляю я: 73 года мы рыли платоновский котлован под коммунистическое общежитие. Оказалось – утопия. Не пришлось бы нам теперь еще десятилетия рыть котлован под полный и неделимый национальный суверенитет. Если, конечно, пойдем таким путем. Хотя в политической природе „неделимого и полного" не существует. Но есть и другой путь. Направляющим лучом на этом пути служит принцип целесообразности и политический прагматизм в традиционном европейском духе. Ведет он к совершенно новому Союзу, выстроенному на новых принципах... Самое главное теперь – это воздержаться от категоричного „нет" Союзу, не отметать с порога идею обновленного Союза... Я также не разделяю оптимизма тех, кто полагает построить совершенное демократическое общество в Белоруссии ■ отрыве от демократических сил России. Для Белоруссии, может быть, как ни для какой другой республики важно сохранить единое демократическое пространство. Наивные люди, глупенькие жертвы самообмана, говоря словами непопулярного ныне Ленина, они все еще пребывают в эйфории демократических августовских перемен. Забывая при этом, что ни краха компартии Белоруссии, ни того трогательного единения в парламенте республики депутатов, которые всегда были по разные стороны баррикад, ни взлета демократической прессы – ничего бы этого не наступило, если бы не одержали победу российские демократы. Кто гарантирует, что Белоруссия не вернется на

путь „социализма со специфическим белорусским лицом", если восторжествует полный и неделимый национальный суверенитет?"

Анатолий Майсеня.
„Народная газета", 11.IX.1991.

НЕЗАВИСИМОСТЬ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО?

„Приоритет национальной идеи неизбежно означает возрастание роли государства как главного рычага процесса в ущерб гражданскому обществу. Поэтому с устранением КПБ в нашей республике на глазах растет и будет усиливаться противоречие, которое ранее было малозаметным. Лидеры национального движения пытаются его трактовать как противоречие между сторонниками национального возрождения и его противниками, гражданами с „имперским мышлением", „интерфронтовцами". На самом деле, это противоречие между людьми с авторитарно-государственным и либерально-демократическим типом мышления...

Здесь мы снова видим приоритет идеолого-политических аспектов перед экономическими...

Возникает принципиальный вопрос: независимость – это цель или средство? Если это, конечно, цель, то для ее достижения не жалко никакой цены ("мы за ценой не постоим" – это глубоко сидит в нас), можно пожертвовать благосостоянием народа, общественной стабильностью и пр. Сторонников такой позиции переубедить в чем-либо вряд ли возможно. Если же считать, что независимость лишь средство для процветания народа Беларуси, то на этой почве можно вести плодотворную дискуссию о тех или иных вариантах экономической политики, целесообразности заключения союза с другими государствами и т.д. Только здоровая рыночная экономика является основой подлинного суверенитета".

Валерий Карбалевич,
кандидат исторических наук.

СУВЕРЕНИТЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕАЛЬНЫМ

„Я вижу принципиальную разницу в наших взглядах в том, что для спадара Олега Трусова и его единомышленников декларации о независимости или об отделении от Союза уже достаточно, чтобы провозгласить все это прогрессивным явлением, для меня же не это

главное. Мое отношение определяется другим – что реально стоит за этими декларациями и насколько национальный суверенитет обеспечивает реальные экономические и политические права людей...

Нет, демократия, свобода, экономический расцвет, социальная справедливость и прочие ценности цивилизованного общества не вырастают из национального суверенитета, как Афина-Паллада из головы Зевса. Кстати, для меня свобода критики такой же императив демократии и цивилизованного общества, как право на жизнь, труд и собственность..."

Анатоль Майсеня.

НЕ ВСЕ БЕЛОРУСЫ БЕСПАМЯТНЫЕ

„Но не все белорусы беспамятные, многие хорошо знают, что получила белорусская нация за 200 лет нахождения сначала в составе Российской империи, а потом в крепких объятиях „нерушимого союза свободных республик".

Почти утрачены язык и история, разрушены многочисленные памятники архитектуры, находится в состоянии полного кризиса национальная экономика.

И не нужно утверждать, уважаемый спадар Майсеня, „что оппозиция БНФ пытается установить контроль над самой идеей независимости". Эта идея провозглашена руководством БНР 25 марта 1918 года, и БНФ является только продолжателем осуществления этой идеи в реальных условиях конца XX столетия".

Олег Трусов,
народный депутат Республики Беларусь.
„Народная газета", 25.X.1991.

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ. КТО ДОЛЖЕН ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ В БЕЛАРУСИ?

ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

„Время теперь такое, что нужно забыть и о слезах горя и слезах умиления. Крепнет полонизация, просыпается православно-монархический медведь, заявляет о себе проукраинский сепаратизм, литовские деревни Сморгонщины и Ошмянщины смотрят в сторону Вильни, потихоньку присваивают белорусскую землю латышские пограничные столбы. Идут абсолютно объективные процессы: слабого обкрадывают и разрушают, слабый разрушается сам.

Противостоять этому всему может только логика, только здравый смысл, наш рациональный национализм, который придаст белорусской идее реальное эффективное воплощение и силу духа...

Смотрите. Нас, белорусов, вечно сгоняли с насиженных мест. Мы так и не обрели определенного места – определенной религии, определенной государственности, определенной „писаной морали" (И.Абдиралович)...

Ratio требует для начала признать, что есть то, что есть, а чего нет... Нет такой развитой культурной нации – белорусской. Нет никаких оснований для того, чтобы успокоиться на „почетном месте среди народов". Это иллюзия – представлять белорусов в одном ряду с немцами, русскими, даже с летувисами в одном контексте культурных и научных задач. Нас только тысяча. Это только зародыш нации, но уже не ничто. О том, что „гибнет язык" можно было кричать десять лет назад, когда нас не было вообще...

К сожалению, многие и теперь смотрят на национальное, как на „вал"... Плодятся объединения, издания, мероприятия, но все – в кучу. Лишь бы было больше этой беларушчыны. Может, количество перерастет в качество?.. Куча все растет, но никак не назовешь ее Домом, который мы продуманно и скоординированно, с помощью сложных

приспособлений строим для себя и своей нации. Мы и сами не живем в этой „куче", каждый день возвращаясь со „строительства" в другую среду и часто – другими людьми...

Так когда же наши души перестанут зависеть от внешних доктрин? Не тогда ли, когда личной субъективной доктриной каждого станет прежде всего человечность в белорусском облике, наш национализм?..

Беларуси не повезло и еще с одним опорным моментом – с самоназванием... И хотя в мире не отличают Беларусь от России, менять название (а такие предложения есть) нерационально. Это почти то же, что менять население, которому предстоит стать нацией.

Но в таком случае нам никогда не разобраться в собственной истории без присвоения слов **Литва** (литовский, литовец) и **Русь** (русский). Это же мы, белорусы, фигурируем ■ истории как Литва и Русь, тогда как наши соседи сплошь называются московитами и жмудью. Подмена понятий. А поскольку названия Литва и Русь совпадают с современными названиями соседних народов, то единственное, что мы можем сделать – это сменить их современные названия в нашем языке. Литва – это историческая Литва на территории современной Беларуси и более ничего. Литовцы – наши с вами предки, о чем вам скажут все летописи. Они же, летописи, называют старобелорусский язык литовским. Современных наших соседей мы должны называть их современным самоназванием, так, как это делает белорусская эмиграция: Летува – летувис – летувисский. Других наших соседей следует называть в старой (и еще живой) белорусской традиции – расейцами, а страну их – Расеяй...

Я понимаю, что все мы за Беларусь. Но уже сегодня цель дифференцируется. Мы за разную Беларусь. И это нормально. Кто-то видит ее по-прежнему коммунизированной, кто-то – многопартийной, кто-то – вообще беспартийной. Каков оптимальный критерий нашей консолидации, пока все национальные силы выступают вместе? Такой критерий есть: мы – за Беларусь. И если у возрожденца коммунистические или, скажем, панславянские, русско-православные или польско-католические или еще какие-нибудь тенденции преобладают над национальными – тогда и заканчивается наша консолидация".

Сергей Дубавец.
„Літаратура і мастацтва", 2.II.1990.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

„Нельзя не вспомнить, что почти столетие назад, в 1905 году, слова „национальное возрождение" уже звучали вместе со словом „революция". Но потом трагически разошлись эти два понятия: одно призывало

словами Купалы „Занімай, Беларусь маладая мая, свой пачэсны пасад між народамі", второе провозглашало упразднение всех наций и народов. Революция возвестила: „весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим". Новый мир, нового человека, новую культуру и новую мораль. Возрождение же не собиралось ничего разрушать, а как раз восстанавливать, возвращать утерянное, отобранное, забытое. Что и кого? Старую Беларусь, „классово чуждые элементы" – князя Всеслава-Чародея, княгиню Рогнеду, монахиню „цемрашалку" Евфросинью Полоцкую, „религиозного деятеля" Скорину? Не национализм ли это, не нацдемовщина ли? Трагически не совпали два понятия, два процесса.

Совпадут ли сейчас? Вопрос не праздный, если видишь, как в штыки встречается движение Народного фронта „Адраджэньне", как запрещается и охаивается национальная символика, как с огромным трудом отказывается от официоза доктрин наша историческая наука, состоящая не просто из „белых пятен", а из сплошной „черной дыры"; как буквально с боем отвоевывается каждое имя бывшего под запретом национально-культурного деятеля. Не возрождение, предполагающее созидательную, творческую, спокойную работу, а сплошная борьба, сражение.

И снова запугивание призраком национализма, обвинение в межнациональных конфликтах людей, которые здесь, в Белоруссии, выступают за национальное самосознание, родной язык и культуру. В то же время столько попыток создать межнациональные конфликты „сверху": достаточно вспомнить, как официально на предприятиях и в школах объявлялось о намеченных в конце марта еврейских погромах ■ национальных бесчинствах, чтобы сорвать митинг, организованный Народным фронтом. Или вспомним территориальные претензии к Литве, предъявляемые якобы от имени белорусского народа, ■ то время как известно, что не белорусский народ „добровольно" отдавал свои земли и не литовский народ их самовольно брал. У народа не спрашивали, за него решали, его землю перекраивали и делили.

К счастью, ни в одном случае детонатор не сработал: не пошел белорусский народ бить стекла у национального меньшинства, как и не пошел отвоевывать Вильню".

Тамара Чабан.

„Неман", 1990, № 11.

НАЦИОНАЛИЗМ: ЧУДОВИЩЕ ПРОБУЖДАЕТСЯ

„Национализм – это не борьба за свои национальные права, а пренебрежение к чужим правам на сохранение национального и чело-

вечеcкого достоинства. Национализм – это определенная концепция мира, согласно которой народы являются конкурентами в борьбе за выживание.

Национализм – это выраженная форма естественной потребности каждого народа иметь свое национальное государство. Национализм означает нетерпимость: он отказывает другому человеку в праве на национальную жизнь.

Национализм – это последняя фаза коммунизма... Одновременно национализм является выражением оппозиции коммунизму... Национализм – это способ избавиться от ответственности за прошлое. Виноваты всегда „чужие" – таково убеждение каждого националиста...

Сейчас часто говорят о том, что в России вновь разгорелся спор славянофилов и западников. Я не верю в это. Я вижу в России спор демократов, духовным отцом которых был покойный борец за права человека Андрей Сахаров, с черносотенцами".

Адам Михник.

„Знамя юности",11.XI.1991.

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

„Сам я – едва не наполовину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провел большую часть своих фронтовых лет, и до пронзительности полюбил ее печальную скудость и ее кроткий народ.

К тем и другим я обращаюсь не извне, а как *свой*...

Сегодня отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения, целые области с русским перевесом, сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух, сколько смешанных браков – да никто их „смешанными" до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! — это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован – вместе и выберемся...

Все сказанное полностью относится и к Белоруссии, кроме того, что там не распаляли безоглядного сепаратизма.

И еще: поклониться Белоруссии и Украине мы должны за чернобыльское бедовище, учиненное карьеристами и дураками советской системы, — и исправлять его, чем сможем".

А.И.Солженицын.

„Литературная газета", 18.IX.1990.

„АЛЬТЕРНАТИВА ВСЕГДА СУЩЕСТВУЕТ...”

„А.Солженицын поднял из научного небытия старый имперский хлам, исторически несостоятельный и оскорбительный для белорусов и украинцев тезис о единой и неделимой России, отказывая белорусам и украинцам в государственной независимости.

Отношение к украинцам и белорусам, высказанное А.Солженицыным, совпадает с позицией русских черносотенцев начала века и официозной царской политикой, против которой боролась тогда вся демократическая Россия...

Кстати, объясню господину Солженицыну, почему проводилась такая политика. Царизм пуще смерти боялся восстановления Великого Княжества Литовского, в основании которого, как известно всем, кто знает историю, был белорусский народ, белорусская культура и белорусский язык... И теперь писатель А.Солженицын мечтает о новой России с корпорацией белорусов и украинцев, без взбунтовавшихся на окраинах „инородцев”. Как будто не ясно, какой вариант империи получится из этой давно похороненной идеи, где нам, белорусам, без поддержки „инородцев” уготована полная народная, национальная, духовная да и физическая смерть...

Мне, как человеку другой культуры, многое чуждо, неприемлемо и неприятно в творчестве русских писателей и поэтов, обожаемых в России, начиная от Державина и до сегодняшних ниспровергателей. Это прежде всего – нравственная раздвоенность личности писателей и комплекс какого-то чванливого азиатского шовинизма и неуважения к другим народам. Вся русская литература пропитана этой болезнью”.

Зенон Позняк.

„Народная газета”, 23–30.X.1990.

КАКАЯ ЖЕ АЛЬТЕРНАТИВА?

„Видимо, за этот „шовинизм” и получили признание во всем мире Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский, Чехов и Бунин, Ахматова и Мандельштам... И как, вероятно, обрадовались живущие в Белоруссии татары, киргизы и узбеки, туркмены, казахи, узнав от З.С.Позняка о своей основной черте – „азиатском шовинизме”... Возвращаясь же к „пропитанной этой болезнью” русской литературе, следует, видимо, сказать и о том, что „зараза” перекинулась на многих белорусских писателей (от Янки Купалы до Янки Брыля), посвятивших немало добрых, проникновенных слов литературе Пушкина и Чехова. Несомненно, особой экзекуции заслуживает Максим Богданович. Ведь он еще

в 1916 году написал эти крамольные слова: „*Но мы имеем еще один мощный фактор, сплачивающий разнородные племена Российской империи, именно русскую культуру. Ее печать лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных течений*". Да что там благодарная обращенность М.Богдановича в сторону русской культуры! Если следовать логике лидера БНФ, автор „Венка", безусловно, предатель интересов белорусского народа. Ведь он позволил себе тогда же еще большее „святотатство": „*Раз данные народы живут в одних и тех же государственных условиях, вместе работают над их усовершенствованием, вместе участвуют в государственном строительстве, знают общие победы и поражения, – они не могут быть чужды друг другу. Нужно только, чтобы эгоистические интересы отдельных народностей не подтачивали этой естественной государственной спайки*".

Семен Букчин.
„Знамя юности", 4.XI.1990.

ПОДПОЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО – РАЗНЫЕ ВЕЩИ. НУЖНО ВЫБИРАТЬ

„Белорусы – старый народ. Они пережили все ужасы XX века без своего государства. А сейчас, когда, кажется, все налаживается, они не ощущают реальной необходимости такого мощного защитного средства как Свое Государство. Это вовсе не апатия. Это скорее норма. Ощущение необходимости своего государства приходит с каждым новым политическим шагом Республики к независимости, с просвещением... Медленно, но это ощущение приходит. Смотри, народ не протестовал ни против одного шага к независимости. Он с мудрым спокойствием принял и Декларацию и символику. Он примет свои деньги, свою армию, постепенно он примет и язык. Потому что все это, как и сама независимость, разумные и ненасильственные меры. Наш народ не примет разве насилия, накачивания новой идеологией... Не нужно на народ перекладывать дела политиков. Народу для всего нужны условия, а не какая-то новая „сознательность"...

Говорят, что не нужно президентство, потому что Позняк не наберет голосов. Но здесь несколько не так ставят вопрос. По моему мнению, нам нужно президентство, потому что это будет завершением структуры власти независимого государства. И пускай президентом станет кто угодно – сегодня не в этом дело. После уже начнется внутренняя политика. Отставки, перевыборы и т.д.

...Ситуация достаточно парадоксальная. Нация должна иметь как завершающую фазу своего развития национальное государство. Но укреплять властные структуры нельзя, поскольку это означает укреплять номенклатуру. Пока нет экспансии со стороны Российской империи или Польши, а даже и Украины, пока создался такой геополитический вакуум, необходимости максимально рафинировать власть на Беларуси как будто нет. Но экспансии могут рвануть неожиданно. Скорее в направлении кризиса, нежели в сторону стабильности развивается ситуация в России и Польше. А затем может наступить депрессия, из которой эти две романтические страны извечно выбираются с помощью жестких мер, через диктатуру, которая никогда не считалась ни с нами, ни с летувисами, ни с другими. Словом, впереди полнейшая неожиданность. И поэтому БНФ, как наиболее цельная и подготовленная сила, должен взять власть".

Сергей Дубавец.
„Літаратура і мастацтва", 15.XI.1991.

Вот когда оно впервые засветилось в белорусской публицистике, это слово – „диктатура". И если придет диктатура на белорусскую землю, то, конечно же, извне, из России или Польши... О своей, доморощенной, никак не думалось, не мечталось... Ну откуда у нас, таких толерантных, возьмутся диктаторы? Поэтому пусть будет президент... Любой... Там поглядим... Не понравится – отправим в отставку...

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

„Так к чему же придет в конечном счете национальное государство? В обозримом будущем, то есть в течение нескольких ближайших десятилетий, оно, в основном, сохранится в его теперешнем виде. Некоторые страны, такие, как Югославия или Советский Союз, может быть, распадутся на этнические или религиозные анклавы, находящиеся почти в состоянии войны друг с другом, Такие же организации, как ЕС, ГАТТ или же ООН, по-прежнему будут оказывать содействие интернационализму и начнут превращаться в арены постепенного объединения обществ и суверенитетов.

Основной единицей останется, однако, национальное государство. Ничто больше не в состоянии управлять целыми обществами, не впадая, с одной стороны, в инфранационалистическое заблуждение трайбализма или же, с другой стороны, в супранационалистскую стерильность правления бюрократов. Если миру повезет, то очередная

эра национальных государств будет функционировать в режиме свободной торговли, фиксированных курсов валют (может быть, даже с одной-единственной валютой). Он будет свободным и открытым, при этом могущество будет балансироваться более или менее мирным путем. Однако большая часть тех же самых флагов по-прежнему будет развеваться на флагштоках у резиденции ООН и объединятся все же национальные государства, а не нечто другое".

Перепечатка из журнала „Economist" (Англия).
„Навіны Беларускай Акадэміі", 14.VI.1991.

ГДЕ ИСТИННЫЕ ГРАНИЦЫ БЕЛАРУСИ?

Возможность говорить и обсуждать, печатать самые фантастические высказывания кружила головы... Разве не проблема: где истинные границы Беларуси? Какой простор одновременно и для политических спекуляций и для патриотической перекройки карты...

ЗАЯВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА „ВОЗРОЖДЕНИЕ"

Управа БНФ считает, что заявление Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1990 г. о возвращении БССР северо-западных белорусских территорий бывшей Виленской области и города Вильны (нынешнего Вильнюса) в случае выхода Литвы из состава СССР не является самостоятельным решением, не продиктовано настоящей заботой об интересах белорусского народа.

С октября 1939 г. правительство БССР послушно руководствовалось и руководствуется ■ этом вопросе позицией Москвы. То обстоятельство, что изложенные в заявлении территориальные требования к Литве связываются только с выходом или невыходом последней из состава СССР, позволяет расценить их как форму политического шантажа.

Цель заявления Президиума Верховного Совета БССР – помешать осуществлению государственной независимости Литовской Республики путем ультимативного нажима, создания источника напряженности между Беларусью и Литвой, провоцирование межнациональной враждебности и военного вмешательства.

„Свабода", № 1, 1990, апрель.

„ИГРА В КАРТЫ" – ОПАСНА

„Последнее время в газетах Литовской Республики публикуются карты Литвы, на которых в качестве литовской обозначен немалый „кусок" территории Белорусской ССР. Напечатана такая карта и в номере „Голоса Литвы" (12.XI – 18.XI.1990)... Она снабжена большой статьей „Восточные границы Литвы", где подводится теоретическая база под этот „захват".

Приходится констатировать, что белорусский и литовский народы стоят перед серьезным вопросом об определении границ.

...Таким образом, возможные претензии литовской стороны к Беларуси абсолютно безосновательные, они не базируются ни на дипломатических соглашениях между двумя сторонами, ни на этническом характере местного населения.

...Старый Президиум ВС БССР принял Заявление о возможных территориальных претензиях к Литве – несмотря на всю свою некорректность, оно имеет под собой определенное основание. Появилось и в нашей печати несколько статей на эту тему, но печатать „настоящую кар-ту" Белорусского государства – простите, до такого у нас еще не дошли".

Александр Старовойтов,
студент Минского института иностранных языков.
„Літаратура і мастацтва", 11.I.1991.

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА БЕЛОРУССИИ: ВОЗЛЕ МИНСКА ИЛИ ВИЛЬНО?

„Весной 1990 г. публикуется и широко распространяется карта с границами Литвы, проходящими вблизи Минска, с дополнительным „присоединением" многих белорусских городов и сел.

Формула этой „колонизации" трехходовая. Первый ход (теоретическая база) основан на отождествлении Великого княжества Литовского (ВКЛ) с балтским государством (ВКЛ = Литва). Далее. Поскольку белорусские земли входили в ВКЛ, а Вильно был его столицей, то они, эти земли, могут быть затребованы Литвой как прямой наследницей ВКЛ. Это и произошло в процессе переговоров в 20-х годах между Литвой и Россией. Заключительный „ход" состоит в том, что для удержания отторгнутых земель (с преобладающим белорусским населением) необходимо убить его национальное самосознание. Это позволит подавить возможный белорусский сепаратизм в Литве. Запутать „тутэйшых" людей так, чтобы создать из них „новый этнос".

Однако теоретическая база этой „формулы" не выдерживает критики. ВКЛ, будучи многонациональным, было в первую очередь славянским (белорусским) государством. И когда этому государству суждено было распасться на славянскую и неславянскую части, то раздел прошел, естественно, по земле севернее Вильно.

Границы расселения белорусского этноса хорошо изучены и по материалам переписи 1897 года, и благодаря экспедициям по исследованию языка, фольклора и других компонентов этнической самобытности.

Согласно всему комплексу данных, эти границы проходят севернее... Вильно. Да и сам город Вильно всегда имел ярко выраженный славянский характер. Поляки, русские и белорусы в 1897 году составляли здесь 55 процентов жителей, евреи – 40 %, а литовцы – 1 процент населения. Доминирование евреев среди городского населения было характерным в то время (вспомним черту оседлости) не только для Вильно, но и для большинства городов Польши и Белоруссии (в том числе Варшавы, Минска, Витебска и т.д.). В частности, в Минске во время переписи записали себя белорусами только 9 процентов жителей.

В этнической переплавке белорусов города играли главную роль, осуществляя через польско- или русскоязычные церкви и школы денационализацию коренной национальности Следовательно, принадлежность таких городов как Минск, Вильно, Могилев, Витебск и т.д. – Белоруссии, Варшавы, Кракова и т.д. – Польше, Каунаса – Литве, следует определять, исходя из национальности основного этноса окружающей эти города территории.

„Новая" карта Литвы не является однако плодом фантазии „политиков" образца 1990 года. Она соответствует договоренности о признании прав Литвы на эти земли, достигнутой ■ 20-х годах между тоталитарным режимом России и буржуазной Литвой. В результате „удачного" соглашения Россия приобрела союзника, столь необходимого ей в тот период международной изоляции в обмен на... обещания, которые казались очень далекими от реальной жизни этого региона.

Западная Белоруссия со своей столицей Вильно оставалась в составе Польши, не предполагая ни аннексии со стороны Литвы, ни тем более добровольного „вхождения" в нее. Дележ белорусских земель произошел ранее в результате крупных военных действий между Польшей и Россией. Этот дележ и явился для правителей Литвы примером для подражания. Однако сил для участия в вооруженном захвате было недостаточно, поэтому пришлось ограничиться „агрессией на бумаге".

Тем не менее истории было угодно распорядиться так, что эта „невинная" дипломатическая акция (фактически мечта о большом государстве), начатая при Ленине, впоследствии благодаря Сталину

и Гитлеру воплотилась в жизнь По неизвестным причинам Сталин (поскупился!) уменьшил передаваемую Литве западнобелорусскую территорию. Так что остался за СССР... должок. Можно предположить, что именно об этом долге хотят напомнить те, кто весной 1990 года переиздал названную карту".

В.Сивчик,
кандидат физико-математических наук .
„Навіны Беларускай Акадэміі", 12.X.1990.

А ТАК ЛИ СВЯЩЕННА КОРОВА?

„Имею в виду, прежде всего, проблему республиканских границ – эту священную кое для кого корову. Хотим мы того или нет, а проблему придется решать. И не надо впадать в истерику... Не опоздать бы. Не довести до той критической точки, когда события станут развиваться по армяно-азербайджанскому или югославскому сценарию. Ибо последнее слово говорят не политики, говорит народ".

Валентин Акулов.
„Знамя юности", 27.IX.1991.

АБСУРД

„Откроем, например, книгу „Материалы для начального курса истории Украины для 5-го класса общеобразовательных школ" О.С.Кучерука... Древнерусский язык называется либо просто древним языком (без обозначения принадлежности какому-либо народу), либо древнеукраинским, либо украинско-белорусским. Правда, далее уже белорусам повезло меньше – белорусский город Брест назван украинским городом Берестье".

Михаил Кильчицкий.
„День", 1992, № 3.

СЛАВЯНСКИЕ АСПЕКТЫ ВИЛЕНСКОЙ КАТАСТРОФЫ

„Белорусский народ, победитель, трудолюбивый и жертва жестоких режимов, подвергнутый этническому и физическому геноциду, — еще жив! И может и должен заявить о полном восстановлении своих прав.

По нашему мнению, только справедливое и честное решение позволит открыть триединый выход из тупика для СССР, Беларуси и Прибалтики:

...предоставление свободы и независимости Прибалтике при мудром и честном с ее стороны отношении к проблеме возвращения сталинско-гитлеровских „подарков".

...проведение референдума для определения сроков и путей трансформации Виленщины в новый государственный статус.

... придание Вильне статуса вольного города с преобразованием его в Европейский центр сотрудничества славянских и балтских народов.

... придание Виленскому краю особого статуса государственной автономии с гарантией для населения края полной свободы выбора языка, национальной ориентации и религии.

Только так можно остановить насильственную деславянизацию Вильны и Виленского края, проводимую в течение более 50 лет в качестве главной задачи всех правительств Литвы".

Виктор Сивчик.
„Голас Радзімы", 6.VI.1991.

На фоне рассуждений о Великой, но несправедливо урезанной Беларуси абсолютным кощунством выглядел призыв, появившийся в московском еженедельнике.

„В НАШЕМ ЗАПАДНО-РУССКОМ КРАЕ..."

„Дорогие соотечественники! К вам обращаются люди, которые хотели бы создать и в нашем западно-русском крае – Белоруссии – филиал Фонда восстановления Храма Христа Спасителя, ибо храм Христа Спасителя был святыней всех народов Российского государства, символом несогбенного и свободного Отечества нашего.

В той первой Отечественной войне наши земляки немало положили сил, чтобы изгнать за пределы Святой Русской Земли нашествующих иноземных разбойников. Неувядаемой славой покрыли себя воины лейб-гвардии Литовского, Минского пехотного, Белорусского гусарского полков и других частей русской армии, в рядах которых сражались наши земляки..."

Члены Минского городского
патриотического объединения „Отечество".
„Литературная Россия", 1989, № 52.

„ЧТОБЫ СТАТЬ НАЦИЕЙ ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕОБХОДИМЫ ДУХОВНЫЕ УСИЛИЯ"

„Но сейчас у нас, в отличие от 1918 года, есть одно преимущество, хоть ты благодари Сталина, — представительство в ООН. Никакие

территориальные претензии наших соседей не могут быть удовлетворены, чтобы там ни говорили Ельцин, польские патриоты, летувисские сверхпатриоты и украинские деятели на Брестчине. Беларусь – действительный член ООН, и в любом случае она может обратиться за помощью к международному сообществу. Кстати, сейчас перед нами встает задача войти в европейское сообщество, как это ни странно звучит, поскольку членом мирового сообщества мы уже являемся".

Анатоль Сидаревич.
Літаратура і мастацтва", 25.X.1991.

РЕФЕРЕНДУМ: ВЫ ЗА СОЮЗ ИЛИ ПРОТИВ?

ОБРАЩЕНИЕ II СЪЕЗДА БНФ „ВОЗРОЖДЕНИЕ" К НАРОДУ БЕЛАРУСИ В СВЯЗИ С РЕФЕРЕНДУМОМ

„Проведение референдума СССР на территории Беларуси было неправомерным в результате существенных юридических нарушений. Республика не имеет закона о референдуме: вопрос о его проведении не рассматривал Верховный Совет БССР. Референдум понадобился КПСС в пропагандистских целях, чтобы задержать неизбежный процесс развала империи и дольше оставаться при власти. Референдум был направлен против суверенитете республик, против их усилий найти согласие между собой без посредничества „центра". Противоречивая формулировка вопроса референдума ставила целью получить положительный ответ дезориентированных людей. Проявило бездумную послушность Кремлю руководство БССР. Беларусь стала единственной среди европейских республик СССР, где референдум состоялся по горбачевскому сценарию и не был даже дополнен республиканским опросом. Тем не менее результаты референдума на Беларуси засвидетельствовали: белорусский народ уже не тот, что был пять лет тому назад. Среди жителей Минска, Гродно, Бреста, Новополоцка, Витебска, Молодечно, других городов за Союз и социализм высказалось меньшинство избирателей, внесенных в списки для голосования. Почти миллион человек сказали НЕТ коммунизму и советской империи. Те, кто сказал НЕТ, понимают, где перспектива Беларуси. Съезд БНФ обращается ко всем, кто отказал тоталитарной системе, с призывом объединяться в рядах Народного фронта. Фронт становится движением тех, кто сознательно сражается за независимую демократическую Беларусь".

4 марта 1991 г. Минск.

„НЕ ДЕРЖИТЕ НАС ЗА ДУРАКОВ...”

„Я глубоко убежден: в любом случае окончательно вопрос о форме своего государственного суверенитета правомочен решать только сам белорусский народ. Только он. И никто иной за него „от имени и по поручению”. А именно такую срежиссированную попытку мы имели счастье наблюдать в минувший горе-референдум”.

Валентин Акулов,
доктор философских наук.
„Свободные новости”, апрель 1991, № 7.

К НАМ ПРИЕХАЛ ПРЕЗИДЕНТ ГОРБАЧЕВ

О „ДРУЗЬЯХ НАРОДА" И БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Из выступления М.С.Горбачева перед представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии

„Сегодня можно констатировать, что так называемые демократы взяли в последнее время откровенно антикоммунистический курс. И прозвучавшееe ▪ программном заявлении ХХУ111 съезда КПСС обращение ко всем патриотическим силам, заинтересованным ▪ судьбе страны, с приглашением к сотрудничеству, в этой части повисло в воздухе. „Демократы" отвергают этот путь. Причем речь уже идет не только о неприятии идейной позиции КПСС – можно сказать, что это личное дело каждого, — а о призывах объявить ее „преступной организацией", учинить суд над ней".

„Комсомольская правда", 1.III.1991.

ХОРОШИЙ МЫ НАРОД, БРАТКИ...

„Итак, Белоруссия – самый надежный оплот Союза. Еще не развалившегося, но уже грозящего обновлением. Вообще-то мы и сами догадывались, что белорусы – терпеливые, трудолюбивые, мудрые... А главное – давно и хорошо усвоившие ценности той системы, которая с прочими радостями жизни подарила незабываемую – Чернобыль. Белоруссия – не то что другие республики. Там смута, стрельба, национальные конфликты. А тут тихо. И слава Богу!

... И вот не в Москве, не в Вильнюсе, не в Тбилиси, а в преданной и смиренной Белоруссии, в обстановке, напоминающей лучшие часы брежневских идеологических торжеств, произносит президент

заветные слова о демократах: „Они отвергают социалистическую идею, выступают за капитализацию общества". И никто не спрашивает президента, почему, выезжая за рубеж, именно в капитализированных обществах просит он миллиардные кредиты и займы, почему именно оттуда везем мы в свои нищие края продукты, почему граждане этих несчастных капитализированных стран шлют нам посылки с колготками и консервами...

И продолжаем мы плакаться. Медик – про свое. Пекарь – про свое. Токарь – тоже про свое. А президент все записывает в блокнот. Как не помочь такому смирному народу? Ему вон на голову столько радиации высыпали – он терпит. Ну разве не молодец?..

Слушают люди... Записывает президент... И жизнь почти кипит! И народ-то хороший, добрый, смирный, трудолюбивый. Баррикад не строит, с ОМОНом не воюет. Грех не помочь такому народу..."

Семен Букчин.
„Знамя юности", 5.III.1991.

РАБОЧИЙ БУНТ

„ОППОЗИЦИОНЕРЫ И КОММУНИСТЫ НЕ КАМИКАДЗЕ И ОБЯЗАНЫ ДОГОВОРИТЬСЯ...”

„Массовые стотысячные забастовки, которые вспыхнули 4 и 10–11 апреля и вызвали к жизни наш стачком, вовсе не случайны. Спровоцировали трудовые коллективы на выступление не какие-то „вожди”, „темные силы” и проч., как теперь пытаются утверждать власть предержащие, а безответственные действия руководства страны и республики.

Сейчас чиновники из Совмина оправдываются: мы, мол, оказались обманутыми... Но вот 29 марта были раскрыты прейскуранты, и мы, как и вы, дорогие рабочие, дорогие граждане, просто-таки ахнули. Оказывается, многие товары подорожали в два, три раза. Этот обман и привел к взрыву.

Во-первых, следует принять программу забастовочных комитетов по стабилизации жизненного уровня населения и придать, наконец, конституционную силу принятой Декларации о государственном суверенитете БССР. Ведь ни для кого не секрет, что пока эта Декларация является фиговым листком...

Актуальными остаются наши требования о департизации государственных структур, предприятий и учебных заведений, возвращения имущества КПСС народу, ликвидации всех привилегий номенклатуры, а также о приватизации государственного имущества, предоставлении частной собственности за землю...

...Вот такие наши требования. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы на них откликнулись и коммунисты, сели с рабочим движением за стол переговоров”.

Сергей Антончик, народный депутат БССР,
сопредседатель Минского городского
забастовочного комитета.
„Свободные новости”, апрель 1991, № 7.

РАЗОШЛИСЬ ПУТИ-ДОРОГИ

„К чистому порыву рабочих примазались те, кто ищет выгоды для себя... В действиях стачкома чувствуется рука умелых организаторов..." – заявил на следующий день по Белорусскому телевидению Станислав Шушкевич.

„Знамя юности", 23.IV.1991.

ПРОСНУЛИСЬ?

„Да, это было впечатляющее зрелище. Море замасленных рабочих спецовок перед памятником Ильичу. Рабочий класс, прервав работу на заводах, пришел к бронзовому создателю первого в мире государства рабочих и крестьян. 73 года понадобилось, чтобы осознать, наконец, чья же власть на самом деле осуществлялась и осуществляется под прикрытием его имени...

Итак, рабочее движение в Минске, в Белоруссии, настоящее, не закулисно организованное, вроде совета трудовых коллективов, выходит на политическую сцену. Будем откровенны. Рабочие еще с дореволюционных времен были в Российской империи объектом разнообразных политических спекуляций...

Так прозрел ли сегодня рабочий? Что он видит и слышит в нынешней одуряющей политической сумятице?

„Пусть не думают, что мы бастуем из-за куска колбасы", – сказал один из членов стачкома в короткой телепередаче сразу же после митинга...

Требования минских рабочих известны. Экономика переплелась с политикой. Власть пытается развести эти проблемы... Но жизнь диктует свое".

Семен Букчин.
„Знамя юности", 6.IV.1991.

РАЗВЕ НЕ ЗАСЛУЖИЛИ МЫ ДРУГОЙ ЖИЗНИ?

„Белоруссия давно дожидалась Горбачева. Белорусы – народ гостеприимный и вообще-то справедливый, они приняли бы Горбачева даже сейчас с сочувствием, возможно, большим, чем раньше. Мы склонны сопереживать терпящим поражение. Сами столько раз за историю это испытали. Все было бы так, если бы люди, ждавшие его для решения проблем Чернобыля, увидели, что человек действительно

приехал разделить их беду. А приехал генсек, у которого собственных забот полон рот... В целом народ был оскорблен, и следовало ожидать, что все это не пройдет. Повышение цен стало просто поводом к выступлению.

А ведь еще год тому назад мы с академиком Велиховым написали президенту письмо с предупреждением: имейте в виду, что в Белоруссии зреет социальный взрыв, который неизбежно произойдет, если отношение к Чернобыльской проблеме не изменится".

Алесь Адамович.
„Столица", апрель 1991, № 18.

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ О ЧЕРНОБЫЛЕ

КАТАСТРОФА

Чему учат уроки Чернобыля

„Сторонники „московской" концепции стоят на том, что ничего страшного с людьми, живущими в зоне бедствия, не произойдет, если жить они будут там, где радиационная загрязненность не превышает сорока кюри на квадратный километр. И если внешняя и внутренняя доза облучения не превысят 35 бэр за семьдесят лет жизни.

Белорусские ученые, наоборот, утверждают, что нельзя жить там, где нельзя получить чистую, без радиоактивной „грязи" продукцию. А это уже не 40, а 15 или даже 10 кюри на квадратный километр. Концепция „35 бэр за жизнь" антинаучна и бесчеловечна, потому что она совершенно не учитывает ни здоровья людей на момент катастрофы, ни наличия среди них „групп риска", ни большой ударной дозы короткоживущих радионуклидов, полученной людьми ■ момент катастрофы...

На территории республики, где радиоактивная загрязненность превышает один кюри на квадратный километр, живут 2 миллиона 200 тысяч человек, т.е. пятая часть всего населения Белоруссии. В зоне жесткого контроля, где уровень загрязненности превышает 15 кюри на квадратный километр, находится 498 населенных пунктов с населением в 102 тысячи человек, из них более 30 тысяч – дети. На территории ■ 624 квадратных километра с уровнем радиации свыше 40 кюри в 85 деревнях живут 12 тысяч человек. В своем саду и огороде ничего не трогай, в лес не ходи, грибы и ягоды не собирай, молоко от своей коровы не пей, в реке не купайся и рыбу не лови. Взрослый и тот не выдержит таких ограничений. Что уж говорить о детях!..

В пострадавших районах за последние годы наблюдаются более высокие уровни болезней верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы, нарушений иммунитета, психических расстройств, а также болезней системы кровообращения,

различных нарушений беременности, зарегистрированы случаи врожденных тяжелых уродств. Особое беспокойство вызывает состояние щитовидной железы у детей, повсеместно распространена ее гиперплазия... Налицо факт реального увеличения общей заболеваемости населения".

Н.Матуковский.
„Известия", 27.III.1990.

ЧЕМ РАСПЛАТИТСЯ БЕЛАРУСЬ ЗА ЧЕРНОБЫЛЬ?

„Самое страшное, что распространению радиации с продовольственными продуктами у нас не только не поставлен мощный заслон, но, наоборот, оно фактически поощряется властями. Многие заметили, что в последнее время... прежние адреса предприятий, где вырабатываются продовольственные товары, стали заменяться на этикетках на расплывчатое „Агропром". Имеет место и прямая фальсификация...

Словом, в БССР все делается загрязненным – от молока ■ мяса до лекарственных растений, которых государство больше здесь не заготавливает. Кроме того, радиоактивность разносится с дровами, торфом, автотранспортом и т.д.

...Чернобыльское шило начинает все более вылезать из мешка, и народ ощущает это по множеству факторов. Например, после аварии ■ загрязненных районах местные врачи стали замечать, что некоторые болезни протекают иначе, увеличилось число раковых и других болезней полости рта, случаев туберкулеза, люди в районе радиоактивного поражения чувствуют себя плохо, делаются вялыми и больными дети, у них стало больше заболеваний щитовидной железы, крови, печени, кровоточит носовая полость. В районе бедствия появляются гигантские формы растительности, уродливые животные – шестиногие телята, свиньи без глаз и т.д."

Валентин Лукашов,
доктор геолого-минералогических наук,
член-корреспондент АН БССР.
„Літаратура і мастацтва", 15.VI.1990.

КАК МЫ УМИРАЕМ

„9 апреля в клинике Института радиационной медицины в Аксаковщине начали голодовку ликвидаторы – участники ликвидации аварии на ЧАЭС, которые работали в первые месяцы после взрыва...

Требования голодающих, адресованные правительству БССР: принять закон о ликвидаторах и утвердить их статус, все болезни ликвидаторов связать с работой на ЧАЭС, создать республиканский экспертный совет, открыть республиканский центр для реабилитации ликвидаторов (их сегодня 20 тысяч в Беларуси), диспансер и клинику для медицинского наблюдения, по льготам приравнять инвалидов и участников ликвидации к инвалидам и участникам войны".

„Свабода", 1990, № 2.

А КТО ТАМ ИДЕТ? БЕЛОРУСЫ...

„26 апреля – снова дата, которую народу этому суждено помнить столетия. Уже в прошлом году проведено было общественное слушание дела о „чернобыльском преступлении" властей, предавших народ. И поныне Белоруссию „спасают" от последствий катастрофы те, кто годы и годы спасал лишь лицо партии, системы, обрекал людей на непреходящие мучения...

Нет, сколько можно испытывать национальный характер белорусов „на разрыв"? Не потому ли, что народ этот столь терпелив, оставили его один на один с чернобыльской бедой (это дитя не плачет – ему в последнюю очередь)? Да еще подложили каждому белорусу прямо под бок то ли килотонну, то ли больше ядерного заряда: ведь почти половина ракетных баз советских сгрудилась здесь. Можно представить, какой нажим будет теперь на белорусов, чтобы сохранить эту „площадку" посреди Европы. Только не пережали бы опять. Не стоит забывать: ведь эта республика – партизанка. Помним?.."

Алесь Адамович.

„Белорусская стачка. Спецвыпуск", № 1,
май–июнь 1991 г.

ПУТЧ В СССР КАК НАЧАЛО НЕЗАВИСИМОСТИ БЕЛАРУСИ

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ...

„Вот и свершилось. Государственный переворот, о котором говорили, судили-рядили, от которого отмахивались („да теперь это невозможно!"), которым запугивали друг друга, произошел...

Итак, у нас опять „чрезвычайная" власть. Как не вспомнить о „чрезвычайках", которые командовали жизнью после октября 1917 года. Уже определили, какие газеты нам читать, а какие прикрыть (под видом перерегистрации). Уже в суверенной Белоруссии местная власть запрещает выход периодических изданий (вчера не вышла „Знамя юности"), где делается попытка дать свою оценку событиям...

Ну, а что ждет нас? Гражданская война? Польский вариант 1981 года с интернированием „несогласных"?

Сегодня каждому из нас нужно понять: решается судьба демократии в нашей стране. Есть общая наша вина в наглости путчистов. Амбиции национальные, религиозные, политические, личные слишком часто оказывались выше судьбы народной. Сумеем ли преодолеть их в этот роковой час?.."

Семен Букчин.

„Знамя юности", 21.VIII.1991.

P.S. Эта статья была заверстана в номер на 20 августа (вторник), но выход газеты был сорван по указке из ЦК КПБ.

ЭТО МЫ ИМ ПОЗВОЛИЛИ

„Уже в первые часы путча по распоряжению председателя Белорусского комитета по телевидению и радиовещанию А.Столярова была

прекращена деятельность национального телевидения, республиканские передатчики транслировали лишь первую общесоюзную программу, подчиненную хунте. По радио передавались заявления и приказы ГКЧП. По распоряжению ЦК КПБ, вспомнившем в это время о своей „руководящей и направляющей роли в обществе", 20 августа был запрещен выход в свет номера газеты „Знамя юности", поместившей осуждающие переворот материалы. Решили не отставать от своих „старших" товарищей и руководители ЦК ЛКСМБ, разослав с гонцами в молодежные газеты строжайшие циркуляры с требованием не допускать „появления безответственных, непродуманных, невзвешенных", другими словами противоречащих линии ГКЧП, публикаций, принялись стращать журналистов, которые честно выполняли свой профессиональный долг...

Теперь, стремясь оправдаться, эта бюрократия выставляет себя в роли последовательного защитника суверенитета республики. Выдвинута и усиленно пропагандируется версия, что ее молчаливо-выжидательная позиция отвечала высшим национальным интересам народа, была чуть ли не спасительной для республики...

Да, независимость Белоруссии объявлена. Но сама по себе она не решит ни одной из наших проблем, если не будет подкреплена продвижением по пути радикальных экономических и политических реформ. Способны ли на этот шаг наш Верховный Совет, Совет Министров, другие органы власти в их нынешнем составе? Не намеревается ли бывшая партийная элита, прикрывшись актом о независимости, сохранить в Белоруссии островок старого необольшевистского порядка?"

Владимир Семенюк,
доктор философских наук.
„Знамя юности", 7.VII.1991.

К НАРОДУ БЕЛАРУСИ

„Заявление о независимости Беларуси – только первый шаг к свободе. Борьба продолжается. Безотлагательно должен быть распущен нынешний Верховный Совет с его скомпрометированным коммунистическим большинством и проведены свободные выборы в высший орган государственной власти республики... Одно из важнейших дел сейчас – это необходимость пересмотра стереотипов в общественном самосознании. Мы должны осознать, что судьба Беларуси, судьба демократии на нашей Батьковщине зависит только от нас самих".

Управа Сойма БНФ „Возрождение".
26.VIII.1991.

ЭПИЦЕНТР

„Уже 19 августа самая „политическая площадь" Минска – площадь Ленина – начала жить своей своеобразной жизнью. В отличие от председательского бюро ЦК КПБ во главе с Малофеевым и несколько трусоватым (за небольшим исключением) Президиумом ВС БССР во главе с Дементеем, площадь вместе с депутатской оппозицией Верховного Совета республики и „демтечением" городского Совета, активистами и лидерами Белорусского Народного Фронта „Возрождение", новых прогрессивных партий и общественных организаций, просто с „нормальными" минчанами резко осудила кровавый антиконституционный путч так называемого ГКЧП.

Площадь потребовала проведения неочередной сессии Верховного Совета, и депутатская оппозиция добилась этого...

24 августа. Мы, активисты БНФ, вновь здесь с девяти утра... Оппозиция требует прекратить деятельность КПСС–КПБ. Оппозиция требует не бумажной, а действительной независимости Беларуси...

25 августа. Утром наш взвод национальной гвардии направляют на охрану здания ЦК КПБ со стороны архива партии... Перед входом в центральный корпус ЦК лежит в венках символический гроб с портретом Карла Маркса, один глаз которого закрыт черной повязкой, как у пирата. А на „потешном плакате" „Слава КПСС!" лежат копейки и даже рубли. Люди подходят. Смеются. Шутят. Что ж, действительно, за 73 года бесчеловечного большевистского эксперимента всем обрыдло жить под властью этой зловещей силы...

И в это время радио приносит сообщение с сессии: Декларации Верховного Совета БССР о государственной независимости Беларуси придан конституционный характер... Никогда на душе не было так легко.

Возвращаемся на площадь. Здесь начинается праздничный митинг".

Алесь Николайченко,

член БНФ „Возрождение", спецкор „ДВ".

„Добры вечар", 28.VIII.1991.

ПОЧЕМУ НЕ ЛИКУЕТ НАРОД?

„Что происходит в странах, как реагируют народы, когда они обретают долгожданную свободу, независимость? Говорят, если это случается под вечер, то люди выходят на улицы, обнимаются, поют песни, звучит музыка, горят огни... Одним словом, всеобщее оживление, необыкновенный духовный подъем.

Вечером минувшего воскресенья, когда наш Верховный Совет принял Закон о государственном суверенитете Белоруссии (придал конституционный характер принятой в прошлом году Декларации), я напрасно искал на городских улицах хоть какие-то признаки народного ликования. Конечно, надо было идти на площадь Ленина, центр нашей политической жизни. Но на площадь идти не хотелось, и я ниже скажу, почему.

А город был пуст обычной пустотой заканчивающегося воскресенья. Что же касается огней, то в одиннадцатом часу в Советском районе по неизвестной причине надолго вырубилось электричество... Было о чем подумать в темноте... Итак, мы свободны и независимы. КПБ покрыла себя неувядаемым позором, точнее, выявила свой истинный лик и вряд ли восстанет теперь из праха. Но почему, почему, возвращаюсь я к прежней мысли, нет народного ликования, того, что называется общественным подъемом?

Причин, конечно, множество. Советская молотилка, через которую был пропущен наш народ, сделала свое дело. Когда стоимость буханки хлеба повышается в четыре раза – это понятно, и потому хочется кричать. А вот политические перемены... Тут все сложнее, все в тумане – кому верить, за что бороться... Это и сложности нашего национального самосознания, и несформированности общества, и отсутствие лидеров, пользующихся общенародным доверием.

Но сегодня мне хочется рассуждать не с глобальных позиций. Я говорю о своем впечатлении от чрезвычайной сессии просто как гражданин Белоруссии. Так вот, если выразиться коротко, не могу отделаться от главного чувства – брезгливости. Независимость республики мы получили из потных рук партократического большинства в Верховном Совете, тех перекормленных, с бычьими загривками людей, которые еще вчера были готовы четвертовать меня и моих молодых коллег из „Знамени юности" по законам ГКЧП,

И это оскорбляет мое достоинство гражданина. Депутаты, еще вчера спекулировавшие итогами всесоюзного референдума, и не вспомнили о них. Куда там? Чего теперь вспоминать „мнение народа"? Все вдруг оказались рьяными поборниками полной белорусской государственности. Надо признаться, что будучи достаточно подготовленным зрителем, я был тем не менее поражен столь откровенным цинизмом этого спектакля. Спасение собственной шкуры было настолько очевидным, что неприличность зрелища буквально подталкивала меня выключить телевизор".

Семен Букчин.

„Знамя юности", 27.VIII.1991.

ХРИСТОС ЛИ В ТОМ ПОВИНЕН?

„Сама идея суверенитета не виновата в том, что к ней присосалась разная коммунистическая шваль. Мне лично все равно, из чьих рук получены свобода и независимость".

Виталий Цыганков.

„Знамя юности", 30.VIII.1991.

О НРАВСТВЕННОМ ВЫБОРЕ...

„Что ж, у каждого своя мера брезгливости., свое понятие о нравственности. Только не худо бы при всем этом помнить, что как раз „руки, из которых" и определяют характер свободы.

Вас устраивает номенклатурно-партийная суверенизация Белоруссии?.. Можно сотни раз призывать к приватизации, рынку и т.д. Но определять эти процессы тем не менее будет все та же номенклатура... И ваш, Виталий, чекистский призыв „быть бдительными", чтобы „они не использовали наш суверенитет", абсолютно бесполезен. Они им уже воспользовались. И весьма умело и своевременно".

Семен Букчин.

„Знамя юности", 3.IX.1991.

ШАГ ВТОРОЙ – ДЕКЛАРАЦИЯ О...БАНКРОТСТВЕ?

„В.Кебич стал выразителем интересов многочисленного слоя государственной и хозяйственной бюрократии. Бюрократии, как известно, безразлично, какая партия у власти. Она с легкостью изменит защитный идеологический цвет с коммунистического на суверенный. Главное, чтобы она по-прежнему планировала, контролировала, разрешала, подписывала и т.д., а в общем – чтобы у нее оставался экономический базис для привилегий.

Концепция Кебича, выраженная в программах перехода к рынку и чрезвычайных мер, вполне соответствует интересам бюрократии.

БНФ представляет прежде всего демократические силы, объединенные национальной идеей. Их лидер Позняк убежден, что у российских демократов имперская психология, а потому, обустраивая Россию, они будут подавлять национальное самосознание народов окраин и высасывать их богатства.

В любом случае обеим силам необходима независимость республики для реализации своих планов...

Не ошибаются ли Кебич и Позняк, стремясь к созданию своих денег и таможен? Думаю, что ошибаются..

Нам следует переходить к рынку синхронно с Россией в рамках единого рыночного пространства по одному и тому же плану. А это значит, что республике не нужны ни свои деньги, ни свои таможни. Иначе россияне уедут вперед на поезде, а мы будем продолжать катиться на трехколесном велосипеде".

Леонид Злотников,
кандидат экономических наук.
„Знамя юности", 11.IX.1991.

НАКАНУНЕ БЕЛОВЕЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

ТАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ НЕВОЗМОЖНО

„Становой хребет бывшей политической системы, основанной на монополии партии, сломан, но старые люди остались у власти. Я уже говорил об опасности правого переворота. И сегодня БНФ, как организационно сложившееся политическое течение, должен осознать эту опасность и, отказавшись от некоторых крайних приемов политической борьбы, выйти на новые рубежи политической эволюции, сделать шаг навстречу политическому течению центристского толка...

Коалиция Народного фронта и демократических сил широкого центристского блока – залог нашего выживания".

Виктор Гончар,
народный депутат БССР.
„Знамя юности", 6.IX. 1991.

СОЗИДАЯ – ПОБЕЖДАЕМ!

„К большому сожалению, Верховный Совет Беларуси, избранный еще во времена коммунистической „вандеи", в большинстве своем неспособен эффективно работать в новых условиях и законодательно решать неотложные проблемы независимой Республики. Каждый самостоятельный созидательный шаг, любое даже самое малое законодательное достижение требует чрезвычайных усилий немногочисленной депутатской оппозиции БНФ в Верховном Совете. Большинство демократических инициатив блокируется депутатами от номенклатуры...

Белорусов спасет только возвращение в Европу, только поворот и ориентация на культурный Запад, а не на развращенный, разрушительный имперский Восток. Пять столетий сдерживала Беларусь

сначала татаро-монгольскую орду, потом агрессивную Москву. Закрывала Европу. 500 лет противостояния и войны. Великую славянскую державу разрушили только тогда, когда русские объединили свои усилия с немцами. Захватив Литву-Беларусь, царизм поставил задачу уничтожить белорусов как нацию, задушить культуру, разрушить белорусскую цивилизацию, русифицировать. Дело русских царей продолжила русская чернь – ленинские большевики. Оккупировав Белорусскую Народную Республику, они принесли с собой не только убийства и „чрезвычайки", не только античеловеческую ленинскую идеологию, но и антикультуру, хамство, разврат и пьянство, русское сквернословие, лень, ненависть и ложь...

Даже беглый взгляд на общественные процессы в России не должен оставлять никаких иллюзий о намерениях. Что бы ни переменилось в РСФСР – исчезнут большевики, придут государственные „демократы", потом генералы, либералы, „патриоты", охлократы – все едино. Империалистическая политика России, пока она будет существовать, как многонациональное имперское государство, никогда не изменится. В первую очередь эта политика будет угрожать Беларуси и Украине. Причины в самой России, в ее имперской ментальности, истории, внутренней структуре. Весьма маловероятно, что Россия станет демократической страной...

Мы должны теперь забыть о тюрьме народов и не оглядываться на ее казематы, как бы тяжело нам ни было, как бы нас ни провоцировали обещаниями, экономическим сообществом, коллективной безопасностью и разной имперской чепухой, потому что за спиной смерть. Мы остановились на краю бездны народного небытия. У нас появился шанс на спасение, и если мы его не используем, – других шансов уже не будет".

Зенон Позняк,
председатель БНФ,
народный депутат Республики Беларусь.
„Народная газета", 15.X.1991.

„СОЗИДАЯ – ПОБЕЖДАЕМ!" КОГО?

„Не думаю, что раздувание антироссийской враждебности будет содействовать укреплению суверенитета и расцвету Беларуси. Обвинение России во всех смертных грехах, выставление Беларуси этаким защитником Европы от татаро-монгольской орды и агрессивности Москвы (кстати, Великое княжество Литовское, а тем более Речь Посполитая – это не только Беларусь) далеко не отвечают исторической

правде. Потому что к истории нужно подходить конкретно. Была агрессивность Москвы, но были и походы Лжедмитриев на Москву, попытки посадить на царский трон ставленника Речи Посполитой! Разве предки сегодняшних белорусов в этих походах не участвовали?

Нельзя сваливать всю ответственность на русский народ за действия большевиков. Оскорбительно звучат слова о том, что „русская чернь – ленинские большевики... принесли с собой не только убийства... но и антикультуру, хамство, разврат и пьянство, русское сквернословие, лень, ненависть и ложь". Разве большевизм – это чисто русское явление? Разве известный всем Дзержинский – этот „карающий меч революции" – не был нашим земляком? А Сталин – русский? А Свердлов? А латышские стрелки? И разве Беларусь не имела собственной черни, и здесь начисто отсутствовали хамство, пьянство, антикультура и т.д.?"

Казимир Койта,
кандидат философских наук,
доцент Гродненского мединститута.
„Народная газета", 23.XI.1991.

ИДЕМ В ЕВРОПУ?

„Национал-большевизм председателя БНФ находит свое выражение в патриотической примитивизации сложнейшей истории Беларуси до уровня „Краткого курса истории ВКП(б)", в крайней нетерпимости к России (у большевиков объектом этих же эмоций был растленный буржуазный Запад), проявляющейся ■ клевете на ее народ и культуру... в раздувании низменных националистических инстинктов, рассчитанном на того люмпена, на которого сам Позняк обрушивается по единственной причине – низкой национальной сознательности...

Большевикам всегда нужен был враг. Нужен он и председателю БНФ... Порассуждать о том, что драма, переживаемая ныне Россией, объективное отражение происходящей ■ стране ломки, увидеть многообразие процессов – это не та цель, которую ставит себе бывший археолог. Крест на России, и все тут! А то, что этот крест накроет и Беларусь, – этого бывшие археологи, вместе с бывшими партсовбоссами заседающие в парламенте, знать не хотят. „Голод по власти" (Оруэлл) превыше всего".

Семен Букчин.
„Знамя юности", 25.X.1991.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕПУТАТОВ ОППОЗИЦИИ БНФ В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

„Ни Совет Министров, ни Верховный Совет, несмотря на предложения депутатской оппозиции БНФ, не сделали ничего для того, чтобы подготовить выпуск белорусских денег, создать национальную финансово-кредитную систему, предпринять меры с целью защиты товарного рынка и избежания гиперинфляции, несдерживаемого роста цен, вывоза продуктов и промышленных товаров из Беларуси...

Однако, когда поднимется волна народного протеста, мы уверены, что и депутаты оппозиции, и все демократическое движение смогут взять ответственность за будущее Беларуси на свои плечи и помочь обществу спастись, выйти из кризиса, осуществить необходимые преобразования.

Прежде всего должно будет пойти ■ отставку нынешнее правительство вместе с премьером В.Кебичем. Нужно создать новое правительство – правительство народного доверия. Народ может получить возможность применить политический нажим на Верховный Совет, требуя безотлагательного принятия нового демократического закона о выборах, который давно уже подготовлен оппозицией БНФ, и назначения внеочередных выборов в профессиональный белорусский парламент.

Если же все останется непонятым и будет отброшено, тогда можно срочно приступить к подготовке всенародного референдума по этитм вопросам – отставка правительства, роспуск Верховного Совета, внеочередные выборы, а также передача имущества КПБ–КПСС––ЛКСМБ народу (государству) и прекращение деятель-ности КПБ–КПСС".

„Народная газета", 13.XI.1991.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

„Развал суперимперии, которой по существу являлся Союз ССР, очевиден. Связанные с этим процессы – кризис экономики, распад прежних тоталитарных структур, паралич власти, всплеск преступности – резко дестабилизировали ситуацию.

Буквально до недавней поры ценой неимоверных усилий правительству удавалось не допускать значительного снижения производства и жизненного уровня населения, а в июле–октябре был обеспечен даже прирост выпуска продукции. В бушующем море политических и национальных страстей Беларусь оставалась, пожалуй, самым спокойным регионом.

Сейчас ситуация принципиально другая, и мы должны честно и прямо сказать об этом людям.

В последнее время со стороны отдельных общественно-политических сил активизировались нападки и обвинения в адрес правительства. Особенно усердствует оппозиция БНФ в Верховном Совете республики, которая, потеряв „врага" в лице компартии, выбрала нового, выступает с призывами об отставке правительства. Смысл шумной акции понятен: используя трудности, нажить политический капитал. Правительство неоднократно предлагало этим людям деловое сотрудничество, вплоть до министерских постов. Но, похоже, взваливать на свои плечи конкретную работу депутаты оппозиции не намерены".

18.XI.1991.

А вот и товарищ Лукашенко вступил в полемику. „Знамя юности" предварило его выступление следующим анонсом: „Имя народного депутата БССР А.Лукашенко достаточно известно в республике. Его сделали заметным независимая позиция, страстные выступления с трибуны республиканского парламента".

„ДЕМОКРАТИЯ И СЕГОДНЯ ПОД УГРОЗОЙ"

„Почему нельзя губить комсомол именно сейчас? Вы знаете, что партия подавлена (я имею в виду КПБ) и что налицо образование дисбаланса сил в республике. Это очень опасно. Если раньше монополия на умы и власть принадлежала КПБ, то сегодня складывается такая ситуация, при которой не только завтра, но и послезавтра монополия будет принадлежать другим силам. Мы допустить этого не можем.

Ныне у комсомола есть шанс уравновесить политические силы в обществе... Комсомол нельзя запретить еще и потому, что нет доказанных и юридически обоснованных фактов, свидетельствующих об участии в антиконституционных актах не только комсомола Белоруссии в целом, но и ваших лидеров...

Мы на многое не имели права. Я, как, по-видимому, и большинство из вас, очень настороженно отношусь к приданию Декларации о государственном суверенитете республики силы конституционного закона... По-моему, вне Союза Белоруссия существовать не может..."

А.Лукашенко,
народный депутат Республики Беларусь.
„Знамя юности", 6.IX.1991.

А КОМУ МЕШАЮТ ПАРТКОМЫ?

„Что касается департизации производства, то твердо убежден: нет пока такой проблемы, она навязывается искусственно, она привнесена извне. Кому мешает партком, допустим, в нашем шкловском совхозе „Городец"? Мне, руководителю хозяйства, [illegible] нет. Многие рабочие совхоза – коммунисты. Хорошие, между прочим, работники. Что плохого, если они объединены в свою организацию?"

Александр Лукашенко,
директор совхоза, народный депутат БССР.
„Свободные новости", июнь 1991, № 9.

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА БЕЛАРУСИ СОСТОЯЛИСЬ СЕГОДНЯ...

Шушкевич – 33,3%
Кебич – 9,5%
Позняк – 9,2%
Гончар – 1,7%
Тихиня – 1,5%
Адамович – 0,9%
Не знаю – 32,2%
Нет достойных – 12,7%
Другие ответы – 6,6%

„Народная газета", 15.X.1991.

БЕЛОВЕЖЬЕ

ИМПЕРИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕЛАРУСЬ!

„День 1 декабря войдет в историю не только Украины. Всенародный референдум, во время которого большинство населения высказалось за независимость, подписал и окончательный приговор бывшей империи СССР...

Беларуси никуда не деться. Она тоже „обречена" на строительство своего суверенного государства. И надо браться за решение этой задачи, не откладывая".

Галина Айзенштадт.

„Знамя юности", 3.XII.1991.

БЕЛОРУССКИЙ МОТИВ

„Отделиться, как это сделала Украина? Но разве возможны два самоубийства в одной жизни? А одно у нас уже есть – Чернобыль. Только это должно отрезвить. Ведь самая большая несвобода – замкнуться в своем узком больном мирке. Отделиться не то что русскоговорящему – по-русски думающему, воспитанному народу – все равно, что отречься от Пушкина".

О.Егорова.

„Комсомольская правда", 6.XII.1991.

СОЮЗ ИЛИ РАЗЛАД С „ОБИЖЕННЫМ" БРАТОМ?

„Однако для духовных наследников „великой и неделимой" России Беларусь и теперь остается одним из самых аппетитных кусков бывшего имперского пирога. Государственный истеблишмент, как коммунистической, так и „демократической" РСФСР смотрит на Беларусь как на столбовой путь в Европу и часть своей вотчины...

В Беларуси постепенно создается „пятая колонна" „великой и неделимой", формируясь из организационных структур с красноречивыми названиями: „Славянское единство", „Славянский Собор", „Отечество", „Белая Россия", „Русь Белая" и др. В ходу идеи образования прикорытнороссийских структур вроде „Движения за демократические реформы". На страницах белорусских газет стоит „плач" по ничего не стоящим без России „беспомощным белорусам"...

К сожалению, некоторые отечественные демократы, глядя в сторону нынешней России, не слышат других голосов, которые нередко доносятся с просторов бывшей империи: „Демократическое насилие московских разделителей ничуть не благороднее насилия империалистов... Демократический империализм ничуть не лучше ни царского, ни российского" (А.Ципко, „Известия", № 234). Голосов А.Боннер, Ю.Афанасьева, Г.Старовойтовой..."

Евгений Цумаров,
народный депутат Республики Беларусь,
председатель Рады минского филиала
Белорусской Социал-демократической Грамады.
„Народная газета", 6.XII.1991.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В БЕЛАРУСИ – ТАКИЕ ЖЕ, КАК И НА УКРАИНЕ

„Мы не видим решения на том пути, который избрал Горбачев. Что касается серьезных правовых аспектов – о том, что мы заявили о недействии законодательства третьих сторон, в том числе и бывшего СССР, – это соответствует поправке, принятой 14 ноября к нашему закону о народовластии... Я бы хотел, чтобы наше Содружество не рассматривали как славянское. Текст принятых документов таков, что там нет никаких расовых, национальных, религиозных ограничений и предрассудков. Это открытое Содружество, заметьте, не „солженицынское". Это демократическое содружество, уважающее равенство, независимость всех сторон... Сегодня и у нас уже половина населения, судя по данным социологических опросов, высказывается за независимость, к началу года это будет совсем другая цифра, растет сознательность людей, никто не хочет иметь на своей шее центр, который нужно кормить и от которого нечего ждать".

Станислав Шушкевич,
председатель Верховного Совета
Республики Беларусь.

СОГЛАШЕНИЕ ДОЛЖНО РАБОТАТЬ НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ, А НЕ НА БУДУЩУЮ ИМПЕРИЮ

„Это шаг к разрушению старой империи Советского Союза и отстранению центральных органов, являющихся источником дестабилизации. Если же иметь в виду перспективу, то соглашение опасно тем, что оно, с одной стороны, уничтожает одну империю, но с другой – раскрывает путь для новой империи, России... С этой точки зрения соглашение небезопасно, и поэтому может рассматриваться только как временный этап. В этой связи мы будем выставлять определенные условия: определение срока действия соглашения, вопрос об исключительно республиканской армии, о ненужности никакой столицы Содружества и т.д."

Зенон Позняк,
председатель БНФ.
„Знамя юности", 11.XI.1991.

Эта беседа состоялась спустя восемь лет в купе поезда, в котором мы вместе с С.С.Шушкевичем ехали на международную конференцию в Краков.

„МЫ НЕ РАЗРУШАЛИ СОЮЗ НАРОДОВ, МЫ БОРОЛИСЬ С ИМПЕРИЕЙ"

В минувшем декабре исполнилась седьмая годовщина Беловежского соглашения. О том, как происходило „дело в Вискулях", с тогдашним председателем Верховного Совета Беларуси Станиславом Шушкевичем беседует Семен Букчин.

– Станислав Станиславович, вы, конечно же, понимаете, что сколько бы вы ни рассказывали о тех днях в Беловежской пуще, где был подписан приговор Советскому Союзу, сколько бы ни давали на эту тему интервью, интерес к этому историческому событию еще долго будет велик. Мне, кажется, еще и потому, что не удовлетворена общественная жажда максимально полной информации о том, как в деталях все происходило... Ну вот вызволили из форосского плена Горбачева... Вроде продолжилась подготовка нового союзного договора. Я говорю о том самом „новоогаревском процессе", в котором и вы участвовали. А вот когда стало ясно, что все это дело с новым договором не пойдет?

– Во-первых, вы ошибаетесь насчет участников переговоров в Ново-Огареве... Там, в подмосковной резиденции президента СССР, готовили бумаги и постоянно находились люди из ближайшего окружения Горбачева – Шахназаров, Кудрявцев, Лукьянов...

– Но мы и вас там видели...

– С нашей, с белорусской стороны, никакие документы не готовились. Мы, руководители республик, приезжали знакомиться уже с тем, что было подготовлено. Со всеми бумагами получалась всегда одна и та же история. Если Горбачеву удавалось на заседании Государственного Совета убедить его членов в необходимости утвердить какие-то документы, то они и утверждались. Если были какие-то возражения, то документы в целом отвергались.

– То есть дело с договором не двигалось? А ведь нас уверяли, что все готово. Вот Горбачев отдохнет в Крыму, вернется в Москву, и новый договор будет подписан.

– Знаете, у меня был период, когда я был увлечен Горбачевым, можно даже сказать, боготворил его. Он закончился после избрания его президентом СССР. Для меня стала очевидной исчерпанность его потенциала как политического деятеля. Он слишком был связан со старой партийной бюрократией, чтобы соответствовать новым временам. Вероятно, и Раиса Максимовна не могла ничего дельного подсказать, как ранее это бывало... Понимаете, он слушал только людей из своего ближайшего окружения, другие соображения, прежде всего представителей республик, им в расчет не принимались. Поэтому дело с новым союзным договором не могло развиваться...

– Неужто за четыре месяца, отделявших августовский путч от Беловежской Пущи, нельзя было найти компромисс?

– Горбачев уверовал в свою непогрешимость и даже гениальность. Он стал формулировать политические понятия, например, что такое „конфедерация". Когда я познакомил депутатов нашего Верховного Совета с его формулировкой, то в ответ раздался смех. Короче, он хотел заштопать швы на теле расползавшегося Союза старыми большевистскими нитками.

– Итак, заседания Государственного Совета были бесполезными. Близился исторический декабрь... Близилась Беловежская пуща... Когда она вообще реально забрезжила? Вообще откуда она появилась, эта идея лесной встречи?

– Подтолкнул эти события в известной степени сам Горбачев. Когда в конце октября в Ново-Огарево проходил очередной тур обсуждения якобы нового союзного договора, я, не будучи человеком искушенным в подковерных партийных играх (а там, в основном, были опытные функционеры, за исключением, может быть, Акаева), прямо сказал, что документ выглядит нелепо. Меня поддержал Ельцин, заявивший, что имел возможность познакомиться с этим текстом еще ранее. Тогда Горбачев встал и гордо удалился. Мы остались одни. Каримов сказал: „Ну раз вы довели до такого раскола, то вам и следует как-то

договориться". Мы с Ельциным отправились за Горбачевым. Вышли на террасу, а там прекрасный, очень живописный спуск к Москва-реке. Я и сказал тогда Ельцину: „Чудесный пейзаж. Но я мог бы показать вам в Беларуси такое, чего вы еще не видели". И пригласил его на охоту, кстати, уже узнав от наших совминовских служб, как там у нас в Беловежском заповеднике все обустроено. Ельцин ответил, что с удовольствием приедет. Договорились, что поручим соответствующим службам уточнить сроки и прочие вещи, связанные с приездом. И что откладывать это дело не будем.

– Естественно, делая это приглашение, вы не думали о том, во что может превратиться охота в Вискулях?

– Нам нужно было дружить с Россией, и приглашение в гости президента Ельцина мыслилось как укрепление этой дружбы. И только.

– Но вот вы нашли Горбачева...

– Он начал нас угощать очень хорошим коньяком. Честно говоря, я люблю кремлевские коньяки...

– Французские или армянские?

– Только армянские. Исключительного вкуса.

– „Двин", наверное?

– Нет, „Отборный", другие пятизвездочные... Одним словом, нам не стоило особого труда уговорить Михаила Сергеевича не рушить добрых отношений. Решено было, что повезем подготовленные варианты договора обсуждать на местах, в республиках. Ну а там люди открыли словари и сказали, что предложенные формулировки противоречивые и даже абсурдные.

– Но ведь такие просвещенные люди трудились – Шахназаров, Кудрявцев...

– Знаете, именно в ту пору я испытал определенные разочарования в способностях отдельных представителей гуманитарной интеллигенции. Такая сервильность. Тот же Кудрявцев, ну все-таки академик, директор института, а туда же: „Михаил Сергеевич, вы нам только сформулируйте направление, а уж правовой коридор мы обеспечим!" Ясное дело: советское законодательство позволяло обеспечить любой идеологический заказ...

– Ну а в чем все-таки был основной порок этого документа – проекта нового союзного договора?

– Все очень просто. Вместо Политбюро ЦК КПСС должен был быть один Горбачев как президент СССР. И вообще оставался по сути весь старый Союз со всей его номенклатурой, со всем тем московским централизмом, который нам уже давно осточертел...

– Но слово „конфедерация" там было?

– Да, слово это было, но обозначало оно тот же Союз.

– Итак, все это стало ясно в конце октября. На что ушел ноябрь и каким образом идея невинного гостевого, охотничьего предложения стала обретать политические очертания?

– В этом своем вопросе вы исходите из предположения, что, находясь в Беларуси, я только и думал о судьбе союзного договора. А я думал о Беларуси, о ее будущем. Как и другие руководители, вероятно, думали о будущем своих республик. Ведь то, что Союз стоял на грани развала, стало ясно окончательно после референдума на Украине. Между прочим, я не был сторонником полного разрушения Союза. Мне представлялось, что должно сохраниться какое-то сообщество, но на серьезной правовой основе, с единой Конституцией, единой армией, общими финансами. При разумной самостоятельности субъектов этого объединения. Принятая нами Декларация о независимости вполне отвечала условиям классической конфедерации. Но в октябре уже коренным образом изменилась политическая ситуация в стране. Приближался тот же украинский референдум, результаты которого легко угадывались.

– Выходит, Горбачев опоздал?

– Дело не только в опоздании. И Горбачев и Лукьянов постоянно фальшивили. Ведь инициированный ими референдум по сохранению Союзу был фальшивым по своей сути. В Казахстане он проходил с особой формулировкой, в Армении он вообще не проводился, в других республиках Закавказья – лишь частично... Прибалтика к тому времени, как теперь модно выражаться, отвалила. Шесть субъектов Союза по сути не участвовали в референдуме, но команда Горбачева продолжала твердить о единодушном решении.

– И все-таки, когда именно вызрела идея Беловежской встречи?

– То, что мы, руководители республик, в той ситуации должны будем что-то предпринять, было многим из нас ясно. Но то, что решение будет столь радикальным, этого никто из нас, по-моему, предвидеть не мог.

– Вы хотите сказать, что восьмого декабря в Вискулях собрались весьма ответственные люди, чтобы серьезно поговорить на тему „А как нам быть дальше?", не имея в то же время никаких конкретных разработок и планов?

– Но когда начался разговор, стало ясно, что мы пойдем дальше обычного обсуждения ситуации. И тут же обнаружилось определенная неловкость, связанная с тем, что в обсуждении столь серьезной проблемы участвуют только руководители славянских республик. Немедленно связались с Назарбаевым, но он поехал в Москву и решил, что лучше пока остаться в стороне.

Ну ладно, вы и Кравчук ехали на встречу с желанием поговорить,

обсудить... Но ведь в команде Ельцина были люди, наверняка занимавшиеся уже тогда прогнозированием ситуации и, скорее всего, подготовившие какие-то решения... Тот же Бурбулис...

– Я не думаю, что был разыгран некий заранее подготовленный спектакль. Скорее всего, российская делегация имела более солидные заготовки по сравнению с нашими.

– Но кто же все-таки первым произнес эти слова: „Давайте денонсируем старый союзный договор 1922 года"? Кто-то же должен был внести такое предложение на обсуждение...

– Разговор мы вели вшестером: я, Ельцин, Кравчук, Кебич, Фокин, тогдашний премьер-министр Украины, и Бурбулис. И, естественно, возник вопрос: можем ли мы констатировать, что СССР, как геополитическая реальность, прекращает свое существование? Знаете, я недавно встречался с Бурбулисом, мы вспоминали Вискули. Бурбулис не претендует на то, что именно он первым предложил обсудить денонсацию договора 1922 года. Мне же хотя и кажется, что предложение все-таки поначалу исходило от него, но не исключаю, что было по-иному... Понимаете, как-то так получилось, что проблема сразу оказалась в центре, что без ее рассмотрения мы не могли двигаться дальше. И очень скоро выяснилось, что все по сути согласны с основной формулировкой...

– Тем не менее, у вас не было впечатления, что это не импровизация за ужином, что, скажем, москвичи приехали с достаточно серьезными заготовками, касающимися ликвидации Союза?

– Повторяю, никто не ставил своей целью именно разрушение Союза. Конечно, Ельцин, как властный человек, хотел избавиться от Горбачева, который ему чертовски надоел. Я Борису Николаевичу сочувствовал. И он знал об этом. На заседаниях Госсовета наша критическая позиция всегда была солидарной. С Кравчуком тоже был контакт, хотя он более хитер и скрытен. Кравчук приехал в Вискули, подкрепленный решением референдума о независимости Украины. Возникала опасная ситуация: из Союза выделялась ядерная держава... Острейшим образом ощущалась всеми нами необходимость договоренности о том, как будем жить дальше... И, конечно, все мы, может быть, кто-то более явно, а кто-то подспудно, жаждали нормальной самостоятельности, которая невозможна была без подлинной независимости.

– Велась стенограмма?

– Это же был обмен мнениями... Какая стенограмма... Вот когда мы перешли к конкретному формулированию, тогда все писалось, редактировалось и прочее. А поначалу только обмен мнениями, который показал, что мы солидарны в понимании того, что Горбачев не

управляет страной, что имеется монстр с ядерным оружием, распределенным по четырем республикам, и что нужно определиться, как с ним быть, если республики заявили о своей самостоятельности, тем более после референдума на Украине. Было очевидно, что надо брать дело в надежные руки.

– Но после констатации ситуации каким образом совершился переход к непосредственному оформлению решения о денонсации договора 1922 года, как выходу из тупика?

– Когда мы [redacted] ходе обсуждения договорились о том, какое в принципе соглашение хотим подписать, решено было разделить его на два документа. Первый – деловой, где по пунктам будет расписано все, до чего мы договорились. И второй – обращение к мировому сообществу.

– У вас не было ощущения, что вы совершаете государственный переворот? Ну пусть Горбачев плохо управлял государством, пусть оно шаталось и разваливалось, но все-таки оно еще формально существовало, это государство, была конституция, законы...

– Абсолютно. Потому что события, [redacted] которых мы участвовали, стали уже нормой. Первый государственный переворот совершил Горбачев, когда на съезде народных депутатов присвоил себе президентские функции, использовав всю мощь партийно-номенклатурного давления. А демократы были против избрания президента на съезде. С этого, собственно, и началось противостояние...

– Ну а то, что развал Союза грозит всевозможными катаклизмами, начнет полыхать юг, пойдут жуткие раздоры в азиатской части, на Кавказе, — об этом вы там, в Вискулях, задумывались?

– Вот ради того, чтобы эти кошмары не приобрели вселенского масштаба мы и собрались. Тем более, что уже полыхало... И Сумгаит, и Фергана, и Приднестровье, и Карабах... Поэтому мы заявили о создании Содружества независимых государств. Содружества, как можно более тесного, а не какого-то формального объединения.

– А не закрадывалась мысль, что вот Горбачев узнает о вашем сговоре и пришлет спецназ, чтобы арестовать вас?

– Ну, во-первых, мы приняли жесткие меры безопасности. Охрана была очень серьезная. А, во-вторых, Горбачев уже утратил волю... Во всяком случае, у меня не было никакого опасения по поводу возможного появления какого-то спецназа.

– Кому же конкретно было поручено готовить документы на базе тех договоренностей, к которым пришли вы, Ельцин и Кравчук?

– Прошу учитывать, что и сами договоренности не были результатом некоего трехстороннего сговора. Я понимал, что за мной последнее слово. Но это не означает, что я мог решать все вопросы от имени Беларуси самостоятельно. Это только Лукашенко у нас сегодня

все берет на себя, ни с кем не советуясь. Поэтому, отправляясь в Беловежскую Пущу на переговоры с Ельциным по неопределенному кругу вопросов, я сформировал команду, с которой мог проконсультироваться по любой проблеме. Более того, мы предполагали по каким направлениям могут идти переговоры. Наконец, российская сторона предоставила нам список членов своей делегации, и это помогло сформировать на достойном уровне нашу белорусскую группу. Точно также подготовилась и Украина... Таким образом, мы все знали, кто приедет. Ну а с нашей, как принимающей, стороны были, естественно, расписаны все роли: кто встречает, помогает разместиться... Ну, ■ общем, как это принято в таких случаях.

– Работа началась вечером. К какому часу созрело первое решение, констатирующее невозможность сохранения Союза в его прежнем состоянии?

– Трудно сказать определенно. Темнело рано в то время... Может быть, около семи вечера. Мы сразу же пригласили экспертов, это была довольно многочисленная группа, и объявили им, что принято решение определенного характера. Мы бы хотели, чтобы оно было исторически выверено, юридически сбалансировано... Утром должен быть первый вариант документа, соглашения...

– Эксперты начали свою работу, а куда вы отправились, руководители республик? Неужто спать в такую историческую ночь? Тем более еще не было поздно...

– Мы точно условились о часе утренней встречи, после чего каждый мог располагать своим временем по собственному усмотрению. Можно было и поохотиться, были егеря и все необходимое снаряжение... Я никогда не интересовался этим делом. Но кое-кто на охоту пошел... Кравчук, к примеру...

– В такой исторический час? На охоту? Это чтобы сбить напряжение? Или вовсе отсутствовало ощущение шагов Истории...

– Представьте, не было такого ощущения. Главенствовало желание сделать прилично ту работу, за которую мы взялись.

– Извините, но, неужели, не было понимания, что вы подписываете приговор Советскому Союзу?

– Другое было: понимание, что на смену этому Союзу должна придти новая, более совершенная и отвечающая сложившейся ситуации форма – Содружество независимых государств. Вместо Союза должно существовать Содружество на здоровой правовой основе. Как это, кстати, принято в мировой практике.

– Я опять не понимаю: раз Содружество – значит со старым Союзом покончено? Неужели у собравшихся в Вискулях не было такого ощущения?

– Нет. Как можно покончить с колхозом? Нужно перестать лицемерить. Мы и покончили с лицемерием. Мы сказали: СССР был фальшивым образованием, давайте его сделаем наш Союз реальным, отвечающим интересам всех республик и народов..

– Станислав Станиславович, я понимаю, что вы устали от обвинений, идущих от какой-то части граждан, в том, что вы были участником разрушения Союза. Но я не выступаю здесь в роли обвинителя. Я хочу понять ощущения и мотивы, которыми руководствовались собравшиеся в Вискулях. Вы предлагаете эмоциональные обороты, вроде борьбы с лицемерием, но решения, которые там принимались, они говорили не о лицемерии, а о денонсации договора 1922 года, то есть о ликвидации СССР. Зачем нам с вами играть в эти словесные игры? Давайте называть вещи своими именами. Ведь не на очередном партхозактиве же вы, наконец, были, а действительно на историческом совещании! Неужели, это не ясно? Неужели, вы действительно не волновались?

– Увы – все выглядело более банально. Вот за несколько дней до Вискулей я спрашиваю у нашего председателя совета министров Кебича: „Что тебе более всего мешает в работе?" Он отвечает: „Центр. Московский бюрократический аппарат, который нам не нужен". И Украина заявляла о том же. И мы начинаем искать другие варианты. Может быть, сделать штаб-квартиру СНГ в другом месте? Уйти из Москвы... Надо было заменить принципы организации этого оставшегося уже без прибалтов пространства. На это и было нацелено Беловежское соглашение.

– Но ведь вы не можете отрицать, что подобного рода подход именно исторический?

– Знаете, в моей жизни было много событий, казавшихся историческими. Защитил когда-то кандидатскую – для кого-то мечта всей жизни. А для меня – обыденность. И то же самое – докторская диссертация.

– Некорректное сравнение, Станислав Станиславович.

– Вполне корректное. Я считал, что нужно добросовестно делать ту работу, которую ты обязан делать.

– Но в любом случае Беловежское соглашение ставило крест на едином государстве, которое существовало до сих пор, и выводило Беларусь на путь существования независимого государства. Это, по-моему, было ясно.

– Не надо состояние де-факто выдавать за состояние де-юре. Беларусь была независимой республикой, имевшей свое представительство в ООН. Как, впрочем, и Украина... Но надо было покончить именно с лицемерием! Это был не Союз, это была империя. Мы не

разрушали Союз как общность, как Содружество народов. Мы боролись с империей, с имперскими традициями и порядками.

– Значит, вы все-таки понимали, что прекращаете существование той империи, которая под именем СССР существовала более семидесяти лет?

– Де-юре. И при условии, если парламенты республик ратифицируют Беловежское соглашение. Мы четко отдавали себе в этом отчет.

– Но вот прошли годы... И сколько уже говорят о тупиковости СНГ, о его нежизненности...

– Кто мог тогда предвидеть всю массу будущих проблем? Это длительный процесс... Опыт Европейского сообщества по существу никем из нас не был изучен. Поэтому строго говоря, мы приняли большевистское решение. Но от большевистских методов его внедрения мы отказались. Отсюда и возникло противоречие. Очень хотелось иметь нормальное Содружество на достойных правовых принципах, без унижения любого его члена, без патернализма с какой-то стороны. Мы не были романтиками, но большевиками. Мировой же опыт говорит, что большевистские решения сегодня не годятся...

„Народная воля”, 9.XII.1999.

РЕВИЗИЯ КУРОПАТСКОЙ ТРАГЕДИИ КАК НАЧАЛО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТКАТА

КУРОПАТЫ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЕКА?

„Короче, ни один из доводов, ни одна из громко звучащих экспертиз не дают основания правительственной комиссии сделать вывод, что похороненные в Куропатах люди являются жертвами НКВД.

Поэтому решительно, категорически протестую против этого вывода, против решения ставить памятник жертвам фашизма как жертвам НКВД.

... Распространено мнение, что в Куропатах органы НКВД начали, а немцы добавили.

Нет!

В пределах прилагаемой мною топографической схемы ни одной жертвы органов НКВД нет!!!

Все было начато немцами на холмистом девственном пустыре, имеющем широкую лощину и соответствующие возвышенности для флангового, фронтального и тылового прикрытий. Массовые расстрелы в лесу невозможны. В лесу можно уйти даже из-под перекрестного пулеметного огня!

Достоверно известно, что могилы под захоронения копали военнопленные. Вся трагедия длилась с лета по декабрь 1941 года, до наступления сильных морозов.

Сначала расстреливали гамбургских, варшавских, а затем минских евреев. Особенно массовый расстрел последних происходил 6-7 ноября и продолжался почти весь декабрь”.

И.Х.Загороднюк,
бывший командир партизанского отряда
бригады „Дядя Коля”.
„Мы и время”, ноябрь 1990, № 5.

ВРЕМЯ ПОСТАВИТЬ ВСЕ ТОЧКИ НАД КРЕСТОМ

„Наконец, нужно поставить все точки над „і" в вопросе насчет Куропат. Потому что в последнее время появились публикации, в особенности на страницах газеты „Мы и время", где открыто или завуалированно стремятся доказать, что в Куропатах ничего не было, более того, были расстрелы, но стреляли немцы, а остальное – это миф, который создал З.Позняк и его единомышленники...

Просьба: пускай наша прокуратура, народные депутаты Беларуси дадут свой однозначный ответ".

Валерий Бабей,
шлифовщик Минского тракторного завода.

НИСПРОВЕРГАТЕЛИ

„Перейдем к тому месту, где Иван Харитонович (*бывший командир партизанского отряда Загороднюк. – С.Б.*) приступил к главному. Он заявил: „Куропаты, о которых я вам буду говорить, – это одна из форм морально-нравственного террора против партии, НКВД, против нашего белорусского народа... Операция эта задумана с начала 70-х годов... Там работал Институт истории Академии наук... Помните, появилась в „ЛіМе" статья З.Позняка „Куропаты – дорога смерти". Сразу же эту статью подхватили „Московские новости", „Комсомольская правда", „Известия" и раздули на весь мир. Прокуратура БССР вынуждена была открыть уголовное дело, а правительство – создать специальную комиссию".

... Тут, думаю, пора остановиться. Принести читателю извинения за столь пространное цитирование и объяснить, почему мы пошли на этот не очень популярный в публицистике шаг. Поверьте, отнюдь не для того, чтобы еще раз продемонстрировать, о чем говорят и как мыслят эти люди... Хотелось дать вам информацию, что называется, из первых уст, чтобы легче было понять, почему они так безапелляционно: „Этого не было, потому что такого быть не могло" – отрицают добытые следствием факты и напрочь отказывают в памяти более чем сотне свидетелей и очевидцев. Тем, на чьих глазах проходили кровавые расправы, кто каждый день слышал выстрелы и душераздирающие крики, кто, наконец, прямо в родной деревне с глазу на глаз встречался с охранниками из-за высокого забора, не исключено, что и с исполнителями приговоров. Удивительно, но то ли по инерции, то ли в слепом разоблачительном раже они обвиняют в лжесвидетельстве, по сути, в наговоре на самих себя и тех, кто по службе, по жестокому мандату

сотрудника НКВД охранял, возил, по команде „С вещами на выход!" выдавал обреченному его небогатые пожитки, кто выводил осужденного на смерть из „черного ворона" и проходил рядом с ним его последние десять шагов до самого края, до могилы. Почему их не останавливают ни устные, ни письменные ответы, ни беседы в прокуратуре, ни просьбы-предупреждения в комиссии Верховного Совета?

... Невольно возникает и такой вопрос: с чьего согласия или по чьей воле им предоставляется печатная трибуна, организуются беседы в конференц-залах и экскурсии „с выездом на место"?..

Не знаем мы пока и ответа на вопрос, почему антикуропатская общественная комиссия нашла щедрого мецената в лице горкома КПБ, получив под его крышей не только кров, но и щедрое покровительство...

В одной из публикаций я прочитал: „Загороднюк не единственный, кто придерживается иного мнения". Конечно, у него есть единомышленники. И это нормально. Как и то, что миллионы наших граждан уверены в расстрелах работниками НКВД ни в чем не повинных людей, что Куропаты для них стали символом человеческих страданий, символом тирании и бесправия. Может, поэтому некоторые так не приемлют этого символа".

Евгений Горелик.

„Народная газета", 4.IX.1991.

ОСТОРОЖНО, СТАЛИНИЗМ!

„После того, как были обнародованы сведения о Куропатах, – какой поднялся мутный вал, какая волна! Наперебой утверждали, что там расстреляны то полицаи, то немцы, то партизаны, то евреи, то „советские люди", то уголовники, то никого не расстреляли – просто ямы, или окопы, или тир и т.д.

...О Куропатах я узнал еще в начале 70-х годов, когда жил недалеко от тех мест. Я сразу понял, что обнародовать это нельзя. Куропаты просто уничтожили бы, сделали бы там озеро или стадион. Оставалось только ждать... Только в конце 1987 года после речи Горбачева 2 ноября по случаю годовщины октябрьского переворота, где он показал свое негативное отношение к сталинщине и репрессиям, мы с коллегой Шмыгалевым приступили к методической работе, которая продолжалась несколько месяцев... Потом ждали весны, чтобы сделать детальные обследования на месте и археологические раскопки...

То, что была создана Государственная комиссия и Прокуратура БССР начала дело, чтобы доказать обратное... весьма способствовало

скрупулезности и основательности исследования. Были выявлены, опрошены и проверены сотни свидетелей, просмотрены доступные документы, впервые в истории криминалистики эксгумация была проведена археологическими методами. Следователи и криминалисты Прокуратуры и МВД БССР работали вместе с археологами АН БССР под надзором понятых...

Криминальное расследование было проведено на высоком профессиональном уровне и продолжалось несколько месяцев. Основания статьи „Куропаты – дорога смерти" полностью подтверждены, факты доказаны. И вот тут начался, как говорят, конфликт системы. Многие и в государственной комиссии и в ЦК КПБ желали иметь другие результаты. А других не было и не могло быть. Тем не менее решили еще раз попытаться. Дело закрыли и руководителя следственной группы Я.Бролишса отправили работать подальше от Минска, в Гомель. Потом дело продолжили... Под натиском фактов они (новые руководители следствия. – *С.Б.*) вынуждены были руководствоваться логикой и законом и признать справедливость выводов о массовых убийствах людей в Куропатах органами НКВД.

Сейчас... вновь поднимается истерический гвалт вокруг Куропат. Вновь всплыли юродивые, „пулеметчики", „гамбургские евреи". Даже „свидетели" нашлись...

Нынешние сталинисты-большевики отрицают все – и сталинский террор, и Колыму, и десятки миллионов жертв, и уничтожение крестьянства, и Куропаты".

Зенон Позняк,
народный депутат БССР.
„Літаратура і мастацтва", 16.VIII.1991.

1992 – 1994

КАКУЮ СУВЕРЕННУЮ БЕЛАРУСЬ МЫ СТРОИМ?

БЕЛОРУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ПЫТАЮТСЯ ПЕРЕХВАТИТЬ ИНИЦИАТИВУ БНФ

„Как известно, парламентская оппозиция БНФ выступила с инициативой проведения референдума о досрочной отставке Верховного Совета и организации новых выборов согласно закону о выборах, который был подготовлен БНФ. Это предложение Фронта было сразу же поддержано всеми политическими партиями республики, что отражено в совместном заявлении от 11 января этого года.

Исключением стала только Белорусская социал-демократическая грамада, представители которой принципиально не согласились с идеей референдума, считая, что процесс смены парламента растянется на довольно длительный период, во время которого Республика Беларусь останется в руках прокоммунистического Совета министров, кроме того ■ результате новых выборов к власти могут придти политики вроде Жириновского... 18 января пленум Грамады выступил с предложением о создании нового движения – общественно-политического блока „Новая Беларусь"... Фактически сделан шаг к расколу между БНФ и другими политическими организациями... Результатом раскола может стать выталкивание Фронта на чрезвычайно неблагодарные позиции правого радикализма. Тем временем привлекательный для народа центр займут социал-демократы, что само по себе выглядит в определенной мере абсурдным. БСДГ ни в каком случае не вписывается в классическую модель консервативного политического центра, ■ исповедуемые ее членами социалистические идеи и ценности прочно закреплены в классическом спектре за левыми силами".

Ирина Лозовская.

„Навіны Адраджэння", 23.I.1992.

„Что получила в наследство независимая Беларусь?

– Государство, расположенное на двух третях Белорусской Народной Республики, без значительных территорий на востоке вплоть до Ржева и Дорогобужа, захваченных в 1918 году большевиками, без Вильны и Белостока;

– экономику и производство, суть которых – сборочный цех СССР. Это означает более высокий уровень производства, которое тем не менее не рассчитано на наши внутренние и государственные потребности, зависимо от российского сырья и энергоносителей, соответ-ственно, ориентировано на российский рынок, экспортная доля в кото-ром нашей продукции составляет 70 процентов поставок;

– сельское хозяйство с приоритетом индустриального животноводства, что превратило нашу Беларусь в гигантский свинарник Советского Союза...

– экологию, вместо которой – нитраты в земле, химические, загрязненные реки, атомные полигоны на Полесье, где испытывали ядерное оружие на людях, и Чернобыль – „детище" КПСС;

– деформированное национальное самосознание, духовно больной социум – результат разрушения культуры, фальсификации истории, презрения к родному языку...

Еще два с половиной года назад было ясно, что необходимо переходить на собственную валюту...

Необходимо иметь в виду, что никакой рынок, даже самый цивилизованный, не заинтересован в развитии культуры. Культура и рыночные отношения – антагонисты... Высокая культура, искусство, литература, печать и все, что связано с культурно-национальным возрождением и развитием – это забота гражданского общества и государства. Государство обязано поддерживать, финансировать национально-культурное возрождение...

Укрепление „ельцинской демократии" также ничего хорошего не обещает Беларуси и всем остальным, кто останется в СНГ...

Между тем СНГ, как временное, искусственное образование, уже исчерпало свои возможности, и для Беларуси нет никакой необходимости связывать себя договором с так называемым Содружеством Независимых Государств. Перспективу имеют двусторонние межгосударственные отношения...

Предвидя развитие событий, Белорусский народный фронт еще в 1989 году предложил идею Балтийско-Черноморского содружества или ассоциации...

Почему же по всем оговоренным выше позициям с августа 1991 года не произошло на Беларуси практически никаких существенных перемен?.. Главные причины – эгоистические социальные интересы посткоммунистической номенклатуры, которые проявляются в перераспределении („прихватизации") государственного имущества... и второе – отсутствие у руководящих структур концепции государственной политики, основанной на национальных интересах Беларуси...

Поэтому исправить положение можно только переменив политику власти, что возможно путем новых внеочередных выборов в парламент, которые могут состояться после положительных результатов всебелорусского референдума".

Зенон Позняк,

народный депутат Беларуси.

„Народная газета", 29.X.1992.

СТАРОЕ ВИНО [redacted] НОВЫЕ МЕХИ

„Если новые выборы в парламент состоятся, они, скорее всего, будут иметь по существу беспартийный характер. Западноевропейские ценности еще не закрепились в народном сознании. Поэтому люди, не очень разбираясь [redacted] различиях ныне существующих партий, будут голосовать, скорее всего, за „хороших", влиятельных, вызывающих доверие кандидатов. Не исключено, что [redacted] их число довольно значительным отрядом войдут и люди из партий интересов, при всем их косноязычии и отсутствии опыта политической деятельности.

Есть, правда, одна политическая идея, которая может стать значимой, даже доминирующей на возможных выборах. Это национальный вопрос. Если выразиться точнее, это вопрос о цене движения к независимости и непосредственно с ним увязанная проблема белорусского языка как государственного. На выборах в Верховный Совет БССР, сформировавших нынешний парламент, эти идеи воспринимались электоратом достаточно абстрактно и вместе с тем были тесно связаны с демократическими идеалами, с противостоянием КПБ".

Юрий Дракохруст.

„Европейское время", сентябрь 1992, № 1.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ БЕЛАРУСИ: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

„Возможно, спадары с голубой кровью и найдут себе нишу в европейском доме. Но зачем тащить за собой народ, которому там будет

неуютно? Обновление Беларуси не может состояться вне рамок восточнославянской общности. К счастью, брестские договоренности лидеров трех славянских республик, как бы их ни хаяли легкомысленные политики и национал-сепаратисты, факт исторического значения. Они сняли тревоги патриотов и лишили иллюзий всех, кто мечтает столкнуть восточных славян во вражде и окончательно похоронить мировую евразийскую державу...

Бесспорно, модель „зрелого социализма" должна быть изменена. Но как и в какую сторону? – вот вопрос. Возвращение в капитализм неизбежно сопряжено с насилием, потому что противоречит естественному закону однонаправленного развития общества... Насилие неизбежно и потому, что на выведение созидательного слоя буржуазии – промышленной и финансовой – понадобится много времени. Пока же облик нашего „третьего сословия" определяют антипатриотическая компрадорская буржуазия и криминальная буржуазия, вскормленная теневой экономикой, коррупцией и делячеством в госторговле".

И.Кучеров.
„Политика. Позиция. Прогноз",
январь 1992 , выпуск № 1.

КАМО ГРЯДЕШИ?

„Как бы ни был уродлив СССР как политическое образование – это был единый живой организм. И любой серьезный политик должен был с этим считаться. Не посчитались. Там, где требовалась высококлассная рука хирурга, по-дилетантски, в чисто большевистском стиле рубанули топором. В итоге получили то, что получили, чего не могли не получить: окончательный развал экономики, национальное и социальное озверение, правовой беспредел и полный паралич власти.

Боюсь, что суверенные наши „касики" все еще не осознали до конца, что произошло в Беловежской пуще и в Алма-Ате".

Валентин Акулов,
доктор философских наук, профессор.
„Европейское время", октябрь 1992, № 2.

ИНОГО НЕ ДАНО

„Собственно, наступает крах экономики всего бывшего СССР как неизбежная расплата за попытку реализовать хозяйство на базе общественной собственности.

Ничего неожиданного в этом для грамотного наблюдателя нет. Но многим кажется, что наши беды начались с распада СССР, что когда народ осознает это, то не простит ни Кебичу, ни Шушкевичу. Так заявил, например, депутат А.Лукашенко и выразил с трибуны готовность отловить „пущистов", если будет на то команда. Эти люди наивно думают, что возврат к какому-то подобию бывшего Союза сделает нашу жизнь лучше".

Леонид Злотников,
кандидат экономических наук.
„Европейское время", декабрь 1992, № 4.

ЕСЛИ НАЦИЯ НЕ ПОНИМАЕТ ЦЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА, ТО ОНА ОПАСНО БОЛЬНА

„Складывается впечатление, что российские суверенщики никогда не смотрели на карту, не представляли себе, как будет выглядеть их новое государство без Украины и Белоруссии... Они не понимают, что, строго говоря, без нынешней Украины нет и не может быть России в старом подлинном смысле слова. Российская Федерация такой же продукт распада Союза, а также старой большой России, как и Украина. При желании руководители Украины, если бы они не были так зашорены, могли бы так же, как и Ельцин, выступать от имени российской истории и российской государственности. В сущности, если смотреть на вещи серьезно, то сейчас на Украине создается второе русское в широком смысле этого слова государство. Если говорить серьезно, то реальная историческая заслуга Ельцина состоит в том, что он своей борьбой с Горбачевым, с центром, способствовал динамизации и плюрализации российской, славянской истории. Появились новые стимулы продолжения российской истории, в том числе идея воссоздания украинского и белорусского государств".

Александр Ципко,
доктор философских наук.
„Комсомольская правда", 14.I.1992.

НУЖЕН ЛИ БЕЛАРУСИ ПРЕЗИДЕНТ?

„Сегодня все чаще раздаются голоса, что идея президентства, дескать, не поддерживается населением, не соответствует белорусскому менталитету, не оправдала себя в других республиках...

Для Беларуси сегодня президентство – путь к созданию стабильной 2-3-х партийной политической системы, когда во время выборов общество консолидируется вокруг нескольких общепризнанных национальных лидеров".

Владимир Кацора,
заместитель председателя
Объединенной демократической партии Беларуси.
„Советская Белоруссия", 25.V.1993.

КУДА МЫ ИДЕМ?

„Мы оказались не по своей воле перед указателем „Независимость". И начали двигаться навстречу неизвестному совсем неподготовленными к этому...

Пока Республика Беларусь не определит свою идеологию, т.е. конструктивную программу развития общества, общественных отношений, экономики, культуры, ее суверенитет будет оставаться „бумажным".

...Суверенитет не возникает неожиданно, а формируется постепенно вместе с приобретением экономического потенциала, с формированием идеологических, политических и культурно-исторических традиций. Понятно, что в Беларуси, как государстве, что-то из всего этого есть. Однако наша экономика не может существовать без интеграции с экономиками других независимых государств в рамках бывшего СССР, Наша политика практически не определена. Что же касается идеологических и культурно-исторических традиций, то они чересчур архаизированы, направлены целиком в седую старину".

Александр Рогалев,
доцент Гомельского госуниверситета
имени Ф.Скорины.
„Мы и время", август 1993, № 30.

ДНЕВНИК ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

„Литва строит свое государство, постепенно приучает людей к новым регламентам и реалиям, к тому, что свои политики, как бы ни было тяжело в переходный период, думают о своей стране и своем народе. За три минувших года как-то незаметно и вдруг возник большой разрыв между тем, что сделано для своей государственности в Литве и на

Беларуси. При таком сравнении Беларусь три последние года прожила в лучшем случае впустую, в худшем – во вред своей государственности.

Этот разрыв начался тогда, когда в Литве парламент и правительство окончательно взяли всю ответственность за свой край и народ на себя. В условиях хозяйственного развала и памятной союзной „стабильности” это был шаг самопожертвования. И парламент и правительство были наказаны за него на всеобщих выборах. Зато преемники пришли уже на определенное место и обязаны были взять полную ответственность на себя. И если на предшественниках лежала задача разрушить порочную систему, то на этих – строить новую Литву.

По сути это то же самое, если бы на Беларуси пришли к власти бэнээфовские гуманитарии, выполнили черновую работу ради укрепления институтов независимого государства, выдержали несколько московских экономических блокад, пригасили люмпенские интерфронтовские настроения, добились гарантий независимости и заложили основы новой государственной идеологии, за что народ, которому от этого не стало бы жить лучше и веселее, на очередных выборах отказал бы им в доверии, отдав голоса за перекрасившихся коммунистов, которые лучше ориентируются в хозяйственных вопросах, и те, ■ уже заданных обстоятельствах, взялись бы за строительство независимой Беларуси.

Эта параллель „хромает” сегодня на три года. И если Литва стабилизирует экономику и выправляет перегибы „националистов”, оставаясь при этом Литвой, Беларусь по-прежнему проедается и разворовывается ■ угоду сегодняшним руководителям, которые еще не успели награбить для себя и своих детей...”

„Наша Ніва”, 1993, № 14.

БНФ ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ?

„Представим себе, что в силу либо внутренних, либо внешних причин... БНФ вползает во власть.

Как будут развиваться события?

...Немедленно запрещаются Партия коммунистов Беларуси и все левые движения и организации...

Проводится глобальная политическая и этническая чистка государственного аппарата...

Разгоняются колхозы и совхозы...

Бывшие полицаи, дружинники СС и члены их семей, как ■ Латвии, например, получают все льготы участников войны и денежные компенсации...

Будет осуществляться насильственная белорусизация высшей и средней школы, науки и культуры...

Под националистическо-политический прессинг попадет белорусская православная церковь...

Пойдет дикая приватизация предприятий, разгром крупных промышленных комплексов, распродажа их иностранцам...

Начнется ползучая дискриминация русских, украинцев, поляков, татар, евреев...

Неизбежно произойдет переориентация внешней политики в сторону прежде всего стран НАТО...

Незавидной будет и судьба миллионов простых людей, которые сегодня, шагая с тяпкой на плече, бормочут: „Моя фазенда с краю..." Когда они попадут в клетку к бэнээфовскому удаву, то изведают и глад, и мор, и огонь".

„Мы и время", июль 1993, № 27.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БОЛЬШЕВИЗМУ?

„Основные пункты программы премьера Кебича сводятся к следующему: самый тесный экономический союз в рамках СНГ, особенно с Россией, в условиях, когда все предыдущие бесчисленные встречи глав государств и глав правительств и их заверения об экономическом сотрудничестве ни к чему хорошему не привели и объективно привести не могут, потому что каждая из сторон преследует на деле прежде всего собственные интересы в ущерб другой стороне... Фактически это политика закрепления Беларуси как политического и экономического придатка России, как и ранее в рамках СССР, без всяких признаков государственной независимости".

Геннадий Саганович,
историк.
„Народная газета", 10.VIII.1993.

ВДОЛЬ ОБРЫВА, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ...

„Национал-патриоты попались на удочку знаменитого ленинского тезиса о „самоопределении вплоть до отделения" и втащили 10-миллионный народ в страшный эксперимент – супербольшевистский в своей основе (не только, разумеется, в Беларуси – повсюду). Суверенитеты образца 1990–91 годов на произвольно нарезанных Лениным, Сталиным и Хрущевым ССР-ах и АССР-ах в лагере с единой системой специализации бараков и жестоко регламентированной

межбарачной связью – мягко говоря, нонсенс. 5-летний срок выхода из СССР (на основе республиканских референдумов!), установленный горбачевским руководством, отнюдь не бюрократическая рогатка, а попытка отпустить некоторый (кстати, очень малый!) срок для естественной автономизации подсистем большой системы. Но р-р-революционерам всегда вчера рано – позавчера поздно, у них всегда „есть такая партия". В результате треть бывших республик СССР залита кровью, в некоторых откровенно реанимирован тоталитаризм, рухнула экономика второй по территории европейской страны (600 тыс.кв.км.) Украины, опасно поляризованной к тому же на Восток, Запад и Крым; пошел процесс распада России, ибо почему же татарин менее суверенен, чем белорус, как чукче или кубанскому казаку прожить без своего президента, если туркмен президента имеет?

Думаю, что Беларуси и России следует срочно (в августе) приступать к комплексным переговорам о воссоздании единой системы – во имя совместного выживания. Причем подчеркну: для распадающейся России это не менее важно".

Александр Потупа.

„Фемида", август 1993, № 32.

МЫ ПРИДЕМ К БЕЛАРУСИ!

Выступление Председателя Верховного Совета Республики Беларусь Станислава Шушкевича по Белорусскому телевидению и радио 27 июля 1993 года

„К большому сожалению, культурно-политическое наследие, отсутствие либерально-демократических традиций, коррумпированная система кумовства и блата в кабинетах власти, отчуждение народа от власти, нехватка профессиональных (да и просто образованных) политиков с прагматическим стилем работы не способствуют спокойному и эффективному ходу реформ. Нетерпимость и конфронтация стали главной чертой парламентских дискуссий. Бывшая партийная номенклатура хотела бы сохранить за собой власть, более того – сделать ее бесконтрольной. Этим, в первую очередь, объясняются и попытки на последней сессии переподчинить КГБ исполнительной власти, убрать с должности Председателя Верховного Совета и создать непреодолимые препятствия на пути укрепления основ долгосрочного сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. Опасность союза бывшей партноменклатуры, разбогатевшей на перепродаже государственного имущества, и мафиозных коммерческих структур увеличивается".

ТАК КТО ЖЕ ТАКОЙ НА САМОМ ДЕЛЕ С. С. ШУШКЕВИЧ?

„ЗАЩИТИТЬ НАРОД, НЕ ИМЕЯ ВЛАСТИ НАРОДА, – НЕВОЗМОЖНО"

„С.Шушкевич вполне адекватно выражает интересы и политику номенклатурного большинства, на которое и опирается в Верховном Совете... С.Шушкевич, как известно, оставил КПСС, потом предал БНФ, пройдя, однако, благодаря ему в два Верховных Совета – республики и Союза и став первым замом Председателя Верховного Совета Беларуси. Потом переметнулся к номенклатуре. Это случилось, по-видимому, потому, что политика – вещь непорядочная. Каждый может менять свои политические взгляды и пристрастия, как ему вздумается, хотя я таких людей не ценю...

Кто же сейчас поддерживает С.Шушкевича – временную, переходную фигуру в политике? Сторонники БНФ – не поддерживают. Коммунисты, сталинисты, большевики и прочие левые группы – тоже против. Остается „болото". Оно увидело в Шушкевиче себя, свое отражение. Обычный человек, говорит „памяркоўна", призывает „да згоды", ничего не ломает, не переставляет, хотя стоит за реформы и перемены, выступает за демократию, но не за БНФ, против коммунистической номенклатуры, но за честных коммунистов, за рынок, но и за порядок, за постепенность, разговаривает по-белорусски, но стоит за Россию, слушает Глобу и своими руками строит дачу. Идеальное воплощение устремлений что-либо улучшить, ничего не делая...

Оппозиция БНФ, выходя на референдум, приняла по отношению к С.Шушкевичу „консервационную" тактику. Мы понимаем, что номенклатурное большинство может поставить вопрос о переизбрании Председателя, если он ей окажется неугоден. В этом случае решающее слово будет за оппозицией. Однако пускай они свое поведение выбирают сами. Наш выбор – референдум".

Зенон Позняк.
„Знамя юности", 8.IV.1992.

НУЖНО СОЗДАВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ КОАЛИЦИЮ

„Нужно ли демократам сейчас объединяться вокруг какой-то фигуры? Тем более харизматической? Этой фигурой в глазах простого народа является Станислав Шушкевич. Думается, ОДПБ и БСП в своем совместном заявлении правильно сформулировали те принципы, на основе которых может быть создан гражданский блок для поддержки Шушкевича. Сейчас все зависит от самого Шушкевича. Похоже на то, что Председатель Верховного Совета из-за своего лавирования на последней сессии ВС утратил еще больше сторонников из числа беспартийных и продемократических депутатов. Не исключено, что С.Шушкевича уже на ближайшей сессии ВС ждет судьба Горбачева. Демократы должны отнестись к этому спокойно. Тем более, что неокоммунистам уже будет невозможно сваливать все беды на демократов...

Демократы должны готовиться к выборам и вырабатывать правительственную программу не смотря на Шушкевича и не ориентируясь на Шушкевича".

Анатоль Сидаревич.
„Свабода", июль 1993, № 8.

ПОЧЕМУ ХОТЯТ СМЕСТИТЬ ШУШКЕВИЧА?

„Стремление устранить С.С.Шушкевича выражает намерение прокоммунистической номенклатуры изменить политический курс Беларуси, повернуть его ■ обратную сторону от того пути, по которому идет весь мир, установить апвторитарный режим.

Естественно, что глава парламента стал препятствием для осуществления такого поворота...

Объединенная демократическая партия Беларуси и Белорусская крестьянская партия обращаются ко всем гражданам Беларуси, партиям, движениям, общественным организациям с предложением о создании широкого демократического движения, которое бы выступило в поддержку С.С.Шушкевича..."

А.Добровольский, председатель
Объединенной демократической партии,
Е.Лугин, председатель
Белорусской крестьянской партии.
„Народная газета", 15.VII.1993.

СУВЕРЕНИТЕТ. НЕЙТРАЛИТЕТ. БЕЗОПАСНОСТЬ

„В свое время в час подписания соглашения в Беловежской Пуще о роспуске Союза из трех участников два – президенты России и Украины – имели всенародный мандат на свои действия, Станислав Шушкевич его не имел. Он, несомненно, хорошо знал, что его подпись на договоре о роспуске Советского Союза будет противоречить воле белорусского народа. Ведь всего несколько месяцев тому назад на всенародном референдуме 72 % граждан Беларуси высказались в пользу сохранения СССР. Ратификация этого соглашения Верховным Советом Беларуси избавила его от необходимости давать пояснения в установленном законом порядке. Однако моральная напряженность вокруг этого действия сохранилась. Она вспыхивает то и дело и сейчас".

Иван Антонович,
доктор философских наук, профессор.
„Рэспубліка", 30.IV.1993.

БЕЛОВЕЖСКИЙ СИНДРОМ

„Основная вина за беловежское злодеяние, конечно, на главном разрушителе Союза – Ельцине. Но и к Шушкевичу счет особый. Он не поднялся против, не встал на защиту основополагающего документа о суверенитете республики, принятого Верховным Советом и предусматривающего не разрушение, а обновление Союза. И вот теперь, после того как сам растоптал „крик души" – Декларацию, пытается использовать ее для борьбы с теми, кто намерен хотя бы частично выполнить заложенную в ней задачу.

– Хватит врать, Станислав Станиславович, и будоражить общество, – бросил Шушкевичу с трибуны Верховного Совета депутат Александр Лукашенко".

Олег Степаненко.
„Правда", 2.VI.1993.

ВИСКУЛИ В МОСКВЕ. ВТОРАЯ СЕРИЯ?

„Ну – „уйдем" Шушкевича, что дальше? Проблема заключается, увы, в сакраментальном „кто на его место". Да никого! Во-первых, наш парламент, увы, беден как церковная мышь. Под богатством я под-

разумеваю наличие ярких личностей, имеющих четкое представление о том, куда следует двигаться самому и как вести за собой сбитых с толку граждан".

Павел Якубович.
„Народная газета", 13.VII.1993.

Пройдет не так уж много времени – менее года – и Павел Якубович вдруг обнаружит, что есть такая яркая личность и именно в парламенте... И тогда он сделает свою ставку.

СТРАСТИ ВОКРУГ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СНГ

ПАРТИЯ „КЕБИЧ—ШУШКЕВИЧ: ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПАРЛАМЕНТА НАЙДЕН

„Закончилась 11-я внеочередная сессия Верховного Совета Беларуси. Все мы прекрасно знаем ее итоги: после ожесточенной борьбы, когда, казалось, от столкновения непримиримых точек зрения на предложение премьер-министра Вячеслава Кебича о вступлении республики в систему коллективной безопасности может самовоспламениться парламент, положительное решение все-таки было принято... Но после этого с неожиданной инициативой выступил Председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич. Он заявил, что такой важнейший для Беларуси вопрос вправе решать только сам народ и предложил провести в мае всенародный референдум.

...А если ■ случае референдума народ Беларуси заявит, что он выступает за нейтральный, безъядерный статус республики, то налицо будет острейший парламентский кризис. Выявится, что не Шушкевич и демократы, а именно прокоммунистическое парламентское большинство не отражает волю народа, именно оно должно уходить в отставку...

Люди должны ■ конце концов разобраться, кто есть кто, кто куда нас зовет".

Сергей Плыткевич.

„Народная газета", 21.IV.1993.

КОНЕЦ СТАБИЛЬНОСТИ?

„Вторым свидетельством наметившейся тенденции явилось принципиальное расхождение Председателя Верховного Совета С.Шуш-

кевича, имеющего устоявшийся имидж политического центриста, с большинством парламента по вопросу о вступлении Беларуси в систему коллективной безопасности стран СНГ. В политике центризм хорош в условиях нормального, эволюционного развития общества. В период глубоких социальных катаклизмов попытка остаться посередине в общественном противостоянии, как правило, оказывается самым провальным вариантом политического поведения. Судьба Горбачева – наиболее показательный пример".

Валерий Карбалевич,
кандидат исторических наук.
„Европейское время", май 1993, № 4.

„У БЕЛАРУСИ ОСТАЮТСЯ ВЫДАЮЩИЕСЯ ШАНСЫ..."

„Мое собственное отношение к подписанию Договора о коллективной безопасности не изменилось. Наоборот, за последнее время я глубоко убедился, что подключение к системе коллективной безопасности никаких выгод нам не несет... Не дай нам Бог быть втянутыми в чью-то гражданскую войну.

... Но сегодня, по сути, идет испытание белорусской нации на прочность: способна ли она сохранить свой суверенитет, достойна ли независимой страны. У Беларуси остаются выдающиеся шансы для того, чтобы, укрепляя экономическое сотрудничество в рамках СНГ, не делать ни шагу назад в своем стремлении к нейтралитету".

Станислав Шушкевич.
„Народная газета", 2.VI.1993.

ЧТО ГОВОРИЛА ОППОЗИЦИЯ БНФ

„За что вы, руководящее большинство в Верховном Совете, хотите вновь проливать белорусскую кровь? За чью выгоду? Разве Беларусь имеет стратегические интересы в Азии, на Кавказе, на таджикско-афганской границе? Куда вы толкаете наш народ?.. У нас нет стратегических интересов ни в Азии, ни в России. И не нужно втягивать нашу страну в чужие коммунистические авантюры".

Зенон Позняк.
„Здрада". Специальный выпуск газеты
„Навіны БНФ „Адраджэнне", апрель 1993.

И ВНОВЬ О НАШЕЙ СИМВОЛИКЕ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКЕ, МЕНТАЛИТЕТЕ

Беларусь вроде бы уже на суверенном пути, строится независимое государство... Но, может быть, потому, что за эту независимость не воевали, не боролись, что она упала как снег на голову, вместо общего продвижения вперед все ярче разгоралась идеологическая борьба? Нет памяти об общем прошлом, нет дорогих большинству народа святынь... Есть только бесконечный раздор и злоба, бесконечная борьба...

ПОД КАКИМ ПРИКРЫТИЕМ ВЕДЕТСЯ ДЕБЕЛОРУСИЗАЦИЯ НЫНЕ?

„Мутные волны разрушительной идеологии захлестывают истоки белорусской государственности, духовно-культурной традиции народа. Населению навязывается мысль: государственность белорусов начинается с Великого княжества Литовского. Так ли это?

...Разве не ясно, раннефеодальная государственность предков нынешних белорусов возникла, по меньшей мере, на 400 лет раньше государственности Литвы?.. Возникновение ВКЛ с включением в него русских земель – это гримаса истории, когда правящая элита отсталого народа становится на вершину власти передового в культурном отношении народа. Осуществилась эта гримаса лишь благодаря тому, что, с одной стороны, монголо-татары разорили Русь и перебили княжеские семейства, с другой, пришедшие княжить на Русь литовские князья получили в свое распоряжение государственный опыт славян, а также грамоту, письменность. Восточнославянский, русский язык стал государственным языком ВКЛ не потому, что неграмотная литовская знать уважила славян. У нее хватило природного ума понять, что без письменности и без поддержки местной грамотной знати невозможно управлять огромной территорией.

...Одновременно с уничтожением славянских, русских корней белорусской государственности ведутся агрессивные нападки на духовную традицию белорусов – православие... Надо же додуматься! Униатство – политический гибрид, изобретенный иезуитами (Брестская уния 1569 г.) для борьбы с православием и проникновения на восток, – народная религия белорусов! Как будто белорусы не были православными в течение шести веков со времени официального крещения Руси...

Да что там униатство! Подбрасываются идеи о превращении Беларуси в „Священный Сион", призывают к распространению иудаизма в среде нееврейского населения. Шум о языках, о возрождении национальной культуры – камуфляж, под прикрытием которого ведется дебелорусизация белорусов, вытравливаются славянские корни государственности, подменяется духовное наследие".

Иван Кучеров,
доктор юридических наук, профессор.
„Политика.Прогноз.Позиция", апрель 1993, № 5.

НЕ КАРАУЛ – НАРОД УСТАЛ!

„Предполагаемая действующим Законом о языках белорусизация (т.е., простите, „дерусификация и деполонизация") – не просто смена доминирующего языка. Более чем настойчиво предлагается смена системы культуры. Лермонтов, Достоевский, Чехов, Солженицын, Бродский сдвигаются в сферу зарубежных писателей, которых будут „проходить" в школе (наравне, скажем, с Шекспиром, Бальзаком и Хемингуэем). Но ведь есть еще философы, физики, экономисты, экологи и т.д. И везде, прошу прощения, масштаб. И я настаиваю на своем праве выбора масштаба – для себя, своих детей и внуков!

... Но, может, хватит экспериментов? Не пора ли спросить народ – хочет ли он и может ли следовать тем или иным доктринам, ускоренно преобразовываясь неизвестно во что? Не предоставить ли ему право просто пожить естественной жизнью, где разрешено все, что не запрещено глубоко продуманными законами без всяких там „измов" и „руководящих-направляющих"? Ей-богу, народ и накормит себя, и напоит, и музыку напишет, и возродит все то, без чего не может жить. И уж отжалейте ему, господа хорошие, право говорить на тех языках, на которых он реально говорит и, в силу деликатности своей, многое и о многих недоговаривает".

Александр Потупа.
„Советская Белоруссия", 29.VI.1993.

НЕ ПУСТИМ ДЕТЕЙ В БЕЛОРУССКУЮ ШКОЛУ!

„Закон о языках – антинародный закон, принятый без участия и желания населения республики. Да, мы, белорусы, но оттого, что мы предпочитаем русский язык в своем общении, мы не станем меньше любить свою Родину, белорусскую землю, белорусские песни, историю своего народа. Но не бывает любви, навязанной насильно, такая любовь превращается в ненависть. Мы думаем по-русски, и дети наши с пеленок впитывают русский язык, как говорится, с молоком матери. Абсурдно детям, думающим и говорящим на одном языке, давать знания на другом, это двойная если не тройная нагрузка для и без того ослабленных Чернобылем наших детей.

...Иначе как геноцидом такое положение назвать нельзя. Это бессмысленно и чудовищно. Мы обращаемся к вам, матери будущих первоклассников! Не приводите детей в школы 1 сентября, пока не будет предоставлено свободное право выбора, равноправие обучения как для белорусскоязычных, так и для русскоязычных детей".

Жители г. Рогачева Гомельской области
Т.Бинецкая, Л.Краснощекова, И.Лаптева
(всего 17 подписей).
„Народная газета", 9.VI.1992.

ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ С КОЛЕН, НУЖНО ЗАГОВОРИТЬ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

„Но национальный язык нечто большее, нежели возможность членораздельно высказывать свои мысли. В жизни громадное значение имеет уровень национального самосознания, степень национального достоинства. Только эти качества помогают народам выстоять в самых экстремальных условиях, которые мы сегодня и переживаем.

... Национальный язык не только главнейший признак национальной культуры. Велика ее роль в консолидации общества. Она – знамя, способное объединить разделенный народ, его усилия для достижения высоких целей. Вот почему представители империи стремятся найти любые основания, чтобы оттянуть ее возрождение".

Эдуард Гирей, доцент.
Минск.

КТО МУТИТ ВОДУ?

„Так вот, неуважаемые мракобесы, я ниоткуда не приехала на Беларусь. Я родилась на Полотчине. Рогачевцы правы – это геноцид, это издевательство над детьми.

... Так вот, неуважаемые мракобесы, да будет вам известно, что народ Беларуси – это в большинстве своем православный русский народ, „коренные русские Западного края", как называл его Столыпин... Все ваши потуги, спадары белорусизаторы, — это отрыжка средневековья".

М.Тарасевич.
Витебск.

ОТ ГОРЯ СЕРДЦЕ РВЕТСЯ НА ЧАСТИ

„Когда прочитала письмо рогачевцев, долго не могла опомниться: омертвела душа, омертвели мысли, онемел язык. Моя душа будто предчувствовала, что борьба за право разговаривать на родном языке, учиться на нем не остановится, что еще долго придется ощущать сопротивление тех своих соотечественников, которые считаются белорусами только по паспорту, которые не имеют чувства национального достоинства, которым наплевать на свои истоки, свои корни".

Мария Матюкевич.
г.Солигорск.
„Народная газета", 30.VI.1992.

А КТО ТАМ ИДЕТ? ХУТОРЯНЕ?

„У белорусов особый менталитет. В национально-белорусском восприятии русской литературы естественно присутствуют черты верности русскому слову и делу, и любви к Родине, Беларуси, и героико-патриотического, гуманитарно-просветительского подвижничества в утверждении всемирных идей братства, добра, мира".

Валерий Нефедов,
доктор филологических наук.
„Знамя юности", 5.I.1993.

„МЫ ДОЛЖНЫ КАК СЛЕДУЕТ ИЗЛОЖИТЬ БЕЛОРУССКУЮ ИДЕЮ”

„Надежды на язык и его спасительную функцию в деле возрождения белорусской культуры совершенно справедливые. Язык является носителем духовной культуры народа.

...Проблема русскоязычного влияния на белорусский язык по-прежнему острая и актуальная. Русский язык оказал и оказывает воздействие на белорусский язык по той причине, что большое количество населения разговаривает на русском языке. В условиях сознательного перемешивания разных национальных групп, которое проводил так называемый центр, белорусский язык не только подвергался влиянию, ассимиляции, но вообще вытеснялся из сферы своего традиционного употребления. Влияние русского языка обусловлено также тем обстоятельством, что в нем более развита книжная лексика. Причина этого – русификаторские процессы, из-за которых белорусский язык смог сохранить свое живое функционирование только на уровне диалектов”.

Николай Крюковский,
доктор философских наук.
„Літаратура і мастацтва”, 25.IX.1992.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ЭКОЛОГИЯ

„Иная позиция выражается ■ требовании придать статус государственных ■ Беларуси русскому и белорусскому языкам, что, по мнению сторонников и пропагандистов такой позиции, закрепит в законе существующую языковую ситуацию и тем самым будет содействовать консолидации общества. Интересно, что такую же позицию отстаивает явно шовинистический Всемирный русский собор: „... добиваться обретения русским языком статуса второго государственного языка во всех государственных новообразованиях в пределах прежнего СССР”, что несомненно является предпосылкой разрешения задачи, которую открыто формулирует Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский: „Восстановление российского государства в его естественных границах. Активное содействие постепенному добровольному возврату Украины и Белоруссии в состав единой державы”.

О том, что законодательное закрепление двуязычия в итоге ведет к одноязычию, имеются многочисленные свидетельства ученых. Анализируя позицию по этому вопросу современных социолингвистов,

В.Гак утверждает: „... двуязычие воообще представляет неустойчивое положение, которое раньше или позже ведет к „глотофагии" – поглощению одного языка другим". И еще: „Полное двуязычие на уровне этноса – это скорее показатель потенциальной смены языка, а не фактор сосуществования систем и их взаимодействия". Борцы за „официальное двуязычие" либо не знают этих бесспорных истин, к которым пришла наука, либо скорее всего сознательно обманывают так называемые широкие массы спекулированием такими понятиями как „насильственное насаждение белорусского языка", воспоминаниями о дружбе советских народов (при которой, кстати, ускоренными темпами шла русификация) и т.д., потому что иначе им пришлось бы признать, что их конечная цель – полная „глотофагия", т.е. ликвидация белорусского языка и этноса. При этом обычно ссылаются на официальное двуязычие в Финляндии, где, как известно, финский и шведский языки имеют статус государственных, с той только разницей, что миноритарным языком является шведский, т.е. язык шведского меньшинства, а мажоритарным – финский, язык большинства коренного населения. Это значит, что ситуация там обратная нашей, где язык большинства населения является миноритарным. Так вот, факты свидетельствуют, что официальное двуязычие в Финляндии на пути к исчезновению, несмотря на то, что государство делает все, чтобы его поддержать. Вот данные статистики: „Явственно прослеживается тенденция к сокращению количества говорящих по-шведски в Финляндии: за сто лет их число сократилось более в 2,5 раза". И это при том, что шведскоязычные жители Финляндии имеют рядом Швецию, смотрят шведское телевидение, читают газеты и т.д. Что же тогда говорить о белорусском языке, не имеющем опоры за границами Беларуси, да и дома ощущающим себя сиротой? Таким образом, за, казалось бы, чисто теоретическим спором о перспективах официального двуязычия несомненно стоят силы, стремящиеся окончательно ликвидировать белорусский язык, белорусский этнос, независимую Беларусь и возродить „Российское государство в естественных границах".

Геннадий Цыхун.
„Полымя", 1994, № 11.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ: ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

„В тени двух сильных культур, утратившие свою государственность и придавленные имперским гнетом, с беспамятным самоназванием

тутэйшыя (т.е. „здешние, местные") и неустановившимся внешним этнонимом (*литовцы, литвины, литвяки, крывичи, белорусы*), с землей, чье имя заменили географической перифразой *Северо-Западный край*, с языком, не допущенным в школы, белорусы с середины XIX и в первом десятилетии XX в. только начинали формировать свое национальное самосознание.

...Белорусское самосознание менее определенно и выразительно (в сравнении с самосознанием соседей – поляков, литовцев, украинцев, русских). Если русские „легко" (незаметно для себя) ассимилируют представителей других этносов, то белорусы, напротив, не ассимилируют пришельцев, но и не придают серьезного значения этническим различиям (это касается прежде всего различий между восточными славянами, а затем между белорусами и поляками). Однако сами белорусы легко ассимилируются в иноэтничной среде...

О слабости белорусского этно-языкового самосознания говорит отсутствие в Беларуси 70-80-х гг. национального диссидентского движения (как, впрочем, и правозащитного). Интерес к языковым вопросам здесь (в релевантном сравнении с Украиной) был невысоким...

Видя пассивность и равнодушие большинства, наиболее радикальная белорусская интеллигенция, в том числе депутаты, в отчаянии обостряют национально-языковые вопросы.

... Василь Быков не раз пессимистически говорил и писал о перспективах белорусского национального возрождения. Белорусские акты о языке он назвал „бумажными законами и имитацией бюрократической активности" в условиях „агонии национального языка".

... Движение за возрождение белорусского языка – это одно из ярких проявлений национального романтизма. Фактически сейчас движение защищает язык как символ нации, но стремится превратить его в реальное средство общения народа... При соприкосновении с жизнью национальный романтизм или отступает (в Беларуси чаще всего так и происходит), или вступает в более или менее резкий конфликт с жизнью и, таким образом, становится фактором дестабилизации общества. „Топтание на месте" наблюдается почти всюду: белорусский язык не становится служебным языком в большинстве учреждений, на него не переводят делопроизводство, не переходят суды и милиция, торговля и банки.

... Жизнь, практика, углубление рыночных отношений (в том числе в сфере образования – например, рост числа платных альтернативных учебных заведений), ожидаемое углубление демократии и рост правовой культуры населения – все это будет способствовать тому, что русский язык в Беларуси будет оставаться основным средством общения в повседневной жизни городов и в сфере массовой коммуникации.

Вместе с тем позиции белорусского языка будут укрепляться. Если говорить о необходимых условиях этого процесса, то определить их можно так: 1) суверенитет Беларуси; 2) сохранение за белорусским языком статуса единственного государственного языка РБ; 3) продолжение политики поддержки белорусского языка (однако с учетом, в какой мере с такой политикой согласны налогоплательщики; необходима также существенно большая осмотрительность и гибкость в переводе школ на белорусский язык); 4) более широкое использование белорусского языка в качестве профессионального (служебного) языка; 5) духовная и информационно-интеллектуальная значительность и просто искусность создаваемых сейчас произведений на белорусском языке (прежде всего в сфере массовой коммуникации), их конкурентноспособность по отношению к основным видам русскоязычной информации, циркулирующей в Беларуси".

Н.Б.Мечковская.

„Russian Linguistics", 1994, № 18.

КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – РАДИКАЛЬНЫЕ МЕРЫ

„По моему глубокому убеждению, необходимо объявить и без промедления приступить к разработке программы особого (чрезвычайного) периода интенсивной белорусизации страны, например, на три года или на пять лет.

... В этот период все государственные средства массовой информации, включая все каналы телевидения и радио, все государственные учебные заведения (в первую очередь школы, педагогические училища и вузы, за исключением, может быть, некоторых технических), а также все государственные учреждения всех уровней переходят на белорусский язык.

...Польский и русский языки должны покинуть храмы Беларуси

...Необходимо разработать юридически обоснованные меры воздействия на нарушителей с помощью системы разных штрафов. Причем проводить эти меры решительно и жестоко, создав предварительно общественные инспекции.

...Сегодня стало очевидно, что никакие уговоры, на которые белорусские патриоты потратили столько сил и времени на продолжении многих лет, не сдвинут эту проблему с мертвой точки. Только такие решительные меры способны это сделать".

Евгений Ширяев,

профессор, доктор технических наук.

„Літаратура і мастацтва", 7.VIII.1992.

„Однако хотелось бы объяснить людям, которые публично либо кулуарно, создавая негативное общественной мнение вокруг Белорусской православной церкви, обвиняют нас в нежелании вводить белорусский язык в богослужение...

...ведь почти тысячелетнее служение на церковнославянском языке сберегло православие от неизбежности исторической изменчивости литературных норм, от искусственного терминотворчества, связанного с необходимостью точно передать дух и букву Священного Писания, составленного святыми отцами Церкви.

...Осознавая всю ответственность перед Богом и белорусским народом за высококачественный перевод богослужения, мы с большими трудностями многое уже делаем... Уже вышло из печати Евангелие от Матфея, которое мы опубликовали на белорусском, церковнославянском, русском и греческом языках... В Минской духовной семинарии преподается белорусский язык, более того, на белорусском языке читается курс библейской истории. Таким образом, мы готовим священнослужителей, способных к белорусскоязычному совершению службы.

... Вместе с тем со всей решительностью хотел бы сказать: я категорически против того, чтобы не считаться с весьма многочисленной частью верующих, которые за долгие годы жизни в Церкви, зачастую с детства, привыкли к церковнославянскому языку богослужений, обучили ему своих детей и внуков... Эти люди хранят благоговейную память о том, что на церковнославянском языке молились Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, молились все белорусские святые, весь православный белорусский народ в течение тысячи лет”.

Филарет,
митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси.
„Народная газета”, 23.VIII.1994.

КОГДА ЖЕ ВО ВСЮ СИЛУ ЗАЗВУЧИТ РОДНОЕ СЛОВО НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ И В ЭФИРЕ?

„Допускаю, что могут сложиться обстоятельства, когда русскоязычному функционеру все же нужно будет предоставить возможность выступить в белорусскоязычном эфире. В таких случаях, чтобы не нарушать языкового режима работы радио и телевидения, после первых слов выступающего на русском языке журналист сам

передает все содержание его речи по-белорусски, то есть обращается к практике организации передач, когда в белорусскую студию приглашаются англичане, французы, немцы или еще какие-то иноязычные лица".

Леонид Лыч,
доктор исторических наук.
„Народная газета", 29.X.1992.

РУССКОМУ ЯЗЫКУ – СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО!

„Я, как представитель молодежи, хочу рассказать о настроениях, царящих в ее среде...

В целом, большинство соглашается с идеей возрождения национальной культуры. Однако оно очень обеспокоено столь спешным, даже в некотором роде насильственным насаждением белорусского языка. Пока есть еще школы с русским языком преподавания большинства предметов молодые люди смирятся с этим. Но что будет, когда большинство их перейдет на белорусский, откровенно говоря, не могу вообразить. В любом случае, берусь утверждать, что большая часть учеников и студентов по учебникам, написанным на белорусском языке, — математику, физику, химию учить не станет.

Учителя и средства массовой информации внушают молодому человеку, что на русскую культуру и литературу можно не обращать внимания. При поступлении от тебя будут требовать не вдумчивого прочтения „Преступления и наказания" Достоевского, а вызубривания баек К.Крапивы. Ясно, что после такой „агитации" большинство забросит и Тургенева и Тютчева. Гении и таланты, по-настоящему ценящие свой дар и жаждущие быть интеллектуально развитыми людьми, поедут поступать в Россию..."

Кирилл Алешин. 11 класс.
Экономическое отделение гимназии.
Представитель Славянского Собора „Белая Русь".
„Мы и время", сентябрь 1992, № 18.

„СУВЕРЕННАЯ РЕСПУБЛИКА? ЧУШЬ! МЫ БЫЛИ И БУДЕМ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ КРАЕМ РОССИИ!"

„Сразу оговорюсь: я националист не русский, не белорусский. Я националист славянский, так как мне ближе всего союз трех славянских народов. И для его спасения я вижу лишь одно средство: национал-

коммунизм... С подачи Позняка началась насильственная белорусизация. А любое насилие – это фашизм. Сомневаюсь, будто Лукашенко что-либо изменит. Подумайте: человек, разваливший в свое время совхоз, берется руководить, станем называть вещи своими именами, северо-западным краем России, которые местные националисты окрестили суверенным государством. Мы будем бороться за союз с Россией".

Владимир Селиванов, 19 лет,
председатель Белорусского
национал-коммунистического союза
„Красный марш".
„Свободные новости-плюс",
ноябрь 1994, № 3.

Тогда они еще не знали, не понимали, что Лукашенко, что называется, свой в доску...

ВЕРИМ: РУСОФОБИЯ В БЕЛОРУССИИ НЕ ПРОЙДЕТ!

„Уже в течение нескольких лет в республике ведется злобная клеветническая антирусская пропаганда, которая может иметь для Белоруссии катастрофические последствия. Все это происходит при полной бездеятельности правоохранительных органов, прокуратуры в частности.

По поручению
Минского Национально-культурного центра „Русь"
Сергеев Н.М., сопредседатель НКЦ „Русь",
Якацук Ф.Ф., сопредседатель НКЦ „Русь".
„Политика.Позиция.Прогноз", январь 1992, № 1.

ПОЧТЕННЫЕ, УВАЖАЕМЫЕ, УЙМИТЕСЬ!..

„У нас нет объективных причин для обострения языкового вопроса и создания нездоровой атмосферы вокруг него, для нагнетания страхов-ужасов, а тем более – для общественного бунта на этой почве. Во-первых, сама близость языков – белорусского и русского – начисто снимает на бытовом уровне препятствия во взаимоотношениях (практически переводчик не нужен). Во-вторых, законы наши (о языках, об образовании, о национальных меньшинствах) весьма предусмотрительные, взвешенные, жаловаться на них – просто грех... Но

впечатление, к большому сожалению, такое, что кое-кому из граждан это спокойное продвижение не нравится, эта относительная политическая стабильность не по нутру. Хочется, видимо, национального раздора, конфронтации, а, может, и еще чего худшего, более опасного и страшного. Хочется спровоцировать что-то „остренькое". Как мы все хорошо понимаем, достичь этого не так уж и трудно. Потому что не следует думать, что многие сотни тысяч белорусов (прежде всего – молодых), окрыленных идеей национального возрождения, крепко захваченных этой идеей, глубоко воспринявших жизнесозидающий общественный подъем, — что они смирятся, если, не дай Бог, несправедливость победит, что они молча проглотят обиду".

Нил Гилевич,
народный поэт Беларуси.
„Народная газета", 29.VI.1993.

БЕЛОРУССКИЙ ПОРЯДОК

„Как и каждый порядок, белорусский – желанный и неотвратимый. Хватит развала, цинизма и дилетантства там, где должно быть четкое представление о сути этого народа на земле. Хватит путаницы сфер и жанров. Национальное сознание – это дисциплина нации. Самая развитая демократия стоит на почве дисциплины и национальных интересов. Если в белорусском доме кто-то против белорусского порядка – он за бардак и может выбирать себе другой дом. Большинство не обязано его терпеть. Этот народ выстрадал свой сегодняшний день не для того, чтобы получить свободу хамства и неуважения к себе, своим символам, своему языку...

Нас не ждет гражданская война. Нас не ждут и бархатные или поющие революции. Нас не ждет и неспешное врастание в белорусский лад, симптомы которого есть сегодня, но для которого необходимо время... Я вижу народные дружины и белорусскую армию, которая знает правду о „суворовских традициях". Я вижу обязательный экзамен по языку, истории и Конституции для тех, кто получает белорусское гражданство. Я вижу культ земли и предков, матери и труда, семьи и общины. Я вижу уважение к национальным символам. Я вижу площади, свободные от лениных и калининых".

Сергей Павловский.
„Наша Ніва", 1993, № 12.

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ

„Белорусскость в „чистом виде" неуютно чувствует себя на Родине, и это не метафора, а действительность. Ее носителям постоянно приходится терпеть критические, либо попросту оскорбительно-агрессивные нравственные уколы со стороны представителей массовой соцкультуры – квазинационального, культурно необозначенного, потребительски ориентированного окружения...

Быть белорусом в начале 1990-х годов – в конце XX столетия – наверное, героическое (без кавычек) и поэтому неблагодарное ощущение: **разве это не миссия – быть белорусом сегодня?**

Так будет до той поры, пока ее (белорусскости) носители будут составлять общественное меньшинство. До наступления этих желанных и, безусловно, лучших времен белорусскость будет находиться в оппозиции, и духовная борьба с окружающим социумом неизбежна".

Юрась Залоска.
„Літаратура і мастацтва", 24.VII.1992.

Курс на национальное, на белорусскость, а методика все та же, большевистская – борьба... По-другому не умеем, других путей не видим...

И НЕТ КОНЦА ВОПРОСАМ...

„Относительно белорусского национализма. Если он есть, то это крик раба о свободе; он у нас оборонительный, а не атакующий в чью бы то ни было сторону; он у нас – преддемократический. С белорусским национализмом может существовать действительно демократическое общество".

Евгений Гучок.
„Літаратура і мастацтва", 30.IV.1993.

КАКОЕ ВРЕМЯ НА ЧАСАХ СНГ?

„После подписания антикризисного соглашения в республиканской печати прозвучали слова о единстве осознавшей наконец сёбя белорусской нации и государственном патриотизме. „Государственный патриотизм, — пишет автор одной из статей, — не пустой звук". Конечно, не пустой. И очень, думаю, опасный. Каким – хотелось бы

напомнить – был патриотизм немецкой нации, прогромыхавшей сапогами под зовущим к единению патриотическим гимном Германии „Германия, Германия превыше всего..." Заметьте! Превыше **всего.** А вышло – **превыше всех...** Каким – хотелось бы не забывать – был и советский патриотизм. Грозились: „Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем..." А вышло – на горе **себе**... И если бы только себе...

Нет уж, извините, государственный патриотизм, равно как и национальный, „вооружен и очень опасен", даже если у него самые мирные, оборонительные, так сказать, намерения. Он вооружен страхом и опасен поиском врага, к чему толкает его „внутренняя логика". Вооружен фанатичной преданностью идее и опасен подавлением человеческой личности, ее подчинением государству. Опасен, в конце концов, и тем, что лишает человека права не быть „патриотом", любить родину по-лермонтовски – „странною любовью". Как любил ее Сахаров".

Сергей Ваганов, соб.корр.
„Труд", 30.IV.1992.

СИНДРОМ КОЛХОЗА ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О „БЕЛСОЦЕ"

„Но что же все-таки делать с нашей национальной идеей? Вряд ли смогу предложить что-нибудь эдакое сакрально-триединое, типа троицы, трех источников и составных частей и т.п. И вообще боюсь, что всякая подобная идея создается главным образом для того, чтобы оправдать существование общественного слоя, контролирующего соответствие ей других идей, возникающих ■ головах граждан. Хочется верить, что удастся обойтись просто сознанием единства своей судьбы и судьбы Европы".

Алесь Белый.
„Европейское время", ноябрь 1993, № 10.

„Я НАДЕЯЛСЯ, ЧТО БЕЛАРУСЬ ПОКАЖЕТ ПРИМЕР ДРУГИМ РЕСПУБЛИКАМ, НО..."

„Недавно я прочитал в „ЛіМе" статью одного известного публициста, который пишет, что на Беларуси все должными быть равны, но все же наиболее равными должны быть белорусы. Я думаю, не дай Бог, чтобы Беларусь пошла этим путем! Не может быть хорошо белорусам, если будет плохо остальным. Если белорусы хотят, чтобы

им было хорошо, они должны проявлять ту белорусскую разумную, рассудительную доброту ко всем остальным жителям республики, и тогда к ним также будут относиться хорошо.

Поэтому я хочу, чтобы Беларусь хотя бы в этом показала пример..."

Алесь Адамович.
„Народная газета", 7.XI.1992.

ТРЕЩИНА В НАШЕМ СЕРДЦЕ

„Не секрет, что нация, как самообновляющийся, самонаправляемый организм, еще не сформировалась у нас. Следовательно, мы только начинаем свое национальное становление. И как же необходим сегодня белорусам лидер! Лидер, который способен аккумулировать, вобрать в себя все тончайшие тона и полутона сложнейшей палитры сегодняшней реальности".

Алесь Гибок-Гибковский.
„Літаратура і мастацтва", 30.VI.1993.

ПОИСКИ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ?

„Являются ли белорусы суверенными в самом основном – национально-духовном смысле? Возможно ли измерять эту суверенность реальными критериями? Настолько ли велика она, чтобы можно было говорить о существовании белорусской нации? Математика в данном случае мало чем поможет...

Белорус сегодня не безличностный средне-статистический „винтик" коммунистической империи, а человек, который имеет определенные отличия и от поляка с обостренным чувством собственного достоинства, и от украинца с немногословным упрямством и спудом нешуточных страстей, спрятанных нередко за хитроватой самоиронией, и от русского с широкой „непознанной" душой, что вмещает ▪ себе одновременно жажду самовозвышения и юродства, психологию „всемирного мессии" и последнего бесправного раба. У нас свои недостатки и достоинства, отличия и трудности. Одна из главных – создание белорусской нации".

Василь Авраменко.
„Літаратура і мастацтва", 26.VI–2.VII.1993.

БЕЛОРУСОФОБИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, КОТОРУЮ НУЖНО ЛЕЧИТЬ

„Помимо всего прочего нас ополячивали, онемечивали и, наконец, нас обрусили. Особенно этот процесс усилился в XVIII веке после так называемых трех разделов Речи Посполитой, в которую на федеративной основе входило белорусское государство.

Кстати, нашей болезни пытались дать название: манкуртство, ассимиляция, национальный нигилизм... Может быть, лучше подходит – белорусофобия... Страх, боязнь придерживаться белорусскости, отвращение к ней... По нашему мнению, белорусофобия – это болезнь из разновидностей невроза, характеризующаяся манией страха перед белорусскостью, вызванной насильственными ассимилятивными действиями (I степень); иной раз страх перерастает в отвращение, ненависть ко всему белорусскому (II степень); наиболее опасной формой болезни являются разные виды агрессивного, воинственного великодержавного русского шовинизма".

Алесь Лозка,
педагог, фольклорист.
„Народная газета", 14-16.V.1994.

О РУССКОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И ЕГО ОПАСНОСТИ

„В России юродство всегда было своего рода мистикой, священнодействием, там прислушивались к таким людям. Прав журналист П.Василевский, отмечая, что успех Жириновского на выборах в России – „свидетельство глубокого морального падения российского общества". Но в России так было всегда. Корни этой сервильности тянутся еще из Золотой Орды и монгольского ига. Из идеологии и учения цезаропапизма (подчиненность церковной власти государству), перенятого у Византии вместе с восточным христианством и как нельзя лучше соответствовавшего деспотическому образу мышления. В конце XV века вследствие династического брака Россией были заимствованы не только византийские символы, но и основные принципы византийской имперской политики... В историческом развитии соединение этих принципов с жестокостью монголо-татарских традиций дало ужаснейшие результаты: опричнина, петровщина, аракчеевщина, муравьевщина, сталинщина, ленинизм, бесчисленные войны. Но главное не в этом. Образовался особый род жестокого имперского общества с неограниченным сервильным сознанием, где личность ничем не защищена ни перед кем и ни перед чем. Личность – ничто

перед государством. Государство, его интересы, империя – все. Унижение человеческой личности стало способом самоутверждения в этом обществе, принимало отвратительные, извращенные формы.

Имперское государство с имперским общественным сознанием, имперской экстенсивной политикой, с многонациональной структурой не может быть демократическим. Это аксиома, о которой приходится напоминать. Демократия и империализм несовместимы. Не будет демократической России, пока будет эта старая Россия. Это антиподы. Существование этого государства драматично для самого же российского общества прежде всего тем, что в нем в силу его имперского содержания не сформировалась полноценная русская нация и полноценное европейское сознание. Это лоскутный народ без очерченной национальной территории, перемешанный с финно-угорскими, тюркскими, монгольскими и другими анклавами, распыленный в сибирских и азиатских колониях. Доминирующее его сознание не национальное, а имперское по сути. На имперском сознании построена идеология и основана ментальность подавляющего большинства русских. Если национальное сознание и деятельность нации направлены на внутреннее творческое саморазвитие общества, на вычленение и отделение от чуждого, то имперское сознание и деятельность направлены на экстенсивное развитие, на внешнее расширение, на поглощение и разрушение чуждого. Это сознание деструктивно Оно, конечно, стоит в стороне (в отклонении) от беспрерывного магистрального и эволюционного пути развития культуры. Империя, паразитируя на национальных (народных, этнических) культурах, разрушает их, порождая химеры. Империя есть всемирное зло.

... За это время особенно в Беларуси укрепились российские спецслужбы, созданы их структуры в правительстве, в армии, в бизнесе, лобби в Верховном Совете. На базе коммунистических организаций создан пророссийский интерфронт ("Народное движение Беларуси"), организовано и зарегистрировано множество организаций-фантомов (типа разных „соборов") и других структур, занимающихся антигосударственной, антибелорусской деятельностью. Эта система оформилась летом 1992 года. Именно в это время возникают и искусственно муссируются идеи „двуязычия", ликвидации государственных национальных символов, так называемой „коллективной безопасности", „конфедерации с Россией", „экономического союза", „рублевой зоны", объединения денежных систем России и Беларуси, отказ от нейтралитета и т.д.

... Что же будет с Беларусью? Что же делать, где выход? Кроме Народного фронта, этого выхода не предлагает и не видит никто. Об этом просто не думают...

Мы повторяем уже несколько лет элементарную, политическую азбуку: в сложившейся ситуации выхода из кризиса нет, пока к власти не придут другие люди, неноменклатура, т.е. необходимы новые выборы новой народной власти. Все иллюзии по удержанию старых структур могут привести лишь к обнищанию людей, разрушению экономики и потере государственной независимости...

Мы не должны забывать, что в результате русской коммунистической политики (пакта Молотова—Риббентропа, сталинско-ленинских решений и т.д.) Беларусь (Белорусская Народная Республика) потеряла треть своих исконных территорий с автохтонным белорусским населением, в том числе свою столицу Вильню, города Белосток, Смоленск, Брянск, Невель, Себеж, Новозыбков, Дорогобуж, огромные земли на востоке вплоть до Вязьмы. Русские коммунистические политики распоряжались нашими землями, раздали и забрали наши территории. Если ■ России теперь у власти некоммунисты, то пора восстановить справедливость...

Наша нация глубоко и тяжело больна. Процесс выздоровления идет медленно и трудно с опозданием ■ осознании происходящего. Но этот процесс необратим, так как нет другого пути развития нации из исторического небытия, как возрождение. Возрождение или умирание. Третьего не дано. Время же (о, благотворное время!) работает на возрождение. Торопитесь осознать это, кто еще не понял, кто не успел еще бросить свой обязательный ком грязи в Народный фронт – остановитесь, чтобы не было поздно, досадно и стыдно.

Когда речь идет о существовании народа, о судьбе нации, третьего пути нет, господа. И не ищите его. И не тешьте себя иллюзиями о неучастии в драме, ибо сие есть неосознанная поддержка зла. Эта истина духовная и историческая, древняя, как заблуждение малодушных".

Зенон Позняк.
„Народная газета", 17.XII.1993.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ – СИЛА ПРЕДСКАЗУЕМАЯ

„На Беларуси в принципе нет таких многочисленных организаций, какой, к примеру, была „Солидарность", во время пика ее популярности, или „Саюдис". И проблема здесь в том... что низкая национальная сознательность автоматически не позволяет человеку пытаться самореализоваться в политике, если это не касается непосредственно его желудочно-карманных интересов".

Винцук Вечерка.
„Свабода", май 1993, № 5–6.

КТО КОГО ПОБЕДИЛ ПОД ОРШЕЙ В 1514 ГОДУ?

БИТВА ПОД ОРШЕЙ

„Оршанская битва 1514 года – одна из крупнейших в войне Московского государства против Великого княжества Литовского, которая продолжалась с 1512 по 1522 год. Она произошла 8 сентября под Оршей... Победа в ней дала возможность вернуть захваченные противником Дубровну, Мстиславль и Кричев. Смоленск взять не удалось. Однако после битвы до 1518 года московские войска не врывались на Беларусь...

О битве была сложена белорусская историческая песня, которая прославляла князя Острожского. В 1520—1530 гг. написана батальная картина (автор неизвестен, хранится в Национальном музее в Варшаве). На ней запечатлен один из эпизодов битвы, нарисован Острожский, государственный флаг Великого княжества Литовского с изображением „Погони" и боевые флаги-вымпелы белорусских воинов с красной полосой на белом поле..."

Анатолий Грицкевич,
доктор исторических наук.
„Народная газета", 8.IX.1992.

Спустя пять лет этот же ученый выскажется более определенно и точно. Принципиальность позиции особенно важна, если учитывать, что она была высказана в период, когда национальные ценности уже несколько лет как подвергались жестокому гонению со стороны властей.

ЭТО БЫЛО ПОД ОРШЕЙ...

„Битва под Оршей изучалась в военных училищах дореволюционной России, Как образец боевого мастерства белорусских ры-

царей, пример военного таланта К.Острожского и весьма удачной операции она приведена в российской „Военной энциклопедии" (1914 г.).

Битва под Оршей 8 сентября 1514 года является знаменитой страницей белорусской военной истории. Она целиком вписывается в общий ряд героических побед белорусско-литовского войска на протяжении нескольких столетий существования самостоятельного, независимого и мощного государства – Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (Белорусско-Литовского государства). 8 сентября – это День белорусской боевой славы, который отмечается ежегодно белорусскими патриотами. Впервые он был отмечен в 1992 году, когда на площади Независимости члены Белорусского объединения военных, офицеры Вооруженных Сил Беларуси, офицеры запаса и в отставке приняли военную присягу на верность Беларуси и белорусскому народу. Эта дата вошла в национальный белорусский календарь".

Анатолий Грицкевич,

профессор, доктор исторических наук,

член-корреспондент Международной

академии наук Евразии.

„Народная воля", 6.IX.1997.

СОТВОРЕНИЕ МИФА

„8 сентября 1994 года от меча белорусского воина под ликующий гул толпы замертво пал москаль – в ходе инсценировки, разыгранной на ступенях театра оперы и балета.

...Вообще „День боевой славы" отмечался довольно широко. В программе – открытие выставок в музеях, научная сессия в госуниверситете, массовые мероприятия в областных центрах. По размаху – национальный государственный праздник. Хотя день этот не значится в календаре красным и не имеет официального статуса.. Ситуация развивается так, будто в нынешних пределах Беларуси одновременно существуют как бы две страны. Устроители „великой и незабвенной победы под Оршей белорусов над русскими" живут и действуют в той, другой стране – созданной в их воображении. Беларусь же реальная во главе с недавно избранным президентом предпочитает не замечать внутри себя альтернативной мифической державы, в которой все свое, — история, литература, памятные даты, власть в лице теневого кабинета... В „той" националистической Беларуси уже созданы властные структуры, есть свой „батька", институт истории, ученые

и писатели. Есть лидеры, гении, руководители нации. Не хватает, собственно, „малости" – верноподданных народных масс.

...Инсценировка на ступенях перед театром, когда с мечами вышли друг против друга белорус и москаль, наталкивает на многие размышления. Народ, который признает себя вместе с участниками этого праздника победителем над русскими, будет вполне благосклонно принят в состав „той" Беларуси... Ну а что будет с теми, которые так и не захотят признать себя победителями под Оршей? Их, видимо, объявят несуществующими".

Людмила Маслюкова,
политический обозреватель „СБ".
„Советская Белоруссия", 10.IX.1994.

МОЖНО ЛИ ПРИВАТИЗИРОВАТЬ ПАТРИОТИЗМ?

„... никакой агрессии ■ точном значении этого слова не было – ни со стороны Москвы в отношении Великого княжества Литовского, ни со стороны Вильно в отношении Московского княжества. Было другое: династические войны за наследие Киевской Руси, за право объединения русских земель, разорванных ■ результате княжеских междуусобиц и нашествия татаро-монголов. Можно представить себе, каким гомерическим хохотом разразился бы русский (белорусский) князь, горячий поборник православия и воссоединения русских земель Острожский, если бы ему сказали, что он ведет с московским князем „межнациональную войну", войну за освобождение белорусов от „русского ига". Такое могли придумать только наши „вайскоўцы", устраивающие ликования по поводу „вялікай перамогі" при Орше.

... Не буду касаться вопроса о том, сколько земель получили в Белоруссии при Екатерине II князь Потемкин и граф Суворов. При господствовавшем в тогдашней России крепостном праве иначе и быть не могло. Гораздо интереснее тут другое: кому эти земли принадлежали? Можно подумать, что они дотоле принадлежали белорусским крестьянам, а не литовским и польским магнатам, сдававшим их к тому же в аренду. Кто выступал, как правило, в роли арендаторов и сколько они шкур драли с белорусского крестьянина – об этом тоже можно было бы многое порассказать. Об отношении Потемкина и Суворова к своим крестьянам история тоже сохранила свидетельства".

Валентин Акулов, профессор.
„Народная газета", 15.IV.1994.

СУВОРОВ ИЛИ КОСТЮШКО?

ЭХО ДВОЙНОГО ЗАЛПА

„Только в этом году робко-робко вспомнили кровавую страницу в истории белорусского народа двухсотлетней давности. В 1794 году по велению Софьи-Фредерики Августы Ангальт-Цербстской, а в миру Екатерины II, на Беларусь, Польшу, Литву из Московии двинулись полчища „воссоединителей" и потопили в крови города и села над Неманом и Бугом, предместье Варшавы, Прагу, раздавили малейшее сопротивление отстоять свою независимость. Только в этом году скрепя сердце вспомнили имя Андрея Тадеуша Костюшки – неукротимого борца за свободу и независимость народов...

За свои громкие победы над полувооруженным народом гениальный генералиссимус Суворов в награду за кровавую купель получил Кобрин с десятками имений и тысячами крепостных...

Борьба Тадеуша Костюшки, Кастуся Калиновского, бои под Оршей были не с русским народом, а с неутолимой жаждой поработителей царствовавших династий".

Сергей Граховский, пенсионер.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАЗОХИЗМ

„Мы, граждане независимой Беларуси, территория которой в XVIII веке была составной частью Речи Посполитой Двух Народов (Польской Короны и Великого княжества Литовского), имеем неотъемлемое право на собственный взгляд – кто заслуживает почестей в нашей истории, а кто – нет. Никто и никогда не вычеркнет имя Суворова из нашей истории. Но он останется в ней прежде всего как один из главных душителей восстания 1794 года под руководством Т.Костюшки, которое охватило значительную часть территории современной Беларуси.

Дальнейшее игнорирование личности нашего знаменитого земляка, национального героя США, Польши и, безусловно, Беларуси, почетного гражданина Франции путем демонстративного возвеличения личности Суворова, попытка подменить жертву и героя не могут быть признаны ни с общественной, ни с исторической точки зрения".

Владимир Емельянчик,
старший научный сотрудник Института
истории Академии наук Беларуси.
„Народная газета", 31.VIII.1994.

О БЕЛОРУССКОМ ФЛАГЕ И ГАУЛЯЙТЕРЕ КУБЭ

Я СКАЗАЛ ПРАВДУ...

„Возвращаясь к бело-красно-белому флагу, надо еще раз сказать, что наш государственный флаг значительно отличается от флага БНР, зато полностью копирует флаг марионеточного профашистского „государства" спадара Р.Островского, образованного в 1943 году по указу генерального комиссара генерального округа Белоруссии группенфюрера СС фон Готтберга. Этот флаг был утвержден в качестве национального для белорусов предыдущим генеральным комиссаром оккупированной Беларуси, одним из главных палачей белорусского народа В.Кубэ 27 июля 1942 года.

То ли по злой иронии судьбы, то ли по умыслу, но день 27 июля сегодня провозглашен национальным праздником Республики Беларусь".

Валентин Сорокин,
народный депутат Республики Беларусь.

ЕЩЕ РАЗ О ФЛАГЕ

„В 1941 году деятели, не пожелавшие порвать с идеей БНР и сомкнувшиеся с германским фашизмом, пришли на территорию Беларуси вместе с оккупационными войсками вермахта, создали свои „управы", а затем, по указанию оккупантов, и „правительство" – так называемую Белорусскую центральную раду. Притащили они с собой и флаг – трехполосный бело-красно-белый..."

Валентин Корзун,
старший научный сотрудник АН Беларуси.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА НЕ НА СТОРОНЕ В.КОРЗУНА И В. СОРОКИНА

„Национальную символику нельзя отменить каким-либо юридическим актом, поскольку она существует объективно...

В прессе было множество публикаций, в которых подробно прослеживалась родословная белорусских национальных символов со времен далекой древности, убедительно показывалось, что белый и красный цвета издавна были любимыми цветами наших предков...

Действительно, летом 1942 г., по требованию белорусских национальных деятелей, Белорусской Народной Самопомощи, В.Кубэ официально **позволил использовать** в Генеральном комиссариате Беларуси национальные знаки и эмблемы, а не утвердил".

Алексей Литвин,
заведующий отделом военной истории
Института истории Академии наук Беларуси.
„Народная газета", 25.VI.1993.

ВИЛЬГЕЛЬМ КУБЭ В ОБИДУ НЕ ДАЛ...

Из книги польского исследователя Ежи Туронка „Вацлав Ивановский и возрождение Беларуси" (Варшава, 1992)

"В отличие от официальной берлинской политики, целью которой главным образом была экономическая эксплуатация оккупированных территорий, Кубэ с самого начала своей деятельности ■ Минске тяготел к возвращению Беларуси ее национального своеобразия. В своих статьях и выступлениях Кубэ часто пропагандировал принципы этой политики, подчеркивая, что в условиях освобождения от доминирующего влияния российского и польского факторов, которое создала немецкая оккупация, белорусский народ приобрел шанс за короткий исторический промежуток наверстать упущенное в своем национальном самосознании. Деятельность оккупационной администрации в политической области должна была направляться на активизацию этого процесса, преодоление чужих национальных влияний и усиление ростков всего белорусского. Основными средствами этого становились развитие национальной системы образования, культуры и работа среди молодежи. Эта новая дорога развития должна была ввести Беларусь в европейское сообщество наций и государств. Генеральный округ Беларуси, утверждал Кубэ, должен выполнять не только

административную функцию, обусловленную военными реалиями. Его предназначением является создание отечества для белорусского народа.

Эти принципы Кубэ начал осуществлять сразу после того, как занял свой пост в Минске. Под лозунгом „Беларусь для белорусов" пропагандировал идеи немецко-белорусской общности интересов и сотрудничества, заботился о возобновлении работы белорусских школ и культурных учреждений. Защищал минские музеи и библиотеки от разграбления и уничтожения армией. Ходатайствовал в Главном управлении безопасности рейха в деле экстерминации евреев".

„Свободные новости", май 1993, № 9.

ПЛАЧ О КУБЭ,

или О грязных манипуляциях некоторых историков

„Пан Юрий Туронак задался целью обелить, реабилитировать генерального комиссара Беларуси, гауляйтера Кубэ, выдать его за опекуна, радетеля, защитника белорусского народа, поплатившегося жизнью за такую свою позицию...

А тактику Кубэ выбрал более хитрую, чем вермахт и СС. Этим и объясняется его политическая игра с буржуазными националистами. С их помощью гауляйтер намеревался обещаниями, посулами перетянуть белорусское население на свою сторону или, в крайнем случае, нейтрализовать от партизанского движения.

... Замысел Юрия Туронка мне видится таким. Реабилитировать фашизм целиком сейчас еще не настало время – общественность такое не примет. Но есть уже испытанный метод: реабилитровать по частям. Сегодня для этого выбрана личность Вильгельма Кубэ. Как-никак, он якшался с белорусскими буржуазными националистами, хотя и видел их ничтожество.

... Гауляйтер Беларуси Вильгельм Кубэ прошел во всей нашей литературе только с одним эпитетом – палач белорусского народа, а белорусские националисты Р.Островский, В.Ивановский, Ф.Акинчиц, Я.Станкевич и другие – только как враги белорусского народа, фашистские служки".

Иван Новиков, писатель.
„Советская Белоруссия", 9.IV.1993.

НАЦИОНАЛИСТ – ЭТО ЧЕЛОВЕК, СДЕЛАВШИЙ УВЕРЕННЫЙ ШАГ К ФАШИЗМУ

„Гитлеровцы не могли обойтись без помощников на оккупированных территориях... Что из себя представлял белорусский националист В.Родько – „самоотверженный богатырь в борьбе за счастье белорусского народа", как характеризует его газета „Пагоня"?.. Весной 1941 г. завербован абвером в Варшаве... Уже в августе 1941 г. при содействии созданной Родько полиции в Витебске расстреляно до 5 тысяч евреев. Уничтожались заложники, истреблялись целые деревни, население вывозилось в Германию... В мае 1944 г. батальон Родько вместе с полком немцкой полиции и СС участвует в карательной экспедиции южнее Вилейки. За эту экспедицию Родько награждается хозяевами железным крестом 11 степени".

Анатолий Бадулин,
кандидат исторических наук.
„Советская Белоруссия", 20.VI.1996.

И СНОВА О КУРОПАТАХ

НАКОНЕЦ, ПРОЯСНЯЕТСЯ ПРАВДА О КУРОПАТАХ

„Вдумайтесь: как могло случиться, что 50 лет тому назад многомиллионный народ города и республики ничего не знал о Куропатах и тех больших жертвах, которые на небольшом участке покоятся в черте города Минска? Поверьте нам, фронтовым контрразведчикам, что некоторые допрошенные свидетели, так называемые „очевидцы", утверждающие, что они якобы до войны ■ этом месте, за трехметровым забором слыхали стрельбу, крики женщин, которые взывали о помощи, – это явная ложь, выдумка „очевидцев" и ошибки следователей. Утверждаем и можем доказать, что арестованных до войны по политическим мотивам женщин в минских тюрьмах вообще не было. Просто щелкоперам понадобилась новая сенсация, ■ последствия этой лжи никого не волнуют. А если это так происходило, – стрельба в открытую, крики женщин – то это дело рук фашистских карателей в годы войны, это их стиль. Ведь во имя спасения собственной жизни, работники НКВД, исполняющие подобные приговоры, приводили их в строжайшей скрытности и секретности, и об этом не должны были знать даже свои сотрудники...

Как теперь мы видим, следственная группа и правительственная комиссия по Куропатам работали как могли, но больше прислуши-вались к мнению злопыхателей. В итоге, не добившись определенных результатов, они вынуждены были дать такое заключение: „Материалов и документов, относящихся к событиям в Куропатах, не обнаружено. Установить личности погибших, конкретные мотивы казней и лиц, исполнявших приговоры и решения внесудебных органов в 1937–1941 годах, пока не представилось возможным". Вот все, что было установлено в этом таинственном лесу. Напрашивается законный вопрос: так кому наше правительство собирается воздвигать мемориал памяти?"

П.Астапов, полковник.
„Мы и время", апрель 1994, № 30.

А вот что спустя пять лет рассказал корреспонденту „БДГ" бывший следователь прокуратуры Язэп Бролишс, который первым вел дело по Куропатам.

ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД БЕЛОРУСЫ ШАГНУЛИ В ПРОШЛОЕ

„Были установлены и допрошены около 50 очевидцев тех событий, которые жили в деревне рядом с Куропатами. Очевидцы в тридцатые годы были разного возраста, но это не грудные младенцы и не старики. И во время допроса они также были в нормальном возрасте и здравом смысле. Мы их искали по всей республике. Они видели, что туда машинами привозили людей, что там стреляли, закапывали, слышали оттуда крики и так далее. Это были прямые очевидцы. Кроме того, мы нашли даже свидетелей, которые говорили со слов своих родственников и знакомых, проживавших в этой деревне. Плюс была проведена масса экспертиз, исследовались все вещи, которые были обнаружены во время эксгумации. Плюс еще запросы и ответы из разных ведомств, которые могли бы что-то пояснить... Одним словом, сведенные воедино эти документы неопровержимо говорили о том, что в этом месте приводились в исполнение приговоры судебных и несудебных инстанций с 1936 по 1941 годы. И это бесспорно"

„Белорусская деловая газета", 12.V.1999.

КУРОПАТЫ: ПРОКУРАТУРА ЕЩЕ РАЗ ПОДТВЕРЖДАЕТ

„На этой неделе в Верховном Совете было распространено заключение Прокуратуры РБ, которая повторно исследовала материалы дела, касающиеся захоронений в Куропатах...

Анализ имеющихся в уголовном деле данных позволяет сделать вывод о том, что в лесном массиве Куропаты в 1937–1941 гг. органами НКВД БССР производились массовые расстрелы граждан. Определить их личность и конкретные основания казни в процессе следствия не представилось возможным из-за отсутствия архивных данных в КГБ РБ.

1 декабря 1995 г. данное уголовное дело прекращено. Оснований для его возобновления не имеется".

Первый заместитель
Генерального прокурора Республики Беларусь
В.К.Кондратьев.
„Свабода", 21.VI.1996.

К делу тем не менее вернулись. Ну не мог лукашенковский режим, войдя в полную силу, согласиться с тем, что в Куропатах советская власть расстреливала невинных советских людей. И произошло это „возвращение" спустя год с небольшим после столь уверенного заявления первого заместителя Генерального прокурора.

В КУРОПАТАХ СНОВА ИЩУТ „ФАШИСТСКИЙ СЛЕД"

„Генеральный прокурор Олег Божелко приказал возобновить уголовное дело по массовым убийствам людей в лесном массиве Куропаты. В Прокуратуре РБ считают, что „в материалах криминального дела есть ряд противоречий, которые вызывают сомнения в обоснованности выводов следствия".

Напомним, что уголовное дело по Куропатам впервые было возбуждено ■ 1988 г. – после того, как ■ этом лесу под Минском во время прокладки газопровода были найдены останки большого числа людей с признаками насильственной смерти. Генеральная прокуратура начала следствие и установила, что в 1937—1941 гг. в Куропатах НКВД расстреливал невинных людей...

Не всем понравились эти выводы. Минский городской клуб любителей исторических знаний обратился в Прокуратуру РБ со своей гипотезой, из которой явствовало, что ■ Куропатах лежат жертвы фашистского геноцида, в основном – евреи-беженцы из Польши и депортированные из Западной Европы, которых здесь расстреливали в 1941—1942 гг. Генеральная прокуратура провела тогда же повторное следствие по этому делу и не нашла оснований для таких выводов. Два года назад, 1 декабря 1995 г., уголовное дело по убийствам в Куропатах было закрыто...

Однако с ходом времени все меняется. В конце 1996 г. поменялось все руководство Прокуратуры РБ, и генеральным прокурором стал О.Божелко. Видимо, аргументы сторонников „фашистской версии", которые снова стали писать заявления ему и Лукашенко, были ближе прокурорскому сердцу, и поэтому Божелко распорядился возобновить уголовное дело.

Следствие поручили вести Белорусской военной прокуратуре. В расследовании берет участие также так называемая общественная комиссия из 9 человек во главе с сотрудником Института геологии Валентином Корзуном. В большинстве это те самые люди из клуба любителей исторических знаний. Они упрямо отстаивают идею „фашистского следа" и заявляют, что имеют доказательства. По словам В.Корзуна, все документы по этому делу, добытые комиссией, уже переданы следствию.

Следователь Виктор Сомов планирует закончить работы по эксгумации через неделю-полторы, а затем уже анализировать их результаты. Раскопки ведут сотрудники Института истории Академии наук".

Ростислав Пермяков.
„Свабода", 3.X.1997.

ЧЕТЫРЕ СЛЕДСТВИЯ ПО ОДНОЙ ТРАГЕДИИ

„И снова была проведена проверка доказательств, собранных в ходе предыдущих следствий, работа по уже известным версиям... Последнее следствие преподнесло еще один сюрприз – впервые за всю историю раскопок ■ Куропатах были найдены вещественные доказательства с конкретными датами и фамилиями, свидетельствовавшие о том, что расстрелы проходили до начала войны. В полуистлевшем бумажнике лежали две датированные сороковым годом квитанции об изъятии денег при аресте...

На сегодняшний день дело о Куропатах насчитывает более 20 томов. И все эти материалы лишь подтверждают версию, по которой расстрелы вел именно НКВД. Однако даже если допустить возможность того, что на этом месте немцы во время войны расстреляли несколько сот мирных жителей, след НКВД от этого никуда не исчезнет. Тому есть немало примеров. В частности, в районе парка Челюскинцев, где установлен памятный знак, до войны вел расстрелы НКВД, а во время войны на том же месте расстреливали немцы. До сих пор известны далеко не все места захоронений жертв сталинского террора. Одиночные расстрелы велись на Кальварийском кладбище, а трупы под покровом ночи закапывали в уже имеющиеся могилы. Еще одно захоронение, о котором известно немногим, было обнаружено во время строительства станции метро „Пушкинская". Там для пущей конспирации в скотомогильнике, где были зарыты животные больные сибирской язвой, лежали три сотни железнодорожников, расстрелянных в 1937 году по приказу наркома Кагановича. Есть и другие места...

Несмотря на то, что Куропаты – одно из самых громких и известных дел в постперестроечной истории Беларуси, окончание очередного следствия осталось практически незамеченным. Впрочем, само отсутствие информации уже говорит о его результатах. В ходе многочисленных проверок и экспертиз были полностью подтверждены результаты предыдущих исследований.

Сегодня можно с полным правом сказать, что в деле о Куропатах остался лишь один неясный вопрос: удовлетворят ли результаты очередного расследования тех, кто упорно не желает слышать правду о прошлом Беларуси? Все остальное уже ясно..."

Вероника Черкасова.
„Белорусская деловая газета", 18.X.1999.

ДЕЛО СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

ПАФОС БЕСПОЧВЕННОГО ОТРИЦАНИЯ

„Читаю об „Афгане", каким он нарисован С.Алексиевич, а в сознании сами собой всплывают картины фашистских изуверств времен Великой Отечественной – что ни говорите, а велика ассоциативная сила искусства!.. Варварские бомбежки беззащитных госпиталей, отчаянные крики несчастных людей, дикий рев обезумевших животных... Только теперь в роли обыкновенных фашистов оказывается наша бравая, одуревшая от несносного зноя и кровавых оргий солдатня...

Пришла пора сказать прямо: я всецело солидарен с неизвестным „афганцем" – оппонентом С.Алексиевич и решительно отвергаю надуманные, откровенно клеветнические эпистолы „цинковых" фантазеров с их вычурностью слога, фальшивой эйфорией чувств и злобной ненавистью к матери-Родине (по их определению – „Родине-предательнице!").

В.Юдин,

кандидат филологических наук.

„Политический собеседник", 1990, № 7.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ГОСПОДИНУ СТАНИСЛАВУ ШУШКЕВИЧУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ ГОСПОДИНУ ВЯЧЕСЛАВУ КЕБИЧУ

Уважаемые господа,

выражаем вам свое возмущение по поводу происходящего в Беларуси с 20 января сего года судебного процесса над писательницей Светланой Алексиевич и ее книгой „Цинковые мальчики".

Правда об агрессии СССР в Афганистане, подтвержденная собранными в книге Алексиевич документальными свидетельствами ее участников и жертв, является не „поруганием чести и достоинства", а позорным фактом недавней истории советского коммунистического тоталитаризма, однозначно и громогласно осужденным мировым сообществом.

Практика судебного преследования писателя за его творчество также является не менее хорошо известным и не менее позорным способом функционирования того же режима.

Происходящее сегодня в Беларуси: массированная организованная кампания против Светланы Алексиевич, травля писательницы и постоянные угрозы в ее адрес, судебный процесс, попытки запретить ее книгу свидетельствуют о том, что отрыжки тоталитаризма являются не прошлым, а настоящим Беларуси..."

Владимир Буковский,
Игорь Геращенко,
Ирина Ратушинская,
Инна Рогачий,
Михаил Рогачий.
„Права человека. Издание Белорусской
лиги прав человека", май 1993, № 1.

МОРАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ

„Писательница...

Что заставило ее написать свой пасквиль-бестселлер, разошедшийся огромным тиражом?..

Негодяи, не плюйте в могилы наших ребят, они этого не заслужили! Они остались верными Присяге и воинскому долгу. Они знали, за что воевали. Они защищали Родину".

Дмитрий Вятченин, студент.
„Мы и время", 14.VI.1994.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД БЕЛОРУСОВ МИРА

НА ВЕЛИКОЕ ВЕЧЕ! ЗА ОТЧИЗНУ!

„Современной Беларуси остро недостает национального единства. Вокруг Верховного Совета или Совета Министров объединяться невозможно; национального лидера – нет. „Отцы” нации больше озабочены ностальгией по прошлому либо сведением счетов с ним, и при таких настроениях вопрошать будущее бессмысленно. Вся республика оказалась заложницей прошлого. Оно давит и не дает возможности развиваться национальной политике, экономике, образованию, культуре и т.д.

Политических манипуляций и до съезда, и на съезде, и после него будет достаточно, чтобы съезд запомнился надолго...

Оставит ли съезд отпечаток в белорусской национальной психологии?

Как показала практика, большинство коммунистов в свое время ощущали себя таковыми только во время партсобраний. Будут ли помнить белорусы, что они белорусы, когда отшумят съездовские дни?”

Андрей Киштымов.
„Літаратура і мастацтва”, 3–9.VII.1993.

„МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ...”

„В обращениях к белорусскому народу, к правительству и парламенту Съезд принципиально высказался за проведение новых выборов в Верховный Совет, уважение к мнению более чем 400 тысяч граждан по поводу проведения референдума в республике, рыночное реформирование экономики, возрождение культуры... безъядерный статус республики, возвращение столице названия Менск... Накануне, как

известно, БНФ избрал тактику „фестивализации" первого съезда белорусов, ограничился – скорее формально – позицией почетного наблюдателя за событием, не скрывая своего иронично-скептического отношения к нему... Во время съезда БНФ свою тактику изменил, определенным образом вписался в мероприятия форума... А сегодня можно констатировать, что первый съезд белорусов мира самим фактом своего проведения как бы подытожил развитие национального сообщества за последние пять лет".

Юрась Залоска.

ДЕТИ ОДНОЙ ЗЕМЛИ

„Был свой интерес в этом мероприятии и у тех, кого называют коммунистической номенклатурой, — спадаров-"товарищей" из Совмина. Опомнившись после августа 1991 г. и Вискулей, они уже не прячут своего неудовлетворения тем, что так „поспешили" с этой „независимостью", в своих газетах открыто оскорбляют Герб и Флаг Республики Беларусь, мечтают о реанимации империи. Они хотели бы втянуть белорусскую эмиграцию в политические игры на стороне большевистского Совмина и такого же депутатского большинства в Верховном Совете РБ, представить форум белорусов мира как демонстрацию поддержки белорусской эмиграцией внешней и внутренней политки правительства и таким образом набрать очки на будущих выборах...

Но вот по-большевистски не получилось... Не случайно накануне съезда в минских газетах появились оскорбительные для белорусской эмиграции публикации. Снова „предатели", „полицаи"... Но остановить заведенную машину , не рискуя понести политические потери, было уже невозможно. И хотя коммунисты были не рады, что сами все это начали, пришлось считаться с действительностью".

П.Василевский.

„Літаратура і мастацтва", 10–16.VII.1993.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПУТЧ В МОСКВЕ

НА МОСКОВСКИХ УЛИЦАХ НАША ОБЩАЯ КРОВЬ

„Свою долю политического успеха на московской крови решили урвать и люди из БНФ. Их обращение к руководству республики дышит большевистской ментальностью: „...обеспечить безопасность Республики Беларусь... срочно ввести документальный и таможенный контроль на границах Беларуси с Россией... запретить дятельность..." Ах, как хочется лишний раз напомнить о себе, взнуздать общество, призвать чуть ли не к режиму чрезвычайного положения, нажить новый политический капиталец!..

Сравнивая эту идеологическую „чрезвычайщину" с незамысловатым обращением Кебича, отдаешь предпочтение нормальным словам: „Я убежден, что от стабильности в России зависит благополучие Беларуси, зависят перспективы нашей государственности и суверенитета".

Да, господа, победи в Москве „дело Хасбулатова–Руцкого" – в Беларуси на второй день произошла бы смена декораций. Прокоммунистическое большинство ■ парламенте немедленно убрало бы Шушкевича. Оппозицию (самых несговорчивых) пересажали бы... И вы это прекрасно знаете. Как и то, что суверенитет пришел на нашу землю отнюдь не благодаря многовековой борьбе народа во главе с БНФ. Он родился в союзе с Москвой. Поэтому не надо так цинично извлекать свою „маленькую пользу" из чужой беды. Потому что это беда не чужая. Она наша общая, эта трагедия. Кровь на московских улица – наша общая кровь. Если мы не глухи и не слепы".

Семен Букчин.

„Европейское время", октябрь 1993, № 9.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКА НОВОГО СОЮЗА

ВЯЧЕСЛАВ КЕБИЧ: „БЕЛАРУСЬ НИСКОЛЬКО НЕ ПОСТУПИЛАСЬ СУВЕРЕНИТЕТОМ!"

„Вчера председатель Совета Министров Вячеслав Кебич дал пресс-конференцию, в ходе которой высказал свое мнение о подписанном в Москве договоре об объединении денежных систем Российской Федерации и Республики Беларусь.

...Вячеслав Кебич привел итоги социологического опроса, которые свидетельствуют, что жители нашей страны выступают за сближение с Россией.

...Наибольшие споры вызвала пятая статья, в которой говорится, что баланс Национального банка Республики Беларусь находится в балансе Национального банка Российской Федерации. Однако по новой Конституции Беларуси только один Нацбанк может определять финансовую политику на территории страны. Белорусская сторона предлагала записать несколько иные условия, которые позволили бы снять существующие правовые проблемы. Но российская сторона на это не пошла. Поэтому для того, чтобы объединение денежных систем начало действовать, нужно внести изменения в Конституцию Беларуси.

Вячеслав Францевич настроен оптимистически и считает, что в скором времени парламент внесет эти изменения. А если он не сделает этого, то премьер-министр не исключает и всенародного референдума, инициатором которого он может стать".

Владимир Абрамович.
„Рэспубліка", 15.IV.1994.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ?

„При всей бесспорной силе и выгоде для Беларуси, соглашение лишь создает более справедливые рамочные условия для

хозяйствования, но никак не решает сами проблемы производства и сбыта продукции...

Таким последним клапаном для номенклатуры является политическое объединение с Россией или, если строже, – политическое присоединение к России. И тогда – с рук долой ответственность за положение дел и судьбу Беларуси, пусть у Кремля голова болит. Расставим точки над „i" – этот план на нынешнем этапе становления государственности Беларуси ничего общего не имеет ни с идеей справедливой конфедерации, ни с проектом Славянского Союза по типу Европейского Союза. Для Беларуси это было бы подписанием акта о безоговорочной капитуляции суверенитета и независимости, актом национального унижения.

...Беларусь, заключив экономический союз с Россией, но сохраняя при этом политический суверенитет, имеет гораздо больше шансов на успех обновления и реформ, чем при „воссоединении" с Россией, раздираемой политическими распрями и противоречиями".

Анатолий Майсеня.
„7 дней", 19.II.1994.

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ: „ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ И РОССИИ И БЕЛАРУСИ"

„И это ни в коей мере не посягательство на политический суверенитет Беларуси. Пусть Беларусь имеет все атрибуты политической независимости. Важно, чтобы они были не надуманные, не бутафорские, а реалистические. И путь к ним не так уж прост... С моей точки зрения, подчинение белорусского банка российскому, как временная техническая мера, возможно. Но я не считаю, что в этом стратегия. Стратегия – в создании федеральной системы и банковского союза, в том числе платежного союза. Это не совсем то, что подписано сейчас".

„Знамя юности", 27.IV.1994.

ГАВРИИЛ ПОПОВ ОДОБРЯЕТ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ

„По мнению лидера РДДР, подписание соглашения между премьер-министрами братских стран открывает дорогу к созданию общего

экономического пространства, а впоследствии может привести к тому, что отношения России и Белоруссии будут оформлены так же, как и отношения России и Татарии".

Глеб Черкасов.
„Сегодня", 29.IV.1994.

ЧТО НАС ЖДЕТ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ БЕЛАРУСИ И РОССИИ?

„Таким образом, в результате объединения денежных систем Беларусь в ближайшем времени потеряет свои высокорентабельные предприятия, нерентабельные предприятия просто разорятся, уровень жизни населения резко снизится. Следствием объединения денежных систем будет полная утрата экономической самостоятельности, после чего последует политическая аннексия.

... Президентские выборы должны прийтись как раз на момент вливания российских денег в экономику Беларуси, которые должны подействовать на белорусских избирателей как наркотик. России нужен в Беларуси свой президент-марионетка, который будет плясать под ее дудку. Товарищ Кебич вполне устраивает. Если Иуда продал Христа за серебро, то Кебич продаст Беларусь за бумажки с изображением Кремля".

Владимир Новик,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь,
секретарь комиссии по промышленности
и услугам населению.
„Народная газета", 27.IV. 1994.

ПРАВИТЕЛЬСТВО КЕБИЧА НАЕЗЖАЕТ НА ПРЕССУ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ И ПРЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР: МАЙ 1994 ГОДА

Хроника

Беларусь

Май, 25. Пресс-секретарь Совета Министров Беларуси Владимир Заметалин распространил заявление, в котором определил деятельность газеты „Свабода" как „явно не соответствующую ее направленности и названию". Он также заявил, что „правительство считает своим долгом пересмотреть отношения с этим изданием в интересах укрепления стабильности в государстве". Это заявление было сделано по поводу того, что „националистически настроенные политические силы... используют некоторые средства массовой информации для шельмования конкретных государственных лиц, выступающих за объединение славянских государств, создание союза Беларуси и России, строительство нашей республики на принципах равноправия граждан..."

Май, 26. Руководство типографии государственного Дома печати отказалось без объяснений причин печатать независимую газету „Свабода". Министерство связи Беларуси заявило об отказе распространять газету „Свабода" как по подписке, так и в розницу. Руководство Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Беларуси распорядилось о ликвидации двух радиостанций – „Беларуская маладзежная" и „Крыница", которые занимали независимую позицию в распространении информации. Часть сотрудников перешла работать на другие радиостанции, часть осталась без работы.

Олег Панфилов,
эксперт Фонда защиты гласности.
„Независимая газета", 2.VI.1994.

Эти строки полезно перечитать тем, кто сегодня восклицает: „Вот если бы Кебича выбрали президентом!" Но именно Кебич начал проводить по отношению к печати ту политику, которую Лукашенко сделал своим правилом и неимоверно ужесточил. И еще: нельзя не обратить внимания на слова Заметалина об „объединении славянских государств, создании союза Беларуси и России". Вот и разгадка, почему Заметалин, преданный слуга Кебича, так пригодился Лукашенко. Вот и ответ на вопрос о том, кто „стоял у истоков" нынешней „панславянской" идеологии президента Беларуси.

КАКОГО МЫ ХОТЕЛИ ПРЕЗИДЕНТА?

БЕЗ КАБИНЕТНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

„В Беларуси не нашлось профессионалов мирового класса типа Гайдара, Федорова, Чубайса. У нас нет своего Ельцина, грудью закрывшего реформаторов, прошедшего через всеобщие выборы и референдумы".

Евгений Липкович, независимый эксперт.
„Европейское время", январь 1994, № 1.

СИМВОЛ МЕРЫ

„Сегодняшний список кандидатов – это узбекский или туркменский, в лучшем случае российский вариант. Азиатский или евразийский. Но Беларусь европейская страна, и поэтому я думаю о варианте Чехии, о Светлом Человеке. И это мое первое условие.

Светлый Человек будет стремится править в Светлой Стране. А для этого он должен видеть ее такой, как у Кончевского, Абрамчика, Короткевича – светлой, фантастической, удивительной. Такой он должен ее знать, любить и строить.

Это следующий существенный вопрос – какой кандидат видит Беларусь? Какой он ее знает? Сегодняшние кандидаты не ориентируются в белорусской истории, культуре, литературе, духовности, менталитете нации. Они все еще работают в стиле политиков-дилетантов...

Хорошо, если он будет не связан, не затянут в нынешнюю политику и сориентирован не на какую-то из этих идеологий, а на всю массу народа – нормальных людей. Государственную идеологию нужно будет создавать ему. Нынешние суррогаты не подойдут".

Сергей Дубавец.
„Свабода", апрель 1994, № 13.

МАСКИ СБРОШЕНЫ

„Отстранение Шушкевича не изменило соотношение сил в системе государственной власти, но существенно повлияло на ее внешнее оформление. Бывший спикер как бы символизировал реформаторское нача-ло в Беларуси. Граждане связывали с ним устойчивый стереотип: „Демократы пришли к власти", хотя реальной власти у Шушкевича не было.

...Парламентский переворот легко объясняется предстоящими выборами президента, которые должны последовать вслед за подписанием договора с Россией о создании единой рублевой зоны. Нужно было расчистить дорогу В.Кебичу, убрать опасного конкурента, ибо, в противном случае, лавры спасителя отечества пришлось бы делить на двоих. С другой стороны, нахождение Шушкевича на прежнем посту давало ему больше возможностей в ходе предвыборной борьбы за президентское кресло.

Сегодня правящая группировка раскрыла свои карты. Прежде всего ставится задача любой ценой, даже с нарушением процедуры, принять конституцию, предусматривающую президентскую республику, и в июне избрать Кебича президентом. А осенью можно провести выборы парламента. При огромных полномочиях президента роль парламента, который предполагается сделать непрофессиональным, сводится к демократической декорации.

... Правящие круги нынче не очень озабочены сохранением демократическо-реформаторского облика... Начались политические репрессии. Преследуются лидеры и активисты Свободных профсоюзов.

...Вместе с тем трагедия и вина демократов Беларуси состоит в том, что они не сумели создать эффективно действующую организационную структуру, способную стать политической альтернативой нынешним властям, помимо БНФ. Отказавшийся от прагматизма, сильно заидеологизированный Народный фронт теряет популярность на глазах и может утянуть в образующуюся воронку все демократическое движение".

Валерий Карбалевич.

„Европейское время", март 1994, № 3.

СТАРТ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ В БЕЛОРУССИИ ЕЩЕ НЕ ДАН, НО ПРЕТЕНДЕНТЫ УЖЕ ВЫШЛИ НА СТАДИОН

„Все опросы общественного мнения показывают, что на выборах необходимое для победы количество голосов Кебич не соберет.

... Не исключено, что у номенклатуры конкуренты серьезные. В первую очередь это Шушкевич. Несмотря на попытки мазнуть бывшего спикера дегтем коррупции и воровства... в народе о нем сложилось мнение как о порядочном человеке, умеренном политике, которому не дала развернуться номенклатурная рать.

Высок авторитет и руководителя Народного фронта Позняка. Опросы показывают, что в рабочей среде его организация уверенно лидирует.

Набирает вес сорокалетний руководитель Партии народного согласия Карпенко.

... В спор за президентское кресло может вмешаться также председатель парламентской антикоррупционной комиссии Лукашенко".

Андрей Русакович.
„Новая ежедневная газета", 14.IV.1994.

Нельзя, конечно, сегодня не умилиться этому „также"... А между тем председатель парламентской антикоррупционной комиссии и директор шкловского совхоза делает очень сильный ход – он выступает в Государственной Думе России. И там выдвигает свое кредо, которое очень скоро станет основой его президентской политики.

О ЧЕМ ГОВОРИЛ А.ЛУКАШЕНКО В РОССИЙСКОЙ ДУМЕ

„Предлагаю трем парламентам, я имею в виду и братский украинский, немедленно создать официальные депутатские группы для проведения переговоров о выработке механизма объединения братских республик! Надеюсь, что это поддержат президент и правительство России. Ушло время разрушения, пришло время созидания.

Собраться нужно обязательно и сделать это в Беловежской пуще, в Вискулях. Это будет символично. Именно там можно серьезно и откровенно обсудить политические и экономические условия столь необходимой всем нам интеграции. Разумеется, это будет не воссоздание Советского Союза, не превращение Беларуси и Украины в какие-то губернии, а ответственный и судьбоносный шаг на пути восстановления нормальной жизни".

„Народная газета", 20.V.1994.

СЛАВЯНСКИЙ СОБОР „БЕЛАЯ РУСЬ" ИЗМЕНЯЕТ СВОЮ ПОЗИЦИЮ

„Между тем, практика работы с окружением Александра Лукашенко показала, что там, в основном, люди, политические взгляды и

устремления которых являются противоположными нашим... Это стало первой причиной отказа от дальнейшего сбора подписей. Вторая причина – то, что Александр Лукашенко отказался подписать соответствующее политическое соглашение с членами Славянского Собора, в котором говорилось: в случае избрания его президентом он обязуется инициировать референдум по вопросам конфедерации с Россией и государственному двуязычию".

Николай Сергеев, сопредседатель
Думы Славянского Собора „Белая Русь".
„Новая народная газета", 20.V.1994.

„СЛАВЯНСКИЙ СОБОР" ПОДВОДИТ А.ЛУКАШЕНКО ПОД МОНАСТЫРЬ

„...инициативная группа „общественного движения", громко именующего себя „Славянский Собор „Белая Русь", во всеуслышанье объявила, что „отрекается" от Александра Лукашенко и самоустраняется от дальнейшего сбора подписей... Но в данном случае он вызывает не очень много сочувствия. По-моему, ему не раз говорили, что, провозглашая благородные лозунги, не следует опираться на людей, имеющих определенную репутацию. Хорошо известно, что такие господа не только обязательно подведут, но постараются сделать это в самой циничной форме, ударив как можно больнее".

Павел Якубович,
политический обозреватель.
„Народная газета", 12.V.1994.

Поставив на „темную лошадку", директора шкловского совхоза, г-н Якубович изначально пытался оторвать Лукашенко от его духовных соратников, „братьев-славян". Пытался использовать для этого даже временное разногласие. Не мог, конечно, г-н Якубович предполагать весной 1994 г., что именно „единение славянства" станет ведущей идеей его патрона. Сам же г-н Якубович превратится в злейшего врага деятелей из газеты „Славянский набат" и его когда-то родного, но с приходом Лукашенко на царство быстро „ославянившегося" „Знамени юности". Что же касается деятелей из Славянского Собора, то они, конечно, дали промашку. Очень скоро обнаружится, что Лукашенко полностью „свой", настолько, что речь уже идет не о „конфедерации", а о „едином государстве". Не говоря уже об исполнившейся мечте о „государственном двуязычии"...

МЕНТАЛЬНОСТЬ НАЦИИ

„...А.Лукашенко по-советски отождествляет народ с пролетариатом и призывает грабить награбленное во имя знакомого идеала – всеобщего равенства в нищете. В.Кебич, человек более глубокий, говорит о цели своей жизни – присоединении Беларуси к России.

...Политику, считающему себя и свою программу связанными с жизнью народа, я порекомендовал бы прочитать „Баркулабовскую летопись" и понять, что идеал поколения меняется вместе с поколением, но всегда неизменной остается внутренняя природа нации. Может быть, лучший политик – только проводник, реализующий вековую ментальность в ежедневной конкретной жизни..."

Сергей Дубавец.
„Свабода", 19.V.1994.

О ПОЛЬСКИХ БАНАНАХ И БЕЛОРУССКОМ ВАЛЕНСЕ

Сможет ли директор совхоза из Шклова дотянуться до электрика из Гданьска?

„На фоне общего развала, бездарности старого аппарата стремительно ■ гору пошли политические ставки Александра Лукашенко – председателя временной парламентской комиссии по борьбе с коррупцией, бывшего директора одного из шкловских совхозов... Под силу ли ему будет сыграть роль белорусского Валенсы?

С одной стороны, почему бы и нет? Если с этим совладал электрик из Гданьска, то почему мантия национального лидера будет не по плечу директору совхоза со Шкловщины, у которого к тому же два институтских диплома. У Александра Лукашенко, как истинного самородка ■ политике, есть ряд сильнейших качеств, которые делают его не просто незаурядной личностью, но одним из наиболее вероятных кандидатов на президентских выборах. У него – железная воля. Он обладает способностью сплачивать вокруг себя людей и идти к цели в одной связке. Он – прирожденный оратор, и что самое главное, он понятен народу и говорит на языке народа. И это – высший пилотаж в политике.

...Посмотрим правде в глаза: сегодня Александр Лукашенко – единственный, кто способен перетряхнуть выжившую из ума и реальности систему, бульдозером расчистить дорогу для новой цивилизованной политики. И в этом его сила и привлекательность. Но сможет ли А.Лукашенко-бунтарь, А.Лукашенко-грозный разоблачитель

стать А.Лукашенко-президентом, способным привести Беларусь к национальному согласию, реформам и благополучию?.. Пока нет никаких гарантий, что он способен на такое перевоплощение.

Для начала ему бы следовало избавиться от того свирепого взгляда, которым он вводит в оцепенение не только проворовавшихся чиновников, но от него бросает в дрожь и обыкновенных людей.

...И теперь задача номер один для самого А.Лукашенко – доказать народу, что помимо своей таранной силы у него есть то, что может придать людям веру в спокойное и безбедное будущее. Это и задача для его команды... Никогда не состоялся бы Лех Валенса как политик и государственный деятель, если бы в самом начале своего пути он не призвал под свои знамена, не окружил бы себя лучшими представителями демократической интеллигенции Польши".

Анатолий Майсеня.
„7 дней", 2.IV.1994.

Безусловно, параллель Лукашенко – Валенса – сильнейшая натяжка. Прежде всего потому, что Валенса – плоть от плоти польской антикоммунистической стихии, а Лукашенко – типичный деятель советской низовой номенклатуры, у которого глубоко усвоенные традиции советской идеологии переплелись с демагогической критикой номенклатурных верхов, предавших „святые идеалы". Ошибка аналитика, безусловно, вызвана прежде всего острым желанием найти какую-то приемлемую нишу, какой-то приемлемый образ для Лукашенко. Пройдет не так уж много времени, и Анатолий Майсеня убедится, что Лукашенко не подходит предложенная роль.

КТО СТАНЕТ ПРЕЗИДЕНТОМ?

„... при достаточно отчетливой поляризации одних кандидатов, например, З.Позняка и В.Кебича, более „размазанный", не очень определившийся в политическом отношении претендент, в частности А.Лукашенко, получает одобрительные оценки вследствие своего острого критиканства и популизма как от „правых", так и от „левых", равным образом и от центристов, но главным образом от обывателей, которых убеждают, что их обворовывают, обманывают, причем в качестве виновников чаще всего называют чиновников госаппарата. Поэтому его рейтинг сегодня выше всех...

Если у избирателей возобладают эмоции, предпочтительнее окажется позиция, а потому и шансы А.Лукашенко. Если же эмо-

ции уступят место доводам разума, пальма первенства окажется у В.Кебича".

Евгений Бабосов.
„Цэнтральная газета", 6.V.1994.

Согласно новейшим избирательным технологиям, в любимца и защитника народа, неистового врага коррупционеров и кандидата в президенты должны стрелять. Ближайшие соратники организовали „покушение" на Лукашенко недалеко от Лиозно. Якобы из обогнавшего автомобиля было произведено два выстрела по „Мерседесу", в котором, помимо Лукашенко, находились депутаты Верховного Совета И.Титенков и В.Шейман.

ЛИОЗНО: КТО СТРЕЛЯЛ?

Покушение на А.Г.Лукашенко 17 июня 1994 г.

Из справки Прокуратуры Республики Беларусь по уголовному делу о покушении на кандидата в президенты Республики Беларусь Лукашенко А.Г.:

"Следственным экспериментом, проведенным 17.06.94 старшим следователем по собо важным делам СО КГБ РБ Таргонским В.М. с участием главного эксперта НКЦ МВД РБ Самца А.Г., установлено, что обстрел автомашины „Мерседес", в которой ехали народные депутаты Лукашенко А.Г. и другие, из салона обгонявшей их автомашины при условиях, изложенных свидетелями Титенковым И.И. и Шейманом В.В., невозможен".

Прокурор отдела по надзору
за исполнением закона о национальной безопасности,
старший советник юстиции *Г.И.Миксюк.*
„Навіны", 2.IV.1999.

ВЯЧЕСЛАВ КЕБИЧ: ДИАЛОГ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ

„Если вы станете президентом, куда поведете республику: тропинской Беловежской пущи или по пути, избранному советским народом?

– Скорее всего, ближе к последнему, поскольку он более реален для нашей ситуации, и мы до сих пор от него радикально не отступили...

– Не боитесь, что если к власти придут Лукашенко или Позняк, то они вас сделают преступником?

– Мне совершенно нечего бояться... К сожалению, названные претенденты пониманием экономических, производственных процессов и законов, как они уже показали, не отличаются... Ну а насчет того, что они сделают меня преступником, извините, „сказала Насця, як удасця". Разве что за стремление восстановить союз с Россией? Если это преступление, я готов отвечать перед любым судом и народом Беларуси. Что касается обвинения меня в причастности к коррупции, то я готов ■ любом случае, при любых судьях доказать, что „чемодан" Лукашенко – это чушь, спекуляция и игра на нервах людей".

„Советская Белоруссия", 18.VI.1994.

ЗА ЧТО ПЬЕМ, ГОСПОДА-ТОВАРИЩИ?

„Москвоцентричность значительной части нашего общества – историческая и экономическая. Понимая это, Кебич и Лукашенко боролись – каждый на свой лад – за наилучшее выражение пророссийской линии, что лишний раз подчеркивало призрачность самостоятельного государственного существования Беларуси".

Семен Букчин.
„Европейское время", декабрь 1994, № 12.

КЕБИЧ

Политический портрет

„Как и у любого аппаратчика старой школы, служившего не социалистической идее, а конкретному хозяину, у Кебича нет какого-то цельного мировоззрения...

Кебич никогда не был убежденным сторонником реформ, независимости Беларуси. Он оказался наверху под давлением внешних обстоятельств: развала СССР, демократического пульса, полученного в результате поражения путча 19 августа 1991 г. Кебич вместе с Шушкевичем, руководителями России и Украины подписал Беловежские соглашения. С тех пор в его выступлениях, докладах постоянно присутствовала реформистская, рыночная риторика.

Но как только обстоятельства стали меняться, демократическая волна спала, белорусская номенклатура избавилась от страха и перешла в наступление...

Говоря о Кебиче как о реалисте, прагматике, необходимо отметить довольно узкие параметры этого прагматизма. Это прагматизм не

государственного деятеля, а брокера фондовой биржи в период денежной лихорадки. Он ограничен локальной задачей – удержаться у власти любой ценой. Подтверждение этому – полное отсутствие у Совета Министров экономической программы, концепции внешней политики.

Премьер, как рыба в воде, чувствует себя в аппаратных играх, закулисных интригах. Он явился главным режиссером политического спектакля, в результате которого смещены со своих постов Шушкевич и неугодные министры. Кебич хорошо ориентируется в среде государственной и хозяйственной номенклатуры, уверенно контролирует Верховный Совет, напоминающий республиканский партхозактив.

Другое дело, открытая политическая борьба. Здесь Кебич откровенно слаб."

Валерий Карбалевич.
„Европейское время", апрель 1994, № 4.

ЛУЧШЕ ПОЗНЯК, ЧЕМ НИКОГДА!

„Я буду голосовать за Позняка, потому что он мне не лгал... Позняк – последовательный политик, чья последовательность способна цементировать убежденность ослабленной нации в своей силе и воле... Зенон Позняк живет в подсознании каждого белоруса... Я буду голосовать за Позняка, потому что жажду другой страны. Государства с другой ментальностью, другой политикой, другими ценностями..."

Валерий Дранчук.
„Свабода", апрель 1994, № 16.

БЕЛАРУСЬ НЕ ИСЧЕЗНЕТ, ЕСЛИ НЕ ПОКОРИТСЯ ЧУЖОЙ СИЛЕ

„Что же касается Зенона Позняка, то определенная сложность его политики заключается в том, что его идеи нередко опережают время и являются неожиданными для определенной части общества. Поэтому первая реакция общества на то, что провозглашает Позняк, – ошеломление и несогласие. Так было с Куропатами, с изобличением КПСС, с развенчанием личности Ленина. Вскоре, однако, то, чем ошеломляет Позняк, становится рутинным фактом истории., и уже никто не оспаривает его и даже не вспоминает, кто об этом сказал первый.

В этом, безусловно, определенная сложность политики Позняка, но и божественная сила Позняка-пророка".

Василь Быков,
народный писатель Беларуси.
„Народная газета", 13.V.1994.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЗНЯК

„Быков создал настоящую историю Великой Отечественной войны. Позняк доказал, что Беларусь была таким же ГУЛАГом, как и тот, открытый для нас Солженицыным. Они оба посадили в номенклатурном заповеднике зерно будущего, имя которому – цветущая Беларусь. И сегодня об этой Беларуси, которую объединяет Белорусский Народный Фронт, знает каждый гражданин. „Фронт спас людей от беспамятства, – говорит Позняк. – Фронт спас людей от чернобыльской смерти, сейчас мы сражаемся с коррупцией. И главное для для нас – чтобы Беларусь действительно стала цветущей". Любить – значит верить. Каждое утро Позняк начинает с молитвы..."

Владимир Подгол.
„Народная газета", 18.V.1994.

ПОЗНЯК

Политический портрет

„Для лидера БНФ национальная идея – это нечто абсолютное, вне критики и подозрений, и в то же время иррациональное, обращенное скорее к чувствам. При этом любые сомнения в ней воспринимаются как святотатство и кощунство. Идея национального возрождения (кстати, сформулированная в романтико-мифологических традициях и потому слабо соотносящаяся с реальностью сегодняшнего дня) является основополагающим элементом политического мировоззрения Позняка... Не удивительно, что его взгляды на внутреннюю и внешнюю политику, реформирование общества, развитие культуры насквозь идеологизированы. То есть любая проблема рассматривается не с точки зрения экономической или политической выгодности или невыгодности для республики, а с позиций соответствия или несоответствия определенной идеологии... Позняк понимает национальные интересы как государственные, а не как интересы граждан. Очень характерен в этой связи тезис о том, что высшей формой культуры общества является национальное государство. Отсюда неприятие либерализма.

По сути отрицается принцип, на котором основана вся европейская цивилизация, — приоритет прав человека. Лидер БНФ считает, что это принесло вред странам Запада. Для него приоритетом являются интересы народа, нации...

Идеологическая запрограммированность Позняка объективно ведет к упрощению общественных процессов, игнорированию того, что любые явления это сложное взаимопересечение многих, иногда противоположных тенденций...

Что касается Беларуси, то все ее беды и несчастья, считает Позняк, начиная от большевизма и кончая инфляцией, исходят от России... Такая концептуализация событий не только не способствует истинному пониманию событий, но, наоборот, уводит далеко в сторону... Этот своеобразный „россоцентризм" с отрицательным знаком в политическом мировоззрении Позняка, взгляд на мир сквозь отрицательную российскую призму является основой для конструирования не только внешней, но и внутриполитической линии БНФ. Образ врага есть необходимое условие для создания в обществе атмосферы осажденной крепости. Нагнетание напряженности, синдром апокалипсиса посто-янно присутствуют в выступлениях лидера Народного фронта.

... Мировоззрению Позняка присущи религиозные черты, что проявляется в культе магических слов и ритуальных действий, вере в собственную мессианскую роль и непогрешимость... Такой способ мышления предполагает неприятие инакомыслия, категоричность в отношении к оппонентам, конфронтационность и борьбу до политического уничтожения противоположной стороны. БНФ наделяется всеми возможными достоинствами, а противники – всеми мыслимыми недостатками...

Характерна позняковская оценка менталитета белорусского народа: „больной народ", „отсутствие национального сознания", „большинство оболваненного пропагандой населения продолжает молчать, практикуясь в ненависти к самим себе", „белорусская сервильность хуже азиатской"... Понятно, что это говорится с болью и горечью. Но одновременно проскальзывает обида на то, что люди с трудом воспринимают идеи национального возрождения. Драма политического лидера или драма народа? Видимо, и то и другое. Однако Позняк, похоже, исходит из того, что если его идеи не совпадают с настроениями большинства граждан, то тем хуже для последних".

Валерий Карбалевич.
„Европейское время", июнь 1994, № 6.

ГРАМАДА ПОДДЕРЖИВАЕТ ШУШКЕВИЧА

„Главный аргумент против Шушкевича на страницах демократической печати один: „Был у власти и ничего не сделал".

...Но о какой власти можно говорить, если Шушкевич по некоторым важным вопросам мог реально рассчитывать только на 35 голосов оппозиции и еще на такое же количество членов демклуба.

И тем не менее в 1991 г. он сумел вместе с оппозицией и демклубом приостановить деятельность КПСС, изменить название государства и двумя третями голосов с третьего раза принять национальную символику ■ качестве государственной. Именно Шушкевич в декабре 1991 г. пригласил в Вискули Кравчука и Ельцина и стал инициатором официальной констатации того бесспорного факта, что СССР как последняя империя XX столетия... перестал существовать юридически.

Впервые за свою тысячелетнюю историю Беларусь получила независимость без войн и восстаний, без утрат своей территории и населения, и именно Станислав Шушкевич стал первым ее руководителем.

...Поэтому Грамада в целях сохранения белорусского государства, выступая за плавный переход к рыночной экономике, учитывая опыт, в том числе и отрицательный – Литвы, Украины и России, предлагает избрать президентом Беларуси Станислава Шушкевича – опытного политика, честного и образованного человека, который сможет стать гарантом независимости возрожденного белорусского государства".

Олег Трусов,
председатель Центральной Рады
Белорусской социал-демократической грамады,
депутат Верховного Совета Беларуси.
„Народная газета", 3.VI.1994.

ШУШКЕВИЧ

Политический портрет

„Центризм может быть средством, но не целью. Драма Шушкевича, как политика, заключалась в том, что он попал в конституционно-правовую ловушку. В Беларуси до настоящего времени сохраняется старая советская система власти, представляющая пирамиду, на вершине которой располагается Председатель Верховного Совета. Однако такая система управления вовсе не предназначалась для самостоятельного функционирования. Над ней был надстроен еще

один этаж подлинной власти – партийной. А должность Председателя Президиума Верховного Совета, а тем более Председателя Верховного Совета, была декоративной, символизирующей власть Советов.

Когда коммунистический режим рухнул, партийные организации исчезли, на местах реальная власть действительно оказалась в руках советов. Но на самом верху функции Председателя Верховного Совета не изменились так радикально. Оставаясь главой теперь уже не так полновластного парламента, Шушкевич выполнял и представительские функции во внешней политике. Вся же исполнительная власть оказалась ■ руках правительства. Учитывая полный контроль Совмина над парламентом, Шушкевич оказался со связанными руками.

... В околополитических кругах по этому поводу часто можно услышать контраргумент, суть которого сводится к незамысловатой формуле: власть не дают, власть берут. При этом ссылаются на российский опыт. Оставляя в стороне вопрос о правовом содержании этого аргумента, можно рассмотреть два возможных пути осуществления этой идеи. Один испробован Ельциным и к нашей ситуации неприменим. Второй возможный вариант продемонстрировал Хасбулатов. Пойти по его пути – значит сделать политический поворот на 180 градусов, сжечь все, чему поклонялся. Шушкевич на это не способен ■ принципе.

Одной из существенных проблем восприятия Шушкевича большинством населения является его интеллигентность. Дело в том, что наш народ трудно воспринимает руководителя государства в образе интеллигента. Люди привыкли к совершенно иному типу политического лидера, „отца нации", с властным характером, вещающего непререкаемые истины, берущего на себя ответственность за судьбу каждого из граждан. Как известно, персонификация власти является одной из характерных черт славянского, а тем более советского менталитета. Причем, вождь, как правило, был рабоче-крестьянского происхождения, „из народа", что уже само по себе было знаком качества.

К интеллигенции же у „простых людей" отношение по меньшей мере снисходительное... А здесь перед нами предстает интеллигент в чистом виде: сын писателя, профессор, умеющий убедительно и хорошо говорить, свободно переходящий с белорусского на русский язык. Глубокая внутренняя интеллигентность проступает в самой манере поведения Шушкевича.

Он внес эту интеллигентность в политику, создал своеобразный политический стиль, который можно охарактеризовать как интеллектуальную политику европейского образца. Он поднял планку поведения политического деятеля в Беларуси. Но в обществе, при-

знающем насилие в качестве основного способа решения конфликтов, долгое время жившем по принципу „если враг не сдается – его уничтожают”, слово „згода” вызывает раздражение, а стремление к компромиссу – называют предательством.

В обществе, где слово „право” вызывает по меньшей мере насмешку, он пытался говорить о законности... Его политический идеализм состоял в том, что он стал говорить о праве ■ неправовом государстве, призывать к законности в обществе, управлявшемся с помощью партийных директив.

... Парадокс состоит в том, что рейтинг Шушкевича начал падать прямо пропорционально радикализации его позиции в отношении рыночных реформ и оценки деятельности правительства. Видимо, его эволюция запоздала, а радикализм оказался недостаточным для того, чтобы найти понимание в массовом сознании”.

Валерий Карбалевич.

„Европейское время”, май 1994, № 5.

НАКОНЕЦ-ТО У НАС ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ – ЕСТЬ ПРЕЗИДЕНТ!

ШТРИХИ К НЕНАПИСАННОЙ БИОГРАФИИ

Текст аудиозаписи беседы с А.М.Щербаком, человеком из ближайшего окружения Лукашенко во времена его директорства в совхозе „Городец"

– Александр Моисеевич, как вы познакомились с Лукашенко?

– Это произошло весной 1989 года. Я уволился после службы в торговом флоте, где был первым помощником капитана, и приехал в Шклов. Меня пригласили на работу в орготдел Шкловского районного комитета партии. Лукашенко часто появлялся там. И как-то так получилось, что он выделял меня среди других работников райкома, делился со мной своими соображениями по разным вопросам. А поговорить было о чем – перестройка в самом разгаре. И мне нравились его молодые и новые мысли о выборности, о переменах в партийных верхах... Одним словом, демократические настроения... Короче, мы сошлись. И уже осенью того же года он предложил мне быть его доверенным лицом на выборах депутатов Верховного Совета республики.

– Сколачивалась команда кандидата в депутаты?

– В этой команде, помимо меня, тогда были Снегов, председатель райкома профсоюзов Агропрома, и Коноплев из райотдела милиции. Надо сказать, что Лукашенко сразу показал себя хорошим организатором. Роли были распределены четко. Коноплев, например, занимался тем, что можно назвать провокациями. Распространял всякие слухи, листовки, подметные письма...

– Ну а ваша роль была какова?

– Я занимался народом. У меня был свой берег Днепра, за который я отвечал. И вот я набирал команду в совхозе, брал девочек-доярок,

набивался полный автобус, и мы „чистили" буквально каждую хату в деревне. Заходили, рассказывали, чтобы люди знали, что мы действуем от имени Лукашенко.

– А что все-таки было предметом слухов и провокаций, о которых вы упомянули?

– Это другой вопрос. Например, идет собрание избирателей. Выступает Лукашенко. Из зала Коноплев от имени народа запускает записки. Именно такие, которые нужны кандидату. Что делать, политика – грязное дело...

– А что вы знали к моменту знакомства о Лукашенко? Откуда он... Семья, родители... Что в этом плане вы рассказывали о нем избирателям?

– Знаете, в ту пору это нас как-то мало интересовало... Тогда ведь на первом плане другое было – красивые слова, красивые лозунги, другие настроения были. И нас не очень интересовало кто и откуда... Главное, что говорит, что идет вперед...

– Но тем не менее что-то довелось узнать?

– Ну конечно! Я хорошо знал его мать, Екатерину Яковлевну. Она живет в деревне Александрия... Вообще я стал интересоваться подробностями биографии Лукашенко позже, когда мы расстались. Мать его была простой работницей на Оршанском льнозаводе, а жила в поселке Копысь. Была у нее там какая-то хатка покосившаяся. Там, в Копыси, она забеременела, родила сына Сашу, после чего они переехали на Могилевщину в Александрию.

– Что значит – родила? Вышла замуж?

– Нет, она родила сына вне брака. Год назад, когда мы попытались как-то разобраться с этой проблемой, обнаружилось, что никаких документов ни в загсе, ни в гороно не имеется. Все изъято. Но я разговаривал с людьми, знавшими Лукашенко в детские годы, с его одноклассниками. Относительно его отца есть две версии. Одна вот какая. В Копысе жил цыган Григорий. У него была своя кузница. Екатерина жила неподалеку и навещала соседа, приносила что-то поправить по хозяйству, какой-то инструмент наточить... Старушки местные и говорят, что он-то, цыган этот, и „заточил" ей... Я, конечно, со свечой не стоял... Поэтому передаю то, что люди говорят... Сама же баба Катя, как ее называют в деревне, уже в Александрии, подвыпив, – а она простая, неграмотная баба – говорила и о мастере Оршанского льнокомбината. Понеслись слухи, что этим мастером был какой-то хромой еврей. Об этом, кстати, говорят в Шклове...

– Получается, с отцом у нашего президента полная неизвестность?

– Выходит – так. Сам он об отце никогда ничего не говорил. Других

детей у бабы Кати не было. В Александрии кто-то из родственников передал ей хату, в которой она и поселилась с сыном, стала колхозницей, работала на ферме. Ну сейчас, конечно, пенсионерка. Баба Катя долго жила в очень плохонькой хате. Но когда Лукашенко стал президентом, там был построен поселок из десяти домов. Один из них, трехкомнатный коттедж, Лукашенко подарил матери. Но еще когда он был директором совхоза мы ему говорили: „Саша, нам стыдно, что твоя мать живет в такой хате. Ты – директор совхоза, давай построим для матери нормальный дом". Но ему жаль было собственных денег. Он – жадный по натуре...

– Может, просто экономный?

– Да что вы? За всю избирательную кампанию, когда мы ему помогали, он на свои деньги ни одну бутылку водки не купил. Он выпивал, но в разумных дозах и, как правило, на чужой счет – то у меня дома, то у Коноплева, то у Снегова... Но чтобы к себе домой пригласить, поставить бутылку – этого не было.

– Но давайте вернемся к детским, к школьным годам Лукашенко.

– Он был очень заводной парень. Нищенская жизнь наложила свой безусловный отпечаток. Опять же безотцовщина... В деревне дразнили байструком. А он лез драться. Кулаки имел здоровые. И вообще стремился быть первым. Это особенно проявилось в старших классах. На новогодних вечерах в школе наряжался Дедом Морозом, а Галя, его нынешняя жена, была Снегурочкой. Учился он, если можно так сказать, выше тройки...

– Хорошист!

– Наверное, потому что отличником не был. Но я хочу еще сказать о том отпечатке, который наложила на его характер испытанная детстве и ранней юности нищета. Он носил очень обтрепанную, бедную одежду и обувь. А рядом была Галя, из учительской семьи, отец – директор школы, мать – завуч... Галя была не только симпатичной девушкой, она хорошо одевалась, и его обноски, конечно, сильно контрастировали с тем, как выглядела она, дочь сельских интеллигентов. Может быть, тогда впервые он понял, что и его жизнь может быть иной. Наверное, у них была любовь. Но, конечно же, и сам брак такого безродного бедняка с дочерью директора школы сразу выводил его на другую социальную ступень. Родители Гали сильно ему помогли. Отец посодействовал через свои связи поступлению в Могилевский пединститут. Они, Саша и Галя, вместе туда поступили. И там же, на втором или третьем курсе, поженились. Галин папа подарил им „Москвич". В общем, ни дня он не работал в колхозе. Сразу после школы в институт. Там он показал себя как комсомольский активист. Не случайно поэтому после окончания института он не

поехал преподавать историю в сельскую школу, а стал работником комитета комсомола в одном из районов Могилева. Но там, видимо, что-то не пошло. И скоро он появился в Шклове в качестве заведующего лекторской группой райкома партии. В это время он и подучился выступать перед народом. И вот в эту пору возник скандал на любовной почве. Завязался у него страстный роман с Надеждой, секретарем Шкловского райкома комсомола. Саша бросил свою Галю, просиживал на крыльце дома Надежды до утра. Муж Нади подал на развод, после суда она уехала из Шклова.

– А что же жена, Галина Родионовна?

– Вот ее мне трудно понять... Ведь он был гуляка страшный. С Надеждой – это первый случай. А после того еще много было историй... Одним словом, райком партии вынужден был отправить его [redacted] армию. Служил он в пограничных войсках, кажется, прапорщиком, где-то [redacted] Беларуси... А когда вернулся, сначала был заместителем председателя колхоза „Ударник", потом заместителем председателя колхоза имени Ленина. Это все в том же Шкловском районе. Тогда же в деревне Рыжковичи он построил себе дом, в котором и сейчас живет Галина Родионовна. После того, как он стал президентом, дом окружили двухметровой кирпичной стеной. Кстати, обошлась она в 99 миллионов тогдашних рублей. Ну и милицейский пост там же оборудован...

– Вот вы говорите о нем, как о человеке скупом, карьерном, а он, получается, вон на какие романтические поступки способен – ночи просиживал на крыльце у любимой...

– У любимой... Но ведь была жена. И дети. Не могу понять до сих пор психологию Галины Родионовны... Она постоянно выступает в его поддержку. У него ведь еще один громкий роман был. С Ларисой Маськовой, разведенной женщиной, работавшей [redacted] книжном магазине. Вы знаете, такая наглая любовь – у всех на виду. Он вообще в этих случаях поступает очень нагло. Обычно у наших мужчин как: если где-то что-то появилось, какая-то женщина, то бежишь себе потихоньку, как побитый кот, чтобы никто не видел. А этот на глазах у всего Шклова с этой Маськовой Ларисой... Приезжает домой после работы, наденет спортивную форму, поест, что ему Галя приготовит, и едет к Ларисе в магазин, а оттуда у всех на глазах забирает ее куда-то на поля... Наверное, гены цыганские пробиваются в такой наглости...

– Не знаю насчет ген, но вы портрет какого-то Дон Жуана районного масштаба рисуете. Может, это и нравится женщинам, что вот так открыто, не скрывая...

– Да, он в этом плане ничего не скрывал. Вот была у него такая Надежда Бартош, это когда он, будучи заместителем председателя колхоза, заочно учился в сельскохозяйственной академии в Горках. Он

семейный, и она семейная, имела тогда троих детей. И вот во время сессии они жили в одной комнате. Потом эта Бартош работала у него в совхозе экономистом. Она развелась с прежним мужем, Лукашенко помог ей снова выйти замуж, за тракториста, дал коттедж. А сегодня она работает директором в хозяйстве Атолино под Минском, которое обеспечивает продуктами верхушку власти и самого президента. Ее четвертый сын очень похож на Лукашенко.

– Ну что ж, очень благородно все выглядит с его стороны, во всяком случае, не бросает своих подруг, помогает им...

– Он любит, чтобы люди были ему благодарны. Но если что не по нем – тут гроза! Однажды он дал по физиономии трактористу в своем совхозе. Тракторист выпил, Лукашенко сказал ему, чтобы шел домой. А тот послал его... Ну он ему и приложил, да так, что сломал ногу. Тот подал ■ суд. Завели уголовное дело, газета „Свабода" писала об этом случае... Но все кончилось тем, что он дал этой семье дом, они забрали заявление из суда... В общем-то, здесь его осуждать трудно. Мало ли что мог натворить пьяный тракторист...

– Ну а какой он вообще был директор совхоза? Горел на работе? Заботился о людях? Хотел чего-то нового?

– Больше всего он обеспокоен был, конечно, собственной карьерой. Рвался вперед, в начальственные высоты. Есть у него умение воздействовать на людей. Может искренне поклясться, а потом проверишь, оказывается, врет. Он и нас, тех, кто пошли поначалу за ним, вроде захватил. А присмотришься поближе, узнаешь получше – сразу почувствуешь фальшь в этом человеке.

– Может, в вас обида личная говорит?

– Ну вот посудите сами... Я был у него помощником как у депутата Верховного Совета республики. И одновременно выполнял обязанности председателя профсоюзного комитета совхоза „Городец". Так вот именно как председатель профкома я столкнулся с фальшивыми обещаниями и, можно сказать, самоуправством Лукашенко как директора совхоза. Зарплата у нас была меньше, чем в соседних совхозах, вообще положение людей было просто бедственное. Я попытался помочь им. Вот и начались у нас конфликты. Он дает аванс, а расчет обещает только в конце года, в то время как деньги в кассе есть. Как жить людям? Я предлагал рассчитываться с людьми немедленно, поскольку инфляция уже тогда сильно раскручивалась. А он ни в какую – ему, мол, деньги для чего-то нужны... В соседнем совхозе, которым руководил Громов, и зарплата была выше и порядки другие. Никакого тарифа на коня там не вводили. Если крестьянину нужен конь для какой-то личной нужды, то его там и давали, через бригадира, конечно. А у Лукашенко попробуй возьми... Плати деньги в кассу, выписывай все

официально. Я ему говорю: „Зачем это? Ведь это наши люди... Им и без того сегодня тяжело живется..." А он: „Пусть чувствует ответственность за этого коня!"

– Но ведь он очень активный был у себя в совхозе... Партийное руководство области его выдвигало как новатора.

– О, здесь он был большой мастер – создавать вокруг себя шумиху! На базе совхоза „Городец" был проведен республиканский семинар по новым формам хозяйствования. Раньше как все строилось – бригады, которые организовывались по деревням. Загродская бригада, Кривецкая и так далее... Он назвал их кооперативами. Ничего по сути не изменилось. Но поднялся шум – вот, мол, они, новые формы организации труда на селе! Со всей республики нагнали председателей колхозов – учитесь! А те поглядели и убедились, что все это пустое. Вот тогда-то я и увидел, что мы нужны ему только как ступеньки для пути наверх. Однажды, может быть, в году девяностом или девяносто первом, пили мы горелку у Коноплева, тогдашнего капитана шкловской милиции. И вот тогда он неожиданно выкрикнул: „Ребята, имейте в виду, что я стану президентом Беларуси!" Алла, жена Коноплева, тогда сказала ему: „Ну посмотри ты на себя! Какой из тебя президент? Ты – неотесанный мужлан". А он ей: „Ничего, Алла! Я все равно стану президентом!"

– Значит, был уверен в себе, в своих силах...

– Мы, конечно, посмеялись... Никто из нас и не предполагал, что он уже тогда серьезно определил свою цель. Кстати, Алла потом много помогала ему и мужу своему советами. Она была у них одно время что-то вроде мозгового центра. Умная евреечка!

– Сегодня много говорят о его желании стать президентом России или возрожденного нового Союза.

– Вполне возможно, что он им станет. Знаете, в истории уже известен поход из Шклова на Москву. Лжедмитрий 11, он же Гришка Отрепьев, это ведь чернец из Шклова.

– Отрепьев был образованным монахом, учительствовал...

– Ну и наш ведь по-своему феноменальная личность. Иначе в кресло президента Беларуси не попал бы. А с Отрепьевым его объединяет, конечно, авантюрный склад личности. Вспомните, как депутат он выступал в Верховном Совете буквально по всем вопросам. Главное для него было, чтобы о нем не забывали, чтобы он был постоянно на глазах у публики... Он понимал, что нужно закрепиться в сознании людей.

– Ну а в совхозные времена неужто никто из местных не мог разобраться в сути его личности?

– О, его непросто было раскусить! Придет, бывало, на ферму и к одной доярке: „Ну, Валя, как там дела у тебя?", к другой тоже с каким-то

личным вопросом... Помощь обязательно пообещает. А люди бедствовали, в то время как на счету совхозном в банке было не менее двух миллионов рублей. Тогда это были большие деньги. А людям зарплату платил мизерную. Пошел шум: деньги есть, а зарплату не выдают. Чтобы не могли узнать, сколько денег имеет совхоз, он перевел счет из Шклова в могилевское отделение Приорбанка, одним из учредителей которого был совхоз „Городец".

– А каковы были его отношения с районным, областным начальством, от которого он, несомненно, зависел?

– Он был достаточно независим. Никогда и ни перед кем не заискивал. Я не думаю, что это гордость, это все-таки скорее наглость им руководила, жуткий напор какой-то. Единственный с кем он достаточно близко общался, был заместитель председателя облисполкома по сельскому хозяйству Корнеев. Сядут на берегу речки, Корнеев подопьет, обнимет его: „Сынок ты мой!" Но вот Корнеев вознамерился стать депутатом Верховного Совета Белоруссии, и это ему в особенности нужно было, поскольку приближался пенсионный возраст, и только депутатство могло сохранить за ним высокую должность в облисполкоме. А Лукашенко был его конкурентом на депутатский мандат. Корнеев его открыто попросил: „Помоги мне, уступи! Я ведь тебе столько помогал". Но тут „сынок" ему прямо заявил: „Народ мне этого не простит. Я обещал народу..."

– Но ведь по традиции хозяином в районе был первый секретарь райкома партии.

– А разве вы не помните, что партия тогда растерялась?.. И наверх полезли, получили силу вот такие, как он, горлопаны-новаторы, а на самом деле – демагоги. Перестройка их вынесла наверх.

– А что означают его неоднократные заявления о личном знакомстве с Горбачевым, о том, что, будучи директором совхоза, он ему какие-то советы по части сельского хозяйства давал?..

– Было, было! Горбачев ведь искал таких, как он, низовых новаторов, активистов перестройки. И он, как организатор все тех же новых форм в сельском хозяйстве и выдвиженец обкома партии, ездил в Москву на какие-то совещания и пробился-таки к Горбачеву. Уж не знаю, какие он ему советы давал, но насчет того, что он помогал Явлинскому в составлении программы „500 дней" – это чистое вранье.

– Позвольте, но на каком-то совещании в Москве он якобы заявил, что программа „500 дней" надуманная, и именно после этого Горбачев якобы сказал Явлинскому: вот видите, даже в низах вашу программу не принимают...

– Да вранье все это! Я сам слышал, как на одном из собраний он заявил, что помогал Явлинскому, с которым он на самом деле не был

лично знаком. Слишком разные это уровни, чтобы ему состоять в близких отношениях с Явлинским. Да и с Горбачевым он встречался всего раз и то не лично, а вместе с другими сельскими деятелями. Ну, может быть, удостоился вместе с сотней низовых перестройщиков личного рукопожатия... Но он раздувал то, что ему было на данный момент выгодно. Сегодня выгодно про контакт с Явлинским, завтра – про критику Явлинского и одобрение со стороны Горбачева. Эти его заявления, вроде того, что „я пленумы готовил по сельскому хозяйству", – сплошная хлестаковщина. А кто мог у нас на селе проверить, тем более, что человек действительно ездил в Москву на разные перестроечные совещания.

– Вы хотите сказать, что для достижения своих целей он ничем не гнушался?

– Я опираюсь только на факты. Ну вот в 1992 году, когда он уже был депутатом и у нас вовсю шли конфликты, я собрал профсоюзную конференцию и критически выступил против него. Так он сам сел в президиуме, хотя его никто туда не выбирал, и по сути начал вести конференцию. Такая вот железная хватка у этого человека. Люди видели, что я прав, и все-таки мне пришлось уйти... Он никогда не останавливался перед тем, чтобы предать или растоптать близких людей, если ему это было выгодно. У него нет настоящих друзей. А цель у него одна – придти к власти в Кремле. Во время пятидесятилетия битвы на Курской дуге он сказал, выступая перед ветеранами на поле под Прохоровкой, что создаст новый Союз. Люди стали подходить и прикасаться к нему как к святому. С этим обожествлением Лукашенко в российской провинции нельзя не считаться.

– Но ведь он и здесь, в Беларуси, мог бы пользоваться более широкой поддержкой, если бы не делал тех явных глупостей, которые ему вредят... К примеру, говорил бы по-белорусски, не менял бы символику национальную, не делал бы скандала из репортажа Шеремета с границы...

– Все то, о чем вы упомянули, для Беларуси – не провал. Знакомый конюх сказал мне про Шеремета: „А няхай ня лезе, куды не трэба". А доярка, работающая за гроши, говорит: „А кто мне больше даст? Лукашенко хоть это дает. А в России вон вообще не платят"... А то, что это по сути гроши, на которые прожить невозможно, уже неважно. Наш народ – сверхтерпеливый. Он ведь и не такое терпел... „

Сентябрь 1997 г.

В том же году, когда состоялась эта беседа, Лукашенко дал обширное интервью сотрудникам московского еженедельника

„Совершенно секретно". Есть смысл как бы поверить приведенную выше беседу признаниями самого героя о своей семье, о своем характере, о, скажем так, идейном генезисе и прочих представляющих интерес вещах...

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО: „У МЕНЯ НЕ ЗАРЖАВЕЕТ!"

О семье и образовании

„У меня двое детей, жена – заведующая детским садиком. Старший сын заканчивает университет, он будущий дипломат, второй только поступил на этот же факультет. Ребята хорошие, непрезидентские. У меня правило: ни жены, ни родственники, ни дети не должны вмешиваться в политику...

Что касается моего детства, то я родился в селе, был вторым ребенком в семье. Первый умер в два года – это была огромная трагедия... Потом пути моих родителей разошлись, отца я не помню, мать меня воспитывала одна. Пятидесятые годы – это страшная была нужда, очень тяжелые времена. Я помню, какая была борьба на селе. Кто был сильнее, тот выживал, у кого были здоровые мужики и отцы, тем было легче. Мне досталось от этой жизни, но я не жалею – я всему научился. Даже успел закончить музыкальную школу по классу баяна, неплохо пел, писал стихи. Словом, был первый парень на селе. Где какие компании, свадьбы – без меня не обходилось... Поступил на исторический факультет, отлично его закончил, потом экономический факультет нашей Академии, стал экономистом. Я очень хотел работать на селе, мечтал сделать что-то доброе людям...

О знакомстве с Горбачевым

Это был 87-й год. Горбачев был тогда на волне, все, что он говорил, было правдой, появилась отдушина, свобода, люди могли не только говорить, но и что-то делать. Давайте будем честными – все мы в какой-то степени дети Горбачева... С него все начинались – и я, и Ельцин! Горбачев тогда часто собирал совещания, и вот на одно такое совещание я был направлен руководством Компартии Белоруссии... Он очень жестко вел его, меня на трибуне терзал 13 минут вопросами так, что я вышел и выжал свой пиджак, настолько он был насквозь мокрый, но Горбачеву запомнилось, что я вступил с ним в полемику.

Я всегда воевал против власти, против дури ее. И поэтому моя жизнь много раз висела на волоске... Вскоре состоялось еще одно совещание – обсуждалась программа Явлинского „500 дней". И угробил эту

программу... Лукашенко. Сейчас-то мы понимаем, что за пятьсот дней можно что-то сделать, но не реформировать экономику в тех размерах, как это предлагал Явлинский. Но тогда шел разговор на президентском совете, что в принципе надо принимать эту программу. Горбачев написал мне записку, попросил выступить. Ну и дерни меня за язык... Я заявил, что за пятьсот дней не экономику великой страны можно реформировать, а в лучшем случае один колхоз. И привел неотразимые аргументы. Горбачев сказал: раз так, то нам торопиться не надо. Кстати, Явлинский не любит Лукашенко с тех пор...

О своем характере

Может, это покажется нескромным, но я никогда не боялся ни журналистов, ни моих оппонентов, ни открытых противников. Я никогда с ними силой не воевал, потому что считал бы это своей слабостью. У меня достаточно ума, чтобы вести с ними дискуссию. Поэтому я не расстреливал парламент, я его не разгонял... Да, я часто ошибаюсь и в связи с этим извиняюсь, и вы не думайте, что на нашем государственном телевидении все сторонники президента или они задавлены до того, что захваливают Лукашенко. Ничего они не захваливают! А ■ последнее время, когда меня начали травить, то, естественно, они будут защищать своего президента! Вы покажите меня таким, какой я есть, со всеми недостатками. Страшно не люблю, когда мне поют дифирамбы!

Об оппозиции

А что касается оппозиции, то я сказал как-то западным политикам: нашу оппозицию надо лелеять, подкармливать, чтобы она не умерла, потому что любой политик будет счастлив иметь именно такую. Мне сильнее оппозиция не нужна, и я готов ее беречь, чтобы она не эмигрировала за пределы Белоруссии. Вот что самое главное для меня, и этим сказано все. Что с Лукашенко воевать? Я признаю свои ошибки, если где-то не прав. Но они же не могут ничего предложить. Они все – БЫВШИЕ! Вся так называемая „моя оппозиция".

О своем идеале политика

Де Голль, Рузвельт и отчасти Маргарет Тэтчер! Все трое реформаторы экономики, и я очень многому у них научился. Даже когда мы принимали на референдуме конституцию, очень многое взяли из конституций Франции, Германии, Соединенных Штатов и еще больше – из конституции России. Поэтому не надо россиянам кричать, что у Лукашенко тоталитарный режим, он взял почти один к одному конституцию Российской Федерации.

О своей возможной отставке

Один раз только я сказал Западу о своей отставке, когда они требовали от меня проведения досрочных парламентских выборов и возврата к ситуации до референдума. Я сказал тогда: я скорее уйду в отставку, чем предам людей, которые мне поверили и пошли за мной. Я имел в виду депутатов старого парламента. Это дало возможность стабилизировать обстановку. Это было риторически сказано. Если на меня будут давить, физически давить, я тем более не уйду. Я должен сохранить стабильность. Как раз могу сказать вот это банальное: если не я, то кто?

О собственном месте в энциклопедии через двадцать пять лет

Сухая констатация фактов. Где родился, что за время президентства сделал, какие решения принял. И все. Недавно я распорядился снять все мои портреты (пока, правда, это еще не выполнено) в кабинетах чиновников. Ну если ты меня так уважаешь, возьми обыкновенную небольшую рамочку и поставь на свой рабочий стол.

О своем коммунистическом прошлом

У меня нет ностальгии по прошлым времена. Но... я был коммунистом и свой партбилет не сжег, он лежит там, где всегда лежал. Я не скрываю, что был коммунистом. Но я в аппаратах не работал, льгот и привилегий не имел. Одна была льгота: четыре часа поспал – и на работу. Я не занимал таких постов в партии, как Назарбаев, Ельцин, Алиев, мне нечего стыдиться.

О своей реакции на критику

Вы знаете, любой выпад в адрес главы государства – это уже выпад против его государства. И я много терпел. Но иногда, говоря по-русски, надо и по морде дать.

Да, хочется часто, и возможности у меня есть, но дал по морде один раз... Понимаете... С журналистами этими... Вообще не столько журналисты виноваты, сколько их кукловоды".

„Совершенно секретно", 1997, № 9.

КОРОЛЬ ЖИВ?

„Пока правящая бюрократия строила свои планы, пока националы агитировали за границы Беларуси до Вязьмы и Вильнюса, пока некие

силы, называющие себя демократическими, суетились в поисках общественной опоры, как черт из табакерки на поверхность нашего бытия выскочил Лукашенко. И штука не только в том, что он оказался главным, официально назначенным борцом с ворами и взяточниками, что само по себе выигрышно. Штука в том, что по самой своей сути он духовно близок той немалой части общества, которую именуют могучим словом „электорат".

Прежде всего Лукашенко плебей. Хотя, как известно, и Кебич не княжеского происхождения. Но Кебич плебей, утративший доверие толпы, в то время как Лукашенко ее новая надежда. Плебейская суть натуры Лукашенко сквозит в его речах, манерах. Он говорит и даже пишет о себе в третьем лице, что является отличительным признаком галантерейно-приказчичьей этики, когда высокомерие лакея сплетается с мещанским пониманием скромности. А чего стоит его казенно-бюрократическая речь со всем обязательным канцелярским набором, включающим непременное „однозначно", что, видимо, согласно той же приказчичьей этике, является высшим признаком интеллектуализма. Точно так же, как высшим проявлением сарказма является тонкое обращение к оппоненту: „Я очень благодарен уважаемому Вячеславу Францевичу..."

Безусловно, Лукашенко должен быть благодарен Кебичу. Теледебаты произвели должное впечатление. Дикий буйвол попал в яму, подготовленную ему первобытными людьми, он тяжело ворочался в ловушке, в то время как вождь дикарей, под улюлюканье толпы, осыпал его дротиками.

А эта сардоническая улыбка, сменяющаяся хозяйским окриком в сторону непослушных... Даром что директор совхоза, а как непрост... Одним словом, личность полностью соответствовала народным представлениям об уме и таланте. Поэтому с полным основанием Лукашенко мог заявить уже после опубликования итогов первого тура: „Нищему, обездоленному народу впервые предоставилась возможность выбрать человека из своей среды. И он сказал свое слово".

Итак, „нищий и обездоленный народ" остановил свой выбор на таком же, надо полагать, нищем и обездоленном директоре совхоза (поскольку „из своей среды"). И этот новый Спартак, вождь белорусских рабов, чей облик воплощает, согласно его же образной системе, „ободранная бабка", собирается повести их в бой против номенклатурных мафиози. Но он должен знать, что наши рабы – особая порода. А вдруг кто другой намажет кусок хлеба пожирнее? Или еще чего пообещает. Тогда рабы спокойно сдадут своего предводителя. Но пока эпоха обещаний Лукашенко.

... Итак, с г-ном Лукашенко во главе вперед, к новым высотам. Всем

народом. И с обретшей нового хозяина прессой. Как все это будет называться? Этот псевдосоциалистический и номенклатурно-капиталистический колхоз при новом директоре... Не все ли равно".

Семен Букчин.
„Европейское время", июль 1994, № 7.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

„Александр Григорьевич точно уловил желание народа Беларуси к переменам, его отвращение к социальной демагогии и определенный страх перед будущим, которое при курсе, проводимом нынешним руководством республики, выглядит просто беспросветным".

Владимир Ничипорович.
„Народная газета", 25-27.VII.1994.

УДЕРЖИТ ЛИ ВЛАСТЬ ЛУКАШЕНКО?

„Сегодня закономерен вопрос: как долго сможет Лукашенко удержаться у власти? Дело в том, что продолжать политику Кебича так долго, как это делал бывший премьер, уже невозможно. Экономические резервы и терпение народа исчерпаны. Сравнительно сносный уровень жизни поддерживается за счет того, что страна живет в долг. Население связывает с „народным президентом" надежду на скорые благоприятные перемены, ожидает экономического чуда (как и было обещано накануне выборов). На самом деле кризис будет углубляться. Парадокс в том, что и проведение реформ и их отсутствие одинаково опасны для личной политической судьбы президента. Запутанный узел проблем можно разрешить сегодня только методом „шоковой терапии". Лишь это дает шанс главе государства остаться у власти на весь срок... Кравчук, избранный также огромным большинством населения президентом Украины, человек более изворотливый, со значительным опытом „сидения у власти", продержался менее трех лет.

В любом случае следует ожидать усиления авторитаризма в политической жизни страны. Опора на люмпенизированные слои общества неизбежно порождает антидемократические тенденции... Весьма эффективно использованный Лукашенко в ходе избирательной кампании миф о том, что в плохой жизни народа виновато обнаглевшее начальство, еще не раз будет использован им в ближайшем будущем. Начнутся поиски врага в лице директорского корпуса, местных

бюрократов, саботирующих мудрую политику главы государства, оппозиции, „дестабилизирующей" общество", журналистов, критикующих „народного президента".

Валерий Карбалевич.

„Европейское время", август 1994, № 8.

БЕЛОРУСЫ МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

„За кого голосовал мой знакомый – ясно, как Божий день. За Лукашенку. Лукашенко пообещал ему отобрать у богатых коттеджи, отменить „прихватизацию", наладить работу завода. Как он это сделает – не сказал. Бросил призыв. И призыва пока достаточно, люди верят.

Люди верят, как слепые – поводырю".

Анатолий Козлович.

„Народная газета", 10-12.IX.1994.

ПРЕСТИЖ ПРЕЗИДЕНТА

„А.Лукашенко начал свое популистское шоу с угроз коррупционерам и с газетного шума о собственной защите. Еще тогда подумалось, что лучший способ защиты – это нападение, причем нападение вовсе не интеллектуальное. Шумиха в прессе вокруг такого „протокольного" вопроса, как личная охрана политика, показывала, какой стилистике политической борьбы отдает преимущество новый президент. Об этом же свидетельствовало нападение под Лиозно, публичные обещания „посадить" и т.д. Лукашенко – это человек средств, а не целей.

... Сегодня нам уже известны и человеческие качества нового руководителя государства: он человек непредсказуемый, неинтеллигентный, психически закомплексованный на своих болезнях, информацию о которых утаивает от депутатов ВС".

Сергей Дубавец.

„Свабода", ноябрь 1994, № 45.

ЛУКАШЕНКО „ОТРАБАТЫВАЕТ"?

„На пресс-конференции 27 декабря Зенон Позняк вновь заявил, что избирательную кампанию Александра Лукашенко профинансировали российские спецслужбы и монополии. Теперь президент Беларуси, по мнению сп.Позняка, „отрабатывает" эти деньги".

„Свабода", 27.XII.1994.

АЛЕКСАНДР ФЕДУТА: „Я РАД, ЧТО ВО МНЕ ВИДЯТ НЕ ТОЛЬКО ЧИНОВНИКА, НО И ЧЕЛОВЕКА”

„И был единственный кандидат, о котором я точно знал, что он защитит организацию (*комсомол. – С.Б.*) в случае проигрыша на выборах, потому что у него хватило бы энергии и воли остаться в политике, – это был Лукашенко. И когда я узнал, что люди, которым я доверяю, такие, как Дмитрий Булахов, пошли в команду Лукашенко, я понял: да, я сделал свой выбор.

Мы обсудили этот вопрос на бюро, и бюро ЦК приняло решение: юридически организация не может ввязываться в это дело, ни один политический документ принять не можем, но чем можем, тем поможем. А чем мы могли помочь? Лукашенко выгоняли отовсюду, он был изгоем, и тогда я пришел и предложил: давайте хотя бы на первое время к нам, мы дадим вам штаб-квартиру.

И Александр Григорьевич проводил у нас встречи, переговоры. Я размножал памятки для сборщиков подписей, дежурил на телефонах... Для меня было принципиально важно „выбить” эту старую обойму зажравшихся людей...

Что у меня общего с Лукашенко? Я предпочитаю действовать с открытым забралом. Вот это и есть общее у нас”.

„Народная газета”, 15.IX.1994.

Пройдет менее полугода и Александр Федута, бывший секретарь ЦК ЛКСМБ, оказавший Лукашенко столько услуг и получивший за это престижный пост начальника общественно-информационного управления в администрации президента, вынужден будет оставить свою должность. „Открытое забрало” Лукашенко оказалось, видимо, чересчур открытым – нужно было совместно давить свободу слова, и на это Федуты не хватило. Впрочем, попозже он сам объяснит свою „ошибку”.

ОШИБКА

„Александр Григорьевич Лукашенко – личность, в самом деле, неординарная. У него сильная воля, быстрая реакция, великолепная интуиция. Он способен принять самое нетривиальное решение – в то же время самое простое. Он, бесспорно, самый выдающийся из белорусских ораторов: любая ложь в его устах звучит для непосвященного как истина в последней инстанции. Я помню его предвыборную

поездку в Гомель, куда мне довелось сопровождать его. Тогда он не был президентом, а был всего лишь председателем временной – недораспущенной Верховным Советом – антикоррупционной комиссии. Но я видел, какое впечатление производила на людей его речь. Когда он закончил свое двухчасовое выступление на крытом стадионе, он сел за стол, вытер вспотевший лоб... И вдруг с трибун стадиона буквально *потекла* толпа – *к нему*! Ему протягивали детей, чтобы он прикоснулся к ним, книги, деньги, паспорта, чтобы он оставил на них свою подпись. А он оставался спокоен...

Что же произошло? Почему Александр Лукашенко не захотел опереться *на весь народ* и предпочел делить его на чужих и своих? Почему ему так пришлась не по вкусу идея гражданского мира? Почему он начал зачислять всех подряд – прессу, партии и профсоюзы, интеллигенцию и депутатов, послов и генералов – в лагерь своих личных врагов?

Потому что он понял *главное*... Он понял, что *не способен управлять государством*, а потому может потерять власть так же легко, как получил ее.

Что есть процесс управления? Это процесс принятия решения, анализа его исполнения и ответственности за него. И если первое – принимать решение – Александр Григорьевич может, умеет и любит, то второе и третье, рефлексия и ответственность, ему не по нутру. Потому что ответственность влечет за собой самоограничение принимающего решение лица. А это, с точки зрения президента, есть *умаление власти*. Поэтому он так не любит законы, не любит Конституционный суд и Верховный Совет, не терпит чужого мнения. Попытка исправить его означает бестактное указание на недостаточную компетентность, а ведь *отец народа* не может ошибаться.

...Он начнет одного за другим сдавать местных вертикальщиков под гром и улюлюканье толпы... Но когда падет созданная самим президентом вертикаль исполнительной власти, падет и он. Ибо тогда вместо четко очерченной системы управления настанет анархия, а во главе анархического государства может стоять лишь абсолютный анархист-отрицатель. И имя ему будет на этот раз Зенон Позняк. Чем дольше будет править Лукашенко, тем больше шансов у Позняка. Так на смену псевдо-Наполеону Керенскому и Наполеону Корнилову в 1917 году пришел Ленин. Так на смену Эберту и Гинденбургу пришел Гитлер. Правда, у нас, похоже, Гитлер *уже пришел*...

Лукашенко боится завтрашнего дня... Посмотрите на его нынешнее окружение... Все они передвигаются по Минску в автомобилях с затемненными окнами и боятся. Заговоров. Импичмента. Возмездия. И уж точно – *неизбрания*...

Человек, живущий в состоянии страха, не способен управлять государством в силу развивающегося у него маниакально-депрессивного психоза. Или паранойи. Если их нет, то они вполне могут развиться уже в ближайшее время. И здесь нужен не полулегендарный педиатр (по-моему, у лечащего врача президента все-таки другая специализация), а *психиатр*".

Александр Федута.
„Народная воля", октябрь 1996, № 93.

СМОТРИ, КТО ПРИШЕЛ...

„Демократическая общественность России не на шутку взволнована: президентом одной из стран СНГ, а точнее Белоруссии, стал порядочный человек. Есть ли сегодня что-либо невыносимее для нечистой совести трубадуров нашего воровского режима! Так и слышится: „Как так – не берет? Это что еще за белая ворона среди нас? Не может – научим, не хочет – заставим! (Боюсь, в конце концов, заставят-таки, мерзавцы! – **Авт**.). Треть зарплаты в казну сдает? Ишь ты, чего удумал, козел совхозный, альтруист, понимаешь, хренов, мы тебе за эти фокусы такую козу сосватаем, до гробовой доски заикаться будешь! С Россией объединяться намылился? В „империю зла" нас опять затягиваешь, зебра красно-коричневая? Ты у нас по такому случаю собственной кровью захлебнешься и кровавыми слезами умоешься, заединщик недорезанный! Ату его!"

И пошли скрипеть продажные перья и завывать сервильные теле- и радиосирены: „популист", „демагог", „белорусский Жириновский"! Причем весь этот ядовито-вонючий букет инвектив адресуется белорусскому президенту с позиций оскорбленной невинности.

...Хочу закончить прямым обращением к А.Лукашенко:

– Дорогой Александр Григорьевич, мне нетрудно догадаться, как тяжело, как одиноко вам в вашем теперешнем положении: казна пуста, страна разрушена, сопредельный мир враждебен. Старо-новая номенклатура в союзе с оголтелыми шовинистами делает все от нее зависящее, чтобы задушить ■ своей смертоносной паутине всякую вашу инициативу или начинание. Но злобный лай многочисленных врагов – лучшее подтверждение вашей правоты. Ругань – неизменный спутник незамутненной чести. Главное, чтобы вы не сдались, не сломались, не опустили руки. Господь не оставит вас! Пусть согревает вас на вашей разреженной высоте духовная и душевная поддержка миллионов людей на всем пространстве бывшего СССР и не только на нем, связывающих с вашим именем, с вашей позицией, с вашей порядочностью свои

надежды на лучшее будущее. Я – один из этих миллионов, и вот вам моя рука.

Ваш *Владимир Максимов.*
г. Париж".
„Правда", 28.IX.1994.

Старый писатель, диссидент, эмигрант, человек сложнейшей судьбы, редактор журнала „Континент" Владимир Максимов в последние годы жизни переживал глубочайшую драму в связи с тем, что все в Советском Союзе, в России „пошло не так", что у демократии здешней оказалась жуткая, нечеловеческая изнанка. Он стал постоянным автором „Правды", острейшим критиком ельцинских порядков. И вот из Парижа ему показалось, что в Беларуси к власти пришел порядочный человек... Он очень этого хотел, чтобы пришел кто-то из порядочных. Настолько сильно, что зрение стало подводить... „Белорусская ошибка" Максимова – составная часть его драмы, в итоге сведшей писателя в могилу.

СКАНДАЛЬНЫЙ ДОКЛАД ДЕПУТАТА СЕРГЕЯ АНТОНЧИКА

КОМАНДА ЛУКАШЕНКО ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ

„Депутат Сергей Антончик заявил корреспонденту „Свабоды", что после его доклада о коррупции, сделанном в Верховном Совете, президентская команда „начала лихорадочно заметать следы". „В частности мне стало известно, что теперь они уничтожают соответствующие документы и подменяют их фиктивными бумагами, – сказал С.Антончик. – Именно поэтому они и запрещают публиковать мой доклад. Эти две недели нужны им для того, чтобы сфальсифицировать так называемое заключение правоохранительных органов относительно тех фактов, которые я обнародовал. Они хотят все поднести так, будто бы никакой коррупции не было".

Корреспонденту „Свабоды" из надежных источников сообщили, что именно шеф президентской администрации Леонид Синицын запретил Дому печати выпускать в свет доклад С.Антончика. Однако не вызывает сомнения, что свое согласие на запрет дал Александр Лукашенко, без президентской санкции подобные скандальные шаги не предпринимаются.

... Тот факт, что официальные газеты вышли с „белыми пятнами" можно оценивать по-разному. С одной стороны, можно поблагодарить Лукашенко за такой рождественский подарок демократам, поскольку очевидно, что эти газетные „белые пятна" отражаются громадным черным пятном на облике нынешнего режима. Однако посмотрим на этот факт с другой стороны. Пойдя на такое нахальное и грубое нарушение гарантированной белорусской Конституцией свободы слова, режим Лукашенко засвидетельствовал тем самым, что он не остановится ни перед чем, что он готов делать все что угодно, не обращая внимания ни на законы, ни на то, каким будет резонанс в Беларуси и на Западе... Очевидно, что главной его опорой будут КГБ, милиция и внутренние войска.

... Доклад Антончика запрещают публиковать именно потому, что после знакомства с этим материалом очень многие обманутые люди, которые голосовали за „главного борца с коррупцией", поймут, кого они привели к власти".

Петр Панкратович.

СТРАНОЙ РУКОВОДЯТ МАФИОЗНЫЕ КЛАНЫ

Из доклада депутата Сергея Антончика на сессии Верховного Совета Беларуси 20 декабря 1994 г.

„В конце концов, простого труженика интересует ответ на простой вопрос: „Почему всего через несколько месяцев президентства Лукашенко так резко ухудшилась наша жизнь?"

Нам удалось найти простой ответ на вопрос. Он – в результатах нашего расследования.

Беларусью сегодня руководят несколько мафиозных кланов: аграрный, промышленный, чернобыльский, торгово-внешнеэкономический.

Во время своего формирования кланы создали и свои коммерческие банки. Используя систему номенклатуры, мафия вела и ведет постоянно борьбу между собой за влияние на правительство, центральный банк, местную власть, президента... Основой существования и источником обогащения мафии стали искусственно поддерживаемая инфляция и клиринг.

Архитекторы преступного механизма инфляции сейчас на самых высоких государственных постах, и это не случайно.

... Кебич начал разорять Беларусь, а эти добьют ее окончательно.

И особенную роль в этом Лукашенко отводит, по-видимому, Титенкову – управляющему делами президента. Несмотря на скромность должности Титенкова, он фактически – ключевая фигура в команде Лукашенко, его серый кардинал, его спонсор, его доверенное лицо, но, как мне кажется, и его политический могильщик... Титенков знает, что предвыборную кампанию Лукашенко финансировали не только белорусские, но и российские фирмы. Естественно, они деньгами просто так не швыряются. Сейчас уже требуют „отдачи" в виде собственности, выгодных контрактов и так далее...

Но всю мою группу шокировал секретный указ президента № 233 от 3 декабря 1994 г. Этим указом Лукашенко как бы заявил: я тоже хочу заниматься коррупцией. Нарушая все законы, он распорядился предусмотреть в экономической программе правительства на 1995 г. выделение управлению делами президента средств на сумму 14 млн.

долларов – на строительство все того же коммерческого центра на проспекте Машерова. Причем поручил министерству по руководству государственным имуществом иметь дело только с теми фирмами, на которые укажет Титенков. И бюджетные деньги – вклад в акционерное общество с этими фирмами.

... Необходимо понять, что сегодня недостаточно уже быть только искренним. Сегодня необходимы интеллект и культура., прагматизм и мудрость, уважение и терпимость. Я прошу вас, уважаемый господин президент, не пользуйтесь без необходимости словом „честность". Честность – это не только время от времени говорить правду. Это в первую очередь – признавать свою неспособность. Это умение вовремя уйти, не ожидая народных бунтов. Честность – способность признать, что шесть месяцев, связанные с формированием президентской команды, это преступление против своего народа. Каждый день без реформ отбрасывает Беларусь на целую вечность назад. Честность – это не выставление своего *Я* с маниакальной претензией на владение абсолютной истиной. Это умение признать, что есть более умные, чем ты.

... Если быть до конца правдивым, то я должен сказать вам: подумайте, может, вам есть смысл уйти. За стенами этого зала лежит замордованная, ограбленная, многострадальная Беларусь. Она уже просто не выдержит дилетантства и предательства на высоких государственных должностях и депутатских креслах".

„Свабода", 27.XII. 1994, № 49.

В этом же номере „Свабоды" была начата публикация сатирической поэмы „Лука Мудищев – президент". Автором, по уверению редакции, является „Ведзьмак Лысагорский – классик белорусской литературы". Есть в ней такие строки:

Гані людзей у свой фарватар
І разьдзімай, як Сталін, вус,
Галоўны наш русіфікатар,
Галоўны антыбеларус.

Публикация эта по-своему обозначила курс на абсолютное неприятие личности Лукашенко со стороны национальной независимой прессы. По сути „первому и всенародно избранному" была объявлена война. Он так и понял это, открыв свой поход против „Свабоды", который закончился закрытием газеты в 1997 году.

1995 – 1996

ЛУКАШЕНКО ВЫЯСНЯЕТ СВОИ ОТНОШЕНИЯ С ПРЕССОЙ

РАЗГОВОР О СВОБОДЕ СМИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА И „ФЕМИДЫ"

„Ф: – *Александр Григорьевич, а кто будет решать, говорим мы правду или неправду в газетах – вы или суд?*

П: – Что касается СМИ государственных, я, как собственник, имею право принять решение.

Ф: – *А что касается независимой прессы?*

П: – От кого независимой?

Ф: – *Независимой от вас.*

П: – Что значит – „независимая газета"? Да, от бюджета вы свободны. Но не забывайте, что я глава государства. Я вам назвал статьи Конституции, где вы от меня и я от вас зависимы. В этом мире нет ничего независимого.

Ф: – *Но нам запретили печатать доклад Антончика.*

П: – Пожалуйста, печатайте. Только не в типографии государственной можно обливать ложью государственных людей... Я цензуру в Беларуси не вводил и вводить не намерен. А если газеты государственные и хотя они сегодня не жируют, но прилично кормятся из государственного бюджета, то я, как глава государства, исполнительной власти или же учредитель этих газет, в соответствии со статьями Конституции буду действовать... И глава государства – это не футбольный мяч, который можно пинать, как кому-то заблагорассудится... Хотите сказать, что вы четвертая власть? Я не возражаю. Но не первая".

„Фемида", 2.I.1995.

ЗА СКАНДАЛОМ – СКАНДАЛ

„Череда скандалов в белорусской республиканской прессе продолжается. Последний – отказ руководства Белорусского Дома печати заключить договор на дальнейшее печатание газеты „Свабода" и ряда других изданий. Основание такое – перегрузка полиграфических мощностей.

...Журналисты этих изданий считают, что они стали объектом своеобразного давления со стороны властей за то, что профессионально исполняют свои обязанности – информируют читателя о ситуации в республике... Отказали, безусловно, не без „рекомендаций" сверху".

Олег Груздилович.
„Народная газета", 5.I.1995.

НА ПОРОГЕ ДИКТАТУРЫ

„Проявила себя и неспособность исполнительной власти добиться пропагандистского обеспечения своей политики при очевидной монополии на радио, телевидение, жестком контроле над четырьмя центральными, множеством местных газет. Как следствие – введение цензуры... По своему мировоззрению Лукашенко – типичный советский чиновник, для которого демократические свободы есть вопрос средств, тактики. Поэтому Лукашенко в ходе избирательной кампании ратовал за свободу СМИ, а сразу же после избрания заявил, что пресса свободна лишь при условии, что она будет занимать „конструктивную позицию". Выступая в Гомеле на сессии областного Совета, президент с явным неудовольствием отметил, что СМИ стали „неуправляемыми". А вот районные и областные СМИ (которые в абсолютном большинстве являются органами местных советов) играют „конструктивную роль", поэтому их нужно поддерживать.

... Последние события явственно показали, что режим Лукашенко движется ■ сторону авторитаризма. „Настало время жесткой политики, ибо президент должен быть не размазней, а руководителем государства", – сказал Лукашенко на встрече с представителями молодежных организаций 26 декабря. Это проявляется прежде всего в дальнейшем усилении контроля над СМИ. На той же встрече президент заявил, что с сегодняшнего дня „мы будем вмешиваться в работу средств массовой информации более активно".

Валерий Карбалевич.
„Европейское время", январь 1995, № 1.

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО: „МЕНЯ ОБЛОЖИЛИ, КАК ВОЛКА"

Из интервью после возвращения из поездки в Китай

„– *Надеюсь, вы не берете за идеал китайские отношения власти с прессой?*

– Я не приемлю непорядочности. Более старшие и опытные политики советуют мне: „Прессу надо купить", Я не имею в виду напрямую „отстегнуть из кармана", но кому-то дать квартиру, кому-то повысить зарплату, кого-то приблизить. Я отвечаю: „Нет". Пусть я потеряю свою должность, но никогда не стану поступать непорядочно. Я был удивлен, когда за выход белых полос в газетах Джордж Сорос назвал меня чуть ли не осколком тоталитарной системы. Во время переговоров я пытался объяснить ему, что открыт для сотрудничества и принес извинения за действия предыдущего правительства. Но при этом Фонд Сороса не должен финансировать оппозиционный Белорусский народный фронт, считая их истинными демократами. Благотворительность Сороса вовсе не бескорыстна. Пользуясь скудностью нашей жизни, он вытягивает суперсовременную информацию о научно-технических достижениях Беларуси. Сорос не филантроп, и в Беларуси и в России он делает деньги. Я убеждаюсь, что в этом мире порядочно вести дела нельзя".

Лариса Саенко.

„Московские новости", 1.II.1995.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ

„Господин президент, как объяснить вам, что Беларусь – это не только 57 процентов избирателей, отдавших за вас свои голоса, это не только люди, жаждущие объединения с Россией и ненавидящие белорусский язык, герб и флаг. В конце концов, это не только ваша родная Могилевщина, так дружно поддержавшая вас на выборах... Есть еще и мы – западные белорусы, у которых несколько иная историческая память, иные взгляды на наше прошлое и будущее. Есть внуки тех людей, чья жизнь делится на два периода: польский и советский и которые до сих пор помнят границы своей собственной земли, отобранной коммунистами...

Мой прадед встречал Красную Армию хлебом-солью, думая, что советские хозяева будут лучше польских. Горький опыт излечивает от заблуждений, а его уроки никто не вытравит из моего сердца.

За полвека Советская власть сделала меня умнее и многому научила. И я знаю то, чего, может быть, не знаете вы: только мы, граждане Рес-

публики Беларусь, должны быть хозяевами на нашей белорусской земле... Я никогда не смирюсь, если моя Беларусь станет частью любого другого государства, потеряет независимость и свободу. Я терплю и буду терпеть сколько нужно и какие угодно лишения, работать не покладая рук, без сна и отдыха, но лишь когда буду уверен в счастливом будущем своей Родины – Беларуси, а, значит, и моих потомков. В противном случае вы, господин президент, можете подписывать договора, проводить референдумы, нарушать Конституцию, делать все, что приведет к исчезновению Беларуси (вначале как государства, а потом как нации), мне остается только одно – бороться. Я есть, и вам, в случае таких действий, придется перешагнуть не только через горький плач нашей интеллигенции и отчаянные крики оппозиции. Вам придется перешагнуть и через мою кровь. Через кровь сотен тысяч, миллионов таких, как я. Как объяснить вам, господин президент, что идя на поводу у тех, кто живет с имперскими замашками, кто спит и видит присоединение Беларуси к России, можно легко толкнуть всех нас в пропасть гражданской войны?"

Здислав Вальнерович, 29 лет.
Гродненская область.
„Народная газета", 10.III.1995.

Лукашенко принял вызов. Он знал, что все эти слова о „крови сотен тысяч и миллионов", через которые „придется перешагнуть", – не более чем высокопарная трепотня. Но ему важно было сразу же показать, кто хозяин в стране. А, кроме того, нашелся повод снять с работы „позволявшего себе" редактора. И хотя „Народная газета" была органом Верховного Совета, это обстоятельство не помешало появиться на свет президентскому указу № 113 от 17 марта 1995 г., в котором говорилось: „За публикацию материала под рубрикой „Письмо президенту" неустановленного автора в „Народной газете" за 10 марта 1995 г., который призывает к насилию и гражданскому противостоянию, освободить от должности главного редактора этой газеты Середича Иосифа Павловича".

Вскоре полетят со своих постов и другие редакторы государственных газет – „Советской Белоруссии", „Рэспублікі"... Естественно, усилится нажим на независимую прессу. Будет принят драконовский закон о печати.

ДА, ЖИВ ДАНТЕС!

„Крестовый поход" на СМИ начался после запрета на публикацию доклада Сергея Антончика о коррупции в высших эшелонах власти,

который закончился скандальными „белыми пятнами" в белорусских газетах. Наверное, можно усомниться в искренности устремлений Сергея Антончика – антикоррупционная карта давно стала козырной в руках политиков постсоциалистического пространства. Но дело даже не в этом, а в том, что с приходом к власти новой команды кривая демократии в республике пошла на спад... Сначала „кадровый цунами", сметая на своем пути в том числе и истинных профессионалов, прошелся по коридорам Белорусского телевидения и радио. Затем с милицией (но без санкции прокурора, суда и следствия) из собственного кабинета был выдворен редактор „Советской Белоруссии". Не лучше обошлись и с главным редактором „Народной газеты". В разное время „по взаимному согласию" оставили посты редакторы „Республики" и „Знамени юности". Обвинения, выдвинутые против них, были самыми чудовищными, но судебных решений читатели не дождались и по сей день... после чистки государственных СМИ началась травля независимых..."

Владимир Ефанов.
„Народная воля", 1995, № 34.

ПРЕЗИДЕНТ „ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ" ПО ВСЕМ ПОЗИЦИЯМ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ СОВЕЩАНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБЛАСТНЫХ, ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ 21 НОЯБРЯ 1995 ГОДА

„Если националистическая суполка „спадароў" установит свою диктатуру, для многих из вас и ваших семей сразу же встанет вопрос о личной безопасности. Главная же задача националистической диктатуры – утвердить власть криминального капитала и уголовной мафии, чтобы окончательно разграбить и вывезти в чужие банки народное достояние. Недаром для них идеалом является недалекое приморское государство, где треть валового национального продукта обеспечивается за счет контрабанды оружием и наркотиками, еще одна треть – за счет контрабанды цветных металлов и только треть – за счет собственного производства.

... У меня крепкие нервы. Не выйдет, господа. В пламени агрессивной болтовни и обещаний, которые вы раздуваете, сгорят, прежде всего, ваши амбиции и притязания на антинациональную и антинародную диктатуру, но и вы, руководители исполнительной власти на местах, не должны сидеть сложа руки. Вы обязаны, опираясь на конституционные нормы, в каждой области, в каждом районе положить конец разгулу экстремистских и мафиозных элементов, под какими бы перевернутыми лозунгами они ни выступали".

„МНЕ НЕ НУЖНА АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ..."

Из выступления на встрече с журналистами

„Во время пребывания в США в разговоре с Биллом Клинтоном я пошутил: мне бы ваши заботы. Он сначала удивился, потом долго смеялся. Я объяснил: вы занимаетесь приватизацией, ценами? Нет. Вот

это я и имел в виду, когда говорил, мне бы ваши заботы. Я часто вынужден заниматься тем, чем не должен, делаю поручения, чтобы силой власти и авторитета исправить положение. Но мне хотелось бы, чтобы каждый занимался своим делом, в том числе президент. Мне не нужна абсолютная власть, я предпочел бы работать ■ рамках Конституции. Но общество и ситуация таковы, каковы есть. И действовать приходится в этих рамках. Приходится помнить, что люди смотрят на президента и исходят из того, что никто, кроме него, конкретную проблему не решит".

„Народная газета", 1.XII.1995.

БЕЛАРУСЬ, ГОД ЛУКАШЕНКО

Из монолога перед корреспондентами газеты „Известия"

„Вы еще учтите менталитет нашего человека, привыкшего верить ■ батюшку-царя. Я далек от того, чтобы быть царем, упаси господь. Но вы согласитесь, что от этого не отречься, особенно у нас, в Беларуси...

К президенту Беларуси прошу не подходить с обычными мерками. Для меня высшая ценность – служение своему народу. Не надо спрашивать, где будут деньги – ■ Управлении делами или ■ бюджете. Для меня принципиально важно, что красть у меня нельзя.

...Кто-то пытается сказать, что мы сейчас объединим два государства, в кресло президента Лукашенко сядет Ельцин, некоторые уже говорят и наоборот, что Лукашенко метит ■ московское кресло. А это вообще чудовищно, с точки зрения законодательства это сегодня нереально. И дай бог мне справиться с родной Беларусью. Я не претендую ни на какие посты и ни на какие кресла. Согласитесь, что достаточно этого куска, чтоб его проглотить. Я еще его не проглотил. Дай бог, за пять лет хоть как-то прожевать, образно говоря.

... Кстати, иногда я выступаю на белорусской мове. Но я по-русски разговариваю лучше, чем по-белорусски, – чего я буду ломать?.. Русский язык – это тоже наше. И русские писатели – тоже наши... Русский язык – великий язык, и глуп будет тот, кто оторвет свой народ от этого языка. Русский язык не нуждается в поддержке в Беларуси, белорусский – нуждается. И он получит эту поддержку. Вы слышите – получит! Но силового решения здесь не существует, поскольку это легко могло превратиться в поле брани".

Из комментария журналистов

„Только одна вышла осечка: необъятная власть досталась не тому, для кого ее кроили. И вот нынешний президент прилагает титанические усилия для того, чтобы буквально соответствовать своему предназна-

чению, как он его понимает. Известно, что даже экзамены в вузы он решил контролировать сам, чтобы не было злоупотреблений, сам и темы сочинений диктовал. Но все дело в том, что даже в маленькой стране (а Беларусь не такая уж маленькая) глава государства не может все делать сам. Правда, он может найти видимое облегчение в том, чтобы нейтрализовать демократические противовесы. Но тогда он неизбежно попадает в зависимость – ему, может быть, и незаметную – от своего собственного аппарата. Может быть, мы присутствуем при начале этого процесса?"

Отто Лацис, Александр Старикевич.
„Известия", 29.VIII.1995.

КРЕСТНЫЙ ХОД С ОМОНОВЦАМИ

„Ориентация в своей политике исключительно на Москву определила и его явную склонность именно к православной церкви, которая у нас, как известно, принадлежит к Московскому патриархату... Достаточно напомнить следующие слова Лукашенко: „Из 26 конфессий православие по праву занимает в Беларуси ведущее положение. И как глава государства, я все время ощущаю поддержку православия в своей деятельности. Славянские народы должны объединяться, стремиться к единению на основе православия".

Известно, однако, что далеко не все славяне – православные..."

Сергей Островцов.
„Свабода", 31.V.1996.

14 мая 1995 года был проведен референдум, в результате которого Беларусь вернулась к почти советской символике – флагу и гербу, было официально введено двуязычие, народ добровольно отказался контролировать бюджет и вручил свою судьбу не просто президенту, а самодержцу с неограниченными правами. В знак протеста против референдума группа депутатов Верховного Совета объявила голодовку, отказавшись покинуть Дом правительства. Их выволокли силой, избив при этом. Спустя четыре года об этих событиях вспоминал бывший старший следователь прокуратуры Язэп Бролишс.

ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД БЕЛОРУСЫ ШАГНУЛИ В ПРОШЛОЕ

Из интервью с Я.Бролишсом

„С профессиональной точки зрения надо было сразу зафиксировать телесные повреждения не только у тех депутатов, которых выбросили,

но и у противоположной стороны. Конечно, я обратился к депутатам, которых выдворили или, как писала в отчетах другая сторона, „эвакуировали" (потому что бомба якобы в здании была). Освидетельствовали их всех в судебно-медицинской экспертизе, зафиксировали наличие повреждений...

Мы работали-работали и никак не могли выйти на тех людей, которые на самом деле присутствовали ■ зале и принимали участие в выдворении группы депутатов. Но потом все-таки получили такую информацию – официальную, не сплетни, – что в выдворении депутатов принимали участие люди из внутренних войск. Тогдашний главнокомандующий Аголец (позже он стал министром внутренних дел) официально все это подтвердил. Мы их допросили, Конечно, они отрицали, что избивали кого-то, говорили, что выводили под руки. Но одно дело – под руки вести, другое дело – бить дубинками по ребрам, по лицу. Провести какое-либо опознание со стороны депутатов в отношении людей, которые участвовали ■ „эвакуации", было невозможно. Потому что были в камуфляже и масках – лиц не видно, одни затылки и те в касках. То есть опознать никого нельзя...

По делу было установлено, что два эксперта-криминалиста из подразделений МВД снимали все происходившее на видеопленку. Они это подтвердили и сообщили, что пленка отдана представителю администрации президента. Мы официально обратились туда с запросом. Сначала получали уклончивые ответы, но, в конце концов, нам выдали пленку – уже на студийной кассете. Запись оказалась ■ виде смонтированных эпизодов и только до того момента, когда приступили к выдворению депутатов. На все попытки добыть оригиналы кассет мы получали недвусмысленный ответ: нет, все, что было, уже отдано... Если бы я видел пленку, так мы бы ■ суд пошли с делом. Но поскольку пленки нет, некоторые группы (можно так назвать), которые участвовали в выдворении, не были установлены. Хотя, конечно, неофициальные сведения мы получили.

В прокуратуре республики тогда, по крайней мере в некоторой степени, защищали законность и порядок. А где-то наверху, видимо, считали, что мы должны тут же схватить этих оппозиционных депутатов и посадить в тюрьму, обвинив их в том, что они причинили друг другу эти повреждения и избили милиционеров".

„Белорусская деловая газета", 12.V.1999.

ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА

„Я ХОЧУ, ЧТОБЫ СУДЬБА БЕЛОРУСОВ НЕ БЫЛА ПОХОЖА НА СУДЬБУ ВЫМЕРШИХ МАЙЯ...”

„Зомбированный народ проголосовал за государственность русского языка, новые флаг и герб... Страшная, горькая мысль приходит в голову: если нация такая слепая и глухая, то она и не достойна лучшей судьбы... По-моему, многие из нас – потомки той самой кухарки, которая, по выражению Ленина, должна руководить государством... Сегодня депутатов, к большому сожалению, выбирают бомжи...”

Виктор Дашук,
кинорежиссер, народный артист БССР.
„Народная газета”, 13.VI.1995.

ФЕНОМЕН НАЦИИ

„После референдума один давний спорщик со мной заметил: „Ну что, националисты, теперь вы должны считаться с мнением нации. Против истории не попрешь!” Но с мнением нации обязаны считаться не только националисты, но и все остальные, особенно руководство страны, которое до плебисцита склонно было полагать, что ни мнения нации, ни самой нации как таковой у нас нет.

Из результатов референдума каждый сделал свой вывод. Официальные газеты печатали сообщения об „убедительной победе президента”, правда, не сообщали при этом – кого он победил и зачем. Оппозиция, в глубине души приняв поражение на свой счет, заявила о моральной победе и незаконности плебисцита, но сделала это без особого энтузиазма, словно ощущая, что в иных условиях результаты мало отличались бы от нынешних. Послышались голоса, твердившие

о несознательности „тугодумного" народа, растерянности демократических сил, закате очередного национального возрождения...

Такая разница в оценках и выводах объясняется, по-моему, тем, что референдум, задуманный как фактор в борьбе политических сил, дал результат совсем в другой плоскости. Его субъектом выступил не президент и не оппозиция, а народ. Может быть, впервые за всю свою историю наша нация, которая до этого рассматривалась и оценивалась априорно и „на глаз", проявилась в реальности. Не хорошая и не плохая, а такая, какая есть, со всеми своими особенностями.

Дело в том, что если для поддержки А.Лукашенко требовалось только слушать, что тебе говорит начальство, то „против" можно было отвечать только сознательно и самостоятельно принимая решение, нужно было совершить поступок и иметь хотя бы немного гражданского мужества, чтобы посреди всей этой односторонней, устрашающей пропаганды сказать „нет". Именно сознательность и самостоятельность мыслей и поступков выделяют нацию среди населения. Против президентских предложений высказался один миллион человек.

Причем миллион – как минимум. Потому что сколько народа принципиально отказалось участвовать ■ референдуме, сколько не разобралось в вопросах – мы не знаем. Да и среди тех, кто по традиции поддержал власть, сознательных и принципиальных врагов независимости и белорусскости немного.

Президент не победил ■ том смысле, в каком он ранее „победил" белорусскую прессу или оппозицию в Верховном Совете. Президент уперся ■ народ. Он проверял толпу – свою знакомую, темную, бесконечно запуганную начальством толпу, а уперся в народ. Миллион людей сознательно высказался за независимость и белорусскость.

... Откуда этот миллион взялся? От первых демократических преобразований, от ощущения собственной крови и связи с этой землей, от примера других стран... Наверное, значительна здесь роль и национального движения, особенно в его начале. Потому что поддержать оппозицию ■ ВС, когда ее выгоняли омоновцы, миллион не пришел.

Это, кстати, серьезный симптом отставания национальных лидеров от нации. Иногда кажется, что лидеры просто не видят этой нации. Чего стоят упреки народу, что он, мол, недоразвитый и глупый, потому что поддержал Лукашенко! Если на то пошло, народ оправдал самые невероятные расчеты и показал, что он есть. До этого возрожденцы имели дело преимущественно с идеалами.

Теперь в Беларуси есть миллион. И этот миллион имеет полное право на то, чтобы его поняли.

Дело в том, что этот миллион – русскоязычный. Своих детей эти люди видят активными участниками белорусизации, необходимость

которой ставят на первое место после независимости. Этот миллион лоялен к русскому языку... Лозунг белорусского языка не может быть у нас приоритетом номер один, так же как и лозунг одной конфессии. Что же делать?

...Историк Л.Валович замечает, что приоритет культурно-языкового возрождения может привести к этническому расколу белорусского народа на русскоязычных белорусов и белорусскоязычных белорусов. Он предлагает на первый план ставить десоветизацию, тесно связывая ее с патриотическими идеями. В качестве консолидатора нации он предлагает идею не культурно-языковой общности, а идею общности исторической судьбы при активной смене существующих исторических стереотипов... Исследователь предлагает делать акцент не на белорусскоязычных школе, прессе, культуре, а на качественно лучших русскоязычных школе, прессе, культуре. Строить прежде всего не подчеркнуто национальную, а удобную для людей страну, в которой белорусизация неизбежно будет желанной...

Если национальное возрождение встанет на эти пути, оно преобразуется в общенациональное и не породит себе какое-либо сопротивление".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 1.VII.1995.

ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА

„По результатам референдума, который состоялся 14 мая 1995 года, в нашей стране стали два государственных языка – белорусский и русский... Объявление белорусского ■ 1990 г. государственным языком не дало желаемых результатов, потому что государственное чиновничество, которое обязано было овладеть белорусским языком в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей, в преобладающем большинстве не только не приняло к исполнению Закон „О языках в Республике Беларусь", но и отдало на откуп общественным организациям его реализацию. Безусловно, наиболее активными из них стали те, что придерживались крайних взглядов в языковой политике, ставили цель быстрейшего достижения полного охвата белорусским языком всех сфер человеческой деятельности. При пассивности государственных органов управления исполнение закона пошло со значительными перегибами, что вызвало неудовольствие значительной части населения.

... Складывается впечатление, что в языковой политике сейчас господствуют те общественные организации, которые считают

белорусский язык ненужным либо несуществующим, что вызывает неудовольствие части населения, большинства национальной интеллигенции и постоянно порождает нестабильность на языковой почве.

Кажется, совсем неоправданно, в спешке, было принято решение о свободном выборе языка обучения в школах... При наличии двух государственных языков разрешение родителям выбирать язык обучения означает потерю позиций белорусского языка в школе... При соответствующих связях с Россией русский язык может быть важнейшим источником информации и культуры не только братского русского народа, но и других народов ближнего и дальнего зарубежья. Безусловно, русский язык остается одним из важнейших средств связи с внешним миром.

Белорусский язык постепенно, но неуклонно должен занимать господствующее положение в сфере государственного управления и строительства, общественной жизни, политики, права, образования и национальной культуры. Это как раз те сферы, где ■ наибольшей степени проявляется национальная специфика ■ связи с самостоятельной жизнью государства".

Академик *А.Подлужный.*
„Звязда", 26.IX.1995.

„СЧАСТЬЕ ТАК ПРОСТО НЕ ПРИХОДИТ... ЗА НЕГО НУЖНО БОРОТЬСЯ"

„Это не местный феномен. Можно даже сказать, что в этом смысле Лукашенко мудрый как змея. Он предвидел и предвидит то, о чем демократы еще только начинают догадываться. Прежде всего, естественно, он думает о власти. А власть он может сохранить только ■ том случае, если здесь не будет социального взрыва. Потому что смести его власть может только социальный взрыв большой силы. Это может произойти в условиях, когда народ будет доведен до крайней границы выживания, когда уже нечего будет есть. Поэтому, чтобы этого не случилось, ему необходимо как можно скорее интегрироваться в большую империю и тем самым обеспечить гарантию, алиби на будущее. И что бы затем ни случилось, Лукашенко не будет виновен. Если даже случится самое плохое, то весь гнев будет направлен на Москву. Москва будет виновата... Кроме этого, он еще прекрасно понимает, чем закончится нынешнее экономическое развитие России. Он знает, что она рано или поздно вернется в свое прежнее состояние имперской экономики – крайне милитаризованной, и в таком случае белорусская экономика отлично займет свое прежнее место...

Чтобы понять наше общество, нужно всегда иметь в виду одну вещь, которую обычно выпускают из-под внимания. Как будто сговорились все и никто о ней ничего нигде не говорит и не пишет... Все дело в заангажированности не только коммунистической идеологией, но еще и в КГБ. КГБ проник во все слои нашего общества, и нужно иметь в виду, что люди, находящиеся под его влиянием, в лучшем случае как бы исключены из общественной жизни; они, так сказать, политически навсегда кастрированы; а в худшем случае – заангажированы так, что пути назад нет, потому что всякая демократия для них – гибель, поскольку демократия на своих знаменах всегда несет люстрацию. Ранее они как будто позволяли себе некоторую фронду, оппозиционность, а теперь, когда подступили перемены и образовалась весьма мощная угроза, они окончательно сбросили с себя все маски и начали сражаться за свою шкуру. В этом вся причина. И это касается не только интеллектуалов, это – повсеместное явление, потому что спецслужбы проникли повсеместно. И поэтому они руководят теперь.

Принадлежность к спецслужбам не просто некое занятие, хобби – это в итоге накладывает на человека определенный отпечаток и вырабатывает его жизненную психологию. Сейчас принято считать, что те люди, завербованные КГБ, – стукачи, которые кого-то выдавали. Оно не совсем так. Да, когда нужно было, они это делали, но они делали это как члены какого-нибудь масонского ордена, исключенные из общественной жизни и связанные с другим, темным сообществом. При этом такими людьми спецслужбы могут руководить как угодно, в каком хочешь направлении – на выборах, в политической борьбе и т.д.

... Кстати, поэтому мы и говорим о непопулярности БНФ и национальной идеи. Если бы Зенон Позняк в своей предвыборной президентской программе пообещал увеличить пенсии и другие льготы сексотам КГБ, он имел бы громадную популярность. А он неоднократно намекал на люстрацию, в отличие от Лукашенко, – и результаты выборов были предопределены. То же самое „сработало" и на нынешних выборах в парламент. Причины поражения вовсе не в недостатках экономической программы и не в языке, хотя язык также важен. Дело в том, что русскоязычное население, преимущественно приезжее, заангажировано еще больше, и не только местными спецслужбами, но и российскими. Поэтому мы и живем вот в таком обществе. И пока общество не изменится, не придут поколения, на которые уже не будут влиять спецслужбы, – на быстрый успех демократии нельзя рассчитывать.

... Я, конечно, пессимист. Но я пессимист по отношению к поколению моего возраста, по отношению к себе лично; я знаю, что мне национального расцвета не дождаться... но это будет. Будет счастье

и будет государственность, и будет все, потому что в той форме, в какой мы существовали как народ и которая нам определена новым руководством, — в такой форме счастья не будет... Счастье так просто не приходит из Беловежской пущи... За него нужно бороться".

Василь Быков.
„Свабода", 9.VI.1995.

ВЕРНУТСЯ ЛИ БЕЛОРУСЫ В ЕГИПЕТ?

„Этот парадоксальный, но чрезвычайно актуальный для нас вопрос (если под „Египтом" понимать рабство, из которого нам, как и израильскому народу, придется выходить не один год) рефреном звучал на Втором международном конгрессе в защиту демократии и культуры, организованном Белорусским ПЕН-центром...

Всегда ли прав народ? На этот вечный вопрос сп.Семуха поэтически ответил, использовав те строки Библии, где рассказывается о 40 годах блужданий израильского народа по пустыне. Все знают про эти блуждания, но не все знают, что оно началось только тогда, когда Бог увидел, что избранный им народ был не совсем подготовлен к свободе. „В таких вопросах как рабство и свобода сам Бог оказался перед лицом непредвиденной ситуации", — утверждает сп.Семуха.

Не лучше ли нам вернуться назад в Египет, в рабство, где у нас были бесплатные котлы с мясом, — взывали некоторые сыны Израиля. И у избранного народа, оказывается, была тоска по колбасе, по пайке, по Египту, где так хорошо было под фараоном. Не туда ли, ■ рабство, мечтая о каких-то сказочных котлах с мясом, желают вернуться многие наши сограждане?.."

Виталь Асипович.
„Свабода", 8.IX.1995.

ЧТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ БЕЛАРУСЬ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ?

„Здесь стоит сказать несколько слов насчет референдума. То, что он антиконституционный, незаконный, что он был проведен с грубыми нарушениями и т.д., — это особая тема для рассуждений и анализа. А пока что отмечу только главное – в результате этой позорной акции были затронуты те „струны духа белорусского народа", которые трогать было нельзя, которые бы никогда не затронул ни один дальновидный правитель, политик. Если белорусский народ не

ассимилируется, выживет, если у него в полной мере возродится чувство достоинства, гордости за свою культуру и язык, за свою историю и государство, – вот тогда он проклянет инициаторов этого позорного акта с референдумом во главе с нынешним президентом. А о том, что белорусский народ выживет, свидетельствует и история, и миллионы голосов против президентского референдума. А если учитывать, что подрастает молодое поколение, наши дети и внуки, которые будут знать историю Беларуси без искажений и фальсификаций, то становится понятным, что нынешнему президенту никогда не дождаться от будущих поколений „спасибо" за его сегодняшнюю деятельность".

Павел Знавец,
депутат Верховного Совета 13-го созыва.
„Народная воля", декабрь 1995, № 33.

ДУХОВНОЕ МЕСТНИЧЕСТВО

„Ведь состоялся в республике референдум – народ сказал свое слово. И все, казалось бы, должно стать на свои места. Должны же все-таки „тутэйшыя элітарыі-адраджэнцы" если не прозреть, то хотя бы усомниться в собственной непогрешимости, призадуматься, а так ли уж они нужны народу?

... Вместе с политиками-"адраджэнцамі" костьми готовы лечь за „незалежнасць" и „тутэйшыя элітарыі" от культуры. Их можно понять, ведь каждому, скажем, сочинителю хочется, чтобы его сочинения прочитали другие. А теперь представьте себе, что добилась своего „тутэйшая эліта" – отменили в школе преподавание русского языка... Что произойдет, например, с Нилом Гилевичем? Да он в тот же миг станет крупнейшим поэтом современности в пределах отдельно взятой Республики Беларусь, своего рода классиком при жизни. Чьи книги будут издаваться, чьи стихи будут учить наши дети в школе? Пушкина? Это еще зачем! Есенина, Ахматовой? А это кто такие? Нил Гилевич, Нил Гилевич и еще раз Нил Гилевич!

... Посмотрим, что же написано о русских и о России в программе учащихся техникумов и ПТУ: „Свавол акупантаў, рабаўніцтва і гвалтоўны вываз сялян, рамеснікаў у Расію як ваеннай здабычы... масавы рух супраціўлення акупантам". А вот чему учат сегодня наших детей в школе: „Пойдзем жыва да Касцюшкі, рубаць будзем маскалюшкі". И это называется „адраджэннем" белорусской культуры и повышением „нацыянальнай свядомасці"...

Вы пытаетесь объяснить то, что вас не читают и не воспринимают, русификацией, зомбированием белорусского народа, не знающего, в от-

личие от вас, своего родного языка. Но народ не бессловесная скотина, не быдло и не нуждается в ваших услугах по обучению его „родному" языку. Родному языку учат матери. Каждый и без посторонней помощи говорит на нем с рождения, почему, собственно, он и называет его родным. Жалуясь на „русификацию", не бейтесь, пожалуйста, в истерике, а попытайтесь объяснить, наконец, каким это образом русский язык, русская культура, Пушкин и Достоевский, Шолохов и Шукшин мешают вам развивать белорусскую культуру?

Даже не затруднив себя поиском причины отсутствия интереса к своим произведениям, „адраджэнчэская эліта" пошла не по пути творчества, а по пути разрушения. Разрушения русской культуры, пытаясь затмить ее блеск суррогатами собственного производства. Неудивительно, что критерием белорусскости оказывается нерусскость и даже антирусскость".

Сергей Голубев.
„Знамя юности", 9.XII.1995.

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОН?

„В результате тотальной русификации, которая велась столетиями на нашей земле, сегодня значительная часть белорусского общества пользуется как будто русским языком. Какой же язык звучит в устах здешних людей, когда они общаются на работе, в магазинных очередях, на транспорте и т.д.? Русским языком назвать его не поворачивается язык. Это языковой сленг, суррогат, который базируется на нескольких сотнях слов... Получилось так, что и от своего языка отучены, и чужим не овладели. Поэтому на Беларуси звучит знаменитая, ужасающая своим убожеством „трасянка".

... Факты свидетельствуют о том, что на Беларуси никогда не было и нет сейчас даже на бытовом уровне того агрессивного национализма, который всегда направлен против других народов. Наоборот, пока что самые значительные потери несли и несут сами белорусы. Но и в такой тяжелой – на границе жизни и смерти – ситуации национально сознательная часть общества не предпринимает каких-то экстремистских шагов, мужественно сохраняет выдержку, толерантность, понимая, что возрождение Отчизны может состояться только на основе утверждения достоинства как белорусов, так и представителей других национальностей, которые живут в республике".

Сергей Законников.
„Народная газета", 25.I.1995.

ВОЙНА И МИР

„Гражданин Беларуси, думающий по-белорусски, практически изгоняется из общества. И наоборот, человек, думающий по-русски, получает абсолютное право на комфортное языковое существование... В то же время белорусскоязычный гражданин не может включить телевизор или радио, раскрыть газету, сходить в магазин, послать ребенка в школу, посетить госучреждение, служить в армии и т.д. и т.п., чтобы постоянно не сталкиваться с **языковой проблемой**, не быть где-то униженным, где-то не понятым. Государство просто не предусматривает таких граждан. Их как бы не должно быть. В „лучшем" случае они – враги, националисты. Именно это в юриспруденции и называется **дискриминацией**.

... Вы постоянно ощущаете на себе этот прессинг государства... Более того, это ежедневное решение языковой задачи уже сегодня превращается для вас в противостояние государству и его политике.

... Действительно цивилизованное решение проблемы лежит в плоскости реального равенства национальностей... Законодательные основы такого равенства были заложены у нас при С.Шушкевиче. А.Лукашенко сломал эти основы в мае минувшего года, заложив другие – основы национального конфликта. А национальный конфликт в самых темных глубинах своих – это конфликт крови, и оперирует он кровавыми средствами, как мы видим на множестве примеров других стран. Пока же в Беларуси народ не ответил на провокацию президента и не благодаря, ■ вопреки ему сохранил мир".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 26.I.1996.

ГОРЬКИЙ ВКУС ПОБЕДЫ

„Оказавшись в условиях относительной самостоятельности и государственной суверенности, нация не выработала элементарных навыков той же суверенности – этой величайшей ценности цивилизованного существования, за которую многочисленные народы столетиями ведут упорную борьбу, несут неисчислимые жертвы. Наша национальная интеллигенция никак не может избавиться от коммунистического синдрома и погрязла в упорной и бесплодной борьбе за родной язык. Скованная страхом реставрации большевизма, на большее она не отваживается: национальная идея в ее универсальном понимании не стала для нее главным фактором нашего национального возрождения.

Столкнувшись с немалыми трудностями посттоталитарной жизни, многие из нашего руководства готовы попроситься назад, на привычное место в имперском стойле, где было так уютно и беззаботно. Но где оно, то прежнее место-стойло?"

Василь Быков.

„Народная газета", 7.III.1995.

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

„Только национально-культурное возрождение поможет без социальных разрушений пройти через мучительную, тяжелую, но необходимую и неизбежную процедуру экономического реформирования, которое должно затронуть глубинные отношения собственности, реструктуризацию производства, социально-психологическую сферу производственных отношений, финансы и т.д.

Ускорить процесс культурной самоидентификации можно (как свидетельствует приток молодежи в широкое демократическое движение нынешней весной) через реформу системы образования и культуры, высвобождение средств массовой информации. Все эти цели легко достигаются ■ случае завоевания политической власти. Упреждая разочарование скептиков (мол, что же это за открытие!), хочу подчеркнуть, что БНФ завоевание политической власти никогда не рассматривал как первоочередную задачу. Об этом убедительно свидетельствует наша довольно неуклюжая политика относительно совместных действий с демократическими партиями и постоянные споры о лидерстве.

Сегодня они должны быть отброшены, и БНФ обязан продемонстрировать свою готовность к объединению со всеми оппозиционными нынешнему режиму силами. Мы сумели достичь взаимопонимания по широкому кругу вопросов с партиями „круглого стола". Впереди поиски еще более глубоких форм единства".

Юрий Хадыка.

„Беларуская маладзежная", 6.XII.1995.

ПОПЫТКИ ОПРЕДЕЛИТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО РЕЖИМА

БАТЬКА

„Поэтому неверны утверждения, что президент не имеет убеждений. У него вполне определенные убеждения, и он их не скрывает. В его выступлениях постоянно сквозит ностальгия по прежней системе. В этом трагический парадокс ситуации. Он объективно не может управлять государством ■ соответствии со своими истинными убеждениями. Обстоятельства складываются так, что он вынужден осуществлять демократические, рыночные преобразования вопреки своим взглядам, делать то, что противоречит его естеству.

...В этом причина противоречивости мировоззрения Лукашенко, его эклектичности, фрагментарности. Здесь корни шараханий в политике, которые постоянно демонстрирует президент, пытаясь дать старые ответы на новые вопросы.

Необходимо иметь в виду такую особенность личности Лукашенко как повышенная эмоциональность, возбудимость, импульсивность. Поэтому он часто увлекается, его „заносит”. Он говорит то, что думает, и часто слова опережают мысли. Такая особенность характера ведет к тому, что у Лукашенко иногда как бы происходит раздвоение личности. Этим можно объяснить, что в разных выступлениях (а иногда и в одном) он высказывает диаметрально противоположные мысли. Причем во всех случаях искренне верит в то, что говорит. В результате мы слышим из уст президента то намерение укрепить суверенитет, то заявление об интеграции с Россией, то угрозы в адрес МВФ, то официальные уверения в выполнении всех его требований, то объявление об освобождении цен, то требование их понижения и т.д.

Вообще в Лукашенко странным образом сочетаются искренность и политический цинизм. Причем самые циничные вещи в его устах выглядят естественными и правдивыми: и обвинения Шушкевича в

воровстве, и дискредитация депутатов Верховного Совета, бывших своих коллег по парламентскому большинству, вместе с которыми он совсем недавно отбивался от тех же обвинений оппозиции...

Президент убежден, что экономические процессы, как и общество в целом, развиваются не столько под воздействием объективных факторов, сколько по воле людей, и положение в экономике зависит от старательности, решительности, исполнительности министров и других руководителей, их страстного желания исправить положение. Именно этих качеств, по его мнению, не хватало предыдущему правительству. Уверенность в том, что кризис можно преодолеть с помощью приказов, угроз, заклинаний явилась основой популизма Лукашенко.

...В полном соответствии с социалистическими традициями президент относится к праву. Воспитанный, как и все наши граждане, на уважении не к закону, а к начальству, Лукашенко подает народу пример правового нигилизма. Не раз он публично заявлял, что не собирается выполнять законы, если они вступают в противоречие с понимаемой им целесообразностью. „Я обложен этими законами. Я не посмотрю ни на законы, ни на что", „Закон этого не разрешает мне делать. Честно говоря, я пошел на нарушение закона" ("Свабода", № 6, „Звязда", 24 сентября). Как политику авторитарного типа, Лукашенко тесно ■ рамках Конституции, и по ммере обострения кризиса он требует все больше полномочий.

... Наиболее отчетливо тоталитарное мышление Лукашенко проявляется в его отношении к силовым структурам. По мнению президента, они являются главным звеном государственной власти. „Я готов поддерживать МВД, КГБ и армию... потому что они – опора президента во всех сферах". „Вертикаль создана. Опора сделана на КГБ, МВД" ("Свабода", № 6, „Фемида", № 3). Бюджет КГБ на текущий год почти равен суммарным затратам на функционирование Верховного Совета, правительства, президентской администрации, органов суда и прокуратуры. Лукашенко заявляет, что с помощью спецслужб намерен влиять на СМИ, банки и т.д.

... Режим Лукашенко опирается на союз двух совершенно разных социальных сил: номенклатуры и наиболее бедных и обездоленных слоев населения. Именно они в первую очередь не заинтересованы в ликвидации государственного сектора в экономике. Проведение рыночных реформ, создание среднего класса быстро размыло бы социальную опору Лукашенко. Поэтому, видимо, объективно и субъективно президент заинтересован в консервации нынешней экономической системы, сегодняшнего весьма печального уровня жизни и несформированности общественных устремлений населения.

Ибо состоятельным и свободным людям понадобится совсем другой президент".

Валерий Карбалевич.
„Европейское время", апрель 1995, № 4.

ЗАКОНОМЕРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

„...Вся элита белорусского общества его ненавидит, в том числе и те, кто ему служит. Кончится тем, что кто-то из своих... вышвырнет его ротой десантников".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 1995, № 40.

ДВА ГОДА СПУСТЯ

„Лукашенко вызывает в Беларуси очень у многих (сейчас, возможно, у большинства) ненависть. Но он, несомненно, человек во многом несчастный, с которым, как и со всем белорусским народом, „играет история". Можно только предполагать, что должно происходить с психикой человека, так „иррационально", нелепо победившего всех и вознесшегося на вершину „политического Олимпа". И можно только предполагать, насколько этот человек одинок.

...Никаких ясных идей в социально-экономической сфере у Лукашенко не было и нет, его действия в этой сфере противоречивы и хаотичны, и в целом он плывет по течению, влекущему все туда же – к „номенклатурному" капитализму, а народ – к дальнейшему падению жизненного уровня. Борьба с коррупцией также оказывается пустым звуком... Целью этой борьбы все больше становятся просто концентрация власти, установление авторитарного режима.

... Вокруг фигуры президента сгущается ненависть. Однако при крайней неструктурированности сознания массы белорусов достаточно ясного фокуса нарастающей оппозиции нет. Будущее Беларуси темно и непредсказуемо. Представить себе Лукашенко, который спокойно досидел бы свой срок и ушел в небытие, так же трудно, как и представить себе картину его свержения.

Чем бы ни завершилось правление Лукашенко, ясно, что ему удалось нанести новый удар и без того „несчастному" белорусскому сознанию. И его образ как первого президента Беларуси будет еще долго преследовать белорусов, усиливая ощущение собственной недостаточности. Но в конечном счете Лукашенко – лишь симптом.

яркое болезненное проявление глубинных белорусских проблем, мук белорусской самоидентификации.

... Сейчас белорусы проходят через очень болезненный период. Но „привыкание к независимости" все же идет, и даже Лукашенко, просто фактом своего существования, создает некоторую привычку к особой белорусской истории, особому государству".

Дмитрий Фурман, Олег Буховец.
„Свободная мысль", 1996, № 12.

ГДЕ МЫ? ЧТО МЫ?

„Образовался тяжелый парадокс: не любя власть, не доверяя ей, называя ее носителей „они" и тем самым отделяя себя от нее, народ вместе с тем связывал „доперестроечный" и в сравнении с нынешним весьма неплохой, по крайней мере, устойчивый уровень жизни с умением тогдашней власти организовать эту самую жизнь. Себя, как творца, создателя пусть скромных по сравнению с западными стандартами благ, народ из этого процесса исключал. Это неверие в собственные силы – следствие многолетней идеологической обработки.

... Сегодняшняя тоска по БССР (а ею, безусловно, болеет большинство нашего народа) – это продолжающееся неверие в собственные силы людей с как будто напрочь атрофированным чувством собственности, национальности, перспективы. Я говорю „как будто" не ради дешевого оптимизма. Никто не может до конца предсказать возможностей народа, собиравшегося в Куропатах, проделавшего „Чернобыльский шлях", десятками тысяч приходившего на площадь Независимости в Минске. А тоска по прошлому – так ведь ею болеют очень многие и в России, и на Украине, и даже в Польше...

Когда Горбачев попытался перестройкой заткнуть дыру в тонущем советском корабле, народ откликнулся на призыв сделать жизнь „более справедливой и благополучной". Когда же это „более" превратилось в то, что мы имеем сегодня, народ испугался и инстинктивно шарахнулся назад. Ничего удивительного. Тем более в Беларуси, где национальная идея, как часть социальной, общественной скрепы, более чем ослаблена и в силу объективных исторических причин требует специфических толкований по сравнению с традиционными, принятыми в странах Балтии или той же Польше".

Семен Букчин.
„Народная воля", март 1996, № 44.

ВАРЯГИ

„И когда национал-коммунисты Прибалтики, Молдовы, Закавказья приступили к созданию независимых государств, Беларусь превратилась в отстойник поверженных там интерфронтов. Все эти нашкодившие „у себя” рижские и виленские омоны, изгнанные гэбисты, профессоры-пропагандисты, секретари ЦК, масса рядовых „интеров” – оказались у нас.

Здесь эта мутная волна органично влилась в поток мигрантов из всего бывшего Союза, поток, ■ котором можно разглядеть то черноволосые банды кавказских мафиози, то тюбетейки большой семьи таджикских беженцев, не имеющих права на белорусское гражданство, но упорно осваивающих выселенные чернобыльские территории; то седые стрижки армейских пенсионеров, традиционно любящих селиться в нашей тихой заводи (а не там, откуда призы-вались), то плеши молодых дельцов от политики, бизнеса и безопас-ности. Последние – прибывшие „из СССР” гэбисты – особенно полю-бились президенту Лукашенко. Именно эти люди стали формировать новую белорусскую элиту.

Почему у нас произошло не то, что у всех? Потому что ко времени развала СССР национал-коммунисты ■ Беларуси не успели объединиться, как, впрочем, не возникло и никакого интерфронта. Но время шло, и пока наши разрозненные национальные силы надрывали голоса ■ парламенте, так и не выкричав гарантий независимости, маятник истории пошел в обратном направлении, работая уже снова на коммунистов и панславистов, подхватывая и раздувая микрогруппы типа „Белой России”. То есть с приходом Лукашенко у нас произошел обратный процесс – победа укрупненного за счет других республик интерфронта над невызревшим национальным движением, над национал-коммунистами.

...Так вот, сегодня наши национал-коммунисты теряют свои посты, а на их место приходят фактические (по общепринятым признакам) оккупанты... У „всесоюзных” людей совершенно иные интересы, жертвой которых на каком-то этапе станет и сам президент Лукашенко... Лукашенко погибнет от цинизма собственного окружения. Возможно, могильщиком президента станет опытный в таких делах полковник Заметалин, человек ниоткуда, ближайший сотрудник Кебича в его борьбе за президентство против Лукашенко, а сегодня – ближайший человек Лукашенко. Именно Заметалин стал в белорусской политике символом цинизма новой власти: нет ничего постоянного и святого, есть только выгода маневра, все покупается и продается.

Избиение депутатов ВС, антибелорусский референдум, изорванный Титенковым белорусский национальный флаг, мальчики для му-

сульманского гостя, награждение штрейкбрехеров в метро... Перед нашими глазами выстраивается целая антология циничных деяний, способных вызвать отвращение к политике вообще.

... Когда остатки национал-коммунистов окончательно сползут с барьера цинизма вниз и интерфронтовская (оккупационная) власть стабилизируется полностью, то уже в ней самой обозначится разделение на два лагеря и начнутся разборки между приверженцами СССР (пролетарскими интернационалистами) и радетелями великой империи (панславистами, основной лозунг которых: „Бей жидов и коммунистов!"). Раскол пройдет посреди сегодняшнего симбиоза обоих этих направлений – по Лукашенко. Расизм и российский монархизм станут для него непреодолимым барьером цинизма, и Лукашенко исчезнет, вычеркнутый из политики варягами, которых сам же и пригласил. После этого начнется властная чехарда всех этих Заметалиных, Титенковых, Латыповых – по типичному латиноамериканскому сценарию бесконечных малозначительных переворотов и переделов власти между мелкими группками полковников-хунтарей за право „посидеть".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 1.IX.1995.

Желание угадать, как будет развиваться ситуация – такое естественное... Душа болит, и хочется знать, что там, за горизонтом... Четырехлетней давности политическая „раскладка", сделанная Сергеем Дубавцом, говорит о том, как мало мы все-таки понимали в личности Лукашенко. Дубавец решил, что для этого человека существует все-таки „непреодолимый барьер цинизма", который он не в состоянии будет преодолеть. Речь не идет о том, кто угадал, а кто – нет... Дело в том, что Лукашенко оказался белорусской пропастью, в которую можно падать бесконечно долго. Феномен, к которому простенькие мерки неприменимы. Именно белорусский феномен! Потому и бьется, и мечется мысль публициста: ну почему у нас так? Разумеется, и „пришлые", без роду без племени, виноваты, и гебисты... Но это только часть обстоятельств и факторов, из которых складывается феномен Лукашенко. Публицисты еще долго будут подбирать к нему ключик... Того же Дубавца в поисках параллелей и знакомых черт носило по всему глобусу...

СТРОЙ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

„Мы урезаем и извращаем советский строй. Ничего существенно нового или иного у нас не произошло. Мы живем в укороченном

и покалеченном „социализме". Отсюда вполне понятное желание людей вернуться назад... Напуганных какими-то эм-эм-эмами, обставленных стенами и лишенных опеки государства людей посещают все более деструктивные мысли и желания. Но правители могут сидеть спокойно. У наших людей для бунта нет воли. Наши люди будут медленно мученически угасать в созданных им условиях вчерашнего полустроя. Наши люди слишком зависимы от властей, достигших своего человеческого потолка и уже не способных изменяться, развиваться, расти".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 28.VII.1995.

„ОСТРОВ СВОБОДЫ"

„И вдруг мне показалось, что лучше всего понять нашу сегодняшнюю белорусскую судьбу (воплощенную в фигуре президента) можно именно ■ немецком контексте. Именно там, в Германии, а не в России или Польше, не в Албании или Корее, не в Румынии или Монголии, мы с легкостью находим типаж Лукашенко и тип его власти, ее тайных устремлений.

...Максимально упрощенная структура власти, тотальный контроль за обществом и прессой, приоритет силовых структур над другими, ставка на молодые кадры, первоочередное развитие физкультуры и спорта, государственная забота о вундеркиндах, олимпиады молодых научно-технических талантов, затушевывание национальной специфики и всяческой „старины", атеизм и дисципалина на производстве, здоровый образ жизни, культ интернационализма... Вот, пожалуй, и все, из чего складывается белорусская судьба, воплощенная в фигуре президента.

А теперь посмотрим, какая из известных нам стран наилучшим образом соответствует всем перечисленным приоритетам. Прежде всего и безусловно – это ГДР. Еще (как вариант) – Куба. Лукашенко – наш Вальтер Ульбрихт, Хонеккер, наш Фидель.

... Не знаю, может быть, это объективная стихийная ориентация всего нашего народа?

"Остров свободы"... Только не в Америке, а посреди Европы. Рискну высказать догадку, что это и есть самая заветная мечта белорусского президента, который хочет только покоя. Покоя... А не диктатуры".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 8.IX.1995.

ЦЕЛЬ

„Призывы Лукашенко к „славянскому единству" лицемерны. Он почему-то никогда не говорит о единстве Беларуси со славянской Польшей или, допустим, Чехией. Истинная цель этих призывов – объединение России и Беларуси в одно государство. Чего, собственно, он и не скрывает. И разговоры о претензиях Лукашенко на российское президентство, которые из политических кругов уже перекинулись в печать, мне не кажутся надуманными.

...Для достижения цели, в сущности, остается не так-то и много. В повестку дня российской Думы уже заложен вопрос о референдуме об объединении России и Беларуси. Не сомневаюсь, что аналогичный проведут и у нас. Причем итог этого референдума, с учетом тотального контроля над прессой, притеснения политических оппонентов и фальсификаций, предсказать нетрудно. Думаю, что похожим этот результат будет и в России: большинство ее граждан почему-то убеждено, что Беларусь – это часть „исконно русских" земель.

После этого остается лишь только констатировать образование нового государства и внести некоторые изменения в конституцию России (с учетом приобретения еще одного субъекта федерации). И тогда (при наличии двойного гражданства) никто уже не помешает Александру Григорьевичу баллотироваться на пост президента объединенного государства".

Сергей Наумчик.
„Свабода", 7.VII.1995.

ЛУКАШЕНКО – ЛИДЕР СЛАВЯН

„Президент Белоруссии Александр Лукашенко приехал в Москву. Здесь, в здании Российской Академии наук, он был принят в члены Академии социальных наук, его облачили в мантию, вручили почетный диплом, и в обществе, состоящем из видных политиков, ученых, военных, из представителей культуры и прессы, он зачитал свой доклад.

Лукашенко вблизи, в общении, когда видно его лицо, выражение глаз, белозубая улыбка, производит впечатление свежести, сочности и естественности.. Его сильная мысль, отшлифованная политической средой, направлена на глубоко понимаемую им цель, питается не просто знанием, волей, но и верой, что эта мысль будет понятна большинству людей, будет полезна им.

Его личность и судьба уникальны. В пору страхов, обманов, коллективного ренегатства, когда предавали не просто люди, но целые слои

общества, он, оказавшись один перед страшной, грозящей уничтожением силой, сказал этой силе: „Нет!" Он встал в самом центре катастрофы, разорвавшей великое государство, и один, беззащитный, попытался удержать эти разлетающиеся, подорванные предателями куски. Ему не удалось это сделать. Но его героическая попытка была замечена народом. И когда народу дали слово, он выбрал Лукашенко Президентом.

С этих пор Лукашенко, опираясь на волю белорусов, ведет отважное сражение с врагами славянства, с врагами Великого Государства, отражая бесчисленные атаки. Этим он похож на Караджича. В конце XX века, выбранного нашими врагами для уничтожения и подавления славянских энергий, славянство подарило нам двух великих людей. Мы ждем, что вслед за сербами и белорусами и русские обретут наконец своего национального героя".

„Завтра", февраль 1996.

НАМ НЕ ПО ПУТИ

„И наш народ в середине XVI века стоял перед таким выбором, когда царь Иван IV, тогда еще не Грозный, покинул Московский Кремль, выехав в Александровскую слободу. После чего он обратился к народу с предложением: „Выбирайте. Или я, царь, буду править вами или бояре?" Народ тогда сделал свой выбор в пользу государя. И более тридцати лет был обустроен и защищен от внешних врагов. При Иване Грозном Московская Русь многократно увеличила свои пределы, покорила Казанское и Астраханское ханства, которые более трехсот лет что год испепеляли Русь, уводя в плен сотни тысяч русских рабов. Правда, и кое-какие права кое-каких „граждан" были нарушены. Четыре тысячи бояр были репрессированы с конфискацией имущества, а несколько десятков бояр царь повелел даже повесить за дела их антигосударственные. Поэтому выбор есть, и делать его придется каждому.

...А на нашей стороне только покровительство великого святого великомученика, пресветлого князя Александра Невского, который завещал нам: „Не в силе Бог, но в правде". И поэтому мы ждем нашего Робина Гуда, который призовет нас под свои знамена защищать правду и справедливость, понятную только нам, славянам. И не только ждем, но и растим в своих рядах".

Анатолий Баранкевич,
председатель Партии белорусского
патриотического движения, генерал запаса.
„Народная газета", 28.XII.1995.

Вот какая амплитуда исторических аналогий – от Ивана Грозного и Робина Гуда до Вальтера Ульбрихта, Фиделя Кастро и Караджича... Между тем сам „объект" публицистических упражнений выбрал себе совсем другую фигуру для подражания.

<u>ПОХВАЛА ГИТЛЕРУ</u>

РАВНЕНИЕ НА АДОЛЬФА?

„Итак, Лукашенко уже „созрел". Он подтвердил эту „зрелость" и в интервью немецкой газете „Хандельсблат":

„В свое время Германия была поднята из руин благодаря очень жесткой власти. И не все только плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером. Вспомните его власть в Германии. Немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента. Я подчеркиваю, что не может быть в каком-то человеке все черное или все белое. Есть и положительное. Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера. Сегодня мы переживаем такой же период времени, когда нужна консолидация вокруг одного человека или группы людей, чтобы выжить, выстоять и подняться на ноги. Поэтому на этом этапе определяющее, ведущее, я бы сказал, значение будет иметь глава государства – президент..."

Пустившись перед немецким журналистом в исторические философствования на тему сильной личности во главе государства, Лукашенко, похоже, абсолютно не отдавал себе отчета в бестактности привлечения в качестве достойного примера фигуры Гитлера как объединителя нации и государственного строителя. Не где-нибудь, а в Беларуси, залитой кровью в последнюю войну, с государственных высот утверждается, что „*немецкий порядок*", достигший при Гитлере „*наивысшей точки*", – „*это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента*".

Что же – и эти откровения спишем на недостаток культуры? Но ведь одно из двух высших образований у нашего президента – историческое.

Выходит, плохо учили? Ну, а если в самом деле дойдет дело до массовых или не очень, но вполне очевидных репрессий – тогда на что списывать будем? Тоже на недостаток культуры или плохую учебу? Когда дуло ко лбу приставят, не скажешь: „Простите, мы вырвали из контекста..." Потому что „контекст" будет один-единственный – фашистский.

Но это, конечно, не про нашего президента. Наш умница, большой мыслитель, а главное – диалектик. Желает и от старого, советского, „все хорошее" взять и у Запада что-то полезное позаимствовать. Вот и опытом Гитлера не побрезговал. Широкая натура. Глубокие подходы.

Но почему все-таки – Гитлер? Не Томас Джефферсон, не Шарль де Голль, не Вацлав Гавел, а Гитлер?

Проблема, которая должна как-то разрешиться..."

Семен Букчин.

„Народная воля", декабрь 1995, № 31.

JEDEM DAS SEINE

„Похвала Гитлеру – компромат долгоживущий, его будет к месту помянуть и через год, и через пять, это пятно несмываемое: тут не скажешь, что не знал, о ком идет речь, не отделаешься извинением, не издашь новый указ с исправлениями предыдущего. Политически это плевок ■ лицо всему обществу, всем партиям, в первую очередь, кстати, коммунистам. Им, монополизировавшим тему войны, достаточно трудно будет совместить свою антифашистскую риторику с поддержкой почитателя Гитлера.

...То, что в симпатиях Гитлеру объясняется лидер страны, наиболее, может быть, пострадавшей от гитлеризма, вдвойне позорит в глазах мира и этого лидера и эту страну. Так что двери, и так не слишком широко открытые, могут захлопнуться наглухо. Причем, можно предположить, где в первую очередь. В Америке, ■ Германии, в Поль-ше, ■ Израиле, т.е. ■ странах, являющихся основными партнерами Бе-ларуси. И, разумеется, в России. В России, конечно, всякого хватает, но все же откровенные поклонники Гитлера, мелькающие иногда на экранах телевизоров, – политические маргиналы. Для политического истеблишмента России, даже для его радикальной части, похвалы Гитлеру – табу.

Впрочем, возможно еще одно объяснение. Удар по репутации президента, оскорбление народа, еще один шаг к пропасти – все это верно. Однако, оглядываясь назад, можно заметить, что все шаги и заявления президента, наделавшие много шума, имели второй план. Они не только достигали явной цели (подавление оппозиции, контроль над СМИ и т.д.), но и деморализовали общество, наглядно демон-

стрировали, что для власти достоинство человека, права и правила – ничто. Разве не были рискованным мероприятием „белые пятна" в газетах? Был риск. Однако получилось, общество это благополучно „съело", и стал возможным следующий шаг.

И сейчас риск велик. Но если белорусы и на похвалы Гитлеру не отреагируют, тогда с ними точно можно делать все, что угодно. Тогда и гестапо, и погромы, и концлагеря будут уместны и естественны – вас же предупреждали. Новое сознание возникнет. Скажут народу, что национал-радикалы – последыши фашистских прихвостней, загорится народ пламенным гневом. А скажут, что Гитлер немецкую нацию консолидировал и нам не худо бы таким же манером, народ успокоится и исполнится государственной мудрости. Это национал-радикалы у Гитлера все плохое берут, ну а власть – только самое хорошее.

В определенном смысле заявление президента не неожиданность. Логически симпатии к нацистскому государству выводятся из панславизма, становящегося государственной идеологией Беларуси и из политической практики сегодняшней белорусской власти. Ну а психологически, сошлемся на Гитлера, который говорил, что бывшим социал-демократам и либералам в нацистскую партию хода нет. А вчерашним коммунистам – пожалуйста, милости просим.

Как говорится, каждому свое. По немецки: jedem das Seine. Именно этот лозунг красовался над воротами Бухенвальда".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 30.IV.1995.

Увы, не возмутился, не восстал белорусский народ... И поэтому с ним действительно можно делать все, что, собственно, и делает президент Лукашенко. До гестапо, погромов и концлагерей дело пока не дошло... Но их зародыши уже сформированы и опробованы за годы, прошедшие со времени интервью газете „Хандельсблатт". Похвалив Гитлера, Лукашенко перешел Рубикон – он понял, что с этим народом можно творить все, что ему захочется. Надо только быть сильным! Ни грамма слабости!

ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! В РЕСПУБЛИКЕ ЗАПАХЛО ФАШИЗМОМ!

Обращение к народу Беларуси председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.Г.Шарецкого

"Наша страна стоит на грани фашистской диктатуры.

... Конечно, сейчас не тридцатые годы и Беларусь – не Германия той

поры. Однако не надо думать,что фашизм зарождается только на почве расизма и крайнего национализма, как это было в Германии тех лет. Современный фашим (неофашизм) несколько видоизменился по сравнению с тем, каким он был в двадцатые–тридцатые годы... Но идейно-политическая основа его осталась прежней – это лжесоциалистическая демагогия с целью создания массовой базы за счет недовольных, культ вождя, тоталитарная власть государства, всеобщий контроль над личностью, страшно простая разлиновка общества на два полюса, два начала: мы – они, свои – чужие, монополизирование властными структурами средств массовой информации, использование насильственных методов для подавления инакомыслящих. Предлагаемый президентом проект новой Конституции подводит правовую базу именно под такое общество".

„Народная воля", сентябрь 1996, № 81.

НУЖЕН ЛИ ГИТЛЕР БЕЛАРУСИ ?

Вспомним историю с похвальным словом фюреру

„У нас юбилей.

Год назад, в конце ноября, президент Лукашенко заявил в интервью корреспонденту германской газеты „Handelsblatt": „*И не только все плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером. Вспомните его власть в Германии. Немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло высшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента. Я подчеркиваю, что не может быть в каком-то человеке все черное или белое. Есть и положительное. Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера. Сегодня мы переживаем такой же период времени, когда нужна консолидация вокруг одного или группы людей, чтобы выжить, выстоять и подняться на ноги*".

Говорят, персидский царь Дарий носил кольцо с надписью „Все проходит". Мудрый был человек. Действительно – проходит. Год назад какой был шум на весь мир в связи с „гитлеровским" интервью белорусского президента. Журналисты, историки, политики – белорусские, российские, западные – возмущались, разъясняли несведущему читателю, что не было у Гитлера ничего „положительного", негодовали, что **такое** интервью, **такое** признание сделал руководитель страны, понесшей **такие** жертвы в последней мировой войне.

И вот спустя год — Всебелорусское народное собрание. Пять тысяч человек толкуют про референдум, про то, как улучшить конституцию, чтобы дать больше прав президенту, про президентских врагов в Верховном Совете, в независимых газетах... И ни один не встал и не спросил президента: „*Как вы можете оставаться главой государства после чудовищного по цинизму заявления на весь мир о своей ориентации на „положительный опыт" Гитлера ?*"

А ведь у большинства участников собрания, уверен, в ту войну погибли родственники. И тем не менее ни слова, ни намека на подобный вопрос. Неужели все шесть тысяч страх сковал? Или на сход пришли пять тысяч лишенных памяти и совести?

А, может, не было никакого президентского интервью немецкому журналисту? Не было этого поразительного по своему цинизму изъявления симпатии к создателю „мощной Германии"? Идеологические обслуживатели Лукашенко именно такую мину поначалу и собирались изобразить. „Советская Белоруссия" опубликовала перевод интервью Лукашенко, помещенного в „Хандельсблатт", а в нем – только рассуждения на современные политические и экономические темы. Получалось, что белорусские и московские газеты, зарубежные радиостанции и телеканалы, рассказавшие о прогитлеровских разглагольствованиях Лукашенко, – наглые лжецы.

Но Маркус Цинер, корреспондент „Хандельсблатт", бравший интервью у Лукашенко, оказался порядочным человеком. Он прислал в „Известия" письмо, в котором подтвердил, что лукашенковские восхваления Гитлеру как сильной личности, строителю „мощной Германии", – правда. А не привела их немецкая газета по одной-единственной причине: в Германии закон запрещает пропаганду фашизма, одобрение деятельности Гитлера ■ любой форме, даже если это совершается в интервью с президентом другой страны. Не говоря уже о том, что сама редакция „Хандельсблатт" не разделяет взглядов Лукашенко на личность фюрера и уважает своих читателей.

Естественно, сохранились и аудиозаписи этой беседы, неосторожно прокрученные тогда же по Белорусскому радио. Ни один эксперт не возьмется утверждать, что это голос некоего подражателя, а не самого Лукашенко.

После письма Маркуса Цинера в „Известиях" президентские идеологические обслуживатели умолкли. Крыть было нечем. И только г-н Скобелев, давно посвященный в тайны разврата богини истории Клио, откровенно заявил, что Лукашенко „*совершенно правильно обращает свой взгляд на Германию 30-х годов*", ибо ни у кого нет „*права отсекать от политического деятеля исторический опыт*".

Вот ведь как можно повернуть! Когда г-н Скобелев в ЦК КПБ сидел, о пользе опыта Гитлера он почему-то помалкивал. Все больше напыщенные драмы в стихах сочинял, про гуманизм, про вечные ценности... Но вот потребовалось оправдать гитлеровский „зигзаг" Лукашенко и пожалуйста – можем поговорить „за" необходимый „политическому деятелю исторический опыт".

Ну ладно, Скобелев из тех служивых, что сгодятся при любом подобном режиме.

Но вот те пять тысяч „лучших представителей белорусского народа", они что – не знали, не читали, не слышали о похвальном слове Гитлеру, произнесенном их президентом?

Ответ на этот вопрос, сдается, может прояснить весьма существенные и новые для нас детали в нынешней белорусской ситуации.

Крик Шарецкого

В сентябре нынешнего года „Народная воля" опубликовала обращение к народу Беларуси председателя Верховного Совета республики С.Г.Шарецкого под поистине патетическим заголовком „Люди, будьте бдительны! В республике запахло фашизмом!"

Известный призыв Юлиуса Фучика еще в советские годы приобрел в нашем быту вполне определенный пародийный характер. По поводу бдительности рассказывалось немало анекдотов. А тут еще присоединилось слово „запахло"...

Что делать: эстетика Шарецкого требовала использования старой и, казалось, могучей идеологической лексики. От таких слов раньше мурашки по спине ползли. Сегодня никто не испугался. Ну запахло и запахло... Мало ли чем у нас пахло за долгие годы...

И все-таки мы еще не оценили в полной мере поступка председателя Верховного Совета. Опытный представитель старой номенклатуры ударил в колокол. Для меня это знак поворота в мозгах. Вполне уважая исторические познания Шарецкого, я прежде всего помню о его профессиональном облике сельскохозяйственного деятеля. Тем более была примечательна и важна эта попытка объяснить природу зла, уже ломающего Беларусь и грозящего ее будущему.

Шарецкий нашел очень точные слова. Напомню их: „*Конечно, сейчас не тридцатые годы и Беларусь – не Германия той поры. Однако не надо думать, что фашизм зарождается только на почве расизма и крайнего национализма, как это было в Германии тех лет. Современный фашизм (неофашизм) несколько видоизменился по сравнению с тем, каким он был в двадцатые–тридцатые годы. Но идейно-политическая основа его осталась прежней – это лжесоциалистическая демагогия с цельюсоздания массовой базы за*

счет недовольных, культ вождя, тоталитарная власть государства, всеобщий контроль над личностью, страшно простая разлиновка общества на два полюса, два начала: мы – они, свои – чужие, приятели – враги, монополизирование властными структурами средств массовой информации, использование насильственных методов для подпавления инакомыслящих. Предлагаемый президентом проект новой Конституции подводит правовую базу именно под такое общество".

Более того, Шарецкий не удовлетворился социально-политическими характеристиками и в поисках убедительной аргументации прибегнул к своеобразному эмоционально-психологическому анализу: *„Вглядитесь в лица многих из ближайшего окружения президента... Я не призываю анализировать их родословную. Хочу лишь спросить: разве можно найти в них белорусскую доброту, открытость, взвешенность, стремление помочь ближнему?.. Да нет! Они пышут злобой, самоуверенностью, ненавистью к инакомыслящим, истеричностью , грубостью, экстремизмом".*

Есть такая наука – физиогномика. Я не специалист в ней. Но действительно: лица деятелей из окружения Лукашенко, их мимика, манеры, речи о многом говорят. Предсказание Мережковского, сделанное еще ■ начале века в знаменитой статье „Грядущий хам", сохранило свою актуальность и в наши времена.

Увы – и эти чисто человеческие доводы не привели нашего соотечественника в состояние некоего гражданского возбуждения. И в самом деле, с чего бы это возбуждаться -- мало, что ли, перевидано начальственного хамья?

Трудно удивить нашего человека

Не просто трудно – невозможно. Ну что такое, в самом деле, фашизм в восприятии „среднего" белоруса? Это прежде всего – война, немцы. Если расширить понятие – это все плохое, несправедливое, это зло в его крайнем выражении. Фашист – это у нас и ругательство.

Так вот, этого „широкого" фашизма наш соотечественник за свою жизнь насмотрелся, напробовался в полной мере. Своего, родного, советского фашизма.

Лжесоциалистическая демагогия? Да сколько угодно – от самых высоких цековских кабинетов до родного партбюро.

Культ вождя? По этой части у нас, кажется, все образованные...

Тоталитарная власть государства, всеобщий контроль над личностью? Так мы и жили при этой власти и под этим контролем.

Монополизация властью средств массовой информации, подавление инакомыслящих? Так оно всегда у нас было.

Не было расизма? Его с успехом заменял государственный антисемитизм.

А главное – ничего с приходом этой самой суверенности-независимости не изменилось. Тот маленький зоопарк, где резвятся две-три независимые газеты, только ярче подчеркивает неизменность системы.

Одним словом, фашизм – это привычная среда обитания нашего человека. Потому и страстное слово Шарецкого его не всколыхнуло. А сегодня, когда этот человек полностью задавлен проблемой выживания, ему и вовсе не до политики. Минимум, гарантированный прежней системой, представляется ныне недостижимым раем, во имя возвращения которого он готов примириться с отсутствием гражданских прав и свобод, насилием и подавлением инакомыслящих.

А когда человеку плохо, он естественно проголосует за того, кто обещает быстрое решение всех проблем. И в этом плане белорусы и Беларусь вполне соответствуют историческим аналогам. Нет смысла говорить об особом белорусском менталитете. Все совершается по традиционным историческим законам.

От белорусского Веймара к Третьему Рейху

А был ли он, белорусский Веймар, если автор этой статьи говорит о том, что ничего по сути не изменилось, что старый советский фашизм натурально перешел во времена белорусской суверенности? И вообще можно ли сравнивать Германию 20-х годов с Беларусью конца 80 – начала 90-х?

Разумеется, в строго историческом плане условностей и натяжек здесь не избежать. Но если взять психологию общественного поведения... Может быть, наш Веймар – это эпоха туманно-згодных речей Шушкевича, метаний от рублевой зоны до белорусского талера правительства Кебича и тотального воровства по принципу „тащи кто сколько может"?

Немцы ненавидели Веймарскую конституцию как символ всеобщего бардака, развала и национального унижения. Нынешний белорусский „обязательный" референдум пахнет Веймаром, переходящим ■ 1933-й – год назначения Гитлера рейхсканцлером. В роли престарелого Гинденбурга выступает оболваненный властью белорусский народ.

В нынешней Германии много спорят о вине современников Гитлера, сделавших неверный выбор. Одни говорят об ее очевидности. Другие – о том, как трудно предвидеть ход событий, угадать будущее.

Впрочем, мы можем обратиться и к собственной истории. Виноваты ли белорусские крестьяне, раскулачивавшие в 30-е годы своих

односельчан, других белорусских крестьян? Виноваты ли белорусские рабочие, дружно голосовавшие на заводских собраниях за смертные приговоры „врагам народа" – инженерам, писателям, военным, всяческим „троцкистам"? Виноваты ли наши сограждане, требовавшие на организованных парторганами сходах в начале 1953 года „выкорчевывания" евреев как тех же"врагов народа", мешающих процветанию советского общества? Виноваты ли наши соотечественники, принявшие участие в травле (именовавшейся „всенародным осуждением") Пастернака, Солженицына, Синявского и Даниэля?

Есть ли наша личная, каждого человека ответственность? Или все спишем на эту универсальную формулу – „такое было время, тогда так было принято"?

У немецкого философа и теолога X1X века Шляйермахера есть точно сформулированная мысль: „Время несет в себе вину другого времени, но редко способно разрешить ее иначе, как новой виной". Разумеется, мы постарались забыть те старые наши вины – ведь такое было время! А вот теперь новая вина, но, конечно же, не наша, а плохих людей, разваливших Советский Союз и т.д. и т.п. А мы что же? А мы – хорошие, мы честно жили и работали, мы ни при чем... И вообще – мы верили!

Конечно, верили, думали, что именно так и должно быть! Хотя большинство предпочитало не думать вовсе.

Нет, дорогие сограждане, сегодняшнее время несет в себе вину другого времени – наших дедов и отцов. Но в нем уже заложена и наша вина перед детьми и внуками. И это не новая, а все та же старая вина – личной безответственности, личного предательства.

Немцы оказались втянутыми в вину, от которой они не отмоются еще несколько столетий. Неужто нам мало соучастия в еще свежих преступлениях? И мы хотим замазать новой страшной виной наших детей, как замазали нынешних немцев их отцы и деды?

Не преувеличиваю ли, не сгущаю ли краски, не нагнетаю ли? Ну какой, в самом деле, Лукашенко Гитлер? Ну брякнул по неразумию в беседе с немецким журналистом. Что же из этого теперь вселенский пожар раздувать?

Разумеется, никакой Лукашенко не Гитлер. И вообще он хороший человек, хочет добра своему народу, душа у него за людей болит. Но ведь и Гитлер искренне хотел добра немцам. Но история судит исторических деятелей не по желаниям, а по действиям. А действия Лукашенко развиваются по вполне очевидному сценарию.

Беларусь как опорная площадка ползучего переворота в России

В России сейчас идет борьба не между демократами и коммунистами, а между людьми, которые хотели бы продолжать реформы.

уводящие страну от тоталитарного социализма к свободнорыночной демократии западного образца (при всех естественных российских особенностях), и имперско-националистическими силами. Лукашенко примкнул к последним, ибо решение „белорусской проблемы" – государственной, экономической, национальной – он видит только в воскрешении „могучей державы" наподобие Советского Союза. Коммунистическая идеология издохла. Идеологическим стержнем нового Союза призвана стать национал-патриотическая, государственническая философия – Россия, славянство превыше всего!

Президенту Беларуси в этом механизме российско-советско-славянско-православного возрождения отведена своя, несомненно, временная роль. Я даже готов допустить, что Лукашенко умеренный российско-славянский национал-патриот, отнюдь не жаждущий крайностей. Но где-то там, ▪ глубинах России, уже созрел новый фюрер, и он, возможно, будет пострашней Лукашенко. Веймарские либеральные деятели тоже думали обуздать безумного фюрера. Не получилось.

Просвещенный вроде человек, писатель Проханов заявляет: „*Пускай даже фашизм будет, потому что, если возможно построить великое русское государство ценой фашизма, я бы на это пошел*".

А ведь Проханов редактор московской газеты „Завтра", которая объявила Лукашенко „лидером мирового славянства". Хороший человек Лукашенко, но как тут не закружиться голове? Как не впасть в такие родные объятия присяжных риторов российско-славянского величия и не ощутить себя действительно призванным историей спасителем отечества?

5 ноября президент Беларуси принял в своей резиденции (я воспроизвожу сообщение „Радиофакта" 6 ноября) заместителя главного редактора московского журнала „Наш современник" Александра Казинцева. За что такая честь заместителю редактора обыкновенного литературного журнала? В том-то и дело, что не совсем обыкновенного! „Наш современник" – известный оплот русского национал-патриотизма самого крайнего, шовинистического, мракобесного, антисемитского толка. О чем толковали белорусский президент и заместитель самого Станислава Куняева? Да все о том же: „*Литераторы должны внести свой вклад в объединительные процессы, которые наметились после договора о создании Сообщества Беларуси и России*". Г-н Казинцев проинформировал г-на Лукашенко о том, что в будущем году „Наш современник" опубликует „произведения белорусских писателей Ивана Шамякина, Эдуарда Скобелева, Александра Савицкого".

Разумеется, ни Быкова, ни Брыля, ни Рязанова...

Я написал несколько книг по истории русской литературы, русско-белорусских исторических и культурных связей, но мне не хочется

„вносить вклад" в создание газовой камеры, мягко именуемой „сообществом". Я не желаю участвовать в постройке, возводимой с одной стороны президентом Беларуси, публично засвидетельствовавшим свои симпатии к Гитлеру, а с другой – московскими литераторами-юдофобами.

Страшен, безумен, оскорбителен этот союз для меня как еврея по рождению, русского по духовной сформированности, белоруса как гражданина своей республики.

Большая беда Лукашенко – скрыть нутро не удается. Оно стихийно прорывается. Вот и выступая в Государственной Думе России, он не удержался – „намекнул" на „нехорошую" национальную принадлежность белорусского корреспондента НТВ. И как радостно-понимающе отозвался зал: чего, мол,ждать от такого, только клеветы...

В Беларусь не приходит газета „Лимонка", к счастью или к несчастью – в смысле неведения. И только с целью нарушить это неведение я позволю себе обширную цитацию скандально известного ее редактора Эдуарда Лимонова: „*В истеричной периодичности вспыхивающих время от времени в нашем обществе попыток выявить, запретить, задавить фашизм чувствуется инстинктивное понимание того, что фашизм – главный враг всех политических сил, изображающих сегодня „политику" на российской сцене. Никто не знает, где именно этот дикий юный зверь, в кого он перевоплотился сегодня, но его молодой и сильный животный запах присутствует в России.И домашние животные нашей политики ревут и плачут в ужасе, предчувствуя его клыки на своих шеях... Фашизм устраивает всех и нужен всем. Россия ждет его с трепетом и испугом, как единственного, сильного, красивого, пусть и „опасного" жениха ждут в разоренном доме. Он уничтожит врагов, все отстроит молодыми руками под крепкие песни. И будет много детей, силы и счастья в доме. Никакой другой жених не справится с делом. Ни жуликоватый Остап Бендер из ЛДПР, ни КПРФный старик, ни Гриша, „интеллигент-лаборант" из научно-исследовательского института*".

Почему Лимонов не включил в список „несправившихся" и директора совхоза? Имеет какую-то надежду? Или вообще в расчет не принимает?

Впрочем, не все ли равно. Другое важно. Лимонов с удовлетворением говорит о „животном запахе" фашизма в России. Шарецкий с отвращением констатирует, что в Беларуси „запахло фашизмом". Этот запах пришел к нам оттуда, со страниц „Нашего современника", „Лимонки", „Русского порядка", „Штурмовика", „Черной сотни" и других российских фашистских изданий, редакторов и сотрудников которых еще, возможно, примет в своей резиденции г-н Лукашенко.

Своего учуяли, распознали в Лукашенко и национал-радикалы и коммунисты в Госдуме России. Последние „во имя высших", разумеется, интересов даже предали своих белорусских братьев по идеологии. Жириновский, еще недавно именовавший Лукашенко „конюхом", яростно требовал предоставить слово „объединенному президенту". Что там какой-то Ельцин? Лукашенко выше, ибо он глава Сообщества России и Беларуси, почти объединившихся государств!

Для российских „наци" Лукашенко таран, бревно, с помощью которого они собираются сокрушить окончательно хлипкую, утопающую в криминальности и беспомощности российскую демократию. Потом бревно отбросят за ненужностью. Но сейчас Лукашенко чрезвычайно к месту. И наш понимает это, а потому старается чрезвычайно, лжет откровенно, бесстыдно, с артистическим захлебом. И про то, что в белорусском парламенте засели враги дружеских отношений с Россией и только он – истинный строитель и спаситель белорусско-российской дружбы. И про враждебную белорусскую и российскую журналистику, насыщенную израильскими агентами и бэнэфовцами. И про то, что только руководимая им Беларусь – последний оплот перед вторжением НАТО в Россию...

Вот о чем следует помнить нашему гражданину, собирающемуся участвовать в референдуме. Тому самому гражданину, которого режим сегодня обожествляет как „народ".

Отсидеться никому не удастся

"Только народ вправе выбирать свою судьбу" – пафосно заявляет как заведенный А.Лукашенко.

Главный пропагандист Гитлера д-р Геббельс в 1933 г. объявил, что *„мы заменили индивидуума народом и отдельного человека общностью. Правда, при этом свобода индивидуума должна быть ограничена постольку, поскольку, она сталкивалась или противоречила свободе нации. Это не сужение понятия свободы как таковой. Преувеличивать ее для индивидуума означает ставить на карту свободу народа".*

Гитлер, Сталин, они любили порассуждать о „народной общности", о „праве народа выбирать свою судьбу" в условиях, где государственную машину обязательно венчал трон фюрера, вождя.

Президентский вариант конституции узаконивает это венчание на царство „с благословения народа". Почитайте этот имперский проект... Ежели можно самолично и председателя и судей Конституционного суда снять, то почему бы прямо не объявить себя императором ? Чего, собственно, стесняться у себя дома?

Так что же – посадим фюрера еще на пять лет?

Всего-то пять лет. Гитлер, которого нормальные немецкие граждане своими голосами буквально внесли в рейхстаг, за двенадцать лет своего правления успел настроить концлагерей, убить миллионы людей, завалить руинами Европу.

У нас, конечно, такого не будет. Разве возможно? Мало ли что там Лимонов пишет про „дикого юного зверя"... Пугает...

Да, конечно, у нас все будет по-другому. Эдакий мягонький, почти домашний, уютный фашизмик... Никто и не заметит... Ну посадят десяток-другой интеллигентов, прибьют кого-то из оппозиционных политиков... А меня-то за что, рядового гражданина? Я смирно в своей квартирке сижу, никого не трогаю.

Выволокут и тебя из твоей квартирки, дорогуша, и потащат на цугундер, ибо обнаружат в твоей биографии нечто неподобающее. Тот же сосед напишет, что ты нарушаешь „народную общность", скажем, видом своим... Отсидеться не удастся.

Если немцы сегодня боятся возрождения настроений „великой Германии", питаемых правым радикализмом, что говорить о нас, не имеющих иммунитета против политического шарлатанства и социальной демагогии ?

А когда придет время расплаты, время „новой вины", стыда и раскаяния за содеянное, будем твердить старое: „Ну кто мог знать? Мы же хотели как лучше... Время было такое..."

Впрочем, доживем ли мы еще до этого времени „новой вины"?

Барабаны, возвещающие приход „дикого юного зверя", звучат все сильнее".

Семен Букчин.

„Народная воля", ноябрь 1996, № 105.

НУЖЕН ЛИ РОССИЙСКИЙ ФАШИЗМ БЕЛАРУСИ?

Необходимость продолжения темы

В ноябре минувшего года „Народная воля" (№ 105) опубликовала мою статью „Нужен ли Гитлер Беларуси?", посвященную своеобразному „юбилею" – годовщине знаменитого интервью А.Лукашенко германской газете „Handelsblatt", в котором гитлеровский порядок был охарактеризован как соответствующий „нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента". Позволю себе небольшую автоцитату из концовки этой статьи: „*Если немцы сегодня боятся возрождения настроений „великой Германии", питаемых правым радикализмом, что говорить о нас, не имеющих иммунитета против политического шарлатанства и социальной демагогии?*"

Вопрос этот приобрел особую злободневную окраску нынче, когда идут и формально завершаются „усиленные" дебаты о союзе Беларуси и России. Проблема по сути заострилась, хотя, на первый взгляд, вопросы, нужен ли Гитлер Беларуси, нужен ли фашизм Беларуси, звучат риторически, а в контексте нашей истории – просто кощунственно. Но я хочу предупредить читателя: вопросы эти поставлены прежде всего не нами, а теми, кто мечтает о новом переделе власти, о новой большой крови и даже всемирном Освенциме, и наши доморощенные партайгеноссе уже дали на него утвердительный ответ. И причем не раз. Спрошенный недавно о том самом печальном интервью немецкой газете, Лукашенко сказал о Гитлере: „Ну идиот, но ведь народ объединил!" О сути и цене этого объединения – ни слова. Позиция, как видим, последовательная и, можно сказать, твердокаменная.

Сегодня снова официальная пропаганда раскручивает этот лозунг – объединение. И я тоже хочу объединиться. В самом деле, почему не объединиться с Пушкиным (в этом месте наши особо бдительные патриоты вздрогнут, но я попрошу их посмотреть на автора „Бородинской годовщины" не сегодняшними глазами, а с точки зрения исторической), с Чеховым и Львом Толстым, с Чайковским, Ахматовой, академиком Сахаровым? Впрочем, мы давно уже с ними объединились, они наши вполне, потому что вошли как свои в культурное самосознание значительной части белорусов, ■ плоть и кровь нашей культуры.

Но сегодня нам предлагают объединиться с еще одним явлением – с русским фашизмом.

Мы не победили фашизм в той войне

Кинорежиссер и депутат Государственной Думы Сергей Говорухин, побывавший недавно в Минске, где он так приятно отдохнул от „ужасов капиталистической Москвы", ностальгически окунувшись ■ родную советскую атмосферу, предупредил нас по телевидению: „Вот объединимся, и придет к вам наша проституция, поскольку по этой части вы отстали..."

Проституция – это, конечно, зло. Но что бы ответил официальный думский борец за чистоту нравов на вопрос о приходе в Беларусь русского фашизма?

Ну что вы все заладили – фашизм, фашизм! Не надо нас пугать! Мы фашистов разгромили, до Берлина дошли, до самого фашистского логова!

Знаю я эти речи. И потому отвечу их авторам: мы победили не фашизм – мы победили немецких оккупантов. А вот разгромить

фашистскую идеологию – этого нам товарищ Сталин и его наследники никогда бы не позволили, потому что она им была чрезвычайно близка, родственна, можно сказать. Если бы мы действительно разгромили фашизм как идейное явление, у нас не возникла бы в конце сороковых годов кампания по борьбе с „безродными космополитами", не набрало бы затем страшную силу и такую общественную отзывчивость „дело врачей-отравителей", не проходили при всенародном одобрении депортации целых народов. Если бы мы в самом деле прониклись отвращением к фашизму, то разве были бы столь терпимы к захлестнувшему нас морю нацистской, черносотенной литературы, к зарегистрированным объединениям боевиков в черных рубашках и со свастиками на рукавах?

А ведь все это появилось у нас еще до развала Советского Союза. А после пошло, что называется, и вширь и вглубь, стало настолько откровенным и привычным, что даже открытые восхваления Гитлера белорусским президентом не вызывают, как это должно быть на самом деле, широчайшего общественного возмущения.

Нет, господа, одолели немецкий фашизм не мы, а сами немцы. Попробуй в Германии открыто похвалить Гитлера, попробуй даже утверждать, что газовые камеры – это выдумка и будешь весьма строго отвечать по закону. Вот что такое подлинное искоренение фашизма!

У нас же нет иммунитета против фашизма. У нас есть неприятие слова „фашизм" как обозначения всего плохого. Но против его сути мы бессильны. Фашизм настолько многолик, изменчив, способен к мимикрии, что, сталкиваясь с ним впервые, люди не узнают его в лицо. Это происходит и в Беларуси и в России. В последней, в силу ряда специфических причин, фашизм, маскирующийся под „национально-патриотическое движение", приобрел особую силу и распространенность. Русские нацисты ныне первейшие патриоты, и им – увы! – верят многие простые люди.

В условиях чеченской войны, роста преступности, правового беспредела, беспрецедентной коррупции, духовного вакуума, который не смогли заполнить ни либеральная демократия, ни христианство, простой человек повернулся лицом к „патриотам", объявившим главной своей целью установление „справедливости и порядка". Ничего удивительного в этом нет. Простому человеку трудно разглядеть в нынешних российских коммунистах-патриотах потомков гитлеровских национал-социалистов, исполненных того же шовинистического, державно-имперского духа. Эта мутация коммунистической идеологии началась еще при Сталине. Не случайно Зюганов любит повторять: „Сталин – это победа".

Родственную связь нацизма с большевизмом ощущал и Адольф Гитлер, на исторический пример которого равняется нынешний

белорусский правитель. Вот признания фюрера на сей счет: „*Германия не станет большевистской, скорее большевизм станет чем-то вроде национал-социализма. Впрочем, между нами и большевиками больше сходства, чем различий... Я всегда принимал во внимание это обстоятельство и отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию... Национал-социализм – это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократичесаим устройством*".

Надо отдать должное этой прозорливости Гитлера. Нынешние коммунистические активисты России органично влились бы в его партию.

В тени „борьбы с фашизмом"

Чем глубже внутрироссийский кризис, тем громче и увереннее звучат голоса российских политических экстремистов и демагогов, тем сильнее поляризация общества и общественного сознания. Сегодня у российских фашистов полное раздолье. Их организации официально зарегистрированы в министерстве юстиции, выходят их газеты и журналы с дикими погромными статьями, их лидеры засели в губернских органах власти, в Думе и даже выдвигались кандидатами ■ президенты России. Их покрывают и по сути отказываются возбуждать соответствующие дела органы прокурорского надзора и суды.

Все это происходит несмотря на указ президента Ельцина „О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации". Указ, среди прочего констатирующий учащение случаев „распространения идей фашизма", был принят в марте 1995 года. А ■ ноябре того же года Лукашенко дает свое знаменитое интервью немецкой газете, ■ котором заявляет, что „не только все плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером". Конечно, российский указ не закон для Лукашенки – он ведь гражданин другой страны. Но все-таки, с учетом взаимных поцелуев и объятий с Ельциным, с учетом той же перспективы российско-белорусского объединения, надо же как-то контролировать свои высказывания. Выясняется, однако, что поцелуи и объятия – это одно, а подлинная духовная, идейная ориентация – это совсем другое.

И с российской стороны очевиден тот же цинизм политического делячества. Ежели ты, российский президент, издал такой грозный и принципиальный антифашистский указ, то будь последователен и прокомментируй, дай гласную оценку прогитлеровским высказываниям своего коллеги и ближайшего славянского собрата. Но в ответ – полнейшее молчание. Ну как же? Можно ведь обидеть Лукашенку! А он, как известно, человек горячий... И что же тогда будет с отодви-

ганием официальной российской границы до Бреста? Ради такого дела можно и проглотить циничнейшие разглагольствования коллеги по поводу „положительной роли" Гитлера, и про собственный указ позабыть.

А мы еще удивляемся, почему это по таким свободолюбивым российским телеканалам никак не могут показать фильм нашего режиссера Юрия Хащеватского „Обыкновенный президент"? То какие-то кусочки, то нелепое гаерство, в которое превратил встречу с Хащеватским ведущий программы „Времечко" Лев Новоженов, о чем точно сказала Инна Петровская в „Известиях".

Так что указы указами, а на поверку выходит все та же торговля, все тот же политический расчет. Поэтому не следовало бы президенту Ельцину в том же указе возмущаться тем, что „антиконституционная деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений приобретает все более широкие масштабы и дерзкий характер", что „на эти угрожающие конституционному строю процессы практически не реагируют органы государственной власти и местного самоуправления", что „нормы, которые являются правовой основой для реальной борьбы с этим явлением... почти не применяются". Ежели вы, Борис Николаевич, фильм по телевидению показать боитесь, что уж тогда собственную прокуратуру на борьбу с фашизмом призывать?

Их „цели и задачи"

В этой ситуации нам особенно небесполезно знать, с кем же мы все-таки объединяемся. С демократической Россией – скажет кто-то. Ну насчет демократии [redacted] нынешней России сегодня больше всего разочарованы сами демократы. А поскольку мы ведем речь о России фашистской (как ни ужасно звучит это определение), есть смысл ближе познакомиться с ее лозунгами и, как говорят грамотные люди, идейными установками.

Вот наши ближайшие сограждане. Как говорится, „они сами о себе самих".

„*Пускай даже фашизм будет, потому что, если можно построить великое русское государство только ценой фашизма, я бы на это пошел*".

Александр Проханов, писатель,
редактор газеты „Завтра".

„*Если русский национализм – это фашизм, то я фашист*".

Борис Миронов, председатель
Русской националистической партии,
бывший председатель Госкомитета
Российской Федерации по печати.

„Наши черные рубашки и военизированная форма – национальный волевой акт! Сегодня, когда разрушены все присяги, надевающие черную рубашку как бы присягают отечеству и нации словами: "Россия или смерть!"

Александр Баркашов, председатель
„Русского национального единства".

„Каждый русский просто обязан быть антисемитом".

Из „Справочника патриота-черносотенца".

„Русские не могут быть нацией, замкнутой в себе культурно и генетически. Они предначертанием своей судьбы будут поглощать в себя все созидательные соки других народов, но все, что не согласно подчиняться ценностям цивилизации, все, что несет в себе неискоренимое разрушительное начало, должно без всяких колебаний подавляться, а при неизбежности и уничтожаться, – не эскалацией и уговорами, но всей тотальной мощью... Потому и русификация есть акт прогресса, ибо она увеличивает... возможности человечества в решении жизненных задач для своего выживания на этой планете".

Сергей Городников.
„Историческое предназначение
русского национализма".

„Наше Православие является религией Аскетов и Героев. Оно устремлено к великому Северу – бескомпромиссному Полюсу, абсолютизирующему совокупность принципов. И в этом плане оно может быть названо нордическим Православием.... Грядет новое Куликово поле, на котором будет дан действительно последний и действительно решающий бой, бой с новыми ордынцами, мировыми кочевниками, мечтающими о приватизации всей планеты".

„Нация. Журнал русских новых правых".

„Мы не знаем, какой будет политическая форма правления в обновленной России. Соборная Держава или Джамахирия, скорее всего – Соборная Держава. Но в любом случае не должно быть отжившей, гнилой и фальшивой системы парламентаризма..."

Виктор Безверхий,
председатель „Союза венедов".

„Россия – это мононациональное государство русских по всем писаным и неписаным законам человечества, по всем международно-правовым нормам. Нас, русских, и считающих себя русскими, в стране, которую мы создали за десять тысяч лет своей героической истории, – 90 %. А остальные – либо гости, либо соседи по русскому дому, которым мы дозволяем тихо и послушно проживать, не мешая нам шумом и вороватой возней. Мы, русские, не хотим считаться ни с какими малыми народами, которые в коммунистическом безумстве продолжают уверять себя и весь мир, что они равны нам (?!), русским, по всем статьям! Живите с миром, как жили сотни и тысячи лет бок о бок. Но мы не позволим создавать блошиные государства на теле Великой России, это смертельно опасное заблуждение, которое кончится гигантской катастрофой, и прежде всего для зачинателей идей о „суверенных" и „независимых" государствах, с которыми Россия, то есть русские, почему-то должны строить жизнь на договорных началах. А вы спросили 150 миллионов русских, желают ли они договариваться с племенными вождями?"

Андрей Архипов (газета „Атака").

Готовы ли мы к приходу баркашовцев?

Цитировать можно бесконечно, благо изданий подобной направленности в России тьма-тьмущая. Можно, конечно, назвать авторов этих высказываний сумасшедшими или культурнее – маргиналами. Можно сказать, что большинство-то в России нормальные люди. И это будет правдой. Но штука в том, что объединяться придется и с *этими, с ненормальными.*

В Германии 30-х годов „ненормальные", будучи в явном меньшинстве, пришли к власти. Что может „ненормальным" помешать сделать это же в России или в объединенном белорусско-российском государстве? Сильная демократическая система? Крепкая экономика? Но ведь этого нет.

А вот российский фашизм налицо. И он все крепнет, все глубже раскалывает российское общество – писателей, ученых, художников... И удается ему это тем успешнее, чем глубже он натягивает на себя маску патриотизма. Петербургская писательница Нина Катерли свидетельствует: „Так или иначе, приходится признать, что уже сегодня многое, в том числе и в общественном сознании, и в так называемой культурной жизни, готово к приходу фашизма".

А мы у себя в Беларуси готовы? Готовы к тому, что журнал „Маладосць", подобно российской „Молодой гвардии", будет печатать „Протоколы сионских мудрецов", „Майн кампф" без комментариев?

А в „Полымя" появится черносотенный „Спор о Сионе" Дугласа Рида, опубликованный в российском „Нашем современнике"... Не захотят печатать эти журналы – найдутся другие издания. В таких условиях найдутся и люди, пожелающие возобновить печальной памяти журнал „Политический собеседник". И наверняка найдут поддержку „наверху".

Сегодня издаваемая в России агрессивная, ксенофобская, антисемитская, антидемократическая литература, попадая в Беларусь, ютится кое-где на отдельных лотках книжных торговцев на улицах и в подземных переходах, попадается на книжных базарах... Завтра она выйдет открыто на главные книжные прилавки. Готовы мы к этому?

Готовы мы к тому, что на улицах наших городов будут маршировать баркашовцы, которым „есть за что умирать" и „есть ради чего жить"?

Готовы ли к тому, что в наших крупных городах откроются филиалы зарегистрированных в России под видом патриотических фашистских организаций?

Вопросы эти отчасти представляются риторическими, если учесть тот восторженный прием, который оказали совсем недавно молодые минчане известному рок-музыканту, представителю так называемого русского рока и горячему поклоннику баркашовцев Егору Летову. „Народная воля" опубликовала снимок, на котором пришедшие на концерт молодые люди дружно вскидывают руки в фашистском приветствии, откликаясь на призыв своего идола. Фашизм и коммунизм этот „деятель культуры" считает единственно правильными, так как „все остальное – смерть".

Почва у нас уже неплохо унавожена. И президентскими признаниями насчет „конструктивной" роли Гитлера. И книжечками соответствующими, которых поднавезли из России. И соответствующими публикациями в некоторых наших периодических, главным образом государственных изданиях...

Российский фашизм настойчиво стучит в белорусскую дверь. Откроем ли мы ее?

Семен Букчин.

„Народная воля", 21.V.1997.

ТАК КТО ЖЕ У НАС ЛЮБИТ КОПАТЬСЯ В ИМЕНАХ-ОТЧЕСТВАХ?

О сторонниках „пятой графы"

В середине ноября наш правитель дал обширное интервью российским журналистам, в котором немалое место занял

национальный вопрос. А там такие замечательные мысли, такая прогрессивная позиция – любое интернациональное человеческое сердце возрадуется! Ну вот хотя бы это: *„А я вот стопроцентный белорус, но не хочу, чтобы в этой „пятой графе" было что-то там записано. Мне этого не надо, бумажного подтверждения. Ну чего тут настаивать, неужели это главное в жизни, кто ты – белорус, русский, украинец, еврей? Неужели это так важно? Или опять будем разворачивать какие-то кампании по выявлению национальностей, выверять проценты, устанавливать, кто лучше? Копаться в именах-отчествах. Один народ на другой натравливать. Кто хочет, пусть запишет свою национальность. Это не возбраняется. Главное – чтобы человек был патриотом своей страны, честно жил и работал. Все остальное приложится ... У нас в Беларуси об этом в последнее время меньше всего думают. Мы не заглядываем в паспорта"* („Советская Белоруссия", 14 ноября).

Смею думать тем не менее, что в паспорта все-таки у нас заглядывают, И не просто заглядывают, а очень пекутся о том, чтобы в „пятой графе" все было „как следует". Не случайно ведь с 9 июня с.г. действует „Инструкция о порядке определения национальной принадлежности граждан Республики Беларусь". Разумеется, запись в паспорте делается „по желанию гражданина". Но „желание" оказывается на поверку поставлено в жесткие рамки, поскольку „национальность гражданина Республики Беларусь определяется национальностью родителей". Таким образом, человек, у которого отец, положим, поляк, а мать русская, но пожелавший записаться белорусом, не сможет этого сделать. Не положено по той же инструкции. А почему, собственно, ежели человек чувствует себя не поляком и не русским, а более всего – белорусом? Неужели это так важно ? – хочется произнести вслед за президентом Лукашенко.

Но, видимо, действительно важно. Чтобы человек не ускользнул, не спрятался, чтобы весь был перед властью, со всеми потрохами... Что же касается заявления правителя о том, что ему „этого не надо, бумажного подтверждения", то здесь мы имеем дело с обычной работой на публику, со своего рода демократической шутихой – запустил в небо и сам же любуешься: до чего красиво!

Потому что если бы действительно не нужно было этого „бумажного подтверждения", если бы действительно этого правитель жаждал, то никакой „Инструкции о порядке определения национальной принадлежности" и не появилось бы. Не надо туманить нам мозги, что, дескать, граждане сами возжелали... Что-то не помнится мощных демонстраций в защиту „пятой графы", коллективных писем в газеты... Слава Богу, у граждан других забот хватает. Так что правитель в этом

вопросе отнюдь не шел на поводу у некоей гражданской инициативы. Это с одной стороны. А с другой, мы прекрасно знаем, что даже назначение сторожем в районную баню не происходит у нас без личного вмешательства президента Лукашенко. Поэтому ежели бы в самом деле он хотел ликвидации в паспорте „пятой графы", то так бы оно и было. Человек конституцию „под себя" провел, а тут перед какой-то „графой" расплылся. И теперь играет в либерала: дескать, ему все равно... Такой вот европеец-космополит, но на всякий случай все ту же „Инструкцию" за спиной держит.

Причина более чем очевидна: этнический фактор, несмотря на все громогласные „интернациональные" заявления правителя, играет ■ политике лукашенковского режима немалую роль.

„Посмотрим, кто над кем издевался?"

Отвечая на вопрос, почему сегодня некоторые политики высказываются за сохранение графы „Национальность" ■ российском паспорте, директор Института этнологии и антропологии Российской Академии наук Валерий Тишков отмечает: „*Если исключить больных вирусом этнического национализма, то здесь, скорее, действует не столько привычка носить отметку в паспорте, сколько современный политический расчет... Многие политики, избираясь в органы власти, не стесняются использовать этнический фактор. Не секрет, что и некоторые престижные назначения делаются в зависимости от национальности... Рядовые граждане страны умеют жить мирно и уважать национальность других или вообще не обращать на нее внимания, если их не провоцируют так называемые „этнические предприниматели" из числа политиков или интеллигенции. Последним, при нехватке способностей или умений, этот весьма заметный довесок необходим для получения голосов или признания*" ("Известия", 4 ноября).

Не только российские, но и наши некоторые политики не чуждаются этого самого „довеска". Вспомним хотя бы конфликт между „Советской Белоруссией" и „Знаменем юности", разгоревшийся весной нынешнего года. Я писал об этой истории ("Припавшие к высочайшему сапогу". – „Свабода", 20 мая) как о борьбе двух лакейских кланов, сражающихся за „доступ к телу" Самого. Но был в ее подоплеке и очевидный черносотенный аспект. В те дни газета Игоря Осинского „Белоруссия" (№ 37) подробно рассказала о встрече депутатов Национального Собрания С.Костяна, А.Свирида и Н.Дубовика с сотрудниками редакции „Знамени юности". После взаимных ритуальных приветствий (депутаты охарактеризовали „ЗЮ" как газету, „твердо стоящую на патриотических позициях") г-н Костян бросил на стол козырную карту:

„2 апреля в „СБ" на первой полосе публикуют Договор и проект Устава Союза двух союзных республик, а на четвертой материал о том, как в СССР репрессировали евреев".

Какая, спросите вы, связь между первой и четвертой страницами газеты? Почему нельзя, публикуя на первой полосе документы о Союзе Беларуси и России, на четвертой рассказать о репрессиях против евреев в СССР? Разве г-ну Костяну неизвестно об убийстве в Минске Михоэлса, о „деле врачей", о борьбе с „безродными космополитами", о расстрелах видных еврейских писателей в Москве, в Минске, на Украине? Ну а если бы на четвертой странице того самого номера „СБ" были опубликованы материалы о тех же сталинских репрессиях против белорусской интеллигенции, против чеченцев, ингушей, калмыков? Как тогда? Стерпел бы г-н Костян?

Но именно материал о репрессиях против евреев настолько оскорбил патриотическое чувство г-на Костяна, что он немедленно помчался докладывать о „происшествии" самому президенту. А как же? Крамола! Сионистская вылазка! В таком номере, где все должно быть чисто, стерильно и вдруг запахло этими самыми... Депутат Костян пышет благородным негодованием и желанием посчитаться. Он так и сказал на встрече с сотрудниками „ЗЮ": *„Ну так давайте посмотрим, кто над кем издевался. Нарком Бергман тысячами уничтожал представителей белорусской интеллигенции, но об этом в „СБ" никто не пишет..."*

Во-первых, фамилия наркома внутренних дел БССР (с марта 1937 по май 1938 гг.) была не Бергман, а Берман. Во-вторых, еврей Берман был таким же орудием ■ руках Сталина, каким был глава НКВД русский Ежов, что, разумеется, не снимает ни с того, ни с другого личной ответственности. Но участвовали они в созданной Сталиным репрессивной машине не как еврей или русский, а именно как инструменты этой уничтожившей и самих палачей (Берман был расстрелян в 1939 г.) машины. Но депутат Костян переводит проблему исторической трагедии ■ этнический план. И вот – может быть, и не по злому умыслу, невольно, скорее даже по причине традиционного бескультурья и невежества, – но тем не менее возникает то, что вполне может быть сочтено призывом к разжиганию национальной розни. А как еще прикажете понимать эту фразу:"*Ну так давайте посмотрим, кто над кем издевался*" ? Фразу, смысл которой не меняет после-дующее дежурное признание г-на Костяна в том, что он „не антисемит" и „уважает всех простых людей и тружеников всех национальностей..." Может быть, г-н Костян и не антисемит, но вот что, как говорится, выпало в осадок...

Вот такие у президента Лукашенко ближайшие советчики... Мы и без того знали, что в этой среде умом, культурой не блещут. Впрочем,

есть, наверное, в этом своя закономерность. Что, в самом деле, можно сказать об „уровне" депутата Национального собрания, для которого публикация о репрессиях против евреев, если опять же судить по остроте реакции, – это „пропаганда сионизма"...

Президент Лукашенко очень любит похваляться отсутствием в Беларуси межэтнических конфликтов. Выступая на пленарном заседании Совета Республики Национального собрания, он заявил: „*И мы все сделаем для того, чтобы и католикам, и православным, и евреям, и русским, и белорусам, и полякам, и литовцам было хорошо в нашем государстве. И вот тут (на межрелигиозных распрях, на межнациональных – на том, чтобы расколоть наше государство) ничего не получится*" („СБ", 11 июня).

Замечательные слова! А в недавнем интервью российским журналистам он сказал такое, от чего способно вострепетать не одно еврейское сердце: „*Смотрю, в связи с российскими паспортами вновь русские националисты начали полоскать евреев на всю катушку... Поганенькие мыслишки высказываются... Еще неизвестно, как бы поступили эти самые ура-националисты, если бы их так же душили в свое время, как это у нас было с евреями. Прекрасно знаю, как это было. Но в Беларуси больше не будет*".

Не будет? Но вот депутат Костян, заместитель председателя комиссии по международным делам и связям, предлагает поглядеть, „кто над кем издевался", по сути установить, какой народ перед каким несет большую вину за сталинские репрессии. Как с этим быть, Александр Григорьевич ? Может, опять начнем в духе покойного „Политического собеседника" (не потревожить бы тень В.Я.Бегуна!) подсчитывать количество евреев на постах начальников НКВД? А потом и выводы соответствующие сделаем?

Как вы поступите, Александр Григорьевич, с этим искателем „этнической правды"? Выгоните его из депутатов или только пальцем погрозите? Ведь Костян подобными заявлениями, мягко говоря, не прибавляет авторитета ни вам лично, ни вашему парламенту, ни всей вашей власти. Но ведь как предан! О чем сам гордо поведал сотрудникам „ЗЮ": „*... я вынужден был сказать президенту: „Александр Григорьевич, может случиться такое, что вы с автоматом и государственным флагом останетесь один в президентском кресле, если вот так будете созерцать, и различия в политической, идеологической позициях называть ссорой между двумя личностями*".

Ну, я думаю, что Александр Григорьевич один не останется. Рядом будет, если не с автоматом, то хотя бы с ма-а-а-леньким пистолетиком, верный Костян. Этот не оставит. Оттого, наверное, и не пробрасывается президент такими людьми.

Впрочем, и г-н Якубович еще для чего-то нужен. Уже начавшийся подзабываться скандал-грызня между „Советской Белоруссией" и „Знаменем юности" по поводу того, кто более для Хозяина ценен, получил продолжение в нынешнем конфликте между „Советской Белоруссией" и „Славянским набатом". В разворачивающейся „Комаровской битве" аргументы у наших охотнорядцев железные. „Я всегда положительно относилась к А.Г.Лукашенко, хотя бы потому, что вокруг него нет такого сонма евреев, как возле Ельцина, – чистосердечно заявляет на страницах „Славянского набата" (18–24 декабря) читательница Мария Лайша из Могилева. – Якубович – единственный, который может создать Президенту проблемы".

Да и коллектив редакции „Славянского набата" в опубликованном ■ том же номере „Открытом письме" к президенту требует разобраться с тем, „кто такой, наконец, г-н Якубович..."

Опять сложная задача у правителя: оставить Якубовича на редакторском посту ■ президентской газете – вроде как потакание сионистам, не прислушаться к патриотическому битью ■ грудь и заклинаниям в истинной и вечной верности тех же охотнорядцев – значит лишиться поддержки известной части электората.

Проблема, которую тем не менее придется решать.

„Крысы со звездой Давида, выметайтесь ■ белорусской земли! „

„Но в Беларуси больше так не будет", – заявляет президент Лукашенко.

„Будет!" – заявляет газета „Знамя юности" и 26 августа публикует более чем выразительный фотоколлаж: милиционер выметает крыс с откровенно шаржированными внешностями „еврейского типа". При одной из них портфель со звездой Давида. Это чтоб не было сомнений...

Коллаж выполняет роль иллюстрации к статье о жуликах, с помощью фальшивых документов вербовавших доверчивых людей якобы на строительные работы в Израиле. Жулики есть среди любого народа, в любом обществе, в любой стране. Преступность вненациональна. Тогда при чем здесь характерные черты национального облика? Зачем потребовалось украсить „еврейскую крысу" национальным символом Израиля – звездой Давида? Выходит, если в Москве раскроют жуликов из Беларуси, то московская печать должна изображать их в виде отвратительных „белорусских крыс" с нынешним официальным гербом Беларуси?

Уверен – появись такая „иллюстрация" в московской газете, тут же последовал бы официальный протест против раздувания антибелорусских настроений. Но тут ведь свои ребята резвятся. Я не знаю, видел ли этот коллаж г-н Заметалин. Допускаю даже, что он, может

быть, поднял трубку, позвонил в редакцию и ласково пожурил „рисовальщиков": мол, вы, ребятки, не особенно увлекайтесь... Вроде того, как купец на рынке времен Гиляровского грозил пальцем своему „мальчонке при весах", показывавшему хозяину, как ловко он может обмануть покупателя: „Ванятка, не балуй!"

А Ванятка между тем уже не просто балует, он перешел к откровенным провокациям. Газетка „Личность" (издание, выходящее под девизом „Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает", после знакомства с которым требуется хорошенько вымыть руки), сообщает: „*По непроверенным данным, подразделения „Бейтар" (еврейские полувоенные организации) планируют в ближайшее время попытку физического устранения президента Беларуси. Как нам сообщил источник, рассматриваются два способа: снайперская винтовка и психонасилие*" (№ 13-14 с.г.).

Данные „непроверенные" (это, разумеется, оговорено на всякий случай, ежели прижмут), зато суть сообщения более чем ясна: евреи готовятся убить президента. А это уже, г-н Лукашенко, почище, чем просто „возбуждение межнациональной розни". Это уже не очень скрытый призыв к погромам: они хотят убить „нашего президента", поэтому „бей жидов, спасай президента!"

И что же Госкомпечать, прокуратура? А ничего, поскольку опять же свои ребята балуют... Вот когда „Свабода" перепечатала письмо некоей Белорусской освободительной армии, где утверждалась необходимость „вооруженной борьбы с режимом Лукашенко" (чтобы показать, что есть такой документ, появившийся ■ связи со взрывом на газопроводе в апреле с.г.), это было сочтено властями за распространение призыва к свержению режима. „Свабоду" закрыли. А „Личность", открыто провоцирующая антисемитские настроения, выходит как ни в чем не бывало.

Заявления о готовящихся покушениях на Лукашенко в последнее время зачастили в прессе. Но мы помним этот сталинско-бериевский метод: за нагнетанием истерии, слухов о покушении на „вождей" следовали жесточайшие репрессии. Власть же, как видим, не стремится отмежеваться от этой практики. Выходит, выгодно?

Сегодня Ирину Халип привлекают к уголовной ответственности за пощечину следователю, отказавшемуся расследовать дело об избиении милицией журналистки и ее отца. Но прокуратура молчит, когда в той же „Личности" публикуются следующие обращенные к журналистке пассажи: „*К вашему сведению, Ирина, ваши соплеменники, стреляли из БТРов и пулеметов в безоружных людей у любимого вам Останкино 3 октября 1993 года*".

„Ваши „демократы" из „Бейтара" (еврейские полувоенные ороганизации, расположенные на территории бывшего СССР) стреляли

в раненых, добив их, плясали религиозные танцы на русской крови" (*№ 8 с.г.*).

Чему, г-н Лукашенко, должна служить эта ничем не подтвержденная чудовищная ложь? Укреплению дружбы народов? Или раздуванию ненависти к евреям?

„Такого больше в Беларуси не будет", – заявляет президент Лукашенко.

„Будет!" – отвечает газетка „Личность", действительно характеризующаяся „тем, как она это делает", и преподносит следующее сообщение о Василе Быкове: „*Сначала он кончился как писатель (женившись на еврейке, он ничего путного так и не написал), потом он организовал масонскую организацию на Беларуси – ПЕН-клуб*" (№ 20–21).

"Будет!" – отвечает Белорусское телевидение и воскрешает в передаче „Сущность" (27 июля с.г.) дикие наветы об „употреблении евреями крови христианских младенцев".

"Будет!" – отвечает орган белорусских „охотнорядцев" газета „Славянский набат" и подробно пересказывает (№ 27) давно разоблаченную фальшивку – „Протоколы сионских мудрецов", сама публикация которых, согласно международной практике, считается проявлением антисемитизма.

Кому верить?

Черносотенцы – надежда и опора президента?

Полагаю, что верить следует Белорусскому телевидению, „Знамени юности", „Личности", „Славянскому набату"... Поскольку телевидение у нас государственное. А три упомянутые газеты печатаются не где-нибудь, а в „Белорусском Доме печати", типографии, принадлежащей Управлению делами президента. Другим независимым изданиям туда вход воспрещен. А у этих – нет проблем: свои люди...

У меня пока нет никаких оснований считать г-на Лукашенко горячим антисемитом. Хотя я и помню, что, выступая в прошлом году в российской Государственной Думе, он не удержался и „намекнул" на „нехорошую" иностранную принадлежность тогдашнего корреспондента НТВ Александра Ступникова. Судя же по последним высказываниям, наш правитель проникся пониманием положения евреев в СССР. Но вот так получилось, что среди самых рьяных его идеологических „обеспечивателей" преобладает, в основном, черносотенная публика. „Ты наш! – кричит она ему. – Ты самый главный славянин и должен спасти нас от сионистско-жидовского засилья!". Возможно, президент Лукашенко и хотел бы отмахнуться от этой нечисти, но она уже облепила его со своими газетами, радио и теле-

передачами. „Мы твои самые верные сторонники! Мы не предадим!" – вопит она.

И что делать бедному нашему правителю в этой ситуации? Послать их подальше? Но ведь предупреждал же депутат Костян: с кем останетесь, Александр Григорьевич? Поневоле тут задумаешься...

А я вот думаю, как должна отреагировать помешанная на „еврейском вопросе" газетка „Личность" на слова Лукашенко о том, что евреев у нас „душили в свое время" и что этого „в Беларуси больше не будет". Видимо, пора ставить вопрос о таки совершенном над белорусским президентом еврейском „психонасилии". Нормальный-то президент такого не должен говорить. Значит, уже проникла в него сионистская бацилла! И, видимо, пора менять президента... Если, конечно, все это не было сказано им ради красного словца?

Проблема. И не только для газетки „Личность".

Семен Букчин.

„Белорусская газета", 12.I.1998.

ГОРЯЧАЯ ВЕСНА 1996-го

26 апреля, в традиционный день траура, очередную годовщину Чернобыльской катастрофы, в Минске произошло столкновение участников „Чернобыльского шляха" с подразделениями спецназа и ОМОНа. Всем было ясно, что традиционное шествие (по разным оценкам в нем участвовало от 30 до 60 тысяч человек) на этот раз еще и повод для оппозиции высказать свое отношение к режиму. Лукашенко распорядился продемонстрировать „твердость руки". В результате – десятки избитых, отравленных газом людей, перевернутые автомобили, кровь на городских улицах... А потом – аресты, суды... События получили серьезный резонанс далеко за пределами Беларуси.

НОВАЯ БЕЛАРУСЬ: БОЛОТО СТАНОВИТСЯ ВУЛКАНОМ

„Уже хорошо известно: 26-го, в разгар событий, Лукашенко спрятался в резиденции „Дрозды", вызвав для дополнительной охраны суперподразделение белорусских коммандос. По словам свидетелей, у него был настоящий приступ страха...

Вообще у оппозиции теперь большие шансы как на победу, так и на очередной разгром. О достижениях на идеологическом фронте говорить невозможно: идеология возрождения былой Беларуси если не разбита, то явно исчерпала свой потенциал. Оппозиционерам, видимо, придется создавать идеологию новой Беларуси, той, что вышла на минские улицы и пока скандирует вслед за учителями „Жыве Беларусь!" Ей придется объяснить, какая Беларусь – живет. Кто успеет ответить на этот вопрос – тот и обеспечит себе победу. Потому что на его сторону станут силы, родившиеся этой весной".

Олег Груздилович.
„Свабода", 28.V.1996.

ПОЛЮБИТЬ БЕЛАРУСЬ

„Первое преступление режима в апрельских событиях – это **запрещение Чернобыльского шляха.** Такие вещи не запрещают, как не запрещают, к примеру, похороны родственника. Запланированное шествие было выражением единения людей ■ трауре.

... Второе преступление режима, который по уши погряз в беззаконии, – это **провокация раскола в обществе**. Лукашенко ощущает склонность белорусов к братанию с белорусской милицией и поэтому на этот раз для разгона демонстрантов пригласил российский спецназ.

... Третье преступление режима – **репрессии против национальной интеллигенции.** Нужно иметь клинически больное воображение, чтобы допустить, что историк искусства профессор Юрий Хадыка, языковед Винцук Вечерка, переводчик Левон Борщевский, историк литературы Язэп Янушкевич, латинист Алесь Жлутка и многие-многие другие известные создатели современной белорусской гуманитарной науки и культуры способны хоть на какое-то преступное деяние. Лукашенко посадил „головастиков", которые говорят на десятках языков, выпустили по несколько книг, воспитали несколько поколений специалистов, – за решетку, вместе с бомжами и уголовниками. Если добавить к этому, что людей после шествия хватали по признаку языка, то можно говорить не только об антибелорусской, но и об антикультурной политике режима.

... Наша интеллигенция привыкла к разным руководителям, но никто из них, от Машерова до Малофеева, никогда не высказывал неуважения к Беларуси и белорусскому языку. А.Лукашенко – первый, кто высказал неуважение к белорусскости. Это он заявил, что Беларусь для него – „пройденный этап". Это он допустил оскорбительные высказывания по отношению к белорусскому языку...

Таким образом, преступления названы, и рано или поздно режим сядет за них на скамью подсудимых..."

Сергей Дубавец.
„Свабода", 3.V.1996.

„БЕЛАРУСЬ ЕСТЬ И БУДЕТ СУВЕРЕННЫМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВОМ..."

Из стенограммы встречи А.Лукашенко с главными редакторами средств массовой информации

„Я вам однажды уже говорил, что сегодня так называемой оппозиции нужна кровь. А я, как президент, не могу этого допустить. И по-

том, за что вы меня осуждаете? Вся процедура организации и проведения демонстраций, митингов, пикетов законодательно определена. И никто не имеет права это законодательство нарушать. Вот в чем суть. А я – президент. И я отвечаю за это государство, за народ, за его благополучие, за жизнь каждого человека".

„Советская Белоруссия", 12.VII.1996.

РОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО РАДИКАЛИЗМА

„Образование молодежных радикальных групп, столкновения с милицией и ОМОНом в ходе массовых акций – эти признаки нарастающего радикализма трудно не заметить. Жестокие репрессии властей против участников митингов лишь способствуют росту рядов „реалистов, требующих невозможного": насилие порождает желание ответить насилием, участники стычек с милицией, избитые и отсидевшие несколько суток, выходят из заключения кумирами своих единомышленников. Власть сама содействует эскалации радикального протеста и созданию его мифологии".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская газета", 6.V.1996.

В БЕЛОРУССИИ УЖЕ САЖАЮТ

„У значительной части молодежи республики личность президента, мягко говоря, не вызывает симпатии. Многих раздражают его публичные выступления... авторитарный стиль... постоянные нападки на средства массовой информации, копившееся долгое время раздражение вылилось в массовые беспорядки... Между тем и президентские выборы, и референдум, и парламентские выборы показали, что среди 7 миллионов белорусских избирателей порядка миллиона-полтора убежденных сторонников независимости, демократии, западных ценностей".

Игорь Синякевич.
„Комсомольская правда", 30.IV.1996.

ШАНС БЕЛАРУСИ

„Весенние акции показали, что у Беларуси появился шанс. И горько, что этого шанса ее могут лишить именно те, кто делал все, чтобы этот шанс появился.

Диктаторская власть порождает адекватную ей оппозицию... И в акциях 26 апреля следует отметить тревожные симптомы. Во главе колонны на прорыв милицейских кордонов шли члены УНСО, радикальной организации, которую на Украине справедливо считают полуфашистской. Публичное почитание памяти Дудаева – тоже переход некой границы, которую оппозиция ранее старалась не переступать. Режим, подавляющий свободу, радикализирует оппозицию.

Судя по тому, что третья в течение месяца массовая акция собирает 20-30 тысяч человек, волна общественной активности идет на подъем".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 2.V.1996.

В БЕЛОРУССИИ РАСТУТ УЛЬТРАПРАВЫЕ НАСТРОЕНИЯ

„Раньше Россия всегда имела в лице Белоруссии как минимум доброжелательного соседа, причем не только на уровне властей, но и простых граждан. Теперь положение начало меняться, и что будет завтра, неизвестно. Парадоксально, но интеграционные процессы, форсируемые Кремлем и Александром Лукашенко, могут дать обратный эффект".

Александр Старикевич.
„Известия", 30.IV.1996

СОЮЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: РАСКРУТКА ГИГАНТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПЕКУЛЯЦИИ

„ГОТОВ СРАЖАТЬСЯ ЗА ИНТЕРЕСЫ СЛАВЯНСТВА"

Беседа Александра Казинцева с президентом Республики Беларусь

А.Лукашенко: Я хочу, чтобы русский человек, россиянин, занял на планете земля достойное место – опоры, оплота славянской цивилизации. Я не хочу, чтобы русские нищали, вымирали. Я хочу, чтобы они были сильными и богатыми. Тогда и нам, особой ветви славянства, Белой Руси, будет лучше. Тогда и другая ветвь – Малая Русь – потянется к Руси Великой. И мы снова станем монолитом. Я желаю единения народам, чтобы вместе преодолеть наши трудности. Банально звучат эти слова, многие их говорили. Но я хочу, чтобы они воплотились в реальные дела. Этого я желаю русскому человеку".

„Наш современник", 1997, № 1.

2 апреля 1996 г. Ельцин и Лукашенко подписали документы о создании Сообщества Беларуси и России. Председателем Высшего Совета Сообщества стал Лукашенко.

ПОСЛЕДНИЙ КЛАПАН

„Не ставя под сомнение глубинные славянские и советские инстинкты белорусского президента, осмелюсь утверждать, что движит им совсем другое – его прельщает, во-первых, сама слава объединителя новой Великой России и, во-вторых – более близкая перспектива единовластия в Беларуси. Широкомасштабная кампания за объединение с Россией рассматривается А.Лукашенко как трамплин для вознесения на исторический и властный пьедестал... Александру

Лукашенко нужен этот быстрый объединительный процесс, потому что он намерен под его шумным пропагандистским прикрытием переписать по результатам референдума Конституцию Республики Беларусь и придать президентскому беззаконию законный статус. А Москва, вступающая в дружественный союз, будет вынуждена выдать индульгенцию за все будущие антидемократические прегрешения Лукашенко. Объединение с Россией нужно президенту Беларуси еще и потому, что тогда он сможет часть ответственности за неблагополучную экономическую ситуацию в республике переложить на плечи России.

...У идеи интеграции двух славянских государств в Беларуси нет сколь-либо значимой политической альтернативы. Весь вопрос лишь в том, какие цели будет преследовать процесс сближения между Беларусью и Россией, и в какие конкретные формы межгосударственного объединения будут облечены особые отношения между народами наших стран".

Анатолий Майсеня.
„Народная воля", март 1996, № 43.

„ПРОДАНО!"

„Вряд ли есть больший позор для страны, чем сутенерство на государственном уровне, когда высокопоставленные чиновники, преследуя личные выгоды, начинают оптом и в розницу торговать суверенитетом. Это уже последняя стадия моральной деградации государства и общества. Но, как верно заметил „Московский комсомолец", „нельзя обвинять государственных мужей в проституции, если сам народ ведет себя как проститутка, отдаваясь каждому встречному задешево: за посулы"...

Резонно задаться вопросом: почему все это происходит именно в Беларуси. Ведь наши соседи – страны Балтии ценой немалых усилий и даже крови возвратили независимость и не помышляют о расставании с ней. Первопричина тому – отношение народа к национальным святыням. Как в любом цивилизованном обществе, там ценят и берегут суверенитет своего государства, потому что полагаются в обустройстве собственной жизни на себя, а не на еще кого-то.

В Беларуси же моральные ориентиры сбиты напрочь".

Александр Старикевич.
„Свабода", 7.III.1996.

АМИНЬ СУВЕРЕНИТЕТУ?

„И здесь мы подошли к коренному вопросу современной истории Беларуси: „Способны ли мы, белорусы, сами решать свою судьбу?", а значит – „Существует ли белорусская нация, наделенная самосознанием и способностью к самоорганизации в рамках национального государства?" И далее – „Достойны ли мы, белорусы, дарованного нам историей суверенитета?"

В истории независимой Беларуси не найти однозначного ответа на эти проклятые вопросы. Если абстрагироваться от Александра Лукашенко как личности и от всех противоречивых личностных наслоений его президентства, то получим, что его приход к власти в Беларуси и последующая политика были подготовлены всем развитием Беларуси с момента Декларации о суверенитете. Нынешнего президента Беларуси создала сама эпоха, он вырос из толщи массовых разочарований жизнью в постсоветскую эпоху – „при Кебиче и Шушкевиче". Избрание Лукашенко было реакцией народа на неспособность лидеров дать внятный ответ: „Куда мы идем?" и „Какую жизнь строит Беларусь?" В те годы суверенитет со всем своим потенциалом оказался невостребованным, хотя, по злой иронии, именно его несправедливо сделали виновником всех бед и страданий народа. Традицию игнорирования суверенитета продолжил Александр Лукашенко. Он просто не мог иначе. Лукашенко – народный президент, и, как избравший его в минуту тяжелого надлома народ, он тоже искренне верил, что корень зла – суверенитет. За время своего правления он не изменил своим принципам. Отсюда его упования на интеграцию с Россией как на панацею от всех болезней. Но настоящая интеграция никогда не была альтернативой суверенитету, а реальный суверенитет никогда не был помехой интеграции. Интеграция сама по себе есть проявление зрелого суверенитета, что доказывает европейский опыт.

Но это уже не задача президента Лукашенко. Это задача тех, кто придет после него".

Анатолий Майсеня.

„Народная газета", 7–11.III.1996.

НАЗАД, В БССР?

„Важнейший (помимо транзитного) интерес России к Беларуси лежит в военной сфере. И этот интерес полностью противоречит истинным государственным приоритетам Беларуси.

Во-первых, потому, что нарастающие внутренние межнациональные конфликты на территории Российской Федерации неминуемо

затребуют нового „пушечного мяса". А как же, дорогие сограждане, вы хотели – только нейтралитет при независимой армии может гарантировать неучастие в военных конфликтах".

Сергей Наумчик.
„Народная воля", март 1996, № 45.

СМЕРТЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ?

„В то время, когда большая часть российских политиков драматически-популистски использует так называемую „проблему расширения NATO", присоединение белорусской армии к российской милитаристской машине является чрезвычайно привлекательным для нынешних московских властей. Ельцин как бы говорит своим растерянным соотечественникам: „Теперь Беларусь будет защищать наши западные рубежи!", тем самым перехватывая инициативу у коммунистов и великодержавников на их основном – интеграционном и антизападном фронте".

Виталий Цыганков.
„Свабода", 12.III.1996.

ЧТО МЫ ИЩЕМ В РОССИИ?

„Судя по многим высказываниям и действиям, А.Лукашенко не скрывает своих намерений стать во главе объединенного белорусско-российского государства. Поэтому президент так демонстративно эксплуатирует идею „славянского единства". Интенсивные контакты окружения Лукашенко с лидерами „патриотических сил" России ни для кого не являются секретом. Таким образом, Беларусь становится плацдармом российской оппозиции, консолидирующим центром, объединяющим антиельцинские силы на всем пространстве СНГ. Здесь на практике осуществляется политика, предлагаемая российской оппозицией.

К чему привела такая политика? К разорению страны, к нищете большинства белорусского народа. Эта политика отняла у людей надежду на лучшее будущее".

Василий Шлындиков, председатель Комиссии
Верховного Совета Республики Беларусь
по экономической политике и реформам,
депутат Парламентского Сообщества
России и Беларуси.

Ольга Абрамова,
секретарь Комиссии Верховного Совета
Республики Беларусь по международным
делам, депутат Парламентского
Сообщества России и Беларуси.
„Народная воля", октябрь 1996, № 98.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВПЕРВЫЕ ЧЕРЕЗ ДВА ВЕКА

„Политическая компетентность Москвы в минских делах сравнима с компетентностью колхозников-пенсионеров из шкловских „неперспективных" деревень. Москва – как плохой картежник, она видит, что Беларусь, хоть и мелкий, но единственный козырь в ее раскладе, а как его можно употребить, не знает.

Хотя уже очевидно, что использовать белорусскую карту ■ европейской игре Москве затруднительно. Действия режима Лукашенко могут создавать фон для России. Пока в Минске локализуется полюс твердолобости и наивного милитаризма, а Беларусь воспринимается как последний реликт „империи зла", позиция Москвы выглядит умеренной и разумной. Стоит только Москве солидаризироваться с Минском, как Европа перестанет обращать внимание на Беларусь, и Россия снова будет поставлена ■ позицию резкого противостояния интеграционным процессам в Европе.

Во внутренней российской политике официальная Москва использует Беларусь как пугало. Смотрите, говорит она своим гражданам, как вы будете жить, если к власти в России придут коммунисты, смотрите, что значит не проводить реформы. Поэтому все, что нужно России от Беларуси во внутриполитических играх, так это, чтобы уровень жизни в Беларуси был всегда и стабильно ниже, чем в России...

Общий вывод об использовании белорусской карты в российской политике неутешителен. Беларусь с Лукашенко – шестерка в колоде. Даже в козырной позиции эта карта так слаба, что постоянно возникают сомнения: а не сбросить ли ее как лишнюю в раскладе? Стоит ли она тех финансовых потерь, которые несет ТЭК, когда Москва и Минск подписывают очередной „нулевой вариант"? Каков должен быть размер белорусского долга, чтобы услуги „дружественного" правительства в Минске стали окончательно нерентабельными? Судя по всему, Москва, как плохой игрок, ждет подсказки извне".

Владимир Мацкевич.
„Белорусская газета", 16.XII.1996.

В ПОРОЧНОМ КРУГЕ

„Беларусь в СССР была как бы витриной существующей системы, во всех сферах жизни демонстрировавшей „преимущества” социализма. В экономическом плане она развивалась довольно успешно... Здесь не было такой коррупции, как в Москве, Закавказье или Средней Азии. На фоне прогрессирующего в московском руководстве старческого маразма во главе Беларуси стоял популярный в народе, энергичный, с зажигательной речью „романтический сталинист” (по выражению А.Адамовича) П.Машеров. Сохранялась вера населения в справедливость существовавших институтов власти. В Беларуси, в отличие от соседних республик СССР, не было диссидентов.

В тот период сложилось устойчивое мнение, что белорусы – самый советский народ. Еще Хрущев говорил, что Беларусь первой придет к коммунизму, имея в виду то, что здесь в гораздо большей степени, чем в других республиках, отказались от национального языка и перешли на русский. В массовом сознании история Беларуси начиналась с 1917 года. И если у других народов национальными героями были деятели прошлых веков (Богдан Хмельницкий у украинцев, царица Тамара у грузин, Шамиль у народов Северного Кавказа), то здесь таковыми были герои Великой Отечественной войны.

Поэтому не случайно, как только начались горбачевские реформы, Беларусь оказалась, по определению А.Адамовича, „антиперестроечной Вандеей”, ибо для глубоких преобразований общество не созрело...

В Беларуси идея национального возрождения не получила всенародной поддержки, поэтому тоталитарные структуры сохранились здесь в большей степени, чем в других бывших республиках СССР.

...Логическим завершением короткого исторического цикла стал договор с Россией об интеграции. От Вискулей – к Новоогаревскому процессу. Круг замкнулся на том же месте, где и начался в 1991 году. Страна, оказавшаяся неспособной к историческому прорыву из старой системы, общество, не сумевшее самореформироваться, народ, не пожелавший самоопределиться в своей дальнейшей судьбе, неизбежно придут к такому финалу. У отстающих выбор резко сужается. Никто не будет ждать, пока мы созреем до самостоятельного исторического творчества. Выбор за нас делают другие”.

Валерий Карбалевич.
„Белорусская газета”, 16.IX.1996.

ЛУКАШЕНКО МЕТИТ В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ

„В одном из своих публичных выступлений Лукашенко заявил: „Счастье Ельцина, что его конкурентом был Зюганов, а не Лукашенко. В этом случае итог был бы другой: 75% – за Лукашенко, 25% – за Ельцина".

По словам его помощника, по заказу управления делами президента Беларуси ■ России регулярно проводятся опросы общественного мнения, которые якобы подтверждают, что Лукашенко является одним из наиболее популярных политиков в РФ. Так, если бы он баллотировался на пост президента вместе с Черномырдиным, то обошел бы его в соотношении 7:3. Как добавил Посохов, сейчас идет процесс „умирания Ельцина" и „у Александра Григорьевича есть прекрасный шанс возглавить единое государство".

Алексей Олегов.

„Огонек", октябрь 1996, № 43.

УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ МОСКВЫ С МИНСКОМ

„Слон не ■ состоянии полноценно интегрироваться с моськой, потому что невозможно придумать корректную форму взаимодействия воль слона и моськи... Дело в малозначимости Белоруссии с точки зрения национальной мифологии. Украина занимает весьма важное место в русской культуре... Независимость среднеазиатских государств вызывает неудовольствие потому, что живущие там русские оказались в полной власти казахов, узбеков и т.д. Балтийские государства были дороги уютом, курортами и питейными заведениями. Кавказ – опять же курортами и местным радушием. Но если спросить рядового гражданина, чем ему... дорога Белоруссия, ответ будет на редкость невразумительным, с этой тематикой не связаны ни симпатии, ни антипатии, а разве что глубокое неведение... Лучше с умным потерять,чем с дураком найти".

М.Соколов.

„Коммерсантъ", 1996, № 21.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ИНТЕГРАЦИИ

Из выступления президента Беларуси в Государственной Думе России 13 ноября 1996 г.

„Будем откровенны: белорусско-российское сближение воспринимается в мире неоднозначно. Кое-где его поняли как попытку возрождения империи и начали принимать превентивные меры.

Скажу прямо, мы на себе ощущаем серьезное давление. Не рискуя трогать Россию, которая, по сути, остается великой державой, хотят наказать Беларусь за такую „самостоятельность и вольность", чтобы другим неповадно было.

Этому подыгрывает кое-кто в России.

Давайте не будем стесняться и оправдываться за желание наших народов жить вместе. Тем более, что белорусско-российское сближение находится в русле общемировых интеграционных процессов.

... У наших народов есть данные Богом христианские ценности, которые вот уже сотни лет помогают и белорусам и русским сохранить свою душу. Они, эти христианские ценности, помогут нашим народам преодолеть и нынешнюю смуту.

... У белорусско-российской интеграции нет альтернативы. Этот выбор сделали наши народы".

БЕСПОКОЙНАЯ ДРУЖБА

„Зададимся простым вопросом: почему Лукашенко с начала своего президентства не выходит из состояния борьбы, постоянно ищет и находит себе врагов и поводы для вражды?

Лукашенко не просто популист – это популист крайний. Когда его слушаешь, трудно отделаться от мысли, что он сам верит в те очевидные специалистам нелепости, которые обещает народу... От него ждут ни много ни мало – скорой счастливой жизни. А он ее народу не даст, не может дать, потому что проводит популистскую экономическую политику, пытаясь игнорировать непреложные экономические законы...

Конечно, некоторое время можно продержаться, к примеру, на критике областных властей или министров: дескать, плохо проводят линию „батьки". Но следующим „крайним" наверняка станет Россия. Лукашенко уже заявлял, что, прощая Белоруссии часть долгов за газ, Россия прощает слишком мало. Потом он проведет референдум о создании единого государства с Россией и заявит, что приход всеобщего благополучия откладывается из-за нежелания России немедля объединиться.

Да, заслуживают самого серьезного внимания предупреждения тех, кто говорит, что в случае слияния двух государств Лукашенко попытается стать президентом нового сообщества. Тем, кто считает это заведомо невозможным, следовало бы принять во внимание, по крайней мере, три обстоятельства. Первое: столь же немыслимой представлялась в свое время „здравомыслящим" политикам победа

Лукашенко на президентских выборах в Белоруссии. Второе: устами Сергея Бабурина российская „патриотическая" оппозиция дала понять, что готова поддержать Лукашенко. Третье: в поддержку Лукашенко высказался такой сильный непредсказуемый соперник нынешней российской власти, как Александр Лебедь".

Отто Лацис.
„Известия", 18.XII.1996.

... А КАРАВАН ИДЕТ

„Почему желание писать гадости о Беларуси уже приобрело в ряде московских изданий какой-то неисправимый, патологически-иррациональный характер? После некоторых размышлений приходишь к выводу, что Беларусь „провинилась" перед ними, во-первых, тем, что избрала такое руководство, которое дало возможность народу высказаться по самым животрепещущим вопросам на референдуме, и, во-вторых, тем, что это руководство сразу же стало воплощать в жизнь то, за что народ высказался на референдуме".

Кирилл Шевченко,
кандидат исторических наук.
„Белорусская нива", 20.VI.1996.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУРИ

РАЗВЯЗКА БЛИЗИТСЯ

„Как свидетельствуют события последних дней, в Беларуси близится к развязке открытый конфликт между президентом и парламентом, поводом для которого стал предложенный президентом Александром Лукашенко новый вариант конституции, который, по мнению представителей законодательной власти, приведет к возникновению в центре Европы диктаторского режима.

Г-н Лукашенко, бывший совхозный босс, совершенно не терпящий никакой оппозиционной деятельности, пользуется солидной поддержкой целого аппарата службы безопасности, в котором, по оценкам западных аналитиков, задействовано более 150000 человек, что несомненно слишком много для 10-миллионной страны. Местные обозреватели опасаются, что президент может воспользоваться силами безопасности для решения существующего конфликта.

Западные дипломаты сомневаются в справедливости проведения референдума, учитывая тот факт, что все основные средства массовой информации находятся в руках у г-на Лукашенко. С другой стороны, они опасаются, что в случае, если парламент попытается объявить президенту импичмент еще до проведения референдума, он может просто его разогнать при помощи спецназа. В прошлом году президентские элитные отряды безопасности уже врывались в здание парламента, откуда силой выволокли депутатов оппозиции, отказавшихся покинуть зал заседаний".

Мэттью Бжезинский.
„Wall Street Journal Europe", 5.X.1996.

ОБРАЩЕНИЕ

к руководителям и сотрудникам служб, органов, подразделений внутренних войск, Комитета государственной безопасности, министерства обороны, других силовых ведомств и структур Республики Беларусь

„Намеченный президентом референдум – это попытка уйти от ответственности, скрыть деяния президентской команды, прямо или косвенно подпадающие под действие уголовного кодекса. Вспомните лишь некоторые эпизоды – избиение народных депутатов, репрессии против независимой прессы и работников минского метро, расправы над участниками мирных демонстраций, фактическое участие в крупных экономических преступлениях, нанесших огромный ущерб нашему государству. Ситуация в стране накалилась до такой степени, что Лукашенко и его команда готовы к самым безрассудным действиям. У этой команды нет пути к отступлению. Эти люди перешли черту, за которой только новые преступления. Человек, присягнувший на Конституции Республики Беларусь, цинично и грубо ее нарушил.

... Я обращаюсь к вам, сотрудники всех подразделений специального назначения. Политические авантюристы, готовые ради удержания власти, пойти на все, именно на вас сделают главную ставку. Не дайте подставить себя. Не поддавайтесь на провокации безрассудных политиков, свои шкурные интересы поставивших выше страны и народа".

Юрий Захаренко,
экс-министр внутренних дел Республики Беларусь.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ – ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА НАШЕГО НАРОДА

„Мы против лжи, маразма, дебилизма, произвола и беззакония. Мы предупреждаем тех, кто рассчитывает на грубую силу и карьеру на крови народа. Остановитесь! Тот, кто прикажет стрелять в народ, закончит стенкой. Вспомните финал Чаушеску и его клики. Мы стоим на стороне закона, вы же становитесь на путь уголовников, посему у нас будет достаточно решительности и сторонников. Ваше время кончилось! Пришло время думающих и способных людей.

Мы надеемся, что первый президент станет последней ошибкой нашего народа. В последующем в выборе главы государства граждане Беларуси будут более разборчивы. Мы будем жить в стране, где правит не пахан, а закон".

Владимир Бородач,
бывший полковник спецназа.
„Свабода", 11.X.1996.

ТЕНЬ МОСКОВСКОГО ОКТЯБРЯ

„В отличие от России, в Беларуси нет настоящих экстремистов, ни одна из политических сил не имеет военизированных формирований. Поэтому президенту использовать силу, с одной стороны, легче, чем в России, – серьезного вооруженного сопротивления он в любом случае не встретит. А с другой стороны, труднее – применение силы невозможно будет оправдать в глазах не только мирового сообщества, но и собственного народа. Посмотрев на разгон безоружного парламента, люди могут преподнести президенту на референдуме весьма неприятный сюрприз”.

Юрий Дракохруст.
„Народная воля”, сентябрь 1996, № 85.

УПРОЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

„Известный всем ефрейтор Адольф Шикльгрубер пять раз триумфально выигрывал референдумы. Как всякий нормальный преступник, он трогательно заботился о чистоте своей общественной репутации. Услышав в собственный адрес обвинения в диктаторстве, он страшно обижался и достойно отвечал оппонентам: „Я не диктатор, я только лишь упростил демократию”. „Упрощение демократии”, сопровождаемое агрессивной ложью и демагогией, – это вернейший признак наступления фашизма. Необязательно под коричневыми флагами и свастикой”.

Владимир Дорохов.
„Свабода”, 13.IX.1996.

ПРОГНОЗЫ И СОМНЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕФЕРЕНДУМА

И в который раз, естественно, встал вопрос о белорусском народе... Что это за необыкновенный народ такой, который упрямо прет против собственной судьбы?

СПРОСИ У ВЕТРА

„Народ нельзя путать с нацией либо обществом. Потому что народ – это не разумное сообщество, которое объединяют совместные традиционные (нация) либо устройственные (общество) ценности. Народ – это масса единиц, которую не объединяет ничего, кроме общих безусловных рефлексов и видимой схожести... В этом смысле лукашенковские референдумы, „советы с народом" – это не цивилизованная и вовсе уже не христианское явление, а что-то языческое, когда жрец припадает ухом к камню, чтобы „услышать", что тот ему „подскажет", либо разжигает костер, чтобы в его отблесках „прочитать" текст новой конституции страны...

Видимо, по-другому и не должно быть. Потому что у нас еще нет общества и нации. У нас есть только „народ, белорусский народ", как писал поэт. У нас и сегодня непривычно для уха звучит это слово – президент. Вождь, вожак, „батька" – безусловно, ближе к сути явления...

Таким вот образом мы подошли к ключевому вопросу – а что все-таки с ним, с народом, делать? Жить ведь хочется как-то по-другому – культурно, свободно, аккуратно. И что сделали с народом в тех странах, где культурно? Воспитали? Вряд ли. У нас 70 лет воспитывали – без толку. Народ воспитать нельзя. Как и ветер. Его можно только „сократить", создавая из наиболее активных и разумных его представителей сообщество – нацию и общество. Можно уменьшить

удельный вес „народа" в населении страны, одновременно увеличивая удельный вес сообщества. Отвоевать, так сказать, жизненное пространство у природы. Думая, конечно, при этом о сохранении природы, об экологии, о грибнице, о дожде, о ветре.

Чем больше удастся отвоевать у народа сообщества, тем более управляемой и богатой будет страна.

Но сегодня, скажете вы, что сегодня? И чего ждать от народа на референдуме? Думаю, не нужно ждать пощады от природы. Природа не знает, что такое пощада. А народ в нормальной стране, когда чего-то не знает, должен молчать. Никаких референдумов! И это уже будет культура. Народ, умеющий молчать, – это уже не народ, а общество, нация, сообщество. Кому мать не говорила: не знаешь – не лезь! Молчание – золото".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 6.IX.1996.

В ОЖИДАНИИ РЕСТАВРАЦИИ

„Пора признать очевидное: на сегодня в стране полностью отсутствуют какие бы то ни было предпосылки для автоматического возвращения в режим нормального развития. Слабые ростки защитных конституционных механизмов предусмотрительно подавляются, а после референдума, от них останутся одни воспоминания.

Таким образом, вопрос, как относиться к нынешнему режиму, перестав считаться чисто риторическим, переместился ■ плоскость практических действий. Достойную жизнь и право называться цветом нации политикам безвариантно придется самим заслужить ■ борьбе с наступающим злом, а заодно и разрешить неясности со своими перпективами..."

Владимир Дорохов.
„Свабода", 16.VIII.1996.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКАВОГО

„Политическая шпана, дорвавшаяся до власти, стремится чисто уголовными методами поставить страну под полный свой контроль, учредив в ней порядки, более характерные для зоны... И так будет длиться еще долго в случае победы президента на референдуме... Сегодня еще остается шанс остановить общими усилиями надвигающуюся катастрофу... В сложившейся ситуации каждому

придется делать личный выбор. Или попробовать купить себе более или менее теплое местечко, продавшись никчемностям, разрушающим Беларусь, и жить в постоянной зависимости от самодуров-руководителей и страхе быть „кинутым" ими... Или отринуть евангелие от лукавого (проповедующее эгоизм, насилие и беспринципность) и избрать не менее рискованный путь противостояния силам тьмы, которая сгущается над нашей страной".

Александр Старикевич.
„Свабода", 17.IX.1996.

ЧЕМ ПЛОХА ДИКТАТУРА?

„Самодурство и злоупотребления со стороны президента Беларуси и его администрации уже сегодня пресечь не так-то просто. Принятие же лукашенковского проекта приведет к полной бесконтрольности... Ведь А.Лукашенко заявил однозначно: *„Я свое государство за цивилизованным миром не поведу!"* То бишь будем оставаться дикими. Так оно и будет, если на референдуме мы собственными руками проголосуем за дикость. В смысле за ДИКтатуру".

Вадим Казначеев.
„Свабода",8.X.1996.

ПРОТИВ ЛОМА НЕТ ПРИЕМА ОКРОМЯ ДРУГОГО ЛОМА

„В ближайшее время Александру Григорьевичу предстоит совершить нечто до сих пор с ним небывалое. Всенародную любовь, так долго и верно ему служившую, он променяет на единственное для него ценное – на вот это свое диктаторство. И когда заволнуется народ, он обязательно применит к нему неограниченную свою власть. Будьте уверены – и накричит на избирателей, как кричит на министров, и пригрозит электорату, как грозит оппозиции. Он всем покажет „кузькину мать". То ли еще будет!..

И тогда народ сполна расплатится и за безумную свою любовь, и за то, что так легко дал возможность надеть на себя ярмо правителю, с пол-оборота впадающему в истерику и ярость.

Тогда все мое сочувствие будет на стороне народа, но помочь, увы, ничем не смогу...

Но, увы, к величайшему моему сожалению, я убедился в том, что президенту уже ничего не объяснишь и не докажешь – властолюбие помрачило его сознание.

Он с наслаждением растопчет Верховный Совет, но личные трагедии депутатов и их помощников, сотрудников секретариата парламента, крайне незначительная потеря – по сравнению с тем, что в республике нашей рухнет Право".

Василий Новиков,
первый заместитель председателя
Верховного Совета Республики Беларусь.
„Народная воля", август 1996, № 75.

Спустя два года Василий Новиков, глава Партии коммунистов Беларуси, поймет на собственном опыте, что „против лома нет приема". Но это не значит, что он возьмется за „другой лом". Он просто пойдет на службу к диктатору, поскольку жить-то надо...

ПИСЬМО К РОДИТЕЛЯМ

„Не променяйте совесть на подачки от президента. Упаси Вас Бог выбрать по ошибке свое прошлое, вместо будущего для ваших внуков на этом референдуме. Не голосуйте за то, что президент называет „своей" Конституцией. Его Конституция оставит Ваших детей и внуков без будущего. С этой Конституцией только те, кто сегодня сидит у кормушки власти, получат от жизни свои „чаевые"".

Дмитрий Булахов.
„Народная воля", октябрь 1996, № 95.

ПРАВО ЭКСПЕРТИЗЫ ВЛАСТИ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНО НАРОДУ

Из интервью президента Беларуси А.Лукашенко корреспонденту „Независимой газеты"

„Если сказать, что у Лукашенко не хватает власти и он хочет через референдум получить дополнительные полномочия, – это глупость. У меня достаточно власти, чтобы управлять страной, но есть отдельные положения в нашей Конституции, которые в свое время были явно не продуманы, явились компромиссом двух властей – правительства и Верховного Совета... Сегодня время, когда порой требуется принятие быстрых и довольно жестких решений. Парламент на это не способен, вот почему между нами возникли даже не конфликт, не противостояние, а скорее противоречия, вполне естественные в этой ситуации.

Этот процесс мог принять хронический характер, и его последствия могли бы быть самыми плачевными – вспомните Россию 1993 года. Я не хочу, чтобы подобное произошло.

Кто как не граждане государства, могут сегодня развести нас по сторонам и примирить. Как скажет народ, так и будет, поэтому я вынес свои вопросы на референдум".

„Советская Белоруссия", 28.IX.1996.

ТОЛЬКО НАРОД ВПРАВЕ РЕШАТЬ СВОЮ СУДЬБУ

Из доклада Александра Лукашенко на Всебелорусском народном собрании

„А что выиграл белорусский народ в результате „исторических соглашений в Вискулях" (как любят выражаться наши национал-экстремисты)?

И не моя вина в нынешней ситуации, а моя боль и беда, корни которой зарыты в Беловежской пуще...

Давайте проголосуем на референдуме так, чтобы гульни политических интриганов оказались напрасными!.. Не секрет, что все крупные состояния были нажиты именно ■ это время вседозволенности. А сегодня владельцы этих состояний претендуют на то, чтобы стать полными хозяевами Беларуси. Конечно, им народный Президент не нужен, да и народ-то нужен только как рабочая сила.

...Я не могу быть диктатором. Это невозможно в Беларуси. Наш народ не приемлет диктатуры...

В знак благодарности за мой труд прошу у вас только одного: не бросайте того, кому вы доверили свои судьбы, одного, особенно в это нелегкое время. Встаньте рядом, и мы будем непоколебимы.

Пусть хранит всех Господь Бог, да сопутствует вам удача".

„Советская Белоруссия". 20.X.1996.

БЕЛОРУССКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

„Белорусская власть в который раз явила миру свою государственную мудрость. Президентский народный сход во Дворце спорта и поднимающий настроение „концерт мастеров искусств" должны были, просто обязаны были смотреть зрители не только белорусского канала, но и обоих российских. Состоялось своего рода насильственное идеологическое кормление. Как в тюрьмах кормят

через зонд объявивших голодовку. Зондом на этот раз послужило Белорусское телевидение.

Пытка продолжалась недолго, всего-то несколько часов. Но тут важен сам почин. Лукашенко опять попробовал. Как в случаях с избиением депутатов, с дубинками на улицах весеннего Минска, с преследованием независимой прессы... Ведь тогда прошло, проскочило. Ну повозмущались, поорали, но ведь и стерпели. И нынешнее – пока временное – отключение двух московских каналов стерпят!

А ведь это была всего лишь телерепетиция, еще раз убедившая: с этим народом можно делать все, что угодно – когда потребуется, вырубать неугодные телеканалы, а затем и до газет дело дойдет, этому „быдлу" будет достаточно одной „Советской Белоруссии", ну и чего-нибудь про секс оставим, для разнообразия и демонстрации свободы слова...

Но отключение московского телевидения неумолимо зафиксировало и другое. Дикий, патологический страх Лукашенки и его обслуги. Все диктаторы просыпались в холодном поту. Им мерещились утрата власти, бунт оппозиции, арест, тюрьма. Плохо спит белорусский президент, ■ чем он не раз признавался в интервью, в том числе ■ последнем во Дворце спорта. А его речь в том же дворце порой сбивалась на открытую истерику. Не бросайте меня! Вы – моя последняя опора! У меня больше никого нет! Что будет со мной и моими детьми, если вы бросите меня!"

Семен Букчин.

„Народная воля", октябрь 1996, № 94.

О ЖИЗНИ, СОВЕСТИ И СЛАВЕ

„Кто же выиграет битву за референдум?.. Референдум инициирует и контролирует самый богатый человек Беларуси – президент А.Лукашенко. По данным зарубежных масс-медиа, именной фонд главы государства равен бюджету страны. Налогоплательщик и избиратель не посвящен в механизм функционирования „второго бюджета" страны, в источники финансовых поступлений и другие пикантные подробности. Фонд вне контроля...

Приведенные аргументы говорят об одном – честной игры не будет. Ставки слишком высоки, и нынешняя власть, чтобы выиграть референдум, не остановится ни перед чем".

Анатолий Лебедько, депутат

Верховного Совета Республики Беларусь.

„Народная воля", октябрь 1996, № 87.

ПЛОХО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ,
или
КАК ОНИ ДЕЛАЮТ ИЗ НАС ИДИОТОВ

„Белорусские референдумы – как сталинская архитектура: возводятся основательно и на века. Ближайший должен состояться 7 ноября – чтобы народ не забывал настоящие праздники. Электорату предстоит проголосовать „за" или „против" по нескольким вопросам: о переносе Дня независимости с 27 на 3 июля, о внесении изменений в Конституцию, о частной собственности на землю и, возможно, об отмене смертной казни.

... Разумеется, референдум будет очередным выигрышем президента. Во всяком случае, государство сделает все не только для того, чтобы народ снова ответил „да!" на любой вопрос, который ему зададут, но и чтобы нам при этом рукоплескал весь цивилизованный мир... Программа внешнеполитического обеспечения проведения референдума уже подготовлена, хотя ее существование хранится в тай-не. Как по форме, так и по содержанию она напоминает все те же партийные директивы. В основу ее положены установки, в которых на радость тем, кто мечтает, чтобы день вчерашний стал завтрашним, всплывают давно, казалось бы, забытые понятия и пропагандистские приемы:

"1. Общий тон контрпропаганды необходимо сдвинуть слегка вправо и объяснить референдум задачей ликвидации прежних советских структур власти, мешающих проведению реформ и демократизации...

Серьезное внимание следует уделить финансовой стороне. С учетом того, что сумма гонораров известных зарубежных журналистов (особенно на ТВ) может достигать 400–600 тыс. долл. в год, одна минута телевизионного времени может стоить 10 тыс.долл., одна полоса в газете – до 200 тыс.долл., выделить на обеспечение внешнеполитической программы 1 млн. долларов и 500 млн. рублей".

Ирина Халип.
„Имя", 16.VIII.1996.

БУДУТ ЛИ ДЫМЫ НАД БЕЛОРУССКИМИ ХАТАМИ ВИТЬСЯ СОГЛАСНО РЕФЕРЕНДУМУ?

„В эпоху референдумов на головы граждан проливается дождь благодеяний. Сначала, безусловно, на начальственные головы. Ну и простым смертным кое-что обещается. Ежели будут примерно себя вести.

Указы сыплются каждый день. Повышение стипендий студентам и аспирантам. Большие зарплаты и стипендии – профессорам и студентам. Дешевые лекарства – пенсионерам. Ветеранам – прибавку к пенсиям...

Откуда деньги возьмутся, ежели экономика лежит? Дурацкий вопрос. Если президент поручил, значит найдут деньги.

...Еще в эпоху референдумов закрываются „нехорошие" радиостанции и газеты. Про телевидение не говорю. В приличных государствах, где народ каждый год „изъявляет свою волю", „нехорошего", „неправильного" телевидения изначально быть не должно.

...Короче, президент делает все, чтобы референдум прошел нормально. А эти бездарные вертикальщики все жалуются: не успеем, времени нет на подготовку, за один день можем ошибиться с подсчетом голосов.

И тогда им преподносится поистине царский подарок. Референдум объявляется с 9 по 24 ноября включительно. Ни в одной стране такого нет. Это уже просто буйство демократии! В других, демократически слабых, странах считается почему-то особенно принципиальным не растягивать сроки, а зафиксировать проявление общественного мнения в один день и как можно оперативнее. Тогда-то, считают эти псевдодемократы, и удается поймать суть настроения людей.

А ежели гражданин запил? Или к теще на блины поехал? Почему не уважить человека? Не дать ему проголосовать в течение полумесяца? Пусть выбирает: когда ■ запой уходить, а когда на избирательный участок топать.

Полмесяца разливанного моря демократии. И пусть теперь, ■ этих супердемократических условиях, эти неповоротливые вертикальщики попробуют пожаловаться президенту, что не сумели правильно подсчитать голоса. За две недели не суметь правильно подсчитать – да это же просто невозможно! Последней умирающей бабусе из глухой деревеньки власть обеспечит волеизъявление. Умри, но прежде волю изъяви. Выполни, так сказать, гражданский долг.

Сунут в подслеповатые глазки два варианта конституции – верховносоветский и президентский, и начнет бабуся сличать тексты, с Богом советоваться.

Тяжело будет бабусе. А тут еще вопросы про смертную казнь, про землю и День независимости... Но тут-то низовой вертикальщик и должен будет объяснить престарелой гражданке, что вопрос в общем-то стоит просто: или царь, или анархисты-парламентаристы. А поскольку для отходящей бабушки свобода экономической деятельности, а также свобода слова не суть как важны, то должна она выбрать царя. Ибо царь на похороны наверняка даст, а парламент еще год после смерти ее будет соответствующий закон принимать.

Так что скорей, бабушка, ставь крестик... Вот тут, милая! Ну молодец, бабка! Считай – на гроб заработала! Поистине – золотой народ! Умирает, а волеизъявление сотворила..."

Семен Букчин.
„Народная воля", ноябрь 1996, № 104.

ПРОШУ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ

Обращение Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко к гражданам страны

„Инициатива Президента о проведении конституционной реформы расстроила планы тех, кто руководствуясь принципом „чем хуже, тем лучше", собирался к весне 1997 года захватить власть и уже сформировал „теневой кабинет". Они были вынуждены раньше времени раскрыть свои задумки и выступить с проектом Конституции, упраздняющим пост Президента. Если такие планы будут реализованы, то вернутся времена вседозволенности, возобновится „прихватизация", народное добро будет разграблено. И не будет ответственных за это.

Вспомните: мы уже пережили время безвластия, а точнее, всевластия Верховного Совета, время коллективной безответственности. Это было время развала Советского Союза, инициаторами которого стали тогдашние белорусские правители во главе с С.Шушкевичем. Это было время невиданного ограбления народа, которое выразилось в обесценении ваших вкладов и сбережений.

Именно в это время преступным путем были нажиты огромные состояния, обладатели которых так хотят свергнуть Президента, мешающего им дальше грабить страну и народ.

...Для меня же нет выше авторитета, чем воля избравшего меня народа. Что вы решите на референдуме, то для меня закон, обязательный для исполнения. И я найду возможности и средства, чтобы для всех в нашей республике воля народа была обязательной.

Не верьте тем, кто твердит, что изменение Конституции нужно только Президенту. На самом же деле это необходимо каждому честному гражданину республики.

... Я не навязываю никому свою волю. Верю в мудрость и дальновидность белорусского народа. Убежден, что вы примете правильное решение и ответите тем, кто, называя белорусский народ „хворым", отказывает ему в возможности самому решать свою судьбу".

„Советская Белоруссия".
Специальный выпуск, 12.XI.1996.

„ПЯТАЯ КОЛОННА"

„Теперь мы знаем, откуда взялся электорат Лукашенко. Это не нация, не общество и даже не белорусский народ, а исторически взращенная „пятая колонна". Соответственно и Лукашенко – не всенародно избранный президент, а только лидер „пятой колонны".

Опасность не в том, что Лукашенко таков, каков он есть, поскольку и он сам – плод ситуации. Опасность в том, что ему нет альтернативы. Нет другого такого публичного политика, который готов был бы стать лидером нации и общества. Нет такого ■ БНФ, в ВС и даже у коммунистов. Отсюда такие дружные голоса оппозиции за парламентскую республику – фактическое уклонение от борьбы.

Именно безальтернативность Лукашенко может стать причиной крайностей – фашизации режима. Все как-то измельчали вокруг этого монстра, который сочетает ■ себе черты левого популиста Альенде и правого исполнителя Пиночета, т.е. разных публичных политиков. В Лукашенко как будто слились Позняк и Калякин (отсюда эти гибриды – „рыночный социализм", „православный атеизм" и т.д.).

...Президент Лукашенко победит на референдуме в своей Республике Пятой Колонны (РПК). Что будет дальше? Стагнация и большее или меньшее „упрощение демократии" – т.е. большая или меньшая диктатура.

Вернется общий затхлый фон жизни – такой знакомый с советских времен. Он уже возвращается. У оппозиции в таких условиях есть только два варианта поведения. Первый – податься в эмиграцию, и тем самым „закрыть вопрос" независимой страны Беларуси... Либо – второй вариант – начинать весьма жесткую и, возможно, долгую борьбу с режимом за свою Отчизну.

Нужно помнить главное: преемственности власти не будет. Преемственность может быть только от Лукашенко к другому Лукашенко, от одного лидера пятой колонны к другому. И так, как Лукашенко отринул преемственность от прежней власти, так должен быть отринут и он. А это может быть только в результате изгнания агентуры чужой страны и строительства своего государства.

Вот только куда их выгонять, если их родина – в истории, которая уже кончилась? Если их уже и повыгоняли отовсюду – именно к нам?

... Лукашенко завершает процесс возвращения Беларуси в положение союзной республики. А это значит, что государственно-созидательный процесс рано или поздно приведет к отрицанию самого лидера „пятой колонны" Лукашенко. И – без преемственности".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 4.X.1996.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

ПОЧЕМУ ОПАСНО ГОЛОСОВАТЬ ЗА ПРОЕКТ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТОМ

„Если Лукашенко и его окружению удастся путем обмана людей и фальсификации итогов голосования протащить проект новой Конституции, то вы вручите ему практически никем не ограниченную и неконтролируемую власть, ибо в названном проекте Конституции нет мер воздействия на президента, даже если он нарушит Конституцию. Президент становится и над властными структурами, и над народом, и даже над самой Конституцией как Основным Законом.

...Что же касается таких признаков тоталитарного режима, как всеобщий контроль над личностью, монополизирование президентскими структурами средств массовой информации, использование насильственных методов подавления инакомыслящих, нагнетание в обществе страха, то они уже в стране наяву: ведутся прослушивание телефонных разговоров, скрытая слежка за встречами людей с друзьями и коллегами по работе, для оппонентов Лукашенко стали недоступными государственные телевидение, радио и печать, до неимоверно огромной численности раздута милиция, вопреки законам наделяются функциями оперативно-розыскной деятельности другие органы, в обществе усиливается подозрительность, оно цепенеет от страха".

Семен Шарецкий, председатель
Верховного Совета Республики Беларусь.

ЖЕЛАЕТ ЛИ БЕЛАРУСЬ СТАТЬ ВТОРЫМ ГАИТИ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ? ДА, ЕСЛИ НАРОД НА РЕФЕРЕНДУМЕ ПОДДЕРЖИТ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ

„Если народ действительно хочет жить в государстве с тоталитарным режимом правления, тогда надо, конечно, помочь

президенту в его стремлении стать диктатором. Если президент уже сейчас игнорирует обязательное для всех решение Конституционного суда, то, заручившись поддержкой народа, он объявит результаты референдума обязательными... Последствия такого исхода сегодня непредсказуемы. Разве правовой Чернобыль отвечает интересам народа Беларуси?”

В.Г.Тихиня, председатель
Конституционного суда Республики Беларусь.
„Народная воля”, ноябрь 1996, № 103.

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

„Сегодня в Республике Беларусь под видом проведения референдума идет захват власти и устанавливается откровенная диктатура. Указы президента А.Г.Лукашенко о признании недействующими решений Конституционного суда Республики Беларусь, об освобождении от должности председателя Центральной избирательной комиссии В.И.Гончара не только антиконституционные, но и противоречат здравому смыслу.

... В центре Европы осуществляется чудовищный эксперимент массированного воздействия на сознание и подсознание людей монополизированными А.Г.Лукашенко средствами массовой информации. Граждане республики лишены возможности сделать объективный и осмысленный выбор. По существу референдум превращается в фарс.

...Мы обращаемся к мировому сообществу, главам государств, руководителям парламентов оказать политическую и моральную поддержку парламенту и народу, пережившему за последнее столетие множество трагедий, потерявшему в мировых войнах миллионы своих сыновей и дочерей. Мы вправе рассчитывать на то, что в Беларуси, в центре Европы не возникнет диктаторский режим, направленный на ликвидацию института парламентаризма и демократии”.

15 ноября 1996 года.

КРИЗИС РЕЖИМА НАЛИЦО

„Вновь на улицах Минска непокорные и неутомимые демонстранты, стремящиеся на площадь Независимости. Вновь милиция, омоновские кордоны стремятся направить народную стихию в некое боковое русло – подальше от центра города... В этих условиях можно только

удивляться и порадоваться гражданской активности тех людей, которые без всяких указаний и чьих-то организаторских усилий вышли на улицы, чтобы сказать о своем нежелании жить под прессом лукашенковского режима.

Сегодня режим перешел в наступление. Различными путями блокируются независимые газеты. Лукашенко прямо объявил, что добьется изменения „тональности" в оценке белорусской ситуации московскими телеканалами, прежде всего „ненавистным" НТВ. Не дремлет и держащее нос по ветру идеологическое хулиганье. Совершен новый налет на квартиру корреспондента радио „Свобода" Юрия Дракохруста.

Но ситуация, которую разогрел и довел до высшей точки кипения „вечный борец" Лукашенко, сегодня как будто вышла из-под его контроля.

Венецианская комиссия, специализирующаяся на оценках конституционных проектов, поддержала решение Конституционного суда Беларуси о том, что референдум не может носить обязательный характер, и призвала поддержать его заключение.

Наконец, самое значительное событие, происшедшее вчера утром, 18 ноября. Председатель Кабинета министров Беларуси Михаил Чигирь подал в отставку... В то время, как президентская идеологическая обслуга твердит о будоражащей народ „кучке экстремистов", свое несогласие с курсом Лукашенко демонстрирует премьер-министр. Этот факт следует рассматривать в цепи уже известных и, безусловно, предстоящих отставок".

Андрей Белорусов.

„Народная воля", ноябрь 1996, № 105.

ОТСТАВКА ОТСТАВКЕ РОЗНЬ

„Вообще говоря, для меня это обстоятельство кажется удивительным. Ведь Михаил Николаевич по основной специальности банкир, что по определению говорит об умении просчитывать каждый серьезный ход. Здесь, однако, вместо хладнокровия и серьезности хочется говорить о расчете, сделанном на ошибочных посылках. Я не ясновидящий, могу ошибиться. Но трудно удержаться от мысли, что Михаил Николаевич решил сыграть сольную партию и потому для своей отставки выбрал наиболее деликатный момент – тишину в зрительном зале, перед поднятием занавеса...

Вполне понимаю, что у премьер-министра накопилось немало проблем во взаимоотношениях с президентом... Но еще более очевидно, что

М.Чигирь мог бы сделать свой шаг за месяц до кульминации политического проитивостояния. Или спустя две недели после референдума. Сегодня же поступок Михаила Николаевича, который, конечно же, будет встречен овацией с кресел оппозиции, говорит либо о некотором малодушии бывшего премьер-министра, либо о чрезвычайно тонком расчете, который во всех случаях основан на ошибочной оценке обстановки".

Павел Якубович.
„Советская Белоруссия", 20.XI.1996.

Давно сделавший „правильный расчет", редактор президентской „Советской Белоруссии" г-н Якубович не может представить себе, что есть непохожие на него люди – действующие не по расчету, а по совести. Оттого и удивлен главный президентский холуй от журналистики: как так – банкир, премьер и не понимает ситуации, не видит, что сила солому ломит... Но вместе с тем и страх проглядывает: а вдруг премьер все правильно просчитал, а он, „верный Пашка", обмишурился? И тут же старый циник успокаивает себя: „После 24-го ноября наступит 25-е. И все равно кому-то придется исполнять рутинные функции..."

Кому-то... Так пусть же пока редакторское кресло в „Советской Белоруссии" принадлежит мне, Павлу Якубовичу. А придет серьезный момент – прикинем, посчитаем и, возможно, сменим позицию... Но не так глупо и очертя голову, как г-н Чигирь...

Конечно же, „хитроумному Пашке" никогда не написать тех мужественных слов, которые адресовал президенту в своем заявлении Михаил Чигирь: „Считаю необходимым заявить о моем осуждении проводимой вами внутренней и внешней политики..."

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

„Исход из власти порядочных людей и профессионалов продолжается. 11 ноября подал в отставку заместитель министра иностранных дел Андрей Санников, один из наиболее компетентных белорусских дипломатов. Человек одержал победу над чиновником. О мотивах своей отставки, о тенденциях во внешней политике Беларуси Андрей Санников беседует с корреспондентом „И".

– Первый мой вопрос – сакраментальный в этой ситуации. Каковы мотивы вашей отставки?

– Несогласие с политикой президента. В последнее время появились публикации, что речь идет о несогласии с внешней политикой. Однако

мое несогласие касается большей частью внутренней политики, направленной против реализации прав человека и экономических реформ. Я не могу принять того, что наша страна может превратиться в Главное Управление Лукашенко Александра Григорьевича".

Юрий Дракохруст.
„Имя", 20.II.1996.

КОНВУЛЬСИИ ВЛАСТИ

„Второе слово по популярности в нашем нынешнем обиходе после „референдума" – „импичмент".

Что такое лукашенковский „референдум" – с разгоном Центризбиркома, с „досрочным" голосованием, с неучтенными бюллетенями и беззастенчивой пропагандой „самого правильного" проекта конституции – мы уже знаем. Сейчас нам, возможно, предстоит узнать, что такое импичмент по-белорусски. Вечером 18 ноября соответствующие документы с подписями более семидесяти депутатов Верховного Совета, необходимыми для начала процедуры, были переданы в Конституционный суд. Процесс законного отстранения президента от власти по сути начался...

Параллельно с саботажем парламентской деятельности президентская команда усиленно занимается блокированием „нехороших" источников информации. Граждане страны не могут из государственных газет, по радио, телевидению узнать, что на самом деле происходит в парламенте. Корреспондентам российских телекомпаний перекрывают технические каналы передачи информации в Москву. Укрепляются традиции „Лебединого озера". Вчерашнее нервно-хаотичное, явно выдававшее растерянность и даже страх интервью Лукашенко Белорусское телевидение давало по всем каналам, перекрывая „нежелательный" выпуск новостей РТР.

...Ну и, конечно, как не ударить по независимой печати? Вчерашним вечером в типографию частного издательского дома „Мэджик", где печатается „Народная воля", нагрянула милиция с предписанием о закрытии типографии".

Андрей Якобинцев.

ДУМАЙТЕ!

„И еще одно: если после 24 ноября на всех вас (нас) – сперва несмело, осторожно, а потом нахально и беспощадно – наденут кандалы диктатуры, не будет в этом вины ни России, ни Вашингтона,

ни Шушкевича с Богданкевичем. Голосовать ведь будем мы сами, выбирая судьбу не только для себя, но и для детей и внуков. Так что, уважаемые соотечественники, не торопитесь опустить бюллетень в урну, порассуждайте, посоветуйтесь со своим жизненным опытом и чистой совестью – чтобы потом не сожалеть и не каяться".

Геннадий Буравкин.

„Народная воля", ноябрь 1996, № 106.

ВСЯКАЯ ДИКТАТУРА КОНЧАЕТ ЗАПРЕТОМ НА ЖИЗНЬ

„Белорусская демократия продолжает уповать на десятки тысяч минчан, которые она может вывести на строжайше запрещенные для этого городские улицы. Президент же уверен в полицейско-сыскном профессионализем верных ему высокооплачиваемых, натренированных и великолепно экипированных частей внутренних войск, милиции, спецназа, которые затаились по казармам и переулкам в ожидании его команды. Для тех демократов, которые несколько суток подряд размахивают бело-красно-белыми флагами на площади Независимости, а также их вдохновителей давно оборудовано прелестное огороженное местечко в Воловщине – поблизости от Минска.

Так что же остается демократам, лишенным доступа к национальному телевидению, к печатному слову, не обладающим ничем, кроме трудновыразимого чувства моральной и политической правоты? Как им достучаться до сознания диктатуры, лишенной морали, совести, обуреваемой лишь собственной, властной целью? Как воздействовать на своих народных избранников, то и дело саботирующих важнейшие форумы и срывающих кворумы? Как поколебать многолетние стереотипы массового сознания относительно насущной необходимости для страны железного порядка, всевластного хозяина и твердой руки, которые так ярко олицетворяет нынешний президент?

Как всегда, остается уповать на помощь „старшего брата". Но из столицы этого брата по большей части доносятся малоутешительные голоса: либо с призывами к примирению в дух кота Леопольда, либо многозначительные указания на московские события осени 1993 года. Эти последние вынуждают задуматься даже самых радикальных из белорусских политиков, особенно парламентариев. У Лукашенко также немало танков, не все они распилены на металлолом в Борисове.

Вот и стоят на площади Независимости перед парламентом озябшие толпы отчаявшихся людей под бело-красно-белыми флагами. Между прочим, на строжайше запрещенной для этого площади с запрещенными национальными флагами.

Как известно, всякая диктатура начинает с запрещения враждебной для нее символики и кончает запретом на жизнь. По крайней мере для многих в Белоруссии, слава Богу, до последнего еще не дошло, и, может быть, именно это вселяет какую-то надежду.

Надежду на жизнь".

Василь Быков.
„Известия", 22.XI.1996.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ БЕЛОРУССКОЙ ДРАМЫ?

„Может случиться, что уже утром Конституционный суд, если не дрогнет его председатель, не дрогнут его члены, должен установить: есть основания или нет оснований для приостановки полномочий президента. Если есть – заключение Конституционного суда немедленно передается в Верховный Совет, и с этого момента не Лукашенко, а Шарецкий – глава государства. Дальнейшая судьба президента будет зависеть от решения Верховного суда и, наконец, от голосования в Верховном Совете. Если из 199 депутатов 135 проголосуют „за", президент будет окончательно отстранен. Таковы конституционные нормы.

...А пока порассуждаем о роли России в „белорусском вопросе". Нынешнему российскому руководству – от Ельцина и Чубайса до Селезнева и Строева, не говоря уже о Зюганове и Жириновском, на судьбу белорусской демократии попросту наплевать. Ну подумаешь – правит ■ Беларуси диктатор! Зато ■ доску свой. Любые дороги откроет, любые таможенные льготы и прочие дружеские послабления предоставит. Продаст любой завод и самого себя по дешевке. Лишь бы удержаться у власти.

Но в то же время „белорусский сосед" и друг по Сообществу и СНГ явно портит демократический имидж самой России в глазах Запада. Поэтому нужно дергать за обе ниточки попеременно – парламентскую и президентскую, призывая обе „ветви" к миру и согласию.

Но – увы! – и России придется нынче выбирать. Кого она сдаст – одинокий, оболганный белорусский парламент, еле-еле удерживающий большинство в один-два голоса, или „вооруженного до зубов" Лукашенко?

Вопрос вот-вот решится...

Качели не могут раскачиваться бесконечно".

Андрей Якобинцев.
„Народная воля", ноябрь 1996, № 107.

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ТОРГОВ И БОЛЬШОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

„Высказанное в прошлом номере газеты, который сдавался в печать в ночь на минувшую пятницу, когда еще только начинались переговоры наших начальников с прилетевшими из Москвы Черномырдиным, Селезневым и Строевым, предположение о том, что Россия, скорее всего, сдаст хлипкий белорусский парламент, а вместе с ним и мало интересующую ее белорусскую демократию, в общем-то подтвердилось.

... Конституционный суд начал рассмотрение дела об импичменте. Начал не просто так, забавы ради, а на основании семидесяти пяти подписей депутатов парламента. Значит, были серьезные для того основания, подтвердить или отвергнуть которые должен был тот же суд.

Но вместо строго законного рассмотрения дела начались торги: вот, ежели, г-н президент согласится на консультативный характер референдума, то мы в обмен на это отзовем из суда свое требование об импичменте. Это похоже на то, как если бы кого-то обвинили в убийстве школьника, но вместо разбирательства дела (виновен или невиновен) согласились отменить судебное заседание, если обвиняемый согласится подарить школе, где учился убитый, грузовик бананов.

Я спрашиваю руководителей Верховного Совета и членов Конституционного суда: неужели такие игры с законом возможны и соответствуют нашей Конституции? Ведь по сути это продолжение попрания закона, против которого как будто протестовало и парламентское большинство и сам Конституционный суд. Это превращение закона в тряпку, о которую можно вытирать ноги ежедневно.

Конечно, московские мудрецы, выступившие в роли третейских судей, могут быть довольны... Они теперь могут доложить царю Борису, что демократия в Беларуси укреплена. Что в переводе с номенклатурного языка означает: Лукашенко – наш до гробовой доски, и хотя он чудит и вытворяет черт-те что, но мы помогли ему устоять не только в борьбе с этой непредсказуемой белорусской демократией, но и в общем склонили чашу весов в его пользу. Остальное он дожмет сам. Условия мы ему создали.

... Начавшееся в пятницу в 16 часов заседание Верховного Совета полностью подтвердило первоначальные ощущения гигантского торга верхов... Вполне чувствующий себя победителем, президент потребовал без всяких изменений утвердить проект постановления Верховного Совета „О соглашении об общественно-политической ситуации и о конституционной реформе в Республике Беларусь", документа, подписанной тройкой, – Лукашенко, Черномырдиным, Тихиней (впрочем, последний согласился только с пунктом третьим).

Когда начались прения, стало совершенно очевидно, что депутаты, подписавшие обращение об импичменте в Конституционный суд, увидели, что их грубо и откровенно сдали. И сдал их не кто иной, как заслуженный борец с доморощенным фашизмом, буквально поднявший республику на дыбы своей знаменитой статьей в „Народной воле", Семен Георгиевич Шарецкий.

Возможно, у спикера были свои резоны, свои виды и расчеты... Возможно, на него оказали давление...

Но как не понять депутата Андрея Климова, бросившего Шарецкому с трибуны этот суровый упрек: зачем вы писали эту статью о фашизме, Семен Георгиевич? Неужели для того, чтобы потом подписать соглашение?..

Как не понять Ольгу Абрамову, заявившую, что она не снимет своей подписи под обращением в Конституционный суд, даже если ее подпись останется единственной ■ списке.

Как не разделить горьких слов Анатолия Лебедько об обманутых надеждах не только честных депутатов, но и тысяч людей, поверивших той части парламента, которая встала на защиту Конституции.

... Фальшивый референдум завершен.

Верховный Совет, вступив с „хозяином" во внеконституционный сговор, сам вышел за то правовое поле, вернуться в которое он так горячо умолял президента.

Антилукашенковский блок коммунистов, аграриев, либералов, о котором с таким умилением писали наши публицисты, оказался фикцией при первом же серьезном экзамене.

22 ноября. 22.00".

Андрей Якобинцев.

„Народная воля", ноябрь 1996, № 108.

„КОТОРЫЕ ТУТ ВРЕМЕННЫЕ? СЛАЗЬ!"

„Как и следовало ожидать, референдум закономерно и плавно перетек в общенациональное торжество народной рассудительности, мудрости и, конечно, демократии, не сравнимой ни с какой другой. Правда, до знаменитых сталинских 99,8 % не дотянули. Но, в общем, близко к тому...

Вот и бубнят разные западные „голоса" про фальсификацию... Ну и, конечно, оппозиционный президенту Верховный Совет уцепился за эту самую „фальсификацию". Спикер твердит про „тысячу нарушений".

Ах, Семен Георгиевич, наивная душа! С кем сел играть в „очко"?.. Подписал какие-то бумажки... А потом с красным лицом кричал:

„Посмотрите мне в глаза , Александр Григорьевич!" А Григорьевич, вечером по телевизору, лукаво усмехаясь в усы, обронил: „Человеку ведь шестьдесят два года. Не маленький. Видел, что подписывал..."

Увидели, сообразили, куда клонится дело, и депутаты. Утром во вторник, 26 ноября, в Овальном зале зарегистрировалось всего 85 человек. Дрогнула пресловутая оппозиционная „сотня". И как не дрогнуть, ежели в президентском дворце на Карла Маркса уже началась раздача имений. Туда, естественно, и побежали „самые умные". Пересчитав себя, президентские депутаты с удовлетворением обнаружили, что они-то и есть то большинство (более ста человек), которое позволяет намечавшийся депутатский сход объявить сессией Верховного Совета. Естественно, быстренько утвердили результаты референдума и – самое главное – остановили этот приводивший президента в паническое состояние импичмент.

Ну а что же „твердые искровцы", оставшиеся в Овальном зале? Их число редеет, поскольку кушать хочется и детишки малые имеются... Но зато парламентские коридоры час от часу сотрясают новости: Государственный департамент США заявил, что Америка не признает результатов белорусского референдума, прибалтийские страны заявили о том, что их немедленно должны принять ■ НАТО, поскольку Лукашенко угрожает их независимости, Совет Европы протестует и даже Ельцин вот-вот объявит о своем несогласии с попранием законности и демократии в Республике Беларусь.

Но спустя несколько часов выясняется, что Россия вполне довольна результатами белорусского референдума. И как ей не быть довольной, ежели антиельцинская оппозиция раскручивает по новой чеченско-сепаратистский сюжет, и в это время можно прикрыться чрезвычайно удачной акцией по укреплению положения „своего губернатора" ■ Северо-Западном крае.

Что же касается пресловутого „Запад нам поможет", то с этой старой либеральной химерой давно пора расстаться. Да, будут громкие „западные" заявления, будут конференции и симпозиумы, где прозвучат слова, осуждающие диктаторский режим в Беларуси. Но не более того. Западный обыватель аккуратно подстригает свой газон перед домом, и его больше волную курсы биржевых бюллетеней, нежели события в Беларуси, о которой он знает не более, чем о Сьерра-Леоне. И правительства западных стран очень чутко прислушиваются к настроению своих граждан. А поскольку манифестаций на улицах Парижа и Берлина против результатов белорусского референдума не будет, то президент Лукашенко и его оппозиционеры из Верховного Совета могут быть абсолютно спокойны.

... Последние события ясно показали, что в рядах оппозиции пока не

заявили о себе фигуры, могущие составить серьезную политическую конкуренцию Лукашенко. О причинах можно говорить долго. Тут и отсутствие политической, общественной традиции, определенных навыков политической борьбы, и провинциальная амбициозность лидеров оппозиции, их нежелание работать с серьезными экспертами (сценаристами и постановщиками политических игр), своего рода мозговым штабом, способным определить действия на два-три шага вперед, и неумение работать с общественностью... В то время как Лукашенко устраивал повсеместные митинги-ликования, оппозиционеры жаловались друг другу на жестокую судьбу в том же Овальном зале или раздавали прессе скулящие интервью...

... И еще об одном весьма существенном обстоятельстве. Нынешняя „победа" президента Лукашенко имеет глубоко развращающий характер. Она показала белорусам, что насилие всесильно. Она убедила еще колебавшихся сотрудников МВД, омоновцев и прочих „силовиков", чиновников, что они могут творить все, что им прикажут, и останутся безнаказанными. Пусть Гончар двадцать раз грозит уголовным кодексом. За нами президент, и нам не страшно, потому что мы – сила, организованная сила, не что эти болтающие хлюпики.

Этот разврат, внесенный президентом Лукашенко в сознание народа, еще более укрепит в народе ощущение собственной бесправности...

Что впереди? Естественно, новый референдум, закрепляющий вхождение Беларуси – на правах Татарстана или немножко более широких – в состав России. Может быть, конфедерация как прообраз будущего нового Советского Союза. Что в том плохого? Снова будем жить в „великом и могучем". Что ж, если не говорить о национальной гордости белорусов в связи с потерей государственности (ибо кому она нужна, эта гордость, ежели ее на сковородку не положишь), то следует помнить, что новый „великий и могучий" будет, скорее всего, даже не зюгановского, а откровенно фашистского, тоталитарного типа".

Семен Букчин.

„Народная воля", ноябрь 1996, № 110.

А БЫЛ МОМЕНТ...

Французские исторические типажи на белорусской политической сцене

„Минувшая неделя постоянно вызывала в памяти исторические аналогии. И как им не возникать, этим очевидным историческим реминисценциям?

Вот ранним утром по парламентскому коридору к кабинету Шарецкого бледный, но решительной походкой движется Чигирь. У дверей толпятся политические деятели, журналисты. Все шепчутся о возможной отставке премьера.

Нет, это не Чигирь входит в кабинет Шарецкого. Это месье Лессар, председатель правительства роялистов-конституционалистов Франции эпохи Великой революции конца XVIII века, вручает самому Мирабо, главе Законодательного собрания, копию заявления о своей отставке, которое он только что передал королю.

Порядочный человек, Чигирь не может мириться с царящим в стране произволом. Известный газетный холуй тотчас сообразно собственной природе начнет отыскивать в поступке премьера „грязненькие" мотивы: конечно, банкир все рассчитал... Понятия благородства и чести холуйской душе неведомы.

Чигирь в известном смысле вручает свою судьбу Шарецкому. И Мирабо благодарит Лессара за благородный поступок. Он уверяет его, что история не забудет этого честного и порядочного жеста, что уж теперь-то, с таким-то козырем на руках, его люди, жирондисты, эти крупные провинциальные буржуа республиканской закваски, обуздают деспотию.

С чувством исполненного долга и гордо поднятой головой Чигирь-Лессар удаляется из парламента.

А на трибуне Овального зала бушует наш Дантон – г-н Гончар. Свергнутый с поста председателя Центризбиркома, Дантон требует казней для уголовников в милицейской форме, выбросивших его из служебного кабинета. Ему рукоплещут якобинцы, члены фракции „Гражданское действие", и даже „бешеные", выразители настроений плебса, именуемые ныне коммунистами.

В Революционный трибунал поступает дело Людовика XVI. Королю грозит казнь.

Соседствующая с революционной Беларусью крупнейшая монархия не может равнодушно наблюдать за ситуацией. В аэропорту „Минск-2" высаживается десант во главе с Черномырдиным, Селезневым и Строевым. Эти австрийцы и пруссаки, выступающие под российской личиной, целую ночь насилуют Шарецкого-Мирабо. Старый номенклатурщик, искушенный политический боец, сопротивляется изо всех сил. Но союзники не церемонятся. Буквально кулаками под хороший русский матерок они подталкивают его к столу, где лежит „По-становление о соглашении". И он подписывает дрожащей рукой.

А затем в зал втаскивают силком месье Пьера Редерера, генерального прокурора-синдика Парижского департамента, представшего в облике председателя белорусского Конституционного суда Валерия

Тихини. Тихиня, как лев, сражается за пункты: этот подпишу, а вот эти – ни за что...

Но дело сделано. Союзники довольно потирают руки и докладывают по спецсвязи царю Борису: „Все в полном ажуре, ваше величество!"

На следующий день в Овальном зале последние из стойких якобинцев бросают с трибуны гневные обвинения в адрес предавшей дело революции „жиронды" и присмиревших „бешеных".

В отчаянии вздымает руки Демулен-Лебедько. „Вы предали революцию!" – заявляет он, поворачиваясь к Шарецкому-Мирабо.

"Зачем вы писали статью „Отечество в опасности!" Зачем трубили на весь мир об угрозе фашизма в Беларуси?" – с мрачным пафосом обращается к Мирабо-Шарецкому молодой и горячий Робеспьер-Климов.

Мадам дю Барри, она же Ольга Абрамова, словно предчувствуя холод ножа гильотины, бросает „этим предателям": „Я не сниму своей подписи под обвинением короля!"

Потом они будут бороться за формулировки постановления и соглашения, за пункты и подпункты, за „регламент" и „конституционные нормы". Они будут пытаться утопить свое поражение в бюрократических процедурах.

И только Людовик XVI будет тихо усмехаться в усы. Он знает, что народ уже кричит на улицах: „Короля – в Париж!"

Казни короля на Гревской площади не будет.

Палач Сансон, поплевывая, пробует наощупь острие ножа гильотины, предназначенного для других.

Народ уже собрался на площади. Он жаждет зрелища.

"Покажи мою голову народу, – попросит Дантон. – Она стоит того".

И палач поднимет окровавленную голову под дикий рев толпы.

А чистюля Ноэль очень будет обеспокоен тем, чтобы его кровь не смешалась с кровью „этой недостойной женщины", мадам дю Барри. И будет просить Сансона хорошенько очистить нож гильотины.

Проигравшие, они за секунду до смерти будут беспокоиться о своей репутации.

...Впрочем, в Беларуси все, конечно, будет иначе. Хотя и наши якобинцы так до конца и не узнают, была ли у Мирабо сделка со двором. И издатель газеты „Друг народа" ("Народной воли") Марат-Середич избежит кинжала Шарлотты Корде.

Все будет по-другому..."

Семен Букчин.

„Белорусская газета", 25.XI.1996.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Вечером 26 ноября по Дому правительства бродили политические призраки. Все было ясно – дело проиграно, Беларусь проиграна, и на долгие годы. Но нескольким идеалистам еще казалось, что ситуацию можно поправить. Ведь стояли же за стенами парламента, не уходили, чего-то ждали несколько сотен замерзших людей. Может быть, к утру их было бы несколько сотен тысяч, если бы Семен Шарецкий нашел в себе мужество и открыто обратился к гражданам с просьбой не о мифической, а о реальной поддержке. Этот призыв председателя белорусского парламента немедленно разнесли бы по свету десятки иностранных корреспондентов, буквально дежуривших со своими телекамерами и микрофонами в Доме правительства.

Но ни седой Шарецкий, ни один из молодых оппозиционеров, членов Верховного Совета, никто не отважился обратиться к нации, к обществу, наконец, к нормальному гражданскому чувству тех людей, которые еще на что-то надеялись... Привыкшие действовать только в бюрократическом „правовом поле", они не понимали, что пришел их звездный час – показать людям, на что они, борцы с диктатурой, борцы за демократическую Беларусь, способны реально, а не только в словесных баталиях на парламентской трибуне. Может быть, с этого момента могло начаться в Беларуси формирование гражданского общества...

Несколько идеалистов попытались внушить эту мысль деятелям Верховного Совета и представителям политических партий. Увы, вялость, трусость, тупость, амбициозность – было все, кроме желания действовать. История по-прежнему понималась как цепь заседаний, согласований и т.д. Но не как действие, не как реальный поступок реальной личности.

Как свидетельство последней попытки нескольких идеалистов сохранился этот документ.

ОБРАЩЕНИЕ

Уважаемые соотечественники, граждане Беларуси!

К вам обращается Национальный комитет спасения республики, который образован сегодня, 26 ноября, в условиях, когда создалась непосредственная угроза существованию Беларуси, как самостоятельного демократического государства.

В состав Комитета вошли депутаты Верховного Совета, которые остались на позициях демократии и законности, представители политических партий и движений, общественные деятели.

Граждане!

В нашей стране произошел антиконституционный переворот. Манипулируя результатами фальсифицированного референдума, президент Лукашенко практически перешел к установлению режима диктатуры.

Мы обращаемся ко всем, кому дороги судьба нашей Родины, наша свобода, будущее наших детей и внуков, проявить в эти трагические дни гражданскую зрелость, мужество, стойкость и поддержать Национальный комитет спасения республики.

Национальный комитет спасения республики не предусматривает никаких насильственных, противозаконных действий. В то же время мы призываем граждан противопоставить свою активную позицию наступлению диктатуры. Мы просим граждан, разделяющих нашу тревогу за судьбу Родины, создавать повсеместно в стране отделения Национального комитета спасения республики – на предприятиях, в вузах, организациях.

Мы просим активистов этих отделений устанавливать непосредственные контакты с Национальным комитеттом спасения республики, круглосуточно работающим в здании Верховного Совета.

Контактные телефоны –...

Национальный комитет спасения республики.

Минск, 26 ноября 1996 года.

На следующий день после позорного изгнания из здания Верховного Совета в Доме литератора состоялось очередное заседание общественности. И все те же слова, слова, слова...

ЗАЯВЛЕНИЕ

Собрания общественности Беларуси в защиту демократии

„Мы убеждены, что дальнейшее наше бездействие приведет к укреплению в Беларуси режима фашистского типа, опасного не только для нашего народа, но и для европейского и мирового сообщества.

Угроза именно такого варианта развития событий в Беларуси усиливается поддержкой режима Лукашенко как определенными силами профашистского и экстремистского толка в России, так и ее отдельными правящими кругами, которые оказали прямое содействие организации государственного переворота в Беларуси, противопоставив при этом судьбу белорусского народа интересам российских монополий.

Руководствуясь высшими интересами народа Беларуси, Собрание общественности в защиту демократии заявляет:

1. Президент А.Лукашенко, совершив в республике государственный переворот, поставил себя вне закона, а страну привел к тупику и изоляции от мирового сообщества.
2. Признавая право народа Беларуси иметь свое суверенное демократическое государство, мы призываем всех граждан к активному противодействию диктаторскому режиму А.Лукашенко..."

„Народная воля", декабрь 1996, № 114.

ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАГЕДИИ

ЕЛЬЦИН-93 – ЛУКАШЕНКО-96: ТРАГЕДИЯ И ФАРС

„Впрочем, простора для импровизации у Лукашенко немного. Что делать с разваливающейся белорусской экономикой, бывший директор совхоза совершенно не представляет. Мешанина из социалистических, популистских, рыночных, державных, панславянских, антизападных идей, которые роятся ■ его голове, – плохой тут советчик. А потому все его взоры устремлены на соседку Россию: авось не даст сгинуть, спасет. Именно в этом направлении он мобилизует главный свой талант – талант демагога, обрушивая на „русских братьев" потоки словес о срочной и неотложной необходимости интеграции, о том, что Беларусь для России – единственная защита от коварного Запада и т.д. и т.п.

Лукашенко твердо уверен: Беларусь слишком лакомый кусочек для московских правителей, чтобы они оттолкнули человека, предлагающего его им.

... Позиция Кремля по отношению к Лукашенко двойственна: с одной стороны, вроде бы неприлично поддерживать фигуру этого одиозного авторитарного деятеля, бесцеремонно плюющего на демократию, на свободу прессы, на прочие нормы цивилизованного бытия, с другой – очень уж заманчива, в самом деле, идея присоединения Беларуси к России, идея, которую Лукашенко постоянно держит в качестве приманки перед носом своих московских покровителей.

... Отношение российских властей к Лукашенко – тот оселок, на котором без труда можно проверить, какие подходы им сегодня ближе: цивилизованно-демократические или традиционно-имперские.

Хотя Лукашенко постоянно отождествляет себя с белорусским народом, совсем не факт, что этот народ легко расстанется со своей в таких муках обретенной независимостью, пусть даже это расставание будет облачено в одежды конфедерации с Россией (где, совершенно ясно, Беларуси сегодня уготована второстепенная, сугубо подчиненная

роль). Мы только-только начинаем выпутываться из чеченской авантюры, но нам уже неймется влезть в новую передрягу. Между тем белорусские леса, как известно, для партизанской войны подходят ничуть не меньше, чем чеченские или югославские горы.

... На демонстрациях в Минске в эти дни мелькали лозунги: „Москва, возьми Лукашенку себе!" Но не Москва привела этого деятеля к власти. Два года назад белорусы – по крайней мере, те, что пришли на выборы, – сами выбрали его. Никто не неволил. Хотя результаты нынешнего референдума не более достоверны, чем итоги голосования за Завгаева в Чечне, все же, если судить по опросам, значительная часть белорусских избирателей по-прежнему поддерживает любезного им „Сашу". Это еще одна наглядная иллюстрация: к диктатуре вполне можно придти и демократическим, выборным путем. Недаром белорусскому вождю, по его собственному признанию, так нравится Гитлер. Тот ведь тоже, как известно, взошел на верх власти через процедуру голосования.

...Вне всяких сомнений, „отец нации" будет теперь с утроенной силой продолжать свои домогательства, касающиеся абсолютной, безраздельной власти. Собственно говоря, после „победы" на воскресном референдуме он практически получил ее. Свою долю ответственности за все это несут и московские кормчие..."

Олег Мороз.

„Литературная газета", 27.XI.1996.

МЫ ПРЕДАЛИ БЕЛАРУСЬ

„Россия предала Беларусь – это главный вывод, который сегодня делают все ответственные белорусские политики от коммунистов и социал-демократов до центристов, либералов и националистов... Все говорили одно и то же: Россия в лице Черномырдина, Строева и Селезнева гарантировала сохранение демократии в Беларуси, подписав по существу международное соглашение с Лукашенко, Верховным Советом и Конституционным судом, и допустила односторонний отказ Лукашенко от этого соглашения и установление его диктатуры.

Никакие аргументы о том, что Лукашенко обманул в том числе и Россию, не действуют: для России, с точки зрения всех, коммерческие интересы „Газпрома", работа нефтепроводов и газопроводов важнее жизни и свободы 10,5 миллиона белорусов. Уверенность политиков в том, что Черномырдин знал о планах Лукашенко нарушить соглашение, о выгодности для России установления управляемой Москвой

диктатуры, гарантирующей безопасность транзита, подтверждается и фактами и документами. 125 тысяч – полиция, 80 тысяч – армия, да еще КГБ, численность которого растет ежедневно, в том числе за счет лиц с российским гражданством, да еще и личная охрана президента при несоразмерной населению численности госаппарата, но при этом с тремя долларами зарплаты колхозника и с огромными долгами Беларуси – все это признаки установления авторитарного режима.

...Для полной картины не хватает, пожалуй, репрессий, но и они уже начались. Оппозиционных политиков и даже их родственников больше не принимают на работу. Даже в коммерческие организации... В тюрьме Минска содержатся несколько политических заключенных, в том числе и поэт, написавший стихотворение „Убить президента".

...Будет ли Россия по-прежнему уважаемым старшим братом Беларуси? Во многом это зависит, как считают здесь, от позиции Ельцина и от заявления России по ситуации в Беларуси после фальсификации результатов референдума".

Константин Боровой,
депутат Государственной думы.
„Известия", 5.XII.1996.

ФЕНОМЕН ЛУКАШИЗМА

„Лукавство и мнимое беспристрастие прибывших в Минск 21 ноября высоких российских визитеров, замаскированные миротворческой фразеологией, усыпили бдительность дипломатически простодушного Шарецкого и политически изможденного Тихини. В результате они подписали заведомо бесперспективное соглашение с президентом. Последний же, благодаря маневрам кремлевских политиков (втайне, несомненно, одобрявших его позицию), получил возможность выиграть время и тем самым уйти от импичмента, а по сути – выиграть политическую партию, когда та находилась в эндшпиле и могла завершиться вполне благополучно для Верховного Совета.

После провала войны в Чечне России до зарезу была нужна победа хотя бы на дипломатическом фронте. И, похоже, она добилась ее в Беларуси".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 27.XII.1996.

„Аналитики еще не раз будут возвращаться к этому удивительному периоду белорусской истории. Будут идти споры о том, что было бы, если бы Шарецкий не подписал ту самую ночную *згоду* с Черномырдиным и Лукашенко... Да если бы уперся и стоял на своем до конца Тихиня... Да если бы на площадь Независимости пришли не двести человек с флагами, а хотя бы двадцать тысяч...

Ах, скажут одни, что толку спорить? Все равно Он провел бы референдум и сделал бы все, как задумал. Не скажите, возразят им другие, все видели, как он жутко нервничал, ■ какой дикий страх его приводило слово „импичмент", как дрожали голоса его ближайших соратников...

Я думаю, в итоге наиболее трезвые из аналитиков сойдутся в главном: в историческую десятидневку Лукашенко блестяще разыграл „российскую карту". А помогли ему в этом – еще задолго до президентства – некоторые вожди и активисты БНФ. Да-да, я говорю о той высокомерно-уничижительной антирусской, антироссийской кампании, которую они развернули ■ прессе еще в конце 80-х–начале 90-х годов. И явившийся на политическую сцену Лукашенко среди многих своих популистских козырей выложил главный. Он поддержал стихийную тягу большинства населения к России как гаранту жизни и безопасности, к русскому народу как кровно и культурно близкому.

...Лукашенко за теснейший союз с Россией, и это главное. Не люди из БНФ, не политические невидимки из либерально-аграрно-коммунистической оппозиции в Верховном Совете, а Лукашенко стал гарантом столь жизненно важного в глазах большинства белорусско-российского единства.

Г-н Гончар, этот несостоявшийся белорусский Дантон, покидая здание Верховного Совета, саркастически бросил в московскую телекамеру: „Россия сдала белорусский парламент. Теперь пусть живет с режимом Лукашенко".

Да, Россия сдала белорусский парламент и будет жить с режимом Лукашенко. Потому что, как сказал Евгений Киселев в „Итогах" 24 ноября, „ежели в Белоруссии никого другого нет – будем работать с Лукашенко. По крайней мере, его мы знаем".

В последние дни, буквально накануне поражения, оппозиция решила сделать некий упреждающий ход – в Верховном Совете пошел по рукам проект конфедеративного объединения России и Беларуси, подписанный среди прочих и горячими оппонентами Лукашенко. Вот, мол, пусть видят все, что не только Он – мы тоже за теснейший союз с Россией. Пусть Он не присваевает себе монопольное право луч-

шего друга России. Мы тоже хотим изо всех сил дружить и объединяться...

Но было поздно. Место „лучшего друга России" давно и прочно занято".

Семен Букчин.
„Белорусская газета", 2.XII.1996.

ЭПОХА ЗРЕЛИЩ КОНЧИЛАСЬ. ПОШЛА ЭПОХА ХЛЕБА

„На самом деле перед нами колесом прокатилась схватка элит, а если говорить менее красиво, то навязанное группой Новиков – Шарецкий и К стремление оттеснить Лукашенко от власти и сесть за соответствующие дерматиновые двери... Обвиняя президента в промосковских настроениях, вожди оппозиции сами безудержно и алчно апеллировали к Белокаменной. Примеривая перед зеркалом белоснежные тоги мудрых ревнителей демократии, они наперегонки загоняли себя в собственноручно изготовленную ловушку и еще раз доказали давно известную истину: в Беларуси, по существу, нет никакой политической оппозиции, зато есть группа набивших оскомину политиков, готовых бороться за власть под любыми знаменами и в любой комбинации".

Павел Якубович.
„Советская Белоруссия", 4.XII.1996.

КАКАЯ ОППОЗИЦИЯ НАМ НУЖНА?

„И вот здесь, по-моему, очень важно подумать о том, какой должна быть „новая" оппозиция. В том, что она появится, причем в ближайшие дни, сомнений нет. И это естественно. Демократическое общество по определению предполагает ответственную и честную оппозицию, которая не сидит на заборе и улюлюкает в сторону власти, а предлагает альтернативные решения и новые подходы. В этом случае сакраментальная фраза „рвутся к власти" теряет свой зловещий смысл, поскольку все мы заинтересованы в том, чтобы во власти находились компетентные патриоты, лелеющие, как говорится, искусство в себе, а не себя в искусстве".

Павел Якубович.
„Советская Белоруссия", 13.XII.1996.

Размечтался, однако, президентский „главный редактор"! Рассуждениями о „новой оппозиции" и „компетентных патриотах"

он попытался прикрыть абсолютно ясный для него цинизм происшедшего. Он думал, надеялся, видимо, что на Лукашенко еще можно как-то влиять этими разговорами о том, что „предполагает демократическое общество"... Очень скоро выяснилось, что нужна не „новая оппозиция", а безмолвные и покорные слуги, холуи, беспрекословно выполняющие волю хозяина.

И сам „верный Пашка", пытавшийся отчасти играть в очень маленькую фронду с Хозяином, быстро заткнулся, понял, что эти игры у человека из Шклова не проходят...

ПОДТАСОВКИ ВМЕСТО СТРЕЛЬБЫ

„Напомним: с 18 ноября на площади Независимости проходили ежедневные митинги в поддержку Конституции и парламента. Люди сменяли друг друга, и в любой момент с утра до вечера на площади стояло несколько тысяч человек. Над участниками реяли и бело-красно-белые, и чисто красные, и красно-зеленые флаги – Лукашенко объединил против себя всех. Последний такой многочасовой митинг прошел на площади 25 ноября. 26-го там были просто отдельные кучки людей – заключительный, так сказать, всплеск. 28-го на площади уже не было никого. За полторы недели люди устали, замерзли, – да, наконец, разочаровались: если С.Шарецкий подписывает явно капитулянтское соглашение, подписи под обращением в КС об импичменте отзываются, и вообще большая часть депутатов перешла на сторону Лукашенко – кого ж там поддерживать и защищать? Поугас энтузиазм и у депутатов: если сначала парламентарии ночевали в ВС и проявляли решимость оставаться в здании до конца, то 28-го они просто не видели в этом смысла. Было несколько самых стойких, но и они через несколько дней покинули здание. Причем никто никого ниоткуда не выдворял. Лукашенко дождался, когда все вымотались, когда наконец всем все порядком надоело и стала противной вся эта ситуация. Он взял крепость не приступом, а измором.

... Очередным метастазом прошедшего переворота стал фактический самороспуск Конституционного суда. Труднообъяснимы метания председателя КС В.Тихини. Когда все решили, что он уже „сложил лапки" и смирился с наступлением диктатуры, В.Тихиня вдруг 26 ноября напомнил в открытом письме Лукашенко о консультативном характере референдума, а 4 декабря разразился весьма резкой пресс-конференцией, где дал крайне нелестные оценки лукашенковской „конституции", заявил, что в Беларуси действует Конституция 1994 года без всяких изменений, по которой его отставку может принять

только Верховный Совет, и объявил о готовности продолжать борьбу за конституционную законность и о наличии конкретного плана этой борьбы. Но уже на следующий день после этого В.Тихиня подал заявление об отставке на имя Лукашенко.

...В нестандартности белорусского переворота есть один огромный плюс – его бескровность... Но какой бы фарсовой ни была форма переворота, все равно это только форма, которая отнюдь не меняет существа: в Беларуси фактически больше нет ни демократии, ни парламента, ни республики (следовательно, нет и президента республики) – есть диктатор и его подданные, и это нужно четко осознавать".

Вадим Казначеев.
„Свабода", 13.XII.1996.

УЖЕ НЕ ПОЛЬША, ЕЩЕ НЕ РОССИЯ...

„С самого начала существования Республики Беларусь, пришедшей на смену БССР, народ, по сути, не принимал никакого участия в строительстве нового государства. Провозглашение суверенности было делом старой номенклатуры, испугавшейся прежде всего утраты власти. Жизнью продолжали управлять все те же начальники. Атрибутика суверенно-демократического существования имела в основном декоративный характер. Поведение в этих условиях горсточки людей, претендовавших на роль выразителей подлинных общественных интересов, а на самом деле превратившихся в белорусскую „демократическую номенклатуру", только сильнее подчеркивала эту декоративность. Люди, считавшие себя оппозицией в Верховном Совете, вели себя так, как будто в самом деле мы живем в условиях демократического государства, когда можно и нужно насмерть биться за формулировку той или иной статьи закона. Бумажная конституция казалась непробиваемой броней. А то, что Лукашенко раз за разом беззастенчиво дырявил ее, казалось лишь обстоятельством, предвещавшим его скорую политическую гибель.

Депутаты писали жалобы в прокуратуру. А когда все было кончено, депутат Климов предложил арестовать Лукашенко.

Красивый, романтичный жест. Есть возможность войти в историю.

Не было лишь одного – реальной политики.

... Эти годы еще раз убедили и в том, что по сути ничего не изменилось: государственная машина живет по своим законам, люди – по своим. Партийно-советская номенклатура подтвердила свое бессмертие. БССР сменила название, сохранив свою суть. Поэтому

когда сегодня говорят о государственном перевороте, я решительно возражаю. Кто и что у нас перевернул господа? Демократию ввергли в пучину абсолютизма? Но мы ведь все знаем, что это неправда, что настоящей демократии и в помине не было. Конституцию поломали, изнасиловали? Большая беда... Но ведь от этой конституции народу ни холодно, ни жарко не было. Он, народ, ее действенность вряд ли ощущал. Есть она или нет...

Так что же у нас произошло? Ведь и автор этой статьи говорит тем не менее о ползучей диктатуре. Верно – говорю. Но не как о чем-то неожиданно свалившемся на нас, уничтожившем демократический строй, а в том смысле, как раньше у нас говорили про коммунизм как высшую стадию социализма. Нынешнее авторитарное правление и есть высшая и закономерная стадия белорусской суверенности, всего нашего общественного развития за те же пять лет. По-другому и быть не могло.

...Сегодня в любом случае приходится констатировать, что игра в белорусскую демократию на государственном уровне закончена. Продолжая размышлять о том, почему именно у нас произошло то, что произошло, невольно вспоминаешь старые школьные уроки. Те же слова Ленина о неслучайности революции в России как „самом слабом звене" в цепи мирового капитализма, где еще были очевидны признаки феодального строя.

Если лукашенковский авторитаризм – это „революция наоборот", а признаки феодального строя – это все та же непроявленность белорусского национально-общественного менталитета, то нельзя не признать, что Беларусь действительно оказалась самым слабым звеном в цепи новорожденной восточноевропейской демократии.

... Во всяком случае, сегодня есть повод вспомнить о некоторых исторических фактах.

Муссолини возглавлял фашистское правительство Италии с 1923 по 1945 год.

Португальский диктатор Салазар правил с 1932 по 1968 год.

Стресснер царил в Парагвае с 1954 по 1989 год.

Семейство Сомосы управляло Никарагуа с 1934 по 1979 год.

Генерал Франко был диктатором в Испании с 1939 по 1975 год

Каддафи правит Ливией с 1969-го.

Хусейн – Ираком с 1970-го.

Генерал Тан Шве укрепился в Бирме в 1992 году.

Гитлер, правда, продержался всего 12 лет. Но зато как повоевал...

Конечно, у всех этих режимов свои оттенки, особенности – от рыхлого авторитаризма до националистического тоталитаризма с откровенно фашистскими или только фашизоидными элементами.

Черты режима, который сегодня складывается в Беларуси, уже проступают... Очень скоро аналитикам предоставится возможность, отбросив штампы, вроде той же „диктатуры", „фашизма", „тоталитаризма", в более точных и тонких выражениях охарактеризовать нашу ситуацию".

Семен Букчин.
„Народная воля", декабрь 1996, № 120

ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА

„Оппозиция должна вести активную агитацию против режима Лукашенко – это бесспорно. Но бесспорно также и то, что на высокий коэффициент полезного действия этой агитации в нынешних условиях рассчитывать не приходится.

Разумеется, должен продолжать свою работу действующий в рамках Конституции Республики Беларусь Верховный Совет. Более того, его надо раскручивать на всю катушку. Нужно попытаться добиться его международного признания ■ качестве парламента Беларуси хотя бы на том основании, что он во всяком случае более легитимен, чем карманная „палата", подобранная диктатором.

...В теперешней экстремальной ситуации демократическим партиям и движениям следовало бы пока что отодвинуть ■ сторону программные различия и найти фигуру временного общего лидера".

Вадим Казначеев.
„Свабода", 20.XII.1996.

„В ТУ РОКОВУЮ НОЧЬ Я СТРЕМИЛСЯ ДОСТИЧЬ ГРАЖДАНСКОГО МИРА И СОГЛАСИЯ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ..."

„Как уже отмечалось, на меня кое-кто поспешил навесить ярлык коллаборациониста... Мои оппоненты говорят, что шансов на „мировую" почти не было. Но даже если был один шанс из ста (а он был), им надо было воспользоваться... Я исходил из того, что все участники встречи будут действовать по одним и тем же правилам игры, т.е. на основании Закона. Но, как показали последующие события, этого не произошло, и все мы потеряли шанс цивилизованным (правовым) путем выйти из конфликта двух ветвей власти... Как мне уже сейчас ясно, президент и не думал реализовывать подписанное Соглашение, преданные ему депутаты действовали по заранее разработанному

сценарию... Но хорошо зная президента, его характер, его окружение, добавлю: все могло закончиться кровопролитием. А задача любого здравомыслящего политика – не допустить человеческих жертв".

Валерий Тихиня,
председатель Конституционного суда.
„Народная воля", декабрь 1996, № 112.

Спустя год В.Г.Тихиня попытается еще раз объяснить, почему все получилось так, а не иначе. Увы, объяснения эти только подчеркнули важнейшее обстоятельство: когда закон противопоставляют морали, выигрывает зло.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

„26 ноября прошло заседание Верховного суда. Обсуждался вопрос процедурного характера: вправе ли мы начинать обсуждение вопроса по существу, не имея необходимого субъекта – семидесяти депутатов? (Оставалось уже лишь немногим более сорока подписей). Большинство судей – десятью голосами против одного – пришло к выводу: **надлежащей стороны по этому делу уже нет**. Импичмент не состоялся. Очень резко высказывался председатель Верховного Совета, звонили другие депутаты, обвиняли в предательстве, требовали импичмента. Мы сделать ничего не могли.

Я был председателем Конституционного суда Республики Беларусь. И я, и мои коллеги были призваны охранять Конституцию в пределах полномочий, установленных этой Конституцией. У нас не было иного выхода, кроме как безукоризненно соблюдать закон...

Нас можно осуждать: во имя процедуры открыли путь диктатуре. Категорически отвергаю это обвинение и еще раз подчеркиваю: **если мы будем исполнять закон лишь тогда, когда он нам нравится, мы уподобимся Александру Лукашенко.** Я юрист, а не политикан. Я могу поступиться политическими интересами и выгодами, но поступиться требованиями Закона – не могу!

...Сейчас меня и моих коллег много критикуют в печати. Иногда даже трудно читать газеты, когда кто-то из политиков рассуждает: что было бы, если бы Шарецкий и Тихиня не поставили свою подпись под соглашением 22 ноября, если бы произошел импичмент, если бы... **Никто из них не был на моем месте и не знает, как тяжело исполнять обязанности судьи.** Жизнь сложнее самой запутанной политической комбинации".

Валерий Тихиня.
„Народная воля", 22.XI.1997.

НУЖНЫ ЛЮДИ, ГОТОВЫЕ ИДТИ ДО КОНЦА

„Что касается Валерия Тихини, то не мне давать ему оценку. Он был для меня больше чем председатель Конституционного суда. Бог ему судья. Но бесспорно то, что факт умышленного ухода Тихини и некоторых других членов КС от принятия ответственного решения вывел страну на прямой путь неизбежного насилия, беззакония и мракобесия.

Хотел бы еще сказать по поводу референдума. В Беларуси за весь послевоенный период совершено самое чудовищное, самое гнусное преступление. И оно тем циничнее, что свершалось под лозунгом „ради счастья народа". Для меня очевидно, что результаты референдума полностью сфальсифицированы. Встречаясь со своими земляками на Гомельщине, я выяснил, что ни один из них не читал проект президентской конституции. А об альтернативном там даже и не слышали. Вовсе не знали, что проголосовали за продление срока правления Лукашенко. Удивлены тем, что они, оказывается, проголосовали против прямых выборов руководителей регионов и гласного финансирования органов власти.

...Тридцатые годы нашего столетия доказали, что продолжительное нахождение у власти негодяев способствует массовому воспроизведению ими себе подобных. Характерно это и для нынешней Беларуси. Нормой стали избиение мирных демонстрантов, возбуждение сфальсифицированных уголовных и административных дел против инакомыслящих и лишение их свободы, другие противоправные действия. Все чаще и чаще руководящие посты занимают люди с отмороженными мозгами, готовые творить беззаконие и произвол. Появилось огромное количество карманных структур, проявивших себя в насилии над безоружными людьми, а по методам действий смахивающих на преступные группировки".

Юрий Захаренко,
экс-министр внутренних дел Беларуси.
„Свабода", 17.XII.1996.

БЕЛАРУСЬ ВО МГЛЕ

„Лукашенко принадлежит бесспорное авторство в создании в Беларуси не имеющего аналогов в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе „нового порядка". В фундамент „нового порядка" легли одержимость властью самого Лукашенко и его обращенность в прошлое, в котором президент Беларуси ищет и находит себе кумиров среди правителей тоталитарных и авторитарных

режимов. А также его кредо „советского белоруса" – человека, лишенного национальных корней и чувства национального достоинства.

... Первый белорусский президент никогда не был политиком в общепринятом смысле, который сверял бы свои убеждения и принципы с реальной действительностью. Он неспособен к компромиссам. Александр Лукашенко сродни революционерам. Он пришел к власти с комплексом мессианства и набором идеологических догм, под которые пытается подогнать реальную жизнь.

Сегодня уже не надо быть провидцем, чтобы разглядеть, что Лукашенко со своей утробной, неразвитой философией и со своим „новым порядком" опоздал родиться лет этак на пятьдесят. И что это выглядит нелепо, гротескно на рубеже XX1 века. Что, впрочем, не убавляет трагизма происходящего в Беларуси. Политический кошмар, восставший из прошлого.

Все это время в Беларуси шел процесс приватизации государственной власти. Формировался авторитарный режим Лукашенко, в котором власть и аппарат становились частной собственностью и заложниками президента, орудием построения „нового порядка". „Великий Эксперимент" Лукашенко поставил Беларусь на грань национальной катастрофы.

... Реальное положение белорусской экономики ■ самом что ни на есть концентрированном виде отражено в оценке главного эксперта Всемирного банка Джона Хансена: „... **показатели Беларуси характерны для самых бедных государств Африки, целиком зависящих от внешней помощи".**

... Лукашенко медленно, но верно превращается ■ мирового парию, а через него Беларусь все больше ощущает на себе пресс международной изоляции. Жестокая полицейская расправа над политической оппозицией, подавление свободы печати ■ стране, систематическое нарушение президентом Конституции и появление первой белорусской политэмиграции заставили весь мир говорить о Беларуси как о „восточноевропейской аномалии".

... Пытаясь объять необъятное – лично разрешать и лично запрещать, он добился лишь того, что переселил коррупцию в свое ближайшее окружение, наделенное чрезвычайными полномочиями... Опьяненные властью соратники Лукашенко, подыгрывая ему и нередко переигрывая его, создают тот общий фон, на котором правление первого белорусского президента выглядит **пришествием Хама в Беларусь.** [illegible]

... Президент Лукашенко паразитирует на темных сторонах сознания, разжигая массовую истерию, смешивая патриотизм с ненавистью к „врагам народа", чувство справедливости с завистью и злобой

к „коммерсантам-эксплуататорам", стремление к безопасности и порядку в обществе с НАТОфобией и полицейским произволом.

... И самое главное – слишком многие, и в госаппарате, и в силовых структурах, и простые люди – поняли, что еще 10 лет президентства Лукашенко Беларусь и ее страна просто не выдержат. Нельзя жить в состоянии перманентной войны с самим собой. Отношение общества к Лукашенко неизбежно приближается к „точке пресыщения". А это значит, во мгле, которую напустил на Беларусь первый ее президент, забрезжил свет надежды.

Свою судьбу и свое место в истории Александр Лукашенко выбрал сам. И только невероятное чудо может теперь что-то изменить. В одном из своих последних выступлений по телевидению президент Лукашенко проницательно заметил, что, в отличие от его собственной жизни, в истории Беларуси его президентство – один лишь миг. Миг разочарования, обманутых надежд ■ национальной истории и трагедии всей жизни человека, поверившего однажды в свою небесную миссию – дать счастье народу".

Анатолий Майсеня.

„Народная воля", сентябрь 1996, № 78.

Это была одна из последних статей замечательного нашего публициста и политического деятеля Анатолия Майсени. Он погиб 12 ноября 1996 года в автомобильной аварии под Столбцами. Ему было 37 лет.

НОВАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ?

„По сведениям Белорусского Хельсинкского комитета, после референдума резко возросло число людей, уволенных с работы, либо отчисленных из вузов по политическим мотивам. Соответственно, выросло число желающих эмигрировать. Однако готова ли Польша принять большое число политбеженцев? В какой-то степени ответ на этот вопрос дает публикация в газете „Ï усіе" за 29 ноября.

В начале статьи под названием „У нас есть моральные обязательства" приводится высказывание президента Польши А.Квасьневского: „Наш моральный долг – предоставить политическое укрытие беженцам из Беларуси".

...Далее приводится сообщение пресс-секретаря МВД о том, что министерство не исключает возможности притока эмигрантов в Польшу из Беларуси, которым – в отдельных случаях – может быть предоставлен статус политических беженцев".

Виталий Тарас.

„Белорусская газета", 9.XII.1996.

1997 – 1999

[illegible]

КТО ВИНОВАТ, ИЛИ СПОРЫ ОБ ОППОЗИЦИИ

ТОЛЬКО ЗУБАСТАЯ ОППОЗИЦИЯ МОЖЕТ „ВПРАВИТЬ МОЗГИ" СОВЕТСКОМУ БЕЛОРУСУ

„Эти господа депутаты (аграрии, юристы, профессора и бывшие компартработники) предали нас в ноябре 1996 года. Своей трусостью они лишили себя права рассчитывать на нашу поддержку. Время их ушло. Теперь пусть заседают себе в конспиративной обстановке хоть до пенсии. Теперь должна решать улица, т.е. люди, которых они обманули. Я помню слезы в глазах истинных белорусов в ту промозглую осень – это были слезы боли, отчаянья и позора. Такое не забывается! И не прощается!.. Нынешний режим уважает только силу и разговаривать с ним надо на его же языке!

И.Александрович,
г. Могилев.

P.S. Не подписываюсь своей настоящей фамилией не потому, что боюсь репрессий со стороны режима, а потому, что считаю – лучше сложить голову на баррикадах, чем сгнить заживо в застенках".

„Свабода", 12.II.1997.

ОППОЗИЦИЯ, НЕ ЖЕЛАЮЩАЯ БЫТЬ ОППОЗИЦИЕЙ

„Речь пойдет о законах политической борьбы: в условиях устоявшихся демократических традиций и четко действующих законов они одни, в условиях декларативной демократии, камуфлирующей авторитарный режим, другие. Эту разницу совершенно не хотели учитывать мятежные депутаты Верховного Совета, за что и поплатились. А ведь яснее ясного было, что Лукашенко с его темпераментом бойца не может долго находиться в состоянии политической двойственности, когда вся

реальная власть принадлежит ему, но кто-то там еще „продолжает вякать".

Как действуют в подобных ситуациях парламенты других стран? Как правило, они апеллируют к широкому общественному мнению, стремясь убедить его в своей правоте и заручиться народной поддержкой. Парламент становится штабом оппозиционного движения, отстаивающего конституционные и демократические ценности. Естественно, что в подобных условиях и антипрезидентская часть Верховного Совета Беларуси обязана была объявить себя органом широкой общественной оппозиции, то есть выйти из рамок чисто бюрократического образования, каким в глазах многих людей является современный белорусский парламент. Но это было страшно. Это было близко к смычке с традиционно оппозиционным БНФ. А БНФ – это что-то вроде зачумленного и к тому же объявленного вне закона. Мы же – законопослушные депутаты, и весь мир должен видеть, как мы уважаем закон и как грубо нарушает его президент Лукашенко! Поэтому будем заниматься кворумом, регламентом и рейтингом... Поэтому будем давать разоблачительные интервью зарубежным корреспондента, публиковать гневные статьи... А больше – ни-ни! Поскольку мы не какие-то там нарушители закона.

Между тем законы политической борьбы предписывали большее, поскольку к середине ноября, когда ситуация окончательно созрела, счет шел уже не на дни, а на часы. Увы, этот ответственнейший период и обнаружил абсолютную политическую незрелость, скажу грубее, импотенцию деятелей, взявших на себя роль спасителей отечества...

Нужно было всего-то обратиться к людям за гражданской, за общественной поддержкой. И на площадь Независимости пришли бы не постоянно дежурившие полторы-две тысячи, а не менее двухсот тысяч человек. Потому что в Минске живет не тупое, покорное судьбе быдло, а вполне нормальные люди с развитым гражданским темпераментом, в чем хорошо убедили мир события весны прошлого года... Президенту-автократу пришлось бы пойти на переговоры, которые тот же Комитет национального спасения республики с помощью высококвалифицированных экспертов провел бы, естественно, не на уровне областного семинара по животноводству.

Но для того, чтобы все прошло по такому сценарию, во главе событий должен стоять не провинциальный дядя Моня с Бассейной улицы, а трезво мыслящий политик, умеющий ясно и четко формулировать свои мысли, темпераментно и аргументированно обратиться к народу. Увы – тот же Белорусский Ноябрь показал, что у нас политиков такого масштаба, такого уровня культуры нет".

Семен Букчин.

„Народная воля", 19.II.1997.

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ: БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ

„В ближайшие годы оппозиция не сможет взять власть, режим установился всерьез и надолго, реальной конкуренции у политика Лукашенко нет, как бы к этому ни относились оппозиционные лидеры, привыкшие читать о себе в газетах как о претендентах на президентский пост...

Структуры оппозиции – не резерв кадров для администрации, а школа для подготовки реальных политиков, способных взять власть и распорядиться ею. Поэтому всякий, кто идет в оппозицию, чтобы завтра получить власть, должен изгоняться оттуда. Сегодняшние лидеры вчерашней оппозиции могут присутствовать в ней только как учителя будущих лидеров, а если им нечему научить молодых, их нужно отправлять на пенсию.

Реальная оппозиция должна перестать думать про народ и за народ. Доступ к народу и электорату для нее закрыт на ближайшее время. Ее основная задача – вернуть доверие образованной публики, „среднего класса" и молодежи.

... Всем оппозиционерам следует помнить, что противников современной политики большинство среди граждан Беларуси. Просто они не верят лидерам вчерашней оппозиции и не пойдут за ними. Это победителей не судят, а оппозиция еще должна доказать, что она способна на победу".

Владимир Мацкевич.
„Белорусская газета", 10.II.1997.

БЕЛОРУССКАЯ ВЕСНА: ПОЖАР НА ТОРФЯНИКЕ

„Оппозиция в Беларуси сегодня – это не мизерная кучка отщепенцев и демагогов, а часть народа, огромная масса людей самых различных убеждений, представителей всех слоев общества. То, что еще не все инакомыслящие выходят на проспекты и площади, не означает, что так будет всегда...

Главной своей целью белорусская оппозиция определяет не борьбу против интеграции с Россией и другими государствами, как это пытаются подать монополизированные государством в нарушение Конституции „средства массовой дезинформации". В этом абсолютно ясном и понятном вопросе здравомыслящие люди хотели бы видеть больше раздумий, расчетов, аргументированных прогнозов...

Борется и будет бороться белорусская оппозиция с правовым

Чернобылем, с тем, что власть беспардонно и бессовестно попирает Конституцию и другие акты законодательства страны.

Сегодня не канат тянуть надо, не выяснять, кто сильнее – власть или оппозиция. Сегодня надо всем взять голову в руки и без спешки, без политических страстей сообща найти выход из конституционного и экономического кризиса..."

Владимир Нистюк,
председатель комиссии по средствам
массовой информации
Президиума Верховного Совета
Республики Беларуси,
депутат Верховного Совета
Республики Беларуси 13-го созыва.
„Народная воля", 10.IV.1997.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ОППОЗИЦИЮ! ОНА ИГРАЕТ, КАК УМЕЕТ

„Что же политическим умениям А.Лукашенко может противопоставить оппозиция? И кто из ее лидеров?

Первое – осознать невозможность использования ею первых двух ресурсов (вознаграждение и насилие или угроза его применения) за отсутствием таковых. Поэтому совершенно излишней и бессмысленной является, в частности, враждебно-агрессивная позиция З.Позняка по отношению к государственной и хозяйственной элите...

Второе. Общеизвестно, что любое правление основано на общественном мнении, а „жизнь нации – это ежедневный плебисцит". Вот за это общественное мнение, за итоги этого плебисцита оппозиция и должна активно побороться...

В-третьих, оппозиция должна быть персонифицирована. Притом в единственном числе. Естественным путем в Беларуси выявились два сильных лидера – народный (А.Лукашенко) и национальный (З.Позняк). Их политическое противостояние во многом и должно решить: превратится ли народ в нацию и состоится ли белорусское государство... Но для продолжения политического соперничества Позняк должен вернуться. Более того, захотеть стать лидером не только духовной оппозиции, но и политической, откорректировав соответствующим образом свое политическое поведение и обнаружив способности к научению".

Анатолий Лысюк,
кандидат философских наук, г.Брест.
„Белорусская газета", 17.III.1997.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

„Битых, пусть и не по правилам, не любят нигде. А в стране, где произошел государственный переворот, вчерашняя системная оппозиция становится смешной и вскоре вообще исчезнет, если не станет реальным национальным сопротивлением.

...Будем честны: сейчас никто не даст никакой гарантии, что „новые старые" вожди демократов не сдадут в очередной раз с потрохами всех своих преданных соратников и почитателей. Ведь жестокий политический торг в период с июля по ноябрь прошлого года бездарно и вчистую проигран по их вине".

Владимир Дорохов.
„Свабода", 7.III.1997.

ЗАВТРА БУДЕТ ПОЗДНО

„Успех любой борьбы во многом зависит от того, кто ее возглавляет. Эффективность действий нынешней оппозиции снижена из-за отсутствия сильного и последовательного лидера. В числе действующих политиков много талантливых, преданных демократическим идеалам личностей, но не видно таких, которые могли бы стать центром притяжения и мобилизации правых и правоцентристских сил.

Чтобы ни говорили, с этой точки зрения Зенон Позняк был и остается яркой фигурой, способной стать реальной альтернативой левопопулистскому деятелю Лукашенко. Волевой, обладающий аналитическим умом, способностями политорганизатора и даром предвидения (практически все позняковские прогнозы относительно развития белорусских событий сбылись), лидер БНФ еще не реализовал всех своих возможностей".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 16.IV.1997.

БУМАЖНЫЙ ТИГР НОМЕНКЛАТУРНОЙ ПОРОДЫ

„Депутаты печально известного Верховного Совета 13-го созыва, те, что не вошли в структуры режима, называют себя, как и в 1996 году, „оппозицией". Это симптоматично, поскольку называние себя оппозицией в системе власти предполагает признание законности противоположной стороны – позиция и оппозиция в системе власти это единый процесс. Не случайно Белорусский народный фронт после ноябрьского

промосковского переворота заявил о себе как об освободительном движении, отбросив пустое на сегодняшний день словечко „оппозиция".

Может, это кому-то кажется тонкостью, но тем не менее именно этот „оппозиционный" парламент снова начал мостить дорогу режиму Лукашенко к легитимизации и признанию, согласившись на выгодные только Лукашенко и абсолютно бесперспективные для Верховного Совета переговоры с диктаторским режимом. Здесь и проявляется природа конформизма... Потому что здесь клич природы, инстинкт рода, который взывает: „Слуги режима: будьте готовы! Всегда готовы!"

Конечно, нам бы сказать им: оставьте пустое, идите вместе с нами бороться с Россией за Беларусь, за свободу и независимость. Мы и говорим. Может, кто-то и решится. Но это „всегда" будет „всегда", пока существует эта порода людей. Действительность посткоммунистических обществ – лучшее доказательство и лучшая иллюстрация".

Зенон Позняк.
„Свабода", 18.VII.1997.

3. ПОЗНЯК СТАЛ КАПИТАЛИСТОМ. ТАК РАСКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

„Обращает на себя внимание интервью З.Позняка, которое он дал „БДГ" из Нью-Йорка. Отвечая на вопрос о своем отношении к возможному объединению оппозиции, добровольный эмигрант отметил, что он весьма скептически относится к перспективам оппозиции. И, как всегда в последнее время, обрушился на демократов, которые „этого не понимают". Позняк с сарказмом заявил, что демократы „принялись за выращивание общенационального лидера", И добавил: „Лучшее занятие, скрывающее политическую немощь, – неутомимая болтовня о „едином фронте демократических сил", создание объединенных „теневых правительств", „исполнительных советов" и прочих фантомов".

Характерная для Позняка резкость объясняется тем, что надежды сил, группирующихся вокруг БНФ, на „уличную демократию", не оправдываются, на спокойный диалог с политическими оппонентами у оппозиции желания нет. Точнее. Нет ни идей, ни лидеров, готовых эти идеи продвигать. Так что все скатывается к простенькому вопросу: кто же претендует на лавры отца белорусской демократии – Позняк, давно уверовавший в праве на этот титул, либо кто-то другой, обязательно становящийся в этом случае соперником и недругом Зенона Станиславовича?

...На вопрос, не намерен ли он возвратиться в Беларусь, З.Позняк ответил так: „Мое возвращение – это мой личный капитал. И просто так я его не отдам".

Сергей Салтыков.
„Советская Белоруссия", 21.X.1997.

ОППОЗИЦИОННАЯ МОДА КОРОТКИХ РОЗОВЫХ ШТАНИШЕК

„Зенон Позняк линчует оппозицию ВС 13-го созыва за проект закона „О неприменении срока давности за совершенные должностными лицами преступления, нарушающие права и свободы граждан". Формально он, безусловно, прав – а практически?... Нет уж, господа лидеры оппозиции! Вы сперва придите к власти, избежав гражданской войны, а уж затем судите того-то и того-то за то-то и то-то, а пока... Пока все это выглядит как мелкое кликушество...

Я нисколько не сомневаюсь в коллективных интеллектуальных способностях наших лидеров выработать единственно верную на сегодня политическую стратегию типа „Национальное возрождение" или „Национально-освободительное движение". И в то же время они бездарно проигрывают власти тактически, оставшись [redacted] науке „ближнего боя" беспомощными непрофессионалами".

Александр Емельянчик.
„Свабода", 23.VII.1997.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПЕРЕВОРОТЕ, или СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ

(Октябрьские тезисы оппозиции)

Виктор Гончар: С начала деятельности Верховного Совета 13-го созыва небольшая группа депутатов – Гончар, Лебедько, Знавец – не только постоянно предупреждала о бессмысленности и пагубности любых компромиссов с Лукашенко, но и доводила дело до скандалов, бойкотов, обструкций. Наш опыт быстро усвоили и другие депутаты, что позволило бескомпромиссному коммунисту Валерию Щукину бросить прямо в лицо Лукашенко то, что и должно стать политической

позицией Верховного Совета 13-го созыва во взаимоотношениях с президентом: „Не верьте, все равно обманет!"

Вдобавок к этому требовалось так мало. Не верить и следовать Конституции и законам.

Когда „распущенный", но все же легитимный, не собирающий кворума, но признанный в мире Верховный Совет втянул Европу в трехсторнний „переговорный процесс" с президентом Лукашенко, то демократические структуры цивилизованных стран, простите за простонародное выражение, „сели в лужу" вместе с депутатами. Европейцам это простительно, они не имели нашего богатейшего опыта. Результат известен – полный трехсторонний провал.

А ведь, выражаясь понятным политическим языком, переговоры депутатов Верховного Совета с президентом при посредничестве Европейского Союза и ОБСЕ могли идти только о политической капитуляции Лукашенко.

... Осенью 1996 года постоянно витала так называемая „угроза гражданской войны". А война та существовала в трусливом воображении руководителей Верховного Совета и председателя Конституционного суда... И Верховный Совет отступил перед заревом мифического „массового кровопролития".

Ну и что же?

Теперь, считаю, в республике идет необъявленная гражданская война. А как по-другому назвать ситуацию, когда президент Лукашенко одновременно борется и с депутатами, и с партиями, и с профсоюзами, и с банкирами, и с предпринимателями, и с рабочими, и с деятелями культуры, и с российскими и с белорусскими независимыми СМИ...

Я уверен, что у нас нормальная страна и, за редким исключением, без душевнобольных политиков. И если Верховный Совет 13-го созыва будет действовать в рамках законов и Конституции, защищая своих граждан, то о каком кровопролитии может идти речь?

Что, наша армия или КГБ будут стрелять в народ?.. Я уже оставляю за скобками вопрос о том, кто стал бы исполнять такие приказы. Не надо так думать о нашей армии и правоохранительных органах".

Вела беседу *Людмила Маслюкова.*
„Народная воля", 25.X.1997.

Надо полагать, что после того, как в марте 1999 г. председателя Центризбиркома Гончара избили и заключили в следственный изолятор, где подвергли пыткам, он несколько изменил свое мнение о „наших" правоохранительных органах. Вероятно, поблекли и его надежды на борьбу с режимом с помощью законов и Конституции...

ТУСОВКА

„И называется это не оппозиция, а тусовка. Тусовка, которая ничего не умеет и ничего не может. И до тех пор, пока она будет подменять собой реальную оппозицию, Лукашенко может спать спокойно.

Достаточно взглянуть на список наших активных „оппозиционеров" и вспомнить, кто они были и есть. Председатель колхоза, не раз публично горевавший о развале СССР, павшего, по его убеждению, жертвой всемирного сионистского заговора. Лидеры партии, истребившей десятки миллионов невинных людей и продолжающей отстаивать „социалистические ценности". И экземпляры помельче типа комсомольского „вожака", перебежавшего ■ свое время к Лукашенко, затем вышвырнутого из его окружения и за неимением лучшего прибившегося к обществу любителей Конституции 1994 года. Это оппозиция? Увольте".

Александр Старикевич.
„Свабода", 18.XI.1997.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

„Оппозиция видит свое призвание ■ публичной критике власти и уже поэтому как бы вынуждена говорить на том же языке, существовать ■ той же системе координат, то есть ценностей. Вот почему и оппозиция не включает порядочность ■ список своих приоритетов. Как нечто сегодня ненужное. Пока...

Странно бывает наблюдать, как вчерашние интеллигенты, белая кость нации, – пролетаризируются, превращаются в людей улицы. Они уже не мыслят высокими категориями вечности, их жизненный горизонт виден лишь до ближайшей манифестации.

Сегодня – 200 арестованных, завтра – первая кровь, потом – массовые репрессии... Даже если это судьба Беларуси, то этого мало. Если все возрождение ограничивается уличной борьбой, то в этой борьбе неизбежно девальвируется ценность человеческой жизни и цена насилия. Вот откуда берется разница между румынским и чешским, албанским и прибалтийским путями развития. Там, где олимпийский огонь национальной идеи принадлежит элите общества, возможны только бархатные и поющие революции.

Тем временем в Минске массовые „посадки" и голодовки манифестантов превращаются в своеобразные будни, в быт. А рядом с этим не возвышается, не вырастает никакая моральная альтернатива. Оппоненты власти будто смирились с тем, что падение нации должно

произойти до конца, и тогда, мол, начнется какое-нибудь восхождение. Но даже если так – откуда оно возьмется? Откуда вообще берется нравственный потенциал?

Лично я не знаю, какую Беларусь принесут с собой современные оппозиционеры. Думаю, они и сами не представляют. Их цель – народная революция, а не то, средством достижения чего могла бы эта революция послужить. Иначе они уподоблялись бы собственному нравственному идеалу, а не своим политическим противникам. С другой стороны, „революция для революции" приведет лишь к тому, что в Беларуси установится такой климат и такой политический механизм, при котором на место свергнутого Лукашенко смогут в принципе приходить только такие же лукашенки".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 4.IV.1997.

ДУБИНОЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

НА СИЛУ ОТВЕТИЛИ СИЛОЙ

„В воскресенье белорусские оппозиционные силы провели в Минске 7-тысячное шествие и митинг, посвященный 79-й годовщине Белорусской Народной Республики.

Минские власти дали представителям БНФ разрешение только на проведение митинга на пл.Якуба Коласа, но по городу ходили листовки с призывом к минчанам собираться в 11.00 на площади Независимости и пройти праздничным маршем по главному проспекту столицы.

Власти решили любой ценой не допустить демонстрантов на площадь Независимости и поэтому с утра подходы к ней были перекрыты усиленными кордонами милиции и ОМОНа... В 11.20 организованные колонны под клич „Жыве Беларусь!" двинулись по тротуарам в сторону площади Якуба Коласа. Следом бросились омоновцы, которые атаковали людей в районе ГУМа. Однако демонстранты дали в ответ неожиданно жесткий отпор. „Блюстители порядка", видимо, не ожидавшие такого поведения от ранее мирных демонстрантов, вынуждены были отступить, подобрав своих пострадавших товарищей. Таким образом, бесконечные аресты и террор со стороны режима вносят соответствующие коррективы в поведение оппозиции – демонстранты начали на силу отвечать силой.

...После митинга началась традиционная охота милиции за демонстрантами... Людей хватали в разных районах города... было арестовано свыше 100 человек, которые всю ночь находились в районных отделениях милиции. Вчера над ними начались суды".

Ольгерд Неверовский.
„Свабода", 25.III.1997.

ОБЪЕДИНЕНИЕ С РОССИЕЙ НАЧАЛОСЬ

В день единения с Россией в Беларуси произошли самые жестокие и кровавые за последние два года избиения граждан

ЗАПАХ КРОВИ

„Около шести тысяч противников интеграции собрались возле парка им.Горького, после чего переместились к оперному театру, где прошел митинг. Кровавая драма разыгралась позже, когда часть митингующих решила высказать свой протест возле российского посольства. Именно туда направилось около полутора тысяч человек. Улицу Коммунистическую, по которой можно пройти к посольству, перегородили пять рядов милиции. Колонна митингующих остановилась в нескольких метрах от кордона – началось короткое противостояние, как у боксеров перед поединком.

Милиция спровоцировала кровавую драку, попытавшись выхватить из толпы одного из митингующих. Участники акции стали сопротивляться, и ■ сторону омоновских щитов полетели камни и куски дерева. Однако скоро стало очевидно, что силы неравны.

Впервые в Беларуси была использована тактика „зачистки территорий". Людей избивали прямо на улицах, загоняли во дворы и били там. Всех, кто попадался под руку, в том числе и случайных прохожих, хватали и сажали в „воронки". Со стороны казалось, что около тысячи человек участвуют ■ общей драке. Под горячую руку разошедшейся не на шутку милиции наряду с демонстрантами попали и журналисты".

Ольга Томашевская, Николай Халезин.

Справка. Задержания участников акции продолжались вечером и ночью. По официальным данным, в тот день было схвачено 107 человек, трое из которых госпитализированы. В процессе подавления демонстрации пострадали восемь сотрудников милиции... Суды над участниками акции начались с утра следующего после побоища дня практически во всех районных судах города".

„Имя", 4.IV.1997.

КТО ПРЕВРАЩАЕТ МИНСК В БЕЛГРАД?

„Сегодня ясно одно: вытолкнутая на улицу оппозиция будет искать разные пути проявления своей гражданской активности и противодействия режиму. Либералы оказались в сильной степени зави-

симы от жаждущих схватки с ненавистным режимом молодых радикалов. Все смешалось в белорусском доме.

...Но я знаю, что такое кровь и нетерпимость как бродильные вещества Истории. Они легко входят в гены, а потом растворяются веками. Ежели растворяются вообще...

Молодой омоновец, разбивший голову своему сверстнику, – это зверь, учуявший запах крови. Студент, раскровянивший лицо милиционеру, которого дома ждут жена и дети, это будущий солдат Че Гевары, скрывающийся в чащах Великого княжества Литовского.

Ответственность за эту популяцию – на совести режима Лукашенко. Ибо у него власть. Ему подчинены и его приказы выполняют тысячи людей в комбинезонах, мундирах и со страшными повязками на лицах. С повязками, напоминающими профессиональных убийц".

Семен Букчин.
„Народная воля", 26.III.1997.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОГО

„Учитывая, что хватали и избивали не только участников, а всех, кто попадал под руку, можно сказать, что режим перешел к тактике тотального устрашения. Людям хотят внушить страх – фундамент, на котором держится любая диктатура. Надо сказать, что это не очень получилось – люди чувствовали не страх, а ненависть, и от разных, не знакомых между собою людей приходилось слышать одну и ту же фразу: „Дали бы нам автоматы..."

В метеорологическом плане нынешняя весна выдалась довольно прохладной. Некоторые сторонники оппозиции, ожидавшие от „минской весны" чуть ли не немедленного падения режима, считают ее таковой и в политическом плане. Но главный, на мой взгляд, итог прошедших событий – это то, что ситуация не законсервировалась, что сопротивление диктатуре идет постоянно".

Вадим Казначеев.
„Свабода", 25.IV.1997.

КТО ПРОИГРАЛ ВЕСНУ-97: ОППОЗИЦИЯ ИЛИ ВЛАСТЬ?

„Этой весной все было уже иначе. После ноября 96-го, когда властями был перейден Рубикон последнего уважения к закону и шансов для примирения не осталось, уже стало не важно, сколько „живой силы" с обеих сторон. Главное, на какие действия они (улица и власть)

способны сейчас. Год назад режим все-таки выпустил на свободу Сивчика и Хадыку. А сегодня в тюрьме на Володарке сидят уже пять демонстрантов, и им шьют криминальные дела.

Улица также радикализируется. Ее аргументы уже не только митинги с грозными заявлениями и резолюциями, но это и ритуальное сжигание лукашенковских портретов, и забрасывание камнями милиционеров, и вывешивание национальной символики во время акции, к примеру той, что называется „Город наш". Продуманные политические действия все чаще уступают стихийному сопротивлению. Даже взрыв на газопроводе можно, видимо, поставить в этот ряд, потому что если инцидент под Уздой и не диверсия, то все равно он получил большой политический отголосок. Такое впечатление, будто кто-то спросил нас всех: „Будем защищаться любыми средствами?" – „Будем!" – прозвучало в ответ".

Олег Груздилович.
„Свабода", 30.V.1997.

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ И ПЕРСПЕКТИВА

ОН НАС ВСЕХ ПОЛОЖИЛ НА ЛОПАТКИ

„Можно ли всерьез анализировать субъекты политической жизни РБ, если у них, субъектов, нет принципов? Никаких действительно серьезных намерений, целей и представления о том, что и как должно быть. А есть только у кого – напористая энергия, у кого – опыт других стран, либо – понимание общечеловеческих ценностей... Поэтому ничто никуда не движется и все только ждут: кто внешнего воздействия, кто провидения, кто окончательного крушения экономики, например.

Жаль этих дней и лет, посвященных всеобщему ожиданию. Жаль жизни – большой и малой, которая не складывается, потому что нет под ней твердой основы. Нет принципов.

...Жалко страну. Мы сегодня вынуждены копаться в непредсказуемых мотивациях Лукашенко потому, что все другие политические субъекты, от кого можно было бы ждать изменения ситуации, исчезли, пропали.

Это произошло в конце прошлого года.

... Нечто совершенно похожее происходило в Литве в 1991-м. С одной стороны – законный Верховный Совет, с другой – коммунисты на платформе КПСС... Противостояние носило психологический характер. „Кто кого пересмотрит". Литовский ВС мог ведь просто выйти из здания парламента и стать оппозицией. Но они „держали взгляд" и кричали на весь мир, что хунта в их стране совершает переворот. Платформисты занервничали и погнали по улицам танки. ВС обратился к народу. У здания парламента собралось 300 тысяч человек. Так в стране установилось реальное двоевластие, которое длилось 9 месяцев – до августовского путча в Москве. Двоевластие установилось, но конец его был предрешен.

Тоже самое происходило у нас в конце прошлого года. Только наш ВС вышел из своего здания, и спикер призвал народ... разойтись.

Вы скажете, что если бы они заявили на весь мир о своей законной субъектности в стране, если бы рядом с вертикалью воссоздали систему советов, если бы собрали на площади 300 тысяч народа и т.д. – если бы они все это сделали, то Лукашенко сразу же свернул бы им голову?

Кто знает... Но это была бы уже совсем другая история. Здесь же дело не в этом. Как говорит один мой коллега, права не просят, их берут. Вот в чем дело. Дело в принципе".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 22.IV.1997.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

К трехлетию правления Александра Лукашенко

„Спустя три года Беларусь, управляемая политическим и экономическим „гением" Лукашенко, окончательно перешла черту безопасного развития событий. Дальнейшая жизнь – это существование в условиях общенациональной катастрофы и мучительных поисков выхода из нее.

Только за один 1996 год численность нашего населения сократилась на 37,4 тыс. и на начало 1997 года составила 10 млн.236 тыс. человек... Апокалиптическая картина стремительной депопуляции населения Беларуси ныне складывается как за счет снижения рождаемости, так и за счет роста смертности... Данные статистики говорят о том, что в настоящее время две трети белорусов живут за чертой бедности. Их среднедушевой доход составляет только 60% и ниже минимального потребительского бюджета... Наибольший рост армии бедняков, которая за последние пять лет увеличилась более чем в 20 раз, приходится на последние три года... По продолжительности жизни населения Беларусь занимает почти последнее место в первой сотне стран мира".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 27.VI, 2.VII.1997.

ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ ГОСУДАРСТВА

„Нынешняя правящая команда создает модель своеобразного авторитарного корпоративизма, контролируемого рынка и контролируемой

демократии. После референдума возможность политического представительства интересов общества исчезла. Все политические партии оказались в положении внесистемной оппозиции и переместили политическую борьбу на улицу.

И для поддержки связи между властью и обществом политическое представительство заменяется функциональным представительством. Политика сводится к взаимодействию между исполнительной властью и ограниченным кругом влиятельных корпоративных союзов. В обмен на послушание и согласие играть по правилам, утвержденным госорганами, этим корпоративным организациям искусственно предоставляется монополия на представительство интересов соответствующих слоев населения, отраслей экономики и т.д.

...Крупнейшим корпоративным союзом является Федерация профсоюзов Беларуси... Федерация не является профсоюзом в том смысле, как это понимается во всем мире. ФПБ осталась полугосударственной организацией, своеобразным министерством *по социальной защите* трудящихся... На абсолютном большинстве предприятий эти профсоюзы подконтрольны администрации, находятся в тесной зависимости от нее.

...В духе времени были созданы карманные партии, олицетворяющие коммунистическую и социал-демократическую идеи: КПБ Малофеева–Чикина и социал-демократическая Партия народного согласия Сечко.

Под видом общественной молодежной организации создана фактически монопольная государственная структура (БПСМ). Под руководством органов образования формируются пионерские организации.

...Полным ходом идет процесс превращения православной церкви в государственную. Она объявлена Лукашенко важным фактором объединения славянских народов.

...С избранием Лукашенко президентом Национального олимпийского комитета последний окончательно потерял статус общественной организации.

Декретом от 3 мая фактически ликвидированы независимые адвокатура и нотариат.

...Все это происходит на фоне того явления, которое А.Майсеня первым охарактеризовал как „приватизацию государства”. Основные государственные институты (парламент, „вертикаль”, суд, прокуратура, МВД, КГБ, МИД и т.д.) превращаются в простые инструменты укрепления личной власти Лукашенко.

Можно сказать, что процесс монополизации государством функций гражданского общества и процесс монополизации Лукашенко функций

государства происходят одновременно, параллельно и подпитывают друг друга...

Формируемая модель общественного устройства не имеет внутренних источников саморазвития. Она может решить задачу удержания власти, но не способна решить проблемы, вставшие перед страной. Эта модель обречена на перманентный кризис, который неразрешим в ее рамках".

Валерий Карбалевич.
„Свабода", 1.VIII.1997.

НЕДОДИКТАТУРА

„Слово „диктатура" обычно ассоциируется с колючей проволокой, комендантским часом, зверскими мордами спецназовцев (гестаповцев, тонтон-макутов и т.п., которые наблюдаются не только во время демонстраций, а ежедневно и повсеместно), крупномасштабным террором и прочими атрибутами такого рода.

... В самом деле, яркие признаки диктатуры в Беларуси отсутствуют. По политически мотивам в Беларуси кровь льется разве что из носов, разбитых на демонстрациях. Впрочем, объявлять за это благодарность диктатору все же не хочется. Несмотря на сравнительно мягкую форму лукашенковского режима, глубинные пороки диктатуры в Беларуси налицо. Отвратительное положение с правами и свободами человека. Отказ от экономических реформ, а, следовательно, и от возможностей не то что улучшить жизнь в стране, но хотя бы остановить кризис. Политическое закостенение. Бесконтрольность властей...

Можно сказать, что Лукашенко установил в Беларуси диктатуру с человеческим лицом – правда, с весьма уродливым. Это лицо не кровавого злодея и тирана, но мелкого пакостника и афериста. И вызывает такая диктатура не столько ненависть, сколько брезгливость... Во главе недодиктатуры стоит недодиктатор со своей колхозной харизмой, никак не дотягивающий до ниши, на которую претендует. Отчасти влияет и то, что непосредственной угрозы существованию режима на сегодняшний день, увы, нет. А создавать ее надо, поскольку недодиктатура – все равно диктатура. Со всеми вытекающими последствиями. Социально-экономическая ситуация будет ухудшаться, и вполне возможно, что, дабы переключить внимание сограждан, диктатор займется делом, по которому давно тоскует его душа, – поиском и наказанием „врагов народа".

Вадим Казначеев.
„Свабода", 5.III.1997.

ДЕКРЕТ № 21: ПУТЬ В 1937 ГОД?

„По сути дела, принятие декрета „о терроризме" означает переход к открытой борьбе с инакомыслием. Отныне каждый гражданин, имеющий свое мнение и отстаивающий свои убеждения, рискует стать „террористом" (в 30-е годы таких людей называли „врагами народа"). Можно предположить, что репрессивный механизм будет запущен на полную катушку, поскольку число недовольных властью в Беларуси нарастает, как снежный ком, катящийся с горы. Вот тогда и понадобятся превентивное задержание в отношении так называемых террористов (а на деле – наиболее активных противников режима), и специальные бригады следователей, и спецсуды.

Следующим шагом в очищении белорусского общества от „террористов", возможно, станет образование концентрационных лагерей. И сейчас Беларусь занимает одно из первых мест по числу осужденных (565 человек на 100 тысяч населения). После применения декрета № 21 исправительно-трудовым лагерем станет вся страна: кто-то будет править, кто-то будет доносить, кто-то будет сажать и охра-нять, а многим придется „отдохнуть" десяток лет от мирской суеты".

Михаил Пастухов,
доктор юридических наук, профессор.
„Народная воля", 5.XI.1997.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА, ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ?

„Что мы имеем по прошествии года от дня референдума? По существу, в Беларуси отменены основные права и свободы граждан. Обществу откровенно навязывается воля одного человека – президента. Любое недовольство „новым порядком" жестоко подавляется. Декретами президента введены многомиллионные штрафы для активных участников публичных акций протеста. Беларусь превратилась, можно сказать, в полицейское государство: на 10,2 млн. населения приходится свыше 120 тыс. работников милиции. Граждане не защищены от произвола той же милиции. Суды попали в полну зависимость от президента и подчиненных ему структур власти.

Но, пожалуй, самое главное то, что референдум привел к расколу белорусского общества на два противоположных лагеря: сторонников курса президента, опору которых составляет аппарат управления

и подавления, и его оппонентов – сторонников курса законности, демократии, защиты, прав человека".

Михаил Пастухов,
доктор юридических наук, профессор.
„Народная воля", 26.XI.1997.

ЖИТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН? НЕ ДОЖДЕМСЯ!

„Мы напрасно думаем, что невозможно построить маленькую революционную Кубу в центре Европы. Можно. Однажды об этом уже говорил министр иностранных дел Иван Антонович. А что? Ну в самом деле, подумайте! Живет ведь Куба. Любит своего команданте Фиделя-"барбудоса". Наверное, искренне любит. Проводит международные фестивали молодежи и студентов. Растит сахарный тростник и даже позволяет своим гражданам носить трусы цветов государственного флага США! Чего больше? Где еще мы видели столько свободы, как не на Острове Свободы? Где?"

Александр Федута.
„Народная воля", 22.VIII.1997.

ТОТАЛИТАРНЫЕ СУМЕРКИ

„Порой, когда наблюдаешь за выступлением Александра Лукашенко, видишь его пылающий взор, рвущиеся из орбит „чэстные" глаза, слышишь увесистые, разящие наотмашь и элементарные, как удар обуха, речи, когда вникаешь в смысл его восхвалений германского порядка времен правления Адольфа Гитлера, мурашки пробегают по коже. Возникает ощущение, будто стоишь на берлинской площади 1937 года, а вокруг жадно внемлющая вождю несчастная, обезумевшая толпа, которой все равно, куда идти – лишь бы за ним, лишь бы взял на себя их бремя.

... Что же касается создания централизованной государственной системы пропаганды, информационного оболванивания населения, то в этом вопросе успехи режима более чем очевидны. Телевидение, радио, газеты „схвачены" им намертво, они регулярно распространяют тоталитарные по своей направленности лукашенковские мифы о „рыночном социализме", „славянском единстве", „особом пути", „враждебности Запада", „стремлении внутренних и внешних врагов разрушить белорусскую экономику" и прочую небывальщину...

Полдюжины независимых газет, зарубежное телерадиовещание не в состоянии переломить эту опасную тенденцию, поскольку масштабы их проникновения в массы ограничены".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 11.IV.1997.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПО-БЕЛОРУССКИ

„Сегодня Республика Беларусь – это, по сути, личная вотчина Лукашенко. Здесь все решает не законодательство, не общественное мнение, не народ, а один человек. Президент над законом, он вне контроля. Под подошвой его ботинок – правосудие, в его портмоне, образно говоря, – государственная казна. В личной коллекции – 10,3 млн. оловянных игрушек, которых Александр Григорьевич ласково кличет – мой народ.

...Самый богатый и могущественный человек страны изобрел замечательную формулу сокрытия своих истинных доходов. То, чем распоряжается, чем владеет президент, предложено именовать государственной, народной собственностью".

Александр Лебедько,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 12-го и 13-го созывов,
заместитель Председателя Объединенной
гражданской партии.
„Народная воля", 6.XI.1997.

ЛОЖЬ. ЛИЦЕМЕРИЕ. НАСИЛИЕ...

„Огромная личная охрана, специальные дорогостоящий самолет и вертолет, бронированные машины – это все это, что даже в дурном сне не могло присниться бывшему председателю Совета министров Вячеславу Кебичу, которого критиковал кандидат в президенты Лукашенко за расточительство".

Семен Шарецкий,
председатель Верховного Совета
Республики Беларусь 13-го созыва.
„Народная воля", 25.IX.1997.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ОТПРАВЛЯЕТ БЕЛОРУССКИЕ ВЛАСТИ В СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ НОКДАУН

„Вечером 15 сентября в Брюсселе Совет министров иностранных дел вернулся к белорусским делам. И, вопреки всем оптимистическим прогнозам официальных властей нашей республики, отправил их в ошеломляющий нокаут.

... Европейский Союз, говорится в документе, по-прежнему считает Конституцию, принятую в 1994 году, и парламент, избранный на основе этой Конституции, единственно легитимными. Совет Европейского Союза напоминает белорусскому правительству и, в частности, президенту Лукашенко, что отношения между ЕС и Беларусью не улучшатся до тех пор, пока Беларусь не начнет движения в сторону уважения прав человека и основных свобод, соблюдения конституционных принципов, присущих демократическому государству.

Принимая решение о позиции Европейского Союза в отношении Беларуси, Совет также отмечает, что страны, члены ЕС, будут высказываться против членства Беларуси в Совете Европы, не будут заключать ни временных соглашений, ни договоров о сотрудничестве и партнерстве с республикой... Что касается программы технического содействия, то она будет приостановлена – за исключением гуманитарных проектов и тех, которые напрямую направлены на поддержку процесса демократизации”.

Владимир Глод.

„Народная воля”, 19.VII.1997.

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА НАРОД ТАКОЙ, КОТОРЫЙ ТЕРПИТ ВСЕ ЭТО?

НАСТУПАЮТ ВРЕМЕНА НЕГОДЯЕВ

„Итоги референдума свидетельствуют о том, что общество не воспринимает демократию как ценность... Люди либо не заметили, либо восприняли нормально и незаметное создание культа Лукашенко, и монополию президента на СМИ. Создается впечатление, что информационный террор общество восприняло не только нормально, но и с облегчением. Он освободил людей от невыносимой необходимости думать, от непосильной работы сравнивать разные точки зрения и делать выбор.

Большинство людей либо не поверило, либо не увидело ничего страшного в угрозе диктатуры и фашизма. Впечатления многих участников предреферендумной агитационной кампании от дискуссий с населением свидетельствуют о новом явлении в общественном сознании. Стала массовой апелляция к опыту не только Сталина, но и Гитлера. Часто раздавались требования расстрелять всех противников Лукашенко. Никогда еще со времен второй мировой войны не было такого глубокого раскола общества. Бациллы ненависти, посеянные президентом и его пропагандистской машиной, грозят вызвать эпидемию. Население созрело для того, чтобы включиться вслед за Лукашенко в поиск „врагов народа" и нормально воспримет репрессии против них. Таким образом, налицо не только социальная база, но морально-психологические предпосылки для утверждения фашизма в обществе...

Референдум был своего рода экзаменом на моральное здоровье общества. Он показал, что личность Лукашенко соответствует нравственному состоянию народа, отражает его средний уровень. В обществе произошел морально-психологический надлом. У людей оказа-

лось атрофировано чувство собственного достоинства. Как и прежде, насилие со стороны государства воспринимается как норма. Люди молча согласны с тем, что власти позволено все".

Валерий Карбалевич.
„Свабода", 17.I.1997.

О ВЛАСТИ, СОВЕСТИ И ЧЕСТИ

„Беларусь становится страной двойных стандартов. Люди по-разному вынуждены себя вести на работе, дома, в кругу знакомых. Стало небезопасно говорить то, что думаешь. Профессора, доктора наук, члена-корреспондента международных академий можно лишить права преподавания ■ государственном вузе только за то, что он политический оппонент власти. По тем же причинам человеку можно не давать предусмотренную законом пенсию или не выпускать его за границу. Для непризнающих легитимность „конституции" введен запрет на профессию...

Политика двойных стандартов плюс дверной глазок, через который на каждого (24 часа ■ сутки) взирает государево око, – это и есть тот новый белорусский порядок, который рекламирует главный столоначальник страны. В нем причина того, почему народ безмолвствует, когда его унижают, обманывают, когда не соблюдают законность и разгоняют легитимные органы власти.

... Источник страха – едва ли не поголовная привязанность населения к государству, а точнее, госвертикали.

Что произойдет, если еще за 2,5 года президентства А.Лукашенко все останется без изменений? Страна постепенно превратится в огромное Ходынское поле, на котором периодически будет появляться президент и раздавать милостыню. Льготные кредиты – президентской властью, свободу – президентской милостью, стипендии – из президентского фонда, квартиры – в президентском доме, должности – в президентской вертикали, шубы – с президентского плеча. И будет страшная давка. Более сильные и наглые будут топтать слабых и юродивых... Вся страна станет в очередь к президенту".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 13-го созыва.
„Народная воля", 18.I.1997.

МЕСИВО

„Почему в Беларуси живет не народ, а месиво? Потому что он сидит, словно мышь, в своих квартирах-задыхаловках, пьет дешевый чай с черным хлебом и горько вздыхает, что денег не хватило на батон, а дети опять не увидят на столе бутерброд с нормальной колбасой. Этот народ слышит об установлении диктаторского режима на Беларуси и полном удушении любых проявлений свободы, на его глазах остановлены процессы белорусизации страны и ее возрождения, но оно, это месиво, словно в рот воды набрало.

Основная причина такой безликости толпы – полное отсутствие национальной идеи... Такую толпу без любви ко всему своему национальному белорусские коммунистические монстры воспитывали десятки лет. Человек под грифом „белорус” постоянно жил в своей деревенской конюшне, оторванный от всего цивилизованного мира. Он, будучи поблизости от своего корыта, никуда не ездил, он старался никого не видеть и не слышать...

Издавна распространяются легенды о том, что именно белорусскому народу присущи толерантность и доброта, выдержка и спокойствие. Но что же делают эти „толерантные” люди?.. Массовые избиения невинных, окровавленные лица жертв и слезы, слезы, слезы...”

Виктор Симанский.
„Народная воля”, 1.VIII.1997.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ТУПИК

„Мышление белорусского крестьянина продолжает оставаться преимущественно в рамках материальных интересов своего хозяйства. Такие понятия, как „свобода”, „независимость”, „демократия”, „индивидуальность”, ему не были знакомы ни 100, ни 50, ни 5 лет назад.

... Мы живем в урбанистической цивилизации. Нация, не желающая признавать этот бесспорный факт, осуждает себя на периферию исторического развития... А у нас пока совершается то, о чем рассказала Светлана Алексиевич: „чернобыльцы”, которых переселили в благоустроенные коттеджи со всеми удобствами, первым делом построили в своих дворах уборные – „разве можно в хате мочиться”.

Иногда национальная самоидентификация, связанная с традиционными селянскими ценностями, воспринятыми без критического сопоставления с современной жизнью, препятствует нации сделать шаг вперед”.

Виталий Цыганков.
„Свабода”, 4.III.1997.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

„Спасение от всей этой пролетарщины, от безмерной народности и толпомании можно найти только в деревне. Там, где еще можно отыскать обязательный и единый для всех стереотип порядочного человека. Но для того, чтобы он заработал и в городе, общество должно радикально изменить свое отношение к деревне...

Сменились времена, и нам уже не нужен человек, который что-то свое – отбросил. Поэтому в поисках национального стереотипа порядочности мы, городские, поедем в деревню. В испохабленную председателями-паханами, разграбленную, отселенную, и все-таки еще живую. Возможно, мы зайдем не в каждую хату, но уцелевшие гнезда человечности найдем именно здесь. Недаром ведь так держались за деревню белорусские писатели всех времен. Правда, так и не добились они одного – не создали из деревни святыню, моральный кодекс нации. Вслед за ними проигнорировала эту надежную почву под ногами и национальная оппозиция...

Идея лучшего человека станет важнейшей для народа, когда народ устанет восхвалять безродного и ни на что не годного хама. Причем – хама в себе самом.

Со школы все знают стихотворение Янки Купалы „А хто там ідзе?" Своеобразное кредо белорусской нации, переведенное на 80 языков мира. Так вот в этом стихотворении, при всей утвердительности последней строки – „Людзьмі звацца" – не содержится Выхода (А что, мы и так не люди?). Чтобы действительно людьми зваться, сегодня нам нужно от чего-то отталкиваться. От того, что так плохо в нас и вокруг нас. Нам не надо утверждать себя такими, какие мы есть. Нам нужно вырывать из себя черты „совка", которые на глазах становятся нашими национальными чертами. Словно тот колтун, который сделали нам главным национальным отличием в XIX веке".

Сергей Дубавец.
„Свабода", 4.IV.1997.

СОВЕТСКИЙ ОРЕЛ. О ПАРАДОКСАХ КОЛХОЗНОГО БОНАПАРТИЗМА

„Белорусы – это добрый, очень несчастливый народ. Это народ без государственной и демократической традиции, народ, хоть сам не обижавший никогда других народов, жестоко русифицированный царизмом и советской системой..."

Адам Михник.
„Независимая газета", 16.I.1997.

РЕФЛЕКСИИ МИХНИКА, ИЛИ НЕУДАВШЕЕСЯ КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО

В Белоруссии не было насильственной русификации

„Белорусов принято жалеть как беспомощно-пассивных жертв „русификации" и „советизации", что в очередной раз с польской эмоциональностью озвучил Адам Михник. Заметим для начала, что советский период вовсе не исчерпывался лишь „русификацией" – как известно, в двадцатые годы проводилась интенсивная кампания „белорусизации", сыгравшая весьма важную роль как ■ процессе этнической консолидации белорусов, так и в окончательном становлении современного белорусского литературного языка. Русификация же советского времени была скорее не насильственным процессом ассимиляции, как это автоматически подразумевается, а закономерным итогом периода индустриализации и модернизации, шедших рука об руку с процессом создания особого типа „высокой культуры" ■ конкретных исторических и культурных условиях советской эпохи. Проблема состоит ■ том, что большинство представителей традиционной белорусскоязычной „низкой культуры" воспринимали русский литературный язык и русскую культуру не как чужую и враждебную стихию, но как „правильный", „грамотный" ■ „престижный" способ коммуникации, то есть, другими словами, как априори свою собственную „высокую культуру", которую нужно было просто освоить. Причины этого феномена кроются как ■ богатейшем культурном наследии Киевской Руси, этнической и конфессиональной близости восточных славян, активнейшем участии белорусов (равно как и украинцев) в создании современного русского литературного языка и русской „высокой культуры", так и в том любопытном обстоятельстве, что еще в начале XX века этноним „русский" наряду с „белоруссом", „тутэйшым", „православным", „католиком" и пр. активно использовался местным белорусскоязычным населением, которое окончательно осознало себя „белорусами" только в советское время...

Ярким примером идеологической зашоренности и антиисторизма ■ отношении Белоруссии является очень популярная до недавнего времени в западных и российских СМИ критика Лукашенко за отмену „исторической символики" и восстановление символики БССР. При этом как-то остается в тени то принципиальное обстоятельство, что роль Лукашенко в действительности свелась лишь к организации референдума, в который был включен вопрос о символике. Восстановление символики БССР на самом деле произошло вовсе не потому, что так захотел Лукашенко, а потому, что за это высказалось

подавляющее большинство населения Белоруссии. Разумеется, данное обстоятельство было крайне болезненно воспринято сторонниками Белорусского народного фронта (БНФ), но они оказались в явном меньшинстве... Между тем, как показали последние события, прежде всего белорусские референдумы, белорусская нация в представлении БНФ и белорусская нация в реальности – два понятия, между которыми – пропасть. Символично, что бывший лидер и духовный отец БНФ Зенон Станиславович Позняк, ныне благополучно эмигрировавший в США, любит повторять мысль о том, что нынешняя белорусская нация „тяжело больна" и нуждается в срочном и радикальном лечении...

Причина политических и прочих неудач новобелорусских интеллектуалов может заключаться как в низком качестве их пропагандистской работы, так и в недостаточно реалистично выбранных исторических фактах, призванных стать несущим элементом новой идеологической конструкции. Все дело в том, что, как отмечал чешский историк Мирослав Грох, составной частью исторической традиции становятся только те факты и процессы, которые были четко зафиксированы историческим сознанием народа и получили в нем адекватное целостное закрепление. Действительность же такова, что, скажем, очередная годовщина победы войск Великого княжества Литовского над Московским под Оршей ■ начале XVI века, пышно отмечающаяся сторонниками БНФ и прочими новобелорусами, находит в сердце рядового белоруса неизмеримо меньший отклик, чем, к примеру, праздник 9 мая или день освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков".

Кирилл Шевченко.
„Независимая газета", 13.III.1997.

БЕЛАРУСЬ: ШАГИ В НЕЗНАЕМОЕ

„Создается впечатление, что большинство – от президента до рядового колхозника – ожидают, что в один прекрасный день наваждение закончится, и все опять волшебно перенесется в „старые добрые времена". Лозунг дня – „Терпеть!", хотя совершенно неясно, во имя чего".

Александр Обухович.
„Белорусская газета", 24.III.1997.

„МЫ ЖИВЕМ ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ..."

„Предположим, что люмпенизированная часть народа, во имя хлеба и зрелищ которой трудится сегодня вся государственная машина, не

народ и с ее точкой зрения считаться не следует. Но тогда встает вопрос: а кто – народ? Полсотни тысяч минских интеллигентов? Те, кто выходит на митинги и демонстрации по призыву демократов? Где та грань, которая отделяет народ от *ненарода*?

... Нравится ли нам эта страна? Хотим ли мы жить в этой стране? Что нужно сделать, чтобы она изменилась? Убрать Лукашенко с президентского поста? Но Лукашенко – не причина духовного кризиса нации, а лишь следствие. Следствие дикого марксистского воспитания, согласно которому большинство всегда право.

Но если диагноз поставлен верно, то как бороться с болезнью? Просвещать народ? *Этот* народ? Как? Приобщением к корням национальной духовности? Согласен. Но мы помним, как это делали некоторые господа, облеченные депутатской властью. И не только они. Чего греха таить, были преподаватели, которые сами начинали „охоту на ведьм"... И что печальнее всего – русофильская политика Лукашенко стала неадекватной по силе реакцией на эти случаи палочного внедрения „национального самосознания". За что боролись, на то и напоролись.

...Интеллигенции в Беларуси почти не осталось. Она [redacted] массе своей смирилась под натиском люмпена, отказалась от борьбы... Экономическая основа люмпенизации возрастает, избиратель уже мечтает о пособии, а не о заработке. Чтобы прокормить страну иждивенцев, нужно воспитать нормальный патриотизм, обращенный не только в прошлое, но и [redacted] будущее. И БНФ, и другие национально ориентированные партии много потрудились ради этого, но они не сделали национальную идею привлекательной для большинства, потому что взывали к тому, о чем знало лишь меньшинство. Можно жить и дальше, под собою не чуя страны, парить в небесах и воспевать Великое княжество Литовское на „тарашкевице". Но будет ли от этого легче стране?"

Александр Федута.
„Народная воля", 2.IX.1997.

ПРАВДА ЛЕЧИТ

„А.Федута утверждает, что „власть Лукашенко опирается на мнение огромного числа людей". Безусловно, число сторонников Лукашенко „огромно", ибо для человеческого рассудка число с шестью знаками (миллион, например) огромно по определению. Но для власти важно большинство. И если автор подразумевает „огромное большинство", на что указывает его замечание о последнем референдуме, то с этим нельзя согласиться.

К сожалению, многие публицисты, рассуждая о популярности А.Лукашенко, допускают ту же ошибку. Они верят в эту популярность более, чем сам А.Лукашенко. Ибо если бы он был убежден в своей победе, то зачем пошел на грубую, нахрапистую фальсификацию итогов голосования? Почему по примеру любимого им Гитлера не сделал все референдумные процедуры подчеркнуто законными?

... Нигде и никогда понятие „народ” не совпадало с понятием „население”. Рядом с гражданами Спарты жили илоты – неполноправное население. Рядом с гражданми Афин – рабы. Рядом с гражданами Рима – рабы, вольноотпущенники, пришельцы и т.д. И это разделение на граждан и неграждан прослеживается до XIX, а в некоторых странах до XX века.

... Трагедия нашего народа в том, что в своей стране он – меньшинство по сравнению с населением... Но белорусский народ не есть понятие застывшее. Он может стать большинством в своей стране. И не только путем просвещения и „приобщения к корням национальной духовности”. Но и путем яростной пропаганды национализма... Ибо национализм есть единственное средство спасения нашего народа, подвергающегося настойчивым попыткам денационализации и русификации уже не одно поколение.

... Слишком робко, половинчато говорит А.Федута о национальной идее, об особых, исключительных, эксклюзивных правах белорусского народа. О недопустимости сегрегации этого народа пришельцами и манкуртами по языковому признаку в конце XIX века и в самом сердце Европы на его собственной земле”.

Юрий Хадыка, профессор.
„Народная воля”, 13.IX.1997.

ГУЛАГ-2

„Пора избавляться от мифа, что [redacted] Беларуси проживает самый толерантный народ. Печально, но по числу подонков на 1000 человек мы далеко впереди Европы всей. Удивляться нечему. На эту категорию людей существует устойчивый госзаказ. Сегодня в республике есть люди, готовые доносить на родственников и соседей, бездумно бить дубинкой женщин и детей, выносить приговоры по сфабрикованным делам, закапывать убиенных и вырывать золотые коронки у полуживых. Самое дикое, самое страшное, что таких людей становится с каждым днем больше. Они растеклись тонким слоем по судам, предприятиям, учреждениям. Власть проводит естественный отбор. Власть дрессирует. Не поддающихся дрессировке уничтожает

психологически, материально, физически. Те же суды уже осилили дистанцию от сталинских троек к лукашенковским одиночкам. На политических процессах по административным делам отработан механизм плавного перехода к делам уголовным.

... Власть постаралась на славу. Белорусская почва унавожена подлостью, человеконенавистничеством, махровым цинизмом. На ней подлецы, циники, душевные уроды растут как овощ на гидропонике".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 12-го и 13-го созывов,
заместитель председателя
Объединенной гражданской партии.
„Народная воля", 20.IX.1997.

ВСТАНЬТЕ НА СТОРОНУ ИСТИНЫ

из Открытого письма
Его Высокопреосвященству митрополиту Минскому и Слуцкому,
Экзарху всея Беларуси Филарету

„Особенно поражает меня как верующего человека (да, вероятно, и других верующих), что в известные трагические дни, когда милиция и ОМОН страшно избивали дубинками мирных граждан на улицах Минска, Вы, Ваше Высокопреосвященство, не возвысили свой голос против этой жестокости, не призвали власти к умиротворению, погашению конфликта мирным путем. Церковь в те дни – увы! – промолчала.

... И неужели душа Ваша не содрогается от предчувствия того ужаса, в который ввергает Беларусь ее президент? Впрочем, суда истории он не избежит. Но это будет земной, человеческий суд. А Вы, Ваше Высокопреосвященство, человек, общающийся непосредственно с Богом, Вы не боитесь суда Господня?"

Николай Крюковский,
доктор философских наук, профессор,
бывший председатель Белорусской
Христианско-демократической партии.
„Народная воля", 15.V.1997.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ХАМЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

„Говорят, что вскорости после всенародной „сходки" 20 октября 1996 года некий молодой преподаватель одного из белорусских

духовных учебных заведений после того унижения, которому был подвергнут втянутый в политику владыка Филарет, снял перед учениками рясу и объявил, что не может более носить сан, видя, как церковь идет против совести. Представляю, как тяжело это далось верующему человеку. Но ведь нашли в себе силы уйти из власти, преодолевая искушение почетного поста и безбедного существования, те же Леонид Синицын, Виктор Гончар, Михаил Чигирь, Александр Соснов, Андрей Санников. К ним можно относиться по-разному, но уход каждого из них был уходом честного и мужественного человека".

Александр Федута.
„Народная воля", 8.II.1997.

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ

„Пока сопротивление антидемократическому режиму со стороны большей части национальной интеллигенции, национальной элиты будет ограничиваться демонстрацией кукиша ■ кармане, власть может спать спокойно. Но моральная ответственность за упущенные Беларусью исторические шансы, за бездарно потраченное время ляжет не только на тех, кто метался и совершал ошибки, но и на тех, кто так ни разу и не вытащил фигу из кармана. Быть может, на последних она ляжет основным грузом.

Не навреди гражданским неучастием! Об этом должен помнить каждый, ибо сегодня как никогда важно быть гражданином, а не сторонним наблюдателем".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 18.III.1997.

„ПРЕЗИДЕНТ И В АФРИКЕ ПРЕЗИДЕНТ..."

О фильме Юрия Хащеватского „Обыкновенный президент"

Тридцать лет назад, в 1966 году, я вышел из московского кинотеатра „Метрополь" совершенно оглушенный. Фильм Михаила Ромма „Обыкновенный фашизм" произвел на меня невероятное впечатление. Двад-цатипятилетний, я тем не менее в ту пору достаточно критично относился к советскому режиму. Но фильм Ромма дал этому критицизму колоссальную пищу для новых размышлений, сопоставлений.

Сомнений не было: документальная картина о Гитлере и короткой, но такой судьбоносной для всего мира истории Третьего Рейха – это не только о фашистской Германии, это и фильм о нас, о Советском Союзе, о времени сталинизма и о том, что перешло из него в последующие годы. Это сегодня сравнение Гитлера со Сталиным, большевизма с фашизмом стало расхожей формулой. Тогда, в середине шестидесятых, эта истина только начинала пробиваться в сознание узкого круга интеллигенции.

Но власть звериным нюхом сразу же учуяла: новая картина Ромма – невероятная опасность для режима. Да, вроде бы речь идет о Гитлере и Германии, но уж больно многое схоже. И не потому, что режиссер что-то подтасовал, ловко смонтировал. Самое поразительное было в том, что использованные Роммом кинодокументы из жизни гитлеровской Германии сами вызывали ассоциации с советскими порядками. Не нужно было ничего придумывать, на что-то намекать. Нужно было только внимательно смотреть на экран и слушать вызывающий на размышление, на доверительную беседу то спокойный, то волнующийся, а еще чаще ироничный голос Михаила Ильича Ромма.

У „Обыкновенного фашизма" была трудная судьба. В Москве он прошел даже не вторым, [redacted] третьим экраном. Можно сказать, промелькнул. С самых верхов была дана команда ограничить демонстрацию фильма [redacted] провинции. И все-таки картину смогли увидеть сотни тысяч людей. Много позже ее не раз показывали по телевидению. Фильм произвел настоящую революцию [redacted] мозгах многих, не единым хлебом живших наших соотечественников.

Сегодня, когда угроза фашизма в его новейших вариациях на постсоветском пространстве представляется достаточно актуальной, фильм Ромма воспринимается как предупреждение, как послание нам из уже далеких 60-х годов – не проворонье приход нового фюрера, будьте критичны к самим себе, к своим делам и поступкам, помните о питательной среде, в которой рождается фашизм, – атмосфере безмыслия, бескультурья, рабской преданности вождю, ксенофобии и трусости... Ибо фильм Ромма, он не столько о Гитлере сколько о тех, кто рождает гитлеров, кто приводит их к власти.

Эта тема – увы! – бессмертна. И слава Богу, что есть творцы, понимающие необходимость продолжать начатое Роммом. Я говорю о нашем белорусском кинорежиссере Юрии Хащеватском и его фильме „Обыкновенный президент" (продюсер Петр Марцев). И тут же ловлю себя на странности ситуации, в которой приходится беседовать с читателями о новой работе человека, заслужившего известность в нашем кино такими картинами как „Здесь был Крылов" (1987 г.), „Встречный иск" (совместно с Аркадием Рудерманом, 1989 г.), „Все хорошо"

(1991 г.), „Русское счастье" (1992 г.), „Оазис" (1996 г.). Странность в том, что живем мы вроде бы в демократическом государстве, нет у нас цензуры, не свирепствует идеологический отдел ЦК КПСС, а увидеть новый фильм Хащеватского можно лишь по „видику" на квартире у кого-то, обладающего „подпольной" видеокассетой. Маленькие отрывки из него показывал Сергей Доренко в своей информационной программе, чем вызвал колоссальное неудовольствие белорусских властей, пригрозивших московскому журналисту большими неприятностями, но так ни на что и не решившихся.

Впрочем, выражение „вроде бы" здесь не более чем риторический оборот, поскольку показ фильма „Обыкновенный президент" по Белорусскому телевидению сегодня означал бы, что у нас произошла самая настоящая революция. И она, безусловно, произойдет (надеюсь, без крови и стрельбы). И мы все увидим картину Юрия Хащеватского на экранах своих телевизоров. А пока мне приходится рассказывать о том, что большинству, к сожалению, недоступно. Живем, как во времена „самиздата": прочитал – передай товарищу... Вот и видеокассеты с фильмом Хащеватского гуляют по белорусским (и не только белорусским) городам. Говорят, что особый кайф при его просмотре испытывает ближайшее окружение президента Лукашенко. Смотрят, разумеется, дома, при тщательно запертых дверях и спущенных шторах. Получается что-то вроде онанизма. Но „соратников" можно понять. Презирая, боясь и, может быть, ненавидя своего „патрона", они отводят душу наедине с видеомагнитофоном: „*Эк они его разделали, так его и растак!*" Они смеются, но это нервный смех, за которым наверняка приходит тревожная мысль: „*Что делать-то? Что делать? Ведь пропадешь рядом с этим...., пропадешь...*"

В начальных титрах „Обыкновенного президента" обозначено „Посвящается Михаилу Ромму". Это не просто дань памяти великому кинорежиссеру. Хащеватский не скрывает, что в этой работе он идет вслед за Учителем. Сцепка документов, свидетельств, закадровый иронический голос автора „Обыкновенного президента" убеждают, что он открыто объявляет о творческом родословии этой своей работы. Тема „Обыкновенного фашизма" подхвачена и развита на новом – и что особенно примечательно – совершенно неожиданном материале.

В самом деле, Беларуси ли, общепризнанной страдалице последней мировой войны, быть землей, где прорастает неофашизм? Нео – потому что это, конечно же, не германский фашизм с его бредом насчет арийского превосходства и расовой неполноценности других народов, безумными геополитическими фантазиями... Это скорее авторитаризм с фашизоидными элементами. Но можно ли забыть о том, что политизация заменившей коммунистическую славянской идеи ничуть не

лучше арийских бредней, а стремление к возрождению „великого и могучего” Советского Союза пробуждает старые колониальные мечтания о господстве коммунизма вплоть до Индийского океана? Не говоря уже о таких родимых пятнах фашистской диктатуры как разрушение демократических властных институтов, подавление инакомыслящих... О том, почему именно в „тихой, толерантной” Беларуси оказалось возможно такое, я писал в статьях „Нужен ли Беларуси Гитлер?” и „Уже не Польша, еще не Россия”.

В фильме Хащеватского нет готовых ответов на эти вопросы. Режиссер предлагает нам внимательнее еще и еще раз вглядеться в такое „до боли знакомое” лицо Лукашенко, в его жесты, вслушаться в его слова. А еще мы слушаем людей из его ближайшего окружения – бывшего начальника Главного управления службы контроля президента Олега Игнатенко, бывшего начальника информационной службы при президенте Александра Федуту, бывшего министра внутренних дел Юрия Захаренко. Говорит в фильме и бывший председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич. В голосах их нет личной обиды. Есть недоумение, боль, тревога за наше будущее.

Но больше всех, конечно же, говорит в фильме сам Лукашенко. „Слушайте, слушайте нашего, вашего президента! – буквально просит нас режиссер. – Вы, безусловно, многое из этого уже слышали. Но, может быть, вы что-то недопоняли, что-то пропустили... Поэтому слушайте, слушайте до тех пор, пока это не отпечатается калеными буквами в вашем мозгу!” И про то, что „*не все только плохое было связано в Германии с известным Адольфом Гитлером*”. И про то, что установленный при Гитлере немецкий порядок „*соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента*”. И про то, что он „*свое государство за цивилизованным миром не поведет*”. И про то, что „*мы, как в 1941-м, находимся во вражеском кольце*”. И про то, что „*Лукашенко будет президентом двенадцать лет*”... Ну и, конечно, всем нам нужно хорошо трудиться, а уж он, отец родной, позаботится об остальном. Впрочем, нам ведь много и не надо, не так ли? Мы ведь не то что на Западе, слава Богу, не отравлены этой псевдодемократией? Есть Начальник, он все устроит, а мы должны кланяться и благодарить. И еще раз – работать и работать, поскольку путь к истинной свободе лежит через труд, о чем напоминает нам в фильме „Обыкновенный президент” надпись над воротами гитлеровского концлагеря.

Слушайте своего президента, граждане Республики Беларусь! Потому что вы его плохо слушали! Но, ради всего святого, не считайте, что фильм Хащеватского только о Лукашенко. Потому что это фильм прежде всего о вас, о нас с вами, о тех, кто выбрал *такого президента*.

И не надо испытывать особой гордости тем, кто голосовал против. Потому что Лукашенко – наш общий, плоть от плоти, продукт. Это не марсианин, залетевший из неведомых миров. Это наше с вами зеркало. Вглядитесь в него попристальней! Неприятно, конечно, обнаружить в себе черты большевистского самодовольства и невежества, патологической подозрительности и популистского блудословия, рабского желания припасть к стопам вождя...

Вон старушка прослезилась... Счастье-то какое – увидела президента, к пиджаку его прикоснулась! Бог, бог приехал в наш городок! Теперь даже без хлеба проживем! Одного воспоминания хватит на всю оставшуюся жизнь. С ним и помрем. И президент улыбается. Он доволен. Это *его* народ. А не гнилые интеллигенты, что самостийно бродят по минским улицам с негосударственными флагами и выкрикивают неприличное „Долой Луку!"

Промелькнуло в кадре лицо Василя Быкова. Это, конечно, тоже не *его* народ. О чем толковать президенту со всемирно известным писателем? У Лукашенко другие писатели – Скобелев, Алесь Савицкий, Бронислав Спринчан, редактор московской газеты „Завтра" Проханов...

Что делать? У нас обыкновенный президент. Именно к этой мысли, как Ромм к мысли о будничной, обыкновенной природе фашизма, подводит зрителя Юрий Хащеватский. Ничего сверхъестественного. Обычный человек в пиджаке. Лысый. С жиденьким „поперечным" зачесом. С усами. Вот только глаза... За глазами президента Хащеватский приглашает нас понаблюдать отдельно. Если вправду говорят, что глаза это зеркало души, то в нашем случае никакой имиджмейкер не поможет. В *этих* глазах смесь жестокости и страха, постоянное напряжение и недоверие всему и всем... Будто понимает человек, что не по праву занимает место и постоянно ждет, что его уберут, снимут, свергнут. Отсюда это дикое напряжение, нервная взвинченность, прорывающая заранее отрепетированную собранность и уверенность.

Реминисценции из „Обыкновенного фашизма" в „Обыкновенном президенте" более чем откровенны. Я имею в виду кадры старой немецкой хроники с Гитлером. Но Хащеватский сегодня может позволить себе больше, чем Ромм. Белорусский режиссер „стыкует" их с советской хроникой, запечатлевшей Сталина. И, наконец, с „героем" наших дней. В этой откровенности монтажа – вызов, желание заставить зрителя думать, спорить, может быть, не соглашаться...

Тридцать лет разделяют эти фильмы. А старое выражение „Жив курилка!" напоминает о себе. Вместе с тем ни разу не позволил себе Юрий Хащеватский даже намека на некий выпад, похожий на откровенное хамство или заушательскую брань по отношение к герою фильма, которому он явно не симпатизирует. Об этом стоит помнить,

если иметь в виду грубейшую „агитку", состряпанную по заказу властей режиссером Азаренком (небезызвестный фильм „Дети лжи", кстати не единожды показанный по телевидению). Хащеватский не агитатор и пропагандист. В „Обыкновенном президенте" он прежде всего, как и в других своих фильмах, художник. Художественная публицистика в кино – жанр тонкий, сложный, требующий чрезвычайной деликатности и культуры. Здесь важно не передавить, не сбиться на шарж и обличительство...

Юрий Хащеватский – талантливый человек. Об этом знают не только его друзья и поклонники. Об этом свидетельствуют и награды, полученные им на различных международных кинофестивалях. Но когда я думаю о том, что помогло ему сделать последний фильм, я ду-маю о его любви к Беларуси. Как же он в самом деле любит эту землю и ее людей! В том же „Обыкновенном президенте" об этом говорят природа Беларуси, пейзажи Минска, лица наших современников. И как он гордится ими, своими современниками, ■ кадрах, запечатлевших мощный протестующий поток молодежи на улицах Минска в Апреле 96-го года.

В последнее время у нас особенно обострились споры о том, что мы за народ... Сейчас больше идет обличительная волна, что понятно на фоне событий минувшей осени. Фильм Хащеватского убеждает в том, что мы не лучше и не хуже других народов. Уж если страна Канта и Гете дала Гитлера... Сегодня нам важно понять, что с нами просходит. Пожалуй, самое существенное открытие ■ „Обыкновенном президенте" – будничность явления. Здесь так и просится переиначенная ахматовская строка: „Когда б вы знали, из какого сора растут президенты..." Ведь ничего вроде по сути не произошло. И земля та же, и люди те же. Но вот приходит человек и говорит, что он со всеми, кто ему не нраву, „разберется". И ведь „разбирается". А люди смотрят ■ не понимают, что оно. это далекое и как будто чужеродное для нас явление, уже пришло. И сам герой фильма скорее всего не понимает, что стал вольным или невольным, но заложником определенных социальных тенденций. „Кляча истории" уже волочет его – увы! – не на Холм Победы. В более скромное и, скажем так, утилитарное место, где уже находятся схожие фигуры.

„Президент и в Африке президент, и он свое слово должен сказать. Притом жестко!" – говорит герой „Обыкновенного президента" и привычно сдвигает скулы.

Но ведь уже говорили. И в Африке и в Европе... И не только жестко говорили, но и стреляли, и преследовали, и в лагеря ссылали, и душили, и закрывали... Итог известен.

Семен Букчин.
„Народная воля", 16.I.1997.

„НАШЕЙ ВЛАСТИ НЕ НУЖНЫ ЛИЧНОСТИ, ОНА С НИМИ БОРЕТСЯ”

С Юрием Хащеватским беседует Семен Букчин

Наша встреча с известным кинорежиссером состоялась 3 января, через десять дней после бандитского нападения на него, о котором сообщили независимые белорусские издания, ведущие российские телеканалы, многие другие зарубежные СМИ. Как всегда в таких случаях, промолчала государственная белорусская пресса. Ну неинтересно это ей! Подумаешь, избили какого-то кинорежиссера! Правда, если бы бандиты напали на кого-нибудь из тех режиссеров, кто входит в круг „встреч президента с творческой интеллигенцией”, тогда, быть может, та же государственная белорусская пресса и снизошла бы, точнее позволила бы себе что-то вроде сочувственно-возмущенного отклика... Но Юрий Хащеватский, автор фильма „Обыкновенный президент” и других достаточно известных и у нас, и в России, и на Западе работ, к тому же отмеченных разными наградами и премиями, в этот круг не входит.

– Знаешь, давно хотелось поговорить с тобой не о политике... Хотя куда от нее, проклятой, денешься. Тем более глядя на твою ногу в гипсе... Поэтому начнем, если не возражаешь, с детективного момента. До этого нападения 23 декабря ты не чувствовал никакой слежки за собой?

– Не знаю, можно ли говорить о слежке... Но вот есть такие факты: буквально за несколько дней до нападения, когда я приходил в свою мастерскую, видел, чувствовал, что там кто-то побывал. Что-то лежало не на месте, какие-то приборы были выключены не так, как это обычно делаю я сам... Одним словом, были приметы чужого пребывания.

– А что представляет твоя мастерская? Что это такое?

– Это однокомнатная квартира моего продюсера Ольги Николайчик, где я веду монтаж своих фильмов, работаю на компьютере. Обычный жилой дом, первый этаж. Но квартира была взята под охрану, решетки на окнах. Все это в центре города, на улице Жуковского. От дома, где живу, дохожу пешком минут за десять.

– Если на тебя напали те же люди, которые ранее бывали в твоей квартире, выходит, они открывали дверь своим ключом? Какой-то отмычкой...

– Но я не могу совершенно определенно утверждать, что это одни и те же люди... У меня для этого нет никаких фактов.

– И все-таки несомненно можно говорить о людях, проявлявших интерес к твоей мастерской и, следовательно, к твоей работе.

– Безусловно. Есть, кстати, и другие факты своеобразного интереса к моей личности. Ну вот хотя бы случай в июне, во время съезда кинематографистов... Съезд проходил во Дворце искусств, что на углу проспекта Скорины и улицы Козлова, закончился около пяти вечера. Там есть небольшая стоянка, но машин была масса, место, сам знаешь, очень людное, летнее кафе впритык к стоянке. Выезжаю я на своей машине, чувствую что-то не в порядке с ходовой частью. У меня к тому же барахлило сцепление. Останавливаюсь и вижу, что на левом переднем колесе до конца раскручены все болты. Если бы набрал скорость до шестидесяти километров, их мгновенно срезало бы, ну и дальше... Это уж, конечно, не попытка кражи колеса среди бела дня, да еще на глазах у массы прохожих и посетителей кафе. Да и резина на колесе была такая, что воровать явно не имело смысла. Но опять-таки, имею ли я право делать выводы вполне определенного свойства?

– Тем не менее факты, которые ты приводишь, выстраиваются в цепь.

– Ну тогда вот тебе еще одно звено, возможно, в этой же цепи. Напали на меня 23 декабря, а 21-го, то есть за два дня, по франко-германскому каналу ARTE показали фильм „Обыкновенный президент". Полагаю, этот факт не очень обрадовал здешние власти. Возможно, у кого-то и не выдержали нервы...

– Это был первый широкий показ „Обыкновенного президента" на Западе?

– Если иметь в виду очень популярный телеканал, то можно говорить о том, что в Германии и во Франции фильм прошел своего рода „первым экраном". Хотя до этого он демонстрировался в некоторых германских кинотеатрах, но, в основном, для элитарной публики.

– Демонстрации фильма по каналу ARTE предшествовала какая-то информация о ситуации в Беларуси, о тебе, как его создателе?

– Передачу готовили профессионалы, и они сделали соответствующее вступление.

– А в каких еще странах зрители смогли посмотреть „Обыкновенного президента"?

– Картину показывали в Чехии, причем в „дни Беларуси" в этой стране. Там, насколько мне известно, Позняк выступал перед демонстрацией. Есть информация о том, как прошел фильм ■ странах Балтии, в Польше, в других странах. Даже в Португалии он шел.

– В общем, почти всюду, кроме Беларуси.

– Получается так. Я думаю, что прорыв „Обыкновенного президента" на западные телеканалы и в кинотеатры связан с уяснением ситуации в Беларуси и самим отношением к ней руководства

многих западных государств. Это в особенности относится к показу фильма на телеканале ARTE, являющемся государственным.

– Такая, выходит, была преамбула к событиям 23 декабря. Вернемся в тот день. Итак, был вечер...

– Да, уже заканчивалась работа, где-то в начале восьмого мы установили новую программу для монтажа, после чего коллега ушел. Минуты через две раздался звонок, я решил, что это он вернулся, может, что-то забыл. Открыл дверь, получил сильнейший удар в лицо, даже не успев ничего толком рассмотреть, тем более, что лестничный свет на площадке тусклый. Нападавшие были ■ шапках, надвинутых на брови. Успел только ухватить, что их было двое, примерно моего роста, один чуть повыше, другой немного пониже.

– Ты упал в прихожую?

– Нет, я отскочил. Там у нас тамбур на две квартиры, так вот из него меня втолкнули в прихожую. Я помню, что еще попробовал как-то защититься, взмахнул руками, но уже было бесполезно. А дальше почти провал памяти. Куда-то меня еще ударили, причем я даже боли не чувствовал, как под каким-то наркозом. Очнулся в крови, вокруг никого, полез в ванну, умылся.

– У тебя совершенно не было ощущения, сколько это продолжалось?

– Конечно, ведь я был без сознания. Но не думаю, что долго.

– Видимо, у них не было цели убить тебя...

– Думаю, что такой цели действительно не было. Потому что сделать это они могли запросто.

– Они ничего не взяли в мастерской?

– Нет.

– А было что?

– Конечно. Та же компьютерная станция – это достаточно дорогая штука. Видеомагнитофон, музыкальный центр...

– Знаешь, я не следователь. Но тут работает самая элементарная логика. Если это грабители, они должны оглушить и сделать свое дело – ограбить. У тебя же ничего из оборудования не тронули. Тебя же самого не просто избили – покалечили. Выходит, это идейная акция? Если к тому же не упускать из виду всего того, что ей предшествовало. Одним словом, вывод напрашивается единственный: это месть по политическим мотивам, месть за, мягко говоря, не нравящийся властям фильм „Обыкновенный президент", за твою гражданскую, художническую позицию. Вся эта история вписывается в ряд разнообразных событий, которые почему-то связаны с деятелями оппозиции, критически настроенными к режиму интеллектуалами, журналистами. Я имею в виду нападение на жену Юрия

Дракохруста, выстрел в окно дома Игоря Герменчука, стрельбу по машине Гончара, насильственный увоз за город журналиста Олега Бебенина... Не говорю уже о том походе, который режим открыл против Павла Шеремета, Ирины Халип, газеты „Свабода", о несправедиво заключенных в тюрьмы и преследуемых в судебном порядке людях... Твой случай только подтверждает, что режим окреп, охамел, вошел, как ему кажется, в полосу полной бесконтрольности и вседозволенности и действует как обыкновенный уголовник. Несогласных нужно задавить, запугать, искалечить... Ты не думал о том, кого они могут использовать для подобных акций?

– Здесь вариантов множество... Но мне, ей- Богу, трудно делать какие-то умозаключения на сей счет.

– Тогда позволь мне пофантазировать. Если это и не были штатные работники неких служб, то, несомненно, вдохновленные ими и даже проинструктированные должным образом активисты из „патриотических", „славянских" организаций. Все-таки нужно было разузнать адрес, провести соответствующую слежку, вычислить, подкараулить... Работа...

– Один мой знакомый предположил, что это была акция, связанная с какой-то внутренней разборкой ■ неких службах. И, возможно, некий мистер Икс из тех же служб будет наказан, поскольку результат для властей более чем неприятный – широкая огласка и прочее.

– Ах, Юра, дорогой мой! У нас, сам же видишь, подобные вещи происходят постоянно. И никто никакой ответственности за это не несет. Все уходит как в воду...

– Пожалуй, здесь с тобой нужно согласиться. Все „странные случаи", которые ты назвал, практически остались без последствий: нападения, избиения, выстрелы... Мы действительно иногда усложняем мотивацию тех, кто действует на самом деле более чем примитивно – дать в морду, избить...

– Я думаю, что эта акция носила устрашающий характер по отношению лично к тебе и определенный знаковый характер по отношению ко всем прочим „несогласным": с вами будет то же самое, если не хуже. Поэтому, братцы, прекращайте свои выступления... Хотя если говорить о „несогласной" части интеллигенции, то никакой борьбы с режимом она не ведет. Журналисты, режиссеры, художники просто делают свое профессиональное дело. На борьбу как раз заряжена власть. В этом смысле показателен вот какой эпизод. Кажется, полгода назад или больше при случайной встрече один чиновник из администрации президента сказал мне: „Семен Владимирович, за что вы нас так ненавидите?" „О чем вы? – спросил я его. – О какой ненависти?" „Ну вы же так желчно пишете!" – ответствовал он. И

что мне оставалось? Объяснять ему, что желчная, критичная манера – это для меня норма, что есть определенная литературная традиция, которой я следую, что я по-другому не могу писать, тем более о власти... Тем более о такой власти... Но если у этой власти подобным образом повернуты мозги, то что говорить об „исполнителях", о тех, кого она натравливает на интеллигенцию...

– Ты знаешь, я еще не видел власти, которая осознавала бы свою греховность. Ведь власть сама по себе – это страшный грех. Это необходимость лавировать между огромным количеством интересов. И каждое решение может отозваться ущемлением чьих-то прав. Поэтому власть должна поворачиваться очень осторожно, тактично, а главное – каждый день замаливать свои вчерашние грехи. Именно ощущение вечной виновности может придать ей, власти, человеческий облик. Но чаще всего она этого не понимает. У нас власть, как правило, сродни Богу. Она не только не желает быть кающимся грешником, но присваивает себе божественные функции. Мы все обязаны взирать на нее снизу вверх.

– Но есть у наших „вершителей судеб" и библейская опора: „Всякая власть от Бога". А уж что касается наших отечественных просторов, то здесь всегда утверждалась мысль об особом пути России и, соответственно, ее „естественного" спутника – Беларуси. Особый путь – значит и отношения с властью особые. „Мы ваши отцы, вы – наши дети". Нынешний белорусский режим буквально насаждает этот принцип патронажа, заменяя им всякую демократию и самостоятельность. По сути продолжается традиция, выпестованная во времена Советского Союза. Ее идеологи сегодня вдалбливают в головы людей, что это, дескать, интеллигенция разрушила добрую, хорошую советскую жизнь, привела всех нас к трагедии нынешнего существования, а сегодня такие, как ты, подрывают авторитет власти, стремящейся укрепить эту главнейшую для нас традицию. Поэтому надо верить власти, надо любить ее. А несогласных избивать, уничтожать...

– Что касается трагедии... Безусловно, ограбленными оказались старики, пенсионеры. Это несправедливо, это ужасно. Но, в общем-то, мы стали жить лучше. Не надо бегать по магазинам в поисках дефицита, тем более обыкновенных продуктов и вещей. Да, это вроде мелочи, но из них складывалась наша тогдашняя рабская жизнь. Но пришло другое – забота о завтрашнем дне, пришло ощущение неуверенности в будущем. Но, извини, кто должен мне давать эту уверенность, кроме меня самого? Государство? Оно может дать – поместить опять в тесный унизительный распределитель, где ты будешь иметь свою пайку и выводить гулять тебя будут во дворик два

на три метра раз в день... Я лично не хочу такой жизни, сыт ею по горло. Насчет же вины интеллигенции могу сказать следующее: кто-нибудь когда-нибудь ставил вопрос, что народ виноват перед своей интеллигенцией? Что народ никогда не слушал свою интеллигенцию? Что народ слышал только то, что он хотел слышать? И народ всегда думал, что он самый умный, а мы этому способствовали, льстили ему, болтали насчет вековой мудрости, безошибочности нравственного чутья, великой культуры... Да зайди в любой лифт, и все станет ясно с этой самой культурой! А с какой легкостью у нас организовывались самые разные травли выдающихся интеллигентов – Сахарова, Адамовича? Как легко шел на это народ... А что, сегодня наши люди прислушиваются в большинстве своем к голосу Быкова? Да если завтра власть призовет распять его, тысячи людей с радостью примут участие в этом деле. Такому народу, конечно, нужен „руководящий пахан". С соответствующей идеологией.

– Но сколько раз можно наступать на одни и те же грабли? Ведь было уже все это, было...

– Наверное, бесконечно. Наш народ во всяком случае опять наступил. Шишка будет очень большая. Жаль многих людей, но что делать, если урок не идет впрок?

– Видимо, народная учеба – дело тоже непростое. Сейчас у нас коммунистическая идеология заменяется или вступает в некий симбиоз со славянской. Уже о белорусах не говорят, их заменили славянами. Нужны идеалы. Старые коммунистические идолы поруганы, свалены. Национализм – не только пропагандистский жупел, но и реальность, которая страшит пока белорусского обывателя из далеких краев по телевизору. Демократия – это вообще уже бранное слово. Что остается жаждущему корней и опоры? Вот ему и предлагают ощутить свое славянство, призывают навести „порядок" ("орднунг"), укрепить свою связь с властью – духовную и, что немаловажно, материальную. Вот такие идейно подкованные и подкормленные в каком-нибудь патриотическом союзе типы и могли явиться в твою мастерскую.

– Относительно общественных идеалов я уверен, что не существует простых картин. Картина всегда невероятно сложна. Самый большой идеал, извини за общее место, это когда человек делает что-то полезное и может гордиться плодами своего труда. Поэтому не надо говорить, что большевики изуродовали народную жизнь. Большевики по сути осуществили многовековую мечту этого народа, построив то самое общество, которое и хотел народ. Если мы примем это за аксиому, то очень многие вещи станут понятны, в том числе и с общественными идеалами.

– Ты рискуешь оказаться в числе ненавидимых „патриотами" сторонников чаадаевской тезы о России как „тысячелетней рабе".

– А кто меня бил как не рабы? Не марсиане же это были? А кто голосует здесь, в Беларуси, подобно рабам полностью отказываясь от участия в управлении государством и передоверяя всю заботу о своей стране одному человеку?

– Итак, коллизия: интеллигенция и слепой, тупой, рабский народ. Моста между нами нет. Мы не в состоянии воздействовать на народ, которому „пахан" и его команда органически ближе. Мы чужие. Мы люди, которым нужно уехать, чтобы не быть изуродованными или уничтоженными. Кстати, президент Лукашенко не раз говорил, что кто не согласен, может убираться с белорусской земли. Оппоненты ему не нужны, ибо для него оппоненты – это враги, с которыми поступают соответственно. Я даже думаю, что где-нибудь Лукашенко может высказаться о случае с тобой в том смысле, что это, мол, народная реакция на твое поведение. Нехорошо, конечно, погорячились люди... Но ведь и сам Хащеватский должен понимать, что нельзя бесконечно испытывать терпение наших людей.

– По поводу методов полемики я придерживаюсь других взглядов. Ежели тебя ударили газетной статьей – ответь тем же. Тебе не нравится фильм – сделай другой, свой.

– Кстати, а почему бы действительно не сделать фильм-альтернативу „Обыкновенному президенту"? Неужели не пытались?

– Насколько мне известно, такая задумка у властей была. И даже со схожим названием – „Обыкновенный президент". Но вот о воплощении пока ничего не слышно. Хотя деньги, думаю, на это святое дело нашли бы.

– Ты говоришь об альтернативе. А я вот не считаю, что фильм твой о Лукашенко какой-то „отрицательный". Это анализ, раздумье, причем все это сделано художественными средствами. А то, что анализ носит характер своеобразного художнического заострения, так это ведь норма в искусстве. Но ведь власти никогда этого не втолкуешь. Ко всякой вещи она подходит как к агитке: ты за или против? Другого не дано. Что делать с малообразованной, низкокультурной, замкнутой на своих охранительских интересах властью?

– Не бывает образованных идеологов во власти. Там всегда начетчики, угрюмые доктринеры.

– Значит, вечный конфликт и вечное „по морде"?

– Увы...У нас, по крайней мере, другой перспективы не предвидится. Хотя у меня действительно не было никогда изначальной заданности. Ведь что такое фильм? Это практически исследование. Только ведется оно специфическими художественными средствами, среди которых

могут быть и юмор, и ирония, и сарказм... Ведь больше того, что сам Александр Григорьевич рассказал в этом фильме о себе, ничего по сути и не скажешь. Я от себя ни слова не добавил. Там нет ни одной оценочной фразы, я за этим тщательно следил. Я не говорю нигде, что это плохо, а это хорошо. Здесь главнейшее отличие искусства от идеологических поделок.

– Но власти, как мы видим, все эти тонкости никчему. И она попросту посылает верных людей поучить художника своему пониманию искусства.

– Я сейчас вспомнил эпизод из фильма. Это когда Лукашенко говорит о Лацисе: я ему все объяснил популярно, а он, доктор экономических наук, не понимает. Это в характере нашей власти – считать, что она во всех процессах и явлениях понимает больше других.

– А вот можешь ты допустить, что тот же Лукашенко, Заметалин и другие наши „вожди" приглашают тебя, жмут руку, благодарят за „Обыкновенного президента" и даже награду какую-то дают? Неужели, такое только в невероятном сне может привидеться?

– Ну при какой-то очень хитрой и очень умной власти в какой-то стране такое возможно. Ты меня своим вопросом не шокировал. Как документалист, я обязан был предвидеть и такую ситуацию По крайней мере, задать себе такой вопрос: а что если и в самом деле... Очень недолго поразмышляв, я пришел к выводу: нормальный человек не должен получать наград от такой власти, то есть они пусть награждают и хвалят, а ты не иди к ним и не получай. Вот так. Художник, обласканный властью, перестает быть художником.

– Но это ведь не значит, что ты абсолютно не оценил бы этого шага власти и ушел в глухую оппозицию?

– Я бы сразу сказал, что власть поумнела, стала хитрее, изощреннее. На нее уже можно смотреть с некоторым интересом. Если она уж до такого додумалась, значит, возможно, поправимы наши дела и в экономике. Ведь в чем, собственно, проблема власти. Да пусть она сто раз будет тоталитарная, но если бы было заметно хотя бы малейшее движение вперед. При Пиночете в Чили возникла государственная идея. И через двадцать лет страна стала процветающей. А здесь какая государственная идея? Назад в СССР? Но ведь это тупик.

– Но ведь государственную идею воплощают личности, ее двигают свободные люди. Поэтому Пиночет и поделился в итоге властью, поначалу раскрепостив экономику страны. А у нас власть дико боится личности, боится свободного, раскрепощенного человека. Потому что по созданной ею табели о рангах сначала она, власть, а потом, на низших ступенях, должны устраиваться другие, осознавая свое

всегдашнее зависимое и подчиненное положение. Что с этой ужасной психологией делать? В нормальных странах президент это только высший государственный чиновник, которого наняли налогоплательщики. У нас это царь, самодержец, могущий и жизни лишить и помиловать. При всем демократическо-конституционном фасаде. И это ведь может длиться достаточно долго при народе, который как бы отождествляет себя с духовно близким ему царем.

– Но фактически существовать эта власть будет нелегитимно. Потому что через некоторое время она столкнется уже не с критикой из интеллигентской среды, а с самой настоящей ненавистью, исходящей уже из толщи народной. Это сегодня правитель на престоле это я, он такой же, он очень похож на меня. Значит, я тоже могу управлять государством! Но завтра, когда он будет пожинать полностью плоды этого правления, он не захочет видеть на престоле самого себя. И тогда народ скажет: это не я, это Он!

– Просится некая параллель с Валенсой, при всех, разумеется, натяжках... Хотя, конечно же, в предпочтении Квасьневского Валенсе сказался другой уровень культуры польского общества. Даже коммунистическое прошлое нынешнего польского президента не сказалось в конкуренции с Валенсой. Победила личность, победила культура.

– Ну, а у нас, как ты сказал, идет война с личностями. Бьют, садят в тюрьму... А вот за что Лукашенко посадил Старовойтова? За финансовые махинации? Чепуха! Лукашенко посадил Старовойтова за то, что тот был руководителем знаменитейшего хозяйства, с двумя золотыми звездами Героя соцтруда, был человеком, до которого директору совхоза „Городец" никогда не дотянуться, он был для него недостижимой вершиной. Помнится, как-то Лукашенко собрал всех наших бывших партийных „зубров". Телевидение показывало, как Лукашенко за большим столом давал указания Соколову, Слюнькову, Малофееву... Это был момент его высокого торжества. Мог ли он, директор совхоза, совсем недавно даже мечтать о том, что будет учить жизни этих боссов? И вот посадка знаменитого Старовойтова – это, безусловно, продолжение того же кайфа маленького человека, забравшегося на вершину власти. Да, личность не терпится, даже, если человек уже прожил жизнь и ему далеко за семьдесят. В тюрьме ему место и только.

– Но борьба с личностями, как известно, ведет к дегенерации общества. Вместе с чувством безопасности отнимается человеческое достоинство. Любого можно унизить, запугать, посадить в тюрьму, довести до инфаркта... А с другой стороны, воспитывается лакейство, угодничество, наконец, поощряемый сверху политический бандитизм. Как быстро, однако, мы прошли этот путь в нашей

синеокой, доброй, толерантной, тихой, мирной Беларуси! Мы привыкли к формуле: народ бессмертен. Мы любим оптимистические лозунги. Это нормально. Как же без этого? Но ведь и черты вырождения очевидны. Президент признается в симпатии к Гитлеру – молчание.Уродуют конституцию, законы – молчание. Бросают в тюрьмы невинных людей – молчание. Страшное молчание, наводящее на мысль, что не только гражданского общества, но и нации, возможно, нету. Просто население... И что же делать в этих условиях художнику, творцу, носителю несчастного интеллигентского сознания, одолеваемого вечными мыслями о другом, достойном бытии, своего народа и собственном? Впрочем, ответ давно известен...

– Да-да, быть самим собой, делать свое дело, ибо другого у нас нет, как и другой жизни.

„Народная воля”, 10.I.1998.

ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА

„Каждый умирает в одиночку. И не надо иллюзий. Никакие правозащитные организации, никакие ООН, ОБСЕ и НАТО, никакой добрый дядя, будь он с Востока или Запада, тут не помощники. Время политики и политиков кончилось. Пришло время Сопротивления – La Resistence (кто там был в Сопротивлении в сороковые годы, коммунисты или, к примеру, экзистенциалисты, это во Франции тогда мало кого интересовало). Под „сопротивлением” я имею в виду, разумеется, чисто моральную категорию. Когда великий норвежский писатель, нобелевский лауреат Кнут Гамсун сказал несколько почтительных слов в адрес Гитлера, тысячи его соотечественников стали приходить к его дому и через ограду бросать ему его же книги. И это тоже был своего рода акт сопротивления. Можно ли представить себе нечто подобное в нынешней Беларуси? Авторов, у которых книг вышло поболе, чем у Гамсуна, хватает. Читателей маловато.

Такое впечатление, что уже никто ничего не читает (кроме сводок погоды и прейскурантов) и никто никого не слышит. Зато каждый спешит высказаться в порядке полемики, не выслушивая и не вслушиваясь в аргументы оппонентов, а самое главное – забывая, в чем существо спора. Да и остался ли он в наши дни – сам предмет спора?

Солнце, пусть скупое, обманчивое, вечно прячущееся за тучами, как это обычно бывает в Беларуси (стране вечной осени, по выражению моего приятеля), зашло. Не стало теней и полутонов, остался мрак, и мы – наедине с ним. Можно, конечно, утешать себя тем, что тьма сгущается перед рассветом. Только ведь, пока солнце взойдет, роса очи

выест. Поэтому не стоит убаюкивать сограждан песнями о скорой и неизбежной победе над темными силами, так сказать, в мировом масштабе. Зло тоталитаризма, нашедшее наиболее концентрированное выражение именно в двадцатом столетии, никуда не девалось. Похоже, что именно здесь, между Бугом и Днепром, оно облюбовало себе плацдарм для решающего броска против человечества и человечности".

Виталий Тарас.
„Белорусская газета", 11.VIII.1997.

И СНОВА СТАРЫЙ ВОПРОС: ЧТО ДЕЛАТЬ?

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

„Борьба с иллюзиями, в плен которых покуда погружена оппозиция, по моему мнению, первейшее требование времени. Остановимся на самых распространенных и живучих стереотипах политического бытия, дальнейшее эксплуатирование которых усугубит и без того тяжелое положение оппозиционеров.

Заблуждение первое. Президент проводит такую „неправильную" политику, поскольку она максимально ему сегодня выгодна. Как только для удержания власти потребуются либеральные реформы, он назавтра предстанет большим либералом, чем сам Хайек.

... Можно долго спорить являются ли Лукашенко и К группой политических самоубийц, но даже если давать положительный ответ, вряд ли стоит ожидать акта суицида в столь экзотической упаковке – своими руками добровольно начать процесс передачи власти. Экономические реформации для них равносильны растянутому во времени однозначному самоуничтожению.

Заблуждение второе. Режим рухнет от ресурсного истощения, от невозможности наладить не только расширенное, но и простое воспроизводство ценностей, минимально необходимых для поддержки хотя бы самих структур власти и растущего аппарата подавления.

... История с „Торгэкспо", фондом Эсамбаева и прочими криминально-коммерческими структурами, число которых, по словам самого президента, достигает двух десятков, убедительно свидетельствует об ином. Деньги на диктатуру охлоса найдутся всегда... Через границы западную и южную можно провезти все, что угодно. А граница восточная предусмотрительно ликвидирована, дабы спокойно переправлять на огромный российский рынок по демпинговым

ценам завезенные в обход всех внутренних и двусторонних договоренностей товары. В принципе невозможно закрыть все „черные" каналы обогащения, ежели того желает высшая власть, для которой изыскание ресурсов – вопрос жизни и смерти.

Заблуждение третье. У измученного народа лопнет терпение и, вооружившись балканским опытом, он наконец-то сбросит с себя ярмо социал-мазохистских экспериментаторов.

... Не стоит придавать слишком большое значение низкому уровню жизни. Белорусы давно рассчитывают только на себя, а на правительство, постоянно обманывающее и грабящее, окончательно махнули рукой. Единственное оставшееся требование к любой власти – не убивать – пока что соблюдается. Так как массовых расстрелов и депортаций в обозримой перспективе не предвидится, то голодных и других бунтов ожидать не следует.

Заблуждение четвертое. Нас спасет просвещенный Запад.

... Запад, в лучшем случае, в состоянии максимально осложнить жизнь режиму, но не сменить его. Беларусь не станут пускать в приличное общество – невелика потеря., Лукашенко там никогда не присутствовал, поэтому и не в состоянии осознать значимость утраты. Натовских бомбежек не предвидится, „голубые каски" в районе Столбцов не появятся... Западу, безусловно, очень неприятно, что есть такой противный гнойник прогрессирующего фашизма в Европе. Но ежели обитающих там вполне устраивает такое положение – все просто разведут руками и постараются не замечать белорусский атавизм.

Заблуждение пятое. Россия нам поможет.

... России не столь принципиально важна демократия в Минске, которая и в Москве достаточно условна. Главное на нынешнем этапе – иметь здесь надежного союзника. Является ли на самом деле таковым Лукашенко – отдельный разговор, но ведь известно, что от добра добра не ищут, а лучшее – вечный враг хорошего.

... В дружеских компаниях после двухсот граммов меня всегда спрашивают: „Когда же, наконец, закончится этот идиотизм?" После такого обезоруживающего вопроса близких людей отшутиться, сославшись на перенасыщенность и утомление поднятой темой, никак невозможно. Приходится говорить правду. Дело не в надуманных сроках (таковые могут быть, как показывает новейшая история, длиной в полвека), а в принципиальном подходе к решению трижды перезревшей проблемы реставрации цивилизации в стране. Как только антилукашисты начнут вести себя так как надо, а не так, как им в данный момент удобно, необходимый эффект проявится чрезвычайно быстро. В противном случае остается только пожать плечами и продолжать лицезреть нынешний самоубийственный театр абсурда. Жаль только,

что наше общее место отнюдь не в партере зрительного зала, и чем закончится действие триллера не на сцене, а в реальной жизни, не знают ни искушенные сценаристы с режиссерами, ни марионеточные горе-герои, ни несчастные статисты из массовки".

Владимир Дорохов.
„Свабода", 26.III.1997.

ФИГУРАНТЫ И ПУБЛИКА

„*Сценарий первый.* „Консолидированный" электорат окончательно вытесняет социально активного типа на периферию политики и своими ожиданиями провоцирует наступление классической диктатуры, которая не может существовать без внутренней и внешней агрессии. Итог наступит быстро (поскольку для осуществления подобной агрессии не хватит ни экономических, ни социальных ресурсов) и окажется плачевным не только для президента и его электората, но для всего белорусского народа.

Сценарий второй. Президент и его команда используют белорусский электорат для выхода на российский простор. При успехе выигрывает президент, но не белорусский электорат, поскольку его проблемы останутся на периферии политики президента объединенного государства. Фактически этот вариант уже начал осуществляться...

Сценарий третий. Торжество „консолидированного" электората приводит к полному краху экономики, и президент теряет власть либо в результате массовых выступлений протеста, либо (что более вероятно) в результате „дворцового" переворота. Итогом может быть как действительно новая, так и слегка подновленная прежняя политика, но уже без Александра Лукашенко.

Сценарий четвертый. В истории уже бывали случаи, когда политический лидер, оказавшийся перед крахом своей стратегии, отбрасывал ее вместе со своим электоратом, брал на вооружение противоположную стратегию и сам возглавлял „новый курс", списывая все последствия предыдущей дёятельности на ближайших соратников...

Скорее всего, предложенные сценарии – дело не самого ближайшего будущего".

Материал подготовлен
Независимым институтом
социально-экономических
и политических исследований.
„Свабода", 5.IX.1997.

ПОБЕДИТЬ ДРАКОНА

„Во имя будущего Беларусь непременно одолеет своего дракона. Горизонты ее цивилизованного жизненного устройства, европейский смысл ее культуры, традиций, благодаря просвещению, скоро увидят широкие массы людей. Мистификация кончится, белорусы обязательно станут политическим народом, для которого независимость, национальное достоинство и либеральные порядки сделаются насущнейшими атрибутами исторической жизни. Но для этого они должны изначально рассчитывать на собственные возможности, не покладая рук и не жалея сил созидать свое настоящее – источник будущего, без оглядки на соседей и ссылок на обстоятельства бороться за свое историческое выживание. В этом будет их спасение, их судьбоносный выбор".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 28.II.1997.

ПРОСЫПАЮЩИЙСЯ РАБ

„Сегодня перед нами, гражданами Беларуси, есть только два пути. Либо продолжать забивать головы разговорами об интеграции и потерять Беларусь, либо дружно взяться за тяжелую работу по национальному возрождению, укреплению независимости. Не обвиняя никого в своих бедах. И не надеясь, что кто-то будет заботиться о наших интересах. Этот путь и есть – национализм. *Tercium non datur* – третьего не дано, как говорили древние латиняне.

Только национализм может придать растекшимся чертам лица раба, который просыпается, определенность. И я не только верю, но и убежден, что это лицо не будет ни злобным, ни хитрым, ни агрессивным. Но мужественным, великодушным и мудрым. Непохожим на лицо нашего сегодняшнего президента".

Юрий Хадыка,
заместитель председателя БНФ, профессор.
„Свабода", 19.II.1997.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

„Единственный шанс на спасение Беларуси заключается в формировании национально-освободительного движения. Идеологическая база для этого уже существует...

В этой ситуации национально-освободительное движение должно четко сформулировать свои первоочередные задачи: восстановление конституционного строя и ликвидация последствий государственного переворота в ноябре 1996 года".

Александр Старикевич.
„Свабода", 13.VI.1997.

Даже у молодого журналиста А.Старикевича чувствуется советская идеологическая школа. Национально-освободительное движение... Первоочередные задачи... А что такое национально-освободительное движение и в истории и сегодня? Не есть ли это чисто спекулятивный термин марксистско-ленинского происхождения, скрывающий подлинную борьбу интересов? И что такое национально-освободительное движение в условиях современной Беларуси? Кто кого и от чего будет освобождать? Впрочем, это не главное. Главное – это чисто по-ленински „вбросить в массы" новую формулировку-задачу. Мы, идеологи, формулируем, а массы должны „брать на вооружение".

Вот и новый белорусский Ленин, он же Зенон Позняк, жестко ставит задачу, только уже не из Швейцарии, а из США доносится его суровый голос.

РУБЕЖ

Из письма к белорусской молодежи

„После ноябрьского переворота в прошлом году, когда была ликвидирована конституция, остановлена деятельность парламента и Конституционного суда, закончилось и время общей антилукашенковской оппозиции, добивавшейся импичмента президента. Сейчас требовать импичмента бессмысленно, потому что легитимные органы власти не действуют, апеллировать не к кому.

В условиях оккупационного режима Белорусский народный фронт изменил свой подход и с декабря минувшего года принял новую тактику и новую политику, направленную на разворачивание национально-освободительного движения на Беларуси...

Мы сражаемся с российской оккупацией. Мы сражаемся с полицейским режимом. Мы против имперской России и ее лукашистской хунты на Беларуси. Мы против диктатуры...

Так же, как борцы в Корее, мы посадим лукашенковских предателей в те же камеры, в какие они теперь загоняют нашу молодежь. Мы посадим их навечно за измену Беларуси и издевательства над белорусами.

Они пользуются беззащитностью наших людей на улицах и, вооруженные до зубов, нападают, чтобы избить и затащить в тюрьму. Пора создавать самооборону и освободительную силу... Нужно перестать выполнять антизаконные приказы и распоряжения хунты. Диктатуре сумасшедшего и российских кагебистов противопоставить массовое гражданское неповиновение. Оккупанты загоняют организованных людей и свободный народ в подполье. Тем хуже для хунты. Подпольный, невидимый Фронт должен действовать еще более эффективно и угрожающе для режима, нежели открытый Народный Фронт. Земля должна гореть под ногами хунты...

Собираем силы. Есть много возможностей у свободных людей повторить для оккупантов и Оршу, и Уллу, и Могильно, и партизанский ад. Чечня покажется им раем".

Зенон Позняк,
председатель Белорусского
народного фронта „Возрождение".
5 апреля 1997 г.

Похоже, народ не услышал своего вождя. Может, потому, что это был другой народ, а не тот, который придумал себе Зенон Позняк? Во всяком случае, ни гражданское неповиновение, ни создание самообороны, ни тем более подпольное вооруженное сопротивление – ничего в этом духе не началось в Беларуси... Но вождь, как и положено вождю, продолжал формулировать „идейные установки" и призывать из-за границы свой народ на баррикады.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

„Нынешний лозунг российских политиков: „Реванш в Беларуси за поражение ■ Чечне", как видим, вытекает из агрессивных планов геополитической концепции России. Героические чеченцы, защищая свою родину, сражались также и за свободу других,в том числе и за нашу белорусскую свободу, потому что борьба с Россией – это общее дело...

История засвидетельствовала на протяжении столетий состояние перманентной войны между Россией и Беларусью (Великим княжеством Литовским), которая прекратилась (формально) в виду победы России и ее немецких союзников в Европе. Беларусь для России естественный противник на Западе Так же, как сама Российская империя является постоянным врагом и угрозой для государственности и независимости Беларуси...

В 20-х числах июля 1994 года, сразу же после вступления на пост президента Беларуси А.Лукашенко, Москва прислала в Минск свой проект „договора о дружбе" России с Беларусью. В тексте этого договора уже были видны основные положения будущего аншлюса и ликвидации государственности Беларуси...

Введение военных в парламент в ночь на 12 апреля 1995 г. и избиение депутатов оппозиции Белорусского народного фронта показало со всей наглядностью, что идет скрытая, жестокая война против Беларуси, что для достижения своих целей Москва и Лукашенко не остановятся ни перед чем...

Не следует также иметь преувеличенных надежд на помощь Европы. Не следует питать иллюзии. Европу мало интересуют наши проблемы. Она желает надежности и спокойствия и не хочет иметь под боком опухоль на востоке ■ виде диктаторской Беларуси. После того, как „оппозиция" потерпела поражение, а диктатура укрепилась, следующий этап европейской политики – изолировать диктатуру и сгладить ее острые углы (И не имеет значения, что это будет сделано ценой чужих национальных интересов. Европу это не волнует). Затем – создание приемлемого варианта сотрудничества с приглаженной диктатурой. Европейская политика всегда была филистерской, и никакой „исторический опыт" на эти ее качества не влияет...

Задача белорусов – не допустить „сдачи" страны и одновременно выставить требование об отставке Лукашенко и ликвидации должности президента... Сохранение института президентства ■ советизированном и люмпенизированном обществе с низким уровнем национального самосознания приведет к избранию нового Лукашенки и созданию очередного режима с очередной мафией и очередным предательством...

Всем белорусам нужно поддерживать белорусское освободительное движение и политику национально-культурного возрождения. В ситуации общей национальной опасности действуют другие законы и другие критерии... В такие времена хорошо, если люди умеют жертвовать во имя общего белорусского дела и своими личными заботами, и временем, и трудом, и деньгами, и имуществом, и, если кто-то сумеет и если потребуется – собственной судьбой".

Зенон Позняк. Нью-Йорк.
„Свабода", 17–25.VI.1997.

Г-н Позняк более чем убедительно продемонстрировал эту готовность к „национальной жертве" – взял да и уехал в благословенные США. А белорусское освободительное движение почему-то не хотело формироваться и проявлять себя, несмотря на горячие

и строгие одновременно призывы из Нью-Йорка. Зато в это же время возникла новая общественная инициатива – „Хартия-97". Текст Хартии подписали сто человек –известные в Беларуси деятели культуры и науки, представители политических партий и профсоюзов, журналисты.

ИЗ ТЕКСТА „ХАРТИИ-97"

„Накануне XXI столетия ■ центре Европы установился диктаторский режим. Десять миллионов человек оказались в плену насилия.

Нас вдохновляет пример свободных народов, которые прошли такой же путь раньше нас. Мы помним, как группа мужественных чешских и словацких правозащитников подписала Хартию-77, в которой призвала к борьбе с тоталитаризмом в своей стране, и как через несколько лет от красной диктатуры ■ Восточной Европе не осталось следов...

Мы не можем более терпеть насилие, нарушения законов, преступления против всего народа и каждаго человека...

Мы надеемся на понимание со стороны мирового сообщества и солидарность всех сил, которые понимают опасность образования на постсоветском пространстве новой коричневой империи. Осколок тоталитаризма должен быть изъят из тела Европы...

Мы призываем всех граждан Беларуси присоединиться к нашей Хартии, чтобы совместно бороться за свои права и свободы, за восстановление демократии и законности ■ нашей стране".

„Свабода",11.XI.1997.

Между тем режим уже определил „магистральный путь" для Беларуси – интеграция с Россией. 2 апреля в Москве Ельцин и Лукашенко подписали документ, согласно которому Сообщество двух стран превращалось в Союз Беларуси и России. Этой акции предшествовало январское послание Ельцина к Лукашенко, в котором выдвигалась идея референдума „по вопросу объединения двух государств в той или иной форме".

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОБЪЯТИЯ КРЕПЧАЮТ...

КОГДА МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

„Большинство населения Беларуси идейно-психологически продолжает жить в СССР. И результаты обоих референдумов и социологические опросы свидетельствуют не столько о стремлении людей объединиться с Россией (как это трактуют власти), сколько о желании вернуться в Советский Союз, в прежний советский социализм. То есть, за идеологемой об интеграции с Россией скрыт миф о возможности реанимировать СССР. В этой связи более понятна становится историческая миссия нашего президента. Как заметил известный польский публицист Адам Михник, „Лукашенко – это не московская марионетка; он – советская кукла".

И совместными усилиями президента и населения, поддержавшего Лукашенко на двух референдумах, началось движение вспять, к СССР и основным атрибутам коммунистического общества".

Валерий Карбалевич.
„Свабода", 21.III.1997.

БЕЛАРУСЬ НА РАЗВИЛКЕ ПУТЕЙ

„Крушение государственности как вариант развития новейшей белорусской истории окажется возможным, если политический класс обнаружит полную неспособность преодолеть внутренние идеологические разногласия и признать приоритет национальных целей...

На возможный развал государства повлияет позиция интеллигенции, молодого поколения. Если в их среде не усилятся ориентации на ценности национальной культуры, если не возобладают установки

на национальную идентификацию, поиск самостоятельной роли Беларуси в современном историческом процессе – силы противоположной ориентации, блокировавшись с антинациональными элементами во власти, сумеют навязать стране путь, идя по которому она неминуемо утратит суверенитет и атрибуты государственности.

Силы эти – многочисленная категория недовольных, люмпенизированных граждан, грезящих о советском распределителе. Этих так называемых „советских белорусов" менее всего интересует будущее национальной государственности, культуры, языка. Их манкуртизированное сознание вполне устраивает статус Беларуси как Северо-Западного края Российской державы".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 21.II.1997.

БЕЛОРУССКАЯ КАРТА В РОССИЙСКОМ ПАСЬЯНСЕ

„Нынешнее возвращение Беларуси [redacted] Россию – это отнюдь не возвращение блудной дочери в старый и родной дом, именовавшийся недавно Советским Союзом. Дом перестроен, поделен, и в нем кипят свои страсти. Бедной белорусской девушке, конечно, отведут уголок за ширмой. Но уж и цену сдерут! Все с себя снять придется, последнее отдать...

Вроде бы и не привыкать сердешной. Но ведь соседям может не понравиться. И не потому что дорога им белорусская сирота. А страшно за себя, коль исчезнет враз „белорусский буфер". Они и по сю пору дрожат, и прибалты, и поляки, все не могут поверить в независимое счастье свое. А тут здрасьте-пожалуйста – опять матушка Россия стучит [redacted] ворота.

Конечно, Минск не Белфаст и Гродно не Дублин. И Белорусское объединение военных не Ирландская республиканская армия (Шинн Фейн). И тем не менее... Найдутся люди, для которых идея независимости сверхжизненная. И их поддержат вполне определенные силы не только в Литве, Латвии, Эстонии, [redacted] Польше и на Украине... И не только словом, но и средствами. Наши славные спецслужбы и вооруженные силы, конечно же, начеку и готовы выполнить свой долг. Но дело это будет непростое, кровавое, на много лет... Тем более, что и партизанский опыт еще не забыт.

Такое у нас, в тихой и толерантной Беларуси? Да это невозможно! Простите, но если Лукашенко сегодня говорит, что ему удалось предотвратить чуть ли не гражданскую войну... Сегодня, когда и признаков

вооруженного конфликта не было. Экстремальные ситуации созревают быстро, иногда мгновенно. Толчок может быть дан необязательно изнутри. Если вспыхнет огнем тлеющий из-за Крыма и Севастополя российско-украинский конфликт, так или иначе „присоединенная" Беларусь не останется в стороне. На белорусской земле, на историческом пограничье, заварится своя смертельная каша. И вряд ли сторонними наблюдателями здесь останутся Польша и малые балтийские страны.

Второй Ливан? Новая Босния или новый Ольстер? Не все ли равно как это будет называться.

В любом случае об этом стоит задуматься доморощенным интеграторам, кивающим в сторону „объединенной Европы" и как всегда путающим Европу с привычной отечественной тюрьмой".

Семен Букчин.
„Белорусская газета", 13.I.1997.

ПОБЕДИТЬ ДРАКОНА

„Решение проблемы взаимоотношений Беларуси с Россией предполагает обязательное прояснение вопроса о том, что же такое белорусская национальная идея и в чем ее отличие от русской национальной идеи. Демократам предстоит довести до массового сознания, что белорусский мир – это не российский мир, что активное присутствие русской культуры в Беларуси не есть основание для забвения собственных исторических и культурных корней, не может служить оправданием для принижения белорусских национальных ценностей.

Идея политического и культурного отъединения Беларуси от России должна быть понята как необходимое условие самоидентификации белорусов. Следует четко заявить о том, что белорусы готовы к духовному общению с русским народом, но не к слиянию, к диалогу двух культур, но не к растворению в русской культуре".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Свабода", 28.II.1997.

ТРЕВОГИ СЛАВЯНИНА

„Белорусский мир, белорусская душа, если уж говорить серьезно, намного дальше от российской души, чем украинская. Было очень мало общего между полоцкими князьями и московскими. Время существования единого литовско-белорусского княжества, когда

происходило добровольное смешение этих народов, на целый век, на четыре поколения превосходит время белорусско-русского единства.

Идея интеграции с Россией сейчас сильна в народе только потому, что работает инерция последних двух веков, потому что крепко запала идея советского братства, благодаря которой была достигнута победа над фашизмом, потому что сильны еще позиции русского языка. На этой волне единства победил Лукашенко, на этой волне держалась надежда на чудо российско-белорусской реинтеграции. Кстати, ничего исключительно белорусского в этом нет. На такой же волне интеграции с Россией победил Кучма на Украине в 1994 году".

Александр Цитко.
„Советская Белоруссия", 24.IV.1997.

ИНТЕГРАЦИЯ ДВУХ БРАТСКИХ НАРОДОВ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Из выступления А.Г.Лукашенко на заседании Парламентского собрания Сообщества

„Белорусский народ уже не однажды выражал свое желание жить в тесной дружбе и сотрудничестве с народами великой России. У нас с вами общая история. Но нас объединяет не только общее прошлое и настоящее. Еще больше нас объединяет общее великое будущее.

Я уже неоднократно говорил, что если мы будем вместе, для нас не страшны никакие трудности. Думаю, что и вы хорошо понимаете, какие перспективы открываются перед нашими странами в третьем тысячелетии. Все, что мы с вами сегодня делаем для интеграции наших стран, мы одновременно делаем и для будущих поколений".

11.III.1997. Москва.

„НАРОДЫ УСТАЛИ ЖИТЬ В РАЗОРВАННОМ, НАПОЛНЕННОМ ТАМОЖНЯМИ И ГРАНИЦАМИ МИРЕ"

Из выступления А.Г.Лукашенко на III Конгрессе народов СССР

„Да, у нас был общий дом, одна Родина – Советский Союз. Советский человек жил с уверенностью в завтрашнем дне, с оптимизмом смотрел в будущее.

К сожалению, на рубеже нового тысячелетия политикам не хватило

воли и гражданской мудрости, чтобы защитить совместные завоевания. Мы сегодня стыдимся своего прошлого. Позор всем тем, кто стыдится своей истории, пусть даже порой неправильной и ошибочной.

...Пришло время сказать прямо – эйфория от „самостийности" прошла. Народы устали жить в разорванном, наполненном таможнями и границами мире...

Давайте будем реалистами. К недавнему прошлому возврата нет. Воссоздать тот Советский Союз, который существовал до 1991 года, в силу множества причин как объективных, так и, в основном, субъективных, просто-напросто невозможно... Надо идти по пути, который избрали цивилизованные страны, использовать лучший мировой опыт интеграции..."

17.III.1997. Минск.

СОЮЗ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СЕЙЧАС, ИБО ЗАВТРА МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗДНО

„В случае утраты Беларуси рухнет как идея Союза, выступающего ядром Содружества, так и сама разноскоростная интеграция. Вытеснение российского политического и экономического влияния из ближнего зарубежья будет ускорено и примет необратимый характер.

В результате отказа от Союза с Беларусью будет упущена возможность для России усилить свои позиции в регионе, дать таким образом позитивный импульс развитию отношений с ближайшими соседями – Польшей, Украиной, государствами Балтии.

...Четкие и ясные действия со стороны России необходимы еще и потому, что у наших западных „визави" на этот счет уже есть последовательно проводимая политика ■ отношении Беларуси.

С самого начала создание Россией и Беларусью Сообщества вызывало неприятие со стороны ряда западных держав, а также у некоторых влиятельных политических кругов в Польше, на Украине и ■ странах Балтии. Оно рассматривалось как прообраз нового государственно-политического образования, способного выступить в роли системообразующего ядра, вокруг которого на равноправной основе могут объединиться другие государства постсоветской Евразии. Наконец, все понимают, что сближение значительно укрепляет политические позиции обоих государств...

Союз с Беларусью, безусловно, отвечает стратегическим национальным интересам России".

Валерий Серов,
заместитель председателя
правительства Российской Федерации.
„Советская Белоруссия", 3.V.1997.

БЕЛАРУСЬ, РОССИЯ – ПРИГОТОВИТЬСЯ СЛЕДУЮЩЕМУ!

„Вряд ли сегодня можно продолжать наивно заниматься анализом плюсов и минусов объединения. Выбраны цели объединительных усилий и обозначена их платформа. Главная цель – противостояние НАТО, основная платформа – попрание законности и окончательное удушение демократии. Ельцин принял белорусский сценарий именно в тот момент, когда весь цивилизованный мир от Беларуси отвернулся из-за правового произвола властей. Значит, мы вместе с Россией готовы ■ поте лица трудиться над воссозданием тоталитарного монстра, обладающего всеми видами смертоносного оружия".

Андрей Санников,
член Общественного
коалиционного правительства.
„Белорусская газета", 20.I.1997.

ЛЮБИТЬ ПО УСТАВУ

„С появлением этого союза популярный тезис „NATO выходит на наши границы" перестает быть пропагандистской гиперболой и становится военно-стратегической реальностью. Вооруженные силы двух военных союзов вновь де-факто окажутся ■ непосредственном соприкосновении, воспроизведя ситуацию, характерную для холодной войны. В таком случае отношения России и Запада становятся заложниками белорусско-польских отношений. При этом не исключено, что восточноевропейские страны, став полноправными членами Североатлантического союза, но не встретив там того внимания к своим проблемам, на которое рассчитывают, будут продолжать эксплуатировать тезис об „угрозе с востока".

Можно не сомневаться, что неугомонный Александр Лукашенко не замедлит снабдить заинтересованные стороны доказательствами реальности этой угрозы. Политический режим, загнавший Беларусь ■ международную изоляцию, объективно заинтересован ■ воссоздании „железного занавеса" на границах нового союза. А роль „передового отряда" в противостоянии с NATO дает ему такие возможности".

Владимир Тодрес, Дмитрий Пинскер, Александр Гольц,
обозреватели журнала „Итоги" (Москва), 1997, № 19.

КАК ОНИ ПРОДАВАЛИ СТРАНУ

„Европейские политики должны понять, что аннексия Беларуси – это только начало; вслед за этим настанет черед Украины, Молдовы, прибалтийских государств".

Сергей Наумчик.
„Народная воля", 5.III.1997.

ЛУКАШЕНКО ВЫГОДЕН РОССИИ

„Представим, что завтра в Беларуси победит оппозиция. Почти стопроцентно можно будет предсказать, что она будет проводить приблизительно такой же курс, какой сегодня проводит нынешнее руководство Украины. Это означает: подчеркнутая ориентация на Запад, планомерное вытеснение русского языка, ухудшение условий деятельности для российских компаний... И поэтому, когда я вижу, что-то негативное в облике президента Лукашенко, то не могу это не соотносить и с тем негативом, который я ожидаю, если его не будет во главе Беларуси".

Евгений Кожокин,
директор Российского института
стратегических исследований.
„Общая газета", 16.VIII.1997.

НАРОДНЫЙ РЕЖИМ

„Объединения с Белоруссией наиболее просвещенная, демократически радикализованная часть российской публики боится, как чумы. Сближаться с диктатурой? С нищетой и бесправием? С таким порядком, когда ОМОН расправляется с митингующими, а любая печатная критика президента чревата закрытием газеты?

Это граничащее с брезгливостью отторжение ближайшего западного соседа забавно, ей-Богу же. Как будто Россия давно и прочно укоренилась в европейской цивилизации и только варварским нашествием брата-славянина может быть порушена ее крепкая, прекрасно отлаженная экономика, пущены по ветру ее накопленные поколениями свободных людей демократические ценности...

Нет, все, чем болеет и мучается Белоруссия, присуще и России. И всякая политическая инфекция благодаря не столько прозрачности

наших границ, сколько полному сходству наших менталитетов, распространяется оттуда сюда и отсюда туда со скоростью эпидемии... Российская реальность такова, что в экспортных поставках диктатуры нужды особой нет".

Валерий Выжутович.
„Известия", 24.I.1997.

ЗАЧЕМ РОССИИ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ С БЕЛОРУССИЕЙ?

„Прежде всего непонятно, какова конечная цель провозглашаемого сближения – будем ли мы сливаться в единое государство или ограничимся союзом двух стран, сохраняющих, хотя бы формально, свой суверенитет. Если, как об этом мечтает Александр Лукашенко, Россия и Белоруссия все же объединятся, то на каких условиях? Будет ли создано новое государство со своим названием, флагом, гербом, гимном? Или же Белоруссия войдет в состав России как субъект Федерации (или шесть субъектов – по числу белорусских областей), что позволит России сохранить свое имя, которого по воле большевиков она семьдесят лет была лишена?

...Почему вместо взаимовыгодного сотрудничества двух экономик нам предлагают слить эти экономики в одну, что создаст дополнительные трудности прежде всего для жителей России, ибо за годы правления Лукашенко белорусская экономика безнадежно отстала от нашей, реформы в республике не сдвинулись с мертвой точки, зарплаты значительно ниже, чем в России, а многие продукты питания распределяются по талонам – советская практика, о которой мы уже успели забыть.

В политической области объединение с Белоруссией приведет к присоединению к России шести новых областей „красного пояса", и Геннадию Зюганову вместе со своим „народно-патриотическим блоком" останется лишь поблагодарить президента Ельцина за такой подарок к следующим выборам".

Максим Юсин.
„Известия", 15.I.1997.

„НАША ЦЕЛЬ – ЕДИНСТВО"

„Мы предлагаем название „Союзная Русь", т.е. союз Белой и Великой Руси. Это достаточно реально. И Беларусь в этом процессе может сыграть роль, которая досталась в свое время Пруссии при объ-

единении германских государств. Аккумулятором объединительной энергии является наш президент".

Николай Сергеев,
председатель Славянского Собора „Белая Русь".
„Вечерний Минск", 4.I.1997.

МИРАЖИ ГЕОПОЛИТИКИ

„Беларусь – не инородное тело для России, и выигрыш от слияния очевиден: выигрыш для экономики, обороны, культуры, а более всего – для повседневной жизни людей. Не должно это нас пугать, но лишь при одном условии: если вполне добровольно и сознательно пойдет на это народ Беларуси. Если пойдет на это после того, как в уставе будет ясно сказано: равноправие двух столь неравновеликих величин, как Беларусь и Россия, может быть лишь фикцией, сколько бы ни твердили про „одну страну – один голос". В противном случае это стало бы ущемлением прав россиян. В проекте устава должно быть честно сказано, что в едином государстве Беларусь может быть реально представлена лишь как субъект или несколько субъектов (по числу областей) Российской Федерации. Выгодно ли это народу Беларуси – ему, народу Беларуси, и судить. Но если прямо этого не сказать, если попытаться обманом взять врасплох братский народ – новый союз рухнет, как рухнул прежний, в проигрыше будут обе стороны.

Пока все это отодвинуто в туманное будущее, поскольку 2 апреля принесло нам „боевую ничью" в схватке сторонников и противников устава Серова–Лукашенко. Нынешний проект устава не дает затевавшегося решения „геополитической задачи одним прыжком – это лишь шажок на долгом пути, который еще неизвестно чем завершится.

Очевидно, вступать на этот путь России необходимо, но одно надо сказать твердо в самом его начале. Эту мысль хорошо выразил автор одного из многих писем, получаемых в эти дни „Известиями", научный сотрудник госархива Нижегородской области Михаил Гусев. Он пишет: „Брататься и „союзить" с откровенно-диктаторским режимом, установленным в Белоруссии, – это значит наплевать на тех россиян, которые, невзирая на всю сложность выбора, отметили в избирательном бюллетене все же Б.Н.Ельцина, а не Г.А.Зюганова – сподвижника Лукашенко".

...Вступать в союз с таким режимом, не потребовав прекращения нарушений прав человека, – значит поддерживать его".

Отто Лацис.
„Известия", 12.IV.1997.

ОБЪЕДИНЕНИЕ – С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

„Если мы все-таки хотим объединяться, надо четко договориться на берегу, куда плывем. Россия с ее 150 миллионами населения и территорией в 17 миллионов кв.километров не может на равных объединяться с Белоруссией с ее 10 миллионами населения и территорией в 200 тысяч кв. километров. Россия с ее неустоявшейся государственностью, с ее внутренним федеративным устройством не может позволить себе акробатический номер – надстраивать над федерацией конфедерацию.

Объединение России с Белоруссией возможно лишь на пути создания единого федеративного государства. Точнее: Белоруссия входит как самостоятельная республика (хотя бы с объемом прав Татарстана) в состав РФ. Так и только так можно не развалить в процессе объединения то, что объединяется.

... Да, утрата Белоруссией статуса государства – субъекта международного права неизбежна в случае ее объединения с Россией, в случае ее – опять давайте называть вещи своими именами – вхождения в состав России.

Это не чья-то злая воля, не чье-то высокомерие или имперские замашки. Это просто реальность и инстинкт самосохранения государства.

... Я убежден – необходим референдум".

Николай Гончар,
депутат Государственной думы России.
„Известия", 15.IV.1997.

НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЛАРУСИ КАК ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

„Зацепил – поволок, сорвалось – не спрашивай"
Чичиков ("Мертвые души" Н.В.Гоголя).

Похоже, объединительный шум несколько спал и вошел в „обсужденческую" фазу. Там, в этих словесных джунглях и полемических спекуляциях, и будет, скорее всего, если не утоплено, то несколько погружено на дно это любимое дитя нашего правителя, его сокровеннейший и грандиознейший проект. Заводы поднимать – это чернуха, это задача для вертикали. Подлинное же историческое призвание Самого – воссоздание „великого и могучего".

Он давно равняется на великие исторические фигуры. Гитлер. Сталин. Пусть называют фашистом! Пусть оскорбляют! А Он недавно опять подтвердил величие вождя Третьего Рейха. Правда, поначалу критикнул, даже идиотом назвал, но главное – подчеркнул положительнейшую роль Гитлера в объединении нации. Почему эти болваны-либералы не замечают Его диалектического, конструктивного подхода к Гитлеру – непонятно.

Неужели не видно, что Он тоже выступает в роли великого, может быть, величайшего объединителя? Потому что Его нация называется советской.

Это будет уникальное зрелище. Он въезжает в Кремль на белом коне. Или на белом „мерседесе"? (Пусть Титенков подумает, что лучше). Колокольный звон по всей стране. Плачущие старушки. Пожилые рабочие и отставные полковники, бросающие вверх кепки и фуражки. Гимн Советского Союза.

И вот Он по всем телеканалам (даже по проклятому НТВ!) провозглашает восстановление отныне действительно нерушимого Союза Советских Социалистических Республик. У Позняка инфаркт. У Шарецкого инсульт. Ельцин в эмиграции на острове Борнео. Чубайс и Немцов в Бутырках. Шушкевич в цепях в Пищаловском замке. Готовится грандиозный судебный процесс над беловежскими заговорщиками.

Счастье было так близко, так возможно... Если бы не эти подлецы, эти предатели, которыми в самое последнее время окружил себя дряхлеющий московский царь! Все было продумано, подготовлено. Оставалось только подмахнуть бумажку...

Теперь придется все начинать по новой. Опять надо садиться с кремлевским стариком за карточный стол. И хотя правильно назвал белорусского правителя один талантливый, но, к сожалению, находящийся на содержании у сионистских спецслужб кинорежиссер джокером, бьющим налево и направо, надо признать – играть становится все тяжелее.

* * *

Неужели Россия, в самом деле, способна оттолкнуть братский белорусский народ? Народ, готовый все с себя снять и отдать последнее старшему брату? Народ, предоставляющий тому же старшему брату дармовой коридор на Запад в условиях охватившего этого брата вражеского кольца?

Он бросил на стол самые мощные свои козыри. „Союз" это не какое-то размытое и вялое „Сообщество". Это то, что народ помнит и хранит свято в своей душе. Тут он верно все просчитал, без ошибок. Какие там

реформы, какой там рынок? Главное, как говорил один крупный политический авантюрист, ввязаться в драку, а там – посмотрим. Он и ввязался. Он сделал широчайший политический жест: „Я возвращаю вам вашу бывшую и любимую родину – Союз!"

Может не получиться? Ну что ж, Его министр Иван Антонович не случайно заявил журналистам, что Беларусь, подобно Кубе, может прожить много лет как „осажденная крепость", этакий „островок социализма" в бушующем океане европейского демократического разврата.

Предатели грубо оттолкнули Его руку. Но Он по-прежнему тверд. Во время публичных выступлений, на телевидении, небрежно улыбаясь, твердит, что независимо ни от чего решения Высшего Совета Сообщества и сегодня обязательны для исполнения. Но наедине с самим собой кусает губы и лупит кулаком в стену. Поскольку понимает прекрасно, что подписанная в Москве 2 апреля бумажка – не более чем обычная идеологическая болтовня, очень похожая на высокопарные и по сути пустые документы о „дружбе и сотрудничестве" коммунистических времен. А Он всегда добивался конкретности. Чтобы было четко записано, кому и что принадлежит, кто и за что отвечает.

* * *

И все-таки Ему по-прежнему кажется, что чутье Его не подводит, что удастся таки толкнуть с торгов эту обнищавшую вконец девку, Беларусь. Во-первых, на Его стороне по-прежнему поддержка и российских и белорусских компатриотов самого широкого спектра – от Зюганова и Ампилова до „славян" из газеты „Завтра", не говоря уже о фашиствующих молодчиках из „Русского национального единства" и членах близких к последней организаций. Во-вторых, и это, может быть, самое главное, – позиция московских либералов. Власть царя Бориса они, конечно, охраняют ревностно. Ибо без нее им – капут. Но вот ведь и молоденький и весьма амбициозный господин Немцов, немножко стесняясь, но тем не менее пробормотал по телевидению, что в отношениях с Беларусью надо учитывать „геополитические интересы России". То есть нравится или не нравится нам Лукашенко – это одно, а самое важное все-таки– геополитические интересы. Выходит, знает кошка, чье сало съела?

Не случайно и г-н Ястржембский, пресс-секретарь московского властителя, заявляет, что избиения демонстрантов в Минске – это „их внутренние дела". Потом, правда, с подачи шефа немножко поправляется, мол, конечно, не все „у них там хорошо", но в общем ладить с ними можно и нужно. А вот разжиревший на „видовских" хлебах и превратившийся в настоящего телебарина ведущий „Взгляда"

Александр Любимов не так давно с очаровательной миной „доброго цинизма" сообщил, что ему вообще все равно, что там, в этой Беларуси, делается со свободой слова и правами человека, главное – „кто у нас, у России, будет ближайшим соседом на западной границе". „И вообще, – добавил г-н Любимов с той же мудрой усмешкой, – я ведь не демократ".

Эту тайну – что *они* не демократы – наш правитель знал давно. Знал, что в большой политической игре верх всегда берут шкурные интересы. На это рассчитывал и рассчитывает сегодня. В правильности этого расчета убеждают и Его личные переговоры с министром иностранных дел России Примаковым. Если Ельцин, подзуживаемый предателями, и позволяет себе брякнуть что-то в радиоэфир насчет того, что он, мол, заинтересован в развитии демократии в Беларуси и будет за этим строго следить, то г-н Примаков публично высказывается в том смысле, что у белорусов все в порядке, и они сами разберутся с собственными проблемами. Значит, не все одинаково играют в ельцинской команде. На это и нужно делать ставку.

Но, пожалуй, самую большую надежду у нашего правителя вызывает позиция беспощадной критикующей Его московской прессы. „Мы не знаем, в каком государстве проснемся 3 апреля!" – в ужасе восклицал публицист „Известий" Лацис, тот самый Отто Рудольфович, которого Он, кстати, легко переубедил при личной встрече ■ том, что никакой разницы в нынешнем экономическом положении России и Беларуси по сути нет.

Ну что, Отто Рудольфович, доволен? Проснулся в своем государстве? Так почему же почти в каждом номере „Известий" продолжаются твои нападки на Беларусь и ее президента? Ответ напрашивается сам собой, стоит только повнимательнее почитать московских защитников рыночной демократии и прав человека.

Что, собственно, их тревожит, отчего они впадают в либеральный шок при одном Его имени? Ну чтобы российская оппозиция во главе с Селезневым и Зюгановым не пришла к власти – это понятно. Чтобы белорусского президента и Его ближайшее окружение не пропустить в Кремль – это само собой разумеется. Чтобы плановая экономика Беларуси не разрушила „прогрессивную" рыночную экономику обновляющейся России – эти страхи тоже известны. Ну и, конечно, демократия, права человека и прочая словесная шелуха...

Но ведь нигде не говорят московские либералы о том, что им дорог суверенитет Беларуси. Напротив, их позиция проста – ежели народ желает, то отчего же? Мы не против... Вот только пусть Лукашенко поправит свой имидж. Хотя бы немножко подретушируется. И все будет о'кей! Вот и тот же Лацис в последней своей статье („Известия", 12

апреля) откровенно пишет: *„Должна ли перспектива поглощения Беларуси сама по себе пугать в России тех, кто не хочет видеть у власти политиков, подобных Бабурину? Ясно, что не должна. Беларусь – не инородное тело для России, и выигрыш от слияния очевиден..."*

И условие ставит: „*... если вполне добровольно и сознательно пойдет на это народ Беларуси... после того, как в уставе будет ясно сказано: равноправие двух столь неравновеликих величин, как Беларусь и Россия, может быть лишь фикцией, сколько бы ни твердили про „одну страну – один голос"*.

* * *

Теперь отбросим прием – „внутренний" лукашенковский монолог – и скажем, что называется, прямиком.

Так вот где, оказывается, собака зарыта! Перспектива „поглощения Беларуси" сама по себе совсем даже не страшная. Дело за малым. Г-н Лацис делает вид, что ему неизвестна воля белорусского народа. А на независимость, суверенитет Беларуси, подобно многим московским либералам, чихать он хотел. Главное – как народ скажет.

И Николай Гончар, известный думец, так искренен, так до конца правдив, что впору разрыдаться вместе с этим присяжным шафером „славянской свадьбы" России и Беларуси. „Если действительно есть настоящая тяга народов к объединению, если действительно русские и белорусы видят свою судьбу общей, в рамках одного государства – в добрый час", – пишет он в „Известиях" за 15 апреля.

Такой вот добрый, демократичный московский дядя... Опять народ будет решать... Замороченный, много раз обманутый, лишенный возможности в полный голос обсуждать свою судьбу белорусский народ. О чем, кстати, и Лацису, и Гайдару, и Киселеву, и Гончару, и многим другим московским либералам-защитникам белорусской демократии и обличителям Лукашенко, отлично известно. Но, защищая и обличая, они вместе с тем как бы и не против... Вот только чтобы демократическая процедура была соблюдена.

Так кто, господа, будет определять „настоящесть", подлинность этой самой тяги к объединению, а точнее – к отказу белорусов от собственной государственности? Те же лукашенковские люди, которые проводили референдум и принимали лукашенковскую же конституцию? Тогда результат известен...

Цинизм ситуации заключается в том, что с помощью демократических словес десятимиллионный народ с древней и самобытной культурой пытаются убедить в его неспособности иметь собственное государство. Дескать, вы, конечно, хорошие, добрые, трудолюбивые, даже талантливые, братки-белорусы, но вместе с тем сами ведь в глубине

души сознаете некую собственную неполноценность... Так давайте уж без экивоков, как говорит г-н Гончар, приступим к „объединению с открытыми глазами". Статус Татарстана вас устраивает? Ну и лады!

И еще одно немаловажное обстоятельство. Есть такое страшное выражение: падающего – толкни. Что делает гуманист? Протягивает руку помощи. Московский либеральный журналист, желающий знать мнение народа, едет в белорусскую деревню и берет интервью у замученной хозяйством полуграмотной старухи. И та говорит, что „раней было лепей, калі разам былі". Социологический замер сделан – можно приступать к интеграции или, как откровенно говорит г-н Лацис, к „поглощению Беларуси". Только без этого ужасного антидемократа... И чтоб все по-честному было и с пользой для России в бумагах записано. Беларусь должна знать свой шесток – в качестве „субъекта". Или нескольких „субъектов", ежели областями входить... Опять-таки – как народ пожелает.

Московские либералы – большие демократы.

* * *

Великий торг продолжается. Купцы то ударят по рукам, то вновь разойдутся... А вокруг торгующихся стоят московские болельщики. Подзуживают, советы дают... Плечом к плечу стоят и записные либералы, и ортодоксальные коммунисты. Забота у них одна, общая – как получше, с выгодой для себя купить, „поглотить" Беларусь. Либералам, разумеется, важно лицо соблюсти. Коммунисты, те, конечно, откровеннее... Смоленская областная дума подключилась: предлагает сделать Смоленск столицей будущего Союза.

У каждого свой интерес. Объединительные спекуляции продолжаются...

Но ведь есть и свой подлинный интерес у белорусов. Заявят ли они о нем?..

Да так, чтобы всем „друзьям Беларуси", левым и правым, дальним и ближним, стала действительно видна и ясна воля нашего народа".

Семен Букчин.

„Народная воля", 18.IV.1997.

В ОСНОВЕ ЖЕЛАНИЯ ОБЪЕДИНИТЬСЯ ЛЕЖАТ ЛОЖНЫЕ ЦЕЛИ

„Россия сама еще с трудом выбирается из тоталитарного прошлого. Но несмотря на это, в России заложены определенные принципы развития – конституционные, в сфере законодательства, – которые, если

не прикладывать определенных усилий по их дальнейшему развитию, могут быть элементарно похоронены, и Россия может повернуть вспять. А если сюда добавить объединение с Беларусью, то реакционные силы Беларуси и России просто утопят обе страны вместе".

Сергей Юшенков,
депутат Государственной думы России.
„Белорусская газета", 19.V.1997.

МЕЖДУ ПЛОХИМ И ОЧЕНЬ ПЛОХИМ

„Мы не можем и не должны навязывать Беларуси какую бы то ни было форму интеграции с Россией. Вместе с тем, учитывая набор исторических обстоятельств, мы не можем и отказать Беларуси, если она того захочет, в самой тесной интеграции с Россией. Это как бы даже не вопрос экономической целесообразности, это вопрос морали. Мы слишком близкие народы, чтобы Россия могла сказать: отделилась Беларусь – и слава Богу. Поэтому если белорусское общество (белорусская демократия, а не автократы) будет реально ориентировано на самые тесные интеграционные отношения с Россией, то мы обязаны будем идти навстречу – естественно, в рамках здравого смысла".

Егор Гайдар,
председатель партии
„Демократический выбор России".
„Свабода", 11.XI.1997.

БЕЛАРУСЬ „ДОИТ" РОССИЮ

„Лукашенко последовательно проводит курс на объединение с Россией. Этому может быть только два объяснения.

Вариант первый: это просто убаюкивающая российского медведя риторика, под аккомпанемент которой можно продолжать тихо эксплуатировать выгоды своего транзитного статуса.

Вариант второй: это не просто слова, а реальные намерения. Однако в масштабах единого союзного экономического пространства многие преимущества нынешней хозяйственной модели Беларуси автоматически утрачиваются. Вряд ли Лукашенко не отдает себе в этом отчет. Некоторые аналитики склонны считать, что он способен навязать России свои правила игры. Но для этого ему предстоит схлестнуться с российским капиталом, привыкшим „жить и работать" совсем по другим правилам. Не боится ли, наконец, Александр Григорьевич просто увязнуть в нашем бардаке? Ведь задачка аншлюса России куда

как сложнее, чем приструнить десятимиллионную Беларусь с расстояниями дневного танкового перехода?

И все же при наличии альянса с силовыми структурами в России (как знать, возможно, он выстраивается уже сейчас) и при поддержке значительной части региональных политических элит в европейской части России его шансы стать президентом Союза России и Беларуси могут оказаться не нулевыми".

Александр Ивантер, Юрий Шевцов.
„Эксперт", 1997, № 21.

БЕЛОРУССКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ПЕРЕОЦЕНИЛ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ

„Если я правильно понимаю, сейчас команда Ельцина хочет сделать такой шаг, который характеризуется белорусской пословицей „рыбку съесть и ног не замочить". Они очень хотели бы прибрать к рукам Беларусь. Кроме экономики и политики, это необходимо еще и как компенсация в психологическом плане – после потери Чечни. С другой стороны, они не хотят пускать ■ кремлевские палаты Лукашенко. Они его боятся. Они хорошо знают, что Лукашенко, кстати, не без московских советников, отработал методики работы с менталитетом советского человека. А этот менталитет ■ Беларуси наиболее сильный. И не зря Лукашенко так активно работает ■ информационном и пропагандистском плане на российские регионы – того самого люмпена, который отодвинут от дележа приватизационного пирога. Поэтому Кремль в определенной степени Лукашенко боится и сделает все, чтобы он себе политического капитала в России не нажил.

Сам Лукашенко всерьез верит ■ шапку интеграционного Мономаха и всерьез надеется, что вырвется впереди Ельцина как „молодой политик", благодаря чисто возрастным качествам. И поэтому попытки Москвы придержать его, особенно если помнить о специфике его характера, воспринимаются им очень нервно, – у него фактически отбирают палочку-выручалочку. Ведь если у него ничего не получится, если он не станет ведущим в интеграционном процессе и, соответственно, не попадет на кремлевский трон, то остается ни с чем. С должности белорусского президента у него только две дороги – или в Кремль, или совсем в другое место".

Винцук Вечерка,
заместитель председателя
Белорусского народного фронта.
„Белорусская газета", 14.IV.1997.

СВОЯ СТРАНА – ЭТО ВСЕГДА ЛУЧШЕ

„Надо думать, московский истеблишмент понимает, с какой именно Россией хочет объединяться Лукашенко. Белорусский диктатор никогда особенно не скрывал своих политических притстрастий, он регулярно посылал публичные проклятия „людям, которые бездарно раздавили и растоптали советское государство", – но при этом, пресмыкаясь и лебезя перед российскими властями, не демонстрировал открытой поддержки близким ему российским политическим силам. Ныне (видимо, учитывая появление на самых высоких постах в российском правительстве людей, от которых Лукашенко априори не получит даже минимальной поддержки) белорусский диктатор окончательно сбросил маску. На „конгресс народов СССР" в Минск съехались самые махровые представители российских „красно-коричневых". Лукашенко выступил перед ними с проникновенной речью, в которой назвал их „братьями".

Совершенно очевидно, что объединение с лукашенковской Беларусью несет в себе огромную опасность для самой России. А, соответственно, и для Европы, которая в случае прихода к власти российских шовинистов получит противостоящего ей врага".

Вадим Казначеев.
„Свабода", 18.IV.1997.

НЕ ЗАРУЛИТЬ БЫ В СЛАВЯНСКИЙ ТУПИК

„Если мы провозглашаем себя демократией, то стоит учесть: для лидера современной демократической державы даже символический союз с деятелем типа Лукашенко непредставим... Что же касается так называемого „славянского единства", то исторически оно находится в одном ряду с „единством арабским" или „исламским" и полностью разделило их судьбу. Уж коли забылась печальная участь панславянского проекта Александра II, когда освобожденные от турок братушки поспешили переориентироваться на Берлин, то стоит вспомнить все перипетии объединительных проектов Насера и Каддафи.

А если мы считаем себя державой недемократической, ставящей имперские и этнонационалистические интересы куда выше общечеловеческих „благоглупостей", то непонятно – зачем давать поглощаемому соседу столько прав? Раз братский славянский народ отдает нам право государственного первородства, то объективно участь Белоруссии – быть лишь одной из покорных сатрапий, не очень крупной и небогатой.

...Чтобы выйти из ситуации достойно (если, конечно, полагаем себя демократами), необходимо прежде всего обратиться к гражданам России: дескать, согласны ли вы пойти на существенные социально-экономические издержки (с приблизительной, но калькуляцией оных) ради того, чтобы принять в свое государство соседний народ, с которым нас связывают века тесной дружбы и который счел свою суверенную национальную государственность несостоятельной? При этом, разумеется, мы берем на себя обязательство никогда не попрекнуть братьев белорусов куском хлеба. Получив одобрение такой позиции у сограждан, наше руководство должно обратиться к соседям: народ России согласен на объединение, но мы не можем иметь союз с антидемократическим режимом. А потому либо руководство Белоруссии восстанавливает в стране демократические порядки, обеспечивает полную свободу прессы и политической деятельности, проводит полноценные демократические выборы ■ высший представительный орган, полномочный решать конституционные вопросы, в том числе и об утрате суверенитета в госсоюзе с РФ. Либо Россия согласна возобновить разговор об объединении только после того, как адми-нистрация Лукашенко, не способная к управлению в условиях демократии, ради великой цели славянского единства сама устранится от власти".

Евгений Ихлов.
„Общая газета", 24–30.IV.1997.

КОТЛЕТЫ И МУХИ СЛАВЯНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

„Среди московских политиков по-прежнему существуют две точки зрения на одно объединение. Первую отстаивают чиновники в правительстве, ответственные за интеграцию: Валерий Серов и Аман Тулеев, а также министр иностранных дел Евгений Примаков и самое главное – премьер-министр Виктор Черномырдин. Они говорят, что, мол, если мы сегодня оттолкнем Беларусь, то завтра этим воспользуется Запад и загребет республику под себя... Что до фельдфебельских замашек президента-соседа, то сторонники форсированной интеграции уверены, что здесь проблем не возникнет. „Он (Лукашенко) не так глуп, как вам кажется. Лишь запахнет реальными деньгами из Москвы, он будет ходить по струночке", – откровенничал несколько месяцев назад Сергей Шахрай в беседе с корреспондентом „Итогов"... Однако команде „молодых реформаторов" в правительстве во главе с Анатолием Чубайчом перспектива объединения с Беларусью видится иначе. Они явно не готовы ради сомнительного геополитического выигрыша посадить себе на шею неуправляемого диктатора.

Противники форсированной интеграции не хуже сторонников знают обо всех преимуществах сближения двух стран. Они прекрасно понимают, что Беларусь – это новое „окно в Европу", что союз с западным соседом приблизит к отчизне анклав Калининград и развяжет руки российским экспортерам, в первую очередь нефтяникам и газовикам. Однако „молодые реформаторы" еще с детства выучили правило общепитовских столовых – „мухи отдельно, котлеты отдельно". И к интеграции они подходят так же, как к школьному обеду. Их лозунг сегодня: за объединение с Беларусью, но не с Лукашенко.

Команда Чубайса не верит в чудесное перерождение президента дружественной страны. Минский хищник едва ли превратится в агнца. По его милости российский бюджет продолжает терять миллиарды на неурегулированности таможенных тарифов, российский налогоплательщик возмещает прощенные Беларуси долги за газ и нефть, а российские журналисты что-то слишком часто стали испытывать на себе удаль минских омоновцев".

Дмитрий Пинскер.
„Итоги", 1997, № 22.

ЗА „УТЕШАЮЩИЙ ОБМАН" НАДО ПЛАТИТЬ

„Равноправное объединение России и Белоруссии невозможно в принципе. Как не может быть федерации Германии и Люксембурга или Китая и Монголии... Но если невозможно равноправное объединение, то, может быть, возможна инкорпорация Белоруссии в Россию (или прямая, когда белорусские области становятся российскими „субъектами федерации", или в смягченной форме, при сохранении какого-то особого статуса, вроде Татарстана)? Мне думается, что практически невозможно и это. Прежде всего, если русские, хотя и довольно вяло (народ у нас явно меньше озабочен территориальным расширением, чем „элита"), приветствовали бы это, то большинство белорусов этого, несомненно, не хотело бы. Одно дело – равноправный союз, другое – „самоликвидация". А для значительного, социально очень значимого и растущего белорусского меньшинства такая перспектива неприемлема категорически. Но дело опять-таки не в желаниях народов, сколько в интересах правящих верхушек.

Российская власть, конечно, с удовольствием проглотила бы белорусский кусок, но при одном условии – если при этом можно будет „выплюнуть кость", Лукашенко, не пустив его и его избирателей на

российскую политическую арену или сведя их значение на этой арене к минимуму. Оценить перспективы Лукашенко на российской сцене очень трудно, но никто из имеющих реальную власть, от Ельцина до Зюганова, рисковать не хочет. Все боятся и надеются, что как-то удастся Лукашенко обдурить – все-таки „простой белорусский мужик". (Готовы признавать Лукашенко лишь те, кому нечего терять и кто настроен на азартную игру с неопределенным исходом). Но мне думается, что обдурить Лукашенко, взяв у него Белоруссию и дав ему взамен какую-нибудь чепуху, не удастся.

Белорус Лукашенко – патриот Белоруссии не больше, чем корсиканец Наполеон был патриотом Корсики, а Гитлер – Австрии. За перспективу стать хозяином большой страны он вполне своей маленькой пожертвует. Но только за такую же перспективу. Так просто, за здорово живешь, ни один президент страну, [redacted] которой он – президент, не отдаст. И когда Лукашенко говорит, что не собирается поступаться суверенитетом Белоруссии, он совершенно искренен. И стоять на страже этого суверенитета он будет не менее упорно, чем стояли бы Шушкевич или Позняк.

Таким образом, все пытаются обмануть друг друга, все „пишут два, а пять держат в уме", все „мутят воду", надеясь поймать какую-то рыбку. Кто же ее поймает, кто выиграет [redacted] этой темной объединительной драке? В ближайшей перспективе, очевидно, выиграет Лукашенко (в конечном счете он, несомненно, проиграет, но не в этой белорусско-российской игре, а [redacted] игре со своим народом). Если бы вдруг свершилось невозможное – возник действительно равноправный союз, – Россия заплатила бы очень много. Если бы она просто инкорпорировала Белоруссию (что тоже нереально), правящая верхушка России заплатила бы появлением на политической арене новой иррациональной силы. Но почти несомненно, что ни того, ни другого не будет. А будет какое-то очередное объединительное шоу, а все останется, как прежде. Но и за это тоже придется платить. За интеграцию придется платить. За то, чтобы она не была чрезмерной, – тоже придется платить. И дальше мы тоже будем платить, За то, чтобы Лукашенко не слишком уж бросался бы к нам в объятия. И потому, что он, несомненно, будет и впредь шантажировать наших правителей, говоря, что они на самом деле интеграции не хотят, ибо похоже, что истинные хозяева – в Вашингтоне и Тель-Авиве, и угрожая, что терпение его может иссякнуть и он может обратиться на Запад".

Дмитрий Фурман.
„Общая газета", 15–21.V.1997.

КУЛЬТУРА УТОПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ВЫБОР НАЦИОНАЛЬНОГО ПУТИ

„Главная причина трагической судьбы народа на протяжении последних двухсот лет – выбор неестественного пути, который не отвечает ментальности народа, духу его культуры и привел общество к харизматическому состоянию. Это путь политических „уний", „союзов", „зон", по-нынешнему – „интеграций". Такие идейные категории, как „семья", „Отчизна" (К.Чорный), „свой человек" (В.Быков), превратились в свою противоположность... Белорусская фантасмагория ставит культурного героя – интеллигенцию – перед необходимостью выполнить миссию врача ■ больном харизмой, зомбированном обществе, где сложилась новая разновидность „бедных людей" – вовкалаков и вынужденных доносчиков...

События новейшего времени показали, что национальная интеллигенция недооценила угрозу со стороны духовного янычарства. Социальные низы оторваны от своей собственной духовной сокровищницы. Сделать ее достоянием массового сознания – первоочередная задача государственного значения".

Алексей Рагуля.

„Беларусіка–Albarutenica", 1997, кн.6, ч.2.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ГРАНИЦА РОССИИ?

„Наивный вопрос? Ну там, за Смоленском... Не торопитесь, однако. Это смотря откуда глядеть. Припоминается мне годичной, кажется, давности беседа ныне свежеиспеченного российского премьера, а тогда, естественно, министра иностранных дел, с одним дотошным московским журналистом. Летели они вместе куда-то на Запад. Журналист „допекал" премьера „белорусской проблемой". И тот ответил очень образно:

– Сейчас мы сколько летим до Бреста? Часа полтора? А ежели Беларусь потеряем, то сколько будет лету из Москвы до нашей границы, до Смоленска? Тридцать минут? Вот и вся проблема.

Правильно, Беларусь терять нельзя. Поскольку в противном случае западная граница России как раз пройдет по меже Великого княжества Литовского. Да и насчет Смоленска и даже Вязьмы наши патриоты из крутых еще могут поспорить. Говорят, Примаков – государственник. Чужого не возьмет, но и своего не отдаст. А Беларусь – это, конечно же, свое, кровное. Ну там суверенность-независимость это, конечно, как полагается... Кого сегодня этими побрякушками удивишь? Но по сути Беларусь – это же часть России!

В этой оценке российский патриотизм от зюгановско-жириновского до самого профашистского толка давно сомкнулся с либеральными российскими государственниками. Последние у себя дома и тем более в гостях, в Беларуси, такое откровенно заявлять еще стыдятся. А вот за границей не стесняются. Известный польский публицист Стефан Братковский пишет в газете „Rzeczpospolita" о том, как разочаровал поляков соратник Григория Явлинского по „Яблоку", председатель думского комитета по международным делам Владимир Лукин, заявив в Варшаве, что „Беларусь – это часть российского тела". А Егор Гайдар, по свидетельству того же Братковского, объявил своим польским слушателям, что „Беларусь – это плод каприза Сталина".

И ведь никаких дипломатических демаршей с белорусской стороны на эти заявления не последовало. А чего, собственно, возражать и обижаться, если курс взят на одно государство?"

Семен Букчин.

„Народная воля", 16.IX.1998.

5 мая 1998 г. лидер российских коммунистов Г.А.Зюганов направил Лукашенко проект, содержание которого комментируется в следующем материале.

НОВЫЙ ФОКУС „ИНТЕГРАСТОВ": ЗА НАШИ ДЕНЬГИ – НАМ ЖЕ РАБСТВО

„Что же предлагается в проекте, приложенном к письму Зюганова?

„Создание красной энергетическо-сельскохозяйственной системы (Союза), в которой КПРФ объединит ряд красных (или приближающихся к ним) регионов бывшего СССР с целью решения их проблем энергетики, продуктов питания, загрузки предприятий кооперированным производством и взаимным обеспечением сырьем, полуфабрикатами, новейшими технологиями.

Например, такой Союз мог бы охватывать следующие регионы: Минск, Крым, Краснодар, Волгоград, Ставрополье, Калмыкия, Дагестан, Казань, Уфа, Воронеж, Курск, Тула, Кемерово, Якутия, Бурятия. Состав Союза должен уточняться руководством КПРФ..."

Полный срок реализации проекта – 7 лет... Расчеты экономистов-экспертов из Института демократии БНФ показали – с экономическоцй точки зрения проект в прямом смысле этого слова ветрогонный, прибыль будет невозможно получить ни при каких условиях. Но деньги в Россию будут „закачиваться" из Нацбанка Беларуси, то есть из нашего с вами кармана. По сути дела, ветрогонный проект есть „крыша" для

вроде легального перекачивания денег на выборные кампании коммунистов, лукашистов, славянистов против нынешней „вражеской государственной власти". Именно так товарищ Зюганов и его окружение называют в послании руководство России.

Под видом интеграции российские коммунисты пытаются захватить власть. Становится ясным, почему так настойчиво, упорно и рьяно они ратуют за Союз Беларуси и России... Цинизм беспредельный – за наши же деньги нас в кабалу. Вот такая интеграция".

Владимир Глод,
Владимир Подгол,
„Народная воля", 21.VII.1998.

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, БЕЛОРУСАМ НЕОБХОДИМО ВОССОЕДИНЯТЬЯ

„Индивидуализм – идеология здоровых. Чернобыльская нация может выжить только культивируя коллективистское, корпоративное, если хотите, – общинное мышление... И Лукашенко, как только необходимо выдвинуть новую интеграционную инициативу или получить дополнительную поддержку масс, направляется именно в чернобыльские районы. Эти области – основная электоральная база белорусского президента...

Чернобыльцев ассимиляция не пугает. Что такое белорусский язык по сравнению с болезнью собственного ребенка? Воссоединение чернобыльских районов с сильной страной – одна из форм вышибания из этой страны взамен на геополитику и лояльность власти хоть какой-то помощи.

Но те, кто думает, что экспортный вариант белорусской интеграционной идеологии на базе славянства – это серьезно, сильно ошибаются. Чернобыль ставит точку на белорусском национализме. Ибо национальное, замкнутое в себе государство не дает шансов спавстись и вылечиться. Чернобыльская нация по определению настроена на интеграцию с кем бы то ни было. Сегодня это проще проделать с Россией... Авария трансформировала сущность народа и общества. Она требует от Минска глобальной активности и культивирования внутри страны очень незамкнутой, ненационалистической в обычном понимании этого слова идеологии".

Юрий Шевцов, политолог.
„Общая газета", 2–8.VII.1998.

В ЕВРАЗИИ МОЖЕТ ПОЯВИТЬСЯ НОВОЕ ГОСУДАРСТВО

„Недавнее заседание Исполкома Союза Белоруссии и России придало новый импульс интеграционным устремлениям двух стран...

На первом этапе – весной 1999 года – предполагается проведение референдума в Белоруссии и России о желании народов жить в едином государстве... На втором этапе в конституции обеих стран должны быть внесены положения о наднациональных органах управления. И, наконец, венцом интеграционного творения должны стать прямые выборы осенью 1999 года в двухпалатный союзный парламент, который, в свою очередь, изберет руководителя нового государства и премьер-министра.

... Белорусский независимый институт социально-экономических и политических исследований, который в сентябре провел очередной общенациональный опрос, отмечает, что жители республики весьма своеобразно отреагировали на российский кризис – ростом популярности Александра Лукашенко и нарастанием скептицизма по поводу интеграции с Россией.

50,8% респондентов хотят видеть оба государства независимыми с добрососедскими отношениями... 26,1% опрошенных выступают за союз двух государств и 20,1% – за объединение в одно государство. А 60,8% принявших участие в опросе в будущем хотят видеть Белоруссию независимой и нейтральной страной.

В то же время, 44,7% респондентов в случае, если будет утвержден пост президента объединенного государства, хотят видеть на нем Александра Лукашенко.

...Однако процесс законодательного объединения может серьезно осложниться другим: на разыгрываемой сегодня интеграционной партитуре темнеет весьма неприятное пятно, которое даже общими усилиями не удается стереть. Легитимность Национального собрания Белоруссии до сих пор не признана Западом, в частности ОБСЕ, а это означает, что в будущем, если единый парламент все-таки возникнет, подобное обстоятельство может значительно осложнить его деятельность".

Светлана Карпекова.
„Известия", 22.X.1998.

ЕДИНЫЙ ПАРЛАМЕНТ РЕСПУБЛИК СВОБОДНЫХ

„Депутаты от России и Белоруссии, входящие в парламентское собрание союза двух государств, находятся в эйфории. На своем

девятом заседании, состоявшемся 2 ноября в Ярославле, они преобразовали парламентское собрание в единый представительный и законодательный орган – парламент Союза.

Госдума России и Национальное собрание Белоруссии сделали еще один шаг к объединению двух независимых государств, некогда входивших в „союз нерушимый республик свободных"... Не случайно на открытии сессии звучал гимн Советского Союза, принятый депутатами в качестве гимна Союза Белоруссии и России, но не утвержденный главами двух государств. Правда, для реального союза одного гимна будет, пожалуй, недостаточно".

Гаяз Алимов.

А вот появился и третий интеграционный игрок – Югославия. Поначалу никто не верил в серьезность и возможность такого объединения. Но весной следующего года грянет конфликт в Косово, пойдут натовские бомбардировки, под аккомпанемент которых „союз трех" начнет обретать более зримые черты.

ЯРОСЛАВСКИЙ БЕНЕФИС ВОИСЛАВА ШЕШЕЛЯ

„Глава сербских радикалов не только присутствовал ■ зале, но и был допущен на трибуну. Смысл выступления гостя сводился к следующему: сегодня югославская делегация пока еще имеет статус наблюдателя на парламентском форуме Союза, но в скором времени она должна стать его полноправной участницей. Речь Шешеля аудитория встретила овацией.

Вот уж поистине венец интеграционных усилий российской дипломатии. К союзу Москвы с Александром Лукашенко не хотят присоединяться ни Украина, ни Казахстан, ни другие республики бывшего СССР, восстановление связей с которыми жизненно важно для России и ■ экономическом и в политическом плане. Но вот наконец замена найдена – сербы.

У них, правда, нет общей границы ни с нами, ни с белорусами, но зато есть ■ качестве приданого целых четыре войны. Одна уже идет – с двухмиллионным албанским меньшинством. Другая может начаться ■ любой момент – со всем блоком НАТО. И еще две, проигранные, – в Боснии и Хорватии".

Максим Юсин.
„Известия", 4.XI.1998.

ЗАКРЫТИЕ СВАБОДЫ"

ОШЕЙНИК ПОТУЖЕ И ПОВОДОК ПОКОРОЧЕ,
или
О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ ПО-БЕЛОРУССКИ

„Ликвидировав, по сути, основные демократические институты, белорусский режим в некотором раздумье остановился перед несколькими независимыми газетами. Сначала попытался придушить их изгнанием из монополизированной государством типографии „Белорусский дом печати", налоговыми проверками, безумными штрафами. Не помогло. Придавили Белорусский фонд Сороса, выступавший, по мнению властей, главным спонсором оппозиционных газет. А те по-прежнему выходят.

Тогда поняли, что проблему нужно решать капитально. Началась работа над таким законом, чтобы вольному слову вовсе дышать стало невозможно. И вот удавка уже готова. Государственным комитетом по печати подготовлен проект закона „Об изменениях и дополнениях в Закон Республики Беларусь „О печати и других средствах массовой информации".

... Новый проект закона направлен на то, чтобы максимально затруднить процесс формирования новой прессы в Беларуси и заставить умереть те немногочисленные независимые и критические по отношению к режиму издания, которым удалось выжить.

... Итак, Лукашенко удостоился персональной охраны с помощью специальной статьи. Он у нас теперь „президент в законе". Критиковать его – значит порочить честь и достоинство. Следовательно, будешь отвечать по тому же закону.

... Почему в других странах Восточной Европы после обретения независимости первым же делом освободили прессу? Потому что там понимали – никакие прогрессивные процессы не пойдут без этого освобождения. Старые издания акционировались, возникали новые. Госу-

дарство не влезало в эти процессы. А у нас даже новые крупные издания („Народная газета", „Рэспубліка") возникали как государственные.

А все потому, что процесс у нас шел иной. Не раскрепощение общества, личности, гражданина, а смена одного авторитарного режима другим. Потому и печать такая. И проект нового закона о печати вполне соответствующий...

Принятие этого закона означает смерть для подлинно независимых газет Беларуси. Останутся, конечно, всякие коммерческие издания, холуйские, бульварные, развлекательные ■ прочие газетки, которые скопом будут символизировать независимую прессу в Беларуси. Выживут сросшиеся с правящей бюрократией пошлые радиостанции. Ну и, конечно, будет жировать прикормленная и поразительно бездарная государственная пресса вкупе с „зимовским" телевидением.

Лукашенко желает, чтобы его рейх был на века. А ■ рейхе нет места свободной прессе. Но и рейхи, как показывает история, недолговечны".

Семен Букчин.
„Народная воля", 12.VIII.1997.

СУД ВЫПОЛНИЛ ВОЛЮ ПРЕЗИДЕНТА: „СВАБОДУ" ЗАКРЫЛИ

„Вчера высший хозяйственный суд принял решение прекратить деятельность газеты „Свабода". Приговор был оглашен ■ 14.00, уже после подписания номера в печать, поэтому мы не имеем возможности подробно рассказать о судебном процессе. Но, по сути, судебного процесса не было. Судье М.Клименковой, которая рассматривала дело, понадобилось всего 15 минут, чтобы вынести решение о закрытии „Свабоды". Судья огласила, что решение вступает ■ законную силу с момента его принятия. Это означает, что с сегодняшнего дня „Свабода" не имеет права выходить ■ свет – лицензия аннулирована.

Уважаемые читатели, мы не прощаемся с вами! Редакция „Свабоды" намеревается начать выпуск нового издания".

„Свабода", 25.XI.1997.

С середины января 1998 г. „Свабода" стала выходить под новым названием – „Навіны".

БЕЗ ЛИШНИХ ИЛЛЮЗИЙ

„После запрета „Свабоды" правды в белорусском обществе, несомненно, стало меньше, но не уменьшилась жажда ее, скорее

наоборот. Чем больше диктаторский режим будет душить правду, тем большая будет в ней нужда. В этих условиях возрастает доля ответственности пока еще уцелевших средств массовой информации, хотя их судьба также предопределена. Рано или поздно они также будут уничтожены. Режим на Беларуси обосновывается „всерьез и надолго", эта власть ни на какие отношения, ни на какие права человека не будет обращать внимания. И здесь важно, чтобы независимые СМИ не имели ненужных иллюзий насчет возможностей уцелеть с помощью компромиссов. Невысказанная сегодня правда может остаться невысказанной никогда. Об этом нужно помнить тем, кто еще имеет голос, кто не онемел в это хищное время. И пока еще есть кому слушать".

Василь Быков, народный писатель.
„Навіны", 16.I.1998.

ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА – „СВАБОДА"

„Думаю, что даже среди завзятых критиков никто не будет возражать, что мы имеем дело с большим явлением. С главной газетой белорусского возрождения 90-х годов. С наиболее принципиальной белорусской баррикадой на пути деспотизма. С газетой, существование которой стало индикатором политической ситуации в стране. Остановив „Свабоду", можно уже остановить все. Кто-то назвал закрытие „Радио 101.2" национальной катастрофой. Закрытие же „Свабоды" – это вырывание страницы из книги белорусской истории.

„Свабода" просуществовала семь лет. И я думаю: куда же нас отбросили? В 1990-й? Непохоже. Тогда все новое и белорусское только набирало разбег. Известно, чего только не испытала, не пережила „Свабода". И легально выходила и нелегально. И в Латвии, и в Мо-гилеве, и на МАЗе. Кто только ее не закрывал. Но никогда она не прекращала выхода. В 90-м на сегодняшние санкции хозяйственного суда никто бы попросту не обратил внимания. Да и не могло быть таких санкций.

А может, мы возвращаемся ■ 1987-й, когда КГБ арестовал тираж подпольного журнала „Бурачок"? Но тогда, в ответ, вслед за „Бурачком" будто из рога изобилия посыпались неформальные, как тогда говорили, издания.

Еще ранее, до середины 80-х годов, сравнивать вообще не с чем. Конечно, выходили альтернативные публикации, но речи не было о том, чтобы что-то закрывать. Потому что закрыть означало признать, раздуть локальное дело какого-то одиночки в настоящее диссидентское движение.

Сегодня „Свабода" – одна из самых влиятельных газет. Ее редактор знает, что такое омон и что при минимальной попытке неподчинения он

отправится следом за Адамовичем или Винниковой, либо Старовойтовым – в снова прославленную первым президентом „американку".

А может с „американки" и следует начинать отсчет времени? От сталинской брутальности? В книге белорусской истории это – все еще непрописанная и незакрепившаяся глава. Но и тогда не закрывали независимые газеты. Их попросту уже не было. Так что же – возвращаться во времена большевистского красного террора? В 20-й год? На 80 лет назад?

Логика подсказывает именно такой ответ. Это они только говорят – „плыть в революцию дальше". В действительности же реванш коммунизма начинается не с того момента, когда у него отобрали власть, а всегда сначала. Пускай он называется как-то иначе, но мы знаем, что такое коммунизм. Мы же видим, что „Свабоду" закрыли так же, как закрывали либеральные и национальные издания большевики во главе с Эдмундовичем. И это означает, что Лукашенко обещает нам не столько возвращение в советское время, сколько повторение советской истории – с самого начала. От Мясникяна и Кнорина. Вот какая страница открылась, когда они вырвали из книги „Свабоду".

Сергей Дубавец.
„Наша ніва", 1.XII.1997.

„В БЕЛАРУСИ РАЗРУШЕН ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН ДЕМОКРАТИИ"

„Приказав закрыть газету „Свабода", Высший хозяйственный суд Беларуси разрушил последний бастион демократии в стране. Это открытый вызов международному сообществу, который демонстрирует полное пренебрежение основными принципами демократии и прав человека. Это еще один образец авторитарных решений, которые принимает президент Лукашенко. Мы не можем остаться равнодушными и ничего не предпринимать, наблюдая только за автократическим режимом. Закрытие „Свабоды" – это более чем обычное неуважение к свободе высказываний и распространению информации. Это лишение политической оппозиции последней платформы, а также централизация всей информации в руках правительства, которое явно не желает, чтобы Беларусь двигалась по пути демократии".

Лени Фишер,
председатель Парламентской ассамблеи
Совета Европы.
„Имя", 5.XII.1997.

С протестом против закрытия „Свабоды" выступили представители европейских средств массовой информации, редакторы крупнейших газет Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, России. Специальное заявление от имени правительства сделал Госдепартамент США.

ДЕЛО ПАВЛА ШЕРЕМЕТА

В конце июля 1997 года власти арестовали группу журналистов ОРТ во главе с Павлом Шереметом, снявших сюжет на белорусско-литовской границе. Из показанного по российскому телеканалу репортажу стало очевидно, что белорусско-литовская граница на ряде участков просто фикция и может быть свободно преодолеваема с обеих сторон. Журналистам предъявили обвинение в „нарушении государственной границы", хотя всем нормальным людям было ясно, что это месть режима, не терпящего о себе ни слова правды.

Начался тяжелый многомесячный марафон „борьбы за Шеремета", которую с одной стороны вела либеральная пресса Беларуси и России (при эпизодическом подключении официальных российских властей), а с другой – закусивший удила белорусский диктатор.

ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

„Кавказский опыт показывает, что захват заложников, в том числе и журналистов, – промысел весьма прибыльный. Опыт „солдат ислама" творчески освоен в Беларуси. Арест и удержание в тюрьме Павла Шеремета и Дмитрия Завадского – что это, как не захват заложников, превращение их в предмет политической игры и политического торга с Москвой? Чеченские власти говорят, что понятия не имеют, где удерживаются захваченные журналисты, белорусские власти заявляют, что судебная власть в Беларуси независима, и только она определит судьбу задержанных журналистов. Все объяснения стоят друг друга".

... В „Советской Белоруссии" в статье, посвященной „делу Шеремета", автор восклицает: „Зачем полезли на границу? Забыли историю с воздушным шаром?"

Аргумент очаровательный. Как говаривали в Одессе: „Рабинович, спрячьте свой нос, не провоцируйте погромщиков". Погромщиков

невозможно спровоцировать – они изначально „спровоцированы" на погром.

И остановить погром может только солидарность людей, готовых противостоять насилию".

Юрий Дракохруст.

„Белорусская деловая газета", 18.VIII.1997.

ТЕРПЕНИЕ МОСКВЫ НА ПРЕДЕЛЕ

„Терпение Москвы на пределе, – заявил пресс-секретарь президента РФ Сергей Ястржембский в прямом эфире радиостанции „Маяк". – Если официальный Минск заинтересован в том, чтобы союз России и Белоруссии существовал не только на бумаге, он должен быть подкреплен какими-то конкретными делами. В частности, должна быть решена судьба журналистов.

По его словам, происходящее в Беларуси должно стать уроком и для России. В подобных ситуациях геополитические интересы должны отступать на второй план, и все ресурсы государства должны использоваться для обеспечения безопасности своих граждан, сказал Сергей Ястржембский. В том случае, если журналисты не будут освобождены, подчеркнул пресс-секретарь президента, „у союза будет мрачная перспектива". Защита Кремля распространяется и на тех журналистов, которые не являются гражданами России, но аккредитованы как российские журналисты, отметил Сергей Ястржембский".

„Известия", 22.VIII.1997.

Все эти грозные слова оказались, однако, не более чем сотрясением воздуха. И геополитические интересы в „деле Шеремета" все-таки возобладали. И Лукашенко надавал кучу пощечин и вылил груду невероятных оскорблений по адресу российской власти. Россия только утерлась...

МИРАЖИ АНАЛИТИКОВ И ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ

„В истории о том, как белорусский диктатор внаглую посадил за решетку российских журналистов и стал – руки в боки, глаза в потолки – дожидаться реакции России, бьет в глаза контраст между резкой (хотя и замедленной) реакцией президента Ельцина и бездействием МИД.

... Было и продолжается намеренно непристойное поведение, эпатажный отказ соблюдать общепринятые нормы. Призывать тут глубокомысленно-благонравно обе стороны „найти выход" значит

ставить Россию в ложное положение. Вот именно опираясь на незыблемые (их и захочешь – не поколеблешь) ценности – на близкое родство двух народов, Россия должна, обязана и теперь, и дальше с достаточной силой воздействовать на союзное государство, понуждая его двигаться, пусть медленно, в демократическом направлении.

„Мы знаем истинные мотивы тех, кто противостоит этому союзу, смысл всех возражений против него...” Не надо изощряться в имитации многознания. Мотивы были открыто выражены ■ письме, которое подписали В.Астафьев, Булат Окуджава, Б.Покровский, академик Лихачев и другие: „Безнадежно советский человек, не стесняющийся публично выражать свое одобрение Гитлеру и Сталину...” – и в заголовке письма, напечатанного в „Известиях” 2 апреля, в день встречи президентов: „Но не такой же ценой!” Не хотели и не хотим, во имя чего бы то ни было, потакать доморощенному диктатору и предавать российских граждан, белорусских журналистов и затравленную нашим союзником всю инако, чем он, мыслящую интеллигенцию и интересы всего населения, желавшего порядка, но оказавшегося, по словам С.Алексиевич, в исторически черной дыре.

Но ценности наших идеологов внешней политики дрейфуют в иную сторону. И это более серьезное явление, чем выкрутасы Лукашенко... Защита жизни, свободы и прав человека для многих чиновников, политиков и политологов быстро стала абстракцией”.

Мариэтта Чудакова,
член Президентского совета.
„Известия”, 2.IX.1997.

ЗАКОН ■ ПЛЕНУ АМБИЦИЙ

„Но вот ■ Минск поехал один из руководителей канала А.Любимов. Лощеный и самодовольный, бывший бунтарь из бывшего „Взгляда”, в сущности опустился на колени перед минским диктатором:

– Ситуацию осложнило заявление пресс-секретаря Сергея Ястржембского. Если бы не активность московских политиков, нам удалось бы убедить Александра Григорьевича отпустить всех журналистов. Но вопрос перешел в разряд политических, на карту были поставлены отношения двух стран.

Вот и высказал свое кредо демократический журналист, предавая наемных работников компании ОРТ: если на карту поставлены отношения стран, значит ради этого оправданны жертвоприношения людей. Это хорошо известно с глубокой древности: общественная необходимость или государственный интерес – самое надежное оправдание

произвола. Тоталитарные диктаторы это провозглашают громко и откровенно. Демократические диктаторы подписывают международные конвенции о приоритете прав человека над интересами государства, но действуют деспотически. Концепция целостности государства для них важнее ценности жизни человека, а коли так, то оправданно и выполнение „интернационального долга" в чужой стране, и наведение „конституционного порядка" в своей. Начинается же с того, что в жертву принципам и порядку приносится человек. Один-единственный..."

Юрий Феофанов,
главный редактор журнала „Закон".
„Известия", 9.IX.1997.

ЗАПРЕТ НА ПРОФЕССИЮ

„Гаданий накануне было множество. Оправдают. Зачтут три месяца отсидки в гродненской тюрьме. Березовский и Доренко приезжали, разговаривали с белорусским правителем, значит, о чем-то договорились. О хорошем, безусловно.

А „хорошее" вон как обернулось: два года Шеремету, полтора – Завадскому. Условно. По понятиям советского человека, проштрафившегося, скажем, на воровстве, подобное наказание сродни оправданию. Главное ведь – воля! И опять твори, чего хочешь! Пока не поймают, естественно.

В „деле Шеремета" столь притягательная для кого-то „условность" имеет совсем иной оттенок, точнее – иное качество. Суть его не только в том, что отныне, используя отсрочку наказания, журналистов будут держать на крючке и в любой момент смогут засунуть в тюрягу.

На скамье подсудимых в Ошмянах сидела журналистика. Как род занятий. Как профессия. Белорусская власть почти восемь месяцев (начиная с ареста группы ОРТ) решала один-единственный вопрос: имеет ли право существовать в Беларуси журналистика как профессия? 28 января, после мучительной цепи позорнейших скандалов, вплоть до ссор с Ельциным, после всех этих чудовищных нагромождений лжи, фальшивок, выкручивания рук и бьющего в глаза беззакония, белорусский режим с кривой ухмылкой таки выдавил: „Не имеет!"

По-другому, собственно, и быть не могло. Принять иное решение – значит подтвердить понимание журналистики, принятое в цивилизованном мире. Но белорусский режим не желает выходить из пещеры. Набросив звериную шкуру, он греется там у костра, а когда становится совсем страшно, начинает размахивать горящей головней и дико вопить: „Не пущу! Не позволю! Задавлю! Сожру!"

И ведь жрет. И пока не давится.

... 28 января по приговору ошмянского суда все сотрудники независимых белорусских изданий вместе с Павлом Шереметом получили по два года условно. Вместе с нашим коллегой мы будем отбывать этот срок. Разумеется, мы будем законопослушными. Но прежде всего мы будем следовать нашему профессиональному закону – разоблачать беззакония власти, потому что беззаконие сегодня это суть белорусской жизни.

... Так что же означает, что символизирует „процесс в Ошмянах"? Тяжелую поступь белорусского авторитаризма? Его провал? Продажу, сдачу Россией своих (а заодно и белорусских независимых журналистов, белорусской независимой прессы) за „восточный коридор", прорывающий „санитарный кордон", за идущие на Запад газо- и нефтепроводы, за перспективу включить таки, присоединить Беларусь к России?

Полагаю, что здесь имеется и то, и другое, и третье... Важно только помнить об одном. Зараза, распространяющаяся в Беларуси, тот самый запрет на профессию, вполне может перекинуться и на Россию. И тогда будет поздно задавать вопросы".

Семен Букчин.

„Народная воля", 31.I.1998.

Пройдет года полтора или чуть больше и перед нами предстанет другой Павел Шеремет – российский государственник, певец империи и российской армии, сражающейся с „бандитами" в Чечне, исполнитель самых высоких идеологических заказов на ОРТ.

ПАША НА МОСКОВСКИХ ХЛЕБАХ

Кажется, совсем недавно „Народная воля" на первой полосе отмечала каждый день пребывания Павла Шеремета в тюрьме и оптимистически восклицала: „Мы с тобой, Павел!" И уже рождался лозунг: „Шеремета – в президенты!" Дело понятное: у нас ежели человек в тюрьме, то оттуда ему прямая дорога в президенты.

Да, многие из нас были в те дни с Павлом. А вот с кем теперь Павел? С кем теперь этот упитанный и вполне благополучный молодой комментатор ОРТ, которому доверено формировать российское общественное мнение в популярной субботней передаче „Время"?

„Наши десантники", „наша артиллерия" – говорит он, комментируя события в Чечне. Ты уверен, Павел, что это „твои десантники" и „твоя артиллерия"? Впрочем, взгляд не мигает и голос не дрожит. Его, точно – его.

А как же? Он ведь уже допущен в высочайшие сферы – беседует

с самим Путиным. А этот воскресший железный сталинский нарком, Николай Иванович Ежов новейшей формации (малый рост, льдистый взгляд, причесочка под полубокс, блондинчик), абы с кем разговаривать не будет.

Паша допущен в кремлевские кущи, и он счастлив, хотя и пытается по-детски скрыть это необыкновение состояние посвященного, прикоснувшегося к величайшим тайнам. Теперь Паша участвует в большой политике, у самого большого котла стоит, в коем главное блюдо готовится. Под названием „Выборы в думу".

Не испытываю ни малейшей симпатии ни к Лужкову, ни к Примакову. Но меня тошнит от еженедельного субботне-воскресного пира телевизионных гиен, рьяно выполняющих задание хозяина. Доренко отрывает свои куски, побольше, пожирнее. Но и Паша рядом суетится, тоже свой кусочек стремится урвать. Такой вот тандем... Роли расписаны, каждый знает, что ему делать.

Последнее Паша усвоил очень четко. В минувшую субботу я ожидал, что ведущий программы „Время" как-то отзовется на одно из центральных событий недели – белорусско-российский договор. Но Паша сделал вид, что не было такого события. Ельцин ■ Китае, Чечня – это было. А Лукашенко с Ельциным вроде ■ Кремле ничего и не подписывали. Как здесь не понять Пашу? Хвалить своего тюремщика, авторитарного правителя, уничтожившего элементарные зачатки демократии в родной Беларуси, – это стыдно. Критиковать Россию, Ельцина – с кем братаетесь? – это невозможно. Не за это Паше фантастические деньги платят. Поэтому лучше всего промолчать.

Вон и Пашин коллега, острейший и задорнейший Михаил Леонтьев в своем „Однако" промолчал. В день подписания договора, однако, нашел другую подходящую тему – о печальной судьбе российских „МИГов" порассуждал. Поскольку „замазаться" не желал, а „белорусский коридор" на Запад России вот как необходим! Государственный подход!

И опять-таки все закономерно. Там, где начинается служба, там кончается журналистика. Паша теперь человек служащий по российскому ведомству. А у службы, как известно, свои законы.

А журналистика? Что ж, с этих хлебов, ежели быть верным профессии и своей совести, палат каменных не наживешь. В свое время это хорошо понял другой Паша, получивший в награду за понятливость неслабую деревеньку в виде президентской газеты. Так что теперь у нас есть Паша 1-й и Паша 2-й. Разницы по сути никакой. Оба состоят на службе.

Семен Букчин.

„Народная воля", 18.XII.1999.

СКАТЫВАНИЕ В НИЩЕТУ

СОН РАЗУМА КОНЧИТСЯ

„Что знает сейчас подлинная Россия и широкая российская общественность о Республике Беларусь? Знает ли о том, что хлеб и молоко здесь дешевле в четыре-пять раз, чем в России, а средняя зарплата почти одинакова? Что здесь неукоснительно в срок выплачиваются пенсии и зарплаты? Что здесь остаются бесплатными образование и медицина? Что за счет государства строят и нуждающимся выделяют бесплатно квартиры? Что по Минску фактически можно безопасно ходить в любое время суток? Что здесь не закрываются детские сады и школы, а все нарастающими темпами строятся и вводятся в эксплуатацию все новые и новые, а дети, как и в советское время, бесплатно отдыхают в лесных лагерях? Что здесь не продано ни одного важного государственного объекта и во имя национального здоровья и безопасности прекращена деятельность зловещего фонда Сороса, раковой опухолью охватившего и все глубже отравляющего все духовное пространство России? Наконец, что здесь не заброшено ни одной пяди полезной земли, что она не продается и что Беларусь полностью обеспечивает себя продовольствием и даже может позволить себе значительную часть его экспортировать?"

Петр Проскурин.
„Славянский набат", 5–11.XI.1998.

ЛУКАШЕНКО ПОСКОЛЬЗНУЛСЯ НА ЯЙЦАХ

„Годами создаваемый белорусским президентом миф о своей республике как о благополучной стране с дешевыми продуктами, чистыми улицами и доброжелательными жителями рухнул. Российский кризис

и стальная хватка „Газпрома" сделали то, чего оппозиция добивалась годами. Народные массы больше не дремлют.

Теперь у электората Лукашенко нет времени, прильнув к экранам телевизоров, вслушиваться в речи своего кумира. Теперь задача – встать пораньше и занять место в очереди. Людские потоки выстроились в эти дни за яйцами, творогом, маслом, молоком и птицей. В лексикон вернулись забытые слова и самым привилегированным классом вновь стали товароведы и продавцы.

... Гораздо трагичнее выглядят внутренние причины экономического обвала. Небывалый упадок переживает все сельское хозяйство республики".

Екатерина Виан.
„Московский комсомолец", 25.XI.1998.

РУХНУЛ МИФ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ

„Может быть, продовольствия ■ стране действительно не осталось, и через пару недель мы столкнемся с настоящим дефицитом?.. Ведь статистика в нашей стране ничего не отражает – в стоимостном выражении по запасам мы могли перевыполнить все прежние показатели в десятки раз. Но что из этого следует?.. А на носу ведь еще расчеты по долгам с „Газпромом", за которые мы обязались поставить в Россию главным образом продовольствие. Но только одна осуществленная поставка – на 5 миллионов долларов – серьезно пошатнула миф об относительном благополучии белорусов. А ведь наш долг, согласно данным РАО, составляет 270 миллионов долларов. Даже абсолютно вся продукция агрокомплекса не покроет такой суммы".

Андрей Маховский.
„Белорусская деловая газета", 12.XI.1998.

БЕЛОРУСОВ СТАНОВИТСЯ МЕНЬШЕ

„В период с 1990 по 1997 гг. общий коэффициент рождаемости для всего населения Беларуси снизился на 33,1%... По сравнению с 1991 годом количество бедных увеличилось в 13 раз... Обоснованную тревогу вызывают масштабы роста смертности. Число умерших в стране в 1990 г. составило 109,6 тыс., в 1996 – 134,1 тыс.человек. Своеобразие современной ситуации состоит в том, что люди стали умирать более молодыми... За последние пять лет (1991–1996 гг.) заболеваемость в стране увеличилась почти на 23%... Численность населения Беларуси будет по-прежнему уменьшаться. Согласно демографическому прогно-

зу, среднегодовая численность населения страны составит: в 2000 г. – 10.067,6 тыс., в 2005 г. – 9.736,2 тыс. и в 2010 г. – 9.472 тыс. человек и сократится за 1997 – 2010 гг. на 745,5 тыс. человек или на 7,3%. Уменьшение численности населения будет происходить из-за отрицательного естественного прироста, который сохранится до конца 2010 г."

По материалам НИИ министерства экономики
Республики Беларусь.
„Навіны", 13.II.1998.

СЖАТИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

„Сегодня ■ РБ минимальный прожиточный минимум составляет около 17 миллионов рублей (34 доллара в месяц или 408 долларов в год), но и он недоступен подавляющему большинству людей... По данным доклада ПРОН о развитии человека за 1999 год по индексу развития человеческого потенциала Беларусь находится на 60-м месте, что соответствует странам со средним уровнем развития. Выше нас стоят Малайзия, Колумбия, Куба Маврикий, ниже находятся Фиджи, Самоа, Россия..."

Евгений Вежновец, Константин Скуратович.
„Белорусский рынок", 1999, № 43.

БЕЛОРУССКИЙ ВЫБОР: СПИТЬСЯ ИЛИ УЕХАТЬ?

„Время революций ■ Беларуси ушло безвозвратно. Мы все это чувствуем. Люди, которые были готовы сделать все или очень многое для нормальной жизни, уничтожены, умерли, уехали, спились или просто тихо выживают. Может быть, потому, что увидели: их жизни на это не хватит. И это не пессимизм, к сожалению, это констатация действительности. Вы тоже это видите и чувствуете. У вас не возникает мысли о том, что этот народ не хочет свободы и отсюда все его беды? Он просто не знает, что это такое. Я не отделяю себя от других, не претендую на роль оракула. Все, о чем я говорю, достаточно очевидные вещи. И снимать с себя вину за то, что в свое время не так громко кричал на митинге или не так активно пытался что-то изменить, не собираюсь...

Явные надежды части оппозиции на то, что когда-нибудь люди обнищают до бунта, который можно будет организовать для построения демократии, – уже почти очевидная иллюзия.

Тот класс или прослойка, как угодно, который хотел что-то изменить в Беларуси, стремительно тощает и уменьшается в размерах. Мои

друзья в большинстве своем или спились или за рубежом. Я – выбираю. Это почти все, что я хотел сказать. Наверное, мы потеряли Беларусь...”

Алексей, средних лет, негосударственный сектор.
„Белорусская деловая газета”, 18.X.1999.

ПОЧЕМУ БЕЛОРУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ПЕРЕВОДЯТ СВОЙ БИЗНЕС ЗА ГРАНИЦУ?

„Недавно я встретился с двумя белорусскими предпринимателями, которые показали мне паспорта другого государства, а точнее – России. Я долго находился под впечатлением этого факта. Знаю, многие предприниматели имеют сегодня паспорта Чехии, других стран, основали там свои фирмы. Многие из них не переехали туда на жительство, но начали работать там. Более 500 предпринимателей трудятся в Литве, несколько тысяч – в Польше, несколько тысяч – на Украине, десятки тысяч – в России.

Что выталкивает их отсюда. Первое – сложность, запутанность законодательства. В нашей стране почти 10 лет формируется рыночная инфраструктура и рыночное законодательство. И все это время мы находимся ■ ожидании. Государство не пошло по пути создания нормального правового пространства, четких и ясных правил игры, простых схем, чтобы любой начинающий предприниматель мог себя чувствовать равным ■ этой игре. Он чувствует себя все время виновной стороной. Это самое сложное препятствие.

... Мы строим сейчас государственный монополистический капитализм. С точки зрения управленческой схемы у нас формируются не творческие импульсы, то есть не те схемы, которые будут развивать внутренние организационные структуры. У нас все сейчас делается благодаря административно-командной системе”.

Владимир Карягин.
„Народная воля”, 3.IV.1998.

„В ПОЛЬШЕ МЕТОДЫ БЕЛОРУССКОГО СЛЕДСТВИЯ НЕ ПРОХОДЯТ...”

С известным белорусским бизнесменом Александром Пупейко, руководителем недавно гремевшей фирмы „ПУШЕ” беседует Семен Букчин

– Александр Трофимович, в конце декабря минувшего года варшавская окружная прокуратура прекратила следствие по вашему делу. Что означает это событие в вашей судьбе?

– Давайте сначала уточним... Постановление о прекращении следствия было вынесено прокурором Кристиной Ногал-Залуской 20 декабря. А получил я этот документ уже в нынешнем году, в конце января. В нем говорится, что следствие прекращено в связи с отсутствием доказательств преступления.

– А что конкретно вменялось в вину?

– Ну вот в этом же постановлении прокуратуры говорится, что следствие велось в связи с подозрением, что в период с апреля 1995 года по январь 1996 года я, действуя совместно с некими неустановленными личностями, на основе фальшивых документов, якобы вытянул из Белагропромбанка около двух миллионов долларов в качестве кредита для импорта зерна и автомобилей через фирмы „Рилант Расс" и „Пуше Агро". То есть речь идет о невозвращенных кредитах. Согласно польскому уголовному кодексу, такого рода преступления преследуются по трем статьям – 270-й, 286-й и 294-й. Теперь же у меня на руках свидетельство моей невиновности, соответствующее принципам европейских законов.

– Итак, говоря старинным русским языком, вы очищены... Давайте, однако, припомним как все начиналось. Здесь, наверное, не обойтись без возвращения в те романтические времена, что предшествовали и были началом становления знаменитой фирмы „ПУШЕ". Кажется, вы были связаны с Академией наук Беларуси?

– Да, я до 1986 года работал в академическом Институте математики. Накануне защиты дисссертации, ввиду обычных для научной среды дрязг, вынужден был покинуть это почтенное учреждение. А защитил диссертацию через шесть лет, уже работая в „ПУШЕ".

– А как вы пришли к идее „ПУШЕ"? Ваше математическое прошлое наводит на мысль, что вот точно мыслящий человек, сумел вычислить... Одним словом, как математики становятся во главе большого бизнеса?

– Путь довольно традиционный. Начался он еще в студенческие годы. Стройотряды, так называемая шабашка – там постигались экономические азы. Мне всегда было стыдно получать то, что мы называли зарплатой. Мне нехватало, и я пытался заработать. Работал на стройках, на разгрузке вагонов, занимался репетиторством, обивкой дверей...

– Неплохая школа. И вот наступили времена, когда можно было зарегистрировать кооператив, открыть счет в банке.

– Я был подготовлен к этим переменам. На минском учебно-исследовательском предприятии „Алгоритм" мы создали отдел по разработке алгоритмовых программ. А то, что совпало это с началом кооперативного движения в стране, помогло нам маленький отдел

превратить в классно работающее предприятие, производящее и распространяющее программное обеспечение. Мы давали 80 процентов всей продукции „Алгоритма". И соответственно неплохо зарабатывали. Все это было следствием правильной оценки конъюнктуры, четкого взаимодействия с кооперативами. Вот с этого времени и я начал расти как предприниматель, бизнесмен. И очень многое из „Алгоритма" мы принесли в „ПУШЕ". Самое главное – это знание, как надо работать, как организовать деятельность, чтобы она была доходной.

– Когда же состоялся этот перенос опыта из „Алгоритма" в „ПУШЕ"?

– В 1991 году была основана наша фирма.

– Давайте напомним читателям происхождение названия. Первая часть – это, конечно, от Пупейко, а вторая?

– Во второй части названия „ПУШЕ" начало фамилии моего компаньона Анатолия Шентака. Фактическими же учредителями были, помимо Шентака и меня, Валерий Борейко и Станислав Чернышевич. Но надо подчеркнуть, что я создавал „ПУШЕ" уже будучи руководителем „Алгоритма". Таким образом за три года я в „Алгоритме" прошел путь от инженера до фактического директора предприятия. Но мне пришлось уйти из „Алгоритма" после того, как общее собрание не поддержало мою идею о приватизации гигантского комплекса на улице Притыцкого. Люди попросту не верили в возможность стать полноправными владельцами собственного дела. Я понял, что свою правоту нужно доказывать делом. Был заключен договор о том, что „Алгоритм" предоставляет „ПУШЕ" две комнаты, и мы начали работать самостоятельно. И вот с этого времени „ПУШЕ" начала достаточно бурно развиваться.

– Фирма, насколько помнится, была многоотраслевой...

– Поначалу мы определили главное направление – автобизнес. В результате серьезного анализа сделали ставку на „Шкоду". И этот выбор оправдал себя. Но мы не были только продавцами чехословацкого автомобиля. Мы создали сеть сервисного обслуживания, страховую систему...

– Но довольно скоро „ПУШЕ" стала тяготеть к холдингу...

– Мы всегда занимались не только автобизнесом. В нашу группу входили фирмы, занимавшиеся реализацией сельскохозяйственной продукции, строительством, страховым делом, финансами. Одним словом, бизнес был достаточно разнообразный. Формироваться же как холдинг мы начали после того, как стало ясно, что существовавшая группа менеджеров не в состоянии справиться с возрастающими объемами работы. Это были 1995–1996 годы.

– Выходит, можно говорить о том, что в первые годы правления

Лукашенко вы чувствовали себя достаточно комфортно? Во всяком случае, у „ПУШЕ" был очевидный рост.

– Ну нет! Бизнес, если и развивался в Беларуси, то вопреки действиям власти. А власть у нас всегда была настроена против людей, которые хотят выстроить жизнь самостоятельно, не клянча и не выпрашивая у нее. Тут и родная советская косность, и обычная человеческая зависть сказываются... Это мы чувствовали и при Кебиче. И это же значительно усилилось при Лукашенко.

– А в чем состояла все же разница?

– Понимаете, при Кебиче чиновник, не любивший предпринимателя и завидовавший ему, тем не менее боялся совершить нечто противозаконное. Все-таки действовал Верховный Совет, который мог оценить действия исполнительной власти. Существовала относительно независимая судебная система. И это было важно. Человек, начавший собственное дело, чувствовал, что он хоть как-то защищен. Если ты не нарушил закон, всегда существовал шанс добиться справедливости.

– Вы чуть ли не гимн правлению Кебича слагаете.

– Все познается в сравнении. Хотя, повторяю, и в те времена нам было нелегко, но главным образом потому, что часто приходилось сталкиваться с совершенно дремучим невежеством людей, от которых зависели важные решения.

– Ну вот пришел Лукашенко... Когда вы почувствовали, что начинается... как мы это обозначим... Драма, что ли, „ПУШЕ"?

– Давайте скажем проще – травля.

– Вам, разумеется, виднее. Я говорю о драме, имея в виду масштаб дела, которое начала крушить лукашенковская система. В „ПУШЕ" работали сотни людей...

– Тысячи! Если же говорить о начале процесса, то существует совершенно конкретная дата, когда на нас впервые наехали, – 2 августа 1994 года.

– Менее месяца после избрания президента?

– Лукашенко тогда впервые заявил как должно быть и как больше не будет. Он назвал нас, работников „ПУШЕ", ворюгами. Сказал, что мы украли кучу денег у министерства энергетики, не заплатили долги, что нас раздавят... Сегодня этот стиль уже для всех привычен. А тогда это, конечно, было внове.

– Пошли проверки?

– Проверки шли и раньше. Мы отвели специальный офис для комиссий, которые сидели у нас буквально месяцами. Что же касается тогдашних президентских обвинений, мы сразу начали писать письма, доказывать, предполагая, что Лукашенко неверно информировали. Теперь-то мы знаем, что наш президент никогда не ошибается. Но тогда

нам еще представлялось возможным что-то доказать. Хотя у меня были основания предполагать, что репрессии будут. Дело в том, что накануне выборов президента Гончар и Булахов и буквально потребовали у меня денег на избирательную кампанию Лукашенко. А я не дал.

– Непростительный шаг со стороны все просчитывающего математика.

– Возможно, это действительно было недальновидно. Я им сказал, что для меня их патрон – это очевидный неудачный выбор. Хотя многие коллеги подсказывали мне, что необходимо осуществлять „пакетные инвестиции" в выборы, то есть финансировать сразу нескольких кандидатов. То, что, кстати, делала Винникова. Она давала деньги и под Лукашенко, и под Кебича, и под Карпенко, и, вероятно, под Шушкевича.

– Но, как видим, Винниковой эти инвестиции под президента не помогли.

– Первой жертвой в этом ряду „инвесторов" был Саманков. Что касается Тамары Дмитриевны.... Да, конечно, тюрьма и все связанные с ней переживания и проблемы со здоровьем, – это ужасно. И я, кстати, пытался подвигнуть наше банковское сообщество на то, чтобы вызволить ее из заключения. Но недавнее появление Тамары Дмитриевны в Англии заставляет задаться вопросом: а как она там оказалась? И у меня пока нет другого ответа: это результат операции белорусских спецслужб, проведенной, безусловно, с благословения президента.

– А как же все эти интервью Винниковой, ее антилукашенковские выпады?

– Это риторика человека, который не хочет, чтобы его забыли. На самом деле Тамара Дмитриевна ничего по существу не говорит. Она лишь намекает на то, что знает многое. Положим, она могла бежать из квартиры. Но пересечь границу – здесь без помощи спецслужб не обойтись.

– Вернемся к главной линии нашей беседы. Итак, начались наезды на вашу фирму...

– Вы знаете, „ПУШЕ" была настолько правильно – и ■ плане бизнеса и юридически – организованным предприятием, что даже тотальные наезды сказались только в 1997 и 1998 годах. И только в минувшем году „ПУШЕ" как холдинг прекратила свое существование.

– Какие же методы пришлось применить власти, чтобы разрушить столь правильно организованное дело?

– Это беспредел, на который пошли чиновники из дикого страха перед Лукашенко. Я имею в виду и налоговые, и судебные органы... Наступил распад власти, когда оказалось возможно творить все, что

угодно президенту, не опасаясь никакой кары. При этом было очевидно, что власть рубит сук, на котором сидит, и режет кур, которые несут яйца. В 1996 году я присутствовал при телефонном разговоре Чигиря, бывшего тогда председателем правительства, с президентом. Премьер сказал Лукашенко, что если бы в Беларуси был хотя бы десяток таких фирм, как „ПУШЕ", то в республике не было бы бюджетных проблем. Потому что в 1995 году фирмы холдинга заплатили налогов на сумму ■ 25 миллионов долларов. Кстати, некоторые уцелевшие осколки „ПУШЕ" в виде отдельных фирм продолжают свою деятельность до сих пор. Естественно, сменился собственник, сменился профиль бизнеса, но сохранилась наша методология, наши принципы работы. Но власть даже не интересовала прибыльность таких фирм как „ПУШЕ". Курс был взят на уничтожение крупного и независимого от режима бизнеса. Осенью 1996 года мне показали план операции „Куст", которую возглавлял некто Степан Сухаренко из Совета Безопасности. План предусматривал развал „ПУШЕ" и отводил в этом „почетном деле" свою роль каждому ведомству, ■ том числе, конечно, налоговому. Я отдавал себе отчет в том, что многое в этом замысле направлено против меня лично, поскольку другие ведущие менеджеры „ПУШЕ" были как бы в тени. Моя же особа, в силу того, что определенные виды деятельности „ПУШЕ" требовали контактов с обществом, больше была на виду. Поэтому и стремились ■ первую очередь скомпрометировать меня. Все это мешало нам в проведении реструктуризации холдинга.

– А была такая необходимость?

– В конце 1995 года появились признаки кризиса кратковременной ликвидности „ПУШЕ", связанные с тем, что кредиты были взяты в одной экономической ситуации, а отдавать их нужно было в другой, в значительно ухудшившихся условиях. Валюту уже нельзя было свободно приобретать, задним числом выросли налоги и таможенные пошлины... Естественно, у нас возникли трудности с возвратом кредитов. Был подготовлен совместно с „Белагропромбанком" план реструктуризации, ■ обеспечение которого была заложена собственность „ПУШЕ". И хотя по банку был нанесен удар, убрали председателя правления и ту банковскую команду, с которой мы работали, тем не менее все кредиты ■ течение 1997–1999 годов были возвращены.

– По какой же причине тогда завели на вас уголовное дело? И когда, собственнно, оно возникло – до или после вашего отъезда за границу?

– Я уехал из Беларуси в январе 1997 года по двум причинам. Первая – мне нужно было восстанавливаться после инфаркта, я проходил реабилитацию в Германии. Это главное. А вторая причина заключалась в том, что своим отъездом я хотел вывести из-под удара „ПУШЕ",

поскольку именно моя неугодная власти личность более других ассоциировалась с фирмой. Мы с коллегами предполагали, что если я отойду от руководства, то и наезды на фирму вскоре прекратятся. Тем более, что экономическое положение „ПУШЕ" в 1996–1997 годах было нормальным. Естественно, мне в голову не приходило, что против меня может быть возбуждено уголовное дело. Дела у нас велись сверхаккуратно, ни один договор не заключался без соответствующей юридической проработки. С государством мы всегда рассчитывались точно и своевременно.

– И тем не менее...

– В 1997 году я представлял интересы „ПУШЕ" за рубежом, и в период и после реабилитации много ездил, бывал в Москве, в Литве, в Польше... 12 декабря я в очередной раз прилетел из Германии в Варшаву, и здесь-то, в аэропорту Океньче, меня арестовали сотрудники Интерпола. Все происходило очень вежливо, мне показали просьбу белорусских властей о моем задержании, после чего препроводили ■ камеру предварительного заключения ■ одной из тюрем Варшавы.

– Давайте поговорим о польской тюрьме. Известный знаток белорусских тюрем Валерий Щукин пишет о них как о местах невероятных унижений, издевательств над людьми, о страшных условиях – грязь, антисанитария, скученность, плохая пища...

– Воспоминания о польской тюрьме меня не греют. Ибо тюрьма есть тюрьма. Но, конечно, никакого сравнения с тем, что описывает Щукин. Прежде всего я никогда и ни от одного сотрудника не слышал ни слова, которое унижало бы меня. И персонал и сокамерники относились если не уважительно, то, скажем так, доброжелательно. Что до бытовых условий, то я, сердечник, был сразу помещен в камеру для некурящих. Камера была с паркетным полом, с горячей и холодной водой. Питание – нормальное, хотя для меня здесь проблем не было еще и потому, что передачи разрешены шесть дней в неделю. Медицинское обслуживание на хорошем уровне, меня довольно тщательно дважды обследовали, снабдили необходимыми лекарствами. Одним словом, бытовые условия – человеческие.

– Вы провели в тюрьме сорок дней. Это мало или много в вашем случае?

– Я был арестован на основании договора 1994 года о взаимной правовой помощи между Польшей и Беларусью. И сразу же был начат экстрадиционный процесс, то есть рассматривалось дело о передаче меня белорусским властям. По польским законам, ежели в течение тридцати дней страна, требующая выдачи своего гражданина, не представит веских к тому доказательств человек должен быть выпущен из тюрьмы. Белорусские власти не прислали соответствующих

документов. То есть на самом деле документы пришли, но они не касались повода, по которому я был арестован.

– А какой же был повод?

– Нечто совершенное надуманное... Откровенно говоря, и не упомню, потому что более мне его никогда не предъявляли. А вот в тех бумагах, что пришли в Варшаву, меня обвиняли в хищении то ли трех, то ли четырех миллионов долларов, предназначенных на закупку зерна. Самое забавное, что именно так – плюс минус один миллион – было указано в официальных белорусских документах. И, кстати, это обстоятельство вызывало тягостное недоумение у тех, кто в Польше занимался моим делом. Каковы же действительные претензии?..

– Не сыграло ли это обстоятельство – расплывчатость предъявленных белорусскими властями обвинений – решающую роль в том, что вас выпустили из тюрьмы спустя сорок дней после ареста под подписку о невыезде?

– Может быть, отчасти... Но самое сильное впечатление на поляков произвела та волна общественного мнения, которая поднялась в Беларуси ■ мою защиту, сбор подписей под заявлением, среди которых были имена известнейших у нас людей, поборников демократии. Кстати, эта поддержка позже повлияла и на получение мною статуса политического беженца.

– Но судебное разбирательство тем не менее состоялось?

– Разбирательств было два. Одно – судебное. А другое – только следственное. Первое, завершившееся ■ июле 1998 года, рассматривало возможность экстрадиции. В результате я получил документ, подписанный министром юстиции Ханной Сухоцкой и свидетельствовавший о том, что я не могу быть выдан белорусским властям. То есть дело об экстрадиции было решено ■ мою пользу. Причем основой для такого решения явилось уникальное событие – прокурор отозвал свою просьбу об экстрадиции. А ■ сентябре меня известили, что в связи с тем, что принято решение не высылать меня, здесь, в Польше, начинается рассмотрение моего дела по существу предъявленных обвинений. Меня три или четыре раза допросили ■ качестве свидетеля. Эти допросы походили на нашу с вами нынешнюю беседу. Следователи выясняли историю фирмы „ПУШЕ", интересовались характером ее деятельности...

– А была у них возможность проверить справедливость обвинений?

– Очень скоро выяснилось, что все они не имеют ко мне никакого отношения. Следователи пытались честно разобраться в существе дела, слали запросы в Беларусь, просили необходимые документы. Наконец, в Польшу приезжали представители белорусской прокуратуры, встречались и с польскими коллегами и со мной. Все обвинения в не-

возврате кредитов я опровергал конкретными банковскими документами, свидетельствовавшими об обратном. Получалось, что белорусские власти поставили поляков в нелепое положение, выдвинув абсолютно беспочвенные обвинения против меня. В результате варшавская окружная прокуратура и приняла то решение о прекращении следствия, с которого началась наша беседа. Выяснилось еще раз, что невозможно доказать недоказуемое. Это только в Беларуси умеют делать. Не случайно полковник Пацевич, возглавлявший белорусскую следственную бригаду, сказал мне во время одной из неформальных встреч: „Вы научили нас, Александр Трофимович... Мы теперь действуем иначе, сначала сажаем в тюрьму, а потом доказываем вину". Конечно, держа меня [redacted] белорусской тюрьме, они стопроцентно доказали бы мою вину. Но действовать в европейской, демократической судебной обстановке, [redacted] атмосфере действительной состязательности в судебном процессе наши юридические „костоломы" не умеют, не приучены. Оттого и проиграли.

– Вы упомянули о том, что участвовали в следствии как свидетель...

– Я самого начала занял принципиальную позицию. Поскольку сразу же все обвинения [redacted] невозвращении кредитов отмел с помощью, как уже сказал, конкретных банковских документов. Все было предельно ясно: вот обвинение – вот опровержение. Поэтому я и заявил, что как обвиняемый на все прочие вопросы отвечать не буду, если же со мной будут разговаривать как со свидетелем, я готов участвовать [redacted] диалоге. Белорусские следователи приняли это предложение. Но вместе с тем попросили меня о неформальных встречах. Очень скоро выяснилось, что им достаточно хорошо известно, кто именно не возвращал кредиты и где гуляют эти деньги. Но им нужен был я, чтобы впоследствии использовать мою фигуру, возможно как использовали Старовойтова в деле Леонова. Или против Чигиря... Конечно, когда тебе зажимают пальцы дверью, признаешься [redacted] чем угодно... Но, повторяю, в Польше белорусское следствие столкнулось с другими традициями.

– Каков сегодня ваш статус в Польше?

– Я – политический эмигрант, получивший право убежища в этой стране. Имею право жить здесь, работать, выезжать за границу... У меня так называемый „женевский паспорт", дающий возможность пересекать все границы в Европе. И этим правом я достаточно активно пользуюсь.

– Не боитесь, что где-нибудь вас снова перехватят по приказу белорусских властей?

– Мои адвокаты предупреждали меня о такой возможности. Но я уверен, что после нынешнего решения варшавской прокуратуры это

нереально. И я думаю, что это решение важно сегодня не только для меня. В конце концов, относительно меня польский закон определился – я невиновен. А вот международное значение этого решения чрезвычайно велико. Во всем мире теперь, там, где будут возникать подобного рода прецеденты, к обращениям белорусских властей будут относиться, мягко говоря, настороженно, а точнее – с недоверием.

– Ну а как выглядит ваш сегодняшний день в Польше? Я имею в виду вашу работу.

– Я сотрудничаю с серьезной консалтинговой фирмой, помогающей польским предпринимателям устанавливать связи на востоке, прежде всего с Россией. Счета мои на родине и за рубежом оказались заблокированными. Я очень много потерял в имущественном плане. Но я вывез из Беларуси самое главное – опыт и знания, контакты. А это очень серьезный капитал. Разумеется, имеются и серьезные планы на будущее...

– Белорусско-российский союз вас не вдохновляет?

– Это фикция. Судя по всему, Лукашенко понял, что заигрался в интеграцию. Не он, а как раз Путин потребует интеграции всерьез, в традиционном имперском духе, и потому очень скоро белорусскому президенту будет совсем плохо. Путин не будет заниматься воспитательной работой. Поэтому Лукашенко или займет нишу покорного вассала, или ему подыщут другую работу. Думаю, ему будет трудно смириться с тем, что на Беларуси начнут действовать российские законы, а не его указы.

– Вот и повод для возвращения на родину...

– Это когда еще будет! Для меня Беларусь сегодня – это земля, где похоронены мои родители. И только. Нет никаких оснований для возвращения. Что делать в стране, где нет и намека на законность?

Варшава.

„The Russian Weekly", 14.II.2000.

КРЕДИТОИСКАТЕЛИ

„Власть неразборчива в связях. С людьми, которых А.Г. называет жуликами, все это время активно сотрудничает Управление делами президента. Вспомним хотя бы проходимцев из фонда имени Эсамбаева. При содействии главного совхоза страны нагрели государство на 738 миллиардов рублей в ценах 1997 года и были таковы. Кто ответил за это? Никто. А ведь помнится, как А.Лукашенко говорил, что он из горла вырвет эти деньги.

А знаменитое „Торгэкспо", освобожденное президентом от уплаты налогов, „кинуло" бюджет страны, а вместе с ним пенсионеров, инвалидов на миллиард долларов. И тишина... А ведь речь идет об астрономических для Беларуси суммах... Президент остается гарантом второго, теневого бюджета страны, вседозволенности и бесконтрольности.

Власть ведет себя так, как мы позволяем ей это делать. Нам плюют в лицо – мы молча утираемся".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 12-го и 13-го созывов,
заместитель председателя
Объединенной гражданской партии.
„Народная воля", 7.IV.1999.

ЛУКАШЕНКО В ОКРУЖЕНИИ ВРАГОВ И ЗЛОПЫХАТЕЛЕЙ

„7 апреля с ежегодным посланием к белорусскому парламенту обратился Александр Лукашенко. Президент заявил, что его обращение звучит в условиях „жесточайшего обострения международной обстановки" и призвал всех честных людей Беларуси сплотиться вокруг своего президента. Он уверен, что югославский кризис идет в тесной связи с осложнением внутриполитической ситуации ■ Беларуси.

В своем выступлении Лукашенко признал, что сейчас, на пятом году его президентства, экономика Беларуси находится в очень тяжелом положении. Инфляция за три недели марта составила 11%, а за месяц будет еще больше...

Лукашенко отрицает свою причастность к экономическому кризису и уверен, что во всем виноваты происки внутренних и внешних врагов, бесхозяйственность руководителей предприятий, безынициативность министров и недисциплинированность народа...

Не правы и многие простые предстапвители белорусского народа. Например, обидели Лукашенко многодетные матери, просящие помощи у государства. „Она считает, что родила ребенка – и на тебе, Лукашенко, расти", – сказал президент...

Кроме того, народ ленив, вороват и любит выпить в рабочее время...

В экономическом кризисе Беларуси виновата и Россия. Точнее, определенные силы в российском руководстве, которые препятствуют интеграции двух братских народов...

Вместо того, чтобы давать деньги белорусскому президенту, Запад дает деньги его врагам... Лукашенко считает, что Запад тратит эти

деньги впустую. Сам Лукашенко нашел бы им куда лучшее применение. „Что вы путаетесь с этой оппозицией, которая сегодня никого не представляет? Там нет ничего человеческого... Нет ничего святого у этих людей, которым вы деньги даете... Оппозиционные реваншистские силы закупают на ваши деньги не только ксероксы и бумагу, они закупают оружие".

По информации белорусского президента, белорусские украинцы и поляки, воспользовавшись оппозиционными президентскими выборами, хотят объявить автономию Полесья и Гродненской области.

Но как бы тяжело ни было Беларуси, президент не дрогнет и поведет свой народ по особому, неповторимому белорусскому пути. „Я заявляю: чего бы нам ни стоило, мы обеспечим национальную безопасность нашего государства", – сказал Александр Лукашенко. Мира и процветания белорусский президент своему народу в скором будущем больше не обещал".

Ольга Томашевская, Андрей Маховский.
„Белорусская деловая газета", 9.IV.1999.

ДАЛЬШЕ ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

„В Минске все же прошла довольно массовая акция протеста, организованная государственными профсоюзами вместе со Свободным профсоюзом и профсоюзом металлистов... По разным подсчетам, в шествиях по улицам Минска и общем митинге участвовали от 10 до 18 тысяч человек. Это были рабочие тракторного, автомобильного, шари-коподшипникового, приборостроительного и других заводов столицы, ■ также посланцы солигорских шахтеров, рабочие из Лиды и Молодечно. О солидарности с рабочими заявили 60 тысяч предпринимателей, которые ■ этот день специально не вышли на работу...

Ораторы на митинге возмущались падением жизненного уровня в два - три раза и предупреждали, что их терпение кончается, и если руководство страны „не повернется к рабочим лицом, рабочие поставят под вопрос „дееспособность правительства"... Прозвучали на митинге и претензии лично в адрес президента. Ораторы упрекали его за то, что „обманул" и тянет „не туда. Часть участников митинга, сторонники Свободных профсоюзов, неоднократно скандировала по адресу Лукашенко: „В отставку!"

„Государственные профсоюзы активизировались не сами по себе, а под влиянием настроений рабочих. Началась даже политизация профсоюзов, хотя на решительную борьбу они все равно не способны. Их очередной „ультиматум" – как тысяча первое китайское

предупреждение. А роль тарана, который будет разбивать стену вокруг рабочих, по-прежнему за негосударственными профсоюзами", – так прокомментировала события заместитель председателя Свободного профсоюза Ирина Жихарь".

Олег Груздилович.
„Навіны", 29.I.1999.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ

„Нет абсолютно никаких противопоказаний к тому, чтобы белорусские вольные профсоюзы повторили успех польской „Солидарности". Обстановка углубляющегося экономического и социального кризиса в стране способствует этому. В столице, как известно, куются основные политические события. В феврале текущего года столичные социологи провели опрос жителей Минска с целью изучения их общественно-политических настроений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди минчан быстро растет недовольство социально-экономическим и политическим курсом властей. Почти две пятых опрошенных считают, что живут ■ бедственном положении, которое терпеть уже невозможно (8 месяцев назад так считали 28 процентов опрошенных). Не удовлетворены своей материальной обеспеченностью 84 процента респондентов (удовлетворенность высказывают только 7 процентов горожан).

Оценивая деятельность президента и правительства ■ области ценовой политики, 70 процентов респондентов заявили, что не поддерживают ее (поддерживают же – только 8 процентов опрошенных, то есть вдвое меньше, чем в июне прошлого года). Еще более негативно минчане воспринимают деятельность президента и правительства в области оплаты труда. Свыше 72 процентов ответивших сказали, что не поддерживают ее (только 7 процентов высказываются о ней одобрительно; летом предыдущего года когорта одобрявших составляла 17 процентов).

Большая часть столичного люда морально и психологически уже созрела для того, чтобы отстаивать свои экономические и иные права при помощи массовых акций протеста".

Вячеслав Оргиш,
доктор философских наук.
„Белорусская деловая газета", 12.IV.1999.

ИЗГНАНИЕ ПОСЛОВ

Весной 1998 г Лукашенко решился на беспрецедентный с точки зрения международного права шаг – по его приказу началось изгнание послов ряда западных стран из их резиденций в престижном поселке Дрозды. Формальным поводом послужила поначалу якобы необходимость ремонта коммуникаций, но вскоре сам президент Беларуси заявил, что считает невозможным соседство своей личной резиденции в тех же Дроздах с виллами послов США, Великобритании, Франции и других государств. Сначала у послов отключали электричество, воду, блокировали въезд, затем попросту перекрыли возможность войти в собственные дома. Разгорелся крупнейший международный скандал. В результате Европейский Союз запретил выдачу въездных виз всему руководству Беларуси во главе с президентом Лукашенко, послы западных стран покинули Минск. Встал вопрос о разрыве дипломатических отношений с Беларусью...

ПРОБЛЕМЫ КАНАЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ДИПЛОМАТИИ

„Иностранные послы всегда были на подозрении в Советском Союзе. Особенно западные. А поскольку нынешняя Беларусь – это чудом уцелевшая часть советского государства, то и традиция, соответственно, сохранилась. И сегодня она заявила о себе во весь голос. И как было ей не объявиться, ежели по чьему-то злому умыслу (полагаю, без сионистов не обошлось) резиденция правителя страны оказалась во вражеском кольце посольских дач. Правитель, скажем, пробежку в одну сторону делает (он у нас известный спортсмен), а там французский посол пикник наладил, шашлыками пахнет. На велосипеде покатил в другую сторону, а за забором

дети американского посла **в** мяч играют. Шум, беспокойство... И вообще несолидно как-то получается. То ли правитель у них в гостях, то ли послы у него...

Наконец, канализация общая. А это уже, знаете, вопрос государственного престижа! Разве может **наше** с **ихним** смешиваться? Сегодня **это** смешиваем, а завтра, глядишь, и государственную суверенность утратишь!

Так что, может, оно и хорошо, что эти шестеро сели в один самолет и улетели в свои страны. Пусть там у себя консультируются. А мы тем временем все ворота железные так заварим – ни одна натовская мышь не прошмыгнет! Да и куда они, в конце концов, денутся! Послов-то много, а Беларусь одна! Да и в таком месте важном европейском расположена. Торчит, как затычка, между Западом и Россией. Попробуй выдерни! Надорвешься...

Одним словом, сегодня маленькая, но гордая Беларусь в который раз показала дулю всему миру".

Семен Букчин.
„Навіны", 24.VI.1998.

БЕЛОРУССКИЙ ТУПИК

„Во всем этом за версту ощущается всепроникающий и неистребимый дух огромного колхоза, ■ который трансформировалось независимое государство Беларусь. Но ведь колхозные методы и средства убеждения не носят универсального характера, а в международных отношениях абсолютно неэффективны. Единственное, чего с их помощью легко добиться, – это как раз того, чего мы и добились. Квартирный конфликт, начинавшийся как локальное недоразумение, со временем безжалостно высветил всю убогость и неэффективность государственной машины, созданной нынешним режимом....

Непомерные амбиции ■ сочетании с диким невежеством привели к тому, что Беларусь сегодня уже даже не всемирное помешище. Она превратилась в геополитический трагифарс, эрзац-государство, живущее по законам то ли поздней сословно-представительной монархии, то ли раннего абсолютизма. Демократически избранный президент, бесспорно, есть фигура, достойная всяческого уважения, однако не слишком ли дорого приходится платить за этот выбор всем гражданам страны".

Владимир Дорохов.
„Белорусская деловая газета", 13.VII.1998.

„Для Запада, судя по всему, до сих пор является загадкой, почему его послов выставили из Дроздов. Отсюда рождаются умопомрачительные версии о том, что все это затеяно Лукашенко, чтобы убрать... Титенкова. Европейскому сознанию трудно усвоить мысль о том, что всему виной, с одной стороны, многочисленные комплексы президента, порожденные его тяжелым детством, а с другой – маниакальное желание стать хозяином Кремля. Предвыборная кампания давно началась, и победа над Западом станет хорошим козырем.

... Запад пока не понял, что против него играют по правилам „холодной войны". Отсюда и недоумения по поводу „нерационального" поведения Лукашенко. Но тактика белорусского президента вполне адекватна сделанным ставкам... Шансы белорусского президента на успех в нынешнем противостоянии достаточно велики, главным образом, потому, что на Западе его до сих пор не воспринимают всерьез. Проще всего назвать Лукашенко „посмешищем всего мира", как это было в Кран-Монтане. Когда-то многие в Беларуси тоже смеялись над „неотесанным колхозником". Мы уже дорого заплатили за собственное легкомыслие. Западу это еще предстоит".

Александр Старикевич.
„Навіны", 10.VII.1998.

ЭЛЬЖБЕТА СМУЛКОВА: „НЕТ, БЕЛАРУСЬ У НАС НЕ ЗАБЫТА!"

С бывшим послом Польши в Беларуси, профессором кафедры общего языкознания и балтистики Варшавского университета беседует Семен Букчин

– Давайте вспомним, пани Эльжбета, сколько же это времени прошло с той поры, когда вы оставили свою должность посла Польши в Беларуси...

– Уже три года... Это был конец девяносто пятого.

– Насколько мне известно, за это время вы не раз приезжали на Беларусь...

– Главным образом как лингвист. Мои научные интересы давно связаны с Беларусью. В прошлом году вместе со студентами Белорусского университета мы изучали языковую ситуацию на Браславщине. Своеобразный многонациональный край. Помимо белорусов, русских и поляков, там живут и старообрядцы. Все это дает очень интересный в языковом и теоретическом отношении материал.

– Полагаю, что научные занятия не заслонили также вашего давнего и пристального интереса ко всему, что происходит на Беларуси. Как вам показалось, какие наиболее существенные изменения произошли у нас за эти три года и в каком направлении?

– Знаете, когда идешь по минским улицам, то перемен особых не замечаешь. Хотя нельзя не отметить, что идет строительство новых зданий и ремонтируются старые, и в общем город выглядит довольно прилично. Но вот парадокс как раз в том и состоит, что внешне все как будто привычно и нормально, а вместе с тем ведь известно как много изменилось в жизни людей даже за эти три года. Для меня в особенности горько и больно, что разрушились на самом высоком уровне контакты между нашими странами. И что ничего по сути не делается для того, чтобы послы западных стран, в том числе и Польши, вернулись для нормальной работы в Минск. Это ненормальная ситуация, когда государство не заинтересовано ▪ том, чтобы посол соседней страны работал в его столице...

– Если бы в то время, когда вы были послом в Минске, кто-то сказал вам, что через некоторое время польский посол вынужден будет покинуть нашу столицу, наверняка это показалось бы вам невероятной фантазией...

– Скорее всего... Можно было предвидеть, что поменяются некоторые формы сотрудничества, оно могло быть более или менее плодотворным в зависимости от ряда причин... Но что сложится такая ситуация – этого, конечно, я не могла себе представить.

– Нет ли в связи с этим некоего горького ощущения, что сделанное вами для укрепления и доброго развития польско-белорусских отношений порушено?

– Я думаю, что однажды посеянное добро не может быть полностью уничтожено. Какие-то его ростки всегда уцелеют... Поддерживают контакты наши научные, культурные учреждения, продолжают дружить специалисты – вклад посольства в укрепление этих связей очевиден. Конечно, очень важно экономическое сотрудничество. Понятно, что сейчас многие польские фирмы понесли убытки из-за финансового кризиса в России, а также в связи с тем обстоятельством, что белорусская экономика, в основном, ориентирована на российскую. И все-таки с восточных рынков мы не уйдем, в том числе и с белорусского. Важно только, чтобы с обеих сторон была проявлена добрая воля и обдуманы государственные гарантии для предпринимателей. Важно, чтобы правительства наших стран поддержали предпринимательскую инициативу.

– О, эти разговоры о необходимости тесного польско-белорусского сотрудничества – им уже столько лет! А воз, говоря словами дедушки

Крылова, и ныне там. Почему? Может быть потому, что несмотря на взаимотяготение снизу нет обоюдной доброй воли сверху?

– Но как можно говорить об обоюдной доброй воле сверху, если не Польша, а белорусское руководство было зачинателем скандала с посольскими резиденциями? Ведь проблему можно было решить совсем по-другому. Но если оскорблен представитель государства и тем самым нанесено оскорбление его стране, то для того, чтобы возобновить диалог, следует, по меньшей мере, извиниться, признать свою вину, попытаться ее загладить. Не может быть нормального контакта между президентами, премьер-министрами и другими высокими чиновниками, если посла одной из стран унизили. В Польше нет антибелорусских настроений. Но есть вполне адекватная реакция на соответствующие поступки белорусских властей, нарушающие и права человека и нормы международных отношений. Беларусь должна сделать для исправления ситуации хотя бы небольшой первый шаг...

– Будем откровенны: зная нашего президента, можно быть вполне уверенным, что он никогда не признает свою вину. Таким образом, нынешняя польско-белорусская ситуация остается как бы в некоем подвешенном состоянии. Тупик... Видите ли выход?

– Ну помимо, как говорят, верхов, остаются ведь еще и просто люди. И так называемые „челноки", ездящие за товаром, и предприниматели, и, конечно же, ученые, специалисты разных отраслей, деятели культуры... Все это большая сила, которая может действовать независимо от политики. Между прочим годовщина двухсотлетия со дня рождения Мицкевича содействовала оживлению культурных контактов. Я сама участвовала в конференции в Минске, организованной Скорининским центром и Институтом истории Академии наук Беларуси. Наши довольно оживленные дискуссии показали, как мощно переплетены польские и белорусские исторические и культурные корни, сколько у нас здесь простора для совместной работы. Но был и неприятный момент. Участники конференции не смогли побывать на официальных торжествах в Заосье и Новогрудке.

Я выступала и в Белорусском университете на филологическом факультете, где отмечали семидесятую годовщину возникновения кафедры белорусского языка, на которой я сама в молодости делала первые шаги ▪ белорусском языкознании. Сегодня в Беларуси нелегкая экономическая ситуация. И все-таки вышло очень много серьезных книг в сфере белорусистики. Во мне давно живет ощущение мощного духовного заряда, которым обладают многие ваши гуманитарии. Это, кстати, подтвердила и история вокруг газеты „Наша ніва".

– Да, то, что специалисты из академического Института языкознания поддержали право газеты выходить на том языке, на

котором она выходит, в наше время почти акт гражданского мужества. Раньше подобные заказы экспертиз выполнялись в соответствии с пожеланием власти.

– Конечно, можно говорить, что орфография – не самая главная проблема, гораздо важнее содержание написанного. Но в данном случае именно орфография олицетворяет в определенном смысле национальную, духовную функцию. Правописание в Беларуси приобрело очевидное идейное значение.

– Таким образом, вы полагаете, что определенная человеческая солидарность способна прорвать ту политическую блокаду, которую белорусская власть сама возвела вокруг нашей страны?

– В конце двадцатого века, когда Европа объединяется, самоизоляция Беларуси является фактом, с которым согласиться нельзя. Ведь ваша страна и в историческом плане тесно связана с европейской культурой. Как, впрочем, и Россия, и Украина. Поэтому нам необходимо еще более тесное сотрудничество во всех сферах.

– Но есть еще на Беларуси фактор политического противостояния. Конечно, нельзя говорить о том, что оно сегодня имеет характер мощного движения протеста, хотя идут массовые демонстрации, митинги. Противостояние скорее приобрело духовный характер. Зато власть в отношении оппозиционеров действует отнюдь не духовно... И в поисках поддержки белорусы, настроенные оппозиционно, все чаще оглядываются на Польшу. Как вам кажется, в какой степени они могут рассчитывать на польскую поддержку?

– Я не выступаю как политик, сегодня [redacted] работаю в науке, и поэтому могу изложить только свое мнение как гражданина Польши. В нашей стране всегда преобладала толерантность. Принцип свободы очень важен для поляков. Я, разумеется, не могу давать каких-то гарантий от имени властей, но от себя скажу, что на чисто человеческую поддержку белорусы с нашей стороны всегда могут рассчитывать. Гонимым по политическим причинам, по моему мнению, у нас должно быть предоставлено убежище. Вместе с тем вся наша общая работа (а многие программы уже реализуются) должна быть направлена на то, чтобы люди могли свободно жить и свободно высказываться, свободно реализовать себя в родной стране, создать открытое общество. Поддержка свободы убеждений, свободы информации – это для поляков, которые сами много перестрадали, дело святое.

– Кстати, об информации. Не кажется ли вам, что белорусская тема не занимает подобающего места в польских средствах массовой информации и что интеллектуальная Польша сегодня более сориентирована на запад нежели на восток? Впрочем, последнее обстоятельство достаточно понятно... Вас столько лет силой тянули

именно на восток... Вместе с тем нельзя не отметить завидное постоянство в польской периодике таких тем как польско-украинские, польско-российские, польско-еврейские, польско-немецкие отношения... Все это темы достаточно болезненные. Тем более нельзя не оценить стремление польских медиа не прятать концы в воду, прямо говорить о национальных ранах, о предрассудках, об истоках ксенофобии, о трагических национальных узлах...

– Если много у нас пишется и говорится об Украине и России, то это уже свидетельствует о том, что мы отнюдь не смотрим только на Запад. Кстати, не думаете ли вы, что страна, которая самоизолируется, не может вызывать широкого интереса? Это во-первых. А во-вторых, как мне кажется, история польско-белорусских отношений, в отличие от тех же польско-еврейских или польско-украинских, не содержит таких трагических страниц, каких-то острых конфликтов...

– Не уверен, что все наши историки согласятся с вами в этом вопросе.

– Ну это их право... Хотя, конечно же, есть немало требующих своего разрешения проблем. И о них у нас говорят. Возьмите хотя бы последние десять номеров выходящих у нас „Белорусских исторических тетрадей”... Думаю, что эти исследования будут развиваться. В ноябре Варшавский университет совместно с кафедрой белорусской культуры Белостокского университета провел международную конференцию на тему „Язык и самосознание на пограничье культур”. Белорусская проблематика становится у нас в известной степени модной. Возникают новые кафедры белорусистики не только в Белостоке... В нашу белорусистику приходит немало молодых людей. Я говорю об этом совершенно ответственно, потому что сама имею непосредственные контакты с различными группами студентов, социологов, историков искусства, лингвистов, этнографов, которые консультируются у меня, приглашают на научные диспуты и конференции, связанные с белорусской проблематикой. Нет, Беларусь у нас не забыта!

Варшава.

„Белорусская газета”, 7.XII.1998 г.

ЛУКАШИЗМ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУТИ РЕЖИМА

ЛУКАШИЗМ – ЭТО НЕ АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

„Лукашизм – это не Александр Лукашенко. Это явление. Это эклектика, симбиоз коммунизма, фашизма, шовинизма и махрового латиноамериканского популизма. Это закономерная, прогнозируемая реакция постсоветского пространства на трудности, проблемы переходного периода конца двадцатого столетия. Сила и глубина стереотипов, мутации человеческой психологии, разорванность исторической памяти, индифферентность международного сообщества оказались столь значительными, что лукашизм явился объективной закономерностью. Умершая система – учитель – продолжает держать за горло своих живых учеников.

... Хотя родина лукашизма – Беларусь, но это не чисто белорусское явление. Социальной базой для него являются практически все республики бывшего Советского Союза (в какой-то степени исключение – Прибалтика). Можно посочувствовать белорусскому народу, в который раз ставшему жертвой очередного эксперимента. Но Европе при этом откровенно повезло. Несложно предсказать, что произошло бы, если бы лукашизм начал свое шествие из Москвы или Киева. То, что в условиях Беларуси является национальной трагедией, приобрело бы размах глобальной катастрофы.

Лукашизм при своей достаточной распространенности на бытовом уровне, предрасположенности к нему значительной части населения, но не впущенный в коридоры власти, не выпущенный на уровень принятия ответственных решений, относительно безопасен и исторически бесперспективен. Что и подтверждает опыт России и Украины. При наличии благоприятной среды лукашизм тем не

менее здесь, скорее, чесотка, нежели полит-СПИД. Однако нельзя полностью исключить, что прогрессирующая чесотка не приобретет симптомы неизлечимой болезни уходящего столетия. Если не локализовать эпидемию лукашизма размерами Беларуси, то континент покроется обломками недостроенного общеевропейского дома.

Лукашизм в условиях Беларуси не способен трансформироваться в откровенный фашизм или коммунизм. Белорусские тюрьмы всегда будут переполнены политзаключенными и инакомыслящими, но концлагерей, вероятно, не будет. Будет иметь место морально-психологическое уничтожение людей, физическое устранение отдельных личностей, но Куропаты-2 вряд ли появятся. Для этого не хватает внутренних ресурсов и источников. Одних желаний и предрасположенности властей недостаточно. Недостает статуса или претензий на роль сверхдержавы. Нет необходимой прочности военных мускул и нет ядерного чемоданчика. Ощущается нехватка человеческой массы для заряжения пушек и таблицы Менделеева для отливки этих орудий. Отсутствует фактор естественно-природных условий, отгораживающих страну от внешнего мира. Режим застрял на стадии „полу" (полуфашизм, полукоммунизм). Но и этого вполне достаточно, чтобы отбросить страну на 15-20 лет назад...

Развитие лукашизма в Беларуси приближается к потолку своих возможностей. Его дальнейшее интенсивное развитие невозможно. Крах лукашизма – это вопрос времени. Интуитивно это понимают и идеологи данного явления. Лукашизм может выжить за счет только экстенсивного развития, развития вширь, за счет освоения новых территорий, новых кабинетов власти. Попытка проникнуть на российское политическое поле – это не только удовлетворение честолюбивых амбиций президента, но и вынужденная необходимость, естественное желание продлить свое политическое долголетие.

... В происходящем в Беларуси есть доля ответственности и Европы... Существование лукашизма в разной степени, до какой-то черты, устраивало практически всех соседей Беларуси. Миллиарды долларов потенциальных инвестиций, объективно предназначенных для белорусской экономики, оседали на дальних подступах к границам отечества. Так лукашизм трудоустраивал польских и украинских рабочих, повышал жизненный уровень литовцев и латышей.

... Лукашизм не поддается реформированию. Он не приемлет компромисса, ему противоестественен диалог, он лишен прагматизма, гибкости и логики... Загоняя 10,3 миллиона человек в рабство страха, лукашизм сам заразился этим вирусом. Он панически боится гласности, открытой дискуссии... Этим животным страхом насквозь

пронизаны президентские декреты и законопроекты о борьбе с „терроризмом", о наведении дисциплины, об удушении СМИ".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета
12-го и 13-го созывов,
заместитель председателя
Объединенной гражданской партии.
„Народная воля", 25.XI.1997.

ПОСЛЕДНИЙ ВНУК СТАЛИНА

„Ничего нового Лукашенко не признает. Республика под его руководством быстрыми темпами возвращается к старой административно-командной системе. Государственные предприятия снова должны выполнять план и производить не имеющие сбыта товары...

Сегодня маленькая страна между Польшей и Россией оказалась изолированной от всего мира. Страны Европейского союза прекратили сотрудничество с Беларусью из-за нарушений прав человека в этом государстве.

... Одинокий диктатор посвящает всего себя своему 10-миллионному народу. Он одержим идеей контролировать все: осенью он поднимался в воздух на вертолете, чтобы еще раз проверить, в каких хозяйствах остается неубранным урожай. На данный момент президент готовит новый указ „Об укреплении дисциплины". В народе ходят тревожные слухи, что за два десятиминутных опоздания в течение года будут увольнять с работы. В последний раз нечто подобное существовало при Сталине.

То, что, несмотря на все это, люди еще продолжают доверять своему президенту – результат работы мощной пропагандистской машины, которая работает исключительно на Лукашенко".

Беттина Зенглинг.
„Stern", декабрь 1997, № 49.

ТЫСЯЧИ БЕЛОРУССКИХ ГРАЖДАН МОГУТ ЗАНЯТЬ МЕСТО ШЕРЕМЕТА

„Лукашенко обещает, что „с сегодняшнего дня самое мелкое правонарушение будет караться немедленно". Что значит „немедленно"? А право на защиту? Мы слишком хорошо знаем из истории, к чему приводит желание „разобраться" с правонарушителями (а точнее, с теми, кто, по мнению властей, а не судей, преступил закон). Это

значит, как всегда считалось в народе, разбираться без суда и следствия.

Самые жестокие меры президент Белоруссии предлагает применять к таким правонарушителям, как „бабки с сигаретами, пикетчики..." Оставим в стороне пикетчиков – нелюбовь к ним Лукашенко общеизвестна. Но бабки с сигаретами при чем? Впрочем, и атака на них неудивительна, если иметь в виду характер сегодняшней белорусской экономики, создаваемой по образу и подобию бывшей советской, социалистической. А раз так, значит, бабки – спекулянтки, и земля должна гореть у них под ногами. Руководителям Белоруссии и в голову не приходит общеизвестный факт: в сложном переходе от жесткой, плановой, исчерпавшей себя экономики к цивилизованной, рыночной именно уличные торговцы, эти самые „бабки с сигаретами" играют роль первопроходцев, помогают насытить рынок, выйти в конце концов из кризиса. И таким людям Лукашенко объявляет войну. Не представляю, что, кроме новых тягот для народа, может принести победа в такой войне? Усиление личной власти? Это наверняка".

Анатолий Друзенко.
„Известия", 9.X.1997.

СОРАТНИКИ ЛУКАШЕНКО

„Окружение Александра Лукашенко не объединяет ничего, кроме любви к власти и страха перед своим президентом. В большинстве своем они чувствуют себя временщиками. Они боятся того времени, когда потеряют власть, потому что осознают: в стране, где министра арестовывают в присутствии телекамеры, а журналиста сажают в тюрьму за исполнение профессионального долга, лишь пребывание во власти является некоторой гарантией безопасности. Они боятся и в большинстве своем ведут себя как преступники, скрывающиеся от правосудия. Беларусь обнищала при Лукашенко. Россияне, приезжающие в Беларусь и по-детски радующиеся тому, сколько можно купить на сто российских рублей, просто не понимают главного: у большинства белорусов нет этих ста рублей. Белорусы живут в перевернутом мире. Наши деньги обесценились, народ потерял веру в будущее. Но власть спокойна. Репутация Александра Лукашенко среди вконец люмпенизированного электората – наилучшая гарантия того, что элита может править по-прежнему.

Пока эти люди правят только Беларусью. Может быть, они будут править объединенным белорусско-российским государством. Боже, храни россиян!"

Александр Федута.
„Московские новости", 24–31.V.1998.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

„Альтернативой тоталитарному обустройству Беларуси является неуклонное загнивание в течение 5–10 лет. Во-первых, пройдет немало лет, прежде чем мировое сообщество прибегнет к решительным мерам по предотвращению белорусской угрозы европейскому миру. Лишь в 1999 году, когда закончится законный срок президентских полномочий А.Лукашенко, Евросоюз, ОБСЕ и НАТО будут вынуждены вплотную заняться белорусским вопросом. А Россия к ним присоединится лишь после президентских выборов 2000 года.

Во-вторых, европейские традиции внешнеполитического воздействия на строптивых суверенов всегда предполагают опору на внутреннюю оппозицию. Поэтому нельзя не примерить к белорусским политическим группировкам ту или иную известную методику социальных технологий. Тем паче, что цель уже ясна, задачи поставят социальные технологии. Так что за работу, товарищи оппозиционеры!"

Александр Сдвижков.
„Згода", декабрь 1997, № 7.

ИЗОЛЯЦИЯ

„А крах неизбежен. Поскольку нет реальных оснований считать, что миссия ОБСЕ сможет убедить Лукашенко либерализировать свой режим. Освободить из-под жесткого контроля средства массовой информации и допустить к ним оппозицию. Восстановить Конституцию 1994 года. Провести свободные выборы. А это означает, что с лета 1999 г. он станет целиком нелегитимной фигурой в глазах европейского сообщества, и внешнеполитическая изоляция Беларуси усилится.

Нет реальных оснований считать, что летом 2000 года Москва допустит Лукашенко к участию в выборах российского или общего белорусско-российского президента. А полное отсутствие способности режима к самостоятельному реформированию настолько очевидно, что не позже лета 2000 года он окончательно исчерпает внутренние ресурсы своего существования.

И может получиться так: проснувшись однажды утром, белорусский

электорат узнает, что президентский самолет приземлился в одной из отдаленных стран с диктаторским режимом..."

Юрий Хадыка.
„Навіны", 22.V.1998.

ЗА ВСЕ ОТВЕТИТ ЛУКАШЕНКО...

И – большинство, которое ему поверило

„Сегодня в руках Лукашенко остался один-единственный козырь, который он мастерски использует, – идея интеграции как панацеи от всех проблем. Эта, казалось бы, примитивная политическая стратегия позволяет Лукашенко сохранять любовь простого народа. В то же время явным преувеличением было бы утверждение о всенародном признании его заслуг, поскольку в кругах национально-ориентированной гуманитарной интеллигенции и демократически настроенных технократов он не только не пользуется уважением, но и вызывает нескрываемое отвращение.

Как бы то ни было, но сегодня в пестрой толпе постсоветских политиков Лукашенко совершенно уникален. Политик-популист держится уже четыре года, не теряя популярности и постоянно приводя в замешательство своими интеграционными инициативами российских и украинских политиков. И дело здесь не только в том, что белорусы с гораздо большим пониманием, чем русские или украинцы, воспринимают апелляции своего президента к советскому прошлому.

Действительная причина гораздо глубже: если принять во внимание тотальную деиндустриализацию, которой подверглась после распада СССР эта одна из наиболее благополучных бывших советских республик – „сборочный цех Союза", то можно с достаточными на то основаниями расценивать белорусские события последних лет как протест индустриально-аграрного общества против деградации, в которую ввергли его распад союзного государства, бессилие предшественников Александра Лукашенко остановить процесс разложения общественного хозяйства, ставший результатом разрыва прежних экономических связей, и их неспособность вселить в массы веру в обратимость этих разрушительных процессов. Именно на волне этого протеста произошло возвышение „харизматика" Лукашенко, который сумел облечь его в соответствующие формы, предложив государственно-патерналистскую программу выхода из кризиса. Роль своего рода мобилизационной идеологии в этой программе „прорыва в будущее через прошлое" играет идея интеграции с Россией, последующего восстановления разрушенных в постсоветский период

экономических и иных связей и продолжение модернизации Беларуси по советским образцам в рамках нового государственного (надгосударственного) образования.

Совсем не случаен тот факт, что в обществе „горожан в первом поколении", практически полностью утративших социокультурные ориентации, присущие деревенским жителям, но еще не нашедших себя ни в каких сегментах городской среды, кроме собственного предприятия (а именно таким было белорусское общество перед началом перестроечных процессов), эта программа нашла такой глубокий отклик. Здесь почти повсеместно, и в первую очередь в восточных областях, в психологии людей особенно глубоко укоренена иллюзия огромных патерналистских возможностей государства, а в массовом сознании большое место занимает неприятие неравенства, возникающего вследствие рыночной конкуренции... Более того, в отличие от соседних стран Восточной Европы, кризис режима вылился в Беларуси не в переходе власти к массовому „антитоталитарному" (т.е. антиноменклатурному по лозунгам и националистическому по содержанию) движению во главе с придерживающимся „либеральной моды" лидером, а в выдвижение на первый план талантливого демагога с ярко выраженной ностальгией по советскому прошлому, перонистскими наклонностями и психологией типично советского человека. Неудивительно, что ему лучше, чем кому бы то ни было, удается успешно эксплуатировать неизжитые уравнительные и перераспределительные иллюзии, жажду социальной справедливости и сладкие воспоминания о „беззаботной" жизни в СССР.

А поскольку „формула власти" в Беларуси и идеология „прорыва к модернизации" через реинтеграцию с Россией исключает самодеятельность городской интеллигенции ■ каких-либо независимых от государства формах, то отсутствие перспектив, и ■ том числе перспективы культурной и национально-гоударственной самоидентификации, порождает „лишних людей", или – в переводе с литературного на научный язык – несостоявшихся „субъектов развития". И если большинство народа в Беларуси, в отличие от России, не чувствует себя ненужным власти, то интеллигенция, говорящая по-белорусски, сегодня находится ■ положении изгоя.

„Популяция лишних людей" растет в последнее время за счет молодежи, которая не может или не хочет выходить из тупика безвременья, используя естественные для старшего и среднего поколения пути приспособления к ситуации – такие, к примеру, как работа на приусадебных участках бабушек и дедушек, садоводство и огородничество на крохотных пятачках вокруг дачных домиков и т.д. Выезд на заработки в сопредельные страны или – если речь идет о ву-

зовской молодежи – неквалифицированный труд на Западе, криминальные и паракриминальные структуры, розничная и мелкооптовая торговля, примитивный челночный бизнес – таков удел современной белорусской молодежи.

Впрочем, все эти тенденции характерны не только для Беларуси, но и для России. Разница заключается лишь в том, что истоки упомянутых явлений в Белоруссии иные – не либеральное реформаторство по западным шаблонам и в интересах финансово-бюрократической корпорации, а государственный патернализм, обращенный в советское прошлое и пока еще отвечающий не до конца осознанным потребностям большинства народа. Но в конечном итоге – используемый местной номенклатурной элитой в интересах сохранения своей полной безответственности. За все ответит Лукашенко... И – большинство, которое ему поверило".

Валерий Дикевич, Алексей Тупицын, Андрей Фетисов,
эксперты Центра управленческого проектирования (Москва).
„Навіны", 23.X.1998.

БЕЛАРУСЬ: РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО

„Может быть, самая острая проблема белорусского общества – антагонизм мировоззрений. Конфликт основополагающих ценностей присущ любой политической системе. Однако существование народа, нации, общества, государства невозможно без достижения общенационального консенсуса данного конкретного социума. Всякое государство основано на общем социальном проекте, направленном в будущее, на соучастии всех групп населения в его реализации. Это дает основание и возможность государству и его органам выступить в качестве представителя всей нации.

Мировоззренческий раскол обостряется тем, что различные слои населения живут как бы в разных исторических эпохах. Усиливается разрыв между социально-культурными элементами постиндустриального типа части городского населения и патриархально-доиндустриального типа сельских жителей (в основном, пенсионеров).

Феномен Беларуси состоит в том, что по уровню научно-производственного потенциала, образования, социальной структуре страна находится на стадии позднего индустриального общества, а массовое сознание в какой-то степени осталось патриархальным, законсервировалось на уровне начального периода индустриализации. Переход к машинному производству произошел слишком быстро, на протяжении жизни одного поколения...

Фундаментальный раскол белорусского общества, проявившийся еще на заре перестройки, существовал как бы в потенции, на мировоззренческом уровне. А.Лукашенко довел этот раскол до реального противостояния, превратил политическую борьбу в холодную гражданскую войну, довел Беларусь до состояния одного из очагов напряженности в Европе.

Одним из важных факторов дестабилизации и раскола общества является то, что Лукашенко нашел свою социальную опору в той части населения, которая характеризуется консервативным, антирыночным, антидемократическим, контрреформистским сознанием...

Важным следствием отмеченных тенденций в государственной и общественной жизни является утверждение в массовом сознании убеждения, что насилие является приемлемым и нормальным способом разрешения конфликтов, отстаивания своих интересов...

Отсутствие механизма обратной связи между населением и властью, разочарование в демократических процедурах (о чем говорит массовое неучастие населения в выборах), легитимных способах разрешения острых социальных проблем порождает „силовой синдром" в массовом сознании. Растет убежденность, что защитить свои интересы можно только силой, с помощью забастовок, пикетов, шествий к президентской резиденции и т.д. С обострением социальной напряженности эта тенденция является тревожным индикатором накопления в обществе неуправляемой энергии протеста".

Валерий Карбалевич.
„Белорусская газета", 29.III.–5.IV.1999.

БЕЛОРУССКИЙ ЭЛЕКТОРАТ: ЗА И ПРОТИВ ПРЕЗИДЕНТА

„Самый важный вывод из приведенных данных, которые подтверждают и углубляют результаты предыдущих национальных опросов НИСЭПИ, заключается в том, что представление о единодушии и стабильности белорусского общества является чистейшим и весьма опасным мифом. Белорусское общество не просто „не единодушно", оно расколото и расколото очень глубоко. Сложившееся еще в перестроечные времена представление о пресловутой „памяркоунасці і талерантнасці" белорусов сегодня столь же адекватно реальному положению, как „добрососедские отношения" между жителями Грузии и Абхазии, Молдовы и Приднестровья. Разница, конечно, есть, но не столько в форме проявления этих противоречий (социальное напряжение еще не переросло в открытый конфликт, тем более с применением вооруженной силы), сколько в их содержании.

Раскол белорусского общества, чреватый серьезными конфликтами, имеет не столько национальную или религиозную, сколько социальную и идеологическую основу. Часть общества искренне тоскует о „старых добрых временах" развитого социализма – таких примерно 20–30% населения. Другая часть наоборот стремится жить по принципам рыночной экономики и демократии – таких уже не менее 20%. Эти группы – непримиримые антагонисты, убежденные в своей правоте и готовые активно отстаивать свои убеждения.

Полагаю, что раскол белорусского общества был спровоцирован не Александром Лукашенко, а крахом социалистической системы и распадом советской империи: к 1991 году в нашем обществе не сформировалась почва, на которой идеи государственной независимости, рыночной экономики, политической демократии и прав человека получили бы поддержку большинства. Другое дело, что социальная и политическая поляризация первых трех лет независимости могла быть смягчена, „смятение умов" могло бы приобрести вполне нормальные, цивилизованные формы общественного „разномыслия", которое обычно не тормозит, а наоборот стимулирует развитие общества. Но нынешняя политика президента Лукашенко, активно, целеустремленно и планомерно восстанавливающая прежние формы общественной жизни, начисто игнорирующая и подавляющая интересы тех, кто уже не приемлет этих форм, – такая политика не смягчает, не нейтрализует объективную поляризацию, а обостряет ее до крайности, доводит общество до раскола".

Олег Манаев,

профессор, директор Независимого
института социально-экономических
и политических исследований.
„Навіны", 1.IV.1998.

„МЫ ЖДЕМ ПЕРЕМЕН"

„Молодежные лидеры считают, что тяжелая жизнь, плохое материальное положение будут отнюдь не главным движущим мотивом, который побудит их сверстников участвовать в политических выступлениях. Довольно самокритично оценивают они и собственные способности повести за собой молодежные „массы". Главным мотивом протеста, по их мнению, будет „Великий отказ", недоверие к официальным общественным институтам. Активной молодежи не столько тяжело, сколько душно ■ обществе „победившего прошлого", оно отвергает его официальные институты не столько из политических,

сколько из этических и даже эстетических соображений. Они ждут перемен. И не только ждут, но и готовы приблизить их".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 7.IV.1999.

ФОРМУЛА РЕФОРМ

„В последние годы мощный молодежный напор был придавлен прессом страха, не имел достойного применения в школах, училищах и университетах – и он прорвался в преступность, в наркотический транс, разврат, в жажду эмиграции и экстремистскую ненависть. Наша задача – как можно скорее трансформировать всю молодежную сферу, чтобы новые поколения с такой же решительной силой ринулись раскручивать маховики реформ: Белорусское Экономическое Чудо, Белорусский Строительный Бум, Белорусский Культурный Взрыв, Белорусский Духовный Подъем".

Павел Северинец,
председатель „Молодого фронта".
„Навіны", 23.III.1999.

СОДЕРЖАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

„Окончательно белорусская нация оформляется между 1492 и 1569 гг."

Юрий Хадыка.
„Навіны", 24.II.1999.

Но если это так, если у нас такая давняя национальная история, то почему она никак себя не проявляет сегодня? Забили, отняли память... Это слишком легкие, тоже „пропагандистские" ответы. У армян и эстонцев не отняли... Только белорусам не повезло...

„ВСЯ НАША ИСТОРИЯ СОТКАНА ИЗ ТРАГИЗМА"

О новой книге Василя Быкова и не только о ней с автором беседует Семен Букчин

– Я держу в руках вашу новую книгу „Стена". Знаю кое-что о перипетиях, связанных с ее изданием. Книгу выпустила газета „Наша Ніва" на деньги, собранные читателями. Отсюда и непривычный

тираж – семьсот пятьдесят экземпляров. Известно, что рукопись долгое время находилась в государственном издательстве „Мастацкая літаратура". Любопытно, как они все-таки отказали вам? В советские времена для этого требовалось заключение рецензента, что рукопись идейно ущербна и художественно несостоятельна... Неужто вам „пришили" и то и другое?

– Зачем же им так явно себя в грязи вымазывать? Можно поступить проще и надежнее. После того как рукопись была отредактирована и набрана, сделано художественное оформление, она еще два года пролежала без всякого продвижения в печать. Естественно, я время от времени интересовался, но получал уклончивые ответы. Пришлось поставить вопрос ребром: будете издавать или мне лучше забрать рукопись? Ответ последовал немедленно: можете забирать. Что я и сделал. А они очень охотно мне вернули рукопись.

– Действительно, очень удобно для издательства. Быков сам забрал рукопись. И никаких постыдных бумажек-заключений не пришлось сочинять.

– А зачем? Теперь в полном расцвете так называемое „телефонное право", позволяющее не оставлять следов. Раньше указания такого рода шли из ЦК КПБ, теперь – из администрации президента. Кстати, после того как Комитет по печати возглавил полковник Заметалин, из издательского плана выбросили не только мою книгу, но и работы других писателей, также несоответствовавшие полковничьей идеологии. За эти „достижения", видимо, и по шел на повышение...

– Все у нас идет по Щедрину... Помните, Угрюм-Бурчеев считал разум „злейшим врагом, опутывающим человека". Но оставим глуповских градоначальников... Поговорим о книге. Признаюсь, приступил к ее чтению с неким внутренним вопросом: этот тот Быков, которого знаю по прежним вещам, или какой-то другой? Конечно, я вновь встретился с автором, которого давно знаю по военным, партизанским повестям. И вместе с тем мне показалось, что эволюция духовная и даже изобразительная несомненна. Ваша жесткая манера письма стала как бы еще жестче... Впрочем, что вы сами скажете об этом?

– Очевидно нужно иметь ■ виду, что книжка составлена из новелл разного времени. Некоторые были написаны и десять и двадцать лет назад, но не печатались. Другие появились совсем недавно. Естественно, такая протяженность во времени не могла не сказаться на книге. Человек меняется, меняются его политические воззрения. Это нормально. Некоторое мое беспокойство, как автора, как раз и было связано с тем, что вещи, вошедшие в книгу, достаточно сильно отличаются, может быть, даже отчасти и в идейном плане. Тем не менее

я стремился избежать повторов. Мне хотелось, чтобы книга была составлена из произведений, не повторявших того, о чем я уже писал, в том числе и о войне.

– А мне кажется, что повесть „Полюби меня, солдатик", опубликованная года два назад в „Новом мире", напоминает вашу раннюю прозу, молодую, „лейтенантскую".

– Пожалуй. Но и [redacted] ней есть один новый момент. Мне хотелось показать неоднозначность нашей победы. Хотелось показать, что она таит в себе немало будущих конфликтов.

– Зверское убийство советскими солдатами белорусской девушки Франи, жившей в австрийской семье, и самой этой семьи, нормальной, интеллигентной, более того – питавшей отвращение к нацизму, убийство через несколько дней после капитуляции Германии, – этот сюжет повести самым непосредственным образом связан с открывающим книгу эссе „Война и победа". В самом конце его вы пишете: „Чем больше времени проходит с памятного мая 1945 года, тем больше вопросов ставит минувшая война. Обесцениваются многие из недавних ценностей, возникают новые. Молодым поколениям кажется, что настало их время, не связанное с проклятым прошлым, которое стало заслуженной судьбой их отцов и дедов. Но подождем с выводами". А что, на ваш взгляд, еще не сказала о войне литература, не сказала именно такого, что могло бы повлиять на эти самые будущие выводы?

– О войне очень много написано и снято [redacted] кино. Но некая глубинная правда войны еще далеко не постигнута искусством, и вряд оно успеет это сделать.. Я имею в виду те стороны войны, которые лежат далеко, скажем, от темы героизма. Здесь явная диспропорция: героика и, скажем, быт войны, какая-то другая ее правда, лишенная идеологи-ческих и прочих наслоений. Мне удалось подобрать лишь некоторые неиспользованные, незамеченные крохи от этой большой правды войны. И сделал я это, ощущая, что тема войны уходит из литературы, уже ушла, наверное. Дело понятное: изменилось время, пришли другие интересы... Мне кажется, что возврата к теме этой не будет в искусстве, в литературе. Она утонула вместе с реализмом как художественным методом. А постмодернизму вряд ли может быть интересна военная тема. Все-таки война – это реализм высокой степени.

– Ну а „Прокляты и убиты" Виктора Астафьева – это повтор или все-таки продвижение в теме войны?

– Астафьев, несомненно, углубился, и не только в этом романе, но и в других своих военных произведениях последнего времени. И я думаю, что в этом направлении, в таком ключе добавить что-то после Астафьева уже невозможно. Он, может быть, даже чересчур выворотил

изнанку войны, чтобы там можно было найти еще что-то неисследованное.

– Получается, с одной стороны, непознанность глубинной правды войны, с другой – исчерпанность военной темы... Рядом с этим вполне реальным и понятным противоречием темы уходящей в вашей последней книге укрупняется и приобретает трагические краски белорусская тема. Не скрою, что я с особым чувством читал ваши новые вещи. Наверное, опасался некоей определенной политизации, учитывая вашу общественную позицию последних лет. И увидел, что вы не поступились художественными принципами, что вы по-прежнему идете за человеком, пытаетесь понять его. Но трагизм ситуации, в которой, как правило, оказываются ваши герои, на этот раз воспринимался особо. Уже не как трагедия отдельной личности, но трагедия народа, нации, общества. Рассказ „Желтый песочек" – это куропатская тема конца 30-х: энкаведист вывозит на расстрел группу самых разных людей, которые покорно принимают смерть. Герои рассказа „На Черных лядах", несколько уцелевших бойцов из отряда, пытавшегося отстоять Белорусскую Народную Республику в конце 20-х годов, обложенных в лесу большевистскими силами, добровольно уходят из жизни. Эта трагическая нота режет душу особенно сегодня, когда так остро стоит вопрос о способности нашего народа к жизнетворчеству. Это нота чуть ли не реквиема по белорусам, реквиема, обращенного и к нам, и к миру...

– Вся наша история соткана из драматизма и трагизма. Так получалось, что каждая подвижка нашего национального сознания, общественного уклада заканчивалась для нас трагически. Это было и в далеком прошлом, ну а что касается нашего времени – этот трагизм очевиден, он вершится сегодня на глазах всего мира. Весь мир сегодня следит за трагическим финалом устремления нашего народа к демократии. И вместе с тем мы знаем, что иного, кроме демократического, нет пути в будущее. Естественно, что все эти события не могут вызвать отклика и в культуре, в литературе тем более. Если кто-то пытается не заметить этого, не понять, пытается сохранить оптимистическую мину, то это не более чем лукавство. Цивилизованный мир не может не трогать то, что происходит сегодня в Беларуси. Поскольку это важно не только для нашего народа, но для всей Европы. Последствия могут быть самыми печальными...

– Если бы рассказ „Желтый песочек" разбирался в критике советских времен, даже перестроечных, то, наверное, было бы сказано следующее: да, сама ситуация и герои Быкова достаточно жизненны, но почему же Быков отказывает своему народу в сопротивлении, почему так покорны судьбе его герои? Кстати, в рассказе

возникает ситуация, когда группа приговоренных к смерти остается один на один с энкаведистом, отославшим конвой за подмогой, чтобы вытащить застрявшую в грязи машину. И люди, вместо того, чтобы бежать, бросить вызов судьбе, сами вытаскивают эту машину. Метафора, невольно наводящая на мысли о нынешней белорусской ситуации...

– В том, что я пишу, исхожу из реалий жизни. В 30-е годы, время действия рассказа, борцов-то и не было. Со сталинизмом, с тоталитаризмом в Беларуси в то время никто не боролся. Героев не было. Финал был один, поскольку Молох требовал жертв. И эти жертвами становились самые обычные люди из разных социальных слоев. Это была кровавая баня, в которой, кстати, гибли и палачи. Что касается поведения героев моего рассказа, нескольких человек, которых везут из тюрьмы за город на казнь, то они действуют согласно логике здравого смысла. Они понимали, что их ожидает, но и выхода не видели. Негде было скрыться, некуда было убежать в то время. Карающая рука сталинской диктатуры настигала всюду. Воли к сопротивлению не существовало вообще, поскольку люди не понимали, что происходит, не считали себя [redacted] чем-то виновными. И еще была надежда. Ее великолепно использовали, кстати, и большевики и фашисты. И человек, зная, что он обречен, тем не менее хватался за кончик надежды, и это окончательно парализовывало его волю к сопротивлению. И вот эта человеческая надежда на справедливость позволяла по сути одному чекисту расправляться с целой группой нормальных мужиков.

– Десять лет отделяют события в „Желтом песочке" от событий в рассказе „На Черных лядах". И ваши герои в рассказе „На Черных лядах" – это ведь не запуганные, парализованные советские граждане конца 30-х годов. Это люди с оружием в руках. Насколько исторически оправдан их добровольный, коллективный уход из жизни, этот мотив обреченности еще в конце 20-х годов, который опять-таки метафорически вопринимается как конец надежды на новую Беларусь и даже как конец самой Беларуси?

– Конечно, не для всех белорусов, но для некоторой части нашего общества уже в конце 20-х годов и даже раньше все стало ясно. Что такое большевики стало понятно уже в конце 1917 года, когда в Минске Белорусский конгресс, на котором собралось более двух тысяч делегатов, избранных по всей стране, был разогнан большевистскими войсками. Некоторые делегаты были расстреляны, арестованы. То же самое произошло с объявленной в марте 1918 года Белорусской Народной Республикой. Ни с какими зачатками, элементами демократии большевистская сила не считалась. И жестоко подавляла малейшее стремление к независимости Беларуси. Восстаний против

большевистского насилия в тогдашней Беларуси было немало. Тогда люди впервые увидели всю бесчеловечность „строителей новой жизни", поскольку они вели не только борьбу с теми, кто оказывал им вооруженное сопротивление, но брали заложников среди мирного населения, брали целыми семьями. Уже в 20-е годы семьи подвергались репрессиям и вывозились на север. Поэтому мои герои, принимая трагическое решение уйти из жизни, отлично понимали, что ожидает не только их самих, но и их близких. Уход из жизни – это прежде всего попытка спасти своих родственников.

– А какова судьба фильма, снятого по этому рассказу?

– Года четыре назад режиссер „Беларусьфильма" Валерий Пономарев снял картину „На Черных лядах". В основу сценария легли два рассказа – „На Черных лядах" и „Перед концом". Фильм снимался при очень большом сопротивлении начальства, министерства культуры, руководства киностудии. Не давали денег, режиссер собирал средства с помощью спонсоров. И тем не менее работу закончили. Когда назначили общественный просмотр ■ кинотеатре „Москва", на который были проданы билеты, пленка вдруг исчезла. Фильм попросту украли на киностудии, украли, естественно, по указанию начальства. Объявили, что в связи с исчезновением ленты, сеанс не состоится. Потом оказалось, что фильм находится в сейфе, под арестом на студии. И вот до сих пор фильм никуда не вывозят, никому не показывают, в прокат не пускают.

– Вы сами-то видели картину?

– Видел. Фильм сделан ■ духе моей прозы. Снимались в нем наши белорусские актеры, и озвучен он на белорусском языке. Чтобы продвинуть картину за пределы республики, нужно дублировать ее на русском языке. И вот здесь активно воспротивилось министерство культуры. Лукашенковские чиновники не хотят, чтобы фильм увидели в России и в других странах. Поэтому пока он существует на подпольных видеокассетах.

– Хочется спросить вас о вещах более общего характера, но тем не менее весьма существенных. Изменилось время – изменилась и роль литературы в обществе. Это ясно. Мой покойный друг, известный польский литератор Анджей Дравич сказал как-то в одном разговоре, что прежняя, учительная, воспитательная роль литературы ушла, нынешняя литература – это больше некий сад игр, художественных изысков. Вы согласны с этим?

– Я полностью согласен с Дравичем. Литература в ее прежнем, классическом виде, в том качестве, в котором она существовала для старших поколений, по крайней мере, может быть, в течение двух столетий, если брать российскую историю, изжила себя. Придет,

наверное, другая литература. Но это не будет литература высокой культуры, высокой духовности. Это будет литература отдыха, развлечения, своего рода уик-энда. Книжку будут брать с собой на выходной, в поезд, чтобы убить время, чтобы насладиться некими красивыми описаниями. А если это все же будет драма, то непременно с хорошим концом, как в американских фильмах. Поэтому литература потеряет свое драматическое начало, а вместе с ним и функцию катарсиса, некоего духовного очищения, просветления человека. Она будет тревожить слегка и обязательно успокаивать читателя, никак не влияя на его аппетит перед обедом.

– Выходит, можно говорить о том, что и русская литература и литературы бывших советских республик как бы присоединяются к судьбе литературы на Западе...

– В смысле культуры у нас уже давно законодателем мод является Запад, прежде всего Америка. Масскультура идет оттуда, она диктует свои нормы и стандарты и охватывает все большие территории на востоке. Ведь даже Япония американизируется очень активно. Вряд ли можно надеяться, что наша постсоветская литература избежит этих мощных влияний.

– Мне вспоминается разговор с одним преуспевавшим в советские годы относительно молодым белорусским прозаиком. Он говорил: я не консерватор, не адепт партийности в литературе, но ведь какое замечательное время было, люди записывались в очередь в библиотеках за новым романом Айтматова, гонялись за хорошими книгами, которые купить было трудно, подписывались на толстые журналы, люди читали, была духовность, была культура, значит, правильно, что давали понемножку Цветаеву и Пастернака, люди ценили книгу, читали нас, тех писателей, которые работали для них, потому что остальное было под запретом и контролем...

– Конечно, в тоталитарном обществе все ограничивается и регламентируется. Но ведь именно поэтому тоталитаризм и не вечен. Есть некое объективное развитие истории, которое сильнее диктатуры и любого тоталитаризма. И, конечно же, никакие постановления ЦК и Совмина неспособны сохранить какие-то стандарты духовной жизни. Мы же видим, какие изменения произошли буквально на наших глазах, притом такие кардинальные, о которых еще несколько лет назад и помыслить нельзя было. Что же касается книжного бума, пережитого страной в середине 80-х годов, то это было не развитие духовности, а некий элемент квартирного дизайна. Развивалось жилищное строительство, нужно было чем-то заполнять мебельные стенки и полки. Ряды книжных корешков свидетельствовали как бы о причастности хозяина к культуре, но это был чисто внешний декораторский элемент,

никак не связанный с действительным духовным обогащением личности. Народилось своего рода новое книжное мещанство, похвалявшееся приобретенным дефицитом, коим являлся тот же Пастернак. А теперь и этого не нужно, потому что сменилась культурная парадигма.

– Если нравственная роль литературы распыляется, растворяется, то куда вообще уходит Слово, то самое Слово, которое, согласно Библии, было в начале всего?

– Я думаю, что [redacted] последние годы произошел поединок между двумя силами – видео и аудио. Видео победило окончательно.

– Но аудио – это звучащее слово. А есть еще написанное.

– И написанное оказалось побежденным. Поскольку очень многое из традиционной культуры было захвачено видеокультурой. Телевидение работает почти круглые сутки, соответственно, оно и царит в головах. Его информационные возможности и не снились печатному слову. А тут еще Интернет... Поэтому массы людей отвернулись от книги и уставились в телеящики. Они получают теперь информацию [redacted] невообразимо больших объемах и, главное, без всяких усилий. Информация эта заполняет сознание потребителя, минуя какие-то очень важные нравственные центры. Этим обстоятельством и воспользовались сатанинские силы.

– Что вы имеете в виду под сатанинскими силами?

– Я, конечно же, подразумеваю не некие инфернальные фигуры, а силы политические, антидемократические, антинациональные, стремящиеся к оболваниванию общества, к навязыванию ему своих идей и ценностей, своей системы поведения. Силы, направленные против человека и человечества.

– И кто же теперь общественный вития, воплощающий глас народа, его совесть? Это некий шоумен, телекомментатор? Кто в этих условиях может служить моральным, нравственным авторитетом? На чем может формироваться нация, общество, что может быть его опорой?

– Увы – сегодня умами владеет телевидение. Оно может и сбросить и вознести, провести, как надо, выборы. Оно диктует человеку мысли, нормы поведения.

– Что же все-таки с культурой? Она ведь окончательно не исчезает, она трансформируется, уходит на какие-то участки... У Чеслава Милоша есть книга, называющаяся „Острова". Островами он называет западные, прежде всего американские, университеты, студенческие кампусы, где и оседает сегодня и формируется культура. И, может быть, они будут соединяться между собой некими перешейками, и благодаря этому способу существования культура

устоит. Но только в тех странах, где есть сильные университеты, университеты-государства. А что же нас ждет, в нашей Беларуси? И вообще на том пространстве, которое называют постсоветским?

– Да, на Западе, как говорит Милош, существуют эти острова элитарной культуры в океане того же масскульта. Но у нас нет даже зародыша этих островов. Но и океан массовой культуры нас еще не захлестнул. Тут еще идут серьезные глобальные процессы. Возможно, им уготовано западное направление. А, может быть, тут родится и что-то новое, если не из элитарной, то из каких-то субкультур. Впрочем, я не специалист, да и вообще это дело будущего. А будущее мало кому удавалось точно предсказать...

– А вот для меня газета „Наша Ніва" и все, что делают молодые белорусские интеллектуалы сегодня, это тоже своего рода белорусский остров. Есть, кстати, и другие белорусские острова...

– Конечно, традиционно принято полагаться на молодежь... Но ведь молодежь никогда не оправдывает надежд стариков, она всегда идет своим путем. Лучшим или худшим, но всегда иным. Но и сам этот путь возможен в условиях демократического общества. В условиях тоталитаризма молодежь ничего не может изобрести и отстоять, она всегда будет подчинена старикам, могучей силе давящего на нее государства. Поэтому у нас трудно полагаться на молодежь, трудно рассчитывать, что она отстоит что-то из общечеловеческих ценностей. Одних сломают репрессиями, других купят, как это и было ■ советское время.

– Но сегодня историки и публицисты, отмечая тридцатилетие мощных студенческих волнений на Западе, говорят о несомненном влиянии молодежи на дальнейший ход жизни ■ западных государствах.

– Это Запад. Другие традиции, другая история, другая кровь... Другая культура. Советская молодежь, кстати, не произвела никакой культуры, кроме большевистской. Поэтому что касается Беларуси, многое будет зависеть не столько от молодежи, сколько от общего состояния нашего общества, от того, в какую сторону оно сделает поворот. А культура теснейшим образом зависит от экономики, которая у нас сегодня не кризисная, а катастрофическая. Поэтому трудно предсказать не только что случится ■ будущем столетии, но даже через год. Может быть, у нас повторится Албания или Сербия. Я имею в виду не только Беларусь, но прежде всего пространство, именуемое теперь бывшим Советским Союзом.

– Не очень оптимистический прогноз. Но ведь мы привязаны к России...

– Очень многое будет зависеть в белорусской ситуации от России, к которой Беларусь пристегнута намертво. К сожалению, разумеется. Потому что исторический опыт говорит о редких подвижках России

в прогрессивную сторону . Чаще всего она раздираема катаклизмами самого разного толка. И все это, конечно, так или иначе отзывалось и будет отзываться на Беларуси. Все будет зависеть от идеологического, политического состояния российского общества. Если Россия станет демократическим государством, то, конечно, легче будет и Беларуси достичь и подлинной независимости и свободной экономики. Но в этот путь верится с трудом. Россия никак не может избавиться от наследия шовинистического империализма. Демократические устремления, как правило, подавляются там имперскими настроениями, выступающими то ли в форме российского коммунизма, то ли откровенного национал-фашизма, панславизма или еще чего-то.

– И все-таки есть ли в России силы, с которыми стоит сотрудничать тем белорусам, которые верят в демократическое будущее Беларуси?

– Конечно, силы такие там есть, хотя и они частично заражены великодержавными амбициями. И если тоталитаризм там окончательно не восторжествует, то они, демократические силы России, будут развиваться и крепнуть. И это может дать надежду на сотрудничество наше с ними. Я вижу в России людей, которым мы можем доверять, Валерию Новодворскую, Галину Старовойтову, Сергея Ковалева, других известных деятелей и политиков...

– Кстати, а как вы относитесь к тому, что русская литературная критика и перестроечных и самых новейших времен, ориентируясь, видимо, на вашу давнюю включенность в московский, российский литературный процесс (публикации в толстых журналах, книги, публицистика в московских газетах, вообще имея в виду вашу близость российскому читателю), постоянно включает вас в русский литературный ряд, числит,так сказать, по своему обозу?

– Я не думаю, что нужно доказывать, что я прежде всего белорусский писатель – по творчеству, по жизни, по языку... Но если мои идеи, мои образы, мое творчество стало близким российскому читателю, то я могу быть только доволен этим обстоятельством. Тем более, что эта близость исходит прежде всего, от демократически настроенных кругов российского общества. Вот если бы меня стали хвалить и зачислять ■ свои ряды нынешние российские шовинисты, то у меня, несомненно, был бы серьезный повод для тревоги. Но с самого начала меня ■ России приняли и поддержали, если можно так сказать, литературные демократы, шестидесятники, журнал „Новый мир" Твардовского и те круги интеллигенции, которые группировались вокруг него.

– У вас были встречи со многими замечательными людьми того времени. Сейчас опубликовано немало воспоминаний о той же

„новомирской" среде. Но пока мне что-то ничего не попадалось из вашей мемуаристики...

– В воспоминания я не ударился. Хотя у меня есть, как у каждого пожилого человека, желание написать, припомнить, как все было... Но пока я за эту работу еще не принимался. И если судьба даст мне еще некоторый срок, может быть, я и напишу о тех временах, потому что видится мне в них что-то значительное и важное...

„Народная воля", 23.V.1998.

ОППОЗИЦИЯ: ПОПЫТКА ВЫЙТИ ИЗ КРИЗИСА

ОПАСНЫЕ ИГРЫ ИЛИ СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА?

„Необходимо помнить, что переход от диктаторских режимов к демократическим в истории чаще всего совершался через определенный переходный период...

Переговоры руководства БНФ с деятелями белорусской демократической оппозиции убеждают, что на рациональном уровне последние не имеют ничего для противопоставления приведенным нами аргументов против политической игры под названием „Выборы президента-99”. Не имеют они и больших иллюзий по поводу возможных результатов таких выборов...

Поэтому ■ должно развиваться сегодня мирное белорусское освободительное движение. Важнейшие направления этого движения можно показать ■ форме Крепкой Руки: пять пальцев – пять направ-лений...

Первое направление имеет условное название: „Защитим наш дом – Беларусь”. Его цель – законным путем заставить уйти в отставку **антибелорусский недемократический режим.** Нам видятся следующие средства и методы достижения этой цели:

Акция „Отставка”, содержанием которой является сбор подписей за отставку нынешнего президента...

Акция „Осуждение и покаяние”, содержанием которой является общественный суд над теми политическими деятелями Беларуси, которые уничтожают независимость нашей страны. Они имеют шанс на помилование, но только через покаяние перед белорусским народом...

Второе направление освободительного движения осуществляется под девизом: „Беларусь – наш дом, наш храм, наша отчизна-мать”. Его целями должны быть: пробуждение в сознании наших людей любви к Беларуси; формирование необходимости уважения Родины; культивация и расширение веры в спасительную миссию национальной идеи...

Третье направление работы можно обобщить девизом: „Сохраним наш дом – Беларусь". Его очевидная цель – защита независимости и суверенитета Беларуси...

Четвертое направление белорусского мирного освободительного движения можно было бы назвать: „Построим наш дом – Беларусь в XXI веке". Его цель – формирование „Белорусской мечты" ■ форме проекта и ожиданий нормальной, цивилизованной жизни в Свободной Беларуси XX1 века...

Пятому направлению работы можно было бы дать название: „Моральное возрождение". Его целью должно стать создание идеального морального образа настоящего белоруса и белоруски...

Не опасные политические игры, а ежедневная творческая работа на будущее Беларуси сделает это будущее счастливым, а его приход – реальным".

Лявон Борщевский,
и.о. председателя БНФ.
„Навіны", 3.IV.1998.

ЧТО ДЕЛАТЬ? С ЧЕГО НАЧАТЬ?

„Возможен и крайне необходим всенародный референдум, на который необходимо вынести не глобальные проблемы, неподвластные разуму простого человека, а именно те вопросы, на которые власть и оппозиция одинаково ответить не смогут, даже если миссии всех международных организаций пропишутся ■ Беларуси навечно.

Скептик заметит, что в свое время Гитлер провел пять референдумов и все выиграл. Речь идет как раз о том, чтобы этот референдум с согласия президентской и оппозиционной стороны провела не царствующая властная верхушка, а мировое сообщество за свои средства, со своими требованиями, демократическими механизмами контроля и признания его результатов...

Итогом такого референдума станет последующее проведение выборов в соответствии с волей главного источника власти – народа, который сегодня так часто втемную использует власть для самосохранения. Народ скажет, какие, когда и кому выборы надо провести...

Поэтому я – за переговоры оппозиции во главе с Верховным Советом, которому практически все партии выдали такой мандат еще в прошлом году, с президентской стороной...

Никак не пойму одного. Сам Александр Григорьевич недавно заявил, что его рейтинг среди населения составляет около 50%. Значит,

эти люди поддерживают его политику. Они, стало быть, „чэсные" и поэтому настоящие граждане своей страны. А кто же такие остальные 50 процентов? Почему их, как и политическую оппозицию, он не считает белорусским народом и не считается с их мнением?"

Владимир Нистюк,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 13-го созыва,
секретарь ЦК БСДП (Народная Грамада).
„Народная воля", 7.V.1998.

ЗАКОНЧИТСЯ ЛИ ПЛАЧ?

„Однако Лукашенко еще не готов бросить за решетку тысячи людей, протестующих против его самовластия. Он стремится их запугать, таская в суды лидеров сопротивления. Именно поэтому и не следует бояться. Нельзя отказываться от массовых акций протеста. От контактов с представителями западных правительсв и общественности. От попыток прорваться к слушателю и зрителю через зарубежное радио и телевидение. И пока все это есть, оппозиция не разгромлена. И дает шанс народу на выход из тьмы диктатуры...

И, наконец, о „широте" оппозиции. Она сейчас значительно выходит за рамки демократических партий и их сторонников. Об этом свидетельствуют процессы над министрами и журналистами. Над банкирами и предпринимателями.. Над героями и теми, кто еще вчера горой стоял за Лукашенко. Такую оппозицию тяжело объединить. Весь смысл ее существования ■ сопротивлении режиму...

Поэтому сегодня не время плакать о поражениях оппозиции, необходимо вместе бороться за отставку Лукашенко. Вообще за ликвидацию президентской должности".

Юрий Хадыка, профессор.
„Народная воля", 13.I.1998.

ВОЛЯ И ВЕРА

„Наша оппозиция в большинстве своем удобнее всего чувствует себя в образе жертвы. Конечно, писать жалобы международному сообществу на бесчинства режима гораздо легче, чем рассчитаться с ним за унижения. Однако необходимо помнить, что те, кто исповедуют психологию потерпевших, победителями не становятся никогда...

На общем унылом фоне „Молодой Фронт" выделяется своим задором и оптимизмом. Его члены не испытали того количества разочарований, которое выпало на долю политиков предыдущего призыва...

Не стоит искать психологические „норки", чтобы пережить тяжелые времена...

Надо честно сказать себе: „У нас сегодня мало оснований для радости. Но их количество не увеличится само по себе. Только собственными руками мы можем создать свою страну. И только в этом случае имеем право на достойную жизнь". В противном случае все, что уже положено ранее на алтарь Родины, обратится в прах. Слова „я сделал все возможное", если отсутствует результат, стоят очень недорого.

Выстоять и победить можно только при наличии неординарной воли и веры в успех".

Александр Старикевич.
„Навіны", 25.IX.1998.

НУЖЕН ЛИ ОППОЗИЦИИ ПЛАН?

„Оппозиция выдохлась. Акции протеста минувшей осенью не смогли собрать больше пяти тысяч человек. Властям удалось нейтрализовать молодежь – ударную силу сопротивления.

С конца лета прошлого года появилась новая тенденция в движении сопротивления. Произошел спад политической борьбы против режима и резкое возрастание морального, правозащитного сопротивления. Акции в защиту политзаключенных (Шеремета, Шидловского, Лабковича) преобладали. Начиная с августа, большинство их возглавляли не политические организации, а журналисты, правозащитные структуры. Хартия-97 – это сопротивление моральное, интеллектуальное...

Таким образом, оппозиция оказалась перед явственной угрозой быть вытесненной из сферы политической борьбы в узкие рамки диссидентства советского образца. В этом контексте нужно рассматривать раскол оппозиции по вопросу о роли и дальнейшей судьбе остатков Верховного Совета. Его руководство исходит из тактики пассивного ожидания благопритяного развития событий. Тактика ОГП (объявление нынешнего собрания депутатов легитимным парламентом) ориентирована на превращение Верховного Совета в детонатор, призванный взорвать ситуацию, искусственно ускорить ход событий...

Прежде всего нужно если не объединение оппозиции, то хотя бы координация действий... Непременным условием успеха противников режима является отказ от пренебрежения интеллектуальной работой.

Может быть, единственным преимуществом оппозиции является то, что на ее стороне больше интеллектуальных сил. Пока этот капитал она безбожно разбазаривает".

Валерий Карбалевич.
„Навіны", 27.III.1998.

БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ: РЕСТАВРАЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА И ОППОЗИЦИЯ

„За истекшие сорок месяцев „президентской эпохи" Беларусь неузнаваемо изменилась, и некогда трижды проклятый большинством отечественных демократов период между летом 1990 и летом 1994 годов выглядит уникальным и уже полулегендарным окошком ■ свободу на фоне всей тысячелетней истории нашей страны. Президентская группа достаточно системно и последовательно установила диктатуру в секторе государственной власти, сломав взаимные контрольно-корректирующие механизмы, необходимые для установления более или менее оптимального баланса трех ветвей власти. Параллельно произошел захват всех позиций ■ экономическом секторе общества и развилось весьма активно наступление на третий сектор.

Необходимо осознать, что ■ действиях президентской группы четко прослеживается серьезная сценарная деятельность профессиональных аналитиков, очень прилично владеющих системным анализом и проецированием сценариев ■ конкретные политические технологии. Кроме того, целевые установки их базовой модели и реализуемых сценариев заметно выходят за рамки собственно Беларуси... Явная же оппозиция процессу диктатуризации и тоталитаризации на сегодня полностью вытеснена ■ третий сектор, куда можно включить и специфическую группу, именуемую Верховным Советом 13-го созыва...

Оппозиции необходимо консолидироваться не вокруг того или иного вождя, а вокруг определенного сценария. В данный момент дискуссия о том, какой путь избрать белорусской экономике – либеральный, социал-демократический или аграрно-коммунистический, – смахивает на анекдот, итогом которого станет „единственно верный" путь президентской группы...

Главное – в том, чтобы добиться демонополизации власти, что позволит говорить всерьез о выборе того или иного цивилизованного пути. Даже в своем запущенном состоянии мы сохраняем шанс на демонтаж диктатуры и воссоздание во всех секторах общества конкурентной среды, необходимой для свободного развития. Но это требует специальных системных технологий и эффективного исполь-

зования программирующих функций прогноза. Пока же, позволяя властям беспрепятственно программировать электорат в пользу президентской группы, мы будем постоянно получать эффект всенародной поддержки очевидно антинародного курса".

Александр Потупа,
член Совета Белорусской
евроатлантической ассоциации.
„Народная воля", 10.II.1998.

СТАНЕТ ЛИ ОППОЗИЦИЯ „КУХНИ" ОППОЗИЦИЕЙ „УЛИЦЫ"?

„План выжидания должен быть заменен на план прагматичных решений и скоординированных эффективных действий...

В этих условиях логичной и последовательной выглядит легитимизация заседаний Верховного Совета. Для этого необходимо в соответствии со статьями Конституции установить новый кворум, необходимый для принятия решений, имеющих силу закона. А без этого процедура импичмента невозможна...

Под процедуру импичмента необходимо подвести правовую основу. А Верховному Совету нужен один новый закон, регламентирующий механизм проведения импичмента.

Уже начало процедуры импичмента может явиться фактором воздействия на исполнительную власть... Президенту предстоит делать выбор или хотя бы имитировать поиск компромиссного решения".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета 12-го и 13-го созывов,
президент Белорусской евроатлантической ассоциации.
„Народная воля", 22.I.1998.

Лукашенко будет искать компромиссные решения! Или хотя бы имитировать их... Сколько еще нужно было арестов, избиений, наглого попрания элементарных прав, чтобы убедиться ведущим оппозиционерам в бесплодности этих ожиданий...

КОГДА НЕТ ДРУГОЙ ИДЕОЛОГИИ – ПРИХОДИТ ФАШИЗМ

РОССИЙСКИЕ ФАШИСТЫ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

„В минувшую пятницу около 9 часов вечера в районе площади Победы в Минске два десятка парней из фашистской организации РНЕ (“Русское национальное единство”) напали на представителей общественной инициативы „Хартия-97” и сильно избили их... Фашисты „Русского национального единства” со свастиками на нарукавных повязках пролили кровь белорусских граждан в центре Минска и объявили этим свой приход в Беларусь. Не случайно фашистская мерзость выступила на площади Победы, где горит Вечный Огонь памяти о жертвах войны с фашизмом”.

Олег Груздилович,
Ольгерд Неверовский,
Ростислав Пермяков.
„Навіны”, 9.II.1999.

... БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

„Листовки РНЕ расклеиваются на станциях минского метро. Это не хулиганство. Их вывешивают на стенах подведомственного Управлению делами президента Дома прессы. Это тоже не хулиганство. Во всяком случае, с точки зрения власти, это, вероятно, проступок меньший, нежели появление на стенах домов надписей „Жыве Беларусь!” За последнее у нас сажают. Призывы же к восстановлению Всея Великия, Малыя, Белыя и Червонныя Руси – явный призыв к ликвидации белорусского суверенитета – всего лишь мелкий факт хулиганства, авторы которого остаются ненайденными... Пока их мало

– но благодаря позиции страдающей куриной слепотой власти они уже чувствуют себя уверенно. Когда избивали Андрея Санникова, ему орали: „Это наша страна! Это наша земля!” Их мало – но они уже выражают свое недовольство и оппозицией и властью. Ибо даже эта власть воспринимается ими как „недостаточно русская”.

Александр Федута.
„Белорусская деловая газета”, 15.II.1999.

НАЦИ В ГОРОДЕ! МИНСК СДАЕТСЯ БЕЗ БОЯ?

Корреспондент „КП” побывал в штабе РНЕ

„Из часовой беседы я для себя уяснил, что РНЕ пришло в Беларусь всерьез и надолго – их идеи находят здесь живой отклик и понимание, о чем говорит наличие мощных организаций во всех крупных городах республики. Количество активных членов, правда, не разглашается. Но это действительно активные члены, обученные навыкам пропагандистской работы, они могут привлечь под штандарты РНЕ не один десяток человек, поэтому ряды сторонников организации постоянно расширяются и крепнут. В основном, за счет молодежи. Записаться в РНЕ может каждый, начиная с 16 лет... Что касается названия, то члены РНЕ не сильно оскорбляются, когда их называют фашистами... Есть у Русского Национального Единства свои люди и поддержка в белорусской армии”.

Вячеслав Ткач.
„Комсомольская правда”, 10.II.1999.

ОППОЗИЦИЯ: ПОИСКИ ВРАГОВ В СОБСТВЕННОМ СТАНЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МИХАИЛА ЧИГИРЯ

Из интервью с бывшим премьером

„Нынешняя власть обязана объявить президентские выборы и провести их цивилизованно... К тому же срок полномочий нынешнего президента для мирового сообщества истекает летом следующего года. После этого Александр Григорьевич станет для всех, за исключением нескольких государств, самозванцем, захватившим власть... Я буду претендовать на президентский пост, потому что знаю, как и что нужно сделать, чтобы остановить развал страны, остановить массовое обнищание народа... Я знаю, что будет трудно. Будут пугать, поливать грязью в газетах, собирать компромат. Не удивлюсь, если кто-то начнет мне напоминать о судьбе Галины Старовойтовой.

Заранее всех хочу предупредить: за все, что будет сделано, когда-то придется ответить... Я белорус и хочу жить и работать в процветающей Беларуси. Совесть не позволяет спокойно смотреть, как без войны страну превращают в руины".

Александр Томкович.
„Свободные новости", 5.XII.1998.

ПРОЕКТ „ЧИГИРЬ"

„Избирательная инициатива Чигиря – это московский политический проект. Нам известны его координатор, вдохновители, источник финансирования.

Задача и суть проекта – создание „своей", промосковской оппозиции Лукашенко в Беларуси и политическое уничтожение Белорусского Народного Фронта „Возрождение" и его руководителя.

Появление бывшего соратника Лукашенко в качестве претендента на должность президента сразу конкретизировало поляризацию политических оппозиционных сил в Беларуси. Оппозиционная и обиженная номенклатура, маргиналы и демократы „вообще" (и даже – недовольная „вертикаль") увидели личность для ориентации, и они тут же на нее сориентировались.. Идеи те же, что и у Лукашенко (коррупция, колбаса, зарплата), но Чигирь – против Лукашенко.

Осталось вытянуть на ринг Белорусский Народный Фронт „Возрождение" и, использовав его структуры для черновой работы на выборах, – победить...

Авторы проекта „Чигирь" прекрасно знают, что реальных выборов ни они, ни Лукашенко не допустят. Но нужно провести законные выборы любым путем... Важно только, чтобы победил Чигирь. Тогда проект выполнен. Пропаганда представит Чигиря как лидера оппозиции, потому что за него проголосовал „народ", а его команду (которая преобразуется в партию) – как главную оппозиционную силу против Лукашенко.

С Чигирем, а не с Позняком начнет разговаривать и носиться доверчивый Запад...

Белорусский Народный Фронт „Возрождение" и все белорусское национально-освободительное движение с его проблемами будет отодвинуто на периферию политики. Запад перестанет иметь с ним дело, а Москва – бояться. У нее будет в Беларуси уже своя, ручная, надежная оппозиция, своя альтернатива. Дело инкорпорации Беларуси в Россию пойдет быстро, потому что Москва приобретает рычаг воздействия на Лукашенко, который просит чересчур дорого (президентство в России за Беларусь). Теперь ему скажут: продавай за „вице", а то купим у Чигиря за копейку.

Неудивительно, что Лукашенко уже нервничает. Это проект российских спецслужб значительно более серьезный, чем прежняя агентурная самодеятельность с избранием „национального лидера", созданием „Хартии-97", либо сколачиванием оппозиции из маргинальных демократов (которых Лукашенко готов оплачивать). Белорусский Народный Фронт „Возрождение" такими сценариями не купишь..."

Зенон Позняк.

„Навіны", 12.III.1999.

Удивительный по откровенности документ! Лидер БНФ не может скрыть обиды и раздражения. Он так и пишет: Запад теперь будет иметь дело не с ним, Позняком, а с Чигирем. И вообще БНФ будет отодвинут на задворки белорусской политической жизни. Дело понятное: за долгие годы Позняк сжился с ощущением, что он един-

ственный и ни при каких обстоятельствах несменяемый антипод Лукашенко, что только он может представлять интересы белорусской демократии. И вдруг появляется Чигирь! Это очень обидно... Но что могут продиктовать обида и раздражение, кроме извечных баек о „заговоре", о „спецслужбах", о стремлении „продать Беларусь"? Позняк полагал, что он будет годами сидеть в эмиграции, а в бедной Беларуси так и не найдется человек, способный если не возглавить широкое демократическое движение, то, по крайней мере, обратить на себя внимание общества.

ЗЕНОН, ТЫ НЕ ПРАВ

„Но я не согласен с Позняком, когда он укоряет Карпенко и Богданкевича за то, что они ездят в Москву искать поддержки. Но ведь Россия оказывала и оказывает большое влияние на политическую, общественную жизнь нашей страны. Возьмите российские средства массовой информации – радио, печать, телевидение. Что плохого, если политик ищет в такой стране влиятельных людей?

Мне также непонятно, почему Позняк так тенденциозно громит Лебедько и Чигиря. Ведь они сейчас занимаются не менее полезным делом, чем БНФ. Да, Чигирь несет ответственность за то, что происходило ■ стране ■ годы его премьерства. Но ведь он ушел в отставку перед референдумом, потому что был против этой затеи президента. Действия Чигиря можно оценивать по-разному, но ясно, что он не держался высоких постов, как это делают Линг, Мясникович и другие, которым все равно, с кем и куда идти, лишь бы остаться наверху.

Почитаешь Позняка и получается, что лидеры всех партий какие-то запятнанные, что они не имеют морального права находиться в оппозиции вместе с БНФ. А что, кроме уличных демонстраций, может предложить БНФ?

Я думаю, что сегодня все политические оппоненты Лукашенко должны идти в одной упряжке".

Павел Рубанов.
29 лет. Минск.
„Навіны", 29.V.1998.

БНФ НЕ ПРАВ

„Согласно Конституции, выборы президента должны состояться не позднее июля 1999 года. Выгодно или нет диктатору либо оппозиции

проведение выборов в конституционные сроки – вопрос праздный. Оппозиция должна быть готова к любому развитию событий. Обязанность всех демократических сил страны – использовать легитимные возможности избирательной кампании для нанесения поражения Лукашенко, либо, в худшем случае, для существенного ослабления этого режима...

Будущее страны требует от политиков и прежде всего от руководства БНФ не ставить собственные политические амбиции выше интересов нации и демократии. Единый кандидат от всей демократической оппозиции, твердо стоящий на платформе суверенитета, государственной независимости, конституционной законности и демократии, должен быть согласован".

Станислав Богданкевич,
председатель Объединенной гражданской партии.
„Навіны", 6.III.1998.

„В БЕЛАРУСИ ИДЕАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ"

Из интервью с известным российским правозащитником Владимиром Буковским

„Между прочим, условия в Беларуси сейчас идеальные для того, чтобы расшевелить общественное мнение. Именно сейчас вам и создавать независимое общественное движение, которое сбросит лукашенковскую номенклатуру. А это придет. Поверьте мне... Пройдет каких-нибудь пять лет, и Лукашенко исчезнет, и ваша страна будет вся кипеть. Когда нет смысла учиться и работать, люди идут на баррикады. Но, если не будет крепкой общественной силы, чтобы занять этот вакуум, тогда вас ждет такое же дерьмо, как в России – ни то, ни се, ни так, ни этак. Ваши условия – гонения, преследования – идеальные для того, чтобы отделить овец от козлищ. Чтобы понять, с кем можно иметь дело, а с кем ни в каком случае. Только в такой ситуации и рождаются настоящие лидеры. У вас почему-то наблюдается нечто обратное. Обычно политические движения раскалываются при дележе добычи, при победе. А ваши начали распадаться, еще ничего не добившись. Ну, это глупость. Сейчас самое время ковать. Я уверен, что Лукашенко более пяти лет не продержится. Сейчас кризисы в России пойдут один за другим. И при таком раскладе, когда в России кризис, а у вас в пять раз хуже, кому он в этом вакууме будет нужен?.. А на Запад не надейтесь. У них своих проблем хватает. Утвердится Лукашенко, они его признают. Вместе с его „парламентом"... Я недавно разговаривал с

премьер-министром Польши. Он спросил, что сделать для России. Я ему говорю: не нужно для России, вам сейчас все нужно делать для Беларуси. Вот там вы можете помочь реально. России сейчас ничем не поможешь. Белорусы вам искренне симпатизируют. Близкая нация, родственные языки. Сколько столетий в одной упряжке. И никто другой, кроме поляков, вам не поможет. Может быть, еще Литва. Но в вашей ситуации, в которой хорошо видно, где черное, а где белое, добро не может не победить. Поэтому у вас впереди пять лет тяжелого труда. Но он окупится сполна".

Змицер Бартосик.
„Наша ніва", 24.X.1998.

НОВЫЙ ПРИСТУП ИНТЕГРАЦИОННОЙ ЛИХОРАДКИ

25 декабря 1998 г. в Москве Ельцин и Лукашенко подписали „Декларацию о дальнейшем единении Беларуси и России", предусматривающую создание в 1999 году „союзного государства" с „союзными государственными органами и соответствующими наднациональными органами управления", с „единым бюджетом".

ПРЕЗИДЕНТЫ ГОТОВЯТ БОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ

„Небывалую интеграционную активность Александра Лукашенко многие аналитики в Белоруссии связывают с тем, что он все-таки стремится успеть сыграть на предвыборном поле ■ России в качестве легитимного игрока. А потому нельзя исключать вариант, что в Москву Александр Лукашенко привезет также идею проведения в следующем году референдума по вопросу объединения – одновременно в двух странах. Ведь это одновременно и обещанные избирателям кардинальные шаги и захватывающая личная перспектива".

Светлана Карпекова.
„Известия", 25.XII.1998.

ОПАСНЫЕ ИГРЫ В ИНТЕГРАЦИЮ

„В мировой истории еще не было случаев, когда бы государства при объединении в единое государственное образование (то есть в федерацию), сохранили бы свой суверенитет... Поэтому как нонсенс следует расценить слова декларации о сохранении государственного суверенитета государств – участников Союза. Такого просто не может

быть на практике... Подтверждением федеративного характера будущего государства служат положения самой Декларации. Так, в политической сфере до середины 1999 г. планируется провести всенародное обсуждение договора об объединении Беларуси и России ■ союзное государство, создать союзные органы власти и сформировать единый бюджет. В экономической сфере должна быть создана единая для всех субъектов хозяйствования правовая среда, унифицированы гражданское и налоговое законодательство, валютное регулирование и денежно-кредитная система. В социально-гуманитарной сфере должно произойти сближение социальных стандартов и гарантий трудовой деятельности, пенсионного обеспечения и т.д. Такие планы не оставляют никаких сомнений в истинных намерениях президентов Беларуси и России создать единое федеративное государство, где все будет общим и унифицированным.

Что это означает для Беларуси? Ответ почти очевиден – полная потеря государственной самостоятельности и включение в состав российского государства. Беларуси не станет на карте современной Европы".

„Белорусская газета", 11.II.1999.

ДЕРЕВОМ ПО ДЕРЕВУ

„Попытки соединить две противоположные экономические „религии", которых придерживаются после распада СССР Белоруссия и Россия, – план и рынок – продолжаются. Демонстрируя упорство фанатиков, руководители союзных держав в очередной раз твердо договорились о создании единой валюты.

За последние четыре года это третья масштабная попытка перейти к „славянскому евро"... Но не стоит думать, будто бы сама идея единой валюты совершенно абсурдна и никому не выгодна. Напротив, выгода есть. Белоруссия, несомненно, использует великолепный шанс под разговоры о переводном рубле и налаживании системы взаиморасчетов списать газовые долги. А у всех ветвей российской власти в год выборов в Госдуму и накануне президентской кампании появится повод для уверения избирателей в горячем стремлении восстановить славянское единство.

Что касается технической стороны дела, то „славянское евро" сегодня является чистейшей утопией: чтобы валюта у России и Белоруссии была единой, нужны единая валютная политика, единый эмиссионный центр, хотя бы минимальная макроэкономическая стабильность. Ничего этого нет. Поэтому наивно полагать, будто бы

белорусский „зайчик", слившись с российским „деревянным", станет серьезной альтернативой американской „капусте" для граждан обеих славянских держав.

Но и опасаться спешных действий Москвы и Минска по сколачиванию чего-то единовалютного не стоит: три раза грозились, так и на четвертый никто не испугается".

Семен Новопрудский.
„Известия", 29.XII.1998.

СПЛОШНОЙ АБСУРД

„Распространенный довод сторонников интеграции: вся Европа, мол, интегрируется – так чем мы хуже. Аргумент, в общем, хороший, вот только из него почему-то делаются абсурдные выводы. Верно, Европа интегрируется. Вот и давайте, не теряя государственной независимости, интегрироваться с благополучной цивилизованной Европой. И не надо говорить, что мы там никому не нужны. С Лукашенко во главе, конечно, не нужны. А как демократическая страна – нужны. Точно так же, как „пригодились" наши соседи – Польша, Литва, Латвия, Украина. Подменять же европейскую интеграцию „интеграцией для бедных" с нищей отсталой Россией – это абсурд..."

Вадим Казначеев.
„Навіны", 23.XII.1998.

„ОТНОШЕНИЯ С БЕЛАРУСЬЮ – ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ"

Из интервью с Сергеем Карагановым, заместителем директора Института Европы РАН

„Безусловно, мы не собираемся оплачивать экономические ошибки кого бы то ни было, в том числе и наших друзей. Но создавать для Беларуси до определенной степени более комфортные условия Россия готова. Что касается политических прав, мы заинтересованы в том, чтобы права человека в Беларуси соблюдались в полной мере. Но мы также прекрасно понимаем и нашу заинтересованность в стабильности на наших западных границах. И к тому же я не считаю, что Россия может давать пример особо демократического развития.

Естественно, если белорусское руководство поведет дело к тому, что режим станет одиозным и в итоге начнет подрывать внутреннюю стабильность, это будет вызывать у нас серьезное беспокойство.

В то же время мы знаем, что Беларусь – не самая недемократическая

страна на территории бывшего СССР. Остальные державы гораздо хуже. За исключением, может быть, России и Армении. К сожалению, мы переживаем тот период исторического развития, когда трудно ожидать, что все страны будут демократическими”.

Виктор Дятликович.
„Белорусская газета”, 21.XII.1998.

ГОД ПОТЕРЬ

„Единственным проявлением нашей государственной воли стало намерение создать союзное государство с Белоруссией, но, боюсь, и это начинание погрязнет в бюрократических согласованиях и сентенциях по поводу недемократичности Александра Лукашенко. Как будто намерены объединяться с Лукашенко, а не с братским белорусским народом”.

Вячеслав Никонов.
„Известия”, 29.XII.1998.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

„Очевидно, что основной задачей на 1999 год является сохранение государственности Беларуси. Недавние московские договоренности пока что остаются декларациями, но исключать перспективу наполнения их реальным содержанием не приходится. Надеяться можно и на лучшее, но готовиться нужно к худшему.

Наша оппозиция слишком слаба, чтобы помешать объединению Беларуси с Россией, Но она ■ состоянии не допустить того, чтобы это объединение состоялось как легитимное...

Наступает момент истины, когда доказывать свою правоту и верность Беларуси придется не словом, а делом. Последующие события с безжалостной откровенностью высветят, кто чего стоит. Отныне все предельно просто: либо мы отстоим свою страну, либо мы ее потеряем”.

Александр Старикевич.
„Навіны”, 30.XII.1998.

СПЕКТАКЛЬ

„Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что политическое объединение Беларуси и России поддерживает в нашей стране, по данным последнего исследования социологической службы БелаПАН, не более 26–30% опрошенных. Преступно не напомнить, что в 1995

году на референдуме народ Беларуси голосовал за экономическую интеграцию с Россией. Безусловно, новый референдум можно вновь сфальсифицировать по сценарию 1996 года. Но вожди не должны забывать, что принудительное втягивание белорусов в какое-то непонятное союзное государство на фоне резкого ухудшения жизненного уровня людей может стать катализатором непредсказуемых по политическим последствиям процессов".

Владимир Нистюк,
депутат Верховного Совета
Республики Беларусь 13-го созыва.
„Народная воля", 5.I.1999.

ЛОЗУНГИ ИНТЕГРАЦИИ УПАЛИ В ЦЕНЕ

„В феврале нынешнего года российский Фонд общественного мнения выяснил, как намерены голосовать россияне на таком референдуме, если он состоится. В марте аналогичный вопрос задавался ■ Беларуси в ходе общенационального опроса, проводившегося Независимым институтом социально-экономических и политических исследований в рамках проекта „Роль молодежи ■ построении гражданского общества в Беларуси". Было опрошено 1666 человек. Сравнение результатов показывает, что белорусы относятся к перспективе объединения куда сдержаннее, чем россияне.

Если в России за объединение высказывается подавляющее большинство опрошенных, то в Беларуси доли противников и сторонников объединения практически равны. Если учесть, что часть опрошенных вообще не хочет участвовать в референдуме, то получается, что ■ Беларуси за объединение двух стран в одно государство высказывается, хотя и многочисленное, но все же меньшинство.

Нелишним будет отметить, что среди молодых людей сторонников объединения существенно меньше, чем среди населения ■ целом. Это определяет направление, тенденцию изменений общественного сознания".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 5.IV.1999.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ КОЛЕЯ НАКАТАНА. ВПЕРЕДИ – СОЮЗ

„Складывается впечатление, что процесс подготовки договора о союзном государстве пойдет по накатанной интеграционной колее. Расплывчатые и внешне привлекательные формулировки, всенародное обсуждение, поправки и экстренные последние согласования с Крем-

лем, вычеркивавшим в критический момент наиболее важные для Лукашенко инициативы – два года назад Беларусь это уже проходила. Вероятно, в девяносто девятом нас ждет третья серия поднадоевшего интеграционного сериала с заведомо хорошим концом.

Очевидно и другое: стремление президента Беларуси войти в союзное государство по тем же следам, которые были оставлены на пути ухода от СССР. Если в 1991-м национальные политические центры, ■ частности российский, украинский, укрепились настолько, что необходимость ■ союзном руководстве отпала сама собой, то нынче предлагается перераспределение с точностью до наоборот: полномочия суверенных органов власти переходят к союзным. Их укрепление пойдет за счет национальных структур власти".

Алексей Печерский.
„Белорусская газета", 18.I.1999.

НИЩЕТА СЪЕДАЕТ ЧУВСТВО ДОСТОИНСТВА

„Лукашенковский курс на полное единение с Россией контрпродуктивен. Для Лукашенко объединение в одно государство – это способ ухода от ответственности за результаты своей экономической политики, попытка удержаться у власти. Он рассчитывает на то, что ради имперских устремлений российская элита готова и дальше жертвовать своими насущными экономическими интересами. События последних лет свидетельствууют, что значительная часть российской элиты не в состоянии отказаться от имперского мышления и блокового мировоззрения. Но это никак не соответствует нашим национальным интересам. Объединение с Россией не поможет Беларуси решить ни одной экономической проблемы. Сохранение для нас российского рынка и получение энергоресурсов возможно и при сохранении нынешнего статус-кво".

Станислав Богданкевич,
председатель Объединенной гражданской партии.
„Навіны", 7.V.1999.

„Я БУДУ ФИНАНСИРОВАТЬ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД БЕЛОРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ"

Из интервью с депутатом Государственной думы России Константином Боровым

„Думаю, что как только от высоких слов придется приступать к конкретному делу, Россия вынуждена будет выбирать: либо строительство

открытого общества, сотрудничество с Советом Европы, МВФ, либо – такое надругательство над независимостью, как в Беларуси. Выбор Россией уже сделан, и не надо объяснять, что этот выбор не в пользу диктатуры. Что касается постоянного упоминания темы интеграции, то это – вечная тема. Как гимн Советского Союза или коммунистическое знамя. Формально на них можно не обращать внимания. Ну, произнес Ельцин, что поддерживает идею единства и экономического сотрудничества. Не в первый раз, кстати. Нужно делать скидку на российские имперские амбиции... В принципе ситуация опасна для России в том плане, что после того, как в Беларуси придут к власти демократы, сама идея сотрудничества с Россией будет полностью дискредитирована. Беларусь, как и Польша, может начать ориентироваться только на Запад".

Ольга Тарасевич.
„Белорусская газета", 1.II.1999.

МЕДЛИТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ!

„Создание устойчивого российско-белорусского государственного союза – не конечная цель интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а лишь завершение первого этапа по образованию „малого" ядра будущей единой союзной государственности на территории прежнего СССР, некой базисной модели, на которой пройдут „обкатку" экономические, политические, правовые и иные механизмы воссоединения. Выбор Белоруссии и России здесь не случаен – и объективно, и субъективно они больше других бывших советских республик готовы к реинтеграции.

К сожалению, темпы продвижения к обозначенному союзному государству явно не соответствуют глубинным чаяниям наших народов, жизненным интересам наших стран".

Сергей Бабурин,
заместитель председателя
Государственной Думы
Российской Федерации,
заместитель председателя
Парламентского собрания
Союза Беларуси и России,
председатель
Российского общенародного союза.
„Независимая газета", 3.IV.1999.

СКОРОСПЕЛАЯ ИНТЕГРАЦИЯ,
или
НЕДОНОШЕННЫЙ СОЮЗ

„Вообще-то совсем не очевидно, что Лукашенко действительно искренне стремится к единению с Россией. Он может изображать все, что угодно, но на самом деле ему нужна только власть! Ради власти он готов на все!

Стремясь иметь полную власть в стране, не желая ни с кем ее делить, он, например, не может пойти на рыночные преобразования, поскольку это непременно приведет к демократизации и, следовательно, к частичной потере власти. Вместе с тем дальнейшее развитие страны по пути „рыночного социализма" невозможно без внешней помощи, поскольку своих ликвидных ресурсов Беларусь практически не имеет. Поэтому Лукашенко, удачно используя имперские амбиции российского истеблишмента, лишь имитирует эскалацию интеграции – от содружества до полного объединения.

Конечно, руководство России не так просто обмануть. Однако стратегические интересы все же перевешивают. В результате Лукашенко получает экономическую помощь, в оплату за которую он от своего имени изредка оглашает точку зрения российской оппозиции по международным делам да ублажает интеграционным елеем российских империалистов.

Однако Лукашенко уже тесно в Беларуси. Ему хочется большего. Конечно, он еще особо не афиширует свою мечту о мировом господстве, но – как первый шаг – перед ним огромная Россия, многие граждане которой помнят не только о прошлой, более сытой социалистической жизни, но еще с большей ностальгией вспоминают о былом величии России. Эксплуатируя эту ноту, Лукашенко рядится в тогу „собирателя славянских змель" под эгидой, конечно, России. Успех в российских регионах обеспечен!

После этого начинается очередной интеграционный экстаз. Все теснее и теснее, до полного объединения, но вдруг... „с сохранением суверенитетов каждой страны"?! Почему же опять остановка? А потому, что Беларусь – это разменная монета в борьбе Лукашенко за российский трон. Он немедленно сдаст ее, но только после получения первого (недавно согласился и на второе) места в Кремле. Ему все равно, будет ли это Россия или некий „союз". Лишь бы у руля!"

Александр Соснов, заместитель директора
Независимого института социально-экономических
и политических исследований, экс-министр труда.
„Народная воля", 8.IV.1999.

БЕЛОРУССИЯ ПРЕДЛАГАЕТ СОЗДАТЬ ССР

„Александр Лукашенко заявил, что на этой неделе собирается передать российской стороне проект договора об объединении двух стран в союзное государство. Белоруссия, претендующая на лидерство в интеграционном процессе, предлагает назвать новую государственную структуру Союзом Суверенных Республик, что своей аббревиатурой (ССР) возвращает ностальгирующий электорат почти во времена великого и могучего СССР, потерявшего, правда, одну букву на пути к своему политическому ренессансу.

Впрочем, как сторонников, так и противников объединительного движения просят не беспокоиться – согласно проекту договора, каждая из сторон сохраняет свой суверенитет, „за исключением полномочий, переданных Союзу". К последним относятся сфера внешней политики, обороны и безопасности, бюджетная, денежно-кредитная и налоговая системы, а также таможенные вопросы и системы энергетики, транспорта и связи, которые предполагается сделать едиными...

Вообще же разработанный договор вызывает массу вопросов, поскольку мало чем отличается от действующих ныне в рамках Союза документов. Он, скорее, напоминает очередную политическую декларацию о намерениях двух сторон объединиться при нерешенных экономических вопросах...

Грандиозность подобных прожектов вызывает скепсис у многих экспертов-экономистов. Один из них пошутил даже, что единая российско-белорусская валюта сегодня все равно что продукт скрещивания ежа и ужа из знаменитого анекдота – хотели как лучше, [redacted] получилась колючая проволока".

Светлана Карпекова.
„Известия", 21.IV.1999.

РОССИЯ ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА БЕЛОРУССИЮ

„Славянские братья по экономическому несчастью – Россия и Белоруссия – сделали новый шаг к построению общей и, увы, ущербной экономики. Управление Нацбанка Белоруссии сообщило, что главные банки двух государств подписали соглашение „О переходе к применению общих ставок рефинансирования и общих норм обязательных резервных требований к кредитным организациям"...

Желание России и Белоруссии (прежде всего – Белоруссии) иметь единую валюту приобретает болезненные формы. За последние четыре года предпринимались как минимум три попытки создать общую рублевую зону, и все они проваливались со скандалом...

Россия при всей очевидной убогости своих экономических достижений продвинулась гораздо дальше Белоруссии, и россияне живут гораздо богаче своих соседей. Белорусские власти не хотят корректировать свой экономический курс. Напротив, о необходимости корректировок заявляет правительство России. Зачем делать ставку на столь тесный финансовый альянс с еще более бедной страной и брать в эту компанию тоже отнюдь не цветущую под бомбами Югославию – решительно непонятно. Тем более что чисто технологически такая интеграция все равно кажется нереальной".

Семен Новопрудский.
„Известия", 17.IV.1999.

„СОЮЗ" – НОВАЯ СТОРОНА АФЕРЫ

„Только имея юридические основания считать Беларусь своим регионом, Россия сможет взвалить на наши плечи часть своего финансвого бремени. Речь идет о долгах СССР, от которых Беларусь благополучно избавилась в 1991 году, после подписания Станиславом Шушкевичем известных документов ■ Вискулях. Тогда Россия, оставив себе все золото – валютные запасы, недвижимость за рубежом и иные ценности бывшего Союза, взялась выплатить и все долги бывшего СССР. Теперь же, когда от былых ценностей остались одни воспоминания и Россия самостоятельно наделала новых долгов, Беларуси любезно предлагают вернуться в „братскую семью" и заняться не решением своих проблем, а взвалить на себя огромный долг, потуже затянуть пояс, повыше засучить рукава и вперед ■ кабалу на много лет, выручать промотавшегося „старшего брата". Выгода России здесь очевидна, но поведение белорусской стороны напоминает поведение туземных царьков, которые за нитку дешевых бус и бутылку „огненной воды" были готовы отдать свои земли с народами впридачу... Возникает вопрос – зачем нам такая интеграция?"

Павел Иванович.
„Навіны", 16.IV.1999.

„ОБЛОМ", ПОНИМАЕШЬ

„После переговоров 28 апреля с Борисом Ельциным президент Лукашенко не скрывал своего разочарования. В Кремле во время подписания документов он еще сдерживался и не реагировал на откровенные подколки российского коллеги. Однако потом в беседе с журналистами высказывался хотя и сдержанно, но вполне понятно.

Накануне визита президент рисовал наполеоновские планы относительно предстоящих переговоров. Лукашенко заявлял, что будет вести их жестко и настойчиво, выяснит, почему не выполняются подписанные ранее договоренности...

В середине апреля, принимая в Минске саратовского губернатора Аяцкова, президент пригрозил, что если его план не будет принят, он посчитает, что и российское руководство перешло в стан „врагов интеграции". Накануне нынешней встречи в верхах Interfax со ссылкой на высокопоставленных экспертов подтвердил наличие весьма существенных противоречий между Минском и Москвой по поводу модели объединения. Если белорусская сторона настаивала на объединении с созданием мощных надгосударственных структур, то российские разработчики предлагали фактически ограничиться избранием ничего не решающего союзного парламента. Что и подтвердили состоявшиеся переговоры... Лукашенко огорченно констатировал, что, видимо, придется принять российский вариант.

Как все же велик соблазн порулить Россией! Нечто подобное президент Беларуси предлагал еще летом 1995 года, потом в 1997 году кипели страсти вокруг договора об образовании Союза, когда белорусская сторона стремилась закрепить в уставе принятие решений в Высшем совете большинством голосов. И всякий раз эти планы терпели фиаско, всякий раз – „облом".

Свое обещание записать руководство России во „враги интеграции" Лукашенко не выполнил. И не столько из страха перед Ельциным, сколько потому, что список получился бы уж слишком внушительным... Ирония ситуации заключается в том, что в очередной раз угрозу поглощения Беларуси Россией предотвращает... российская элита. Делает она это, разумеется, по своим внутрироссийским мотивам, а не из любви к соседской независимости".

Юрий Дракохруст.

„Белорусская деловая газета", 30.IV.1999.

ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ

Из репортажа о пребывании А.Лукашенко в Волгограде

„Коснулся президент и болезненного вопроса союзного государства. Для местной аудитории слова президента стали откровением. „Мы разработали и представили на рассмотрение российских коллег более радикальный вариант союзного договора, чем тот, который предлагали они". А.Лукашенко расшифровал суть предложений. Российский вариант предусматривал создание союзных органов власти: Госсовета,

в который входили бы высшие должностные лица Беларуси и России и принимали бы решения по принципу „одно государство – один голос", общего парламента и некоего аналога союзного правительства. „Мы же разработали четкую схему управления объединенным государством: наличие двухпалатного парламента, избираемого народом, президента и вице-президента. До всеобщих выборов президентом Союза должен был стать глава одного из наших государств. Я предложил на этот пост кандидатуру Ельцина". А.Лукашенко пояснил, что „если мы пойдем на российский „приглаженный" вариант союзного договора, нам нет смысла будоражить людей референдумом".

Павел Якубович.
„Советская Белоруссия", 11.VI.1999.

Добрый и учтивый молодой человек Лукашенко великодушно предложил старому и больному Ельцину побыть президентом Союза до выборов. Наверное, рассчитывая, что Ельцин, в свою очередь, предложит хорошо воспитанному Лукашенко занять должность вице-президента. Ну а уж там, в Кремле, Лукашенко бы не сплоховал! Он не какой-нибудь генерал Руцкой! На баррикады народ звать не станет. Ни к чему это. Поскольку Ельцин сильно нездоров и, можно сказать, одной ногой в могиле. Это с одной, так сказать, стороны. А с другой, кому же неизвестно, что народ российский его, Лукашенко, любит и, конечно же, поддержит на выборах. Вот и пересядет он налегке с вице-президентского в президентское кресло нового Союза.

Замечательный план! Вот только малая заковыка – в Кремле его не поддержали...

ОБСУЖДЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

„Спикер палаты представителей Национального собрания Белоруссии Анатолий Малофеев официально объявил о переносе 12-й сессии парламентского собрания Союза Белоруссии и России...

Этот перенос был предопределен. Заранее объявленные сроки встречи депутатов двух стран ■ Гродно – 11–12 мая – с самого начала казались неподходящими... Кроме того, неясна судьба главного документа, который планировали обсудить парламентарии двух славянских государств, – лукашенковского проекта договора об объединении Белоруссии и России в союзное государство. На последней встрече Бориса Ельцина и Александра Лукашенко 28 апреля российский президент не поддержал инициативу белорусского коллеги. Кремль более всего не устраивает заложенная в проекте Лукашенко идея

единого президента – „одного проводника на два вагона". Кстати, эта идея может не слишком обрадовать и левое большинство российской Госдумы. В случае проведения единых президентских выборов в двух славянских государствах Лукашенко отберет голоса именно у коммунистов и их ближайших союзников.

Именно противоречия сторон вокруг формы объединения стали причиной переноса сессии. Александр Лукашенко должен был выступать в Гродно с презентацией своего радикального союзного договора, но не решился, учитывая резко негативную реакцию Бориса Ельцина на этот документ и неопределенность политической ситуации в самой России".

Семен Новопрудский.
„Известия", 8.V.1999.

ИНТЕГРАЦИЯ ДВИЖЕТСЯ И НЕ ДВИЖЕТСЯ

„Один из высокопоставленных чиновников сообщил корреспонденту „БГ", что, с его точки зрения, причины переноса сессии ПС просты: „Наш с ихним власть не поделят. В Москву слетал – так и не договорился. Поэтому нет смысла собирать депутатов". В целом же белорусские парламентарии негативно восприняли факт неожиданного переноса сессии ПС. Им, „локомотиву интеграции", в очередной раз продемонстрировали, что сей процесс движется – или не движется – без их непосредственного участия".

Ольга Тарасевич.
„Белорусская газета", 10.V.1999.

НЕ ВЕРНУТЬ ЛИ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НА БЕЛАРУСЬ?

Известное дело: когда в стране плохо, когда нищета торжествующе переплелась с бесправием, тогда самое время, говорить о внешних и внутренних врагах и, конечно же, о том, что противопоставить замышляющему недоброе в отношении Беларуси хищному Западу.

РАКЕТЫ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

„В 1997 году Александр Лукашенко два раза публично пожалел о выведенных ракетах; в 1998 – четыре раза. Окружение старалось не отставать, и вскоре вокруг Александра Лукашенко образовалась целая группа „ястребов", предлагавших в противовес расширению НАТО вернуть в Беларусь ядерные ракеты. „Ястребы" вели себя весьма агрессивно, проталкивая идею ядерного вооружения через многие средства массовой информации. На протяжении 1997–98 годов в президентском окружении шла ожесточенная борьба между „ястребами" и сторонниками умеренной линии, не желавшими обострять отношения с Западом. Собственно, борьба ведется до сих пор. На одном полюсе – Совет безопасности, выступающий за скорейшее возвращение ракет, на другом – МИД, даже не допускающмй подобной мысли...

Как же может выглядеть возвращение в Беларусь ядерного оружия? На самом деле, провести такую операцию технически совсем не сложно – было бы политическое решение. Военным необязательно везти обратно в Беларусь поездами старые ракеты SS-25 и снаряжать ими старые ракетные шахты, предусмотрительно сохраненные дальновидным белорусским руководством. Намного проще и дешевле перегнать в Беларусь пару поездов, снаряженных ракетами типа

„Скальпель". Эти небольшие, но весьма эффективные межконтинентальные ракеты давно уже вызывают опасение американцев; они расположены на специальных железнодорожных составах и замаскированы под вагоны-рефрижераторы. Во время боевого дежурства такой поезд перемещается по всей стране, ничем не выделяясь среди обычных составов, и отследить его невозможно.

Кроме „Скальпелей", на территорию Беларуси могут быть быстро ввезены и ракеты „Тополь-М" на мобильных пусковых установках белорусского производства. Такие ракетные комплексы обладают весьма высокой проходимостью, а потому спокойно могут укрыться практически в любом укромном уголке на белорусской территории.

Между тем, белорусы вполне могут и сами сделать „ядерную" бомбу. Для этого есть и мозги, и технологии. Недаром же в последние годы в Беларуси активно развиваются различные лазерные технологии. Несмотря на вполне мирную направленность, эти работы могут быть использованы и для создания ядерного взрывного устройства".

„Белорусская деловая газета", 27.I.1999.

24 марта министр обороны России Игорь Сергеев и премьер-министр Евгений Примаков сделали заявление о подготовке к введению ядерных ракет в Беларусь.

БЕЛАРУСЬ КАК „ДУБИНА" ПОД НОСОМ У ЗАПАДА

„Вряд ли кто станет возражать, что события последнего времени (расползание де-факто ядерного клуба, избыточная уверенность Вашингтона, что все сценарии ■ мире пишутся исключительно в Овальном зале и др.) приводят к тому, что многие традиционные представления о священных коровах международной политики, ■ т.ч. и ядерный кодекс, рушатся на глазах....

Внутренний паралич власти в Кремле, „беспросвет" с МВФ, косовские события – все это загоняет Россию в угол, сужает до минимума возможности оглядеться, чтобы принять взвешенные решения.

В этих условиях голоса здравомыслящих политиков в Москве, которые вслед за главой Совета по внешней и оборонной политике С.Карагановым будут квалифицировать идею разместить в Беларуси ядерное оружие, как вызывающую одновременно „смех и испуг у всего мира и всей Европы", могут звучать не так громко и весомо, как должно им звучать в этом случае.

А что же Беларусь? Даже допуская развитие событий по худшему из всех возможных сценариев, в Минске должны признать, что заявленное

в Москве сегодня еще как сугубо гипотетическое возвращение на территорию РБ „Тополей" (теоретически не исключены и другие вариации) – предстанет завтра, в случае его реализации (не приведи Господь!), как ящик Пандоры, открытие которого повлечет многочисленные и драматические политические, международные, правовые, экологические и собственно военные (включая военно-технические) последствия".

Анна Хацкевич.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТОВ

„Возвращение ядерного оружия на территорию РБ с военно-стратегической точки зрения лишено всякого смысла. Межконтинентальные стратегические ракеты „Тополь" и им подобные способны достичь любой точки мира из глубины территории России, так что размещать ядерные боеголовки в Беларуси лишь из-за близости к НАТО не имеет никакого смысла. Другое дело – предоставить их в распоряжение Александра Лукашенко. Дело ■ том, что и белорусские и российские политики сегодня говорят о возвращении на территорию Беларуси именно тактического ядерного оружия – ядерных боеголовок небольшой (сравнительно) мощности для тактических ракет, авиабомб и артиллерийских снарядов. Нюанс в том, что если стратегическое ядерное оружие по старой советской традиции всегда находится в распоряжении исключительно „высшего военно-политического руководства страны" (пресловутый „ядерный чемоданчик"), то тактическим имеют возможность распоряжаться генералы на местах. То есть независимо от юридических формулировок реально ядерное оружие окажется в руках белорусского президента – человека, которого многие называют „непредсказуемым".

Владимир Денисов.

„Белорусская газета", 29.III.1999.

МИНСК ПРИГЛАШАЕТ МОСКВУ НА БАЛКАНЫ

„Российские официальные лица предпочитают не комментировать нынешний официальный визит в Минск министра иностранных дел Союзной Республики Югославия Живадина Йовановича. Действительно, если подходить к этому формально, какие могут быть комментарии по поводу сугубо двусторонних взаимоотношений абсолютно независимых государств? Однако, к сожалению, не все так просто:

проходящие в белорусской столице переговоры могут ударить рикошетом и по международному имиджу Москвы. Поскольку, как признавался накануне их начала белорусским журналистам председатель комиссии по международным делам палаты представителей республики Александр Козырь, „переговоры будут вестись, кроме всего прочего, о возможных поставках вооружения”. В первую очередь предназначенных для отражения воздушной угрозы со стороны авиации Североатлантического альянса. При этом вряд ли нужно пояснять, в какой именно стране производится оружие, имеющееся ныне в распоряжении Белоруссии...

По мнению экспертов, Белоруссия – чрезвычайно активный „новичок” на мировом рынке вооружений. Еще несколько лет назад она вообще не фигурировала в международных регистрах, и вдруг по итогам продаж за 1996 год вошла в престижную десятку мировых лидеров в области оружейного экспорта, вытеснив оттуда Израиль!.. И если поначалу белорусский оружейный экспорт воспринимался в мире как явление временное, связанное исключительно с распродажей арсеналов, доставшихся в наследство от СССР, то в последнее время Минск все чаще называют активным реэкспортером вооружения”.

Юрий Голотюк.
„Известия”, 4.III.1999.

ЮГОСЛАВИЯ ПРОСИТСЯ В СОЮЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

СОЮЗ БОРЬБЫ И ТРУДА

„Раньше все разговоры о необходимости славянской интеграции базировались на материях весьма зыбких – ностальгии по СССР, мечтах о тесном единении братских народов и т.д и т.п. Теперь, впервые за три года, прошедших с момента подписания базовых документов по Союзу России и Белоруссии весной 1996 года, у этого гипотетического объединения появился реальный мотив. Таким мотивом станет военно-политическое противостояние НАТО – независимо от того, удастся ли реализовать откровенно утопическую идею о присоединении к славянскому Союзу Югославии. Союз с идеологической начинкой крайне выгоден официальному Минску, оказавшемуся ■ политической изоляции от Запада по собственной воле. Совершенно очевидно, что если речь идет о военно-политическом противостоянии Западу, вопрос об экономической целесообразности объединения отступает на второй план...

Но главная проблема ■ другом: у России объективно нет денег на тесную интеграцию с Белоруссией. И если начнет активно формироваться военный восточнославянский альянс, совершенно очевидно, что российскому правительству предстоит оплачивать особые отношения с Белоруссией за счет собственных ресурсов".

Семен Новопрудский.
„Известия", 29.IV.1999.

СОСТОИТСЯ ЛИ СОЮЗ ЮГОСЛАВИИ, БЕЛАРУСИ И РОССИИ?

„Югославия хочет присоединиться к Союзу Беларуси и России. Такое послание от Слободана Милошевича привез в Москву спикер

Госдумы России Геннадий Селезнев... Поддержка Ельцина придавала идее вес... Впрочем, дискуссия, последовавшая за этим сообщением, все расставила по своим местам. Даже дня не потребовалось, чтобы понять: создание тройственного союза – невыполнимый проект.

Понятно, кто сразу поддержал идею расширения белорусско-российского союза – коммунисты и их окружение. Г.Селезнев сразу заявил, что если союз состоится, то „там будут и наши войска, и наш флот будет плавать в соответствующих морях..."

Представителей левых не смущает тот факт, что Югославия активно попросилась в союз уже тогда, когда на ее территории начались военные действия. А.Подберезкин, один из идеологов русского панславизма, видит в этом даже закономерность: „Вся Российская империя складывалась под влиянием внешней угрозы. Соседние государства бежали в Россию, опасаясь внешнего врага. Так было с Грузией, с Молдовой, с Казахстаном. Так формировалась Российская империя".

Впрочем, насколько идея пробудила энтузиазм у левых, настолько же вызвала отторжение у правых. „Почему Россия все время объединяется с диктаторскими, нищими режимами? – удивлялся в интервью „БГ" один из лидеров движения „Демократическая Россия" Сергей Юшенков. – Если Россия, кроме как с Беларусью, объединится еще и с Югославией, она вступит в противостояние со всем миром"...

Да и сам Борис Ельцин в тот же день в очередной раз заявил, что Россия не будет поставлять оружие в Югославию. Планы левых как можно быстрее принять Югославию в тесное лоно славянской семьи окончательно покрылись туманом".

Виктор Дятликович.
„Белорусская газета", 12.IV.1999.

СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

„Идеи славянской и православной интеграции, к которым еще недавно принято было относиться как к историческому анекдоту, вдруг стали инструментом реальной политики. Конечно, ни о каком объединении России, Белоруссии и Югославии в союзное государство никто всерьез даже не думает. Всем понятно, что интеграция – не цель, а только лишь средство достижения других, менее возвышенных и утопических целей. Но последствия этого безобидного, на первый взгляд, процесса могут быть совершенно неожиданными.

Устроители объединительного шоу в России не учитывают, что страна и без них дрейфует в сторону Белоруссии и Югославии. Российская внешняя политика все более походит на югославскую,

а экономика – на белорусскую. Правительство любой цивилизованной страны отчаянно боролось бы с таким сходством...

Большинством голосов депутаты Госдумы приняли постановление „О присоединении Союзной Республики Югославии к Союзу Белоруссии и России". Тем самым российские парламентарии откликнулись на постановление союзной Скупщины Югославии от 12 апреля, в котором содержалось заявление о готовности этой республики вступить ■ союз... Единственным противником этого документа оказалась фракция „Яблоко"... Они убеждены, что, заявляя о готовности Югославии присоединиться к Союзу Белоруссии и России, президент Милошевич и Скупщина провоцируют Россию „на столкновение не только с Западом, но и со всем мусульманским миром". „Ближайшим последствием этого шага может стать полная изоляция России в мире", – подчеркивается ■ документе".

Александр Садчиков.
„Известия", 17.IV.1999.

СБРЮндили

„В этом же стиле лабораторных опытов и наблюдений, видимо, следит наш президент за процессом, как его непутевая страна объединяется с двумя другими – Югославией и Белоруссией. Его, судя по комментарию, не очень волнует, что из президента РФ он может оказаться гражданином СБРЮ...

Ну, если не возражаете, тогда появитесь на телеэкране и внятно разъясните стране, кто и ради чего объединяется. Промышленное убожество Белоруссии с разрушенной экономикой Сербии? Неконвертируемые динары ■ „зайчики" с летящим вниз рублем? Поддерживаем остатками своего авторитета дискредитированных Милошевича и Лукашенко? Одно слово „Союз нерушимый республик несчастных", – как назвала свой комментарий к созданию СБРЮ одна из газет.

В отсутствие комментария властей на экранах появляется кинорежиссер-депутат и растолковывает: это никакой не союз, просто мы так НАТО пугаем. НАТО действительно просто в ужасе.

Кому захочется присоединиться к СБРЮ – союзу нищих, вооруженных и обозленных, – хорошо известно. Ни одной из этих стран среди цивилизованных нет. Поменять импорт товаров на импорт идей Чучхе – это вполне по-нашему".

Виктор Лошак.
„Московские новости", 20–26.IV.1999.

ПОД ЗВЕЗДАМИ БАЛКАНСКИМИ

„При новом парламенте и новом президенте произойдет объединение России с Белоруссией в Союз славянских социалистических республик с восстановлением старой аббревиатуры – СССР. Очень может быть, что к этому союзу присоединится Сербия. Начнется гонка вооружений, будет создан военный блок с участием ряда стран. Балканский кризис продемонстрировал: равновесие сил – вот главное для сохранения мира...

Иногда кажется, что Варшавский договор перед смертью укусил НАТО. НАТО, оборонительный союз против агрессии, больше не существует. НАТО покончил жизнь моральным самоубийством, и дата этого самоубийства – 24 марта 1999 года. Может быть, эта дата когда-нибудь будет внесена в школьные учебники наряду с прочими датами, породившими политические и моральные кошмары, которыми переполнен XX век.

24 марта 1999 года кончилась эпоха „единой Европы", начатая в 1989 году. Не сумели жить в единой Европе – живите в разделенной. Политиканы того заслужили, народы – нет.

Я думаю, что в этой войне, „под звездами балканскими", решается будущая судьба рязанских, ярославских и смоленских мест. Добавлю от себя – гомельских тоже, и полтавских...

Если все будет идти по плану, то следующая „гуманитарная катастрофа" возникнет в Белоруссии. Потом будет создана АОК – армия освобождения Крыма. Для предотвращения „гуманитарной катастрофы" начнут бомбить военные объекты [redacted] Житомире, взорвут мост через бердичевскую речку Гнилопять... Все возможно в этом лучшем из миров, где патриотизм проповедует дезертир, [redacted] мораль – клятво-преступник...

Я все более и более прихожу к выводу, слушая сообщения о балканском кризисе, что единственной альтернативой приближающейся опасности европейской, мировой атомной войны является холодная война. В этом убеждает меня безумие нынешней западной политики.

Лучше уж холодная война, чем такой „горячий" мир с кровью, слезами, пожарами и руинами. Лучше уж мир, разделенный на блоки, чем возврат ко временам римского владычества, когда до самых парфянских границ жизнь и судьбу народов определяет палец правой руки или левой ноги владыки, как бы он ни назывался – римский император со своей преторианской гвардией или американский президент со своими натовскими „рогометами". Так на уголовном жаргоне именуются люди, совершающие преступления и не задумывающиеся о последствиях".

Фридрих Горенштейн.
„Общая газета", 29.IV.–12.V.1999.

5 мая Национальное собрание Беларуси единогласно приняло постановление, поддерживающее решение Югославии о присоединении к Союзу Беларуси и России. Югославии нужно помочь, ибо следующей мишенью можем оказаться мы – таков был лейтмотив ряда депутатских выступлений. Военный психоз, безусловно, должен был закамуфлировать тяжелейшую экономическую ситуацию. О каких нехватках и о какой бедности народа можно говорить, если НАТО вот-вот сбросит бомбы на Минск?

АНТИЗАПАДНЫЕ ВЫПАДЫ ПРЕЗИДЕНТА

„Ну не может белорусский президент жить без постоянного нагнетания истерии и обличения врагов, мешающих Беларуси идти по пути в светлое будущее. Подтверждением тому стало и специальное ежегодное послание, зачитанное Лукашенко в среду перед депутатами обеих палат его парламента...

Президент так разошелся, что от обвинений перешел к прямым угрозам по адресу Запада. „На каждое ваше движение вблизи наших границ с Литвой или Польшей будет дан адекватный ответ, мы вам не Югославия, мы будем себя защищать", – кричал Лукашенко".

Ольгерд Неверовский.
„Навіны", 8.IV.1999.

ЗАДУШИМСЯ [redacted] БРАТСКИХ ОБЪЯТИЯХ

„Спектр мнений по вопросу войны с Югославией и роли Беларуси в разрешении конфликта очень широк. Высказывания заместителя председателя комиссии по международным делам палаты представителей Сергея Костяна куда более радикальны, чем позиция официального Минска. В интервью „БДГ" Костян, в частности, заявил: „Вовсе необязательно вступать [redacted] войну, мы, собственно, говоря, уже находимся в состоянии войны – находились еще до того, как начали бомбить Югославию. НАТофашизм расширяет сегодня свои рамки и хочет господствовать во всем мире. Кто такой Солана, откуда выходец? Выходец из фашистского государства, которое только недавно избавилось от фашизма, воспитанник фашистских традиций... Клинтон – это тоже фашист. Олбрайт – то же самое... А сегодня одной ракеткой ударить по Вашингтону, и Америка на коленях будет. Агрессия НАТО закончится поражением НАТО. Безусловно, необходимо будет создавать военный трибунал по Нюрнбергскому

образцу. Для того, чтобы мир был уравновешен, надо Клинтона судить Нюрнбергским процессом, Олбрайт и даже Шредера привлекать. И каждый должен получить по заслугам".

В этой связи неудивительно, что общественность с тревогой воспринимает возможное присоединение Югославии к союзу и связанную с этим необходимость оказывать союзническую помощь. Так, заместитель председателя БНФ Левон Борщевский заявил: „Цель этой инициативы – превратить белорусов в пушечное мясо, втянуть Беларусь в войну на Балканах. Это политический и юридический бандитизм".

Ольга Томашевская.
„Белорусская деловая газета", 12.IV.1999.

МИРОТВОРЕЦ ПО ВЫЗОВУ

14 апреля президент Лукашенко совершил блиц-вояж в Белград

„НАТО, узнав о намерениях белорусского миротворца, предупредило, что не гарантирует безопасность перелета, и спустя час после благополучного приземления подкрепило слова „акустическим ударом" по югославской столице (вражеский самолет преодолел над Белградом звуковой барьер, вызвав сигнал воздушной тревоги). Более того, представители альянса заявили, что появление Лукашенко в Белграде „крайне нежелательно", на что президент Беларуси по прибытии в югославский аэропорт ответил: мол, я и без того знаю, как меня любит НАТО...

Официальные белорусские СМИ преподносят югославский вояж Лукашенко как „шанс миру" погасить войну на Балканах, в то время как за пределами Беларуси о миротворческом подвиге нашего лидера, пожалуй, не все осведомлены... Визит ■ Белград Александра Лукашенко, общепризнанного авторитарного, прокоммунистически настроенного лидера, возможно, предупредительный знак Москвы Западу: мол, посмотрите, в чьи объятия толкают Милошевича бомбардировки Югославии. В объятия человека, который ради сохранения власти пошел бы по тому же пути, что и президент Югославии, если бы в Бе-ларуси возникла такая же повстанческая армия „освобождения Косова". Кроме того, для НАТО не является секретом, что если Слободан друг Александра, то сам Александр – друг Бориса... Заявление А.Лукашенко о том, что присоединение Югославии к „союзу двух" неизбежно вовлечет соседей, расположенных между Белградом, Минском и Москвой, вполне вписывается в этот контекст.

Впрочем, НАТО прекрасно понимает, что Россия через своего белорусского „представителя" блефует. Скорее всего, у Ельцина нет намерения прямо сейчас приобретать в лице Югославии третьего члена интеграционной семьи. Ну а переориентация стран бывшего соцлагеря в сторону России, их отказ от цивилизованного европейского пути, наконец, от уже состоявшегося членства в НАТО – просто из области фантастики".

Алексей Печерский.
„Белорусская газета", 17.IV.1999.

ЛУКАШЕНКО В БЕЛГРАДЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАГАН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

„Как только сербское руководство объявило о желании вступить в российско-белорусский союз, стало ясно: без Александра Григорьевича здесь не обойдется. Не отдавать же инициативу Геннадию Селезневу, Сергею Бабурину и другим „второстепенным" интеграторам. Каждому избирателю России и Белоруссии должно быть ясно, что не кто-нибудь, ■ Лукашенко, он и только он, выступает мотором любого объединения. Тем более основанного на антизападной, изоляционистской идеологии...

С дипломатической точки зрения визит бесполезен. Авторитет Лукашенко ■ глазах мирового сообщества ненамного выше, чем у его югославского коллеги Слободана Милошевича...

Центральной темой визита Лукашенко станет, естественно, пресловутое объединение России, Белоруссии и Югославии. Милошевичу ничего не остается, как разыгрывать эту последнюю козырную карту, пугая Запад российскими ядерными ракетами. Тем более, что и Москва и Минск старательно делают вид, что всерьез воспринимают бредовую идею „тройственного союза".

Максим Юсин.
„Известия", 15.IV.1999.

БАЛКАНСКИЙ КОНФЛИКТ СТАЛ ФОНОМ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

„Реально из Белграда Лукашенко привез только оригинал письма Милошевича с просьбой принять Югославию в российско-белорусский союз. В принципе, за бумагой можно было отправить и чиновника рангом пониже. Скорее всего, Лукашенко передал Милошевичу

условие Ельцина: вступление в союз возможно только по окончании войны.

Стараясь не отдавать выгодное дело миротворчества в цепкие руки амбициозного белорусского президента, Борис Ельцин преподнес всем очередной кадровый сюрприз в виде Виктора Черномырдина на должности представителя президента по балканскому урегулированию... Видимо, в качестве своеобразного протеста против назначения Черномырдина, Лукашенко, вернувшись из Белграда, не стал сразу звонить Ельцину, а дождался следующего дня. Но утром в четверг Ельцин уже был недоволен поведением союзника и раздраженно заметил перед телекамерами: „Он мне еще позвонит и отчитается!" Можно представить себе, как передернуло Александра Григорьевича от этого „отчитается". Тем не менее, позвонить пришлось".

Владимир Денисов.
„Белорусская газета", 17.IV.1999.

ВИЗИТ В БУНКЕР

„Тем не менее, вояж Лукашенко можно назвать смелым, даже отчаянно смелым, если знать, как он опасается за свою драгоценную жизнь.

Что же подвигло его на такой неординарный поступок?

Во-первых, нашему интегратору тошно, муторно сидеть ■ полной международной изоляции, как дятлу в дупле. Хочется вырваться на простор из объятий постылых российских окраин с их тоской, дикостью, миргородскими лужами и пьяными градоначальниками. К цивилизации! В Европу! Под объективы телекамер!

Во-вторых, он якобы вез Милошевичу какое-то предложение. Не свое, а Примакова...

В-третьих, нужно было пояснить другу Слободану позицию Кремля по тройственному союзу и лично дистанцироваться от нее: альянс сейчас невозможен, оружие пока поставлять нельзя. Закончится война, тогда – другое дело! Но я с этим не согласен. Мы будем шуметь! Учти, Слободан! Знайте, трудящиеся всех стран!

В-четвертых, визит ■ Белград – очень удобный повод отвлечь граждан страны от размышлений о судьбе внезапно пропавшей банкирши и о нелогичной смерти Геннадия Карпенко, об аресте кандидата в президенты Чигиря, о выборах 16 мая.

В-пятых, пришла пора раскручивать союз Кремль-Дрозды и себя как генерального славянского секретаря.

В-шестых, любопытно поглядеть на коллегу по лагерю отверженных международным сообществом. Кто знает, доведется ли еще когда-нибудь встретиться? Жизнь диктаторов непредсказуема. А вдруг уже завтра ближайшие сподвижники поведут его узкой тропинкой к кустам за сортиром? Как Чаушеску. Пропадет драгоценный опыт. Нужно успеть припасть к первоисточнику".

Александр Дубравин.

„Навіны", 16.IV.1999.

СЛЕД БЕЛОРУССКИХ НАЕМНИКОВ ОБНАРУЖЕН [redacted] КОСОВО

„На прошлой неделе [redacted] информационных агентствах появилось сообщение о захвате Армией освобождения Косово (АОК) белорусских и российских наемников, воевавших на стороне сербов. Ссылка давалась на малоизвестную саудовскую газету „Аш-Шарк Аль-Аусат", которая выходит в Англии... Мы обратились к своему лондонскому корреспонденту с просьбой отыскать газету и журналиста, сообщивших скандальную новость... Оказалось, что в Лондоне действительно выходит газета с таким названием. Один из ее руководителей Салах Ахмад подтвердил нашему корреспонденту, что такой материал был опубликован 4 мая с.г. Он написан собственным корреспондентом газеты в Албании.

„Аш-Шарк Аль-Саут" (4 мая 1999 г.): „Руководство АОК заявило, что имеет большое количество военнопленных, с которыми обходится согласно Женевской конвенции. НАТО отказывается принимать этих пленных, что доставляет трудности АОК.

Пресс-секретарь Армии освобождения Косово сообщил, что они взяли [redacted] плен 20 наемников из России и Беларуси, которые участвовали в боевых действиях. Наемники оказались плененными в результате захвата косовской армией дзота и склада боеприпасов, которые они были оставлены защищать. Эти пленные были переданы представителям сил НАТО, расквартированных в Албании".

„Навіны", 12.V.1999.

С начала апреля лагерь белорусской демократии стал нести ощутимые потери.

СМЕРТЬ ГЕННАДИЯ КАРПЕНКО

ДУША ПОД БЕЛЫМИ КРЫЛЬЯМИ

„Вчера утром пришла трагическая весть. На 50-м году жизни умер заместитель председателя Верховного Совета, известный политик Геннадий Карпенко. Инсульт „свалил" Геннадия Дмитриевича 31 марта, и всю неделю он сражался со смертью в палате реанимации 9-й клинической больницы...

„Мы должны добиться перемен в интересах людей, показать каждому, что можно жить лучше, как живут многие цивилизованные страны", – часто говорил Геннадий Карпенко. Поэтому даже после жестоких поражений демократов на лукашенковских референдумах Карпенко не опускал руки и делал все для объединения оппозиции. Причем работал с одинаковой отдачей и на посту председателя созданного год назад „теневого правительства" – Национального исполнительного комитета, и в Верховном Совете, и во время уличных манифестаций оппозиции. Эта работа была далеко не благодарная. И дело не только ■ том, что на Карпенко власти ведрами выливали грязь ■ подконтрольных СМИ, это он бы пережил. Довольно часто на-ходились завистники среди своих, мол, Карпенко рвется к власти, ату его... Ну что ж, пусть это останется на их совести, тем более, что сам Карпенко на них зла не держал... У него было множество планов и про-ектов на будущее, замыслов относительно устройства Беларуси после диктатуры".

„Навіны", 7.IV.1999.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ГЕННАДИЯ КАРПЕНКО

„Лукашенко боялся Карпенко. Правоохранительные органы искали, как его посадить. Но по „молодечненским делам" виновными оказывались совершенно другие люди. Карпенко пытались нейтрализо-

вать. Но Геннадий Дмитриевич упорно избирался и назначался. Наконец, пытались очернить Карпенко. Но даже ближайшие друзья Лукашенко со временем становились ближайшими друзьями Карпенко.

Лукашенко боялся. Хотя бы потому, что бывший мэр, один из немногих, мог выиграть в прямых и открытых дебатах с „признанным оратором" И он не однажды выигрывал эту полемику. Дебаты, правда, были закрытыми, и о них мало кто знает...

Исходя из всего вышесказанного, понятно, что смерть Карпенко оказалась слишком внезапной и своевременной для власти. Возможно, именно поэтому появилось множество слухов и версий. И эти слухи будут иметь право на существование до тех пор, пока не будет найдено объяснение цепи нелогичных событий, которые происходили ■ последние дни его жизни...

Но самое главное – все, кто видел Геннадия Дмитриевича в последний день перед приступом, утверждают, что он был оживлен, здоров, жизнерадостен. Одним словом, признаков недомогания никто не заметил. Что в принципе невозможно, если у человека приступ гипертонии и давление за 200. В этой связи многие вспоминают, что Геннадий Дмитриевич рассказывал историю о том, что его уже пытались отравить. Более того – никогда после прихода к власти Александра Лукашенко Карпенко не соглашался лечиться в клинике лечкомиссии, а пользовался услугами обычных городских больниц...

Одним словом, это очередной трагический финал, окутанный тайной. К сожалению, традиционный для многих белорусских политических лидеров".

„Белорусская деловая газета", 14.V.1999.

БЕЛОРУССКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПОСЛЕ КАРПЕНКО

„Геннадий Дмитриевич был не просто одним из ведущих политиков страны. С 1996 года он был знаком, символом оппозиции. Появление этой оппозиции засвидетельствовало, что выбор Беларуси не ограничивается БНФ и прокоммунистической властью...

Он был воплощением сильных и слабых сторон оппозиции образца 1996 года. Но, может быть, именно пјрядочность была основой его высокого авторитета, как будто само пришло общее понимание, что это – лидер. Это понимание было и в его звездный час, перед референдумом 1996 года, и ■ последовавшую „глухую пору листопада". Быть лидером в такую пору – неблагодарный удел. Карпенко стал главной мишенью не только для официозных гряземетателей, но и для своих. Одни побежали на поклон к власти, другие превратились в мо-

нумент легитимности, а Геннадий Дмитриевич едва ли не один нес бремя ответственности за поражение, за „Беларусь во мгле", говоря словами Толи Майсени...

С его уходом заканчивается целый этап развития белорусской общественной и политической мысли. Эпохи кончаются, когда исчезают их символы. Оппозиция, которую возглавлял Карпенко, была похожа на русских кадетов начала века – не самых, кстати, плохих людей и политиков. Новая формация белорусской оппозиции, наверное, будет другой, более политически профессиональной, более жесткой и изощренной. Основой ее станет или обретший новое дыхание БНФ, или предвыборная команда Михаила Чигиря".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета", 9.IV.1999.

ПЕТЛЯ

„Я предполагаю, что в отношении каждого известного белорусского оппозиционера существует план его уничтожения как политика, ликвидации как личности. Речь идет не только о моральном, экономическом, но и о других способах устранения неугодных и опасных для режима людей. С каждым работают по индивидуальному плану, используя его болевые точки, слабые места, эксплуатируя свои неограниченные возможности. В оппонента необязательно выпускать пистолетную обойму. Его можно умерщвлять бескровно, постепенно затягивая на жертве экономическую петлю, создавая вокруг него негативное информационное поле.

Например, для начала надо оставить строптивого без средств к существованию. Члену-корреспонденту Академии наук, доктору технических наук, чтобы получить пособие по безработице, можно предложить подметать улицы. Надо намекнуть друзьям и приятелям, что оппозиционер – это прокаженный и контакты с ним небезопасны... Затем можно обвинить человека в том, что он сорвал поставки хлопка ■ республику и по этой причине барановичские трикотажницы остались без работы. За участие в праздновании годовщины принятия Конституции можно организовать судилище. А для быстрейшего выздоровления выставить охрану в больничной палате, чтобы, не дай Бог, известный оппозиционер не сбежал от правосудия... Так ломали Геннадия Карпенко...

Власть сотворила, выпестовала коллективного монстра-киллера, методично, хладнокровно делающего свое дело. Убийца впитал, вобрал в себя всю сатанинскую энергетику, накопленную ■ системе власти, в ее идеологии, в существах, восседающих в высоких креслах. В этом многоликом образе придворные журналисты, позирующие в „Рэзанансах",

„Панарамах" и скрывающиеся в госгазетах за псевдонимами типа Кати Пряник. Неизвестные в гражданской одежде, бьющие головой об асфальт участницу антиядерного шествия Галину Кунину... Сытые жандармы, пинающие кованым ботинком журналиста Валерия Щукина и кинорежиссера Владимира Халипа... Тюремные надзиратели и врачи, линчующие голодающего Гончара... Псевдодепутаты палаты, отправившие за решетку институт парламентаризма... Судебная система, воссоздающая традиции Вышинского и сталинских троек и переживающая этап „сукализации"... Генералы без чести, министры без достоинства... Все это коллективный портрет власти...

На ее совести издевательства над глухонемым от рождения Лесуном, которого бросили [redacted] тюрьму только за то, что он якобы выкрикивал антипрезидентские лозунги и ругался нецензурной бранью. И Сергей Гусак, которого выволокли из постели, судили проломили голову, бросили [redacted] тюрьму, и только через несколько дней поняли, что это – не тот Гусак! Сергею Гусаку уже было все равно. Вскоре он умер. И депутат Верховного Совета от Смолевичского избирательного округа Викентий Козловский, избранник народа, уважаемый хозяйственник, [redacted] ноябре 1996-го выброшенный из привычного уклада жизни. Его опыт, знания оказались невостребованными. И тогда он ушел из жизни, которую так любил...

Никто не должен быть забыт и ничто не должно быть забыто. Тысячи избитых на улицах, десятки выдворенных из институтов, миллионы лишенных права обучаться на родном языке, тысячи прошедших через суды без суда...

Я уверен, не будь 24 ноября 1996 года, самого черного дня в истории независимой Беларуси, [redacted] скромном кабинете № 263 Дома правительства нас сегодня встретил бы заместитель председателя Верховного Совета Геннадий Карпенко. Не были бы изуродованы судьбы тысяч и тысяч людей, и воздух не был бы так пропитан ненавистью...

Управление делами президента заявило о готовности оплатить все расходы, связанные с организацией похорон Геннадия Дмитриевича Карпенко. Это противно даже комментировать. В нищей Беларуси власть всегда найдет средства на гроб и венок для оппозиции. Для них хороший оппозиционер – это мертвый оппозиционер".

Анатолий Лебедько,
депутат Верховного Совета
Республики Беларуси 12-го и 13-го созывов,
заместитель председателя
Объединенной гражданской партии.
„Народная воля", 10.IV.1999.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТАМАРЫ ВИННИКОВОЙ

БЕГУЩАЯ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

„8 апреля, во время похорон Геннадия Карпенко, силовые структуры распространили сенсационное известие: из-под домашнего ареста сбежала Тамара Винникова, экс-председатель Национального банка. Это происшествие выглядело настолько загадочным и невероятным, что тут же обросло невероятным количеством слухов...

Первую версию выдвинули белорусские спецслужбы, заявив, что Тамара Винникова скрылась от следствия, покинув вечером свою квартиру на улице Одинцова... Но ведь в ее „тихой квартире" дежурили круглосуточно, сменяя друг друга, три офицера спецслужб, обеспечивая непредусмотренный уголовным кодексом домашний арест. Как могла женщина ■ возрасте, к тому же испытывающая проблемы со здоровьем, скрыться от бравых офицеров?..

Версия вторая. К этой версии склоняются многие представители белорусской политической элиты – Тамары Винниковой больше нет в живых... Экс-председатель Нацбанка наверняка знала о расходовании бюджетных средств и, возможно, о формировании и перемещении денег во внебюджетных фондах. Также для некоторых представителей властных структур была небезопасной информация о деятельности „Беларусбанка" в период, когда им руководила Тамара Винникова до перехода ■ Нацбанк.

Однако домашний арест не мог длиться вечно, и рано или поздно она должна была предстать перед судом. Суд, по версии адвокатов Винниковой, мог доказать полную несостоятельность обвинения, в котором не осталось ничего, кроме полученного в подарок сервиза Zepter. Поэтому спецслужбы могли пойти на „самое страшное", считая, что таким способом могут раз и навсегда решить проблему с экс-главой Нацбанка...

Третья версия более реальна. Смысл ее таков: Тамаре Винниковой помогли сбежать белорусские спецслужбы, приставив к ней своего

человека, либо осуществляя контроль извне... У этой версии есть и другой вариант – сговор. Власти разрешили Винниковой выехать за границу и сделать операцию, зная, что если случится страшное, то ее смерть ляжет тяжким грузом на плечи президента, с именем которого связывают арест банкирши. В этом случае мог присутствовать и элемент шантажа – если Винникова не согласится уехать и сделать операцию, а впоследствии вернуться под арест, то с ее минскими родственниками что-нибудь случится.

Какая бы из этих версий ни оказалась правдивой, сегодня можно с уверенностью сказать: борьба президента с теми, кто не устраивает его по статусу или политическим взглядам, перешла в иную плоскость. Он стал более решителен в своей ненависти к оппонентам. Возможно, вла-сти взяли на вооружение не только скрытые и завуалированные, но и самые радикальные формы борьбы с неугодными".

Николай Халезин.

„Навіны", 13.IV.1999.

КТО СТОИТ ЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ТАМАРЫ ВИННИКОВОЙ?

„Винникову могли „убрать" власти. Могли, и еще как! Ведь, как известно, нет человека – нет проблемы. А проблем с Тамарой Дмитриевной в последнее время было достаточно много. Во-первых, она начала проявлять активность, начала говорить. А лучший свидетель – мертвый свидетель. Во-вторых, Винникова стала поддерживать контакты с оппозицией и через ее представителей – с дипломатами: подобные контакты могли поставить под угрозу срыва честь внешнеторговых сделок, которые у нас далеко не всегда чистые и вписывающиеся в рамки „международных санкций". Наконец, с Винниковой просто надо было что-то делать – следствие зашло ■ тупик, серьезного компромата не нашли. Закрыть дело – признать, что опозорились...

Как наиболее вероятные, с точки зрения имеющейся на сегодняшний день информации, мы оставляем две версии – убийство и побег. Здесь понятны мотивы и легко прогнозируемы результаты: если Винникова убита – ее никто никогда не найдет, если сбежала – ей никто не поверит. Остается вычислить, кто и по чьему приказанию в этой стране мог осуществить операцию по „нейтрализации" опасного банкира. Либо – кто мог помочь ей сбежать.

Если ответить коротко, только один человек в Беларуси мог отдать подобный приказ, приказ этот мог быть адресован только двум структурам".

„Белорусская деловая газета", 21.IV.1999.

ГАРРИ ПОГОНЯЙЛО: „НЕ ХОЧУ ВЕРИТЬ, ЧТО ВИННИКОВОЙ УЖЕ НЕТ В ЖИВЫХ”

Адвокат исчезнувшей Тамары Винниковой выдвигает собственную версию этого „странного побега”

„В конце марта Винникова долго беседовала с одним из видных деятелей оппозиции Геннадием Карпенко. В ходе этой встречи, как нам известно со слов покойного Карпенко, Винникова поделилась определенной информацией. Затем последовало интервью журналисту „БДГ” А.Федуте. Не знаю, как было получено разрешение охраны, согласовывалось ли это с охраной, со следственной группой, которая, кстати, всячески противодействовала контактам с журналистами под страхом изменения меры пресечения на заключение под стражу. Если вы читали интервью, то заметили в нем скобочки, в которых просматриваются конкретные лица, они узнаваемы, и себя, я надеюсь, они узнали. И мне кажется, власть очень встревожена: Винникова потихоньку стала выдавать сведения конфиденциального характера, которыми она, конечно же, располагала... Я думаю, что этой информацией обладает сегодня и Чигирь. Если, например, Винникова выдает информацию, а Чигирь ее подтверждает, или, наоборот, Чигирь раскрывает информацию, компрометирующую высших должностных лиц государства, и оба говорят о практике, которая сложилась ■ стране, ■ частности, по продаже оружия, то это очень серьезно для власть предержащих. И они моментально могли отреагировать непродуманными, спонтанными решениями, направленными на то, чтобы убрать Винникову...

Я не могу верить официальным заявлениям властей, что Винникова совершила побег из-под стражи. Все сделано очень грубо, и это не снимает моей тревоги за судьбу Винниковой. Я придерживаюсь этой версии еще и потому, что не хочу верить, что Винниковой уже нет в живых”.

Юрась Дубина.

„Белорусская газета”, 17.IV.1999.

СЕРГЕЙ ВИННИКОВ: „МНЕ ПОЧЕМУ-ТО КАЖЕТСЯ, ЧТО МАМА ЖИВА”

„Мама в устной форме передала мне свой разговор с Карпенко. Карпенко должен был уехать в Польшу, и они обменялись информацией по экономическому положению Беларуси. Насколько я знаю, верхушка власти специально путем игры на курсе доллара зарабатывала на

разнице сумасшедшие деньги... Мама передала Карпенко довольно серьезную информацию, причем передала не устно, были переданы документы. Потом с Карпенко что-то случается. Мама говорила, что не может быть это просто так. И вдруг Карпенко умер, пропадает мама..."

Александр Федута.
„Белорусская деловая газета", 28.V.1999.

НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК

С Тамарой Винниковой беседует Ирина Халип

Телефонный звонок был столь неожиданным, а голос в трубке до того знакомым, что я опешила. «Здравствуйте, – сказали на том конце провода. – Это Тамара Винникова. Могу ли я попросить «Белорусскую деловую газету» опубликовать мое заявление?»

Я не верила. Я, как и многие, была абсолютно убеждена в том, что ее уже давно нет в живых. И если она все-таки оказалась жива – это, безусловно, лучшая новость года.

Продиктовав заявление, Тамара Дмитриевна согласилась ответить на несколько вопросов и выразила готовность к сотрудничеству с нашей газетой. Подчеркиваю: ■ ее не видела. Только слышала голос, слегка искаженный телефонной линией. Но голос – узнаваем. Голос – ее. Ответы на «контрольные» вопросы – адекватны. И горечь слов – тоже могла принадлежать только ей. Для тех, кто желает ■ этом убедиться, сообщаем, что диктофонная запись этого интервью размещена на сайте «БДГ» ■ Интернете.

– Тамара Дмитриевна, можно ли вас спросить об обстоятельствах вашего исчезновения?

– Я не могу об этом говорить, мне помогла чистая случайность. Я должна была умереть.

– После вашего исчезновения то же самое случилось еще с несколькими людьми – Юрием Захаренко, Виктором Гончаром, Анатолием Красовским. Как вы думаете, что могло произойти с ними?

– Я не только думаю – я знаю, что с ними произошло, и в следующий раз я об этом расскажу. Их исчезновения и еще будущие исчезновения, некоторые смерти – это одна и та же цепь, это одни и те же люди. Вот вы недавно писали о смерти в следственном изоляторе бывшего сотрудника Комитета государственной безопасности (имеется в виду Валерий Ткачев. – Ред.). Так вот, за этой смертью, всеми исчезновениями и некоторыми другими смертями, на которые никто не обратил внимания, стоят одни и те же люди.

– Тамара Дмитриевна, обстоятельства смерти Геннадия Карпенко многим тоже показались странными...

– Я уверена в том, что это убийство, поскольку я его видела в последние часы. Мы должны были умереть в один день.

– Значит, ему просто не помогла случайность?

– К сожалению, ему случайность не помогла. Мало того: он знал, что кто-то из нас погибнет первым. И не только мы. Мы об этом говорили и это обсуждали.

– По вашему мнению, его смерть имеет какую-то причинно-следственную связь с вашим исчезновением?

– Нет. Просто была разработана программа многих смертей. И они все равно будут осуществлены – тем или иным способом. Геннадий Карпенко об этом знал, потому что он был предупрежден. Существует список людей, которые подлежат уничтожению. Он мне об этом говорил. Честно говоря, мне не хотелось бы об этом сегодня говорить – вы же знаете, как это будет истолковано и какие мне сразу предъявят претензии. Но об этом уже было сказано в интервью одной журналистки, которая рассказывала, что на Геннадия Карпенко уже было однажды совершено покушение. Я подробно знаю, кто покушался, я знаю, что было с ним сделано. Это было ■ тот момент, когда его арестовали после участия в митинге, и он лежал в больнице. Именно там на него было совершено покушение. Он мне подробно об этом рассказывал. И об этом написала вскользь журналистка Людмила Осинская.

– Как вы оцениваете союзный договор?

– Я буду говорить об этом в понедельник в прямом эфире радио Би-Би-Си. Кстати, мне очень жаль, что закрылась газета «Имя».

– Мне тем более очень жаль, но это временная мера, и скоро газета будет выходить снова.

– Надеюсь. Я ведь читаю все, что есть в Интернете, – и «Имя», и «БДГ». Так что я ■ курсе всех событий ■ Беларуси.

– Кстати, по поводу «БДГ». У газеты был судебный процесс по иску Александра Кужеля. После интервью, где вы говорили, что он участвовал в вашем аресте, Кужель обратился в суд с иском о защите чести и достоинства. Он, в частности, утверждал, что не участвовал в вашем аресте. Газета была подвергнута крупному штрафу. Так все-таки Кужель участвовал или не участвовал?..

– Лично Кужель присутствовал при аресте и сопровождал меня все это время. Когда я разговаривала с ним на эту тему в следственном изоляторе, он это подтвердил в присутствии моих адвокатов. Он сказал: «Это я вас арестовывал». В последующем он говорил: «Я не арестовывал, а только присутствовал при аресте». Возможно, получилась

стилистическая неточность. Но в любом случае это был он. Впрочем, пусть деньги, которые он выиграл у вас и у меня, пойдут на чистку туфель. Недостойно, чтобы офицер ходил в нечищенных туфлях. Все-таки он – лицо режима. Желательно, чтобы его туфли блестели. Так что не жалейте денег на гуталин.

– Тамара Дмитриевна, вы занимались объединением Сбербанка и Беларусбанка. Как по-вашему, какую функцию сегодня выполняет объединенный банк?

– Сбербанк работает на власть, он тратит деньги на власть, он содержит власть, и так будет продолжаться дальше. Идет обесценивание вкладов, идут громаднейшие расходы собственно на аппарат банка. На три с половиной тысячи увеличилась численность сотрудников банка после слияния, хотя она должна была сократиться, потому что в обоих банках существовали параллельные структуры. Об этом можно говорить очень долго. У меня есть документы, и я вскоре подготовлю вам конкретные примеры того, как расходуются эти деньги. Да просто страшно, что там делается! Но так и будет продолжаться. Деньги идут на содержание режима.

– Тамара Дмитриевна, а что вы собираетесь делать с теми, кто вас обидел?

– Я человек не мстительный, я человек глубоко верующий. Признаюсь, каждое воскресенье я хожу [redacted] церковь и, хотя не всегда получается, стараюсь по возможности соблюдать церковные каноны. Я каждое воскресенье молюсь за Лукашенко, поскольку так положено. Знаете, это не потому, что я к нему хорошо отношусь или плохо: просто молиться за такого человека, который нанес мне жестокий удар в спину, – это есть проявление личного характера, личного мужества, и, как мне ни тяжело, я это делаю. Поэтому мстить я не буду. Но и молчать я тоже не буду. Я буду говорить то, что я знаю, то, что я вижу.

– Тамара Дмитриевна, говорили, что в следственном изоляторе к вам применялись психотропные средства. Так ли это?

– Нет, не психотропные, а психотронные. Психотропные средства – это таблетки, угнетающие нервную систему. А психотронные средства – это несколько другое. Психотронное оружие существует, оно применяется, кстати, и при исчезновениях людей. У меня есть тому доказательства.

– А что будет с вашим имуществом в связи с указом о конфискации?

– Я знаю, что решение о конфискации всего моего имущества уже есть. У меня забирают квартиру, все мои купальники, тапочки, халаты, которые уже были описаны-переписаны во время следствия. Вот такой подарок для власти.

– А вам, кстати, не жалко своих вещей?

– Да если бы дело было только во мне! Но ведь это только начало – так будет с каждым.

– Неужели вы теперь совсем не боитесь?

– Теперь – совсем не боюсь. Хотя я вчера разговаривала с одним представителем оппозиции, и он сказал мне: «Даже там, где вы находитесь, они все равно присутствуют...» Но там, где я нахожусь, для них все гораздо сложнее. Да и у меня все-таки есть определенный опыт. Три года находиться под таким колпаком – это обостряет инстинкт самосохранения.

– А правда, что вас зимой выводили на мороз без пальто?

– Хорошо бы только без пальто! Потому что выводили и без пальто, и без чулок, и без сапог, с голыми абсолютно ногами. Возможно, кому-то это покажется смешным, но это было! Целый час меня держали на морозе. После этого сами понимаете, что со мной произошло. Все остальное время у меня была очень высокая температура, были простужены все органы, и десять месяцев никто меня не допрашивал. Они приходили, пытались меня допрашивать – кстати, в том числе и полковник Кужель. Но врачи каждый день заявляли одно и то же: высокая температура, постельный режим. Поэтому во всех тех бумагах, которые у них есть, во всех протоколах написано: «в связи с плохим состоянием здоровья приняты сильнодействующие лекарства». Так что все протоколы можно выбросить в печку, не более того. Надо сказать, пытки применяются не только к политикам, но и к другим гражданам, причем жесточайшие. Мало того, они практически предусмотрены законом. К счастью, там работает много людей, которые меня предупреждали о том, что может последовать.

– Как же вы в таких условиях выжили?!

– У меня от природы очень большой запас сопротивляемости. Кроме того, я приобрела огромный опыт, работая в банковской системе, потому что мне приходилось конкурировать со многими банковскими магнатами. Это тоже закаляло. И потом, я верующий человек, и, как ни сопротивлялись власти, ко мне все-таки приходил священник и поддерживал духовно. Ну и, конечно же, моя обида на то, что меня обвинили в том, в чем я невиновна, заставляла меня жить, сопротивляться и доказывать, что это не так. Я все равно докажу, что я невиновна.

– Вы собираетесь вернуться?

– Конечно, я собираюсь вернуться и вместе с теми, кто бросил меня в эти застенки, встать перед лицом народа, покаяться в своих грехах и заставить их назвать все то, что сделали они. И мы посмотрим, что окажется на весах.

– Ваше видение ситуации в Беларуси теперь как-то изменилось?

– Я не сожалею ни об одном из шагов, которые я сделала. Я делала это для белорусского народа, для людей. Пусть это звучит слишком патриотично, но это правда. И я могу отчитаться за каждый свой шаг. А сегодня у Беларуси очень плохие перспективы. Оппозиция тоже разрозненна. Так что все зависит от белорусского народа, но теперь, после подписания союзного договора, само существование белорусов как нации под большим вопросом. В этом союзе в первую очередь заинтересованы олигархи и военные, а это очень большая сила. Что ей можно противопоставить? Только желание народа – сильное, мощное, многочисленное. Больше ничто не может помочь.

– К сожалению, это именно то, чего нам не хватает сегодня. И последний вопрос: чего вам больше всего жаль из оставленного в Беларуси?

– Мне жаль каждую травинку, не говоря уже о людях, о том деле, которое было оставлено, о моих детях, о моем доме. Но мое сердце с вами.

Заявление

Дорогие родственники, друзья, граждане Беларуси!

Наконец я могу сообщить вам, что нахожусь в безопасности и моей жизни ничто не угрожает. Я должна была погибнуть, и только случайность и воля Всевышнего помогли мне избежать участи, уготованной официальными властями. Мне пришлось оставить дом, семью, моих родных и близких, любимую Беларусь и найти убежище в стране, где человек, его права, свобода и независимость – выше всего. К счастью, здесь все осталось позади, и я могу говорить.

Мой демонстративный арест 14 января 1997 года был осуществлен исключительно с целью устрашения страны, правительства, всех граждан. Ужас и беспомощность перед грубой силой должны были подавить в обществе всякую волю к сопротивлению. Для этой цели был разработан целый сценарий: аресты женщины, детей за рисунки на стенах, человека преклонного возраста, который вначале погибал в болотах, защищая белорусскую землю, а затем – в застенках следственных изоляторов, сильных и мужественных профессионалов, которые на протяжении десятилетий создавали реальную основу процветания любимой Отчизны, виновных только в одном – в умении противостоять хамству, необразованности и алчности.

Я не буду сейчас говорить об условиях моего содержания в следственном изоляторе КГБ, под домашним арестом, пытках и психологическом воздействии. Для этого еще будет время. Самое главное – что на протяжении двух с половиной лет 28 оперативных и след-

ственных работников так и не смогли выполнить заказ и даже передать мое дело в суд в связи с отсутствием состава преступления. Тем не менее, мне не позволяли вернуться к нормальной жизни, поскольку в этом случае властям пришлось бы отвечать на вопрос: за что я провела под арестом более двух лет?

Наилучшим выходом для них могла бы стать моя смерть, и я не сомневалась, что меня ждет самое худшее, ибо достаточно хорошо знаю нравы теперешней власти, которые они даже не пытались скрывать в случае со мной. Мне известны некоторые финансовые обстоятельства существования режима. Мне известна критическая зависимость Лукашенко от олигархов России и его преступные планы уничтожения страны.

За эти годы я смогла многое переосмыслить. Свобода, права человека, патриотизм, независимость нашей страны, исторический путь и перспективы Беларуси стали для меня очень важными ценностями. И пусть никто не надеется, что часть жизни, которую мне предстоит провести в эмиграции, я посвящу исключительно собственным делам. Я намерена сделать то, чего больше всего боялись власти: я стану заниматься политикой. Хотя понимаю, сколько лжи и грязи на меня еще будет вылито.

В этой связи хочу заявить: моя совесть чиста. За каждый свой шаг я готова отчитаться. Но не перед режимом, а перед всем белорусским народом.

Все это время мне помогали истинные патриоты Беларуси: жертвенные, смелые, ответственные люди. Надеюсь, придет время, и я смогу назвать их имена. Большое спасибо им, а также тем, кто переживал о моей судьбе, кто помнил обо мне во время моего ареста, кто после моего исчезновения надеялся и верил в лучшее. Ведь этот мой длинный и рискованный путь к свободе в любой момент мог закончиться действительным исчезновением навсегда.

Я жива. Я свободна. Я желаю свободы всем нам.

„Белорусская деловая газета”, 13.XII.1999.

АРЕСТ МИХАИЛА ЧИГИРЯ

„ПАГОНЯ" НА ГАЗОВОЙ ТЯГЕ

„Несмотря на отсутствие единства в оппозиции, вокруг экс--премьера собирается большинство из тех, кого не устраивает дальнейшее правление А.Лукашенко. Тысячи активистов выразили готовность помочь М.Чигирю пройти предвыборную гонку за пост президента... Не лишены своей логики и действия определенных структур власти, которые пытливо ищут финансовые источники, питающие активность М.Чигиря. По некоторым сведениям, выри-совывающаяся картина поддержки экс-премьера побуждает „копате-лей" к серьезным раздумьям о вечном.

Почти одновременно с заявлением М.Чигиря о намерении бороться за пост президента Беларуси появилась информация о возобновлении после годичного перерыва строительства белорусского участка газопровода Ямал–Западная Европа. Если вспомнить, с какими заявлениями и акциями (к примеру, „дроздовскими") выступал А.Лукашенко в адрес Запада на протяжении всего минувшего года, то можно предположить, что причиной перерыва в строительстве мог быть не только недостаток финансов у „Газпрома", который, кстати, в конце года удачно продал часть своих акций „Рургазу".

Некоторые наблюдатели отмечают возникшую настороженность у инициаторов проекта века, как называют строительство транснационального газопровода, после некоторых заявлений из Минска с угрозами возможного пересмотра тарифов на транзит через Беларусь в ответ на дискриминационные квоты на определенные виды белорусских товаров, которые установил Евросоюз.

По мнению М.Чигиря, такие угрозы в адрес Европы смешны и глупы. В настоящее время лишь пятая часть российского газа экспортируется через Беларусь. А когда будет введен в строй газопровод Ямал–Западная Европа и доля экспорта через Беларусь существенно возрастет, то, полагает экс-премьер, Лукашенко в президентском кресле уже не будет...

Германия, как никто, ждет скорейшего ввода в строй газопровода Ямал–Западная Европа. И, надо думать, за ценой не постоит... Лично знакомый с Г.Шредером кинорежиссер Ю.Хащеватский, недавно вновь посетивший Германию, уверен, что к возникшим у канцлера трудностям с отечественным бизнесом он никак не желает добавлять газовые трудности, возможностью которых пугает Минск...

Свою первую пресс-конференцию 1 марта М.Чигирь проводил уже в качестве политика. А до этого он работал в Москве президентом представительства крупного германского концерна „ГЕА"... После официальной регистрации в качестве кандидата ■ президенты, он, как и обещал, ушел с этого поста „по собственному желанию". Правда, сам факт появления М.Чигиря в ипостаси высокопоставленного сотрудника германского концерна на политической арене породил у упомянутых „копателей" мощные ассоциации. Самая очевидная и, как говорят, упоминавшаяся в докладных „наверх", – „пломбированный вагон" из Германии.

Не исключается и версия „рука Москвы", точнее – „Газпрома"...

Обстоятельства, которые складываются не благодаря деятельности оппозиционных партийцев, а из-за нарастающего коллапса экономики Беларуси, побуждают заинтересованные (по разным причинам) круги к реальным действиям. Они считают, что настало время, позволяющее относительно спокойно произвести трансформацию существующей власти в Беларуси...

„Газпром" с „Ругазом" выстраивают свою концепцию вхождения ■ XXI век. И никаких экспромтов ■ стиле Лукашенко она не предусматривает. Не устраивает их и национал-радикализм БНФ. Предсказуемость личности М.Чигиря может привлечь под его избирательную кампанию достаточные для успеха финансовые средства, недосягаемые для „копателей". Они лишь почувствовали, что „Пагоня" запахла газом".

Роман Яковлевский.

МИХАИЛ ЧИГИРЬ О ВЫБОРАХ: „ПРОБЛЕМ НЕ БУДЕТ, ВСЕ ПРОСЧИТАНО ДО МЕЛОЧЕЙ"

„1 марта экс-премьер М.Чигирь провел свою первую после отставки пресс-конференцию... По мнению М.Чигиря, в 1999 году должны состояться выборы президента РБ, однако Лукашенко с помощь. „референдумов и шаманства стремится продлить свои полномочия и доказать, что пять плюс два равняется пяти"... Несмотря на сильное противодействие властей проведению предвыборной кампании, Чигирь

полагает, что оно „лишь способствует укреплению духа людей, определившихся в этой политической ситуации"... „Все просчитано до мелочей". Единственная проблема, считает кандидат в президенты, может возникнуть „при начале массовых репрессий, однако вряд ли они последуют – в связи с жесткой реакцией международных структур".

Ольга Тарасевич.
„Белорусская газета", 8.III.1999.

ВЫБОР СЕРЬЕЗНОГО ЧЕЛОВЕКА

Михаил Чигирь отвечает на вопросы „Народной воли"

– Лукашенко объяснил ваш приход в политику тем, что у следственных органов якобы что-то есть на вас, поэтому, мол, Чигирь хочет создать видимость, что он за политику пострадает, когда за него возьмутся.

– Что-то же надо говорить. После этого заявления очередную проверку направили [redacted] Агропромбанк, Опять, по третьему кругу, проверяют. Ищут, пусть ищут... Я одно хочу сказать: придет время и станут известны операции с выходом на ряд банков на Кипре, в Германии, Латвии... И вот тогда станет ясно, кто на самом деле вор, и народ будет в шоке.

– Михаил Николаевич, теперь для вас обратной дороги нет?

– Нет, конечно. Я отступать не буду. Меня могут только остановить, но это повлечет катастрофические последствия для власти.

Беседу вел *Игорь Синякевич.*
„Народная воля", 3.III.1999.

[redacted] БЕЛАРУСИ ОТКРЫТ СЕЗОН ОХОТЫ НА ВЕДЬМ

Михаил Чигирь: „Я готов ко всему"

„Европарламент требует проведения президентских выборов до истечения сроков полномочий Лукашенко, то есть до 20 июля 1999 года... Меня обнадеживает то, что 55 процентов населения выступает за проведение выборов, 25 процентов – за проведение выборов в 1999 году, 25 процентов – за выборы в 2001 году, 20 процентов пока не определились. Мне передают: Чигиря могут арестовать... Но за что?.. Я готов ко всему. Попытки уговорить меня уехать из страны, сидеть за рубежом и смотреть, как будут развиваться события, – я от этого

варианта отказываюсь... Мы подойдем к выборам. Выборы обязательно состоятся, и Лукашенко в них не будет участвовать. Он проиграет, и я думаю, что он все-таки одумается и тихо, спокойно уйдет в сторону и не будет мешать тем, кто может что-то сделать".

Юрась Дубина.
„Белорусская газета", 15.III.1999.

Лукашенко одумается, тихо уйдет в сторону... Или Чигирь забыл, что из себя представляет его бывший шеф или это говорилось, что называется, для газеты? 30 марта экс-премьер и кандидат в президенты был арестован. Ему предъявили обвинения в финансовых преступлениях.

НАИВНЫЙ ЧИГИРЬ

„У многих представителей СМИ ■ этот день почти одновременно зазвонили телефоны, срывающийся голос помощника М.Чигиря сообщал: „Приезжайте к нам ■ штаб-квартиру, здесь пятнадцать неизвестных ломятся ■ дверь!". Но увидеть этих „неизвестных" так и не удалось, поскольку, заметитв множество журналистов, крепкие парни в спортивных брюках и кожаных куртках мгновенно испарились... На этот раз журналисты выручили М.Чигиря, но только на этот раз... Когда машина, в которой он отправился домой, въехала в Уручье, дорогу ей преградили два автобуса, Михаила Николаевича вытащили из машины сотрудники правоохранительных органов, отвезли ■ „учреждение"... Накануне, отвечая на вопросы журналистов, Михаил Чигирь говорил о том, что, во-первых, он, будучи председателем Агропромбанка, абсолютно ничего противозаконного не делал, иначе ни за что бы не зарегистрировался кандидатом ■ президенты, а, во-вторых, работники правоохранительных органов никогда не пойдут на незаконные действия, поскольку понимают, что тот, кто отдает такие приказы, сам „сядет" через некоторое время.

Наивный Чигирь! Он должен был видеть на примере Тамары Винниковой и многих других, что „некоторое время" еще впереди, а соответствующие приказы поступают сегодня, и их хочешь не хочешь, а выполнять надо...

Печально в этой и без того минорной истории и то, что заместитель руководителя консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ в Минске Ханс-Петер Кляйнер дал интервью информационному агентству „Интерфакс", где выразил сомнение в том, что выборы 16 мая будут признаны легитимными международной общественностью, хотя и под-

черкнул, что ОБСЕ по-прежнему признает легитимность Верховного Совета 13-го созыва и считает, что он мог назначить выборы президента..."

Александр Неведомский.
„Белорусская газета", 5.IV.1999.

ЮЛИЯ ЧИГИРЬ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ, ЧТО ЕЕ МУЖА МОЖЕТ ПОСТИЧЬ СУДЬБА ТАМАРЫ ВИННИКОВОЙ

„Предвыборная борьба кандидатов в президенты началась при сюрреалистических обстоятельствах. Один претендент на пост главы государства – Зенон Позняк – спокойно пребывает за границей, другой – экс-премьер Михаил Чигирь – находится в заключении. 8 апреля ему предъявили официальное обвинение: хищения в особо крупных размерах и злоупотребления властью или служебными полномочиями... 13 апреля Юлия Чигирь в печально знаменитой Володарке встретилась с мужем... Своими впечатлениями о посещении Пищаловского замка Юлия Станиславовна поделилась в тот же день с корреспондентом „Белорусской газеты"...

– Я не питаю иллюзий, я прекрасно понимаю, с кем мы имеем дело, и думаю, что на президента ничто не действует... Он не подвержен ни моральным принципам, ни общественному давлению. Он мстит Чигирю, используя силовой аппарат, который у него в руках, который он может купить сегодня за зарплату, квартиру, льготы... Что арестом власть пыталась сорвать выборы – однозначно. Но ведь сорвать выборы можно было и другим способом, не прибегая к аресту. Однако Лукашенко почувствовал опасность фигуры Чигиря. С 1 марта, как только начался сбор подписей за выдвижение Чигиря кандидатом в президенты, началась травля, общество стали усиленно готовить к мысли, что Чигирь – преступник... Его могут освободить либо под давлением мирового сообщества, либо под давлением изнутри...

– Допускаете ли в таком случае, что Чигиря может постичь участь Тамары Винниковой?

– Я не могу исключить такого варианта".

Юрась Дубина.
„Белорусская газета", 17.IV.1999.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЮРИЯ ЗАХАРЕНКО

Вечером 7 апреля 1999 г. не вернулся домой Юрий Захаренко, бывший министр внутренних дел, координатор предвыборного штаба кандидата в президенты Михаила Чигиря.

ПАВЕЛ КОЗЛОВСКИЙ: „ПРОТИВОСТОЯТЬ ОППОЗИЦИИ ПО-ИНОМУ ВЛАСТИ НЕ МОГУТ"

„По мнению бывшего министра обороны Павла Козловского, исчезновение Юрия Захаренко – это еще одна попытка властей уничтожить своих противников. Власть парализована страхом. Странная смерть Геннадия Карпенко, исчезновение Тамары Винниковой спустя несколько дней после ее интервью, где Тамара Дмитриевна рассказала о торговле оружием. И вот сейчас Юрий Захаренко.

Режим таким путем расчищает себе политическое поле в Беларуси. Противостоять оппозиции по-иному власти не могут. Я убежден в этом".

ЮРИЙ ХАЩЕВАТСКИЙ: „В МВД МНОГО ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ, И ОНИ МОГЛИ БЫ ПОЙТИ ЗА ЮРИЕМ ЗАХАРЕНКО"

„По мнению режиссера Юрия Хащеватского, автора запрещенного фильма „Обыкновенный президент", исчезновение Юрия Захаренко связано с тем, что его авторитет в органах МВД очень высок. „Сейчас проходят выборы президента, и нынешний глава государства вскоре может оказаться незаконным, – считает Юрий Иосифович. – И в случае избрания Михаила Чигиря есть большая опасность, что большая часть сотрудников МВД перейдет на его сторону. В министерстве внутренних

дел работает много честных людей, и они могли бы пойти за Юрием Николаевичем. Я думаю, что власть очень сильно боится Юрия Захаренко, боится не только его моральной победы, но и физической".

Как считает Хащеватский, исчезновение Юрия Николаевича – это вполне в духе нынешней власти: вначале Винникова, теперь Захаренко. Исчезновение людей в Беларуси, по мнению режиссера, сейчас можно сравнить с катящимся снежным комом..."

АЛЕКСАНДР ПОТУПА: „КАЖЕТСЯ, ЗА НАМИ ПРИШЛИ, ДАМЫ И ГОСПОДА..."

„В стране отчетливо запахло „эскадронами смерти" – формально скрытым, но вполне демонстративным террором. Если многочисленные факты таинственных избиений (Юрия Хащеватского, Анатолия Лебедько, Галины Дракохруст, Славомира Адамовича и многих других) можно было с большой натяжкой отнести к сфере умеренного политического хулиганства, то исчезновение Тамары Винниковой, внезапная смерть Геннадия Карпенко, а теперь и исчезновение Юрия Захаренко – уже нечто иное. Кажется, за нами пришли, дамы и господа..."

„Народная воля", 12.V.1999.

В БЕЛАРУСИ ГЕНЕРАЛЫ ИСЧЕЗАЮТ, КАК ИГОЛКА В СТОГУ СЕНА

„*Нынешний режим будет мертвой хваткой держаться за власть. Выборов Лукашенко не допустит ни в этом году, ни в каком-либо другом. Он боится, что на выборах придется говорить правду. А правда такова: народ нищает и вымирает, Беларусь теряет суверенитет и государственность. Вопрос только в том, хватит ли Лукашенко смелости давить собственный народ*", – в столь жесткой форме прокомментировал экс-министр внутренних дел Юрий Захаренко нашумевшую в свое время попытку властей штурмом взять предвыборный штаб Михаила Чигиря. Напомню, что те памятные и беспрецедентные в новейшей белорусской истории „штабные" учения спецслужбы провели 30 марта. В итоге лихо закрученной силовой „операции" Михаил Чигирь оказался за решеткой, а инициатива предвыборной агитации перешла к его ближайшему окружению. Тогда же в беседе с корреспондентом „Народной воли" Юрий Захаренко высказал надежду, что у нынешнего режима нет достаточного резерва

материальных и человеческих ресурсов, а также решимости пойти на неизбежный террор, чтобы законсервировать „нынешний криминальный строй на неопределенное время". „*Нет у них, так сказать, мощного и понятного большинству идеологического стержня, – такого, какой был у партийных вождей в советское время, – чтобы заставить людей искренне верить в великие цели. Все президентское окружение – это трусливая толпа временщиков, спешно набивающих сумки ворованными долларами*".

Увы, по всей видимости, президенту Лукашенко достало смелости развязать новую кампанию силового воздействия на оппозиционные демократические институты. Правда, на сей раз события приобретают более драматический оборот. Юрий Захаренко не просто исчез. Кому-то может показаться, что в этом нет ничего серьезного. А может быть, уже начинается то, чего более всего опасались оставшиеся в живых свидетели „славной сталинской эпохи? Не зря, наверное, по республике поползли слухи о реальном возвращении 1937 года...

Юрий Захаренко занимал весьма либеральную политическую позицию, которая абсолютно расходилась с позицией президента Лукашенко. Именно откровенные разногласия в методологии управления государством, а также в механизмах реформирования силовых структур послужили причиной ухода ■ свое время Юрия Николаевича с должности министра внутренних дел. К тому же Захаренко по-прежнему оставался весьма осведомленным в нынешнем властном закулисье человеком, пользующимся авторитетом как ■ среде бывших, так ■ среди действующих офицеров правоохранительных органов. Не резонно ли допустить, что накануне 20 июля власть просто испугалась возможного потенциала генеральского влияния на правоохранительные органы, которые могут сыграть решающую роль ■ передаче власти законным путем".

Михаил Подоляк.

„Народная воля", 13.V.1999.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЮРИЯ ЗАХАРЕНКО ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНО

„Оппозиционные силы Беларуси ставят происшедшее в один ряд со смертью вице-спикера Верховного Совета Геннадия Карпенко, гибелью в автокатастрофе лидера профсоюзного движения предпринимателей Арнольда Печерского и с исчезновением Тамары Винниковой. Общественный комитет по расследованию исчезновения генерала Ю.Захаренко создан на экстренном заседании Координационной рады

демократических сил Беларуси в минувший понедельник. Представители рады называют исчезновение „политически мотивированным", а происшедшее необходимо рассматривать в рамках реализации плана по нейтрализации оппозиции, полагают они.

„Это не может быть случайностью", подчеркивается в заявлении политсовета ОГП. Исчезновение Ю.Захаренко, подготовленное одной из белорусских спецслужб, – спланированная акция по устранению активиста демократической оппозиции. „Нарастающий вал террора угрожает всем, кто недоволен существующим режимом", говорится в заявлении руководства БНФ „Адраджэньне".

Владимир Бородач, соратник Ю.Захаренко, считает, что оппозиционного деятеля похитили прежде всего с целью запугать участников и активистов президентской кампании. В окружении бывшего шефа МВД также полагают, что одной из причин устранения явилось намерение Ю.Захаренко организовать Белорусский союз офицеров ■ военнослужащих...

В.Бородач исключает причастность к случившемуся сотрудников МВД. В этом случае произошла бы утечка информации. Он также считает „маловероятным" участие в операции представителей КГБ Беларуси. Работники органов госбезопасности не решились бы исполнять подобный приказ, предвидя последствия и возможные варианты дальнейшего развития событий. „Скорее всего", бывшего министра внутренних дел похитили сотрудники Совета безопасности при помощи „нештатных" структур. СБ укомплектован людьми с „разными наклонностями", которые „не в состоянии" оценить последствия выполнения приказов, отмечает В.Бородач. А непосредственные исполнители могут оказаться „где-то глубоко ■ могиле, на очень глубоком дне Немана или какого-то болота". Участники громких преступлений обычно „идут вслед" за своими жертвами, констатировал В.Бородач".

Юрась Дубина, Егор Майорчик.
„Белорусская газета", 17.V.1999.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА. ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ?

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ – ВЫБОРЫ

„Депутаты ВС РБ 13-го созыва объявили о проведении в этом году президентских выборов и определили сроки проведения избирательной кампании... Два года полувиртуального парламентского существования привели к тому, что сегодня об оппозиции говорят в сослагательном наклонении, и ей нужно приложить значительные усилия, дабы власть усмотрела в ней реального политического противника. В нынешнем состоянии оппозиция вряд ли может на это рассчитывать. Цель прихода к власти не подкреплена согласованной программой действий. И даже Геннадий Карпенко, претендовавший на роль объединенного лидера, весьма скептичен в оценках нынешней „боеготовности" оппозиции:

– К глубокому сожалению, очевидно, что оппозиция в Беларуси не сформировалась... Все время кажется: ну вот, сделаем шаг, еще один... Так можно шагать всю жизнь. За два года мы не смогли преодолеть даже первого барьера – объединить все демократические силы под крылом единого органа оппозиции. Сегодня мы напоминаем клуб по интересам, члены которого соревнуются, кто первым сделает какое-либо заявление, подаст заявку на проведение митинга. Вместо согласованных действий каждый тянет одеяло на себя, в мыслях отождествляя себя с тем или иным государственным постом... В этой связи многие ставят вопрос, участвовать ли им в выборах. А куда еще деваться? Другой вопрос, как идти к ним, что на этом пути необходимо сделать, чтобы наше участие стало возможным. Если же вы объявите в своей партии, что идти на выборы не надо, кто на вас станет работать?.. Мы должны выдвигать власти требования, обращения, не отказываясь вместе с тем от уличных акций и апелляций к международным организациям. Вот наш путь. Единственный способ прихода к власти – выборы. И никаких революций".

Алексей Печерский.

„Белорусская газета", 11.I.1999.

НАПОМИНАНИЕ ИЗ 1996 ГОДА

„Президентские выборы, объявленные ВС 13-го созыва, сейчас находятся в центре общественного внимания. Впервые за много месяцев оппозиция занялась не реагированием на действия президента, а выступила со своей серьезной инициативой. Государственные СМИ быстренько предали анафеме объявленные президентские выборы, демократические партии и значительная часть независимой прессы начинание депутатов горячо поддержали...

К тому же повод для проявления этой активности избран как нельзя более удачно: избирали Александра Лукашенко президентом сроком на пять лет, которые истекают нынешним летом. Продление президентских полномочий с помощью референдума не соответствует не только разнообразным законам и международным правилам – оно не соответствует чувству справедливости белорусов. И объявленные выборы – в первую очередь весьма эффективное напоминание людям о совершенной несправедливости...

Нелишне вспомнить и социальный контекст, [redacted] котором разворачивается предвыборная кампания. Кризис не закончился, дефициты в Беларусь вернулись надолго. А тут людям предлагают более или менее конвенциональный способ выражения своего протеста: не на баррикады же призывают, а к избирательным урнам.

К тому же выборы – это весьма эффективная форма политической мобилизации, через них и агитацию вести можно, и ряды своих сторонников пополнять, и проверить, кто чего стоит из оппозиционных лидеров...

Но есть один вопрос... Если президент прибегнет к репрессиям и физически не допустит проведения выборов – тогда все ясно, выборы не состоялись, а президент своими действиями напомнил всем и каждому, что они должны быть. А если будет иначе, если выборам препятствовать не будут, если пропаганда будет просто игнорировать это мероприятие?..

И вот представим себе – проходят выборы. Разумеется, никаких помещений для голосования Центризбирком во главе с Гончаром не получит. Так что голосование обретет форму сбора подписей. А сколько удается собрать подписей в Беларуси под чем бы то ни было? „Хартия-97" за год собрала около 100 тысяч, в 1994 году за Позняка БНФ собрал за несколько месяцев несколько сот тысяч подписей...

К выборам, как мероприятию, претендующему на общенациональную обязательность, требования совсем другие, чем к сбору подписей, скажем, под „Хартией". Собрали под „Хартией" 100 тысяч – и хорошо, эти люди хотят свободы... Но выборы, в которых участвуют

несколько сот тысяч человек, – это фарс... И кто-нибудь думает над тем, чтобы предотвратить такой сценарий? Обойти побольше квартир – это не решение проблемы, нужен политический ход. Кто-нибудь его придумал?..

Хотелось бы отметить еще одну деталь, которая, может быть, не более чем стилистическая оговорка. И сами политики, и с их легкой руки журналисты легко и непринужденно повторяют слова „реальное двоевластие". Господа, вы хоть понимаете, что такое нация, что у нации есть инстинкт самосохранения, руководствуясь которым она предпочтет двоевластию любую власть? Нация примет сколь угодно жесткую борьбу за единую власть над собой, но не допустит, не потерпит двоевластия, которое есть синонимом гражданской войны. Аккуратнее надо все же формулировать свои мысли, если, конечно, вы всерьез не считаете, что нация – это только ваши единомышленники.

Пока речи о двоевластии – это тоже фарс... Пока Верховному Совету 13-го созыва не подчиняется никто. Но если его сторонники будут „радовать" белорусов подобными сентенциями, то фарсом это все и закончится.

Говорится это все не из злорадства или намерения загубить доброе дело. Просто именно неспособность продумывать стратегию в самых разных вариантах и глупые речи загубили далеко не безнадежное дело в 1996 году. Очень не хотелось бы повторения".

Юрий Дракохруст.

„Белорусская деловая газета", 27.I.1999.

„ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ"

Александр Федута: „Переизбрание Лукашенко по конституции 1994 года, увы, уже невозможно. Если вдруг все признают, что референдум 1996 года был нелегитимен, те, кто лично участвовал в его „обеспечении", должны каким-то образом отвечать. Речь идет не только об обитателях здания на Маркса 38, о чиновниках, силовиках всех уровней, директорах заводов и организаций, вплоть до председателей колхозов. Таких – полмиллиона. А с членами семей – более миллиона. А электорат у нас, по-моему, всего около пяти миллионов. Так можно вернуться? Нельзя. Это утопия.

Так что ближайшие годы для Беларуси пройдут, хотим того или нет, под знаком президентской конституции. Угрозу для нынешней власти представляет только она сама.

Европа едва ли сможет повлиять на официальный Минск даже после того, как Александр Григорьевич „пересидит" свое законное

переизбрание. Уедут послы – останутся временные поверенные. Ну не будут Лукашенко принимать на Западе. Так и сейчас его, мягко говоря, не балуют".

Александр Потупа: „Безусловно, никто не сможет заставить Лукашенко, кроме него самого, назначить досрочный старт выборов. Случится это лишь в том случае, если президент поймет, какую выгоду можно извлечь из избирательного марафона. Все зависит от оценки его аналитиками экономической ситуации. Ясное дело, лучше переизбираться сейчас, нежели через год-два, когда положение дел будет еще более плачевным...

Что касается оппозиции в привычном понимании, надо иметь в виду, что потенциальные оппоненты Лукашенко имеют сегодня ноль шансов на победу... Стартовое преимущество Лукашенко просто огромное...

Ветры перемен могут подуть лишь с востока – из России".

„Белорусская газета", 15.II.1999.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ЛИХОРАДКА

„Главное – идея очередных президентских выборов обществом до сих пор не востребована. Возможно, оппозиция и сумеет „достучаться" с этой идеей ■ каждый белорусский дом, Бог ей в помощь, но пока только единицы помнят о том, что срок первой президентуры заканчивается в этом году...

Мы наблюдаем феномен, когда в очередной раз на протяжении этого столетия белорус начинает бояться не конкретно левых или правых, националистов или интеграторов, а всех политиков вместе взятых. „Жили ведь раньше без выборов и как-то держались, зачем сейчас лезть?" – размышляет электорат. Он уже точно знает, что поскользнулся на прошлых президентских выборах, потом дважды на референдумах, жизнь с тех времен стала хуже, так зачем слушать снова политиков? „Пускай они сами между собой разбираются!"

Эту утомленность избирателей прекрасно ощущает белорусский президент. Никто не мешает Александру Лукашенко провести хоть сегодня какие угодно выборы или объединительный референдум и победить в этих выборах, но он не рискует: прежней блестящей победы не достигнуть, а небольшого преимущества он боится больше, чем поражения. Не вступая ■ открытую борьбу с оппозиционерами, Лукашенко тем не менее начинает действовать согласно с современными избирательными технологиями. А их главный принцип таков: каждое

твое действие должно быть направлено не на противника, а на электорат. Почему электорату надоели выборы? Потому что каждый раз это вновь взаимные оскорбления, грязное белье, обвинения в коррупции. И Лукашенко подыгрывает этим настроениям электората. Он будто исходя из других поводов, но весьма своевременно обвиняет Виктора Гончара и Михаила Чигиря в невозвращении кредитов...

В прошлый раз было взламывание дверей и стрельба по машине, сейчас – битье окон и астрономические цифры будто бы украденных кредитов. Лукашенко явно рассчитывает, что белорусские граждане – невольные зрители этого уже виденного спектакля – либо зажмурят глаза, либо покинут зрительный зал, но не станут крушить декорации и забрасывать режиссера тухлыми яйцами. Что в этих условиях сделает оппозиция, чтобы вернуть себе инициативу, пока непонятно".

Олег Груздилович.
„Навіны", 12.III.1999.

ДИКТАТУРА ПРОЙДЕТ

„Между прочим, у Лукашенко нет никаких оснований бояться проиграть, надумай он участвовать в намеченных на 16 мая выборах главы государства. Сегодня, несмотря на то, что дела в стране идут не совсем так, как хотелось бы президенту, и его рейтинг заметно снизился, нет ни одного политика, который по популярности к нему хотя бы приблизился. Но Лукашенко не станет участвовать в этих выборах. Это означало бы для него потакание оппозиции, официальное признание властями нелегитимности референдума 1996 г., что для главы государства неприемлемо.

Для оппозиции куда более разумно было бы принять участие в выборах по правилам Лукашенко. Во-первых, потому что ни в каких других выборах ей участвовать просто не дадут. Во-вторых, и это главное, к выборам она еще не готова. И, наконец, в-третьих, поставив перед собой задачу во что бы то ни стало провести выборы 16 мая, она и не сможет подготовиться к выборам 2001 года. Форсирование протестного движения и акций неповиновения сегодня не на руку оппозиции. И хотя массовые манифестации обязательны хотя бы для того, чтобы напомнить о себе, они не должны вести к обескровливанию оппозиции. Сегодня волне очевидно, что игра ва-банк не имеет смысла. Поддержка Запада и сочувствие народных масс будут неадекватны понесенным потерям. Сегодня для оппозиции важно не выиграть бой, а держать удар, сохраниться организационно, убедить демократические силы на Западе в необходимости регулярной финансовой подпитки,

заняться выработкой конкретных программных установок и (главное!) завоевывать доверие масс. При этом нужно растить лидеров, не подставлять их при первых же столкновениях с властью, а лелеять и беречь, тщательно следя за тем, чтобы они не были скомпрометированы ни друзьями, ни врагами.

Учитывая менталитет нашего электората, нужно избавиться от иллюзий, что простой механизатор пойдет голосовать за умные речи „яйцеголовых" или будет с карандашом в руках изучать написанную в Америке или Варшаве программу идеального реформирования страны...

Рядовой представитель электората пойдет голосовать только за сильную личность, за человека, которого сможет назвать новым „батькой". Рафинированные интеллигенты или политики типа Станислава Шушкевича могут быть избраны лишь в кругу своих".

Александр Матросов.
„Белорусская газета", 22.III.1999.

ПОДКОП

„Впервые в этом году ведущая социологическая служба страны – лаборатория „НОВАК" Андрея Вардамацкого – провела исследование, в котором изучались шансы кандидатов от оппозиции на президентский пост. Полученные результаты озадачили экспертов-политологов. Выяснилось, что в условиях реального выбора из двух кандидатов перевес ныне действующего президента не является столь существенным, как это подают государственные СМИ...

Всего полтора месяца прошло с того времени, как Михаил Чигирь, вернувшись из России в Беларусь, занялся собственной раскруткой. Результат превзошел все ожидания – индекс доверия Чигирю среди жителей Беларуси моментально поднялся с 0,8 до 7,7% и вышел на третье место после Лукашенко и Линга...

Таким образом, как бы ни изгалялись государственные СМИ над независимой прессой и молодой оппозицией и как бы оппозиция ни бичевала себя и ни посыпала голову пеплом, сегодня можно говорить о том, что за последние несколько лет доселе сплоченный и накрепко зацементированный лукашенковской идеологией электорат оказался существенно размытым. Вот такой тихий подкоп под президентский трон совершили демократы".

Николай Халезин.
„Навіны", 23.IV.1999.

СОН РАЗУМА ПОРОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

„Выборы 16 мая состоятся. Потому что этого требуют закон и правда. Президент прав (редкий случай!), когда говорит, что народ должен тысячу раз подумать. Думать значительно полезнее для жизни, чем доверять обещаниям. Тем более таким обещаниям, для проверки которых понадобилось пять долгих лет. Полагаю, белорусский народ больше не будет голосовать при сне разума, порождающего чудовищ".

Юрий Хадыка.
„Навіны", 16.II.1999.

ПРАВИЛА ИГРЫ

„Впервые за долгое время оппозиция демонстрирует политическую волю. Верховный Совет тринадцатого созыва назначил президентские выборы на 16 мая. Центризбиркомом уже практически созданы территориальные комиссии... Разумеется, это только первые шаги. Впереди долгий и сложный путь. Поэтому осторожный оптимизм по поводу действий оппозиции не должен перерастать в эйфорию...

На мой взгляд, главная угроза для назначенных Верховным Советом президентских выборов исходит с другой стороны. Власть постарается торпедировать эту кампанию, посеяв разброд в рядах оппозиции. Если ей удастся сыграть на амбициях отдельных политиков, ущерб общему делу может оказаться весьма существенным...

Посему политикам, несмотря на все личные интересы и обиды, важно усвоить главное. Все они – и Шарецкий, и Карпенко, и Чигирь, и Гончар, и остальные – находятся в одной лодке и в случае поражения на дно пойдут вместе. Таковы правила игры. Но сегодня на карту поставлена на только карьера отдельных лидеров. Как никогда велика угроза самой государственности Беларуси. Поэтому прежде всего необходимо общими усилиями законным путем остановить Лукашенко, а уж потом разбираться, кто на свете всех милей, все красивей и умней".

Александр Старикевич.
„Народная воля", 18.II.1999.

ГОТОВА ЛИ БЕЛОРУССКАЯ ОППОЗИЦИЯ К ОБЪЕДИНЕНИЮ?

Геннадий Карпенко: „Никаких негативных моментов в отсутствии синхронизированных действий я не вижу – самое главное, чтобы

действия были. Не думаю, что договориться мешают личные амбиции... Да, органов объединенной оппозиции действительно несколько. Ну и что? Много действующих органов – это же хорошо".

Станислав Богданкевич: „В принципе персоналии на данном этапе существенной роли не играют – самое важное, чтобы кандидат на пост президента мог вернуть Беларусь в лоно законности и демократии".

Станислав Шушкевич: „Единства в среде оппозиционных позеров нет и быть не может. А среди настоящей оппозиции – полное единство. Многочисленные тусовки и органы объединенной оппозиции – это результат деятельности субъектов, которые хотят изобразить из себя главных, таких, как Карпенко, и некоторых других. У позеров и генералов без армий за спиной нет ничего, кроме личных амбиций, и они делают вид, что они что-то возглавляют, чем-то управляют, что-то координируют... С моей точки зрения, было бы разумно объединить усилия вокруг работы по выдвижению в кандидаты Михаила Чигиря – думаю, это достойный человек".

Юрий Хадыка: „Зачем превращать демократические выборы в пародию? Я убежден: на президентских выборах должно быть несколько кандидатов от демократических сил.. От БНФ, видимо, будет выдвинута кандидатура Зенона Позняка... Единство оппозиции, по-моему, должно выражаться не ■ едином кандидате, а в единой платформе, и конкуренция должна быть ■ наиболее лучшем воплощении этой платформы и получении поддержки среди населения

ЗЕНОН ПОЗНЯК О ПЛАНАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ И РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБАХ

„*– Зенон Станиславович, на ваш взгляд, состоятся ли выборы 16 мая?*

– Я вам еще раз говорю: это проект, который хочет провести Москва, – он нам навязан, мы вынуждены в этом деле участвовать. Но с этим проектом они сядут в лужу. Решающую роль могут сыграть другие, а не они. Я же вам говорил, что проект может оказаться их, а сценарий – наш. Публика должна знать, что борьба будет непростая.

– В чем принципиальные отличия предвыборных программ Чигиря и Позняка?

– Программа Чигиря очень проста – это часть программы Лукашенко. Ее можно сформулировать в трех словах: коррупция, колбаса, зарплата. А вообще можно одним словом сформулировать: колбаса. Чигирь писал в „Свободных новостях", что народ забыл запах хорошей колбасы... Ну понятно, на кого это рассчитано – все по проекту...

– А на чем вы делаете акцент?

– В основном, на духовных ценностях: если хочешь хлеба – ищи Беларусь, не колбасы, а Бога. Если этот храм будет в душе, тогда можно будет говорить об экономике. Если всего этого нет, то все разговоры об экономике возвращаются к колбасе. Чтобы стать нацией, нужно думать не о колбасе, а о духовных ценностях".

Юрась Дубина.
„Белорусская газета", 15.III.1999.

Итак, нация не должна думать о колбасе, ее задача – сосредоточиться на духовных ценностях. Сидящий на хорошем американском пособии в Варшаве г-н Позняк формулирует, как следует жить, о чем заботиться в первую очередь прозябающему в нищете белорусскому народу. Естественно, что народ, думающий лишь о хлебе насущном, недостоин такого лидера. Поэтому г-н Позняк будет ждать пока народ созреет... В противном случае – не видать ему никогда больше своего подлинного вождя и учителя.

У ОППОЗИЦИИ – ЛОЖНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ?

„Как стало известно из достоверных источников, белорусские спецслужбы усилили бдительность в плане наблюдения за работой оппозиционных политиков. Прокуратура РБ уже вынесла официальное предупреждение В.Гончару, после чего он был арестован на прошлой неделе, с 1 марта предполагаются аналогичные действия в отношении членов окружных комиссий и инициативных групп, занимающихся сбором подписей".

Ольга Тарасевич.
„Белорусская газета", 1.III.1999.

РЕПРЕССИИ НАЧАЛИСЬ

„Правоохранительные организации Беларуси продолжают отслеживать ситуацию вокруг подготовки президентских выборов 16 мая, которую ведет Центризбирком во главе с Виктором Гончаром. Особое внимание уделяется фактам репрессий против активистов избирательной кампании со стороны белорусских властей...

Среди мер, которые использует власть, – угрозы увольнения с работы или отчисления из учебного заведения... В Свислочи власти наказали руководителя районной комиссии В.Тришчановича: рай-

исполком принял решение о закрытии его фирмы „Электролуч", семь человек остались без работы".

Олег Груздилович, Сергей Островцов.
„Навіны", 17.III.1999.

ВИКТОР ГОНЧАР ПРИМЕНИТ ОБЫЧНУЮ ПРОЦЕДУРУ

Виктор Гончар, председатель Центризбиркома: „Не так давно Центризбирком издал постановление, где закреплена технология голосования, которая сводится фактически к хождению с урнами в течение 10 дней.

Будет применяться обычная процедура, с той лишь разницей, что для голосования по месту нахождения формально требуется обращение избирателя в участковую комиссию. Но мы не будем давать власти координаты наших активистов, чтобы их по списку всех забрали. В связи с этим Центральная комиссия рекомендовала участковым комиссиям согласовать с избирателями голосование по месту их нахождения. Естественно, что это согласование будет ■ корректной форме при обходе по месту жительства... Сделано все, чтобы явка была массовой. Я ожидаю явку до 70 %. Хотя ■ этой области прогнозы вещь неблагодарная. Все зависит от конкретных условий, в которых будет проходить голосование.

Сейчас все подготовлено для того, чтобы выйти на эффективный и впечатляющий результат. Отпечатаны бюллетени, профинансирована деятельность территориальных и участковых комиссий, изготовлены урны, подготовлены члены участковых комиссий... У нас образовано 2300 участков, в каждой комиссии по 6 человек, так что во время голосования будут работать примерно 14 тысяч членов избирательных комиссий.

„Белорусская деловая газета", 5.V.1999.

В. ГОНЧАР: „ВЫБОРЫ ИЗМЕНЯТ СИТУАЦИЮ"

„Ни у кого – ни у международных организаций, ни у цивилизованных государств – не вызывает сомнения законность этих выборов, поскольку назначены они легитимным органом власти, Верховным Советом, организуются и проводятся легитимной структурой, сформированной Верховным Советом Центральной избирательной комиссией. Наконец, ни у кого нет сомнений по поводу безупречности

конституционной и правовой основы проведения этих выборов. Не случайно, что во многих документах (например, в заявлении Госдепартамента США, в последних резолюциях Европарламента) подчеркивается законность президентских выборов, проводимых в нашей стране. Другое дело, что победитель, если таковой будет, действительно, увы, вряд ли будет признан в качестве президента Республики Беларусь. Я могу заявить, что любой исход этой кампании (т.е. если выборы состоятся и будут признаны с формально юридической точки зрения) станет ярким свидетельством нелегитимности режима, и уж, во всяком случае, возникнет совершенно другая и политическая, и правовая, и – что самое главное – реальная ситуация. Создается реальная основа для проведения повторных выборов – уже при новой конституционной структуре власти, поскольку после 21 июля в Беларуси не будет легитимного президента".

„Навіны", 5.V.1999.

КТО ПРОТИВОСТОИТ ПРЕЗИДЕНТУ ЛУКАШЕНКО

„В серьезность затеи с выборами 16 мая не верит даже сама оппозиция. Предполагается, что члены избирательных комиссий будут ходить в народ с урнами для голосования, а потом Центризбирком (тоже альтернативный, сформированный оппозицией) объявит результат. Единственный, кто, возможно, и поверил, – это Зенон Позняк, не только решивший баллотироваться, но даже узревший в выдвижении соперника, Михаила Чигиря, происки России. Даже и факс соответствующий прислал – „Проект „Чигирь".

Вместе с тем очевидна главная проблема. Сроки президентских полномочий Александра Лукашенко действительно истекают 20 июля 1999 года – спустя пять лет после инаугурации. И после этого глава белорусского государства теряет свою легитимность – для всего мирового сообщества, кроме России и ее сателлитов. Весь остальной мир будет считать исполняющим обязанности президента Беларуси Семена Шарецкого, спикера Верховного Совета Республики Беларусь злосчастного 13-го созыва...

Лукашенко держится сегодня на российской газовой трубе и российском рынке. Эта зависимость сохранится и далее – кто бы ни пришел к власти в Беларуси. Но Россия уже настолько ослабла, что не замечает: Лукашенко давно диктует ей свою волю. Не Россия готовится „проглотить" Беларусь, что бы ни твердил Зенон Позняк, а маленькая, но вполне империалистическая Беларусь намерена „проглотить" Россию. Но рано или поздно электорат Лукашенко разочаруется в нем: нельзя же

всю жизнь жить на зарплату в 15 долларов! И пришедшие ему на смену откачнутся от России – по закону маятника. Чем дольше будет править Лукашенко, тем больше он замарает само понятие „белорусско-российский союз”. И новые руководители Беларуси спросят у тех, кто сменит гг.Строева и Селезнева: почему, собственно, ваши предшественники помогали нашему недопеченному диктатору?

Самое печальное – придется отвечать”.

Александр Федута.
„Московские новости”, 11–17.V.1999.

ОППОЗИЦИЯ НАЧАЛА ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ

„В первый день голосования участие в выборах приняло около 204 тысяч человек. Это – приблизительно 2,7% от общего числа избирателей. В первый день голосование проходило достаточно ровно по всей стране... По мнению секретаря Центризбиркома Бориса Гюнтера, последующие дни должны быть более „урожайными”, поскольку процесс пойдет по нарастающей.. Впрочем, секретарь Центризбиркома не исключает, что нарастающей будет и динамика репрессий против членов избирательных комиссий...

Официально иностранные наблюдатели на выборах не работают. Члены Центризбиркома объясняют это тем, что для официальной регистрации ■ качестве наблюдателя необходимо официальное же согласие белорусского правительства. Понятно, что правительство наблюдателей не пригласит. Однако, по словам Гюнтера, международные организации и зарубежные страны интересуются ходом избирательной кампании...

Сегодня сложно спрогнозировать, как отнесутся западные страны к итогам проводимой кампании. Судя по всему, слова представителей миссии ОБСЕ в Минске о том, что организация проведения выборов не соответствует стандартам этой организации, являются ключевыми. Вряд ли сегодня можно рассчитывать на то, что кандидата, получившего ■ ходе кампании наибольшее число голосов, западные страны сочтут законно избранным президентом страны. Хотя сама по себе избирательная кампания уже названа легитимной. Представители оппозиции, ■ том числе и вдохновители идеи проведения выборов, не открывают свои карты и не говорят о том, какого конкретного результата они хотели достичь. Однако можно предположить, что вряд ли они надеялись на то, что получивший наибольшее число голосов кандидат займет резиденцию на улице Карла Маркса. Главное, чего

может добиться оппозиция, – это опровергнуть миф о том, что народ Беларуси выборов не желает. Власти же, похоже, тезис о том, что „низы не хотят", сделали ключевым.

Нынешняя избирательная кампания – это своеобразная подготовка к 20 июля, когда по Конституции 1994 года истечет срок полномочий Александра Лукашенко. Что будет после этой даты – представители западных государств пока не отвечают. Но многое зависит от того, какими будут итоги нынешних выборов и как поведет себя оппозиция".

Ольга Томашевская.
„Белорусская деловая газета", 10.V.1999.

УЗКИЙ КРУГ ЛИЦ С ШИРОКИМИ ВЗГЛЯДАМИ

Позняк обвиняет оппозицию в политическом шулерстве

„Что же касается уникальной технологии „голосования", то Позняк, отлично зная нравы своих заединщиков, абсолютно уверен, что сторонники Чигиря ни на секунду не задумаются и нарисуют любой нужный им результат. Так что любой исход спектакля означает для Позняка компрометацию. Он уже достаточно покрутился в Европе и США и отлично понимает: нет в подлунном мире респектабельного политика, который принял бы за чистую монету таинственные визиты по квартирам загадочных урноносцев. Это будут урны с прахом политической состоятельности Зенона Станиславовича...

И мастер факса ■ отчаянии отбивает депешу: Минск, БНФ, SOS! Позняк пытается спасти порядком исковерканное лицо. Процитируем газету „Навіны", которая комментирует последний факс председателя БНФ: „Зенон Позняк обвиняет В.Гончара в многочисленных нарушениях избирательного законодательства и Конституции и „провале" выборов. Он называет „шутовством и авантюризмом" мероприятия по проведению досрочного голосования".

Итак, даже Позняк, большой поклонник „революционной целесообразности", протестует против интриг и массового шулерства. Но ведь чем-то же, может спросить заинтересованный читатель, руководствовались те, кто придумал и запустил механизм „досрочных" выборов? Здесь, разумеется, может быть немало версий и предположений, но что касается вышеупомянутого Позняка, то он свою точку зрения излагает так: „Люди, которые... служили режиму, хотят любыми путями вновь вернуться во власть и отомстить своему бывшему соратнику и обидчику". Простив Зенону Станиславовичу

некоторую характерную экспрессивность, согласимся, что за кулисами всех хитроумных политических технологий стоят весьма простые помыслы: взять реванш и вернуться в просторные кабинеты".

Сергей Петров.
„Советская Белоруссия", 12.V.1999.

13 мая З.Позняк снял свою кандидатуру на президентских выборах.

ХАДЫКА БУДЕТ БОРОТЬСЯ ЗА ФРОНТ

Из интервью с заместителем председателя БНФ Юрием Хадыкой

„Этот шаг – его право как кандидата. Жаль только, что это сделано в последний момент, когда фронтовские структуры, которые образуют значительную, если не большую часть избирательных комиссий, работали несмотря на массовые репрессии власти против активистов избиркомов. С другой стороны, еще хуже то, что Зенон Станиславович перепутал свои возможности как кандидата со своими обязанностями как председателя Фронта. Потому что параллельно с этим снятием кандидатуры был распространен его приказ членам БНФ выходить из состава избирательных комиссий. Очевидно, что это прямое нарушение устава БНФ, который требует от каждого члена исполнения решений высших органов управления организацией. Высшим органом является сойм ■ перерыве между съездами. Сойм четырежды рассматривал этот вопрос и даже на последнем апрельском заседании принял решение проводить выборы до конца. Поэтому призыв Позняка, который дезорганизовал структуры БНФ, есть прямое и очевидное нарушение устава. С политической точки зрения выход членов БНФ из предвыборной кампании был недопустим".

НА ГРАНИ РАСКОЛА

Из интервью с одним из руководителей БНФ Вячеславом Сивчиком

„То решение, которое приняла часть руководства БНФ, на мой взгляд, было наихудшим. Это была компрометация белорусского демократического движения. Ведь не стоит забывать про такой показатель, как антидемократический режим и его пропаганду. И когда некоторые руководители БНФ вместе с Заметалиным по очереди

начинают обслуживать этот режим, это – очень красноречивое тому подтверждение. Я очень гордился тем, что БНФ при всех наших недостатках, всегда исполнял функцию борца с режимом. А вот последняя кампания была проведена очень бездарно. Потому что вместо известного всем врага, режима Лукашенко, существование которого каждый день приносит огромный вред белорусскому обществу, нашлись какие-то внутренние враги. Началась беспощадная борьба с оппозиционными организациями, хотя они могли стать союзниками, своеобразной базой для белорусской демократии. Я считаю, что эта схема была разработана также спецслужбами, по-иному этого не объяснишь. Когда идет борьба на уровне оппозиция – режим, конечно же, режим и его приспешники заинтересованы в том, чтобы расколоть оппозицию, чтобы та начала бороться сама с собой. И, в принципе, это было достигнуто. Я глубоко убежден, что те документы (или обрывки документов), которые попадали в Варшаву к Позняку частично содержали в себе дезинформацию. Это и было направлено на то, чтобы развалить белорусскую оппозицию”.

„Белорусская деловая газета”, 19.V.1999.

ОППОЗИЦИОННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ НЕ ИЗБРАН

Согласно постановлению Центризбиркома, выборы президента РБ признаны состоявшимися, за исключением Гомельской области, так как „в выборах ■ целом по республике проголосовало более половины граждан, внесенных ■ списки, – 4.000.804 человека, или 53,02 %”.

В постановлении ЦИК говорится: „Признать выборы президента Республики Беларусь ■ части итогов голосования по кандидатам, внесенным в бюллетени по выборам президента, недействительными из-за допущенных в ходе выборов нарушений, повлиявших на итоги выборов”. В качестве таких нарушений ЦИК рассматривает создание государственными органами препятствий для свободного осуществления гражданами РБ права избирать президента; отсутствие возможности свободного обсуждения избирательных программ кандидатов в президенты и ведения предвыборной агитации; нарушение закона „О выборах президента РБ” З.Позняком, допустившим распространение ложных сведений о другом кандидате в президенты и деятельности ЦИКа и публично призывавшим к бойкотированию выборов. Также ЦИК постановил „назначить повторные выборы президента РБ в течение трех месяцев после основных выборов с повторным выдвижением кандидатов в президенты”.

Из интервью Виктора Гончара

„Каждому понятно, что при всем стремлении Центральной комиссии к соблюдению всех процедур выборы проходили в откровенно аномальных условиях, что и повлекло признание итогов голосования недействительными. Хочу сказать однозначно: любая акция не терпит повторения. Повторение такого рода выборов я считаю нецелесообразным, поскольку главный политический итог как раз в том и состоит, что эта кампания сделала просто невозможным продолжение Лукашенко обязанностей президента после 20 июля. По итогам этой кампании он практически лишился легитимности, что будет юридически подтверждено с истечением его полномочий. Поэтому еще раз подчеркиваю: я рассматриваю эту кампанию как мощный политический импульс для того, чтобы обеспечить проведение нормальных президентских выборов в соответствии с общепризнанными европейскими стандартами...

Все организаторы этой кампании рассматривали ее как политическую акцию. Другое дело, что на трехсторонней встрече Гончар-Позняк-Чигирь мы, естественно, ставили задачу-максимум – реальное избрание реального президента. Более того, был подготовлен закрытый меморандум, который должны были подписать оба кандидата в президенты. Не знаю, как Зенон Станиславович мог прийти к неадекватным выводам, но что касается меня и уважаемого Михаила Николаевича Чигиря, то мы, как прагматики, стремились не к тому, чтобы был избран президент, а к тому, чтобы выполнить свой гражданский долг и обеспечить стартовые условия для изменения режима и проведения выборов ■ условиях, соответствующих стандартам...

Жалобные завывания имитаторов, рассуждающих о своих виртуальных имитационных нормах, вызывают у меня иронию и жалость. Вместо того, чтобы скулить, надо было брать урны и помогать организаторам кампании, а не верещать о том, что кто-то что-то не сделал. Найдите вы еще прецедент, чтобы в этих условиях хоть что-то было сделано. Поэтому я хочу низко поклониться активистам БНФ, которые не скулили, не требовали гарантий и компенсаций из фондов, а пахали и обеспечили результат".

По результатам несостоявшихся выборов победу одержал Зенон Позняк. Глава Центризбиркома данную информацию сам не сообщил, переадресовав вопрос к пресс-секретарю, который сказал, что эти данные не подлежат огласке. В это время В.Гончар великодушно передал копии протоколов Валерию Щукину. Таким странным образом журналисты получили данную информацию.

Ольга Тарасевич.

„Белорусская газета", 24.V.1999.

„Не исключено, что к 19 мая решение, оглашенное Гончаром, было едва ли не наилучшим из худших. Но ведь ситуация, в которой все решения плохи, образовалась не в последнюю очередь благодаря усилиям идеологов и инициаторов предвыборного проекта.

Распределение голосов между кандидатами и в самом деле не имело значения, стань итогом выборов факт, что более половины белорусского населения действительно приняло в них участие, – это было бы идеальным результатом, фактически победой. Голосование стало бы волеизъявлением в пользу перемен, за настоящие выборы высшей власти.

Однако кто поверит в эти цифры? Не будем даже вспоминать о сомнениях, выражаемых властью. Но ведь то, что избранная технология выборов путем обхода квартир не допускала никакого контроля, – это факт. Даже при сборе подписей под чем бы то ни было, их в принципе можно проверить, в данном случае независимая проверка была невозможна. Если бы в выборах приняла участие половина населения, то среди знакомых, соседей, сослуживцев любого человека было бы множество людей, к которым приходили с урнами. С кем ни поговоришь – ни к кому не приходили".

Юрий Дракохруст.

ТИХИЕ ВЫБОРЫ

Светлана Алексиевич, писательница: „Это, конечно, скорее символическая акция, потому что провести в нынешних условиях настоящие выборы было практически невозможно. Ведь был запущен механизм страха, и в результате страна оказалась парализованной. Со стороны оппозиции эти выборы были равнозначны акту самоубийства. Но эту акцию все-таки можно считать состоявшейся хотя бы потому, что она показала: противостояние в обществе имеет место, а механизм страха на полную катушку раскрутить так и не удалось. Ведь какое количество людей (несмотря на то, что их арестовывали и сажали) отважилось продемонстрировать свое гражданское мужество! Однако эти выборы показали и слабость нашей оппозиции старой формации. Поэтому теперь остается ждать появления новых молодых людей, которые и представят какие-то другие идеи.

А пока президентом все равно останется Лукашенко. И более того: если бы он участвовал сейчас в этих выборах, к всеобщему нашему разочарованию, победил бы даже без фальсификаций. Потому что в со-

знание людей уже внедрилась эта страшная формула: „Кто же еще?" Хотя на этот вопрос можно легко ответить: любой другой был бы лучше. Но мы будем по-прежнему жить все в той же стране, с тем же народом и при том же режиме. Я просто устала от этих символических жестов, которые ничего в нашей жизни не меняют. Наоборот, они порождают ощущение какого-то заколдованного круга и собственного бессилия".

Юрий Хащеватский, кинорежиссер: „Это была хоть какая-то нормальная попытка что-то сделать. Ребята придумали хорошую штуку! И неважно, что думаю я по поводу этих выборов, важно знать, как относится к ним Лукашенко. Он же испугался и потому все делал наперекор. Я уж не говорю о том, что в апофеозе этих событий исчез Юрий Захаренко. Слышать же мнение о том, что оппозиции в республике нет, лично мне обидно, потому что я-то – в оппозиции и совершенно точно знаю, что я есть. Конечно, у нас нет умной и организованной оппозиции, которая опиралась бы на профессионалов... Однако ситуация уже развивается, потому что исчезновение Захаренко – это упреждающий удар. Он ведь исчез потому, что за ним могло пойти МВД. Впрочем, народ по-прежнему безмолвствует. И чем активнее поведет себя в этой ситуации оппозиция, тем больше будет шансов заявить об этой незаконной власти в Европе и в России. Поскольку многое опять-таки зависит от России".

„Белорусская деловая газета", 21.V.1999.

ОППОЗИЦИИ БОЛЬШЕ НЕТ, БУДЕМ ИСХОДИТЬ ИЗ ЭТОГО

„У оппозиции, какой вошла она в последний период своего существования, было много недостатков. Главный из них: она состояла из обиженных людей. В оппозицию шли люди, вытолкнутые из власти, лишившиеся своего общественного статуса... И если оппозиционеры „старой закалки" – БНФ, прежде всего, и покойный Карпенко – имели какую-то идейную основу для своей оппозиционности, то остальные в большинстве своем руководствовались прежде всего ощущением собственной необходимости в руководстве страны.

Наша оппозиция была неконвенциональна – она не умела договариваться. Причем не столько с властью, сколько сама с собой...

Наша оппозиция была нетехнологична. Каждый политик считал себя аналитиком. В результате ни одна партия не просчитывала реальных вариантов развития событий...

Наша оппозиция была в плену у слова. Слово заменяло ей дело. Оппозиционеры существовали постольку, поскольку о них писали независимые газеты. Как только о них переставали писать, начинали писать они сами. Борьба с публикациями оппонентов становилась чуть ли не делом всей жизни...

Наша оппозиция была стара. Стара не только идеологически, но и физиологически: статусные роли играли пенсионеры, рассчитывавшие на политическое будущее...

Наша оппозиция, по деловым своим качествам будучи в массе своей мало профессиональной, породила тем не менее группу людей, превративших оппозиционность в бизнес. Они существовали на гранты, дарованные им в качестве поддержки. Многие даже при долукашенковской убогой демократии столько не зарабатывали...

Наша оппозиция была нефункциональна, потому что единственной ареной ее реальных действий был и оставался Минск...

Наша оппозиция любила себя даже больше, чем власть, а потому сильно обижалась, когда ее критиковали за все перечисленное выше. Но мы, даже критикуя ее, знали, что другой просто нет. Теперь нет и такой...

Мы больше не будем оглядываться в прошлое. Тело предано земле с надлежащими почестями. Минута молчания закончилась. Пришло время смотреть в будущее. Нужна новая оппозиция".

„Белорусская деловая газета", 17.V.1999.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЖЕЙМСА РУБИНА, ПРЕСС-СЕКРЕТАРЯ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США

„Госдепартамент обращает внимание на попытку белорусской оппозиции провести президентские выборы, которые завершились 16 мая. Инициатива оппозиции по проведению выборов продемонстрировала усилия демократов в Беларуси провести диалог с белорусским народом, который режим Лукашенко продолжает отвергать. Это драматизировало конституционный и политический тупик, который создал президент Лукашенко, отойдя от конституции страны в 1996 г. и подавляя права человека. Эти действия показали всем его неспособность объединить страну и обеспечить политическую стабильность.

Соединенные Штаты Америки осуждают меры, предпринятые белорусскими властями по подавлению усилий, направленных на возвращение страны на путь демократического развития. Правительство предприняло репрессии против организаторов и участников

выборов, по сфабрикованным обвинениям в коррупции заключило в тюрьму кандидата в президенты, бывшего премьер-министра Чигиря и пригрозило закрытием независимым газетам за освещение выборов.

Мы еще раз призываем правительство Беларуси изменить курс и проявить инициативу по проведению без предварительных условий диалога с демократическими силами страны и с обществом в целом. Соединенные Штаты будут продолжать оказывать мощную поддержку демократии и соблюдению прав человека в Беларуси и будут настаивать на том, чтобы международное сообщество занимало такую же позицию".

„Белорусская газета", 24.V.1999.

20 ИЮЛЯ. ОЖИДАНИЕ ЧУДА

20 июля 1999 года, согласно Конституции 1994 года, заканчивался пятилетний срок пребывания Лукашенко на президентской должности. Но, организовав осенью 1996 г. под видом референдума государственный переворот, правитель продлил свои полномочия до 2001 года. Граждане, разочарованные в президентских выборах, организованных оппозицией, возлагали какие-то надежды на магическую дату – 20 июля...

НАВСТРЕЧУ 20 ИЮЛЯ

„На наших глазах власть разваливается. И ее беда, что опору свою она видит только лишь в банальном страхе и насилии.

Ни в коем случае не намекаю на пресловутую дату 20 июля. Более того, уверен, что она пройдет вполне предсказуемо: оппозиция, как и положено, выступит с протестами против произвола, власть, как обычно, ответит массовыми репрессиями. Словом, ничего нового. Да, конечно, по мозгам получит пресса, а доверчивые международные организации в очередной раз поверят мифическим переговорам власти с оппозицией.

Тревожит другое. И вот этот грех нельзя будет ничем искупить ни одному из руководителей государства – экономика страны разваливается, предприятия-экспортеры на грани остановки и будут проданы за бесценок (БМЗ, БеЛАЗ, МАЗ и др.). И это они понимают и потворствуют этим процессам. Финансовая система нашей страны дышит на ладан, и взрыв наступит очень и очень скоро. И начнется Великий поиск врагов. Поверьте, вряд ли ими на этот раз окажутся журналисты.

Начинается драка между самыми-самыми в этой стране, и в этом я искренне сочувствую президенту, потому что ему некому доверять, а значит, власть его станет химерой. В стране складывается ситуация,

когда власть станет настолько слаба, что за нее просто будет стыдно, но и взять ее, как и всегда, будет просто некому, да и честно говоря незачем. Поэтому мне абсолютно все равно, кто будет президентом РБ 21 июля 1999 г., потому что следующим фактическим лидером страны будет кто-нибудь из окружения Лукашенко".

Петр Марцев,
главный редактор „БДГ".

НАКАНУНЕ ПОТРЯСЕНИЙ, КОТОРЫЕ НЕ СОСТОЯТСЯ

„Оппозиционные депутаты намерены объявить срок президентства законченным, провозгласить главой государства спикера парламента Семена Шарецкого и назначить дату новых президентских выборов. Говорят, существует даже некий список нового правительства, в который вошли некоторые деятели оппозиции, находящиеся в эмиграции.

Пока Верховный Совет будет брать власть, партии в лице БНФ, ОГП и социал-демократов готовятся обеспечить народную поддержку этой акции. Эти партии уже объявили о намерении провести вечером 21 июля народные гуляния в честь окончания срока президентских полномочий...

Самое удивительное, что к 20 июля самым серьезным образом готовится и власть. Эта подготовка идет по нескольким направлениям, главные из которых – обеспечение безопасности и идеология...

Вообще, возникает впечатление, что все затаились накануне какого-то большого шухера".

„Белорусская деловая газета", 19.VII.1999.

ПОРА...

„...20 июля – день, когда Лукашенко утрачивает данную ему на выборах легитимность, – все же наступило. Принесло ли оно нам хоть какие-то облегчение? Вряд ли. Ведь кардинальным образом ничего не изменилось. Да и не могло измениться. Завтрашним июльским днем правящим президентом, скорее всего, будет А.Лукашенко.

Но как бы ни сложилась ситуация, имеет смысл еще раз перечислить те претензии, которые демократическая общественность предъявляет Александру Лукашенко.

Глава государства на практике доказал свою приверженность авторитарному стилю руководства. В силу этого он в течение короткого времени переподчинил себе и законодательную, и судебную системы...

При Лукашенко была полностью восстановлена административно-бюрократическая система хозяйствования...

Белорусский президент привел республику к международной изоляции...

Лукашенко абсолютно не признает демократических процедур... Говорить же о соблюдении прав человека в наших условиях и вовсе неприлично – достаточно перечислить фамилии узников совести белорусского режима...

Власть Лукашенко – выборная, а не наследственная, а потому нам просто необходимо потребовать проведения очередных выборов. Потребовать именно сегодня, пока президентство Лукашенко не переросло в пожизненное".

Михаил Подоляк.
„Народная воля", 20.VII.1999.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

„21 июля чудо не произошло. Разумеется, задолго до этой даты можно было указать на тысячу причин, по которым после 20 июля должен был просто наступить следующий день все той же жизни. Но все-таки была иррациональная надежда на то, что по истечении легитимности президента изменится если не жизнь, то, по крайней мере, атмосфера.

Не стала чудом и реакция Запада на 20 июля. Она оказалась одновременно и жесткой, и сдержанной. Жесткой в том смысле, что не только США, но и страны Евросоюза, и международные организации совершенно недвусмысленно заявили, что Александр Лукашенко перестал быть демократически избранным, легитимным президентом. Но даже внимательный анализ соответствующих заявлений не мог дать ответа на вопрос: какие же практические последствия влечет за собой эта констатация нелегитимности? Югославский вариант? Никоим образом. Ужесточение экономических санкций, введенных еще в 1997 году? Тоже нет, что специально отметил госдепартамент США. Г-на Лукашенко не будут приглашать в Европу и Америку? Так уже давненько не приглашают, а в США даже не пускают с прошлого лета...

Почему же Запад „не оправдал" надежд? Во-первых, помогают тому, кто сам себе помогает. Оппозицию сейчас не бранит только ленивый, но стоит признать, что даже акции, состоявшиеся 21 и 27 июля, трудно назвать волной всенародного гнева. Это нисколько не умаляет мужество людей, преодолевших страх и вышедших на улицу, рискуя

отведать дубинки или сесть в тюрьму. Но логика политики жестока. На своем языке ее формулируют милицейские начальники, говоря организаторам массовых акций: „Будет вас 100 тысяч – мы вас не тронем, будет меньше – не обижайтесь".

Вторая причина сдержанности Запада вытекает из первой. В течение трех лет политика непризнания конституции 1996 года не привела к позитивным изменениям. Теперь политика меняется, возобладал подход, который связывается с миссией Адриана Северина: „Беларуси нужны свободные выборы"... Запад рассчитывает, что Лукашенко пойдет на переговоры не из-за внезапно проснувшейся в нем любви к демократии, а исходя из своих сугубо корыстных интересов, из-за того „пряника", который он может получить, проявив минимум благоразумия...

Существенное ужесточение западной политики представляется наиболее вероятным следствием провала „стратегии Северина".

Чудес не будет ни при каком сценарии. И это главный, хотя и весьма болезненный урок 20 июля".

Юрий Дракохруст.

„Белорусская деловая газета", 30.VII.1999.

НА 20 ЛІПЕНЯ 1999 ГОДА

Народу можа засціць зрок
Без дай прычыны,
Ды бачыць Божа кожны крок
На звод Айчыны.

У вочы вам адплаты час
Зірне сурова.
Каб дзеці апраўдалі вас –
Вярніце мову.

Няма пачаткаў і канцоў,
Усе – працяг.
Каб не ўскіпела ў жылах кроў –
Вярніце сцяг.

Улады сверб, што вас скубе,
І славы сверб –
Пакіньце ўсе свае сабе,
Вярніце герб.

Дальбог, пра гэта не са зла
Малюся ў скрусе,
А каб зямля вас прыняла
На Беларусі.

Уладзімір Някляеў.
Варшава, ліпень 1999 г.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВИКТОРА ГОНЧАРА

ИСЧЕЗ ВИКТОР ГОНЧАР

„Супруга Виктора Гончара Зинаида рассказала, что вечером 16 сентября ее муж пошел в баню вместе с двумя друзьями – Анатолием Красовским и Евгением Лычевым. Друзья ходили в баню мотовелозавода каждый четверг ■ одно и то же время. Виктор Гончар ушел из дому около 20.00, вернуться должен был к половине двенадцатого – на это время был запланирован важный телефонный разговор. Около 21.00 Зинаида Гончар разговаривала с мужем по телефону.

Как выяснилось на следующий день, Гончар с Красовским ушли из бани примерно ■ 22.40–22.45. Евгений Лычев (бывший студент Гончара и уже много лет друг семьи) ушел раньше. Известно, что Гончар вместе с Красовским сели в джип предпринимателя. После этого их никто не видел...

Вечером ■ пятницу к нам в редакцию позвонил Евгений Лычев. Он рассказал, что неподалеку от бани нашел осколки стекла и фар. Лычев вызвал милицию, которая подтвердила находку: осколки стекла, пятна крови на асфальте, след резко затормозившей машины...

Многочисленные звонки родственников и друзей в милицию, КГБ и городские больницы ничего не дали...

Зинаида Гончар объясняет исчезновение мужа его политической деятельностью. Она рассказала, что перед уходом Виктор Иосифович посмотрел выступление президента перед силовиками и сразу же высказал предположение, что ему не позволят провести запланированное на 19 сентября заседание Верховного Совета. Зинаида Гончар предполагает, что исчезновение ее мужа является попыткой властей сорвать переговоры с оппозицией...

Мало кто сомневался в том, что власти выдвинут версию о том, что Виктор Гончар и Анатолий Красовский исчезли самостоятельно: Гончар „сбежал" от политического краха, а Красовский – от невозвращенных кредитов в банке „Поиск". Однако руководитель

„Красико", по нашим сведениям, до последнего момента выплачивал кредит исправно. Что же касается Гончара, то весной этого года он показал, что намерен всерьез заниматься политикой несмотря на угрозу: то, что он выдержал длительную сухую голодовку, памятно многим... Так что версия о том, что Виктор Гончар и Анатолий Красовский исчезли не по собственной воле, выглядит гораздо более логично".

Ольга Томашевская.
„Белорусская деловая газета", 20.IX.1999.

ОСЕННЯЯ РАЗВИЛКА

„По поводу исчезновения Гончара пропаганда упорно убеждает публику, что политик спрятался, чтобы насолить власти. Снова, как во время „дела Шеремета", госиздания печатают перехваты телефонных разговоров. В России подобное является побочным продуктом свободы слова, у нас журналистика „сливного бачка" расцветает во всей своей самодостаточности.

Но чем громче звучат пропагандистские рупоры, тем сильнее подозрения, которые власть пытается отвести. При этом важно отметить, что с самого начала не было ни обязательного, пусть и лицемерного, выражения озабоченности по поводу далеко не последнего человека в стране, ни традиционной версии чисто уголовных мотивов преступления. Все это явилось потом, через пару дней, а по горячим следам озвучивалась только версия „самоисчезновения". При такой оперативности стоило бы столь же быстро представить доказательства тяжкого и оскорбительного для родных Гончара обвинения. Однако доказательств до сих пор нет".

Юрий Дракохруст.
„Белорусская деловая газета". 1.X.1999.

„НАС ПЫТАЮТСЯ ПРИУЧИТЬ ЖИТЬ В АТМОСФЕРЕ СТРАХА"

С известным белорусским оппозиционером, бывшим заместителем министра иностранных дел Беларуси, ныне координатором демократического движения „Хартия-97" Андреем Санниковым беседует Семен Букчин.

Мы встретились в кулуарах проходивших в Варшаве четвертых Международных чтений, посвященных памяти русского писателя, организатора и первого редактора журнала „Континент" Вла-

димира Максимова, на которых А.Санников выступил с докладом о современной ситуации в Белоруссии. Говорили о самом больном и страшном – исчезновении известных людей, ставших неугодными режиму: в конце марта исчезла находившаяся под домашним арестом и до 1997 г. возглавлявшая Национальный банк республики Тамара Винникова, в начале мая пропал видный деятель оппозиции, бывший министр внутренних дел генерал Юрий Захаренко и совсем недавно, 16 сентября, не вернулись домой проводившие тот вечер вместе исполняющий обязанности председателя оппозиционного Верховного Совета Виктор Гончар и его друг, крупный бизнесмен Анатолий Красовский.

– Один наш общий друг вскоре после исчезновения Захаренко сказал мне, что следующим в этом печальном списке скорее всего будешь ты. Мотивировал очень просто: мол, ты один своей зарубежной деятельностью – выступлениями в ООН, в Европарламенте – блокируешь или нейтрализуешь работу всего белорусского МИДа. Теперь видно, что он ошибся. На очереди, оказывается, был Гончар. Тем не менее, у тебя есть ощущение, что ты в известном списке?

– Все мы, противостоящие нынешнему режиму, в этом списке. Что касается нейтрализации МИДа, то я меньше всего думаю об этом. Главная моя забота – обеспечение международной поддержки для белорусской демократии. И здесь следует иметь в виду, что белорусские власти прежде всего сами себя разоблачают перед лицом международного сообщества, поскольку их деятельность настолько противоречит всем принятым нормам, что официальные заявления о том, как все у нас хорошо и замечательно, попросту уже ни у кого из серьезных политиков на Западе не вызывают доверия.

– Ты хочешь сказать, что тебе несложно доказывать на Западе антидемократичность белорусского режима?

– Это, действительно, не самая сложная задача. А вот привлечь общественное внимание к нашим проблемам – здесь необходима серьезная работа.

– Полагаю, что ты в достаточной степени используешь контакты наработанные в том числе в тот период, когда ты был заместителем министра иностранных дел.

– Это одна сторона дела. Другая состоит в том, что именно в последние несколько лет удалось наладить серьезные связи с международными неправительственными, общественными, правозащитными организациями. На официальном уровне контакты с подобными организациями у нас почти не поддерживаются, нет, во всяком случае, такой традиции. Для нас же, деятелей белорусской демократии, эти связи, в особенности с правозащитными организациями, чрезвычайно важны,

поскольку позволяют рассчитывать на помощь, на поддержку для каждого человека, подвергающегося репрессиям со стороны режима за свои убеждения, за политическую деятельность.

– Поддержка для каждого человека – это, конечно, очень хорошо. Но вот ты сидишь передо мной, будучи одновременно и тем самым каждым человеком и более чем заметным деятелем белорусской оппозиции. И я не могу не думать о том, что вот ты уедешь завтра в Минск, а через три дня, через неделю, через месяц я могу – не дай, конечно, Бог – услышать сообщение о том, что исчез Андрей Санников. И опять власти будут бормотать что-то невразумительное, а наш правитель, возможно, заявит, что тебя следует искать в западных странах. И начнется очередная серия этого кошмара – откровенное бездействие властей, апелляции оппозиции к мировому общественному мнению, заявления убитых горем близких и друзей, протесты международных организаций, грозные требования западных политиков, абсолютно игнорируемые властью... Потом все как-то привыкнут, что вот исчез, испарился человек. Был и не стало... Меня хотят приучить к мысли о нормальности такой жизни. И, конечно, запугать, как и всех нормальных людей. Но ты-то сам, что чувствуешь после всех этих – уже четырех – исчезновений? Тебе страшно, ты ощущаешь на себе мертвящий холод системы, методично убирающей, ликвидирующей неугодных?

– Нет, мне не страшно. Хотя я вижу, как меняется общественная атмосфера [redacted] стране, особенно в Минске. Изменяются человеческие отношения, появляются подозрительность, взаимное недоверие.

– В том числе в той среде, в которой ты вращаешься?

– Конечно. Это не может не сказываться. Тем более, что спецслужбы работают и в этой среде. Поэтому с особой бдительностью нужно относиться и к тому, что происходит в лагере оппозиции. Это не призыв к выявлению агентов. Но мы не можем не видеть, что оппозицию обвиняют в грязной деятельности. И, может быть, какие-то сомнения действительно существуют. Но я лично считаю, что оппозиция действует чересчур благородно. Все проводимые ею акции демократичны, все принимаемые заявления не носят оскорбительного характера, [redacted] отличие от реакции властей. Безусловно, все эти, скажем так, развращающие явления – страх, подозрительность, недоверие – гораздо сильнее во властной среде, и чем ближе к самому Лукашенко, тем больше они нарастают. Что касается оппозиции, то дело не в том, что люди не склонны доверять друг другу, а прежде всего в атмосфере, насаждаемой властями. Да, нас действительно хотят приучить к мысли, что исчезновение людей – это нормальное явление. Исчез Захаренко. Что это означает для его семьи? Это уже не жизнь. Только одна мысль день

и ночь точит его мать, жену, всех близких: где он? что с ним? Но общество как бы уже смирилось с тем, что вот был человек и нет его. Идет привыкание к этой страшной жизни. Тем более, что власти подбрасывают некие версии. О Винниковой, например, говорят, что она уже давно где-то за границей. Это ведь очень удобное объяснение: банкир, человек с деньгами, где же ему и быть, как не за границей?

– Привыкание к страшному и оболванивание народа – процессы сопутствующие. У нас, конечно, масштабы пока не те, но, знаешь, невольно припоминается Германия тридцатых годов. Люди страны Канта и Фихте, Гете и Шиллера очень быстро привыкли к нюрнбергским законам, к тому, что есть часть населения, которую следует считать неполноценной по сравнению с арийской расой, и потому ограничение ее в правах вещь вполне нормальная. У нас в Белоруссии нет таких законов, у нас как будто все равны. Но вместе с тем в общество уже давно власть вкоренила подспудно мысль о том, что оппозиционеры, а вместе с ними и прочие граждане, „позволяющие себе", – это люди вне закона, и потому с ними может происходить все, что угодно. По сути наша оппозиция – это те же пораженные в правах. Только Гитлер проводил открытую „арийскую" политику, не оставляя никаких сомнений у тех, кого он физически собирался уничтожить. И в этом смысле он был честнее нашей власти, поскольку у нас действует неявный Нюрнберг. У нас есть люди, на которых как бы не распространяются права и свободы, закрепленные в белорусской конституции. Общественное сознание уже как бы смирилось с мыслью, что живут среди нас люди, которых можно безвинно сажать в тюрьмы, похищать. Своего рода парии, прокаженные, отверженные, люди вне закона, с которыми можно делать буквально все. И человек думает: вот я сижу тихо, помалкиваю, на демонстрации и митинги не хожу, следовательно, уцелею, а вот активно протестующие, что ж, они сами выбрали свою долю... Своего рода норма.

– Ты сказал, что эти явления не носят у нас пока массового характера. А не нужно никакой массовости. Достаточно похитить или избить одного известного человека, чтобы большинство уже делало вполне определенные выводы, чтобы чувствовало себя запуганным. Да и обо всех ли несправедливостях и ужасах нашей жизни оповещено общество? Возьмем тех же преприпимателей. В тюрьмах сидят сотни людей. Это своего рода неизвестные жертвы, поверившие в возможность экономического самоутверждения. Одним словом, существуют разные методы давления на общественное сознание: кого-то надо похитить, вызвав большой шум, а кого-то тихо посадить в тюрьму, а кого-то

просто предупредить. Так возникает страх, которого, собственно, и добивается власть.

– Ты сказал, что не боишься... Чего не боишься? Что тебя похитят, сделают какой-то укол, убьют? Как можно всего это не бояться?

– Я не думаю об этом, поэтому и не боюсь.

– Вот-вот! Не думаешь! И Захаренко не думал, и Гончар не думал. Но почему вы так беспечны? Посмотрев по телевизору выступление Лукашенко 16 сентября перед силовиками, Гончар сказал жене :"Он не даст нам провести сессию Верховного Совета". То есть четко определил настроенность правителя на репрессии. И в тот же вечер отправился в баню на край города без всякой охраны. Гончар не какой-то романтик, строгий юрист, человек с очень четким, я бы сказал математическим мышлением. И вместе с тем такая беспечность. Что это такое?

– Не могу сказать, чем руководствовался Гончар в тот злосчастный вечер. Скажу о себе, что меры предосторожности я, безусловно, принимаю. Но вместе с тем я не могу позволить себе впустить в себя страх. В противном случае я не смогу заниматься тем, чем занимаюсь, открыто отстаивать то, что отстаиваю.

– Но ведь вас не так много, известных и энергичных деятелей оппозиции, которые „мозолят" глаза власти. Четыре-пять человек! Достаточно их выбить, и демократическое движение по сути обезглавлено.

– Все так. Но есть ситуации, когда нельзя бояться.

– Да я, в общем-то, не о страхе говорю. Я больше об ощущении опасности, которой ты должен стараться избегать. Оно ведь не может не присутствовать?

– Оно не только присутствует. Оно усиливается, и не только у меня.

– Тогда все-таки попробуй объяснить, почему такие рационально мыслящие люди, как Гончар, тем более уже после истории с Захаренко, действуют так, словно идут навстречу злому року.

– Может быть, мы действительно не делаем нужных выводов. Я имею в виду, что пытаемся соблюдать правила, когда против нас играют без правил. И Гончар, видимо, считал, что он как-то защищен законом, если не белорусским, то международным. Поэтому и не мог допустить мысли, даже после известных диких случаев, что его могут похитить неизвестные люди по указанию первых лиц государства. Это не беспечность, Гончар, скорее всего, не верил, что такое может с ним произойти.

– Но если это произошло с Винниковой, с Захаренко, то почему этого не может случится с ним?

– Ну это, видимо, каждый так думает. Что его не тронут... А время действительно опасное. И, кстати, мы говорили об этом с Гончаром в одну из наших последних встреч. Ну а в тот вечер он все-таки был не один, а со своим другом Красовским, имел при себе мобильный телефон. Но те, кто действовал против него, видимо, тоже были обо всем этом хорошо осведомлены. В первый раз исчезли одновременно два человека. До этого были одиночные исчезновения. Это, действительно, страшно. Я очень хотел бы знать, что в действительности случилось с Винниковой, с Захаренко, с Гончаром и Красовским. Располагая надежными фактами, мы могли бы действовать по-другому.

– А что вы сейчас можете? Достаточно ли активно действуют демократические силы с тем, чтобы привлечь как можно более широкое внимание к этим страшным событиям в Белоруссии, связанным с исчезновением людей? Я, например, не помню пикетов у белорусского посольства в Варшаве, которые наверняка могли бы собрать большое число иностранных журналистов. Не проводит оппозиция здесь и пресс-конференций. Почему? Тем более, что интерес к тому, что происходит в Белоруссии, очевиден.

– Все, что возможно, что в наших силах, мы делаем. Но ведь и ресурсы наши ограничены. Тем не менее мы обеспечили достаточный международный резонанс. Для этого необязательны пикеты, хотя они проводятся и в Минске, и здесь, в Варшаве. Есть и другие каналы, через посольства, через министерства иностранных дел западных стран. Демарши, которые предпринимают послы западных государств в Минске, достаточно жесткие. Депутаты Верховного Совета вышли с протестом к зданию администрации президента. Подключились правозащитные организации, активисты всех демократических партий, журналисты из независимых газет. И вместе с тем в таких случаях чувствуешь, насколько сегодня грубая сила беззакония сильнее морали и законности.

– Ну хорошо, западная международная реакция на все те же ужасные события действительно достаточно обозначена. Но вот Россия... Слышен ли ее голос?

– Увы, если с Западом у нас контакт получается, и мы чувствуем, что нас там понимают, и видим, как там отзываются, то с российской реакцией на тоталитарные бесчинства в Белоруссии обстоит сложнее. Насколько мне известно, российское руководство пыталось оказать давление на Лукашенко и добиться освобождения Чигиря, которого в Москве хорошо знают, но ничего не получилось. Его по-прежнему держат в тюрьме как заложника.

– И это только подтверждает сложность белорусско-российских политических игр и торгов, которые ведутся на самом верху.

В известной степени заложником этих же торгов является вся демократическая оппозиция в Белоруссии. Поэтому у меня иной раз возникает такое ощущение, что судьба всех четверых пропавших, по крайней мере, всего, что связано с подлинной информацией об этих исчезновениях, в значительной мере зависит от России. Впрочем, когда вспоминаешь о том, что до сих пор не могут найти убийц Галины Старовойтовой, это ощущение начинает таять.

– В любом случае следует признать, что нам, белорусским демократам, не удалось, что называется, поднять российское общественное мнение, активизировать его. Тут, безусловно, множество причин, среди которых не последнее место занимают события в самой России, связанные со взрывами домов, с Дагестаном и Чечней. Но ты прав, белорусско-российский торг, идущий на самом верху – союз или кто кого и на каких условиях поглотит и получит соответствующие выгоды, – цинично отражается на судьбах конкретных людей.

Варшава.
„Народная воля", 9.X.1999.

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗ ВИКТОР ГОНЧАР? ПОИСК ВЕРСИИ

„Мы рассмотрели две версии, которые возникли сразу после исчезновения Виктора Гончара: самоисчезновение и устранение одного из лидеров оппозиции белорусскими спецслужбами. Скажем честно, изучив две данных версии, возникает ощущение, что ясности ■ этом деле не прибавилось – слишком много остается вопросов. Зачем молодому известному политику так рисковать и играть своей репутацией, устраивая сомнительный „цирк" – собственное похищение, который вовсе не гарантирует Виктору Иосифовичу повышение политического рейтинга? Зачем устранять таким способом (если все-таки Гончара устранили) одного из лидеров оппозиции, когда на политическом режиме нашей страны не осталось ни одной легитимной одежки и каждый подобный шаг раздражает не только западных политиков, но и заставляет нервничать восточных? Почему, если это работа спецслужб, она проведена так грязно? Почему вообще так много грязных следов остается на теле белорусской политики?

И если задуматься над этими вопросами, то родится следующее, на первый взгляд, фантастичное, не имеющее пока прямых доказательств, предположение – абсолютно все исчезновения, все „нелепые" смерти

связаны между собой и имеют по большому счету один мотив, одну цель, одного заказчика и одного исполнителя.

Итак: исчезновения Винниковой (оно, как недавно заявила Винникова, планировалось), Захаренко, Гончара, Красовского, „посадка" Леонова, Старовойтова, „самоубийство" Ткачева, скоропостижная смерть Карпенко – это не больше не меньше, как часть большого плана, разработанного и исполненяемого очень профессионально. Да, профессионально! Потому что все „следы", найденные на месте преступлений, оставлены намеренно или вынужденно. Почему? Хороший вопрос. Но сначала нужно понять суть плана.

Власть сильная, но слабая

Кому или чему мешали именно эти люди? Винникова, Старовойтов, Захаренко, Карпенко, Леонов, Гончар, Ткачев, Красовский... Банкир Винникова, по ее же собственным словам, не хотела участвовать в „черных" государственных сделках и, как она утверждает, за это ее и посадили. Захаренко – бравый милицейский генерал, любимец милиционеров и околополитических женщин, перешедший в оппозицию и мало что сделавший на этом поприще. Карпенко – один из лидеров оппозиции, глава „теневого" правительства, единственный, кого уважал и воспринимал Запад. Старовойтов – герой-колхозник, личность в белорусском сельском хозяйстве, безусловно, историческая. Леонов – первая политическая „крыша" Александра Лукашенко, его учитель, один из лидеров номенклатурного аппарата. Ткачев – „гэбэшник"-профессионал, друг Леонова, более чем странно „готовивший" покушение на жизнь президента, Гончар – пожалуй, самый агрессивный оппозиционный политик Беларуси, постоянно заряженный на подготовку хоть какого-нибудь плана, ведущего к отстранению президента от власти. Красовский – известный бизнесмен, хороший знакомый Гончара, к реальной политике не имевший ни малейшего отношения.

Если разобраться, то по большому счету никому и ничему эти люди не мешали. Винникова, конечно, много знала, но, будучи во власти, молчала. Захаренко так и не нашел, как использовать свой авторитет в структурах МВД. Карпенко только тем и занимался, что все время искал чьей-то поддержки, то на Западе, то на Востоке. Леонов, пожалуй, только перед тюрьмой понял, кого он привел к власти. Гончар – мастер по созданию планов – видел в центре любого плана только себя любимого, и это отпугивало всех потенциальных соратников... Невозможно назвать ни одного поступка этих людей, который бы

всерьез угрожал власти, но... если не собрать и не изучить подробную информацию о них, можно подумать, что ото всех этих людей в разное время исходила УГРОЗА. Кому? На первый взгляд, президенту, его власти. И именно этот подтекст наиболее читаемый всеми. А на самом деле кому? Может быть тому, кому именно такая власть и нужна.

Особенностей у белорусской власти несколько. Прежде всего, президент – фигура абсолютно случайная. Но обладающая двумя несомненными качествами: патологической жаждой власти и в силу этого – болезненной подозрительностью, вызванной страхом ее потерять. Такой человек легко внушаем и управляем, лишь только надо доказать, что ты действуешь ему во благо и априори не можешь конкурировать с ним за его власть. Казалось бы, и хорошо. Такому человеку внушить необходимость реформ в экономике, ■ обществе очень легко. Но если мы имеем сегодня разваленную экономику и финансовую систему, если законы, регулирующие жизнь общества, порой настолько абсурдны, что возникает впечатление, что их создал больной человек, если отсутствует всякая внутренняя политика, а внешняя лишь дублирует российскую, значит кто-то что-то плохо внушал, или внушал НЕЧТО другое.

А теперь посмотрим на тех людей, которые находятся во властной пирамиде, и чьи цели не идут дальше желания ■ ней же и остаться. Они видят этот развал, они понимают, что за происходящее кто-то когда-то ответит, и скорее всего отвечать придется им. И наступает паралич власти – когда решения не инициируются, а те которые спущены сверху не выполняются. На чем же тогда может держаться власть? Как сделать власть сильной в глазах ее же представителей и народа, которые если увидят ее слабость – сметут в шесть секунд? Только через страх. Вот и появился для „белорусских исчезновений" самый вероятный мотив – СТРАХ.

И наносятся знаковые устрашающие удары – по банкам и правительству (Винникова), по номенклатуре (Леонов), по МВД (Захаренко), по сельскохозяйственной элите (Старовойтов), по оппозиции (Гончар, Карпенко), по промышленной элите (Феоктистов), крупному частному бизнесу (Красовский). Становится не просто страшно, ибо работает изощренная методика.

Дьявольская методика

Пока сажали, не было так страшно. „Посадки" начались давно. Сначала народ испытывал гордость за своего президента, который „разбирался, невзирая на..." Властные структуры дрожали: сажали не

кого-нибудь – министра, председателя Нацбанка, банкира, легенду сельского хозяйства. Но жить лучше не становилось, а убеждать, что все вокруг воры, поэтому так все плохо, долго невозможно. Когда посадили экс-премьера Чигиря, стало ясно – больше эта методика не работает. Любая „посадка", пусть даже за экономические преступления, делает человека, как минимум, политическим узником. Да и аппарат стал роптать. Наступивший 1999 год ничего хорошего не сулил. Отвратительная дата – 20 июля (срок истечения президентских полномочий) – вызывала ненужные сомнения у всей общественной элиты. Затеянные Гончаром „президентские выборы" явились неприятным ПУГАЮЩИМ напоминанием о будущей ответственности. И люди стали исчезать. Не погибать в автокатастрофах, не умирать от пули киллера, не садиться в тюрьму, а именно исчезать. Очень тонкий момент: смерть от пули, автокатастрофа (в случайность которой на Беларуси не верят со времен Петра Машерова) не так пугают. Иногда даже наоборот – вызывают плохо прогнозируемое активное возмущение народа, не говоря уже про пресловутую „мировую общественность". А исчезновение парализует волю. Человек больше всего боится неизвестности. А народу и упрекнуть, разозлиться вроде бы не на кого. Пропал человек: кто его знает, может жив, удрал куда-нибудь или спрятали. За этими размышлениями быстро забывают о самом человеке. Но что интересно – страх-то бьет дуплетом: и по потенциальным жертвам, и по тем, кто исчезновения санкционировал. Эти-то, ■ отличие от народа, будут помнить и думать об этом постоянно. Великолепная методика управлять всеми через страх! Правда, не новая. Советские спецслужбы хорошо ее знали.

Столь профессионально разработанные план и методика нуждаются в не менее профессиональном исполнениии. А тут какие-то следы: схватка при свидетелях на темной улице ■ случае с Захаренко, баня, разбитые фары, кровь по дороге, ведущей в тупик в случае с Гончаром, исчезновение „заодно" ни к чему непричастного Красовского... Странно все это. Если работали белорусские спецслужбы, то надо полагать кто-то выслушал приказ, позаботился о том, чтобы приказ существовал на бумаге, собрал штатную группу, показал приказ, объяснил задачу. Потом кто-то приказал в тот день снять наружное наблюдение. Потом они провели операцию, „наследили", получили по выговору... Так и никак иначе, ведь это люди на службе государства. Сменится власть – как они объяснят, что совершали убийства ни каких-то воров ■ законе, а нормальных граждан? Иными словами, маловероятно, что реализовывают план „свои". Слишком много людей знают о таких операциях – председатель КГБ, министр МВД, далее

„семерка" (наружное наблюдение), оперативно-технический отдел (видео, аудионаблюдение), наконец, непосредственные исполнители-„бойцы". Они все-таки подконтрольны и потому побоялись бы творить такие дела. Значит, от разработки плана до его исполнения работали, скорее всего, не местные профессионалы, а приезжие-„внештатники". Кто они?

Ностальгия по- настоящему (лирическое отступление)

В 1991 году рухнула мощная империя СССР. Славу ее составляла мощная идеология, мощная армия, мощная сырьевая база, мощное геополитическое положение и мощные спецслужбы. Идеология себя изжила, армию и ядерную кнопку как-то поделили, сырьевую базу делят по сей день, геополитическое положение и влияние в мире „сдулись", как воздушный шарик, а про спецслужбы как-то забыли. Созданные Сталиным, конкурирующие между собой до смерти, мощные, с собственными банками и компаниями по всей планете, работающие как внутри страны, так и за ее пределами – они составляли невероятную силу, с которой считались в мире. В их руках находилась информация, которой они частично делились с руководителями государства, деньги, передовые технологии, и, наконец, люди – отлично обученные профессионалы. ГРУ при Генштабе, ПГУ КГБ, бесчисленные „крыши" безликих проектных институтов и „ящиков" – все рассыпалось в один момент. Агентура, резиденты, террористы, диверсанты, мастера психологических войн, „спецназ" в таких количествах стали не нужны. Больше всего пострадало ГРУ: его 10 управление (спецназ) сократилось больше всего, „террористы" стали не нужны. Оперативный состав, бывшие резиденты раскололись на два лагеря: на „ортодоксов", оказавшихся не у дел, живущих прошлым, люто ненавидящих настоящее, и стремящихся хоть как-то вернуться ■ СССР; и на тех, кто смог пристроиться – на государственную службу в куче новых государств, ■ коммерческие структуры, ■ криминальные сообщества. Менее пострадало ПГУ. Примаков аккуратно отделил разведку от КГБ, и появилась новая аббревиатура СВР. Но и там, и в ФСБ прошли сокращения – многие ушли в отставку. А бывают ли разведчики, контрразведчики, диверсанты и пр. в отставке? Следует помнить, что главная особенность психологической подготовки этих людей – это абсолютная преданность в первую очередь своей спецслужбе, а уж потом родине, семье, друзьям. Так что для них великая спецслужба не исчезла, она существует пока существуют они.

Специалисты

Есть ли эти люди здесь? Безусловно. Прямых доказательств их деятельности нет. Но признаки их работы здесь очевидны. Впервые о

них заговорили сразу после президентских выборов 1994 года. Молодой человек не то из Москва, не то из Питера, слегка напоминающий робота, говорил о роли своей группы в победе Александра Лукашенко, представлялся человеком близким к Сергею Кургиняну. Михаил Пастухов в недавнем интервью „Белорусской газете" рассказал, как в кабинете председателя Конституционного суда Тихини, во время подготовки к импичменту, он увидел незнакомого молодого человека с сотовым телефоном. Тихиня был угнетен и напуган. Потом у него объявились женщина и мужчина. Тихиня был в благостном расположении духа, сказал, что с ним поработали экстрасенсы, и он успокоился... Однако решение о начале импичмента неожиданно торпедировал.

Еще примеры? Профессионально проведенная государственными структурами компания по референдуму. Грамотно (на уровне специалистов по НЛП) сформулированные вопросы навсегда позволили всем забыть: какие из них носили рекомендательный, а какие обязательный характер. Необъяснимые скандалы с Павлом Шереметом и ОРТ, с посольствами ■ Дроздах не поддавались никакому разумному объяснению, но принесли поразительные результаты: с одной стороны поставили российского президента в неловкое положение, вынудив идти в конечном счете на мировую, а заодно и „выключили" основной источник информации о Беларуси для белорусов – российские каналы (вспомните, после истории с Шереметом о Беларуси говорят, как о покойнике: или ничего, или нейтрально), с другой стороны, ссора с послами отрезала Лукашенко путь на Запад очень надолго и мир узнал, что есть такая Беларусь с таким вот президентом. А тогдашний министр иностранных дел явно не понимал, что происходит – решали явно без него. Наконец, отлично спродюсированные показательные процессы над „врагами народа". Естественно, не с юридической точки зрения – с информационной. Перечислять можно долго – вплоть до сегодняшнего дня. Но одно можно сказать сразу: работают профессионалы. И, зная команду Лукашенко, можно сказать сразу – не она. Есть кто-то невидимый.

Винникова в интервью нашей газете сказала, что к ней применялись психотронные средства. Кто может применять здесь психотронные, психотропные, психогенные, информационно-психологические методы воздействия? Только профессионалы психологических войн, люди, получившие специальную подготовку. Местных таких здесь практически нет. Кто может проводить такие операции по исчезновению людей, не боясь никакой ответственности? Только „залетные" спецы.

По логике должен тот, чьей власти все исчезнувшие угрожали. Именно поэтому родилась версия о белорусских спецслужбах. Но он ли ведущий? Нет, скорее ведомый. Напуганный будущей ответственностью за развал страны, постоянно поддерживаемый в страхе своим собственным окружением и консультантами, он ищет спасение в большей власти, в другой стране. Именно это ему внушили, как единственную возможность выжить и победить. Именно этим обменом его и заманили в ловушку. Кто? Те, кому нужна здесь, в Беларуси, контролируемая, с виду сильная, но зависимая власть. Для этого ее нужно испачкать, замазать, „повязать" кровью, выставить беспомощной, сделать ее непривлекательной не для кого в мире, чтобы снисходительно принять в свои объятия, да там при необходимости и придушить. Вот вам и цель! Россиянам нужен контроль над этой территорией. Это – транзит нефти и газа, 70 процентов сухопутного импорта, „черная дыра" российского бюджета, в которую через президентские льготы проваливаются огромные деньги. И что мешает? – фиговый листок суверенитета, который нет-нет да и напомнит о себе. И если Лукашенко не дай Бог потеряет власть в Беларуси, где гарантия, что пришедшая на смену политическая элита не повернется к Западу. Идет Великий Торг России с Западом за право считаться сильной державой. Все средства хороши, чтобы сорвать диалог белорусов с Западом. Мы далеки от мысли, что официальный Кремль может санкционировать такую грязную игру. Но кто-то очень близкий к российской власти тонко пользуется ситуацией и время от времени сдает белорусскую карту, зарабатывая при этом очень приличные деньги. А для Кремля ничего не стоит судьба отдельных людей и братского народа, если на карте – судьба российского престола, за которую в следующем году будут сражаться два разведчика – Примаков и Путин, и одному из них может чем-то помочь простой белорусский президент, глава зарождающегося Союза".

„Белорусская деловая газета", 17.XII.1999.

МАРШ СВОБОДЫ 17 ОКТЯБРЯ

К ГРАЖДАНАМ БЕЛАРУСИ

„Иногда в нашей жизни наступает решающий момент, определяющий судьбу каждого гражданина и всей страны.

Вот уже почти три месяца мы живем при незаконном президенте, самовольно продлившем срок своих полномочий. Ни в Конституции, ни в бюллетенях референдума 1996 года, нигде об этом не было сказано.

За пять лет резко ухудшилась экономика и жизнь простых людей. Крошечная пенсия и мизерная зарплата никого не устраивают. За такие деньги нельзя нормально питаться, растить и обучать детей.

Большинство населения понимает, что страна катится в пропасть, и этот процесс необходимо как-то остановить. Спасти себя и свою страну можно только совместными усилиями. Для этого не нужны военные перевороты и номенклатурные интриги, для этого нужно только всем вместе сказать „нет" нынешнему режиму и принять участие 17 октября в акции „Марш Свободы".

Оргкомитет гражданской инициативы Хартия-97.
„Народная воля", 16.X.1999.

МАТЬ КАК ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

„Для начала горисполком запретил шествие от площади Якуба Коласа до площади Независимости... Санкционирован был лишь митинг в новоявленном Гайд-парке – в районе безлюдной площади Бангалор. Поскольку такое решение превращало Марш в очередную сходку „кучки экстремистов", организаторы акции вступили в трудные переговоры с исполкомом. Однако им не помогло даже личное обращение руководителя КНГ ОБСЕ Х.-Г.Вика к председателю

горисполкома Владимиру Ермошину с просьбой разрешить проведение акции в центре...

Запретом на шествие власть не ограничилась. Было объявлено о ремонтных работах на Немиге и закрытии в связи с этим движения троллейбусов, о проведении ярмарок, о бесплатном показе кинофильмов практически во всех кинотеатрах, о бесплатной же работе аттракционов в городских парках...

Венцом творчества чиновных масс стало объявление горисполкомом акции „Я–солдат, мама!", которая должна была начаться на площади Якуба Коласа аккурат во время сбора участников Марша Свободы. По словам одного из организаторов оппозиционного мероприятия, в пятницу над проспектом Скорины возле площади Якуба Коласа появилась растяжка, на которой анонсировался праздник с участием... личного состава 120-й Рогачевской мотострелковой дивизии. По некоторым сведениям, солдаты должны были оцепить площадь по периметру, запустив внутрь группу проверенных граждан – БПСМовцев, ветеранов и матерей".

Виктор Ивицкий.

„Белорусская газета", 18.X.1999.

ВОСКРЕСНОЕ ПОБОИЩЕ

В воскресенье в Минске прошла акция оппозиции, равной которой со времен Чернобыльского шествия 1996 года в Беларуси не было. Акция стала самой массовой и самой громкой за последние годы. В Марше свободы приняло участие не менее 30 тысяч человек. Чтобы помешать демонстрантам пройти на главную площадь столицы – площадь Независимости – власти выставили несколько тысяч милиционеров, омоновцев и сотрудников внутренних войск.

Поначалу ничто не предвещало драматической развязки. Власти разрешили митинг на площади Бангалор. Местом сбора по традиции организаторы акции указали площадь Якуба Коласа. Поначалу здесь было не больше 5-6 тысяч человек, однако народ все прибывал. Вопреки предупреждениям милиции, участники акции вышли на проспект Скорины. Шествие заполнило всю ширину проспекта и по мостовой направилось к площади Бангалор. Численность участников шествия увеличилась до 20 тысяч человек.

Уже по дороге начались первые стычки с милицией, правда, они происходили в конце колонны – милиционеры предпочитали действовать подальше от наблюдателей и прессы. Нескольких человек избили...

Одним из первых задержанных оказался ... козел. В самом буквальном смысле – черный и пушистый, с табличкой на шее. Возле штаб-квартиры БНФ козла задержали, отвели за угол и затолкали в милицейскую машину. Говорят, будто увезли в Советский РОВД. Вероятно, „для установления личности"...

К двум часам дня колонна подошла к площади Бангалор, где демонстрантов уже ожидало несколько тысяч человек. На площади состоялся короткий митинг – вопреки обыкновению организаторы не стали утруждать собравшихся долгими выступлениями. Здесь было объявлено, что Марш свободы продолжится до площади Независимости. В середине колонны появился бело-красно-белый флаг длиной 30 метров.

Организаторы акции явно не хотели столкновений с милицией. Когда на улице Богдановича дорогу перегородила лента, демонстранты свернули в сторону проспекта Скорины. В районе площади Победы ленту натянуть не успели – выставили цепь омоновцев, в касках, но без щитов. Колонна вновь свернула, пытаясь обойти препятствие, и вышла на улицу Первомайскую. На пересечении Первомайской и Захарова появилась новая ленточка. Демонстрантам нужно было либо возвращаться, либо двигаться в сторону микрорайонов... Решили – вперед! И здесь ленточка стала трофеем.

Через несколько метров дорогу перегородил еще один кордон. На пути колонны выстроились в цепь не более 20 омоновцев. Снова без щитов. За их спинами дорогу перегородили пустыми автомобилями. Несложно догадаться, что 20-тысячная колонна буквально смела два десятка омоновцев, при этом несколько сотрудников милиции серьезно пострадали. Спасла их группа демонстрантов во главе с Николаем Статкевичем, которые взяли стражей порядка в кольцо и позволили основной колонне спокойно пройти мимо.

На мосту через Свислочь власти выстроили более серьезный кордон: в несколько рядов, прикрытый щитами. Далее – еще одна, невидимая для демонстрантов цепь омоновцев. Резервы сконцентрировали в близлежащих дворах и на проезжей части.

Колонна дошла до омоновской цепи и остановилась. Игра на нервах продолжалась около четверти часа. Потом нервы не выдержали.

Поначалу столкновения были локальными. Все началось с того, что милиция попыталась выдернуть из толпы несколько человек. Это вызвало озлобление участников акции. Тогда, орудуя дубинками, с криками „к бою!" милиция попыталась перейти в наступление. Кроме дубинок, омоновцы были оснащены помповым оружием, петардами, дымовыми шашками и электрошокерами. Но у демонстрантов под рукой оказалось оружие, способное достойно противостоять мили-

цейским дубинкам. Площадка возле Свислочи, как известно, выложена плиткой, и эта плитка стала оружием оппозиции.

Сначала камни полетели в омоновскую цепь откуда-то снизу, из-под моста. В ответ милицейская цепь разомкнулась, и подкрепление, которое стояло за ней, перешло в наступление. Которое, правда, продолжалось очень недолго – омоновцы отступили под градом камней, кирпичей, пустых бутылок, палок. После этого милиция предпринимала несколько атак уже сомкнутой шеренгой. Трижды атаки заканчивались неудачно. Привычного оружия омоновцам было мало, и они не брезговали „оружием пролетариата" – камнями. Все это время к мосту через Свислочь стягивались все новые силы милиции. В конце концов демонстрантам противостояло несколько тысяч человек в форме. В конце концов ОМОН победил числом, а не умением.

Толпу удалось рассечь на несколько частей, и после этого началась тотальная зачистка территории. Журналисты, собравшиеся на другой стороне реки, с ужасом наблюдали за сценами избиений. Два человека спаслись от преследовавших их омоновцев, прыгнув в реку. Причем в одного из них страж порядка бросил вдогонку увесистый камень. Те, кто до реки не добежал, стали жертвами зачистки. Тех, кто мог идти, отводили в милицейские машины. Тех, кто идти не мог, относили в машины скорой помощи. Наблюдавшие за акцией западные дипломаты были в ужасе от происходящего. Один из них даже назвал происходящее военными действиями против народа.

Было ощущение, что перед милицей поставили цель арестовать всех участников демонстрации. Большую группу демонстрантов погнали в конец улицы Пулихова, другую – обратно по Первомайской. Магазин по улице Пулихова был блокирован, окружен цепью ОМОНа, и оттуда выводили задержанных.

На момент сдачи номера точное число задержанных не было известно. Согласно самым первым данным, полученным нами из отделений милиции, было задержано не менее ста человек. Поскольку задержания продолжались и после акции в разных районах Минска, можно предположить, что число оказавшихся в милиции значительно превысит эту цифру. Несколько десятков человек серьезно пострадали.

Ситуация в Беларуси напряженная – и об этом говорит ожесточение обеих сторон во время прошедшей акции протеста. Стычки милиции и демонстрантов, похоже, могут перевести вялотекущий политический конфликт в более активную стадию. О милицейских дубинках не забудут не только те, кто от них пострадал, но и те, кто просто видел все это.

А еще во время этой акции был сожжен проект союзного договора с Россией. Сожжен демонстративно, вызывающе... Всенародное обсуждение началось. Разговор властей и оппозиции – тоже.

Ольга Томашевская,
Сергей Шапран,
Андрей Маховский.
„Белорусская деловая газета”, 18.X.1999.

„350 ТЫСЯЧ БЕЛОРУСОВ ГОТОВЫ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ОТСТАИВАТЬ СУВЕРЕНИТЕТ СВОЕЙ СТРАНЫ”

С председателем комиссии по международным делам Верховного Совета Беларуси, заместителем председателя Объединенной гражданской партии республики Анатолием Лебедько беседует Семен Букчин

Анатолий Лебедько – частый гость ■ Варшаве. Прежде всего как участник международных конференций, симпозиумов. Из Варшавы деятели белорусской оппозиции нередко отправляются на сессии Европарламента, Парламентской ассамблеи Совета Европы. Наша беседа произошла в один из таких моментов – по дороге от Центрального вокзала Варшавы до аэропорта Океньче.

– Как, на ваш взгляд, выглядит общественная ситуация в Беларуси после Марша Свободы, состоявшегося 17 октября? В независимой белорусской прессе, имея в виду кровавый исход, писали о поражении и властей и оппозиции...

– Знаете, и до акции раздавались скептические голоса. Говорили, что на улицы выйдут привычные уже две-три тысячи человек. Поэтому, когда вышли почти тридцать тысяч, не всем захотелось признать ошибочность своего прогноза. Несомненно, манифестация 17 октября имела гораздо больше плюсов нежели минусов. Оппозиция теперь стала более сплоченной. Именно теперь мы можем заявлять о своем более полноправном участии в переговорном процессе с властью. До этого власть пыталась делать вид, что за оппозицией никого нет, что она представлена на переговорах только по протекции ОБСЕ. И Марш Свободы доказал обратное. Кроме того, следует учитывать, что акция проходила ■ условиях нагнетания страха ■ обществе, судебных преследований политических оппонентов. И несмотря на все это тридцать тысяч граждан вышли на улицу... Мы предложили путь, через который возможна консолидация оппозиции. Все увидели, что необходимо общее дело, необходим конкретный сценарий с опорой на

массовые выступления. Если этого нет, то оппозиция деградирует, трансформируется в политическую тусовку. И, наконец, нельзя не учитывать международный аспект. О Марше написали написали более тридцати крупнейших западных изданий, представители которых побывали в Минске. Мир увидел, что режиму противостоит не некая „кучка людей", как любит писать наша официальная пресса, что за свои права выступают тысячи наших граждан.

– Кому принадлежала инициатива в организации Марша Свободы?

– Непосредственными организаторами выступили семеро молодых, но достаточно известных политиков, среди которых были представители Белорусского Народного Фронта, Объединенной Гражданской партии, социал-демократы, деятели общественных, правозащитных организаций, таких как „Хартия-97", „Весна-96", Конгресс независимых профсоюзов.

– Можно ли теперь говорить, что этот „союз семи", или, как вас еще называют, политиков „новой волны", окреп после Марша 17 октября и вы готовы к новым акциям?

– Да, после того как некоторые из организаторов Марша вышли из тюрьмы мы все встретились, проанализировали все, что было связано с 17 октября, и наметили план дальнейших действий. В ближайшее время состоится Марш Свободы-2. Мы придаем громадное значение тщательной подготовке акции, собираемся использовать опыт и восточноевропейских стран, в том числе Югославии.

– Но когда вы готовили Марш 17 октября, вы были готовы к тому побоищу, которое произошло на мосту через Свислочь на улице Первомайской?

– Накануне мы получили из весьма серьезных источников информацию о том, что власти готовятся к провокации, что будут спровоцированы в той или иной форме беспорядки. Сегодня мы имеем множество свидетельских показаний, согласно которым люди, бросавшие поначалу камни в омоновцев, затем принимали участие в задержании участников манифестации. Какие-то молодые люди вполне определенного, спортивного типа, пытались поджигать киоски.

– В показанном на второй день телефильме под названием „Как это было", сделанном лукашенковской идеологической обслугой и, естественно, запечатлевшем только, как демонстранты избивали до зубов вооруженных несчастных омоновцев, есть эпизод, когда участники Марша пытаются задержать трамвай и направить его на омоновскую цепь.

– Но ведь трамвай появился из-за омоновских и милицейских цепей. Почему они расступились и пропустили трамвай с пассажирами? Сразу же после этого омоновцы, выполняя приказ во что бы то ни стало

спровоцировать драку, ударили в спину участникам Марша, которые, вняв голосу организаторов, приняли решение повернуть дабы избежать столкновения. А уж такого – битья в спину уходящих,– демонстранты, прежде всего молодые, стерпеть не могли. Ну и завязалось настоящее сражение, хотя силы, конечно, были неравны. В ход пошла плитка, приготовленная для ремонта набережной, кто-то попытался использовать и трамвай как таран. Студенты, молодые рабочие, школьники – народ горячий, самолюбивый. Но та жестокость, которую проявили омоновцы, – это был абсолютный беспредел. Лежащих на земле, совершенно не сопротивлявшихся людей избивали зверски. В милицейские машины заталкивали стариков, женщин.

– Все может повториться во время нового Марша...

– На 24 ноября намечена иная форма демонстрации. Мы подали заявку на проведение Дня скорби и солидарности. Скорбь в связи с трагической датой ■ нашей истории – трехлетием государственного переворота, совершенного Лукашенко под видом референдума. Одновременно мы выразим солидарность с томящимися в белорусских тюрьмах политическими заключенными. Это будет цепь из нескольких десятков пикетов вдоль проспекта Скорины, которые затем образуют живую человеческую ленту от улицы Волгоградской до площади Независимости. Люди будут просто стоять и держать ■ руках свечи.

– Но ведь власть не разрешит вам и это.

– В любом случае я могу гарантировать, что мы не пойдем в политическую резервацию, куда-то на окраину города, на площадь Бангалор. Мы хотим выражать свой протест в центре столицы, чтобы и власть и наши сограждане нас и видели и слышали.

– Но, вероятно, после этой акции и маршировать тоже будете. Вас не отпугивает опыт Белграда, где были такие массовые демонстрации в самом сердце югославской столицы, а Милошевич как сидел так и сидит, даже натовские бомбардировки его не сковырнули с кресла?

– Но ведь сербы все равно не успокоились и продолжают добиваться своего, демократизации жизни страны. Что касается нашей ситуации, то здесь видна разная реакция людей на события 17 октября. Молодежь, например, по-своему воодушевлена: наконец-то мы показали режиму, что и мы чего-то стоим, что мы не боимся его и можем дать отпор провокаторам в омоновской и милицейской форме, можем защитить свое человеческое достоинство. Был развеян миф о бесконечной терпеливости белорусов, готовых сносить любые издевательства и бесчинства власти. И если потребуется, то белорусы смогут взяться и за булыжник и за настоящее оружие. А вот старшее поколение убедилось в массовости акции, кстати, в ней приняло участие множество пожилых

людей. Наконец, погружение общества в абсолютную нищету и полное бесправие заставит людей увидеть в акциях протеста стремление изменить свою жизнь, увидеть некий выход. Время покажет, и очень скоро, что нет другого выхода, кроме организованного протеста. Поэтому акция 17 сентября приобретет еще больший общественный вес. У нас общественные процессы идут волнообразно. Начало девяностых годов – подъем, на улицы выходили десятки тысяч людей. Затем спад. А сейчас опять начинается подъем. Мы хотим, чтобы пик общественной активности совпал с парламентскими выборами, которые должны состояться осенью будущего года. Демократически настроенный, не оболваненный лукашенковской демагогией избиратель должен сказать свое слово.

– Как вы расцениваете реакцию Запада на события 17 октября?

– Запад, конечно, был удивлен. Там не ожидали такой активности, такого массового протеста. На нас как бы уже махнули рукой. Но оказалось, что демократическая Беларусь еще жива. Поэтому реакция Запада была быстрой и достаточно жесткой, если иметь в виду оценку действий властей. И режим отступил, практически сразу были прекращены репрессии по отношению к организаторам и участникам Марша. Ну и авторитет нашей оппозиции вырос, мы это чувствуем по своим международным контактам.

– А как, на ваш взгляд, сказалось 17 октября на переговорном процессе, который оппозиция ведет с властью с помощью ОБСЕ и который начался задолго до Марша Свободы?

– Марш Свободы проходил под двумя лозунгами: поддержка суверенитета и независимости Беларуси и поддержка реального переговорного процесса. Вне всякого сомнения, акция позитивно отразилась на темпах консультаций. Лукашенко принадлежит к политикам, воспринимающим только один аргумент – силы. Его невозможно уговорить или убедить.

– Но давление и ожесточает его. Такова психика этого человека. Поэтому трудно говорить о какой-то предсказуемости развития событий.

– Тем не менее я вижу несколько сценариев. Первый условно назовем „Бархатная революция". То, что происходило в конце 80-х – начале 90-х годов в странах Восточной Европы, когда на улицы выходили сотни тысяч людей и режимы рушились. В какой-то степени Марш Свободы работает на этот сценарий. Важно преодолеть критическую черту в сто тысяч участников, когда страх уходит и появляется вера в возможность реальных перемен. Второй сценарий связан с переговорным процессом, на исход которого также могут повлиять такие акции как Марш Свободы. Третий сценарий – это

дворцовый переворот. Демократическая оппозиция, естественно, не может иметь к нему какого бы то ни было отношения. Здесь главное действующее лицо – Кремль. Я убежден, что там сегодня размышляют о развитии отношений с Беларусью в постлукашенковский период. Хотя Лукашенко сегодня и пытается играть роль русского националиста, который возглавляет белорусское государство, тем не менее его амбициозность, его очевидные претензии на шапку Мономаха, антизападная риторика и тоталитарность правления человека, стремящегося к созданию единого с Россией государства, раздражают Москву, портят ее имидж в глазах Запада. Поэтому дворцовый переворот вполне возможен, если к тому же иметь в виду ненависть ближайшего окружения Лукашенко к своему патрону. Ненависть, вызываемая постоянным страхом и унижениями, которым он подвергает самых высокопоставленных чиновников. Наконец, четвертый сценарий – это инкорпорация Белоруссии в состав России, под каким бы соусом это ни подавалось – союз или что-то другое. Речь идет об утрате реального суверенитета. В этом случае Белоруссия становится чем-то средним между Чечней и Ольстером. Сегодня социологические опросы показывают, что у нас есть не менее 350 тысяч людей, готовых с оружием в руках отстаивать независимость страны. Возможно, конечно, в будущем и переплетение какое-то этих сценариев. Но в самое ближайшее время мы будем жить по одному из них.

– Один из польских аналитиков сообщил мне, что, по его мнению, исчезновение и, не дай Бог, возможное убийство Виктора Гончара – это акция неких сил из России, заинтересованных таким образом дискредитировать режим Лукашенко. Вам эта версия не кажется странной?

– Лукашенко уже ведет подготовку к президентским выборам, которые, скорее всего, состоятся в 2001 году. Идет зачистка политического ландшафта, и, я полагаю, Гончар – одна из первых жертв. Партии для него в условиях несложившейся многопартийной системы – не угроза. А вот личности опасны! Убрать конкурента за месяц или два до выборов – это слишком очевидно. Исчезновение же видного оппозиционера за два года до выборов не должно вызывать подозрений. Вместе с тем я уверен, что белорусские спецслужбы не имеют отношения к исчезновению ни Юрия Захаренко, ни Виктора Гончара. По нашим данным, при Совете Безопасности существует немногочисленная группа, укомплектованная негражданами Белоруссии. Их ничто не связывает с ней, они не родились здесь, не имеют родственников. Это профессионалы, рекрутированные для выполнения весьма специфических заданий. Вот они-то, по сведениям, которые мы получили от наших источников из спецслужб, вполне могли быть

причастны к исчезновению видных оппозиционных деятелей Беларуси.

– Итак, у нас исчезают более чем заметные на политическом горизонте фигуры. Удивляет отношение к этому явлению Запада. Одно дело – ограничение демократии, преследования независимой прессы. Но когда исчезают политические оппоненты, Запад, как правило, почти полностью порывает контакты с таким режимом, оказывает на него невероятное давление. В случае же с Лукашенко мы наблюдаем, с одной стороны, как бы изоляцию, а с другой – продолжаются какие-то игры...

– Тут следует иметь в виду вот что. Запад все-таки видит Беларусь независимым демократическим государством. Потеря Беларуси серьезно разрушает систему европейской безопасности. Это может иметь серьезные последствия для стран Балтии, Украины, Польши. Поэтому нет стремления загнать Лукашенко в угол, окружить его, как волка, красными флажками. Загнанный зверь, как известно, опасен. Поэтому в отношении Лукашенко одну дверь Запад держит как бы приоткрытой. Тем более, что нет прямых доказательств участия власти в исчезновении Захаренко и Гончара.

– В переговорах, которые сегодня оппозиция ведет с режимом с помощью ОБСЕ, важное место занимает проблема доступа оппозиционных политиков на государственное телевидение, радио, в газеты. Откровенно говоря, я себе не представляю, что можно включить телевизор или радиоприемник и услышать от вас то, что я слышу сейчас. Хотя вы и не будете призывать на баррикады, власти будут утверждать, что вы пытаетесь использовать эфир в антигосударственных целях. И вместо вас позовут какую-то другую, более удобную „оппозицию", чтобы поддерживать у Запада впечатление определенной терпимости к инакомыслящим.

– Документы, подписанные на сегодняшний день, с одной стороны, консультативным Советом политических партий, [redacted] с другой помощником Лукашенко Сазоновым, в принципе создают возможность для того, чтобы голос оппозиции был услышан [redacted] стране. Прямой эфир не предусмотрен, но есть запись, касающаяся создания новых общественно-политических программ. Если речь идет о десятиминутной передаче, то, естественно, нужно делать запись на десять минут. Мы и предполагаем с помощью ОБСЕ делать такие записи и передавать их на телевидение и радио. Это единственная возможность избежать манипулирования со стороны властей.

– Знаете такую поговорку – гладко было на бумаге да забыли про овраги, а по ним ходить... Ведь эти ваши записи, даже если иметь в виду, что там не будет никаких призывов к немедленному свержению

власти, а только то, что называется нормальной критикой, для правителя нож острый в сердце. Ну не пойдет он на это, не допустит! Чтобы на его телевидении да такое говорили! Никогда!

– Есть единственный выход для Лукашенко – не смотреть эти передачи. Но, учитывая то, что он не читает „Советскую Белоруссию", но от корки до корки изучает „Народную волю" такое, конечно, предположить трудно. Что касается того, кого из оппозиционеров могут выпустить в официальный эфир, то следует иметь в виду, что сейчас власть пытается – и не без успеха – разделить оппозицию на конструктивную, „хорошую", и неконструктивную, „плохую". В начале переговорного процесса с помощью ОБСЕ, в сентябре, мы, белорусские демократы, достаточно четко оговорили, какие именно политические силы определяют лицо белорусской демократии. До сегодняшнего дня в реальной оппозиции были четыре политические партии – Белорусский Народный Фронт, Объединенная Гражданская партия, обе социал-демократии (Шушкевича и Статкевича). Эти люди ходили на митинги, сидели в тюрьмах, их увольняли с работы и исключали из институтов и университетов. И вот не без участия некоторых представителей Европы мы искусственно расширили лагерь оппозиции, за счет организаций, которые были или в „мягкой" оппозиции или вообще сделали заявку на свою оппозиционность только в этом году. В результате позиции оппонентов режима были сильно ослаблены. Это произошло, когда оппозицией стали считать две профсоюзные партии (Партия труда и женская партия „Надзея"), более чем зависимые от власти, контролируемые официальными, государственными профсоюзами, располагающими, кстати, немалой собственностью, которую власть может в любую минуту отобрать.

– Ну а партия Калякина, коммунисты?

– Их идеологическая близость к Лукашенко более чем очевидна. Они абсолютно одинаково смотрят на процессы экономического развития Белоруссии. У них полная солидарность с властью по вопросу о присоединении Белоруссии к России. Нельзя не учитывать и зависимость партии Калякина от российских коммунистов, от Зюганова, стратегического союзника и партнера Лукашенко. И, наконец, Либерально-демократическая партия Гайдукевича – филиал партии Жириновского. Они сегодня активно сотрудничают с режимом Саддама Хусейна, у них совместные экономические проекты, само существование которых у нас невозможно без одобрения власти, без ведома Лукашенко. И вот получается, что в оппозиции теперь восемь партий, и если даже четыре из них откажутся сотрудничать с властью в виду невероятно унизительных условий, то останутся еще четыре. Но этот арифметический подход вовсе не свидетельствует, если можно так

сказать, о качестве оппозиции. Зато он выгоден власти, которую, безусловно, устраивают „хорошие", покладистые оппозиционеры. Эта проблема еще скажется на переговорах.

– А что, Консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ в Минске не понимает кто есть кто в белорусской оппозиции?

– У них есть тоже свой интерес. Им не нужна монолитная оппозиция, так проще работать. Хотя очевидно, что интересы власти и так называемой конструктивной оппозиции пересекаются. Это выборы, на которых „конструктивные оппозиционеры" могут получить определенное число мест в парламенте в обмен за помощь в легализации режима на международной арене. Наша задача сегодня обнажить перед обществом эту проблему и таким образом вынудить „конструктивных оппозиционеров" выступить с заявлениями о том, что они не предадут демократические идеалы в обмен на парламентскую кормушку и прочие выгоды. Мы должны попытаться предотвратить этот Мюнхен.

– Один мой знакомый любит употреблять формулу – „вечный Лукашенко". Вы привели четыре сценария... Но вот есть в какой-то час-ти общества такая убежденность в „вечности" Лукашенко, поскольку он никогда и ни за что не отдаст власть. Вот и Кастро сорок лет сидит под носом у США. А мы тут все рассуждаем о „центре Европы"...

– Если бы Лукашенко сидел на кремлевском троне, пожалуй, он смог бы продлить свое политическое долголетие. Там ведь гигантские сырьевые запасы, можно как-то тянуть... В Беларуси же он обречен. Параллель с Кубой представляется неудачной. Рядом страны Балтии, Польша. Даже Украина... Оградиться от этого внешнего мира невозможно. Лукашизм, как идеология, не может развиваться экстенсивно, он может только осваивать новое политическое пространство. Есть для этого социальная база и в России и на Украине. Но все-таки в тамошних кабинетах власти, где принимаются ответственные решения, лукашизм не пустил столь мощные побеги как в Беларуси. Если не осуществятся те четыре сценария, о которых я говорил выше, то думаю, что 2001 год может стать последним годом лукашенковского правления. Хотя, согласен, он будет держаться за власть до последнего. Я обеими руками за проведение в Беларуси Нюрнбергского процесса, на котором были бы вскрыты все преступления режима против народа. Но я против того, чтобы судить самого Лукашенко. Его нужно лечить, поскольку он болен. Нужно показать его белорусам в больничной палате, где он будет плакать, размазывать своим громадным кулаком слезы по лицу. Люди увидят, кому они поклонялись, кому они верили. Может быть, и через это наступит исцеление нашего общества.

Варшава.

„Русская мысль" (Париж), 25.XI.–1.XII.1999.

<u>СОЮЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ. ПОСЛЕДНИЙ АКТ?</u>

ТИХАЯ ОККУПАЦИЯ ПОД ГРОХОТ БАРАБАНОВ

„На наших глазах совершается последний акт позорного политического спектакля. Президент Лукашенко продает свою страну, как тать чужую лошадь, – торопливо, суетливо, по дешевке. Сиплым придушенным голосом нахваливает ее стати. В качестве скупщика краденого выступает Кремль, который прекрасно осведомлен о незаконности сделки, но не смущается. Москве не впервой брать чужое. Главное, чтобы со стороны выглядело это как настойчивая инициатива самой лошади: она, мол совсем оголодала, волков боится, неухожена, беспомощна, сколько уж раз просилась снова к нам на скотобойню, мы и пошли ей навстречу. Сделали одолжение...

[illegible] случае успеха это „одолжение" приведет к тому, что белорусы станут ненавидеть Москву точно так же, как ее уже ненавидят некоторые соседи...

Речь фактически идет о захвате страны спецслужбами России, а за словами Москвы о дружбе и сотрудничестве прячется циничное агрессивное желание аннексии... Традиционное имперское мышление, суть которого можно выразить лозунгом „кто не с нами, тот против нас", проявляется в стремлении подчинить великодержавным геополитическим интересам Москвы национальные интересы всех соседей России. Именно поэтому идет тихое, но навязчивое превращение независимого нейтрального европейского государства Республика Беларусь в военно-промышленный придаток новой Великой Империи.

Вне централизации и тотального контроля Россия как государство в ее нынешнем виде существовать не может. Только они позволяют Москве до поры до времени держать в повиновении национальные провинции и свободно распоряжаться их ресурсами. „Ошибочно

думать, – писал русский философ Николай Бердяев, – что то, что называется модным словом „тоталитаризм", есть выдумка большевиков, которой потом начали для других целей подражать их враги фашисты. Тоталитаризм – старая русская традиция".

... Все козыри сейчас на руках у Кремля и Лукашенко. Радио, телевидение, пресса, деньги, спецслужбы, агенты влияния, шоу-бизнес и русская православная церковь. Вместе с передовыми отрядами интегратаров на страну надвигается поток великодержавной, монархической, шовинистической (сродни фашистской) пропаганды. Все это направлено против свободы и независимости Беларуси. На нашей стороне остаются правда и демократические страны.

Угроза поглощения падающей в пропасть Россией независимой Беларуси сегодня, увы, реальная как нельзя более. И к этому нужно быть готовыми и нам, и всему мировому сообществу. Создание „дроздовско-кремлевского союза" станет моментом появления в Европе нового Косово. Нужно отчетливо понимать, что при таком повороте событий у Лукашенко полностью развязываются руки для физической расправы с политическими противниками, всеми недовольными его деятельностью, политически активными людьми, которых сегодня сотни тысяч. Место для них найдется в лагерях российского ГУЛАГа, потому что белорусские тюрьмы и без того сейчас переполнены.

Не следует забывать, что после оккупации Беларуси наши юноши снова пойдут умирать за российские интересы в горячие точки. В армию начнут призывать и здоровых и больных. Служить они будут по всей России, в тайге, тундре и пустыне.

На территории Беларуси появятся все виды ядерного оружия. Необычайно просто будет перевести страну ■ режим осажденной крепости, ввести карточную систему, военное положение, принять в альянс Югославию. Страна снова станет авангардом российского милитаризма, электронного шпионажа, „холодной войны".

Уже ■ самое ближайшее время Беларусь может потерять весь свой интеллектуальный потенциал. По приблизительным подсчетам, после фактического образования „союза" страну в короткие сроки покинут от ста до двухсот тысяч самых предприимчивых, мыслящих, образованных людей, которые не желают служить в армии России, иметь ее гражданство и подчиняться ее законам. Страной, ■ которую могут направиться потоки беженцев, станет, скорее всего, Германия. В опросах часто называются также Польша, Чехия, Бельгия, Украина, Литва.

Уже сегодня многие молодые белорусы просят в западных странах политического убежища. Только за прошлый год в цивилизованные страны перебрались сотни беженцев из Беларуси...

Но есть ли у нас шансы спасти свою страну? Безусловно, есть! И немалые! Среди сторонников независимой Беларуси – цвет нашего общества, лучшие люди нашей страны. Москва должна почувствовать, что тихой аннексии Беларуси у нее не получится. Более того, включая Беларусь в список своих провинций, она сильно рискует получить очаг организованного радикального сопротивления великодержавной политике внутри Империи".

Александр Дубравин.
„Навіны", 25.V.1999.

ПЯТИЛЕТКА ЛУКАШЕНКО. ПРОДОЛЖЕНИЕ В РОССИИ?

„Сегодня режим Лукашенко держится на российских деньгах. Александр Григорьевич пытается отплатить за это клятвами в любви к России: ельцинской, зюгановской, лужковской, селезневской, примаковской – любой, какая может дать денег. Сначала он попытался найти союзников среди коммунистов. Зюганову в какой-то момент показалось, что белорусский лидер готов помочь ему прийти к власти, свалив Ельцина. Геннадий Андреевич жестоко ошибался: теплое место Лукашенко готовил для себя. В 1997 году была разработана схема, при которой властные полномочия президентов обоих государств делегировались напрямую председателю Высшего Совета Союза Беларуси и России. Россиянам казалось, что Лукашенко жертвует собственными полномочиями, но они забыли, что пост „игрушечного" союзного главы Лукашенко предусмотрительно оставил себе. Вспомнили поздно, но – успели.

И вот тогда обиженный „младший брат" объявил, что больше никому не позволит разыгрывать интеграционную карту. Никому – кроме Ельцина, поскольку денег у Лукашенко не прибавилось и доить кого-то все-таки надо было. Потом, когда здоровье Ельцина сдало, возникла новая идея – стать вице-президентом при Ельцине. Окружение российского президента отказалу жениху-самосвату и на этот раз. И тогда он объявил о своей переориентации на Запад, забыв, очевидно, что там его иначе как „душителем свобод" не называют".

Александр Федута.
„Московские новости", 13–19.VII.1999.

Я ТАК НЕ ИГРАЮ

„Александр Лукашенко назвал „посмешищем" проект договора о союзном государстве России и Белоруссии.

„Ну разве это много – хочу, чтобы мой портрет застенчиво и строго смотрел со всех газет", – пела незабвенная старуха Шапокляк. Александр Лукашенко, являющийся не только президентом суверенного государства, но и председателем Высшего совета Союза Беларуси и России, не хочет, чтобы слово „высший" в названии этой должности просто поменяли на слово „государственный". Он хочет быть президентом славянского союза – или, по крайней мере, вторым по рангу чиновником российско-белорусского конгломерата. „На меньшее, – как говорится в известной рекламе, – не согласна".

Белорусский президент на сей раз необыкновенно яростно отреагировал на объявленное желание Кремля опубликовать проект договора о союзном государстве России и Белоруссии для всенародного обсуждения. По мнению Лукашенко, „публиковать нечего" и „опубликование проекта с обсуждением его в средствах массовой информации является российской проблемой".

„Нам нечего публиковать. У президента Белоруссии есть конституционное право подписывать договор, причем его радикальную версию, предполагающую введение поста единых президента и вице-президента, формирование общего союзного правительства и парламента", – заявил Лукашенко.

Обиду белорусского президента понять можно. Кремль действительно отверг все эти радикальные предложения Минска. Более того, позволил себе устами помощника Ельцина по внешней политике Сергея Приходько заявить, что публикуемый проект есть согласованная точка зрения союзников.

Лукашенко прав, утверждая, что проект нового союзного договора „практически ничем не отличается от ныне действующего". Тому договору от роду почти четыре года, но его существования до сих пор не заметили ни россияне, ни белорусы. Президенту не может нравиться тот факт, что вся экономическая часть договора еще будет согласовываться, что Белоруссия ■ ближайшие годы не получит российские энергоносители по дешевым внутрироссийским ценам. Что белорусские предприятия не смогут юридически считаться российскими, имея возможность торговать на российском рынке как на своем собственном. Что единый Центр России и Белоруссии не будет выкапывать из глубокой ямы белорусскую денежную систему под предлогом перехода к единой валюте. Зачем же такая интеграция?

Разумеется, Лукашенко не мог вовсе отказаться подписывать договор – это было бы слишком явным неуважением к Москве. На стороне белорусского президента молодость и долгий-долгий срок полномочий. Лукашенко прямо заявил, что может подождать у Ельцина и подписать документ с кем-нибудь другим.

Другие крепкие выражения белорусского лидера, вроде заявления о „попытках России превратить Белоруссию во вторую Чечню", можно списать на простую человеческую обиду. МВФ не дает денег. Москва не дает. Запад не дает. Восток не дает. А тут еще в стране началась нехватка водки в магазинах. Профсоюзы пытаются устраивать акции протеста против „человечной" экономической модели, проповедуемой Лукашенко. Сплошные расходы – моральные и материальные.

Короче говоря, если опубликовать договор, по которому Белоруссия сохранит суверенитет, станет частью России по ценам на сырье и энергоносители, а союзным президентом будет считаться глава Белоруссии, этот документ пройдет у нынешних белорусских властей на „ура". А славянское братство, от которого нет доходов, – и не братство вовсе. Белорусский президент так не играет".

Семен Новопрудский.
„Известия", 2.X.1999.

ЛИБЕРАЛИССИМУС

„В принципе, это не наше дело. Кого хотят суверенные белорусы видеть во главе своего государства, того пусть и смотрят по своему телевизору. Но Александр Григорьевич Лукашенко, не скрывающий претензий на Кремль, давно уже прописался на российском ТВ, так что у нас есть полное право обобщить собственные – тоже вполне суверенные – впечатления.

А впечатления эти весьма разнообразны. За те несколько лет, что Лукашенко мелькает на экране, он успел предстать и зловещим неофашистом, который ценит положительные стороны гитлеровского режима, и покровителем белорусских партизан, и политическим клоуном, веселящим народ публичными выходками, и большим специалистом по яйцу, и жестким до жестокости диктатором, и по-тенциальным союзником НАТО, и робким учеником президента Ельцина, готовым внимательно и почти умиленно выслушивать его царственные упреки, и гневным обличителем ельцинской Москвы, не желающим подписывать вожделенный договор о государственном объединении...

И тут есть определенная разница между нашим положением и положением, ■ котором находятся наши полесские соседи. Мы (пока, во всяком случае) лишь телезрители, они помещены внутрь телевизионной картинки. Одно дело – хихикать, наблюдая за дискуссией ■ прямом эфире между вольным стрелком Сванидзе и персонажем телевизионного политического театра Александром Григорьевичем Лукашенко; другое – плакать от бессилия, оглядываясь окрест себя. Впрочем, у нас есть неплохие шансы побывать в белорусской шкуре –

не в том смысле, что у Батьки есть малейшие шансы занять кремлевский трон, а в том, что мы имеем и своих либеральнейших Батек. Хороший слоган для грядущих выборов: либералиссимус – лучший друг малышей”.

Александр Архангельский.
„Известия”, 12.X.1999.

ПРЕЗИДЕНТ ГОСДУМЫ

„Давно пленарные заседания Государственной думы Российской Федерации не отличались таким неподдельным пафосом. Изнуренные скучным обсуждением бюджета-2000, российские депутаты встряхнулись, оживились при виде высокого зарубежного гостя – президента Белорусской Советской Социалистической Республики (государственная символика именно этого государства является официальной в нынешней Белоруссии) товарища Лукашенко Александра Григорьевича...

В своем искрометном выступлении Александр Лукашенко продемонстрировал весь джентльменский набор высказываний относительно своего места в новейшей российско-белорусской истории, судьбы славянского союза и внешних врагов. Он вновь повторял, что не претендует на российский престол, что Белоруссия не нахлебник России, что Москве не надо оправдываться за свои действия в Чечне перед Западом. Союзный договор, вынесенный на всесоюзное обсуждение в России и Белоруссии, Лукашенко считает плохим, недостаточно радикальным. Но подписывать его, по мнению белорусского лидера, надо – и сделано это будет до конца декабря...

В среду ■ Думе прошла репетиция государственного устройства России, каким его представляет себе нынешнее думское большинство. Антизападная и антидемократическая риторика, пламенные речи о славянском единстве, готовность продемонстрировать силу власти с помощью дубинок – вот каким хотят видеть будущего российского президента более 300 российских депутатов, восторженно аплодировавших белорусскому лидеру. В такой стране не было бы расхождений между президентом и парламентом. Но и парламента тоже не было бы. Российские депутаты, зомбированные харизмой белорусского лидера, словно забыли, что ни один депутат официального белорусского парламента не может возразить своему президенту ни по одному вопросу без угрозы лишиться не только депутатской неприкосновенности, но заодно и личной свободы”.

Семен Новопрудский.
„Известия”, 28.X.1999.

ЗА ДРУЖБУ „ЗАЙЧИКА" С РУБЛЕМ

„Когда говорят о правах человека и степени демократизации общества в Белоруссии и России, то, на мой взгляд, допускают ряд упрощений. Да, в Белоруссии есть проблемы со свободой партий, есть нарушения прав человека со стороны спецслужб и органов правопорядка, не все нормально со свободой слова. В этом смысле Россия продвинулась намного дальше своих соседей.

Но я хотел бы более широко посмотреть на эту проблему. На, мой взгляд, права человека – это право на труд, на достойную жизнь, на нормальную заработную плату, пенсию, на законодательную защиту от чиновничьего произвола и криминального беспредела. Если мы скажем, что в России эти права уже обеспечены каждому, то, мягко говоря, сильно преувеличим. Мне представляется, что сегодня проблему прав человека – как в России, так и ■ Белоруссии – нужно решать сообща, а не противопоставляя одну страну другой.

Что же касается оценки деятельности Александра Лукашенко, то я скажу следующее: если большинство белорусов считают Лукашенко своим лидером, своим президентом, давайте будем уважать их мнение. Правда, хотел бы пожелать Александру Григорьевичу провести нормальные президентские выборы. Тем более, что результат их, как мне представляется, достаточно предсказуем. И второе. Мне очень хотелось, чтобы и ■ России, и ■ Белоруссии взаимодействие оппозиции и власти строилось бы на конструктивной основе, не превращалось бы ■ мордобой.

И все-таки я считаю первоочередной задачей – экономическую интеграцию. Только потом можно будет делать следующий шаг – введение единого гражданства... Может быть, это будет конфедерация, может быть, единое государство с единым президентом и едиными органами власти".

Сергей Степашин,
кандидат в депутаты Госдумы.
„Московские новости", 30.XI.- 6.XII.1999.

„БЕЛОРУСЫ – НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ"

С Натальей Горбаневской беседует Семен Букчин

Наталья Горбаневская – легендарная фигура российского диссидентства. 25 августа 1968 года она с небольшой группой единомышленников вышла на Красную площадь в Москве, протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию. Она

была создателем и душой знаменитого нелегального издания – „Хроники текущих событий". Ее арестовали в 1969 году после того как на Западе вышла ее книга „В полдень", с описанием августовских событий 1968 года и их последствий. Горбаневская прошла через тюрьмы, психушки – все как полагается в системе, в которой человек становится „не как все". В 1975 году она покинула СССР. Но ни до того, ни после она не переставала писать стихи. Ее поэзия звучала на „вражеских" радиоволнах, приходила к нам со страниц „сам" и „тамиздата". Горбаневская была правой рукой Владимира Максимова, когда в Париже издавался знаменитый журнал „Континент", прибежище европейских интеллектуалов, и тех, что эмигрировали из стран „социалистического содружества", и тех, что оставались на родине. С 1991 года „Континент" выходит в Москве, а Наталья Горбаневская, оставаясь членом его редколлегии, работает в парижской газете „Русская мысль".

Мы встретились в Варшаве, куда Наталья Евгеньевна приехала как бы в двойном качестве – и на встречу русских переводчиков польской литературы, которая была организована в связи с началом выхода здесь литературного журнала „Новая Польша" (на русском языке), и как участница четвертых Международных чтений, посвященных памяти Владимира Максимова.

– Наташа, как вам, русской парижанке, живущей во Франции уже почти четверть века, видится наша Беларусь, все то, что происходит в нашей стране? Естественно, нас больше всего интересует ваш взгляд на белорусско-российский союз, который сейчас переживает очередную стадию реанимации.

– Начну с того, что „Русская мысль", выходящая, кстати, одновременно и в Париже и в Москве и являющаяся на Западе крупнейшим органом русской прессы, по-моему, единственное русское и российское издание, не признающее Союза Беларуси и России. Дело в том, что даже самые демократические российские политики, когда затрагивают эту тему, считают необходимым де-юре признавать, что существуют некие соглашения, существует некая парламентская ассамблея Беларуси и России. Для нас же это театр марионеток, причем управляемый большевиками с обеих сторон, хотя много говорится о воле народов, о необходимости референдума и так далее. Знаете, в восьмидесятых годах мои польские друзья спрашивали меня, что должна сделать Россия. Я отвечала: выйти из СССР. Мы знаем, что первой вышла Литва, с которой у меня, кстати, очень тесные связи, я очень люблю эту страну.

– А в Беларуси вы бывали?

– Нет, только проезжала. Но даже из окна поезда или автомобиля поражалась зримой бедности вашей страны. Впрочем, уже во времена гласности у меня появилось одно забавное свидетельство – записи фольклористов, сделанные где-то под Великими Луками скорее всего в начале семидесятых годов, в которых крестьяне признавались, что за продуктами ходили в Белоруссию. Как и всегда союзные республики снабжали лучше, чем Россию. Я думаю, что Беларусь снабжали настолько лучше, чтобы это могло показаться чуть богаче этим уже совсем нищим великолукским крестьянам. Думаю, что в общем Беларусь не баловали.

– Вы знаете, уровень экономического развития Беларуси того времени действительно позволял республике делиться и не только с Россией.

– Видимо, вы говорите о времени, которого я не застала. Я ведь уехала в конце 1975-го...

– У нас это считается временем экономического благоденствия.

– А в России тогда была уже страшная нужда. Хотя на самом деле эти отличия в экономических уровнях были достаточно относительны. Экономика ■ целом уже заваливалась и, в общем, не могла не завалиться. И распад Советского Союза, зафиксированный в Бело-вежских соглашениях, был моим личным праздником. Моя мама, умершая 12 декабря 1991 года, умерла ■ России, а не в Советском Союзе. Она родилась в России ■ 1902 году и умерла через несколько дней после Беловежских соглашений, тоже в России. Для меня чрез-вычайно важно отличие Советского Союза от России, ■ всегда их различала.

– Но сегодня и Россия неоднородна.

– Да, конечно, в стране много течений, есть имперские, есть неимперские. Я не верю, что среди нормального российского населения, к тому же отягощенного материальными заботами, господствуют имперские настроения. Другое дело, что какие-то великодержавные агитаторы пытаются воздействовать на сознание народа и могут какую-то его часть оболванить.

– Но ведь даже российские либералы или большие демократы, о которых вы упомянули, любят ссылаться на „волю народа": мол, если белорусы сами хотят, то чего же сопротивляться, и уже идут разговоры о том, как войти в Россию, на правах Татарии или попросту шестью областями. Тот же Гайдар, к примеру...

– Я думаю, что эти политики совершают большую ошибку, полагая, что так настроен и народ России. И поэтому надо идти за народом. Но, во-первых, уж коли ты политик, то следует идти впереди народа. Надо уметь оглашать непопулярные идеи. А у либералов и без того поддержка невелика, они опасаются утратить и эти малые проценты.

– А ежели еще и взять в соображение „коридор на Запад", отодвинутость российской границы от Смоленска до Бреста... Соблазнительно даже для либерала.

– Нет-нет! Я знаю Гайдара, он не великодержавник. Он думает, что население великодержавно, что народ одолеваем этими настроениями. А народу российскому эта великодержавность до лампочки!

– Но он ссылается и на позицию самих белорусов: мол, если они хотят...

– Он прекрасно знает, что Лукашенко это не белорусы, он знает это на двести процентов! Но боится, боится выступать с непопулярной позиции. Поймите, я не политик и никогда им не буду. Я литератор, журналист, была долгое время правозащитником. И я привыкла не соглашаться с очень многими, включая друзей. Знаю, что меня не очень многие поддержат, но считаю, что России пора уходить с Кавказа. Представляю позицию оппонентов: там есть русское население, ну и прочие известные аргументы... Знаете, меня и раньше пугали: мол, вы стоите за независимость республик, но ведь там все друг друга перережут как только уйдут советские войска. Но я не вижу, чтобы на Украине резали русских. Возможно, есть какие-то явления, связанные с украинизацией. Но уже была украинизация в 20-30-е годы, но как-то тамошняя русская интеллигенция выросла и утвердила себя.

– Виктор Некрасов, Борис Чичибабин...

– И не только. И еще нас пугали тем, что мы привыкли ездить друг к другу, а теперь вот границы... Но ведь и СНГ задумывалось по типу Европейского Союза. К сожалению, ничего из этого не вышло. Но вот живу ■ Западной Европе. Пересекаешь границы разных стран и попросту не замечаешь этого. Надо дожить до этого, как дожил Запад. Государства разные, а границ нет, потому что существуют конвенции, существует правовое пространство...

– Которое как бы и на территории СНГ могло быть...

– Понимаете, для меня отсутствие границ не какой-то идеал, не утопия, а просто нормальная жизнь, как и для все западноевропейцев.

– Но мы-то – увы – дрейфуем в другую сторону. Наше нынешнее объединение, как его мыслит Лукашенко, это противопоставление Западу, это укрепление всех и всяческих границ. Тем более, вот и Лариса Ивановна Пияшева говорит, что Россия движется в сторону тоталитаризма.

– Я, может быть, и поверила бы прогнозу Пияшевой, если бы она не начала с того, что новый тоталитаризм в России начался сразу после того, как пал старый. Мы же видим, что это не так. Кстати, в последнем, сотом номере „Континента", есть статья Понарина о Ельцине, где он пишет о разных уступках со стороны президента России, но есть вещи,

где он абсолютно неуступчив. Это прежде всего невозвращение в коммунизм и свобода печати, которая, кстати, нужна не только – как иной раз любят подчеркивать – интеллигентам. Свобода печати нужна всем, чтобы защищать всех, чтобы обсуждать вопросы, касающиеся всех, всего общества, чтобы напоминать любому правительству – я не имею в виду только Лукашенко – о его промахах, ошибках и даже преступлениях. В той же Франции, где я живу, сколько коррупционных дел! И пресса вскрывает эти нарывы.

– Но если в России Ельцин за свободу прессы, а у нас Лукашенко закрывает, душит различными способами независимые газеты, то с кем же объединяется Россия?

– Меня устроил бы этот союз – естественно при соблюдении обеими странами элементарных демократических норм, в том числе и тех, что касаются свободы прессы, – как экономический, таможенный, даже на уровне тех соглашений, которые существуют между государствами, являющимися членами и не членами Европейского Союза. Мы же знаем, что Европейский Союз успешно сотрудничает со странами, не входящими в эту организацию. Конечно, нужны правовые основы, касающиеся как межгосударственных отношений, так и взаимоотношений частного капитала. Поскольку в Европе далеко не все контакты осуществляются ■ рамках межгосударственных отношений, и даже не большая их часть. Естественно, нужны законы, дающие инициативу частному капиталу. Кстати, что у вас ■ Беларуси с кол-хозами?

– Они лежат тяжелым бременем на экономике государства.

– В России несчастный, всеми высмеиваемый Ельцин уже сколько лет пытается протолкнуть земельную реформу. Разумеется, с коммунистическим, левым большинством в Думе это сделать невозможно. Мои предки – крестьяне, я очень сильно чувствую связь с крестьянством, с землей. А ведь ни с кем так не расправились в Советском Союзе как с крестьянством. Действительно выбили класс кормильцев. Но ведь и сегодня не дают людям прокормить Отечество. Мы ■ „Русской мысли" печатаем материалы об отдельных российских счастливчиках, удачниках, работающих по 18 часов в сутки. Самая главная собственность – это земля. Но номенклатура ее захватила под видом акционерных и прочих обществ. Решение проблемы земли потянуло бы за собой решение и других важнейших проблем.

– У нас людей, пытающихся что-то свое делать, власть называет блохами, паразитами, ползающими по народному телу, и всеми способами стремится искоренить их. С другой стороны, идет спекуляция тем, что у нас вроде другой народ, другая ментальность, нежели на Западе. Короче, без государства-опекуна, следящего за всем и вся, нам не прожить.

– Да люди привыкли быть иждивенцами. Но стыдно же быть иждивенцем! Тем более, что в человеке заложено желать, стремиться, а не только подчиняться. Я всегда говорила, что вопреки распространенному мнению о гомо советикус, коммунизму не удалось переломить основу человеческой психики. В том числе стремление человека к Богу.

– Но вот о белорусах нередко говорят как о ниболее коммунизированном-большевизированном народе, который поэтому и не разглядел Лукашенко и выбрал его...

– Вы знаете, я помню как в последние годы Советского Союза некоторые демократические депутаты, желая подчеркнуть реакционность тогдашней вашей власти, называли Белоруссию Вандеей.

– Ну как же! Покойный Алесь Адамович запустил эту характеристику.

– Но простите меня, кто такие были вандейцы? Это были крестьяне, католики, восставшие против якобинского террора, против якобинского подчинения церкви государству, это были священники, отказавшиеся принести присягу якобинскому правительству.

– Об этом рассказал Бальзак в романе „Шуаны"...

– Так вот в этом смысле вандейцы родные братья тамбовских крестьян, поднявших восстание против Советской власти.

– Ну Адамович использовал этот термин – Вандея – в переосмысленном значении. Видимо, термин был применен не совсем удачно.

– Но это определение с его легкой руки стало употребляться достаточно широко, и Вандея стала символом реакции. А ведь на самом деле наша Вандея – это, помимо „антоновщины", еще и Кронштадт, и выступления против большевистского произвола уральских рабочих, тысячами вступавших в армию Колчака.

– И нас в Беларуси было Слуцкое восстание того же времени.

– Я думаю, что это была не единственная попытка сопротивления советизации. Поэтому не нужно увлекаться легендами о некоей чуть ли не природной большевизированности белорусов. Белорусы – нормальные люди, и они не могли не видеть, не оказывать сопротивления античеловеческому режиму. Вот где ваши настоящие корни!

Варшава.

„Белорусская деловая газета", 7.X.1999.

ПОСЛУШАЙ, ЗИН, НЕ ТРОГАЙ ШУРИНА!

„Это мы ежедневно слышим от родного президента, родного парламента, родного правительства и родных спецслужб, которые, по-

моему, встали на путь, ведущий к тому, что после летних выборов, когда рухнет последняя плотина ельцинской защиты, мы сможем называть их уже „родными гестаповцами”.

Так вот, стоит несчастному тщедушному демократу как-то без восторга, а, напротив, с ужасом отозваться о белорусском пакте Лукашенко–Путин или о самом „батьке”, как тут же слышатся причитания всей начальствующей „родни”: „Послушай, Зин, не трогай шурина! Какой ни есть, а он – родня”. Рыдания, как правило, переходят в угрозы, совсем как в балладе у Высоцкого: „Смотри, дождешься у меня!”

... А вот родня ли нам этот шурин, любопытно было бы выяснить исторически и этнографически. А то с объединением получится сплошной мезальянс. 26 ноября мы должны что-то подписать с Александром Григорьевичем. Сделать, так сказать, кабальную запись. Взаимную, что редкость. Российские демократы идут ■ кабалу к Лукашенко с Заметалиным (вот уж точно „родной гестаповец”, и ждать ничего не дано), а „памяркоўныя” белорусы идут в кабалу к российским ВПК и минобороны. Самое время разобраться. Правда, это ничего не изменит...

Племена, легшие в основу нашей страны и нашего менталитета, были поляне (элита), древляне (нацменьшинство ■ медвежьем углу) и дреговичи (до них было, как до подопечных Миклухо-Маклая). Еще намечались вятичи (где-то ■ будущем Сити-Чесс Кирсана Илюмжинова), северяне, то есть новгородцы, свободомыслящие индивидуалисты с протестантской этикой (до принятия византийского православия).

На Западе были племена особые: радимичи и кривичи, да еще полочане (не путать этот Божий дар будущего Полоцкого княжества с половецкой яичницей). Поэтому потом, уже в XII веке, возникнут княжества Полоцкое, Галицкое (почти будущая Украина), Турово-Пинское. И „автономные области” – княжества поменьше. Минское, например. Впоследствии из Галицкого княжества образуется Червонная Русь (не в смысле красного пояса). Мы знаем об этих племенах и княжествах очень мало. Даже от Карамзина, который если не знал, то досочинял.

Сведения о княжестве Полоцком кажутся достаточно сенсационными. В то время, как Киевская Русь уже была по уши в междоусобице, и „великий стол” добывали любой ценой, не стесняясь и братоубийства, князья полоцкие ведут себя на редкость отстраненно и интеллигентно. Хотя княжество богатое, и они могли бы претендовать на Киев и Чернигов. Но они смотрят на свалку со стороны, а предательски плененный киевским князем полоцкий князь Всеслав отказался сесть на киевское княжение даже во время народного восстания, когда киевляне умоляли его об этом.

Откуда эта отстраненность, это чуть презрительное равнодушие? Дело в том, что рядом с Полоцком был магнит попритягательней – Польша. Золотая тропинка латинства, вьющаяся по Европе и неизменно приводящая к Риму, полному сокровищ античной образованности и длинной-длинной истории. До Польши было ближе, чем до Киева. Иная, освежающая, стройная и строгая реальность, дальние страны, тонкие и певучие струны папства, скрепляющего Европу.

Так же чувствовали себя другие окраинные княжества, лежащие ближе к Казимиру Великому, чем к Ярославу Мудрому. Легкий шелест ангельских крыльев будущей капеллы будущего Микельанджело, ироничная, сулящая тайну будущая улыбка Джоконды, пламенные польские сеймы, золотая осень будущего Возрождения, стоический вызов Реформации, тоже будущей, строгая мелодия будущего Просвещения – у Руси в будущем не было ничего, что можно было бы этому противопоставить.

Кто из нас задавался вопросом, куда делись Полоцк и Минск, Орша и Гродно, когда на Русь навеки пала черная тень Орды, как смертное покрывало, из-под которого ей суждено было показаться миру только преображенной в XV веке. Причем преображенной не в свою пользу...

В этот момент рождается Речь Посполитая со всем своим блеском и задорной свободой. Белую Русь ей не приходится даже завоевывать – Москве пока не до нее, для нее она лишняя, ее можно просто взять. Эти три века истории Беларуси, когда ее усыновляет другая, более высокая европейская культура, не забудутся и не сотрутся. Напротив, возвращение ■ пыльное лоно своей исторической гнетущей судьбы, под знамя поражения европейских тенденций, чрево Азиопы, будет для белорусов не то что шагом назад, но почти грехопадением.

За это время Запад будущей Беларуси станет католическим, резко свободным и резко бунтарским по отношению к „Востоку Ксеркса" – то есть к византийскому православию. За это время Литва станет той частью Речи Посполитой, с которой свяжет свою судьбу Беларусь. Гродно – городом, где встанет королевский замок Стефана Батория, бывшего воеводы Семиградского, блестящего полководца, призванного поляками на их выборный демократический трон.

В XVI веке именно этот король нанесет унизительное и сокрушительное поражение самому омерзительному деспоту в российской истории – царю Ивану Грозному. Он заставит его отступить во время Ливонской войны (видно, Балтия уже тогда не давала покоя имперскому сознанию Московии, но не пришло еще время, и не пробил час предательства, озаглавленный „пакт Молотов–Риббентроп"). Удар по рукам – и довольно ощутимый, особенно для тирана, к отпору не привыкшего. После поражения Иван IV пишет письмо победителю

и что-то лепечет о мире и о страдании православных христиан. Блаженны миротворцы! Особенно хорошие пацифисты получаются из разбитых агрессоров.

Вот вам и общность исторических судеб: из белорусского города Гродно, где до сих пор стоит замок Батория, наносится смертельный удар Москве и российскому самодержавию! А недалеко от Барановичей, где я родилась, на берегу озера Несвиж – дивный дворец князя Радзивилла, самого могущественного польского магната. Здесь даже не скажешь, что пути России и Беларуси разошлись – они сошлись в жестокой конфронтации. „Общность судеб" была сотворена двумя чудовищами – Сталиным и Гитлером и случилась в 1939 году путем оккупации Красной Армией запада „братской республики".

Цвета польского и белорусского флагов (красно-белые) недаром идентичны, только полосы расположены по-разному. Это общность судьбы и боли, и мятежа, и разделов, и восстания Костюшки. Конечно, белорусское „панство" всегда жаловалось на ущемления и несправедливости со стороны поляков, якобы считавших белорусов людьми второго сорта. Ах, не верьте старым обидам, господа! Здесь сам черт ногу сломит. Когда Ягайло и Ядвига соединят Польшу и Литву в общей Речи Посполитой, возникнет некоторое напряжение между изысканной католической Польшей и дремучей лесной языческой Литвой, где христианство принимается в XIV веке и прививается медленно и плохо. Литва считала себя обиженной и ущемленной, а сегодня, наоборот, поляки, проживающие в Литве, жалуются направо и налево, даже и в ОБСЕ, на притеснения и малочисленность национальных школ.

Но все это мелочи. Беларусь, Литва и Польша соединены кровью, которую они пролили ■ борьбе с татарами (и победили их ■ отличие от нас, и остался в меню „бифштекс по-татарски", а ополяченные татары становились польскими шляхтичами и служили Речи Посполитой), турками, немцами, шведами и, главное, с Россией, которая так и не смогла проглотить этого ежика, только откусила кусочек Беларуси.

От Польши – цвета флага, от Литвы – герб „Погоня" (конный рыцарь с мечом), от России – пеньковые веревки, на которых белорусских дворян вешали рядом с польскими и литовскими – за попытки избежать общей с Московией судьбы. На какую территорию простираются творения Мицкевича и Юлиуша Словацкого? Это классика и для поляков, и для литовцев, и для белорусов. Кастуся Калиновского, белорусского шляхтича, врага России и защитника угнетенных, повесили российские каратели. И памятники ему стоят не в России, а в Польше.

И если в моем детстве, в 50-е годы, на лесных хуторах Западной Беларуси польский язык был в большом ходу, то русского старики

вообще не понимали и не хотели понимать. Тот, кто читал Владимира Короткевича, не усомнится, что вся жизнь, история и судьба белорусов переплелись с польской и литовской жизнью и судьбой, а мы, русские, здесь „чужынцы" (то есть иностранцы)...

Читайте Короткевича внимательно. И ищите подтверждения его и моим словам у совсем другого классика белорусской литературы – у Василя Быкова. В „Карьере", в „Круглянском мосту", в „Сотникове". Иная речь, иная ментальность...

Не Надежда – Надзея. Не Егор – Рыгор. А народные баллады, извлеченные из стола отца героини „дикой охоты короля Стаха"! Таинственная земля, почти что Запад, его преддверие. Ничего общего с Россией. Ни пирогов, ни державности, ни гимназисток румяных, от мороза чуть пьяных, ни калачей, ни бараночек, ни „словно лебеди саночек". Все другое. Тревожнее, свободнее, мрачнее. Грозовое небо над бесконечными болотами... Даже если вы читаете свободно древнюю версию „Слова о полку Игореве", это не значит, что вы поймете столь же древний белорусский текст из „Черного замка Ольшанского". Совсем другая лексика.

А вот на древнепольский это весьма похоже. Строй мыслей. Черные замки. Легенды. Призраки. Таящие в себе шифрованные записи мечи... И одна ошеломляющая деталь, которая объясняет отказ советских властей от преследования православного причта (кроме таких корифеев, как о. Глеб Якунин), в то время как католическая церковь Литвы и Западной Украины преследовались до грани 1988 года. „Пан Бог" – говорит о всевышнем ксендз. С уважением, с почтением, как о старшем. Но как о достижимом, о много раз виденном, как о строгом, но справедливом начальнике. Без тени холопства или мистики.

Русское „Господь" имеет совсем другое значение. Не „господин", а высшее, недостижимое существо, перед которым надо падать ниц. Так вот: сохраняя самоуважение и достоинство даже в отношениях с Богом, католическая церковь была презрительно враждебна к власти сатанистов-большевиков. И разве в русском фольклоре была когда-нибудь такая „Ладья Роспачы" („Ладья Печали"), повторяющая близко к тексту легенды и мифы Эллады о Стиксе, Тартаре, Аиде. Только печальнее, без эллинского жизнелюбия.

Черный паук, выпивающий память и жизнь, Иван Грозный, наказанный вечным полетом, отягченным его жертвами – пока не перестанут на земле его поминать. Гордый и мужественный белорусский пан, местный Тиль Уленшпигель, обыгрывающий саму смерть, – с русскими сказками, однослойными, простецкими, из золота, калачей и кумача, это не имеет ничего общего.

Казалось, что горделивая польская судьба, ее зов, ее краски – все это

навеки заглохло в народе, пристегнутом к империи кроликов и удавов. Беларусь затихла, пришибленная пактом, советской, немецкой, потом снова советской оккупацией. Она не подавала признаков жизни до Беловежья, когда скромный пан Шушкевич обозначил ее Ренессанс.

Но настоящая память вернулась в Беларусь, когда Лукашенко, вполне адекватный всем всадникам дикой охоты короля Стаха, отнял национальное знамя, с таким трудом возвращенное, когда снова, как после восстания 1863 года, запретили герб „Погоня", когда стали насильно, ногами вперед запихивать в постылую Россию.

Я узнаю Кастуся Калиновского в молодом Винцуке Вечорке. Чему-то белоррусы успели научиться у поляков. Восставать и сносить кару со стоическим равнодушием, восставать и хвататься за оружие, пусть даже за кусок асфальта или булыжник. Сражение с ОМОНом – это Беларусь, прошедшая через Речь Посполитую, четыре раздела и три восстания.

Мы связаны, поляки, всегда одной судьбою
В прощанье и в прощенье, и [redacted] смехе и в слезах,
Когда трубач над Краковом возносится с трубою,
Хватаюсь я за саблю с надеждою [redacted] руках.

(*Булат Окуджава*).

Валерия Новодворская.
„Иностранец", 1999, № 46.

„Я ПОШЛЮ ЛУКАШЕНКО И ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ"

Беседа с Валерией Новодворской

– Валерия Ильинична, вы вообще с какой-то определенной целью публиковали этот материал?

– Мы рассчитывали предотвратить подписание договора.

– Вы полагаете, что одна публикация могла предотвратить этот акт?

– Когда накануне было заявлено, что Ельцин заболел, мы поверили, что он, прочитав эту статью, все понял, заколебался и решил таким вот образом выкрутиться из щекотливой ситуации. Однако, к сожалению, все обстояло гораздо мрачнее.

– Если судить по публикации, вы вовсе не считаете, что Беларусь и Россия – это как близнецы-братья...

– Это недоразумение, культивирующееся в двух странах. На самом деле существует очень глубокое историческое и психологическое

расхождение между Россией и Беларусью. И говорить, что мы объединяем братские народы, это все равно, что сюда же «приделать» поляков на том лишь основании, что они – западные славяне, и словенцев – на том основании, что они – южные славяне. Ну, еще можно присоединить и болгар, поскольку у них хорошие «Золотые пески».

– Давая некоторый анализ факту заключения договора, вы пишете, что «российские демократы идут в кабалу к Лукашенко с Заменталиным». Но почему вы считаете, что это «обоюдная кабальная запись»?

– Потому что договор обоюдный. Соответственно не одни белорусы будут страдать – пострадают и россияне, поскольку в этом союзе очень сильно повысится общий уровень несвободы. В Беларуси же не разрушались даже структуры КГБ! Более того, белорусский КГБ и не переименовывался. Беларусь – это такая маленькая Вандея. Хотя, конечно, вас спасает тот факт, что рядом находится Польша. Но спасает это молодежь, которая ездит в Польшу работать. А старшее поколение, видимо, пребывает в том состоянии, в каком оно и жило до всяких там перестроек. Впрочем, как и большая часть нашего населения.

– По вашему мнению, союзный договор, судя по терминологии, которую вы используете, можно назвать очередной «оккупацией», только теперь не советской и не немецкой, а российской?

– Это нормальный колониальный процесс. Причем двойной: Лукашенко забрасывает удочку, чтобы стать императором всея Руси, а Ельцин – чтобы возглавить какие-то союзные структуры. Т.е. в результате пострадают оба народа. Но, разумеется, Беларусь пострадала уже больше, поскольку еще раньше лишилась флага, гимна и герба. Но если Лукашенко не скрывал своих намерений, то Ельцин никогда прежде таким тенденциям не следовал. И потому его нынешнее поведение просто необъяснимо. И оттого еще более коварно. Никто вам не скажет, зачем это Ельцину. Даже персонаж из программы Шендеровича, который когда-то работал психиатром ■ маленькой психиатрической больнице.

– В своем материале вы также пишете, что, когда еще жили в Западной Беларуси, русских там называли «иностранцами». Однако очевидно, ситуация с тех пор несколько изменилась.

– Не думаю, что ситуация изменилась, поскольку это было не так уж давно – в конце 50-х. Польша же гораздо ближе к Западной Беларуси, чем Россия. И это всегда бросалось в глаза.

– У вас есть еще такая фраза: «Я узнаю Кастуся Калиновского в молодом Винцуке Вечерке». Почему у вас возникают такие ассоциации?

– Я, конечно, не имею в виду, что Вечерка – социалист. И надеюсь,

что он не социалист. Просто я имела в виду его социальные взгляды – участие Калиновского в восстании против России на стороне Польши. Думаю, что Вечерка морально готов отдать жизнь за свободу и независимость Беларуси. К слову, и его финал может быть таким же. Ведь что отделяет Россию и Беларусь от публичных казней? Полагаю, что после того, как в России воцарится Путин, разногласий между ним и Лукашенко уже не будет ни по каким статьям.

– Как вы думаете, после окончательного заключения союза между Беларусью и Россией снова следует ожидать периода войн и восстаний?

– У вас же никакие парламентские методы не действуют, провести законные выборы не представляется возможным! Диктатор, который уже давно закончил свой президентский срок, незаконно остается у власти. Законного парламента и вообще законной власти в стране просто не существует... Но готов ли к этому ваш народ? Я могу сказать только про свой: к сожалению, россияне – рабы. Они не готовы восстать даже против войны в Чечне.

– И что же теперь, используя опять же ваше выражение, навеки с «империей кроликов и удавов»?

– Удавы всегда на месте – они висят на гвоздике. Кролики же могут эволюционировать в людей, если такова будет их добрая воля. Но вы знаете, я не могу влезть в душу каждому кролику, потому что сама кроликом не была. Мне вообще немножко непонятна психология кроликов. Тем более, что тот, кто сочинил эту совершенно замечательную историю – Фазиль Искандер, недавно роль кролика уже сыграл. (Я имею ■ виду встречу российского ПЕН-центра с любимым премьер-министром Путиным)... Что же касается вопроса, навеки ли мы вечные вместе, – я не знаю. Я могу отвечать только за свое поведение и за свою свободу. Я и Демократический союз не будем считать себя гражданами этого союза. Тем более, что мы уже давно подали заявление в исполком союза, ■ котором потребовали выдать нам удостоверения, свидетельствующие о том, что мы не являемся гражданами союза, а являемся лишь гражданами России. По этому поводу даже был большой скандал в Думе, так как вместе с нами заявления подали члены партии Экономической свободы и депутат Константин Боровой. Т.е. лично мы участвовать в подавлении свободы в Беларуси не будем, договор этот не признаем и с президентом Ельциным отныне не здороваемся. И при любых обстоятельствах будем на вашей стороне. Точно так же, как сейчас – на чеченской. Впрочем, думаю, что премьер-министр Путин, став президентом, разберется с этой проблемой быстро – сразу после инаугурации. Вы же знаете, как решались такие проблемы при Сталине и его любимом политике

Андропове? Конечно, если нас раньше не пристрелят точно так же, как пристрелили Галину Старовойтову.

– Кстати, вы не опасаетесь, что г-н Лукашенко и иже с ним будут указывать и вам в том числе, что и как писать? Если он и раньше делал замечания в адрес российских журналистов, то, очевидно, что оснований для этого у него теперь гораздо больше.

– Думаю, что и кроме него у нас найдутся охотники указывать, что можно и нельзя писать. Ведь в России число изданий, которые готовы писать правду, очень ограничено. Но мне лично указать ничего нельзя. Я очень далеко пошлю и Лукашенко, и всех остальных, кто попытается мне указывать. Но, боюсь, что будущее прессы и в России, и в Беларуси – это самиздат. Тем более, что вы теперь, кроме всего прочего, получили право и на Колыму – это первая выгода от союза. А то Лукашенко было непонятно, куда же вас свозить? В Освенцим же не повезешь – поляки будут возражать. А мы получили полесские болота, чтобы вообще невозможно было кого-то найти. Ведь нет человека – нет вопросов и даже запросов со стороны европейских структур.

Сергей Шапран.

„Белорусская деловая газета", 10.XII.1999.

ОДНО ДЕЛО ПОДПИСАТЬ ДОГОВОР, ДРУГОЕ – ДОГОВОРИТЬСЯ

„Что касается тактики интеграции (нет, не союзного договора, к счастью, большинству реальных политиков России сие не требуется), осмысления того, как и каким путем достигнуть поставленных целей, то ■ этой области царит полная неясность. Нет ясного понимания и тем более единодушия в определении промежуточных задач, механизма действий, выбора приоритетов, схемы и принципов взаимодействия государств и территорий и др. В значительной степени это происходит по причинам как глобального (геополитического и геоэкономического), так и внутреннего (российского) характера. И хотя основные параметры двух регионов не меняются, глобальные изменения мирового порядка и в расстановке политических сил, в переносе акцентов с политики на экономику, с одной стороны, и коренные изменения в обществе российском, с другой, постепенно меняют место Беларуси в системе мировых координат...

Нам говорят: нет природных ресурсов. Но кто сегодня лидирует в мире? Ныне все передовые правительства понимают, что главный ресурс для развития страны – это не сырье, не возможности хозяйства, а люди. Если в стране есть талантливые политики (которых нынешняя

власть изгнала либо посадила), предприниматели (их тоже посадили, либо удушили неимоверными налогами на содержание безумно раздутого аппрата, огромного количества милиции, абсолютно не нужной армии), экономисты (у нас в почете не рыночники, а экономисты Госплана СССР), ученые (с развалом ВПК в Беларуси не стало имен в точных науках), высококвалифицированные специалисты, то к услугам такой страны все природные богатства планеты...

Беларусь может достойно представлять себя в европейском и мировом сообществах. Для этого следует жить в своем доме, а не заглядываться на Кремль. Тогда, может, и Кремль образумится. Беларусь может стать реальным членом этих сообществ как суверенное государство, и от этого братство славянских, да и других народов, только выиграет. Вопрос в другом – готов ли народ Беларуси к этому?

Одна из главных причин множества проблем, которые возникают у Беларуси, – трудности взаимоадаптации с внешним миром, в основе которых лежит нередко невежество, нежелание учиться и неготовность учитывать образ мышления и манеру поведения своих партнеров... Ведь Россия – это не только европейская, но и азиатская часть. Если русские, ■ основном, как и белорусы принадлежат к ортодоксально-христианской культуре, то что говорить об интеграционных процессах с конфуцианско-буддистской восточноазиатской Россией. Это тем более сложно, потому что нравственные ценности нашей цивилизации, с одной стороны, размыты идеями большевизма, с другой – засорены псевдоидеалами западной, т.н. массовой культуры, а в восточно-азиатском регионе России набирают силу процессы, именуемые „азиатизацией Азии", основанные на стремлении защитить свои исконные ценности...

Одним словом, если исходить из формирующейся системы геополитических координат, экономическая интеграция (но не подписание договора!) Беларуси и России крайне трудна, политически проблематична, а по части единения культур – нереальна. А вот сам факт интеграции в будущем – возможен. В далеком и сытом будущем".

Александр Канкрин.

„Белорусская деловая газета", 28.XI.1999.

СОЮЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

„Данные социологических опросов, проводимых в России, свидетельствуют о том, что создание единого белорусско-российского государства поддерживает 70 % россиян. Однако белорусское общество не столь единодушно, заявил в интервью „Интерфаксу" заместитель

директора Независимого института социально-экономических исследований (НИСЭПИ) Юрий Дракохруст.

В ходе проведенного НИСЭПИ исследования было опрошено 1507 человек. Как и в предыдущих опросах, проведенных в 1999 г., респондентам задавался вопрос о голосовании на гипотетическом референдуме об образовании единого государства. В марте за объединение высказывались 41,8 % опрошенных, в июне – 54,9 процента, в ноябре – 47 процентов. Против объединения в марте проголосовали бы 40,4 , в июне – 31,1, в ноябре – 34,1 процента.

По мнению политолога, рост числа сторонников объединения с марта по июнь 1999 г. можно объяснить „югославским синдромом": белорусское общественное мнение, испуганное войной на Балканах, качнулось в сторону России. С июня по ноябрь изменения были прямо противоположными: число сторонников объединения уменьшилось, а число противников – увеличилось. Причем, это произошло несмотря на то, что ноябрьский опрос проводился ■ самый разгар очередной интеграционной кампании, когда государственные средства массовой информации усиленно убеждали граждан в благотворности объединения. „Активная рекламная кампания обычно увеличивает спрос на товар. Поскольку в данном случае этого не произошло, значит, имеются другие факторы, резко охлаждающие объединительные процессы", – подчеркнул Ю.Дракохруст. Более 52 процентов опрошенных выразили опасение, что в случае объединения с Россией белорусам придется воевать в „горячих точках" вроде Чечни. Более 63 процентов считают, что террористы могут распространить свою деятельность на территорию республики. „Таким образом, „югославский синдром" сменился „чеченским", оказавшим на общественное мнение прямо противоположное воздействие: несмотря на все уверения властей, большинство белорусов опасаются, что в случае объединения им или их детям придется ехать на российскую войну, еще большее число опрошенных не исключает, что война в виде террористических актов может „приехать" к ним", – отметил политолог.

Вместе с тем он подчеркнул, что само решение российского правительства начать боевые действия в Чечне белорусы оценивают скорее позитивно. Белорусы считают чеченскую войну чужой и не хотят участвовать в ней, но сама по себе она не вызывает у них единодушного осуждения.

Несмотря на то, что за объединение с Россией высказывается внушительная часть опрошенных, отношение белорусского общественного мнения к этой проблеме весьма противоречиво. Как показывают данные опроса, государственный суверенитет Беларуси является ценностью не только для „кучки националистов", но и для боль-

шинства, в том числе и для приверженцев политики главы белорусского государства и даже для сторонников объединения с Россией. Более 65 процентов респондентов видят Беларусь суверенным, независимым государством. При этом 43,8 процента готовы голосовать на выборах президента за Лукашенко, а 47 процентов – за единое государство.

Резко снижается доля сторонников объединения Беларуси и России в одно государство, когда участникам опроса предлагается „меню", т.е. набор различных вариантов взаимоотношений двух стран. За добрососедские отношения двух независимых государств выступают 42,4 процента респондентов. За союз независимых государств – 33,4 процента. За объединение в одно государство – 21,8 процента опрошенных.

Ю.Дракохруст не исключил, что „говоря о желании объединиться с Россией, люди на самом деле имеют в виду не соединение с ныне существующей соседней страной с ее радостями и горестями, успехами и проблемами, а нечто иное". Согласно данным исследования, положительно к восстановлению СССР относятся 38 процентов участников опроса. Вместе с тем число людей, высказывающихся за восстановление СССР, за два года существенно уменьшилось (в декабре 1997 г. „за" высказывалось 49,9 процента). „Приходит понимание, что прошлое, как его ни оценивай, вернуть невозможно", – считает политолог".

Open. by, 7.XII.1999.

СОЮЗ НА „АВОСЬ"

„Несомненно, промысел Божий способствует благим делам. Во всяком случае, в этом уверен один из высших иерархов Русской православной церкви, председатель Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Речь идет о том, что договор о создании Союзного государства России и Белоруссии будет подписан 8 декабря, именно в том день, когда 8 лет назад были подписаны Беловежские соглашения. „8 декабря развалили, 8-го и подписывают. Может быть, Господь и бронхит наслал (на Ельцина.–А.Д.), чтобы какое-то даже хронологическое подчеркивание было важности того, что происходит", – сказал митрополит.

Сомневаться в этом как-то даже и неловко. Начальнику Отдела виднее, он ближе к Всевышнему.

Поговорим о сомнениях земных по части будущего Союзного государства. Вот, например, накануне сакральной даты подписания

вышеозначенного договора, 7 декабря, вице-премьер Белоруссии Леонид Козик доложил своему президенту г-ну Лукашенко о достижении ряда договоренностей и соглашений, подписанных между Белоруссией и РФ, в частности, „о создании равных условий деятельности субъектам хозяйствования, равных прав граждан и т.д."

Если в Минске под „условиями деятельности субъектов хозяйствования" имеют в виду те, к которым призывал присоединиться россиян Александр Лукашенко в своем незабываемом выступлении в Госдуме России месяц назад, то – слов нет – все в Белоруссии готово. Напомню, что белорусский батька устыжил Россию, что она ползает на коленях перед МВФ, „перед этим жульем", и вымаливает кредиты вместо того, чтобы покрыть свои долги перед Западом продажей пары ракетных комплексов С-300.

Однако у российских экономистов, все последние годы занимавшихся проблемами российско-белорусского союза, несколько иное отношение к этим „условиям хозяйствования" и к экономическим перспективам Союза. В долгосрочном плане, говорят они, Союз, безусловно, выгоден России, она получает транзитный выход в Западную европу. Особенно если учесть, что в этом направлении как-то не вяжутся отношения с Украиной. И тогда, при работающем Союзе, Россия могла бы, наконец, вкладывать средства в обустройство нормально функционирующей границы с Польшей. Выгодность географического коридора с Белоруссией очевидна и в случае прокладывания новых ниток нефте- и газопроводов на Запад.

Но если Россия станет вкладывать в это серьезные средства, можно ли быть уверенным, что Союз с Белоруссией – навсегда? Договор в его нынешней форме, считают эксперты, не дает таких гарантий. Во-первых, потому, что с точки зрения международного права термин „союзное государство" – нечто непонятное. Новое государство не создается. Каждое из них – и Россия и Белоруссия – остается полностью суверенным, с набором своих полномочий. Какой-либо надстройки не будет. К счастью. Нелепо было бы на равных объединять Россию и Белоруссию. Но если бы Белоруссия вошла в состав РФ, пусть с оговорками, скажем, касательно запрета на военную службу белорусов в горячих точках России, то, как чисто по-женски заметила одна из дам-экономистов, из состава России Белоруссии выйти было бы не так просто..."

Договор же в его нынешней форме позволяет следующему президенту Белоруссии лет через пять заявить о пересмотре его условий – тогда все материальные усилия России оказываются тщетными... Не говоря уже о том, что нынешняя легитимность президента и парламента Белоруссии с точки зрения западных институтов весьма

сомнительны. Договор, таким образом, это всего лишь декларация о намерениях.

Теперь о самих пресловутых „условиях хозяйствования субъектов". Для наших субъектов белорусские условия даром не нужны, поскольку российские предприятия не полезут туда, где отсутствует рыночная экономика", – говорят российские экономисты. Наоборот, это российские условия выгодны для белорусских субъектов, поскольку они получают не только низкие внутрироссийские цены на энергоносители, но и полный набор прав субъекта в рыночной экономике, несмотря на высокие российские налоги и приличную степень хаоса.

Поэтому надо стремиться к выравниванию хозяйственных законодательств. Не Лукашенко должен приезжать в Госдуму и учить Россию, как жить, а мы от него должны требовать не вмешиваться в дела колхозов и предприятий путем упрятывания в тюрьму строптивых руководителей, позволяющих себе самостоятельность, заставить его вместе с нами пытаться делать нормальную рыночную систему.

Точно так же, как добивалась Западная Европа подтягивания хозяйственных законодательств отсталых Испании, Греции и Португалии прежде, чем пустить их ■ Евросоюз. Те из них, кто стал „отличником" ■ этом ликбезе, – скажем, Испания – получил награду в качестве обширных иностранных инвестиций. А вот „двоечники", такие, как Греция, пожелавшая сохранить свои национальные особенности, превратились ■ „нахлебников" ЕС, весьма довольных получаемыми субсидиями. В нашем случае, говорят российские эксперты, важно не допустить подобной коллизии. А именно этого, утверждают они, ■ добивается команда Лукашенко: „Мы хотим брать от вас по вашим внутренним ценам нефть и газ, а вы должны брать у нас по нашим ценам трактора и холодильники". Именно такую цену предлагал Минск, когда обсуждалась с Москвой схема платежного клиринга. Но если Россия продает ликвидный товар, то и покупать имеет право ликвидную продукцию. „А кому мы тут навяжем эти трак-тора? Если они кому нужны, так их и сегодня всякий купить может", – говорят россияне.

Поэтому самое перспективное направление – это сельскохозяйственная продукция Белоруссии, действительно дешевые картошка, масло, яйца... Но весь фокус в том, чтобы и самим не умереть с голоду, отдавая продукты в Россию. Иначе в Минске смогут повесить на Москву все свои перебои ■ этом секторе – все, мол, в Россию вывезли. Единственный выход здесь – прямые заказы российских субъектов, скажем, Москвы или Петербурга, на эту продукцию.

Теперь о кредитно-финансовой сфере. Слава Богу, улеглась эйфория относительно того, что соответствующая система будет создана уже завтра. Принято принципиальное решение: это займет несколько лет.

Правильно и другое решение – должен быть создан единый эмиссионный центр, и им будет Банк России. Но что это означает для Белоруссии? Не надо прятать голову в песок: Минск потеряет свой валютный суверенитет. Ничего страшного в этом для Белоруссии нет.

В 1922 году Бельгия и Люксембург создали экономический союз, в результате чего Люксембург остался без национального банка. Люксембург все эти годы не только жил гораздо лучше, чем Бельгия, но и был самой процветающей страной Западной Европы. Что стало возможным при одном условии: Люксембург всегда имел положительное сальдо своего бюджета.

Это самый деликатный момент в наших переговорах с Белоруссией. Если она начнет увеличивать дефицит своего бюджета, не согласовывая это с Россией, то денежная система последней будет неминуемо подорвана. Здесь очень важно не допустить кредитования экономики за счет денежной эмиссии. Когда в Западной Европе вводилась единая валюта, был введен жестокий запрет на подобную практику. В Белоруссии же нет 100-процентного запрета на подобное кредитование, там свободно печатают „зайчики" и накачивают ими совхозы и предприятия. Теперь этому должен быть положен конец, что будет болезненно для нынешней политики социального популизма, широко применяемой в Минске.

В любом случае, подписываемый 8 декабря договор в целом не препятствует нормальной интеграции, но в то же время и не закрепляет, не детализирует методы ее реализации. Европейцы ■ подобных документах прописывают все до последней запятой. Мы же всегда подписываем „на авось", надеясь все согласовать позже.

„На авось" и будем жить в этом Союзе. Пока сам не развалится – в какое-нибудь следующее 8 декабря".

Аркадий Дубнов.

„Время МН", 8.XII.1999.

НЕРАВНЫЙ БРАК

„Вокруг даты подписания действительно велась некая игра. Но так ли она сложна, как предполагают некоторые? Ведь скорее всего для Бориса Ельцина сегодня куда важнее знаковое совпадение двух дат: именно 8 декабря восемь лет назад в резиденции Вискули в Беловежской пуще были подписаны документы, оформившие уже свершившийся к тому времени естественный распад СССР. А сейчас, накануне президентских выборов в России, завершающих эпоху Бориса Ельцина, первый президент России красиво входит в историю, „восстанавливая справедливость" (по словам Александра Лукашенко).

Договор с Белоруссией для Бориса Ельцина равноценен разрушению Берлинской стены для Михаила Горбачева – с этим (а не с войной в Чечне) он хотел бы войти в историю XX века.

Торжество в Кремле, которое состоялось 8 декабря, уже оказало значительное влияние на политическую жизнь России. В первую очередь обозначилась новая проблема, которая даст о себе знать, впрочем, не сразу. Речь идет об открытом недовольстве подписанием договора с Белоруссией, которое немедленно проявили главы нескольких республик в составе России, претендующих по разным причинам на особое положение. Наиболее жестко высказались президенты Татарии Минтимер Шаймиев и Ингушетии Руслан Аушев, полагающие, что статус возглавляемых ими автономий должен быть повышен до статуса Белоруссии. В менее резкой форме эту позицию поддерживает и глава Башкирии Муртаза Рахимов. Между тем вряд ли стоит преувеличивать опасность этой проблемы: сейчас не 1992 год, когда все брали самостоятельности столько, сколько могли унести. Сейчас существует множество способов договориться с Минтимером Шариповичем, не говоря уже о Руслане Аушеве.

Преувеличена и опасность „карьерного взлета" Александра Лукашенко на российской политической сцене – особенно на фоне взлета популярности Владимира Путина. Естественные политические союзники белорусского батьки – коммунисты. Но попытка выдвинуть Александра Григорьевича на грядущих президентских выборах закончится, во-первых, „поеданием" им российских коммунистов, во-вторых, быстрой консолидацией подавляющего большинства влиятельных политических сил против „красной угрозы" вообще и лично Лукашенко как прямой и явной угрозы сложившейся российской общественно-политической практике. А как бороться с прямой и явной угрозой – подскажет опыт президентской кампании 1996 года. Не говоря уже о добром десятке чисто юридических возможностей не допустить Лукашенко к российским выборам...

Что же касается экономических результатов договора с Белоруссией, то вряд ли они будут однозначно положительными или полностью отрицательными.

„Это конец?" – спросил Борис Ельцин своих помощников, запнувшись при чтении своей речи на церемонии в Кремле. Его успокоили, показав, откуда читать дальше. Однако это действительно начало конца великой эпохи перемен имени Бориса Ельцина, медленно и торжественно удаляющейся на страницы будущих учебников..."

Евгений Крутиков.
„Известия", 9.XII.1999.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ БЕЛОРУСОВ

Вот и подписали этот несчастный, никому не нужный союзный договор, на который „бабок" и нервов угрохали немерено, а толку будет – ноль. Белорусский пенсионер так и помрет, не увидев хрустящий российский рубль, белорусская женщина так и не поверит в то, что сын ее ни при каких обстоятельствах не пойдет служить в Чечню, белорусский „вертикальщик" так и не приравняется к российскому по значимости, белорусский оппозиционер так и останется на площади в абсолютном меньшинстве по сравнению с количеством милиции, а белорусский президент при всех своих амбициях так и не возвысится над своей маленькой страной до российских масштабов.

Я злорадствовала, конечно, когда в первый раз отменили подписание договора. Особенно приятно было, что Борис Ельцин заболел только для Лукашенко – для Кучмы оказался вполне здоровым. Однако здоровое злорадство по поводу в очередной раз униженного президента в конце концов сменилось печальным пониманием: ребята, это не его, это нас всех „опускают". Ничего не поделаешь: образ Лукашенко уже настолько въелся в сознание соседей, что нас всех начинают воспринимать сквозь эту искривляющую нормальный взгляд призму. Мы, к сожалению, оказались не [redacted] состоянии удержать Лукашенко от этой роковой ошибки – полезть без мыла в союз с Россией, когда Россия хотела всего лишь „чуть-чуть забеременеть": подписать, но не всерьез. Ему слишком захотелось стать своим среди чужих – а это всегда и чужих, и своих здорово напрягает. И теперь, если Лукашенко не пускают [redacted] Москву – „иди еще погуляй, мальчик, взрослым дядям пока не до тебя, подожди в коридоре, а лучше постой на улице, мы тебя позовем, когда понадобишься", – то тень от этого падает на каждого из нас. И нам с каждым днем все труднее и труднее становится доказывать, что мы еще все-таки пытаемся быть народом и к нам можно прикасаться не только брезгливо, носком ботинка, но и [redacted] рукопожатии. Лукашенко разлил то самое масло, по которому скользим сегодня все мы. И, радуясь вечно униженному состоянию вождя, мы не осознаем, что выглядим ненамного лучше.

Хотя чем мы на самом деле лучше? Много ли народу вышло на улицу 17 октября? Вместо обещанных ста тысяч – двадцать. И те двадцать тысяч в равной пропорции – оппозиционеры, гэбисты, менты, пограничники, совбезовцы. Так что делите еще на пять. Останется – четыре тысячи. А много вышло 24 ноября? А позавчера, когда подписывали договор? Иногда мне кажется, что единственный человек, являющийся носителем этой самой национальной гордости, – Валерий Щукин. Им, действительно, может гордиться страна. Именно из таких,

как Щукин, во время Отечественной войны получались дважды и трижды Герои Советского Союза, которые бесстрашно кидались в атаку первыми. Окажись Щукин на той войне – он непременно стал бы трижды Героем. Если бы выжил, конечно. Впрочем, он бы вряд ли выжил...

Совершенно невозможная жизнь, так не бывает. Лукашенко заботливо придерживает под локоток пошатнувшегося во время произнесения речи Ельцина, и тот нехотя заканчивает речь. Ему – Лукашенко – это наверняка противно. Он понимает, что над ним смеются. Поэтому здесь, в родной стране, он поступает так, чтобы противно было другим.

Мне невыносимо видеть, как боевой генерал Сиваков при упоминании на коллегии силовиков своего имени встает по стойке „смирно" перед майором-резервистом, которого – уверена – он в глубине души презирает. Но – стоит. Пока ему милостиво не позволят сесть. Хотя по логике вещей должно было быть – совсем наоборот. И, преисполненный решимости бороться с коррупцией, генерал с легкостью отказывается от намерений, едва ткнув шваброй в осиное гнездо, в котором попахивает руководством прокуратуры, и получив щелчок по носу – не лезь, борись с коррупцией на районном уровне, не выше.

Мне невыносимо слышать, как спикер Верховного Совета отказывается ехать на похороны матери из-за боязни ареста. А у матери, рано овдовевшей, он был один. Ее похоронили без него. Спикер вроде как сохранил себя в безопасности ради страны, ради Конституции, ради нас с вами. Но на фига нам такой лидер – с совестью, которая уже никогда не будет чистой, с грехом, который он взял на душу от простого страха? Чтобы и мы почувствовали себя такими же?

Нам, действительно, уже мало что осталось ради поддержания хилого чувства собственного достоинства. Единственное, что мы еще иногда можем себе позволить, – это несанкционированное мочилово с ментами. Да и оно как-то все больше и больше напоминает менуэт...

Ирина Халип.

НЕСМИРИВШИЕСЯ

В среду минчане, протестуя против подписания договора между Беларусью и Россией о создании союзного государства, дважды выходили на улицы и перекрывали центральный проспект. Тогда же был сожжен и российский флаг. Впрочем, очевидно, что акции, как и сам факт подписания договора, готовились в спешном порядке. И кроме членов БНФ и рядовых граждан, никто из сколько-нибудь

заметных оппозиционеров участия в мероприятиях, походивших скорее на акт отчаяния, не принял. Зато вновь отличились силовые структуры: были задержаны зампредседателя БНФ Вячеслав Сивчик, коммунист и депутат ВС Валерий Щукин, поэт Славомир Адамович. Всего, согласно информации пресс-службы ГУВД Мингорисполкома, 10 человек.

Как мы уже сообщали, в среду утром около пятидесяти человек перекрыли центральный проспект Минска в районе площади Я. Коласа. Таким образом белорусские граждане мирно протестовали против подписания Александром Лукашенко белорусско-российского договора. Руководил акцией Вячеслав Сивчик. Тогда же он сообщил, что на пять часов вечера намечена новая акция. В 17.05 при выходе из управы БНФ Сивчика задержали люди в штатском. По свидетельствам очевидцев, задержание происходило следующим образом: по разным данным, от десяти до пятнадцати человек в гражданской одежде с криками „Спокойно, милиция!" налетели на Вячеслава и его сопровождающих. При задержании была применена грубая физическая сила, проще говоря – людей били. Сивчика же усадили ■ „Жигули" красного цвета и отвезли сначала в РОВД Советского района, а затем – ■ приемник-распределитель по ул. Окрестина. Примерно тогда же сотрудниками милиции были схвачены еще два представителя БНФ, направлявшиеся на пл. Я.Коласа. Очевидно, что, задержав заместителя председателя БНФ, правоохранительные органы „обезглавили" акцию, чем и объясняется вялотекущий характер вечернего мероприятия.

Примерно ■ 17.25 собравшиеся на пл. Я.Коласа люди, развернув транспарант „Лес Бацькаўшчыны ў тваіх руках", направились к тому пешеходному переходу, где утром был перекрыт проспект. Дождавшись зеленого света светофора, сдерживаемые милицией, они ринулись на проезжую часть. Однако успели перекрыть лишь половину проспекта, поскольку с противоположной стороны моментально выскочило более десятка милиционеров, которые оттеснили людей на тротуар. Впрочем, на некоторое время движение транспорта на проспекте было все-таки парализовано. К слову, среди прочих свистевших и махавших полосатыми палками „гаишников" был замечен и начальник управления ГАИ города Сидореня.

Однако в отличие от утренней акции, когда милиция оказалась явно не готова к подобному развитию событий, вечером силовые структуры находились в полной боевой готовности: на площади дежурили два зашторенных автобуса с милицией, присутствовало множество сотрудников ГАИ и оперативников, ведших видеосъемку. Однако люди не расходились. Демонстративно сожгли российский флаг, спели «Пагоню», а затем с плакатами „Позор предателям родины", „Нет союзу

Беларуси и России", выкрикивая „Жыве Беларусь!", направились по тротуару в центр города. По ходу движения их сопровождали несколько десятков сотрудников правоохранительных органов.

В районе цирка милиционеры спешно натянули запретительную ленту. И тут же в десятке метров от нее против трех сотен безоружных граждан, большую часть которых составляли люди пожилого возраста, выстроились в две шеренги омоновцы – в шлемах, со щитами и дубинками. Однако в считанные секунды кто-то сообразил, что с обнаружением сюрприза в виде „космонавтов" омоновское начальство явно поспешило, поэтому тут же была дана команда „назад". И омоновцы, пятясь, стали прятаться во двор. При этом некоторые, вероятно, перенервничав, оступались и падали. Таким образом, „игры в войнушку" на этот раз не получилось.

Тем временем участники акции в центр города не пошли, а повернули к цирку. Здесь они задержались уже надолго. И тогда же произошел инцидент с оперативниками, ведшими видеосъемку, – их едва не поколотили. Однако милиционеры отстояли коллег. На этом какие-либо активные действия с той и другой стороны были завер-шены.

Аналогичные акции протеста проходили ■ этот день в Бобруйске, Борисове, Бресте, Гродно, Могилеве, Слуцке, Солигорске и еще очень многих белорусских городах и селениях.

Сергей Шапран.

„Белорусская деловая газета", 10.XII.1999.

ФОРМУЛА ОБЪЕДИНЕНИЯ

„Опасения насчет того, что 9 декабря Беларусь станет частью России, не оправдались. Но впереди новые надежды (и новые опасения) – нынешний договор, как и следовало ожидать, объявлен предварительным, подводящим базу под будущее полное, окончательное и т.д. объединение.

Анатолий Чубайс, сказавший на следующий день после подписания договора, что реальное объединение может быть только вхождением Беларуси в Россию, не был одержим ни имперским комплексом, ни ненавистью к интеграции и ее воплощению – главе белорусского государства. Он лишь повторил применительно к политике помянутый выше математический принцип: одно государство – одна клетка, где статус кроликов определяется силой и проворством, а не прожорливостью каждого. Быть и в клетке, и за ее пределами доступно лишь сверхъестественным существам, к коим ни белорусы в целом, ни лучшие их представители не относятся.

Бумаги, подписанные в Москве 8 декабря и ратифицированные на этой неделе, не предоставили лучшему представителю белорусского народа ровным счетом никаких юридических возможностей претендовать на Кремль. Впрочем, в данный момент рваться туда ему не посоветовал бы самый его искренний доброжелатель – президентский рейтинг Владимира Путина перевалил за отметку 40% и стал сопоставим с рейтингом в Беларуси „всенародно, но давно избранного". Конечно, за полгода этот рейтинг Путина могут обрушить и чеченцы и думцы, и многое другое, да и сам нынешний хозяин Кремля может предпринять очередную „рокировочку". А вдруг дело дойдет до того, что из пыльного загашника вытащат „надежную схему" – „Ельцин – президент Союза"? Тогда можно и в общую клетку, на гарантированное место преемника.

Однако даже эту весьма гипотетическую схему белорусский лидер умудрился испортить, слишком явно продемонстрировав свои устремления... Признаки приближающегося скандала можно усмотреть уже сейчас. 8 декабря было объявлено, что первым главой нового то ли союза, то ли уже союзного государства станет Борис Ельцин. Однако уже 9 декабря после встречи с Владимиром Путиным Лукашенко пояснил, что ничего еще окончательно не решено, что нужно дождаться ратификации и что вообще – куда важнее пост председателя исполкома, на котором белорусская сторона хотела бы видеть Владимира Путина. При этом белорусский правитель напомнил, что по обычаю Высший совет и исполком возглавляют представители разных стран. Иными словами желание Лукашенко видеть Путина на посту председателя исполкома есть не что иное как бесхитростное желание видеть во главе союза себя любимого... Зерно будущего скандала уже заложено.

И не одно. В середине нынешнего года Лукашенко согласился на то, чтобы единой валютой союзного государства был российский рубль. Знакомые с тем, как союзник обращается с печатным станком, россияне вздохнули с облегчением. Однако буквально через неделю узнали, что печатать российские деньги будут не россияне. „А кто?"–удивлению не было предела. „А вместе" – был ответ.

Может, при подготовке договора и расписанной по годам программы его реализации по этой проблеме удалось все же прийти к согласию? Ничуть не бывало. Лукашенко очень популярно разъяснил это на пресс-конференции сразу после подписания духоподъемных документов. То есть общую валюту создавать согласились и торжественными клятвами это братское согласие скрепили, а вот какую валюту создавать и как – пока не решили. Так что ждать очередного „семейного" скандала осталось недолго.

... Декларируемая цель никогда не будет достигнута, однако эта истина не отменяет побочных последствий процесса, подчас весьма неприятных. Намек Лукашенко на то, что проблема возвращения ядерных ракет в Беларусь может и возникнуть, прозвучал зловещим эхом стука „ядерного башмака" Ельцина в пекине. Объединения нет как нет, а вот энтузиазм, возникший в России по поводу этого виртуального события, выглядит страшновато. Яркий пример – заявление министра по делам национальностей России Михайлова, который, приветствуя договор, выразил уверенность, что в скором времени к союзу присоединятся Украина, Казахстан и Молдова, потому что „там живет много русских". В обычных условиях подобные речи квалифицируются как подстрекательство, но в светлый праздник объединения чего не скажешь. И не сделаешь. Например, перекроешь подачу в Украину газа и электроэнергии. Если не удастся таким способом Украину „подтащить", по выражению Лукашенко, к союзу, так хоть просто за чуб потаскать.

С Западом Россия поссорилась самостоятельно. Но еще немного обострить этот конфликт объединение вполне может. И не прирастанием силы русского оружия за счет могучих белорусских ратей, а психологически, порождая у россиян иллюзию, что часы истории можно открутить на 8 и более лет назад.

Ну а применительно к Беларуси формула объединения проста, как дважды два, – успехи на интеграционном поприще с неумолимой неизбежностью ведут к тому, что на нашу белорусскую клетку ставят новые решетки".

Юрий Дракохруст.

„Белорусская деловая газета", 15.XII.1999.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не знаю, не предполагаю, какая картина сложилась у читателя после того, как отзвучало это многоголосие... Наверное, не самая оптимистическая. Но сами белорусские проблемы, видимо, стали понятнее. Исключительна ли судьба Беларуси в современном мире? Есть ли еще народы, которым так же, как и белорусам, трудно обрести утраченную историческую память, выбраться из-под груза советского прошлого, поверить в собственную созидательную национальную силу и сбросить ярмо диктатуры? Полагаю, что при некоторых различиях похожий на белорусский путь проходят наши ближайшие соседи – русские и украинцы. Да и другим народам ■ одночасье рухнувшей советской империи более чем знакомо все то, с чем сталкиваются, с чем живут сегодня белорусы.

Что дальше? Советов и поучений и у себя дома и из-за рубежа мы слышим более чем достаточно. Внимательно следящий за событиями в нашей республике немецкий публицист Клаус Бахман, работающий в Польше, считает, к примеру, что прежде чем заняться недавними выборами президента оппозиции следовало бы завоевать души людей. Поскольку Лукашенко продолжает пользоваться поддержкой большинства наших граждан. А что значит завоевать души большинства? Организовать подпольные университеты, как это было в Польше времен КОС-КОРа и „Солидарности"? Наладить массовый выпуск подпольных же и все разъясняющих изданий?

Но у нас не Польша с ее давними традициями борьбы за независимость. У нас Беларусь конца XX столетия. Десятимиллионная республика с довольно суровым авторитарным режимом. Мы не боролись за независимость. Она упала на наши головы совершенно неожиданно. В результате распада большого государства. Демократизация пошла сверху. И сверху же была прервана. И что оставалось тем, кто не смирился с утратой национального достоинства и демократических

принципов? Конечно же, использовать в качестве основного орудия то, что все-таки успели заложить в первые годы существования суверенной Беларуси, прежде всего Конституцию 1994 года. Борьба опять идет сверху, а не снизу. Снизу, в основном, наблюдают. А наверху несут потери немногочисленные демократы. В этом специфика белорусского процесса.

Демократы надеятся, что народ не выдержит экономических тягот, и тогда они получат массовую поддержку. Но наш народ очень терпелив, порой кажется, что это терпение просто безгранично. Наверное, так оно и есть... Но при оценке нашей ситуации следует прежде всего иметь в виду, что и советская наша история еще не закончилась. Мы еще помним ту, „дораспадную" жизнь. Она была непригожа и даже порой страшна и уж, конечно, несправедлива, но это была наша жизнь, по-своему понятная, в которой люди как-то приспособились, пристроились, поняли, что называется, правила игры. А в нынешнем хаосе – ничего не понять.

Так что же дальше? Стагнация? Умирание? Надежды на новый – белорусско-российский – Союз? Да нет никаких особых надежд и на эту лукашенковскую приманку. Наши люди уже слишком много повидали за последние полтора десятка лет. Нет веры никому... И это нормально. Народ устал. Он не может годами жить на площади, на митинге. Ибо это ненормальная жизнь. Но и в этой ненормальной жизни происходит накопление некоего опыта. Когда он, этот опыт, заговорит – трудно сказать...

Но есть одно ощущение, с которым трудно расстаться составителю этой книги. Белорусская история, несмотря на всю ее древность, о которой с жаром любят рассуждать наши национал-патриоты, на самом деле только начинается. Менее десяти лет, если считать от провозглашения суверенитета, это крошечный по сути отрезок времени. Мы только начинаем узнавать, познавать самих себя. Мы только начинаем учиться различать главное и второстепенное. Мы только учимся трудному на самом деле отделению добра от зла. Наука эта стоит многих жертв. Но бывают ли свобода, независимость без жертв? То, что упало на нас с неба в конце 1991 года, требует жертв сегодня. Нет пока массовых – в сталинском духе – репрессий. Но есть уже тысячи прошедших через лукашенковские суды и тюрьмы, есть сотни избитых, униженных и оскорбленных. Есть ушедшие из жизни и томящиеся в застенках. Есть люди, исчезнувшие без всякого следа. И – самое главное – есть те, для которых демократическая Беларусь не мечта, а цель жизни.

Такова сегодня белорусская действительность. Наша новейшая история. Так формируется новейшая память народа. А память – это то, что объединяет, то, что делает из народа нацию...

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

(включены также имена героев интервью)

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1995–1996 годы

1997–1999 годы